

Макс Зильберт
Лев Гумилев. Теория этногенеза. Великое открытие или мистификация? (сборник)

**Лев
ГУМИЛЕВ**
теория
этногенеза
великое
открытие
или
мистификация?

*«Лев Гумилев. Теория этногенеза: Великое открытие или мистификация?»: Сборник статей/Сост. М. Зильберт.»: АСТ, Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербург; 2013
ISBN 978-5-17-077161-5, 978-5-9725-2409-9*

Аннотация

Ни один мыслитель не вызывал в России двух последних десятилетий таких ожесточённых дискуссий, как Лев Гумилев. От выражения восхищения и преклонения до грубого поношения – таково разнообразие реакций людей на его книги. Далеко не всегда дискуссия о его творчестве носит научный характер, нередко она сводится сторонниками и противниками к взаимным идеологическим и политическим обвинениям. Очевидно, огромный разброс мнений об этом учёном связан не только с различиями в восприятии разных читателей, но и с многогранностью и неоднозначностью самого его творчества, глубокой противоречивостью его личности.

В данном сборнике представлены наиболее интересные дискуссионные работы самого создателя теории этногенеза и его сторонников и оппонентов, начиная с 1970 года. Их темы можно разделить на две основные части: этнология и историография. Этнологическая часть, в свою очередь, делится на вопросы о сущности этноса и о пассионарности в этногенезе. Все тексты здесь расположены в хронологическом порядке в соответствии со временем их публикации. Сборник снабжен комментариями и большой заключительной статьёй составителя.

Составитель Макс Зильберт

Лев Гумилев. Теория этногенеза: Великое открытие или мистификация?: Сборник статей к 100-летию со дня рождения ученого

«Явление это (вспышки пассионарности – М. З.) имеет огромное, часто ключевое историческое значение, хотя до сих пор проходило для историков незамеченным. О причинах его можно и нужно спорить, но изучать его необходимо».

И. М. Дьяконов

От составителя

Ни один мыслитель не вызывал в России двух последних десятилетий таких ожесточённых дискуссий, как Лев Гумилев. От выражения восхищения и преклонения до грубого поношения – таково разнообразие реакций людей на его книги. Далеко не всегда дискуссия о его творчестве носит научный характер, нередко она сводится сторонниками и противниками к взаимным идеологическим и политическим обвинениям. Очевидно, огромный разброс мнений об этом учёном связан не только с различиями в восприятии разных читателей, но и с многогранностью и неоднозначностью самого его творчества, глубокой противоречивостью его личности.

Ценность научной теории определяется её способностью предложить непротиворечивое объяснение наблюдаемым явлениям, установленным научным фактам. Чем объяснить, например, что кочевники-бедуины, до того мирно пасшие верблюдов по Аравийской пустыне и игравшие минимальную роль на международной арене, в VII веке подняли знамя пророка и под ним победили в войне мощнейшую державу того времени – Византию, разгромили богатейшую империю Сасанидов и стали господствовать на огромных землях от Испании до Индии? Каким образом никому дотоле не известные и сравнительно малочисленные монголы в XIII в. смогли захватить всю Южную Азию и пол-Европы? В силу каких причин из крохотных государств

вырастали гигантские империи, как было, например, с древним Римом, Османской Турцией и Россией, выросшей из очень маленького в XIV веке Московского княжества? Как могло случиться, что лет 900 назад исламский мир, где процветали поэзия, философия, медицина, подвергся атаке свирепых и беспощадных фанатиков-крестоносцев из Европы, а сейчас можно наблюдать, как, напротив, просвещённый и материально обеспеченный Запад отчаянно противостоит массовому религиозному фанатизму исламского мира? Почему произошла смена ролей?

В динамике развития древнего Рима с конца VI в. до хр. э. до V в. хр. э. и Европы II тысячелетия можно наблюдать очень схожий алгоритм: сначала героическая эпоха, в первом случае приведшая к бурному росту государства, а во втором – к Крестовым походам, затем – расцвет экономики, науки и искусства, затем – постепенная депопуляция государстрообразующих этносов и заселение их территорий мигрантами. Нет ли здесь закономерности?

За последнее тысячелетие в Зап. Европе имело место несчётное количество войн. За что только не воевали – за власть, за территории, за мессу, против мессы, за «испанское наследство» и т. д.; Шотландия 7 веков назад вела с Англией ожесточеннейшие войны за независимость. И вот как всё изменилось: современные шотландцы разве что за кружками пива обсуждают, «какие они плохие эти англичане», а вопрос о пребывании Шотландии в составе Соединённого королевства может решаться лишь на референдуме, Германия лишилась многих своих земель, но воевать за их возвращение не собирается, католики и протестанты (за исключением Ольстера) исповедуют каждый свою веру, не мешая друг другу, большинство когда-то непримиримых врагов объединили ЕЭС и НАТО. Зачем же столько крови пролито? И почему раньше не могли договориться как сейчас?

Ответить на эти вопросы – задача поистине великая: на данный момент, как представляется автору этих строк, ни одна другая теория, кроме гумилевской, не способна этого объяснить. Даже такой непримиримый её противник, как А. Янов, в своей статье признавал «устрашающую» эрудицию её создателя и грандиозность задачи, которую он взялся решать. Насколько успешно решил, попробуем разобраться в заключительной статье сборника, познакомившись предварительно с мнениями разных учёных на этот счёт.

Все труды Льва Гумилева уже изданы огромными тиражами. Его имя часто используется в качестве бренда для издания прямо или косвенно связанных с этнологией произведений других авторов. Тем не менее, книги, где было бы представлены мнения о его творчестве самого широкого спектра – от С. Лаврова и Дм. Балашова до А. Кузьмина и А. Янова – до сих пор не было.

В данном сборнике представлены дискуссионные работы самого создателя теории этногенеза и его сторонников и оппонентов, начиная с 1970 года. Их темы можно разделить на две основные части: этнология и историография. Этнологическая часть, в свою очередь, делится на вопросы о сущности этноса и о пассионарности в этногенезе. Все тексты здесь расположены в хронологическом порядке в соответствии со временем их публикации.

Внимание молодых читателей стоит обратить на то, что, как правило, неуместные ссылки на «классиков марксизма-ленинизма», коими изобилует большинство статей, написанных до конца 1980-х гг., являются неотъемлемыми атрибутами той эпохи: без них тогда не мог обойтись ни один учёный-гуманитарий.

Составитель сборника выражает сожаление, что ему не удалось получить разрешение на публикацию статей Юлиана Владимировича Бромлея и Юрия Константиновича Ефремова от их наследников. Поскольку их труды представляются составителю совершенно необходимыми для раскрытия темы, они представлены в виде цитат в комментариях.

Статьи, вошедшие в сборник, снабжены редакторскими комментариями, помещёнными в конце книги. Комментированные слова и фразы помечены в текстах знаком «*» и порядковым номером¹.

Макс Зильберт

Л. Н. Гумилев. Этногенез и этносфера

Что такое этнос?

Есть много явлений природы, которые человек наблюдал веками, прежде чем задумался над их сущностью. Таковы физические феномены: свет, теплота, электрические разряды (молнии); химические: брожение, окисление; биологические: жизнь, смерть, наследственность, и многие другие. Сейчас развитие естественных наук позволило либо решить, либо подойти к решению проблем, связанных со многими явлениями, ранее только наблюдавшимися; проблема же, затронутая нами, до сих пор тонет в тумане.

В самом деле, допустим, в трамвай входят русский, немец, татарин и армянин, все принадлежащие к одной расе I порядка *1 (европеоидной), одинаково одетые, пообедавшие в одной столовой и едущие в один институт с одной и той же газетой под мышкой. Есть между ними различие или нет? Как для других людей, так и для них самих очевидно, что они не идентичны, даже за вычетом индивидуальных особенностей. Но в чем заключается разница, сказать нелегко. Об этом-то и пойдет речь в нашей статье.

Приведенный пример хотя и нагляден, но может создать впечатление, что проблема мизерна и не заслуживает внимания. Однако если мы переведем ее на канву всеобщей истории и глобальной географии, то обнаружим, наряду со спонтанным общественным развитием по спирали, локальные ритмы какого-то иного происхождения. На фоне мирового общественного процесса возникают то вспышки повышенной активности, то периоды застоя, иногда приводящие к полному исчезновению определенных групп населения. Так, в древности совсем рядом жили финикийцы, филистимляне и евреи, а почему-то уцелели только последние. Или еще: в Римской империи V в., при смене рабовладельческой формации на феодальную, в западной половине этнический состав населения изменился, а в восточной, наоборот, сохранился еще на тысячу лет. Социальное развитие и процесс этногенеза в данном случае не совпали. А когда феодализм в Европе сменился капитализмом, большая часть существовавших народов стала, по принятой ныне терминологии, нациями, оставаясь на своих местах. Просмотрев всю мировую историю, мы заметим, что совпадение смены формаций и появления новых народов – исключение, тогда как в пределах одной формации постоянно возникают народы, очень непохожие друг на друга. Возьмем для примера XIII в., когда феодализм процветал от Атлантики до Тихого океана. Разве похожи были французские бароны на свободных крестьян Скандинавии, на рабов-воинов – мамлюков Египта, на буйное население русских вечевых городов, на китайских землевладельцев империи Сун? Сходным у всех у них был способ производства, но в остальном между ними было мало общего. Язык, религия, искусство, образование – все было непохоже друг на друга, но в этом разнообразии не было беспорядка: каждый стиль жизни был достоянием определенного народа.

Бывает и так, что один народ переживает несколько формаций. Например, русский этнос, сложившийся в эпоху феодализма, пережил не только его, но и капитализм, вступив в

---

¹ Орфография, пунктуация и библиография – те же, что и в изначальных изданиях. *Прим. ред.*

следующую формацию – социализм. Соотношения этносов менялись с течением веков: одни из них исчезали, другие появлялись, и этот процесс в советской науке принято называть этногенезом. В мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не равнозначно совпадению, а тем более единству. Всемирный исторический процесс един, но факторы его различны, и наша задача заключается в том, чтобы выделить феномены, непосредственно присущие этногенезу, и, тем самым, уяснить себе, что такое этнос и какова его роль в жизни человечества.

Условимся о значении терминов. Греческое слово «этнос» имеет в словаре много значений, из которых мы выбрали одно: «вид, порода», подразумевается – людей. Для нашей постановки темы не имеет смысла выделять такие понятия, как племя или нация, потому что нас интересует тот член, который можно вынести за скобки; иными словами – то общее, что имеется и среди англичан и среди масаев, и у древних греков и у современных цыган. Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру 1. Это выделение характерно для всех эпох и стран; эллины и варвары; китайцы (люди Срединного государства) и ху (варварская периферия); арабы-мусульмане во времена первых халифов и «неверные»; европейцы-католики в средние века и нечестивые (в том числе греки и русские); «православные» (в ту же эпоху) и «нехристи», включая католиков; туареги и нетуареги; цыгане и все остальные и т. д. Явление такого противопоставления универсально, что указывает на его глубокую подоснову, сущность которой нам предстоит вскрыть. Это поможет построить этническую историю человечества, как уже построены социальная, культурная, политическая, религиозная и многие другие. Разработка же этнической истории имеет немалое практическое значение, так как на примере минувшего помогает вернее разобраться в стихийном развитии антропосферы 2, а также в межэтнических коллизиях, которые возникают и, вероятно, еще долго будут возникать. Поэтому наша задача заключается прежде всего в том, чтобы уловить принцип и механизм процесса 3.

Попробуем раскрыть природу зримого проявления наличия этносов – противопоставления себя всем остальным: «мы» и «не мы». Что рождает и питает это противопоставление?

Не единство языка, ибо есть много двуязычных и трехязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке. Так, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском (бретонцы), баскском и провансальском, причем это не мешает их этническому единству. Известно, что наполеоновский маршал Мюрат или исторический д'Артаньян были гасконцами, а поэт Шатобриан – кельтом. С другой стороны, мексиканцы или боливийцы говорят по-испански, но они не испанцы, янки говорят по-английски, но они не англичане. На арабском языке говорит несколько разных народов.

Итак, хотя в известных случаях язык может служить индикатором этнической общности, не он ее причина. То же самое можно сказать про культуру, идеологию, экономические связи и даже про общность происхождения, которая никогда не бывает монолитной. Каждый этнос когда-то возник из сочетания двух и более составляющих компонентов, которые, сливаясь, образуют целостность, но с определенной внутренней структурой.

Этнографические и языковые особенности не мешали ванзейским кельтам сражаться во времена французской революции за бурбонские лилии, причем вместе выступали полудикие бретонцы и вполне просвещенные обитатели низовий Луары. Гасконские бароны добивались маршальских жезлов в армии французских королей, и тем в голову не приходило, что они используют услуги иноплеменников: очевидно, этнические связи мощнее языковых.

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения. У живущих, вернее, развивающихся этносов то и другое

находится в динамическом состоянии, т. е. меняется от поколения к поколению, у реликтовых – стабилизировано в том смысле, что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего, но об этой стороне дела речь пойдет ниже, а пока уточним смысл предложенных понятий.

Внутренняя структура этноса – это строго определенная норма отношений между коллективом и индивидом и индивидов между собой. Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Поэтому для членов этноса она не тягостна, так как она для них незаметна. И наоборот, соприкасаясь с иной нормой поведения в другом этносе, каждый член первого этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачествах другого народа.

Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакхические пляски греков, чувствовали такое омерзение, что однажды, увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом (тирс – жезл Диониса и его спутников, увитый плющом и виноградными листьями, сосновой шишкой на верхнем конце) в руках в процессии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину *2, а римляне считали противоестественным обычай обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали проявлением бесстыдства незакрытые лица французских дам.

Подобных примеров можно привести любое количество, в том числе и в отношении комплексных нормативов поведения, поддерживающих внутриэтническую структуру. В аспекте гуманитарных наук описанное явление известно как традиция и модификация социальных взаимоотношений, а в плане наук естественных оно столь же закономерно трактуется, как стереотип поведения, варьирующий в локальных зонах и внутривидовых популяциях. Второй аспект хотя и непривычен, но, как мы увидим ниже, плодотворен.

Казалось бы, традиция ни в коем случае не может быть отнесена к биологии, однако механизм взаимодействия между поколениями вскрыт проф. М. Е. Лобашевым (Ленинград) 4, именно путем изучения животных, у которых он обнаружил процессы «сигнальной наследственности» *3, что просто-напросто другое название традиции. По М. Е. Лобашеву, индивидуальное приспособление совершается с помощью механизма условного рефлекса, что обеспечивает животному активный выбор оптимальных условий для жизни и самозащиты. Эти условные рефлексы передаются в процессе воспитания родителями детям или старшими членами стада – младшим, благодаря чему стереотип поведения является высшей формой адаптации. Это явление у человека именуется «преемственностью цивилизации», которую обеспечивает «сигнал сигналов» – речь. С точки зрения этологии, науки о поведении – навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими и отношения между полами, – все это условные рефлексы, обеспечивающие наилучшее приспособление к среде и передающиеся путем сигнальной наследственности. В сочетании с эндогамией традиция создает устойчивость этнического коллектива, в пределе превращающегося в изолят.

Этносы-изоляты возникают на глазах историка. Таковы исландцы – потомки викингов, заселивших остров в IX в. И всего за триста лет потерявших воинский дух своих предков. Потомки норвежских, датских и шведских удальцов и рабынь, захваченных в Ирландии, уже в XI в. составили небольшой, но самостоятельный этнос, хранящий традиции старины и брачующийся в пределах своего острова 5.

Это пример яркий, но ведь есть сколько угодно градаций традиционности, и если расположить все известные нам этносы по степени убывающей консервативности, то окажется,

что нуля, т. е. отсутствия традиции, не достиг ни один этнос, ибо тогда бы он просто перестал существовать, растворившись среди соседей. Это последнее, хотя и наблюдается время от времени, никогда не бывает плодом целенаправленных усилий самого этнического коллектива, потому что видовое самоубийство противно врожденному инстинкту самосохранения. И тем не менее этносы гибнут. Значит, существуют деструктивные факторы, из-за которых это происходит. К их числу относятся не только посторонние воздействия (завоевания), но и внутриэтнические процессы, о которых мы скажем ниже.

Социальные и этнические процессы различны по своей природе. Теорией исторического материализма установлено, что спонтанное общественное развитие непрерывно, глобально, в целом – прогрессивно, тогда как этническое – дискретно, волнообразно и локально. Совпадения между общественными и этническими ритмами случайны, хотя именно эти совпадения бросаются в глаза при поверхностном наблюдении, так как интерференция всегда усиливает эффект. Яркий пример этого – распад западной части Римской империи и одновременно исчезновение древнеримского этноса.

Но ведь этносы в не меньшем числе возникают. Если бы этого не происходило, естественный отбор давным-давно, еще в эпоху верхнего палеолита, сгладил бы этнические различия и свел все многообразие человечества вначале к крайне небольшому числу этносов, а затем вообще привел бы к исчезновению человечества, ибо последнее состоит из этносов, а они смертны. Возникает интереснейший вопрос: что же служит причиной возникновения новых этносов?

Этносы и этносфера

Взаимодействие человека с природой в разные века и в разных географических регионах, например на берегах Средиземного моря, в джунглях Мату-Гросу и в степях Украины, будет совершенно различным. Следовательно, непосредственно на человеческий организм и на любой человеческий коллектив влияет не Земля, а определенный ландшафт. С другой стороны, люди за последние несколько тысяч лет видоизменили почти всю поверхность суши, но египтяне, монголы, арауканы и шведы делали это настолько по-разному, что конструктивнее рассматривать влияние на природу со стороны отдельных этносов, нежели человечества в целом. Поэтому мы будем рассматривать природу как многообразие ландшафтов, человечество как мозаику этносов, а их взаимодействие и его результаты – как этнографию и палеогеографию исторического периода 6.

Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это, образно говоря, накладывает особый отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть. Это положение равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность. Этнос приспособляется к определенному ландшафту в момент своего сложения. В последующее время, при переселении или расселении, этнос ищет себе область, похожую на ту, в которой данный этнос сложился. Так, угры расселялись преимущественно по лесам; тюрки и монголы – по степям; русские, осваивая Сибирь, заселяли прежде всего лесостепную полосу и берега рек; англичане колонизовали земли с более умеренным климатом (Канада, Новая Зеландия и т. д.), чем испанцы (Южная Америка). Исключения из правила встречаются, но только в пределах законного допуска 7.

Большинство племен и народностей древности и средневековья вписывалось в ландшафт,

не пытаясь его изменить. Таковы все охотники, рыболовы, скотоводы и собиратели, а также часть земледельческих племен, не применяющих искусственного орошения. Исключение составляли народы, практиковавшие интенсивное земледелие: египтяне, шумеры, древние иранцы, индусы и китайцы, которые приспособливали ландшафт к своим потребностям.

Воздействие на природу определяется характером, а не степенью развития культуры. Древние греки и арабы вели экстенсивное хозяйство, подобно тюркам, монголам, индейцам или полинезийцам, однако культура греков не уступает египетской, а арабов – иранской, хотя египтяне и древние персы практиковали, в отличие от греков и арабов, интенсивное земледелие.

На протяжении последних пяти тысяч лет антропогенные изменения ландшафта возникали неоднократно, но с разной интенсивностью и всегда в пределах определенных регионов. При сопоставлении с историей человечества устанавливается четкая связь между антропогенными изменениями природы как творческими, так и хищническими, и эпохами этногенеза (становления новых этносов), или этнических миграций. При этом стадия общественного развития, как правило, не играла существенной роли. Решала этническая, а не социальная принадлежность 8.

Связь сложившихся этносов с вмещающими их ландшафтами проявляется в приспособлении этнического коллектива и его хозяйственной деятельности к определенным условиям. С течением времени соотношение этнос/ландшафт становится оптимальным для того и другого. Это означает, что устойчивый ландшафт стабилизирует этнос, и причин для создания нового этноса не возникает. Выходит, процесс этногенеза должен прекратиться? Если же ландшафт меняется вследствие резких климатических изменений, то этнос, теряя привычные условия, нищает, численность его сокращается, и возможно либо вымирание, либо миграция в поисках привычных условий 9, 10. Но ни в том ни в другом случае причин для создания нового этноса нет.

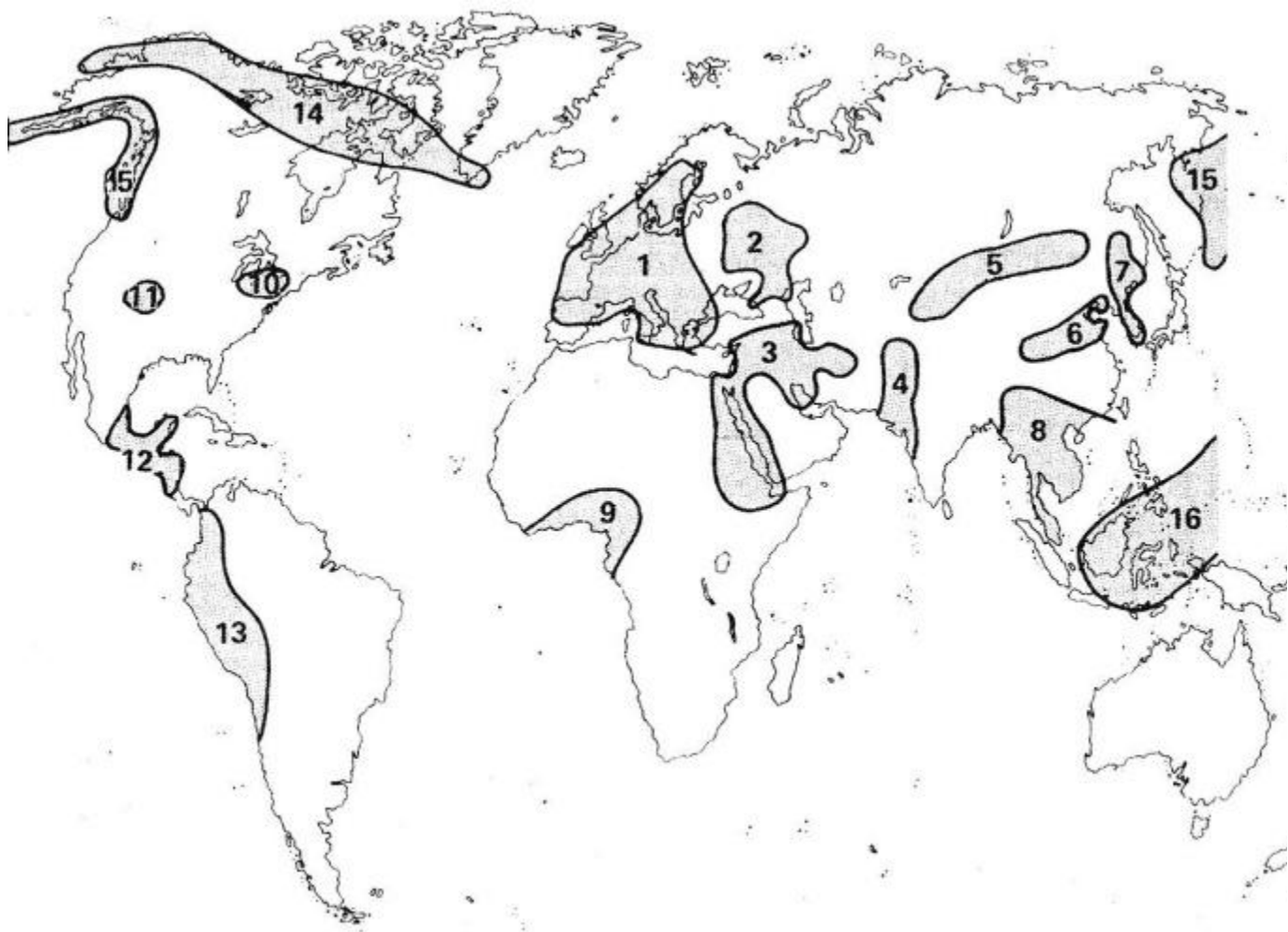
Процессы этногенеза возникают без участия климатических изменений, но, исследуя исторически зафиксированные моменты начальных точек этногенетических процессов, мы констатируем, что они происходят на определенных участках поверхности Земли. Некоторые удобные для жизни территории никогда не являлись родиной народов, хотя этносы уже сложившиеся заселяют их и достигают процветания.

Одноландшафтные территории, например, сибирская тайга (исключая аazonальные речные долины), внутренняя часть Австралии, саванны, тропические леса и т. п., никогда не были местом возникновения этносов. И, наоборот, разнообразие сочетаний ландшафтов на западноевропейском полуострове Евразийского континента столь благоприятно для этногенеза, что там возникло ошибочное представление, будто происхождение новых народов – дело обычное. На самом же деле благоприятные географические условия, при которых только и может начаться процесс, являются на поверхности земного шара скорее исключением, хотя и встречаются во всех частях света. Проверим наш тезис на конкретном материале.

Ближний Восток – сочетание моря, гор, степей, горных лесов, пустынь и речных долин. Там новые этнические комбинации возникали часто, за исключением нагорий Закавказья, где природные условия скорее подходят для возникновения изолятов. Курды, например, отстояли свою этническую самобытность и от персов, и от греков, и от римлян, и от арабов, и даже от турок-османов. Китайский народ сложился на берегах Хуанхэ в условиях сочетания речного, горного, лесного и степного ландшафтов, а однообразные джунгли южнее Янцзы китайцы освоили только в I тыс. н. э. Однако, переселившись на юг и смешавшись с местным населением, древние китайцы превратились в современный южно-китайский этнос, отличающийся и от своих предков и от северных китайцев, смешавшихся в долине Хуанхэ с хуннами.

Индия в ландшафтном отношении беднее Европы, и поэтому процессы этногенеза проходили там медленно. Два крупных народа сформировались в западной части Индии: раджпуты (около VIII в.) и сикхи (XVI–XVIII вв.). Казалось бы, что пустыни Раджастана и Синда гораздо менее благоприятны для человека, чем плодородная, покрытая в то время лесами долина Ганга. Однако в Синде отчетливо выражено сочетание пустынь и тропической растительности в долине Инда, а в Раджастане – пустынь, степей и горных лесов. Расцвета культура достигла во внутренней Индии, но образование новых народов связано с пограничными областями.

В Северной Америке бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза. Однако на изрезанной береговой линии Великих озер в XV в. возник ирокезский союз пяти племен. Это было новое этническое образование, не совпадающее с прежним, так как в состав ирокезов не вошли гуруны, родственные им по крови и языку. На берегах Тихого океана южнее Аляски, там, где скалистые острова служат лежбищем моржей и тюленей и море кормит береговых жителей, алеуты и тлинкиты создали оригинальное общество с патриархальным рабством (и даже работорговлей), резко отличное от соседних охотничьих племен и по языку и по обычаям. Итак, однородный по ландшафтам регион стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный – стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

См. карту на с. 18.

1. *Западная Европа: изрезанная береговая линия, незамерзающие моря, сочетание умеренного и субтропического климатов, горные и долинные ландшафты, перемежающиеся на незначительном пространстве.*

2. *Восточная Европа: сочетание степной и лесной зон, наличие аazonальных ландшафтов*

речных долин на юге и ополжий (больших полян) на севере.

3. Левант, или Ближний Восток: речные аллювиальные долины Месопотамии и Египта в соседстве с полупустынями и горными областями, при наличии вертикальной климатической поясности на высоких плоскогорьях.

4. Северо-Западная Индия, сочетание речных долин, пустынь и нагорий, а также субтропического и тропического климатов.

5. Центральная Азия – степная зона, граничащая с лесной и пересеченная поросшими лесом хребтами; на юге смыкается с пустыней и оазисами.

6. Китай в исходном положении этногенеза: долина Хуанхэ на рубеже сухих степей и субтропических горных лесов, будучи отвоевана от воды, служат образцом антропогенного, искусственного ландшафта.

7. Дальний Восток сочетание горно-лесного ландшафта с повышенным (муссонным) увлажнением и сухого степного ландшафта.

8. Индокитай: страна речных долин среди горного тропического леса.

9. Западная Африка: сочетание тропического леса, сухих степей и Гвинейского залива.

10. Область Великих озер: изрезанная береговая линия при сочетании лесных и открытых участков.

11. Плавный переход отрогов Кордильер в прерии и долину Рио-Гранде, с естественным произрастанием маиса.

12. Анагуак полупустынное нагорье смыкается с тропическим лесом.

13. Анды: торные терраса, плоскогорья и долины примыкают к тропическому лесу.

14. Заполярье: богатая пушным зверем тундра и море.

15. Приполярье: лес и изрезанная береговая линия с лежбищами морского зверя.

16. Океания: острова, покрытые тропическим лесом, и море *4.

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной этногенеза или только благоприятствует ему? Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызвали бы нарождение постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез, хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обратиться к истории.

Оказывается, искусственные ландшафты ведут себя так же, как естественные, – в смысле воздействия на этнос. Так, иногда коллектив предпринимает титаническую работу по перестройке природы согласно тем требованиям, которые он к ней предъявляет. Эта задача бывает сложнее, чем покорение соседей, но, выполнив ее, коллектив, спаянный общим делом, превращается в этнос, живущий за счет привычного ландшафта и лишь поддерживающий его. Если же этнос приходит в упадок в результате неудачных войн или социальных кризисов, вместе с ним гибнет лишенный поддержки созданный им ландшафт. Так было в Северном Китае, в Месопотамии, в Юкатане при культуре майя и в Древнем Египте. Но эти преобразования происходили лишь тогда, когда этносы из этно-ландшафтного равновесия переходили в «динамическое состояние» 11, т. е. совершали походы на соседей, воздвигали гигантские сооружения, создавали мифы и новые традиции, а новые традиции всегда знаменуют перегруппировку людей в новые этносы.

Египтяне перестроили долину Нила в IV тыс. до н. э., затем долго поддерживали ее искусственный ландшафт, не внося принципиальных изменений. В эпоху XII династии, в XIX в. до н. э., возник новый тур преобразования природы: был создан Фаюмский оазис и одновременно возник новый египетский этнос, относящийся к древнему так же, как итальянцы

относятся к римлянам. Потом этносы в долине Нила почему-то не возникали, а пришельцы захватывали ее с легкостью, удивлявшей их самих.

Иногда воздействие возникающего этноса на ландшафт бывает малозаметным, потому что сводится к эксплуатации природных богатств, но и тут биологическое равновесие региона нарушается. Ахейцы привели с собою в Пелопоннес коз, пожравших дотоле пышную растительность, что уже в V в. вызвало эрозию почв в Аттике 12; полинезийцы истребили в Новой Зеландии птицу моа; европейские колонисты в Северной Америке развели лошадей и уничтожили бизонов и т. д. Иначе говоря, антропогенное воздействие на ландшафт можно рассматривать как адаптацию новой популяции, находящейся в динамическом состоянии, т. е. слагающуюся в этнос. А полностью сложившиеся этносы вписываются в ландшафт настолько, что не могут и не хотят приспособляться к иным природным условиям.

С этой точки зрения легко объяснимы различия между этносами, находящимися в состоянии равновесия с ландшафтом: предки того или другого реликтового этноса в свое время приспособили место обитания к своим потребностям, а затем, утратив силу инерции первоначального толчка, вошли в биоценоз населяемого ими региона. Соседний этнос сделал то же самое, но, так как полного совпадения быть не может, он сделал это несколько по-другому, в результате чего его потомки живут иным способом. Так сосуществовали в одних и тех же природных условиях племена охотников и рыболовов, земледельцев и кочевых скотоводов. Например, на юго-западе США (штат Нью-Мексико) бок о бок жили индейские племена земледельцев пуэбло и охотников навахов (группа нагуа). В этом районе Кордильеры спускаются в прерию отрогами, и на стыке гор, горных лесов и прерий образовались, очевидно в разное время, два народа. Их различия – результат разновременности возникновения и разной исторической судьбы. Вот почему названия «дикость» или «примитив» к ним неприменимы 13. Здесь имеет место просто этническая стабилизация.

Итак, общий признак для динамического состояния любого этноса – способность возникшей популяции к так называемым «сверхнапряжениям» (*toug de force*), которые проявляются либо в преобразовании природы, либо в миграциях, тоже связанных с изменением ландшафта на вновь освоенных территориях, либо в повышенной интеллектуальной, военной, организационно-государственной, торговой и т. п. деятельности. Почти все известные нам этносы сгруппированы в своеобразные конструкции – «культуры», или «суперэтнические целостности». Первоначально этнос занимает район, в котором он появился и соседствует, не всегда мирно, со своими «сверстниками». Затем, набрав силу, он мигрирует, оставив на родине часть своего состава. При этом он обязательно теряет изрядную долю первоначального запаса энергии. Некоторые этнические группы гибнут, а другие, попав в изоляцию от мощных соседей, превращаются в изолированные, реликтовые этносы, у которых нет ни прироста населения, ни саморазвития общественного бытия, а модификации происходят только при воздействии соседей.

Следовательно, этногенез можно понять как множество процессов этногенезов в тех или иных регионах («Этническое деление вида *Homo sapiens* – один из способов адаптации в ландшафте, не столько в структуре, сколько в поведении» 14). Ритмичности в описанном феномене нет. Это указывает, что здесь наблюдается не явление саморазвития, а влияние экзогенных факторов, своего рода толчков, после которых инерция постепенно затухает. Для спонтанного общественного развития по спирали этносфера и этногенез являются фоном. Причину же, вызывающую образование этносов, можно обнаружить, только проанализировав историю человечества в этническом аспекте.

Четыре фазы этногенеза

Оглядываясь на историю, мы не можем не отметить, что из народов, процветавших 5 тыс. лет тому назад, не осталось ни одного; из тех, кто творил великие дела за 2 тыс. лет до нас, уцелели лишь жалкие осколки немногих; те же, кто существовал в X в., по большей части еще живут, хотя и весьма изменившись. Надо думать, что и в дальнейшем этносы будут появляться и исчезать. Как и почему это происходит – центральная проблема этногенеза.

Наша задача сводится к тому, чтобы уловить механизм становления этноса и проследить его эволюцию, вплоть до полного исчезновения или перехода в стабильные реликтовые формы. Это можно сделать, изучая только законченные процессы, т. е. обратившись к истории, например к этногенезу римского народа, византийцев, древних турок. Отметим, что и у других народов закономерность процесса этногенеза была принципиально такой же, разумеется, с учетом локальных особенностей. Но проанализировать всю этническую историю в статье невозможно, да и не нужно. Достаточно нескольких примеров.

Согласно преданию, Рим был основан в 754 г. до н. э. группой беглецов из разных племен, объединившихся для совместной жизни на Семи холмах. Первый период, до 510 г. до н. э., это поселение находилось, по-видимому, под верховной властью этрусских царей, а после составляло самостоятельную республику (полис). Поэтому целесообразно принимать за исходную дату этногенеза именно 510 г. до н. э., когда интересующий нас этнический коллектив впервые заявил о своем самостоятельном существовании и самоопределился. Вначале он состоял из двух этнических компонентов – патрициев (латинян) и плебеев (этрусков), с течением времени образовавших три сословия: патрицианско-плебейский нобилитет, плебейское всадничество (богатые люди) и римский народ, состоявший из обедневших патрициев и плебеев. Новый этнос рядом удачных войн подчинил себе сначала окрестные города Лациума, а затем всю Среднюю Италию, часть населения которой была истреблена, а часть превращена в «союзников», т. е. в неравноправных членов сложившегося римского этноса (III в. до н. э.). Назовем этот период фазой исторического становления.

Следующий период ознаменовался завоеваниями, продолжавшимися до середины II в. до н. э., когда Рим сокрушал своих соперников: Карфаген, Македонию и греческие государства. Этот период можно назвать начальной фазой исторического существования. Кризис этой фазы наступил в 133–121 гг. до н. э., когда погибли братья Гракхи. В 90–88 гг. до н. э. вспыхнуло восстание среди «союзников», требовавших уравнивания в правах с собственно римскими гражданами, но оно было подавлено, и тогда же, в 88 г. до н. э., началась гражданская война в самом Риме между Марием и Суллой, продолжавшаяся и после их смерти – вплоть до полного умиротворения империи и сопредельных стран Августом в 31 г. до н. э. (битва при Акциуме).

Август провозгласил «золотую посредственность» как лозунг политической стабилизации, укрепление военной мощи и обращение в прошлое за поучительными примерами. Эта система, несмотря на несколько пароксизмов, на короткое время прерывавших спокойное течение жизни, сохранялась до смерти Марка Аврелия (180 г. н. э.). Это конечная фаза исторического существования.

Следующим периодом развития римского этноса следует считать его ослабление и растворение среди завоеванных народов («провинциалов»). В 192 г. был убит самодур император Коммод и после кратковременной гражданской войны власть досталась полководцу Септимию Северу, опиравшемуся уже не на римские войска, а на легионы, укомплектованные фракийцами и иллирийцами. Остатки собственно римского народа-войска – преторианская гвардия – были распущены, и власть перешла к солдатским императорам, опиравшимся на легионы тех или иных провинций. Однако это не следует считать концом римского этноса, который продолжал существовать, ассимилировав через распространение языка и культуры

население провинции (романизация). Стереотип поведения и структура оставались прежними – римскими. Так постепенно римский этнос превратился в романскую суперэтническую целостность. Римляне стали сливаться с провинциалами. Это, по существу, фаза исторического упадка этноса. Только две группы населения не поддались романизации – иудеи и христиане. Последние составляли внутри империи общность, которую современники приравнивали к этнической, так как христиане противопоставляли себя всем другим, имели особый стереотип поведения и внутреннюю структуру общины. Во II–III вв. количество их чрезвычайно возросло за счет инкорпорации в общину (обращение в христианскую веру), и в 313 г. император Константин принужден был ради спасения жизни и сохранения власти опереться на христиан и Миланским эдиктом даровал им веротерпимость.

На фоне этой исторической канвы мы можем выделить несколько периодов, как бы возрастов этноса. В период завоевания Италии римляне гордились тем, что их консулы и даже диктаторы, исполнив общественную обязанность, возвращались к частной жизни и лично обрабатывали свой участок земли. Каждый мужчина-римлянин был воином, не получавшим за это никакой платы от государства. Общественные обязанности рассматривались как долг каждого римского гражданина, в связи с чем существовала крепкая патриархальная семья и «простота нравов», диктуемая обычаями. Именно эта общественная слаженность и монолитность создали мощь римского этноса и специфику римской культуры.

После блестящих побед над греками, карфагенянами и македонцами резко возросло богатство страны, распределяемое весьма неравномерно. Среди нобилитета и всадничества возникло увлечение греческой культурой, на греческой основе развилась своя литература. Но в то же время большинство римского народа беднело, не успевая из-за постоянной военной службы обрабатывать свои земельные участки, и превращалось в «пролетариев». Так назывались в Риме люди, не имевшие имущества. Сначала их невозможно было обязать выполнять никакие общественные функции, так как они не имели средств для пропитания. Но Марий провел закон о привлечении этих людей к несению военной службы и об уплате им жалованья, что привело к созданию профессиональной армии. В дальнейшем эта армия стала мощной силой, под руководством Цезаря захватившей власть и превратившей республику в империю. Столкновения политических партий на время приостановили культурное развитие страны, ибо вся энергия римских граждан была устремлена на участие в кровопролитных гражданских и внешних войнах. Когда же гражданские войны утихли, начался золотой век римской культуры, техники военной и гражданской, короче говоря, того, что мы привыкли называть цивилизацией. Но в III–IV вв., во время солдатских мятежей, империя начала разваливаться, что и знаменовало упадок римского этноса, хотя созданная этим этносом суперэтническая культура надолго пережила его самостоятельное реальное существование. Умирание шло как путем физического вырождения основных носителей изначальных традиций, так и путем их поглощения христианскими общинами, закончившегося к концу IV в., при императоре Феодосии. Часть населения, оставшаяся после исчезновения римской этнической традиции, вошла в зародившуюся перед этим и находившуюся на подъеме новую этническую традицию, которую мы, в согласии с установившейся терминологией, называем «византийской». Сами византийцы не ставили проблемы этногенеза и именовали себя римлянами, подчеркивая этим непрерывность государственной традиции. Но, как показано выше, их отличие от языческих предков было радикальным и коренилось в измененном стереотипе поведения, что и позволяет нам рассматривать восточноримских христиан как самостоятельный этнос со всеми его функциями. Фаза этнического становления «византийцев» приходится на III в., когда христиане заполняли рынки, курии, муниципии, армию, оставив язычникам только храмы. Несмотря на жестокое гонение, христианская община разрослась до

пределов Римской империи, а затем перехлестнула ее границы: в христианство обратились Абиссиния, Армения и Ирландия. Однако этнические особенности народов, ставших христианами, настолько разнились друг от друга, что уже к VII в. можно говорить о византийской суперэтнической культуре, но не об едином этносе, каковым оставалось население Малой Азии и южной части Балканского полуострова.

Описанная эпоха напоминает первый период римской истории, до начала гражданских войн. Следующим периодом, прошедшим для Византии весьма болезненно, было иконоборчество, т. е. вмешательство светской власти в духовную жизнь членов православной церкви. Попытка не удалась. Несколько сот беззащитных монахов сумели противостоять мощной военной машине Исаурийских императоров. Вслед за тем наступил спокойный, во внутреннем отношении, период Македонской династии, подобный периоду римской цивилизации от Августа до Марка Аврелия. В это время были крещены славяне, частично венгры и половцы, а несториане (те же византийцы по культуре) обратили в христианство большую часть центральноазиатских кочевников, за исключением монголов 15. Это, бесспорно, фаза исторического существования.

Но к концу XI в. сила и энергия византийского этноса ослабели: Византийская империя потеряла Малую Азию, Сербию и подверглась нападению норманнов, разоривших Эпир и Македонию. Энергичные императоры династии Комненов использовали силы крестоносцев для войны с мусульманами, чем на время задержали падение империи. Но в конце XII в. возник конфликт между греками и «франками» (т. е. западноевропейцами), захватившими в 1204 г. Константинополь, Македонию и Грецию.

Очень важно отметить, что количество крестоносцев, осаждавших город с население в несколько сот тысяч, было около 22–25 тыс. человек, но против них сражалась только наемная варяжская дружина, а горожане позволяли себя беспрепятственно убивать и грабить. Живые силы византийского этноса сохранились только на окраинах империи – в Малой Азии и Эпире. Впрочем, их оказалось достаточно, чтобы за полвека очистить свою страну от крестоносцев и положить начало последней византийской династии – Палеологов. По существу, время правления Палеологов (1261–1453) было медленной агонией византийского государства и этноса, т. е. фазой исторического упадка. И тогда произошел глубокий раскол в дотеле монолитной структуре Византии: часть населения во главе с императорами стала на путь «европеизации», компромисса с католичеством, приняла унию. Другая часть образовала секту зилотов, антицерковного направления, и только небольшая группа ревнителей православия во главе с Иоанном Кантакузеном и афонскими монахами боролась за сохранение традиций, но осталась в меньшинстве 16. Последние ее сторонники эмигрировали в Россию в XIV–XV вв. Униатская же партия утратила свои связи с народом, и падение Константинополя было предрешено. После рокового 1453 г. остатки византийцев (фанариоты), как исторический реликт, влачили свое существование несколько столетий под властью турецких султанов.

Наконец, этногенез древних тюрков интересен тем, что он был оборван посторонним вмешательством. В 439 г. небольшая группа монголоязычных кочевников Ашина была вытеснена из предгорий Алашаня и Наньшаня на север – в Монгольский Алтай. Там она смешалась с местным тюркоязычным населением, в результате чего создавался небольшой народ, называвший себя «тюрк» или «тюркют». В середине VI в. тюрки захватили почти всю евразийскую степь от Черного моря до Желтого и Среднюю Азию до Амударьи. Это была их фаза исторического становления. Однако соседство с могущественным, богатым и агрессивным Китаем вызвало ряд конфликтов, закончившихся в 630 г. разгромом Восточнотюркского каганата и подчинением тюрков китайскому императору. Западный каганат сохранил самостоятельность до 658 г., когда его восточная половина была также оккупирована

китайскими войсками, а западная составила самостоятельный Хазарский каганат. В 680 г. восточные тюрки восстали против Китая и до 745 г. отстаивали свою независимость. Поражение, нанесенное им коалицией, составленной из Китая, карлуков, уйгуров и басмалов, прекратило фазу исторического существования древнетюркского этноса, так как те тюрки, которые не были убиты в степи, растворились среди конгломерата народов Центральной Азии. Только небольшая группа, укрывшаяся на Алтае, просуществовала как реликт до XVII в., когда ее покорил боярский сын Петр Сабанский. К нашему времени это племя – телесы – слилось с окружающими их теленгитами.

Ясно, что относительная длительность разных фаз этногенеза может быть весьма различной, фаза исторического становления непродолжительна; процесс идет весьма интенсивно. Фаза исторического существования у большинства этносов длиннее предыдущей, ибо именно в этом периоде складывается комплексное своеобразие этноса, заканчивается его экспансия и создаются условия для формирования суперэтнических культурных образований. Фаза исторического упадка может особенно сильно варьировать по своей протяженности, так как она зависит как от интенсивности внутренних процессов разложения этноса, так и от исторической судьбы, определяемой степенью развития материального базиса, накопленного за предшествовавший период, физико-географическими условиями ареала, и состоянием смежных этносов. Наконец, фаза исторических реликтов уже целиком зависит от историко-географических особенностей данной территории.

Пассионарность

Формирование нового этноса всегда начинается одной особенностью: непреодолимым внутренним стремлением небольшого числа людей к крайне активной целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения (этнического или природного), причем достижение этой цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни. Это, безусловно, отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс противоречит инстинкту самосохранения. Этот импульс может быть связан как с повышенными способностями (талант), так и со средними, и это показывает его самостоятельность среди прочих импульсов поведения, уже описанных в психологии. Этот же признак лежит в основе этики, где интересы коллектива, пусть даже дурно понятые, превалируют над жадой жизни и заботой о собственном потомстве. Особи, обладающие этим признаком, совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и дают толчок созданию новых этносов.

И самое курьезное, что эффект, порождаемый этим признаком, видели и видят, все люди; больше того, даже сама эта особенность известна как «страсть», но в обывательском словоупотреблении так стали называть любое сильное желание, а иронически – просто любое, даже слабое влечение. Поэтому для целей научного анализа мы предложим новый термин – пассионарность (от лат. *passio*), исключив из содержания его животные инстинкты и капризы, служащие симптомами разболтанной психики, а равно душевные болезни, потому что хотя пассионарность, конечно, уклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое.

Собственно говоря, пассионарность имеют почти все люди, но в чрезвычайно разных дозах. Она проявляется в различных качествах: властолюбии, гордости, тщеславии, алчности, зависти и т. п., которые с равной легкостью порождают подвиги и преступления, созидание и разрушение, благо и зло, но не оставляют места равнодушию. Общим моментом является именно тот, который важен для нашей проблемы: способность и стремление к изменению

окружения. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии – не могут рассчитать последствия своих поступков и, даже предвидя гибель, удержаться от их свершения. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность находится не в сознании людей, а в подсознании.

Ярким примером пассионария может служить Наполеон I. После египетского похода он стал богатым настолько, что мог прожить остаток жизни без труда. Обыватель так бы и поступил. Наполеон же принял на себя нагрузку непомерной тяжести, с огромным риском и печальным концом. Модусом его пассионарности было властолюбие. Его тщеславные маршалы ограничивались стремлением к почестям.

Парижские буржуа, потребовавшие в 1814 г. сдачи города русским, кричали: «Мы хотим не воевать, а торговать!» Это алчность, но не очень сильная, потому что инстинкт самосохранения ее ограничивал. Французские крестьяне того же времени стремились к тому, чтобы тратить силы на приобретение богатства, уже заведомо без риска для жизни, но среди них были и такие, которые ограничивались поддержанием имеющегося достатка, удовлетворяя свою гордость выигрышами у соседей в кегли или домино. Их пассионарность была так мала, что уравновешивалась инстинктом самосохранения, что создает «гармонию» психической структуры. Это – вторая, наиболее многочисленная часть населения.

У третьей группы населения активность имеет иной характер, нежели у гармоничных особей, находящихся у нулевой точки отсчета, и по существу диаметрально противоположна пассионарности. В истории эта группа, которую мы будем называть субпассионариями, наиболее ярко представлена «бродягами», иногда становящимися солдатами-наемниками. В средние века они шли в ландскнехты, в XX в. – в иностранный легион. Они не изменяют мир и не сохраняют его, а существуют за его счет. В силу своей подвижности они часто играют важную роль в судьбах этносов, совершая вместе с пассионариями завоевания и перевороты. Но если пассионарии могут проявить себя без этих «бродяг-солдат», как можно их условно назвать, то те – ничто без пассионариев, ибо сами они не умеют поставить себе ни цели, ни организовать. Максимум, на который они способны, – это разбой или гангстеризм, жертвой которого становятся носители нулевой пассионарности, т. е. основная масса населения. Но в таком случае «бродяги» обречены: их выслеживают и уничтожают.

Есть соблазн сопоставить пассионариев с «героями, ведущими толпу», а «бродяг-солдат» назвать «ведомыми», но на самом деле механизм действия не столь прост. Испанские Габсбурги и французские Бурбоны, за исключением основателей династий, были заурядными людьми, равно как и большая часть их придворных. Но идалго и шевалье, негоцианты и корсары, миссионеры и конкистадоры, гуманисты и художники – все они создавали такое внутреннее напряжение, что политика Испании XVI и Франции XVI–XVII вв., если изобразить ее как составляющую этногенетического процесса, отражала огромную пассионарность этих этносов.

Остановимся на этом подробнее. «Бродяги-солдаты» как характерологический тип отличаются повышенной реактивностью и соответственно пониженной целеустремленностью. Их активность возникает за счет внешних раздражителей, вызывающих импульсивную реакцию, без расчета и соображений. Такой образ поведения самоубийствен, даже если он не граничит с патологией. У гармоничных людей реактивность уравновешивается слабыми импульсами пассионарности, благодаря чему они соразмеряют свои поступки с заботой о себе, детях и друзьях. Пассионариями же в полном смысле слова мы называем тех людей, у которых инстинктивные импульсы самосохранения подавлены стремлением к реальной или иллюзорной цели. Деятельность их неизбежно направлена не на самосохранение или минутное самоудовлетворение, а на изменение окружения, хотя заслуга принадлежит не их воле, а их

конституции. Итак, в основе трех характеристик лежит лишь разная степень выраженности одного признака – пассионарности, а не качественное деление на «героев» и «толпу». Именно поэтому третью группу мы и назвали субпассионариями.

Особенно важно не смешивать отмеченные выше характерологические типы внутри этноса: пассионариев, субпассионариев и основную массу населения с подразделениями классовыми, сословными или этнографическими. Любое из последних включает в себя все три типа, и, наоборот, каждый из типов находится в составе любого класса или сословия. Например, в эпоху расцвета феодализма далеко не все феодалы были пассионариями. Большая часть их сидела в своих замках, собирала имущество, воспитывала детей и с неохотой несла воинскую повинность сеньору, выражавшуюся в участии в войнах в течение 40 дней в год. Зато в крестовые походы добровольно устремлялись тысячи простых людей, бросая семью и родину, причем только часть из них, нанимаемая королями и герцогами за деньги, рассматривается нами как субпассионарии, искавшие «карьеру и фортуны». Многие пилигримы-фанатики были наделены высокой пассионарностью. И даже при образовании этноса инициативная группа никогда не состоит из людей одного типа. Приведем несколько примеров.

Обратимся к такому яркому периоду мировой истории, как эпоха Мухаммеда и первых халифов. Сам Мухаммед и его сподвижники Абу-Бекр и Омар, несомненно, были пассионариями, но Осман, третий халиф, по складу принадлежал к разряду «обывателей». Его потому и поставили халифом, что разбившиеся на партии мусульманские пассионарии предпочитали иметь во главе государства нейтральную фигуру. Осман провел на высокие должности своих родственников, в числе которых были и совсем неактивные люди, и субпассионарии, и пассионарные «лицемерные мусульмане», как их называли за то, что они на словах признали ислам, но в душе остались язычниками, например Моавия ибн Абу-Суфьян, сын врага Мухаммеда. Это вызвало недовольство пассионариев, сражавшихся за дело ислама, и они убили Османа.

В последовавшей внутренней войне во всех трех партиях: фанатиков-хариджитов, шиитов – сторонников Алиа и «лицемерных мусульман», защищавших Омейядов, – опять-таки фигурировали люди всех трех типов, и все они гибли на полях сражений. Так как пассионариев было мало, то их убыль сказалась на пассионарном напряжении халифата, которое снизилось до уровня, при котором стала возможной координация управления в масштабах всего государства – от Инда до Атлантики.

А вот другой, более близкий и столь же наглядный пример. Земское ополчение, освободившее в 1613 г. Москву от поляков, включало в себя много пассионариев, но избрало на престол тихого, сугубо неактивного «Мишу Романова» за то, что он был «умом зело скуден» и поэтому помех не чинил, не был пассионарием. Да и многие бояре, сидевшие в думе «брады уставя», отнюдь не были пассионариями. Зато высокой пассионарностью обладали Иван Болотников, хитрый интриган Василий Шуйский, атаманы Трубецкой и Заруцкий, Захар и Прокопий Ляпуновы, Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, Марина Мнишек, Авраамий Палицын и Александр Лисовский. А вокруг каждого из них теснились пассионарии, не прославившие себя в веках, субпассионарии, нашедшие себе применение, и толпы сдвинутых с мест и увлеченных потоком событий представителей основной массы населения. С точки зрения истории общественных отношений «смутное время» – кризис; для истории культуры – упадок; для этнической истории – взрыв пассионарности и связанный с ним перегрев, охлажденный пролитой кровью. Пассионарность как огонь; она и греет и сжигает. Тяжко, когда ее мало, страшно, когда ее много; оптимальная точка где-то посередине, но задержаться на ней, увы, нельзя, потому что всегда идет процесс либо накала, либо охлаждения.

Итак, во всех видимых простым глазом и изучаемых историей конструкциях

присутствуют все три типа людей. Без сочетания этих трех элементов конструкция разваливается, а этногенез не идет. Теперь покажем на нескольких примерах, как «выглядит» пассионарность отдельных людей.

Александр Македонский имел в своей маленькой Пелле все, что было нужно человеку: пища в избытке, женщин достаточно; охота, развлечения, беседы с Аристотелем... и все-таки он бросился на Беотию, на Персию, а затем – на Согдиану и Индию, вопреки сопротивлению даже тех воинов и полководцев, которые вначале охотно шли за ним. Предположим, что для Македонии были нужны территориальные приобретения в Греции, ну в крайнем случае в Малой Азии и Сирии, но уж с саками и индусами у македонян никаких счетов не было, и жить в столь экзотических местах они не соглашались даже после победы, так что пришлось ставить в Бактрии гарнизоны из нанятых греков. Наоборот, раны, лишения и тоска по родине сделали македонскую армию к концу кампании малобоеспособной. Об этом прямо заявил Александру его сподвижник Кен, но для нас любопытнее речь самого царя, его доводы, которыми он соблазнял воинов продолжать поход.

Перечислив сделанные завоевания, он заявил: «Людям, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу... Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: охранять свою землю и только отгонять от нее соседей... которые нам враждебны» (Арриан, V, 26–27).

Это программа человека, ставящего свою жажду славы выше собственного благополучия и интересов своей страны. При этом сам он пренебрегал удобствами, на деньги для собственных удовольствий был очень скуп, но благодеяния сыпал щедрой рукой. Одно качество, доведенное до крайности, отмечают у Александра и Арриан и Плутарх: честолюбие и гордость, т. е. проявление описанного нами качества пассионарности. Этого избытка энергии оказалось достаточно не только для побед, но и для того, чтобы принудить своих подданных вести войну в далекой Азии, которая им была совсем не нужна.

Конечно, многие соратники Александра: Пердикка, Клирт, Селевк, Птолемей и др. – тоже обладали пассионарностью и искренне сочувствовали делу своего царя, благодаря чему удалось увлечь в поход простых македонян и греков. Не один человек, а целая плеяда пассионарных людей смогла сломить персидскую монархию и создать на ее месте несколько эллинистических государств. Но это и есть тот протекавший в истории процесс, породивший явление, именуемое «эллинизмом», роль которого в этногенезе Ближнего Востока несомненна.

Теперь рассмотрим несколько персон светлых, принесших себя в жертву людям. Ян Гус боролся против безобразий в католической церкви, находившейся в состоянии развала. На Констанцском соборе никто не собирался всерьез отстаивать право духовенства на пьянство, взятки и разврат, но по политическим причинам Гусу было предложено отречься от критики церкви. Если бы Гус преследовал личные цели, он подписал бы отречение и, вернувшись в Прагу, или объявил его вынужденным, или, подчинившись власти католической церкви, жил бы тихо, не вступая в борьбу. Гус предпочел идти на костер. Его пассионарное напряжение приняло форму не честолюбия или славолубия, а ревности к своей идее, вообще говоря, не оригинальной. Так же поступил протопоп Аввакум, сходными мотивами руководствовалась Жанна д'Арк. Их пассионарность была столь сильна, что они не могли лукавить даже ради спасения жизни. А искренность и непреклонность их поведения, не вызывающая сомнения ни у кого, очевидно, диктовалась особенностями психофизиологической конституции, описанной выше.

Но смогли ли они одни поднять такие мощные движения, как разгром Англии, Гуситскую войну или Раскол? Нет, если бы вокруг Жанны д'Арк не группировались такие храбрецы, как

Дюнуа, Ля Гир и их сподвижники, то смерть ее была бы напрасной. Франция XV в. кипела пассионарностью, и Жанна просто наметила цель двумя словами: «La Belle France». И всем стало вдруг ясно, что надо отстаивать и за что не жаль погибнуть. А обыватели, в том числе король Карл VII, съели каштаны, вынутые для них из огня пассионариями.

Если бы в Чехии были пассионарны только Ян Гус и Иероним Пражский, то Жижка и братья Прокопы не смогли бы собрать на горе Табор тысячи людей, возмущенных предательством Констанцкого собора и гибелью праведника. Пассионариев в XV в. там было достаточно для того, чтобы увлечь целый народ на войну. Да и Аввакум был не один; самосожжения старообрядцев после его казни показывают, что на Руси было много ему подобных. Вспомним, что там, где пассионарность этноса снизилась, как, например, в Византии, героическое поведение Константина Палеолога не могло увлечь в 1453 г. население Константинополя на оборону его стен от турок. Жители города позволяли себя убивать, но не нашли в себе мужества (которое было в избытке у их предков), чтобы поднять оружие.

Мощный пассионарный стимул, проявляющийся в алчности, толкал испанских идалго, французских и английских дворян, голландских бюргеров на конкистадорство, корсарство, флибустьерство. Не все они были субпассионарны, т. е. «бродяги-солдаты», хотя последних и было большинство. Дома многие из них имели семьи и обеспеченную жизнь. В Вест-Индиях их ждали, кроме битв, цинга, малярия, холера. Вот цифры из письма испанского капитана, перехваченного и опубликованного англичанами: «За 20 лет на острова (Филиппинские) приехало 14 тыс. испанцев. Живы из них только тысяча. Остальные 13 тыс. умерли от болезней, погибли в сражениях или по другим причинам» 17. Способ обогащения был явно невыгоден, тем более что вернувшиеся (даже не инвалидами) быстро прокучивали свои богатства. Это было психологически неизбежно, ибо после страшного напряжения наступала нервная реакция, требовавшая разрядки. И все-таки они шли, поколение за поколением, так как внутреннее напряжение пассионарности не давало им возможности сидеть на месте. В результате ими были созданы центральноамериканский и южноамериканский и филиппинский этносы.

Во всех приведенных примерах подчеркивалось, что признак пассионарности был характерен для этноса, а не только для какого-то одного человека. Внимание на отдельных личностях мы сосредоточили с той целью, чтобы наиболее выпукло обрисовать признак. В действительности процессы проходят сложнее, хотя и не до такой степени, чтобы их было трудно анализировать. Наоборот предлагаемая концепция весьма облегчает анализ историко-географических и этнографических явлений, в чем и состоит ее практическое значение.

Природа пассионарности

До сих пор мы сосредоточивали свое внимание на психологическом моменте, который как будто не имеет отношения к явлениям природы. Однако это не так. Через психологию мы подходим к решению проблем географических, ныне поставленных во всей мировой науке.

Заметим, что вся ландшафтная оболочка Земли в разной степени переоформлена людьми, вследствие повторного создания искусственной, вторичной сферы антропогенных ландшафтов. Антропосфера мозаична вследствие многообразия процессов деятельности тех или иных этносов, в зависимости от характера и направления динамики их исторических судеб. Следовательно, антропосферу можно считать продуктом кристаллизации законченных и протекающих процессов этногенеза; поэтому предпочтительнее называть ее этносферой, а этногенез рассматривать как один из антропогенных факторов.

Выше было отмечено, что реликтовые этносы стабильны и входят в состав биоценозов населяемых ими регионов как верхнее, завершающее звено. В биоценозах идет постоянный процесс, названный Т. Гексли конверсией. Цикл конверсии – это механизм, обеспечивающий циркуляцию энергии среди растений и животных одного местообитания, т. е. обмен веществ в данном экологическом сообществе. Для сохранения геобиоценоза необходимо, чтобы циркуляция энергии поддерживалась и усиливалась. Последнее важно как страховка против экзогенных воздействий: войн, эпидемий, стихийных бедствий. На преодоление этих трудностей уходят усилия этнического сообщества, которое в стабильном состоянии лишено агрессивности и, следовательно, не способно к активному изменению природы.

Зато при динамическом состоянии этноса ландшафтогенные процессы возникают стихийно. Ф. Осборн (США) в 1948 г. писал: «История нации (американской) за прошлый век, с точки зрения использования природных богатств, является беспримерной... Фактически это история человеческой энергии, безрассудной и бесконтрольной» 18. Но то же можно сказать об этнической истории Северной Америки. Истребление индейцев, торговля неграми, захват Техаса скваттерами в 1836 г., расправа с франко-индейскими метисами в Канаде в 1886 г., деятельность золотоискателей в Калифорнии и на Аляске – все это совершалось столь же неорганизованно и бесконтрольно, как и истребление лесов ради хлопчатника в южных штатах США, уничтожение бизонов, распашка прерий (вызвавшая эрозию почв) и хищническая деятельность меховых компаний в Канаде.

Но это явление отнюдь не единично. По тому же принципу производились арабское вторжение в Восточную Африку, а голландское – в Южную. Тем же способом китайцы захватили джунгли южнее Янцзы, предки полинезийцев – острова Тихого океана, кельты – Европу (в I тысячелетии до н. э.), а арии – Индию (во II тысячелетии до н. э.) и т. д.; примерам несть числа. Следовательно, мы столкнулись с повторяющимся переходом этносов в динамическое состояние. При этом у них возрастают агрессивность и адаптивные способности, позволяющие применяться к новым условиям существования. Это и есть процессы этногенеза.

Обязательным условием возникновения и течения процесса этногенеза вплоть до затухания его, после чего этнос превращается в реликт, является его пассионарность, т. е. способность к целенаправленным сверхнапряжениям. Объяснить ее мы пока можем, лишь приняв гипотезу, т. е. суждение, обобщающее отмеченные факты, но не исключающее возможности появления других, более изящных объяснений: пассионарность – это органическая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. У людей эта способность колеблется настолько сильно, что иногда ее импульсы ломают инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового, вследствие чего некоторые люди, по нашей терминологии – пассионарии, совершают и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения. Это изменение касается в равной степени природной среды и отношений внутри человеческих сообществ, т. е. этносов. Следовательно, пассионарность имеет энергетическую природу, преломляющуюся через психические особенности, стимулирующие повышенную активность носителей этого признака, создающего и разрушающего ландшафты, народы и культуры.

Академик В. И. Вернадский писал: «Все живое представляет непрерывно изменяющуюся совокупность организмов, между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени... Чем более длительно существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия», т. е. «энергия живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии. Ибо действием живого вещества создается развитие свободной энергии, способной производить работу» 19.

Итак, занятия историей, этнографией и даже психологией позволили вернуться к природоведению в полном смысле слова. Поскольку люди входят в биосферу Земли, они не могут избежать воздействия биохимических процессов, формирующих их подсознание или сферу эмоций. А эмоции не в меньшей степени, чем сознание, толкают людей на поступки, которые интегрируются в этногенные и ландшафтогенные процессы. Разница же между сознательной и эмоциональной областями поведения этнических сообществ в том, что первая подчиняется закону спонтанного общественного развития, а вторая связана с энергетическими толчками. В результате возникает пассионарное поколение, постепенно утрачивающее инерцию пассионарности из-за сопротивления среды и переходящее к реликтовому состоянию этно-ландшафтного равновесия.

Литература

1. Гумилев Л. Н. По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос: III). – «Вестник ЛГУ», 1965. № 18. вып. 3, стр. 112–120.
2. Шипунов Ф. Я. Опасная болезнь ландшафтной сферы. – «Природа», 1968, № 10.
3. Гумилев Л. Н. О термине «этнос». – Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967, вып. 3, стр. 3–17.
4. Лобашев М. Е. Сигнальная наследственность. – В кн. Исследования по генетике. Т. 1. Л., 1961.
5. Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., «Наука», 1967.
6. Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт. – «Известия ВГО», т. 100, 1968, № 3, стр. 193–202.
7. Гумилев Л. Н. По поводу «единой» географии. (Ландшафт и этнос: VI). – «Вестник ЛГУ», 1967, № 6, вып. 1, стр. 120–129.
8. Гумилев Л. Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период. – В кн.: «Доклады на ежегодных чтениях памяти Л. С. Берга», XIII–XIV, Л., 1968, стр. 118–134.
9. Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии. – «Народы Азии и Африки». 1966. № 4. стр. 85–94.
10. Гумилев Л. Н. Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии. – «История СССР», 1967, № 1, стр. 53–66.
11. Гумилев Л. Н. Этнос как явление. – «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР». Л. 1967, вып. 3, стр. 90–107.
12. Дорст Ж. До того как умрет природа. М., «Прогресс», 1968, стр. 37.
13. Гумилев Л. Н. Об антропогенном факторе ландшафтообразования. (Ландшафт и этнос: VII). – «Вестник ЛГУ», 1967, № 24, стр. 102–
14. Калесник С. В. Основы общего землеведения. М., 1955, стр. 361
15. Гумилев Л. Н. Несторианство и Древняя Русь. – «Доклады по этнографии», Л., ВГО. 1967, стр. 5–24.
16. Прохоров Г. М. Этническая интеграция в Восточной Европе в XIV в. – «Доклады отделения этнографии ВГО», вып. 2. Л., 1966, стр. 81–110.
17. Мажейко И., Сизов А., Тюрин В. С крестом и мушкетом. М., 1966, стр. 160.
18. Дорст Ж. До того как умрет природа. М., «Прогресс», 1968, стр. 45.
19. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и её окружения. М., 1965, стр. 284–285.

Приведённая выше статья Л. Н. Гумилева была опубликована в журнале «Природа» (1970, № 1, 2) вместе со статьёй Ю. В. Бромлея «К вопросу о сущности этноса». Через год в том же журнале «Природа» (1971, № 2) по этим двум статьям развернулась дискуссия. В неё вошли статьи:

В. И. Козлов. Что же такое этнос?

Б. И. Кузнецов. Проверка гипотезы Л. Н. Гумилева

М. И. Артамонов. Снова «герои» и «толпа»

Ю. К. Ефремов. Важное звено в цепи связей человека с природой

Л. Н. Гумилев. Этногенез – природный процесс

Ю. В. Бромлей. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза

Дискуссия была предварена вступлением от редакции:

«Опубликованные в № 1 и 2 „Природы“ за 1970 г. статьи Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея по определению понятия „этнос“ и проблемам этногенеза вызвали большой интерес у читателей. Дискуссия по этим вопросам была продолжена в № 8 нашего журнала за тот же год. Ниже публикуются другие поступившие в „Природу“ статьи, а также заключительные выступления Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея.»

В ходе дискуссии выявились два основных подхода к затронутым проблемам, в одном из которых делается акцент на биологические и психологические факторы, в другом – на факторы социальные. Расхождения между этими подходами частично объясняются различным употреблением самого термина „этнос“ и отражают большую сложность и недостаточную разработанность некоторых проблем. В то же время дискуссия показала возможность и плодотворность комплексного, социобиологического подхода к решению отдельных вопросов.

В целом воздействие биологических факторов на этнические процессы (особенно на этногенез народов), очевидно, не вызывает сомнений. Однако рассмотрение этого вопроса требует осторожности, неременного учета определяющего влияния социально-экономических факторов. Рассмотрение этнической истории вне связи с социально-общественным развитием человечества не только не помогает решению вопроса, но, напротив, затрудняет ее правильное понимание».

Ниже приводятся те статьи дискуссии, публиковать которые у издательства есть возможность. Остальные приведены в комментариях в виде цитат.

Б. И. Кузнецов. Проверка гипотезы Гумилева

Статья Л. Н. Гумилева – примечательное явление в нашей науке как по своей оригинальности, так и по важности проблем, которые в ней подняты. Но, как известно, любая теория проверяется практикой, а последней в данном случае является интерпретация этногенеза и истории народов, особенно в тех случаях, когда эта история известна отрывочно. Будучи по специальности востоковедом, я много занимался историей Тибета и Китая. Должен сказать, что светская история Тибета до сих пор ни на одном языке не написана, а история Китая представляет собой преимущественно простой перечень имен, географических названий и событий, интерпретация которых заставляет себя ждать.

В статье Л. Н. Гумилева имеется два тезиса: этнос рассматривается как явление природы, а пассионарность (казалось бы, просто чувство людей) – как одна из форм энергии. Вытекающая отсюда концепция этногенеза как медленного убывания пассионарности, приводящая на определенном этапе развития к равновесию этноса со средой, стройна,

закончена; но прежде чем выразить свое согласие, необходимо проверить предложенную гипотезу. Возьмем историю Тибета, наиболее мне знакомую.

В начале нашей эры Тибет был заселен народами, близкими к скифам (Шаншун) и монголоидными кянами, предками тибетцев. До VII в. н. э. история Тибета неизвестна. Это показывает, что в Тибете исторические процессы шли столь вяло, что китайцы, весьма детально описывавшие села своих соседей, не уделили Южному Тибету никакого внимания. Согласно концепции Л. Н. Гумилева, этот период (до VII в.) можно рассматривать как исходное положение перед началом процесса этногенеза.

В VII в. тибетские цари Намри и Сонцен за короткое время объединили Тибет. В дальнейшем это вызвало поглощение скифского элемента монголоидным. Уже во второй половине VII в. Тибет превратился в сильное, агрессивное государство, интенсивной культурной жизнью, разившейся в насаждении буддизма и индийской культуры – явление, аналогичное крещению Руси. Исходя из концепции Гумилева, этот период можно понять как фазу исторического становления.

В течение 200 лет Тибет удерживал гегемонию в Центральной Азии, соперничая с многолюдным и могущественным Танским Китаем. Одновременно внутри Тибета шла жестокая борьба между аристократией, исповедовавшей древнюю религию бон, и царями, опиравшимися на общину монахов (буддистов). Этот насыщенный событиями период – фаза исторического существования. В IX в. обе стороны истощили себя во внутренней борьбе и внутренних войнах, после чего Тибет распался на составные части и вступил в фазу исторического упадка, причем его история снова становится неизвестной.

Принцип пассионарности объясняет этот ход событий. Видимо, вспышка пассионарности произошла в VII в. Она способствовала метизации ранее изолированных племен, вследствие чего создавался исторически известный нам тибетский этнос. Следы былой разобщенности тибетских племен остаются до сих пор сохранившееся разнообразие тибетских диалектов, законсервированное феодальной структурой общества. За короткий период интенсивного существования Тибетского государства разные племена слились в единый этнос, а диалекты продолжали существовать, ибо глоттогенез (происхождение языка) не совпадает с этногенезом.

Быстрая утрата Тибетом политического господства в Центральной Азии также легко объяснима за счет падения уровня пассионарного напряжения. Именно тибетские пассионарии принимали участие в походах на Китай, Индию и даже Монголию; они же истребляли друг друга либо во имя «желтой веры» (буддизма), либо во славу древней религии бон. Количество пассионариев уменьшалось, и когда оно стало совсем малым, обособились отдельные области Тибета, ранее сдерживаемые железной рукой лхасских царей. При этом надо отметить, что подлинно пассионарными можно считать всего трех царей: основателя государства Намри, его сына Сонцэна и Кхрисрона (755–790). Очевидно, пассионарность не была достоянием господствующих классов, что и соответствует идее Л. Н. Гумилева.

Итак, предложенная Л. Н. Гумилевым схема применима к конкретному, новому материалу. Несомненно, также, что описанная Л. Н. Гумилевым закономерность существует одновременно с развитием производственных отношений, постоянно взаимодействуя с ними. А это значит, что предложенная оригинальная концепция взаимодействия природы и общества отвечает на вопросы, поставленные в советской этнографической науке.

М. И. Артамонов. Снова «герои» и «толпа»?

В своей статье «Этногенез и этносфера» Л. Н. Гумилев высказал мысль о том, что этническая общность возникает в процессе взаимодействия внутри человеческого коллектива,

что совокупность унаследованных от предков и выработанных житейской практикой признаков такой общности передается путем воспитания и обучения. Поскольку дело касается более или менее замкнутых коллективов, свойственная им традиция обладает особенностями, отличающими членов одного коллектива от другого. Этническая традиция обладает также некоторой ограниченной изменчивостью в разных подразделениях и группах охваченного ею общества. К этому следует добавить, что этническая традиция не остается неизменной и во времени, причем в стереотипе поведения данного коллектива имеются два рода признаков: динамические и консервативные, одни изменчивые, а другие устойчивые, связывающие различные его поколения в течение длительного времени. Преимущественно в числе последних и заключаются особенности, отличающие один этнос от другого. Таким образом, этнос не имеет ничего общего с видом или породой в животном или растительном мире, т. е. этнос не биологическая, а социальная категория.

Этнос – аморфная структура и не может иметь четких очертаний; соседние народы нередко смешиваются между собой. Однако при смешивании роль компонентов неодинаковая, определяющее значение получает один из них (самый многочисленный или главенствующий), в результате чего его этнические признаки становятся особенностями другого, хотя и с некоторыми элементами субстрата. Путем смешивания иногда возникают новые народы. Так, например, русский народ возник из смешивания древних славян с балтами и финнами с преобладающей ролью славян в этом процессе. Отличие русского народа от белорусского находится в зависимости от того, что субстратом первого из них были главным образом финны, а второго – балты.

Биологическим путем люди наследуют от своих предков расовые черты и психические свойства, или темперамент, но то и другое не входит в число собственно этнических признаков. Одна и та же раса представлена многими этносами (народами), а один и тот же народ состоит из представителей различных расовых типов, особенно если дело касается рас второго и третьего порядка. Люди различных расовых типов и разных темпераментов имеются во всех этносах, и в этом отношении последние могут различаться между собой только преобладанием тех или других в своем составе. Все признаки этнического характера прививаются воспитанием и обучением, усвоением понятий и порядков, существующих в данной этнической среде.

Самый важный способ связи между людьми – язык. Посредством его они усваивают знания и опыт своих предков и современников. Казалось бы, язык должен быть основным признаком этноса. На самом деле это не совсем так. Существуют разные народы с одним и тем же языком (англичане, янки, новозеландцы и др.) и, что самое удивительное, известны этносы с разными языками. Тем не менее, язык – важнейший признак этноса. Без общего языка как средства коммуникации возникновение этноса невозможно, но в дальнейшем своем существовании части уже сложившегося этноса могут усвоить разные языки и вместе с тем сохранить другие черты этнической общности.

Верно, что природа накладывает особый отпечаток на организмы, что люди приспосабливаются к определенному ландшафту, но при чем здесь этнос? В одном и том же, во всяком случае – в сходных ландшафтах существуют различные этносы (немцы, поляки, чехи), и наоборот – один и тот же этнос занимает страны с разными географическими условиями (русские – лес, степь).

Что касается формирования этносов, то оно происходит, конечно, во взаимодействии с географической средой, прежде всего – через хозяйство данного человеческого коллектива, но сводить возникновение этносов к различиям в ландшафтах столь же неправильно, как и относить этнос к биологическому типу. Человек тем и отличается от животного, что он способен не только пассивно приспосабливаться к природе, но и приспосабливать природу к

своим нуждам. Зависимость человека от природы тем меньше, чем выше его культурный уровень. Это прописная истина, но в данном случае важно подчеркнуть все возрастающую активность человечества по отношению к природе. Разные группы людей, связанных между собой в процессе борьбы за существование, вырабатывали различные (хотя бы только в деталях) способы использования одной и той же природной среды и тем самым создавали различные этносы. Люди «вписываются» в природу по-разному и вовсе не только потому, что природные условия, с которыми они имеют дело, различные, но и потому, что они сами разные.

Самое слабое место в построении Л. Н. Гумилева – его теория пассионарности. Этнические трансформации он объясняет появлением людей с сильной страстью к целенаправленной деятельности. Увлекая за собой менее активных («субпассионариев»), они ломают инертные традиции и создают новые этносы. Как бы ни откращивался автор этой теории от старого учения о героях и толпе *1, в ней нет ничего нового, кроме, разве названия героя «пассионарием». Ненадобности поэтому вновь обсуждать этот вопрос и достаточно только напомнить, что деятельность пассионариев встречает поддержку и активное содействие только в тех случаях, когда идет навстречу созревшим стремлениям «толпы», и увенчивается успехом лишь при наличии соответствующих условий. Нет надобности отрицать роль личности в истории, но и преувеличивать ее значение тоже не приходится.

К тому же не следует путать этнические изменения с переменами другого порядка, например с политическими, хотя эти последние также относятся к числу факторов этнической изменчивости. Все же связь их с этническими признаками настолько опосредственная, что прямой зависимости между ними усмотреть невозможно. Этногенез связан со всем сторонами жизни общества, но он не совпадает ни с одной из них и обладает своей собственной линией развития. Этнос остается одним и тем же, несмотря на революционные перевороты в области техники, поли тики, идеологии и т. д., и вместе тем изменяется, казалось бы, без всяких видимых причин. Причины, конечно, есть, но они в большинстве случаев не прямого, а косвенного действия и сказываются далеко не сразу после своего возникновения. Народ можно истребить или ассимилировать, но в других случаях его изменение идет своим собственным, не поддающимся внешнему контролю путем. Экономические, культурные и политические связи приводят к этническому сближению и даже к слиянию народов путем ассимиляции одного другим, и наоборот, разобщение способствует превращению отделившихся частей одного народа в разные народы, но это процессы длительного действия и тоже не поддающиеся регулированию.

Свои суждения Л. Н. Гумилев подкрепляет многочисленными и разнообразными примерами, делающими честь его эрудированности, но, как правило, бьющими мимо цели, так как этнические изменения он отождествляет с историческими событиями совершенно иного порядка. Римский народ действительно формировался в процессе истории Римского государства, но его распространение никогда не совпадало с границами этого государства, и римское гражданство далеко не всегда означало принадлежность облеченного его правами к римскому этносу. Точно так же и этническое становление византийцев нельзя отождествлять с историей Византийской империи, ядро которой составляли греки. Но византийская культура была распространена среди ряда других народов, как входивших, так и не входивших в состав этой империи. И римская, и византийская культуры играли важную роль в формировании и распространении римского и византийского (греческого) этносов, но и та и другая, наслаиваясь на другие этнические культуры, далеко не всегда оказывались в состоянии погасить их своеобразие и объединить в этническом отношении все население даже только в границах Римского или Византийского государств. Л. Н. Гумилев сам вынужден ввести понятие «суперэтнической культуры» для обозначения тех общностей, которые охватывали различные

этнические образования с общими элементами культуры, например с одной религией, но в остальном сохранявшие свою этническую обособленность.

Формирование нового этноса начинается не со стремления небольшого числа «пассионариев» к целенаправленной деятельности, а с радикального изменения условий существования или, что чаще, смешивания одного этноса с другим. Что же касается повышенной активности представителей того или другого этноса, то она – результат не каких-то неведомых, чуть ли не космических причин, а обострения внешних или внутренних противоречий этого общества. Периоды простого воспроизводства и равновесия в жизни общества сменяются бурной перестройкой, получающей выражение то в переходе к новым формам хозяйственной деятельности, каким был, например, переход степняков от комплексного скотоводческо-земельческого хозяйства к кочевому скотоводству; то в переселениях; то в войнах с соседями; то в революциях; то в появлении новой религии и т. д. Возглавлявшие эти перевороты вожди, по терминологии Л. Н. Гумилева – пассионарии, не вызывают их из ничего, а чутко улавливают уже существующие помимо их тенденции и направляют их развитие.

Из определения этноса, данного Ю. В. Бромлеем *2, без всякого ущерба можно отбросить всю его последнюю часть, где говорится о психическом складе, сознании этнического единства и об эндогамии. Вполне достаточно оставить в этом определении только начало, а именно, что этнос, не в узком, а в любом смысле слова «представляет собой совокупность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры» *3. Ничего другого он в себе не включает и, что особенно важно, представляет собой не социальную организацию («социальный организм»), а аморфное состояние, принимающее любую социальную форму – племени, союза племен, государства, церкви, партии и т. д., и не одну, а одновременно нескольких. Что касается племени, народности, народа и национальности, то это не формы этноса, а всего только его синонимические обозначения.

Этнические отношения играют важную роль в истории. В этом мы убеждаемся на каждом шагу. Нет ничего опаснее этнической вражды внутри государства или между народами в разных государствах: она приводит к кровопролитным столкновениям, нередко – без очевидного повода. Практически существование этносов известно каждому, но оценка этого явления нередко бывает ошибочной из-за непонимания его сущности. Тем более важно поэтому уяснить теоретическое содержание этноса. Заблуждения в этом вопросе слишком дорого обходятся. Следует поэтому приветствовать научную дискуссию об этносе и надеяться, что она приведет к правильному решению назревшей проблемы. На мой взгляд, самое главное заключается в том, чтобы не смешивать этнос с биологическими категориями, какими являются расы, и с различными видами социальной организации, в чем, прежде всего, коренятся ошибки, в том числе и Л. Н. Гумилева.

Л. Н. Гумилев. Этногенез – природный процесс

В основу исследования проблемы этногенеза нами положен известный постулат К. Маркса и Ф. Энгельса: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны непрерывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга» 1. Общественная форма движения материи, свойственная только человеку, стоит особняком от природных (механической, физической, химической и биологической), но постоянно взаимодействует с ними 2. Поприщем взаимодействия служат не только люди, но и элементы техносферы,

которые «теряют природную способность к саморазвитию, и если их не поддерживать, могут только разрушаться»³. Каждый человек, как и коллектив людей с техникой и domestикатами (ручные животные и культурные растения), подвержен воздействию как общественной, так и природных форм движения материи. Следовательно, при обобщении материала в единый доступный наблюдению и изучению комплекс, мы обязаны рассматривать его в двух ракурсах – со стороны социальной и со стороны природной. В первом ракурсе мы видим общественные организации: племенные союзы, государства, теократии, политические партии, философские школы и т. п. Во втором – этносы, т. е. коллективы людей, имеющие в каждом случае оригинальную структуру, неповторимый стереотип поведения и своеобразный ритм развития.

Определение В. И. Козлова: «Этнос – исторически сложившаяся социальная общность людей» – представляется мне недостаточным. Действительно, наличие социальных институтов превращает первичную популяцию сходных особей в этнос, но ведь и сами эти институты не могли бы найти приложение вне людей. Поэтому мы помещаем этнос в «зазоре» между природой и обществом. Географические условия могут способствовать либо зарождению нового этноса в комбинированных ландшафтах, либо миграциям (в ландшафтах монотонных) и вопрос о «незаконнорожденности» какого-либо этноса не имеет смысла.

Будучи последовательным противником расизма, я вижу «биологичность» этноса не в его анатомических и генетических чертах, а в поведенческих, в системе условных рефлексов, которые со времен И. П. Павлова рассматриваются как раздел биологии. С этим соглашается сам В. И. Козлов, вопреки своему тезису о «социальности» этноса. Например: «Зерна национализма не дали бы всходов, если бы они не питались, прежде всего, психологически естественной симпатией к людям того же языка, культуры, внешнего вида и т. п. и столь же естественной настороженностью по отношению к этнически чуждым людям». Это значит, что этническая близость – ощущение, т. е. явление природного порядка, а не умозрений, что тут же подтверждает сам В. И. Козлов фразой: «Дети – безнациональны и теряют это свойство» при получении информации от взрослых, «а также при контактах с людьми другой этнической принадлежности». Значит, в основе этноса лежит стереотип поведения и противопоставления «нас» – «чужим», что и требовалось доказать.

Перейдем к связи этнологии с географией. В. И. Козлов утверждает, что «родоплеменная форма социальной организации была универсальным этапом в развитии всех народов мира... вне зависимости от природных условий». Но он же пишет, что «природные условия территории влияют на жизнь людей, отражаясь в некоторых особенностях их хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики». А далее В. И. Козлов говорит: «переселенцы-земледельцы, например, будут стараться и на новом песте заниматься земледелием, а скотоводы – скотоводством, со всеми обусловленными этими особенностями их жизни, чертами культуры и быта; называть же это свойство этическим нет оснований». Все три тезиса исключают друг друга *1, и чему верить, не ясно.

Верно, что социальная формация не зависит от характера ландшафтов. Но ведь племена, носители этой социальной системы, от них зависели полностью. Одни охотились за мамонтами, другие ловили рыбу, третьи собирали дикорастущие злаки и т. д. Они различались языком, бытовыми навыками, обрядами и внешним обликом, потому что приспособление к ландшафтам себя и ландшафтов к себе влекло за собой этническую дивергенцию, благодаря которой человек оказался и пластичным и способным активно влиять на географическую среду, почему мы и предложили называть мозаичную антропосферу – этносферой. Прогресс общественных отношений шел своим путем, значит, то, на что влияют природные условия, не социально *2.

Если соединить содержание всех трех цитат, то будет воспроизведен именно мой тезис: этнос связан с природными условиями, а социальная структура от них не зависит. Значит,

этническая целостность по природе социальна.

Но вот в чем я не могу согласиться с В. И. Козловым, так это с воспроизведением им взгляда Ш. Монтексье, согласно которому не только хозяйственная деятельность и быт, но и психика определяется природными условиями. Природа Норвегии за последние 2000 лет не изменилась, однако походы викингов, людей специфического психического склада, происходили лишь в IX–XI вв., а до и после этого норвежцы ловили селедку и подчинялись то Дании, то Швеции. Следовательно, здесь мы наталкиваемся на явление иного порядка, с моей точки зрения – на пассионарность.

В. И. Козлов считает, что в древности «пассионарность не играла никакой роли... их (пассионариев) либо изгоняли из племени, либо просто убивали». В. И. Козлов понял идею почти правильно: пассионарии обречены. Но если бы они всегда погибали, не успев ничего сделать, то прогресс был бы невозможен.

Стремление во что бы то ни стало рассматривать этнос как «один из видов социальной близости» заставляет В. И. Козлова приводить примеры, говорящие об обратном. Так, утверждение, что «деление на свободных и рабов в Римской империи имело большее значение, чем принадлежность к тем или иным этническим группам», дает повод припомнить, что *slavus* означало – военнопленный, т. е. иноплеменник. Кроме того, были и рабы, воспитанные в «инкубаторах», т. е. по культуре и стереотипу – бесправные римляне. Гражданских прав они не имели, но возможности их были больше, чем у римских бедняков и провинциалов, так как мужчины были клиентами, а женщины – наложницами своих богатых господ, разделяя с ними выгоды их положения.

Не согласен я и с интерпретацией роли религии, опять-таки на приведенном В. И. Козловым примере. «Французы-католики рьяно уничтожали французов-протестантов (гугенотов), вынуждая их бежать в Англию; притесняемые протестантами-англичанами, католики-англичане искали помощи у католиков Франции». Нет, тут были политические коллизии, в которых принадлежность к той или иной вере была делом второстепенным. Суть в том, что гугенотство охватило провинции Франции с преобладанием национальных меньшинств: Ла-Рошель – столица кельтской Вандеи; часть населения Гаскони и Наварры – баски; крестьяне в Севеннах – потомки галлов. Все эти районы – древние противники французской короны. И наоборот, Париж, Шампань, Лотарингия – области, населенные некогда франками и бургундами, а также нынешняя Бельгия – были оплотом католицизма. До конца Столетней войны южная и югозападная Франция, где еще не говорили по-французски, боролась против засилья северной Франции и Парижа, сначала как альбигойцы, потом под знаменем Плантагенетов; затем они это продолжили, приняв кальвинизм. Лозунги менялись, а борьба шла, пока в XIX в. не закончилась этническая интеграция.

И, наконец, неужели В. И. Козлов всерьез считает, что безграмотные гасконские бароны, полудикие севенские горцы, удалые корсары Ла-Рошели или ремесленники предместий Парижа и Анжера в самом деле разбирались в тонкостях трактовки предопределения или пресущствления? Если же они, тем не менее, отдавали жизнь за мессу или библию, то, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения, а тем самым, индикатором глубинных противоречий (этнических), ибо на обеих сторонах сражались и крестьяне, и дворяне, и буржуа.

Не теологические догмы создают народы, а этносы, возникающие естественным путем, принимают новое исповедание веры, приспособляя его к своим особенностям. Конечно, сикхизм, упоминаемый В. И. Козловым, – религия, но не только религия. Ведь если бы кто-нибудь в Москве воспринял учение Нанака, то он все-таки не стал бы сикхом, и те его за своего не сочли бы. Выйдя из системы каст, сикхи создали новую этническую целостность. Это случай этнической дивергенции, довольно частый в истории.

Проф. М. И. Артамонов определяет этнос как «аморфное состояние, ничего общего не имеющее с видом или породой», т. е.

«этнос не биологическая, а социальная категория». Этот довольно-таки неясный тезис он поясняет примерами, заслуживающими разбора как в смысле достоверности, так и в плане доказательности. «Отличие русского народа от белорусского находится в зависимости от того, что субстратом первого были главным образом финны, а второго – балты». Но балты не селились в Полесье, а от Полоцка были отделены барьером финно-угорского племени ливов. Зато балтские племена ятвяги и голядь жили в Смоленском княжестве и около Вязьмы. Это показывает, что не метисация славян с аборигенами Восточной Европы определила разделение восточных славян на три группы. Здесь М. И. Артамонов противоречит себе, так как, если этнос – социальная категория, метисация не может влиять на его сложение.

Неясность изложения усугубляется тезисом: «Не следует путать этнические изменения с переменами другого порядка, например, с политическими, хотя последние тоже относятся к числу факторов этнической изменчивости». Тут противоречие, и непримиримое, в одной фразе, а между тем половина ее правильна. Разделение Белоруссии и Великооруссии – следствие исторической судьбы древней Руси. Западно-русские княжества оказались связанными с Литвой, восточные – с Золотой Ордой. Разная историческая судьба аккумулировала на западной окраине некоторые культурные черты, отличные от тех, которые сложились на восточной. Польская оккупация стабилизировала этнографические черты белорусского крестьянства, а население городов было ополячено и тем самым изъято из русского этноса. Налицо факторы социально-политической истории, а не биологическая гибридизация, которую М. И. Артамонов, вопреки собственному тезису, предложил считать решающим фактором этногенеза русских.

М. И. Артамонов пишет: «этническое становление византийцев нельзя отождествлять с историей Византийской империи, ядро которой составляли греки». Последнее просто неверно, так как, начиная с VI в., Македония, Фракия и Пелопоннес были заселены славянами, Эпир – албанцами, юг Малой Азии – исаврами, центр ее – галатами, север – лазами, восток – айсорами, а Сирия, хотя и имела греческую прослойку, но только в городах. Остается городское население Константинополя и других городов, где население было весьма пестрым, но использовало греческий язык как общепонятный.

Отсюда название византийцев, называвших себя ромеями, под коими понимались отнюдь не только потомки эллинов. Византийцы имели оригинальный стереотип поведения, внутреннюю структуру и противопоставляли себя всем прочим. В глазах современников это был этнос, а не просто смесь греков со славянами и армянами.

Явной передержкой служит отождествление явления пассионарности с умозрительной теорией «героев» и «толпы», причем полностью игнорируется раздел «природа пассионарности» со ссылками на теорию биосферы В. И. Вернадского. Искажение моей мысли делается для того, чтобы навязать мне совсем другую, заведомо слабую концепцию, которой я не высказывал и не разделяю.

А какова же собственная точка зрения М. И. Артамонова? Она столь эклектична, что ее просто нет. Утверждая, с одной стороны, что этнос – социальная категория, с другой, он заявляет, что «этнос – категория не только социальная, но и биологическая»⁴ и что «этносы изменяются по собственным закономерностям, над которыми не властны ни политические, ни идеологические воздействия». В последнем он со мною согласен, но как согласовать эти три его заявления между собой?

И, наконец, неясна позиция М. И. Артамонова в отношении взаимодействия этноса и ландшафта. «Люди „вписываются“ в природу по-разному и вовсе не только потому, что

природные условия, с которыми они имеют дело, различные, но и потому, что они сами разные». А в чем разность людей одной социальной формации, остается только гадать.

Наибольшее удивление вызывает последняя фраза статьи, где рекомендуется не путать этнос ни с биологическими, ни с социальными категориями (это мой тезис – Л. Г.), «в чем, прежде всего, коренятся ошибки, в том числе и Л. Н. Гумилева». Значит, «ошибкой» названо то, что Л. Н. Гумилев выдвинул научное положение, с которым М. И. Артамонов вынужден согласиться?!

Среди многих справедливых замечаний Ю. К. Ефремова объем статьи позволяет ответить лишь на последнее, но весьма существенное. Ю. Ефремов считает «мрачным выводом», что «стирание этнической раздробленности, вместе, скажем, уменьшением зависимости человека от различий среды, должно угрожать самому существованию человечества». Да, действительно, спасение людей в этнической пестроте, ибо она позволяет этим своеобразным антропоценозам устанавливать с природой отношения, оптимальные для обеих сторон. Ведь ландшафты разнообразны, биоценозы в них неповторимы, и, следовательно, формы адаптации должны быть в каждом отдельном случае различны.

Можно привести немало примеров этнической дивергенции при адаптации в разных ландшафтах. Так, группа голландских крестьян поселилась в южноафриканских владениях Голландии, и через несколько поколений там создался голландский субэтнос – буры. Английское завоевание 1900 г. и дальнейшее развитие в специфическом ландшафтном и этническом окружении повели к образованию даже нового языка, африкаанс, изменению черт национального характера африкандеров – уже не голландцев, а их потомков. Вот что рождает сочетание воздействия природы и исторической судьбы.

Таковы мои соображения относительно необходимости уточнить характер взаимодействия общественной и природных форм движения материи в этногенезе. Разумеется, это не исключает, что в будущем будет достигнуто глобальное плановое руководство хозяйством и культурой планеты Земля. Но это – социальная закономерность, отнюдь не мешающая отдельным антропоценозам (этносам) возникать, цвести и уступать место потомкам. Ибо это закон природы, которая не враг, а любящая мать человека. И она заслуживает внимания к себе и к своим законам.

Литература

- 1 К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 16.
- 2 Б. Н. Семеvский. Методологические основы географии. «Вестник Ленинградского университета», 1968, № 24, стр. 58–60.
- 3 С. В. Калесник. Проблема географической среды. «Вестник Ленинградского университета», 1968, № 12, стр. 94.
- 4 М. И. Артамонов. Болгарские культуры северного и западного Причерноморья. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1970, вып. 15, стр. 10.

**Л. Н. Гумилев. Опыт преодоления самообмана
(Глава 13 из книги «Поиски вымышленного царства»)**

Мысль Изреченная

Для начала вернемся к проблеме значения для нас и нашего времени сочинений древних авторов. Кроме элементарно антикварного похода, целью которого является эстетическое восприятие, или, сказать по-русски, любование, возможны два познавательных аспекта, оба равно научных: источниковедческий и исторический.

В первом случае сочинение рассматривается как источник информации – иными словами, мы стремимся извлечь из него крупицу сведений и заполнить ею бездну нашего невежества. Как правило, это удается, но эффект, как мы уже видели, всегда меньше ожидаемого, потому что либо информация бывает неполноценна, либо мы сами воспринимаем ее неадекватно. Но избежать этого подхода нельзя, ибо только таким путем мы получаем первичные сведения, обрабатываемые затем приемами исторической критики.

Во втором случае, применяемом крайне редко, мы будем рассматривать литературное произведение как исторический факт или событие. В самом деле, чем отличается опубликование, например, тезисов Лютера, вывешенных 31 октября 1517 г. на дверях собора в городе Виттенберге, от битвы при Мариньяно, происшедшей на два года раньше?

Если судить по размаху последствий, то один бедный монах сделал больше, чем вся французская армия во главе с королем Франциском I. Но, даже если отвлечься от оценок, и то и другое для историка – факт, т. е. эталон исторического становления. Вот с этой позиции мы попробуем подойти к произведению древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», отнюдь не собираясь соперничать с филологами-литературоведами, работающими другими методами и ставящими себе другие задачи. Мы посмотрим на предмет изучения глазами историка-номадиста, из глубины азиатских степей, чего до сих пор не делал никто.

С момента появления из мрака забвения «Слово о полку Игореве» (в дальнейшем – «Слово») начало вызывать споры. Сложились три точки зрения. Первая, господствующая ныне в литературоведении: «Слово» – памятник XII в., составленный современником, а возможно, даже участником описываемых в нем событий 1. Вторая: «Слово» – подделка XVIII в., когда началось увлечение экзотикой древности. Эта концепция и в настоящее время не умерла и представлена работами французского слависта А. Мазона 2 и советского историка А. А. Зимина 3, книга которого пока не опубликована и потому не может быть предметом обсуждения. Третья: «Слово» – памятник древнерусской литературы, но составлено после XII в. – мнение, выдвинутое И. Свенцицким и А. Вайяном 4, предложившими в качестве вероятной даты XV в., и Д. Н. Альшицем, относившим его к первой половине XIII в.

История вопроса столь обширна 5, что рассматривать ее здесь нецелесообразно, а достаточно наметить верхнюю границу возможной датировки. Д. С. Лихачевым доказано, что «Задонщина» содержит элементы заимствования из «Слова», – значит, «Слово» древнее Куликовской битвы 6. Тем самым отпадают все более поздние датировки, но самый факт наличия дискуссии показывает, что дата – 1187 г. – вызывает сомнения. Поэтому мы предлагаем новый, дополнительный материал и новый аспект.

Чтобы не дублировать достигнутого нашими предшественниками, мы принимаем за основу исчерпывающий комментарий Д. С. Лихачева 7 за исключением тех случаев, когда он оставляет вопрос открытым. Но, в отличие от филологического подхода к предмету, мы рассматриваем содержание памятника с точки зрения его правдоподобия при изложении событий, в нем описанных. Иными словами, мы кладем описание похода Игоря на канву всемирной истории, с учетом того положения, которое имело место в степях Монголии и Дешт-и-Кыпчака. Наконец, мы исходим из того, что любое литературное произведение написано в определенный момент, по определенному поводу и адресовано к читателям, которых оно должно в чем-то убедить. Если нам удастся понять, для кого и ради чего написано интересующее нас сочинение, то обратным ходом мысли мы найдем тот единственный момент,

который отвечает содержанию и направленности произведения. И в этом разрезе несущественно, имеем ли мы дело с вымыслом или реальным событием, прошедшим через призму творческой мысли автора. Само создание гениального литературного произведения и воздействие его на читателей-современников – факт, находящийся в компетенции историка.

Недоумения

Принято считать, что «Слово о полку Игореве» – патриотическое произведение, написанное в 1187 г. (стр. 249) и призывающее русских князей к единению (стр. 252) и борьбе с половцами, представителями чуждой Руси степной культуры. Предполагается также, что этот призыв «достиг... тех, кому он предназначался», т. е. удельных князей, организовавшихся в 1197 г. в антиполовецкую коалицию (стр. 267–268). Эта концепция действительно вытекает из буквального понимания «Слова» и поэтому на первый взгляд кажется единственно правильной. Но стоит лишь сопоставить «Слово» не с одной только группой фактов, а посмотреть на памятник со стороны, учитывая весь комплекс событий и на Руси и в сопредельных странах, то немедленно возникают весьма тягостные недоумения.

Во-первых, странен выбор предмета. Поход Игоря Святославича не был вызван причинами политической необходимости. Еще в 1180 г. Игорь находится в тесном союзе с половцами, в 1184 г. он уклоняется от участия в походе на них, несмотря на то, что этот поход возглавлялся его двоюродным братом Ольговичем – Святославом Всеволодовичем, которого он только что возвел на киевский престол. И вдруг, ни с того ни с сего, он бросается со своими ничтожными силами завоевывать все степи до Черного и Каспийского морей (стр. 243–244). При этом отмечается, что Игорь не договорился о координации действий даже с киевским князем. Естественно, что неподготовленная война кончилась катастрофой, но, когда виновник бед спасается и едет в Киев молиться «Богородице Пирогощей» (стр. 31), вся страна, вместо того чтобы справедливо негодовать, радуется и веселится, забыв об убитых в бою и покинутых в плену. С чего бы?!

Совершенно очевидно, что автор «Слова» намерен сообщить своим читателям нечто важное, а не просто рассказ о неудачной стычке, не имевшей никакого военного и политического значения. Значит, назначение «Слова» – дидактическое, а историческое событие – просто предлог, на который автор нанизывает нужные ему идеи. Историзм древнерусской литературы, не признававшей вымышленных сюжетов, отмечен Д. С. Лихачевым (стр. 240), и потому нас не должно удивлять, что в основу назидания положен факт. Значит, в повествовании главное не описываемое событие, а вывод из него, т. е. намек на что-то вполне ясное «братии», к которой обращался автор, и вместе с тем такое, что следовало доказать, иначе зачем бы и писать столь продуманное сочинение. Нам, читателям XX в., этот намек совсем неясен, потому что призыв к войне с половцами был сделан Владимиром Мономахом в 1113 г. предельно просто, понят народом и князьями также без затруднений и стал в начале XII в. общепризнанной истиной, не вызывавшей сомнений. Но к концу XII в. этот призыв был неактуален, потому что перевес Руси над половецкой степью сделался очевидным. В то время половцы в значительном количестве крестились и принимали участие в усобицах ничуть не больше, чем сами князья Рюриковичи, причем всегда в союзе с кем-либо из русских князей. Призывать в такое время народ к мобилизации просто нелепо. Но мало этого, сам «призыв» в плане ретроспекции вызывает не меньшие сомнения.

С вышеописанных позиций автор «Слова» должен был бы отрицательно относиться к князьям, приводившим на Русь иноплеменников. Автор не жалеет осуждений для Олега Святославича, приписывая ему все беды Русской земли. Однако прав ли он? Олег должен был

унаследовать золотой стол киевский, а его объявили изгоем, лишили места в престолонаследной очереди, или, как тогда называли, в лестнице, предательски схватили и по договоренности с византийским императором Никифором III (узурпатором) и князем киевским Всеволодом I отправили в заточение на остров Родос (1079 г.). Можно было бы думать, что за год перед этим он при помощи половцев добыл родной Чернигов, а затем спровоцировал кровавое столкновение на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г., в котором погибли другой изгой – Борис Вячеславич и Изяслав I, князь киевский. Пусть так, но ведь антагонист Олега – Владимир Мономах за год перед этим первый привел половцев на Русь, чтобы опустошить Полоцкое княжество. За что же такая немилость Олегу? Может быть, Олег не первый начал обращаться за помощью к половцам, но применял эту помощь в больших масштабах? Проверим. За период с 1128 по 1161 г. Ольговичи приводили половцев на Русь 15 раз 9, а один только Владимир Мономах – 19 раз 10. Очевидно, тут вопрос не в исторической правде, а в очень дурном отношении автора «Слова» к Олегу. Но за что?

Вражда Мономаха с Олегом из-за Чернигова носила характер обычной княжеской усобицы и не вызвала острого отношения русского общества. Таковое, и резко отрицательное, к Олегу проявилось лишь после 1095 г. Тогда Владимир Мономах заманил для переговоров половецкого хана Итляря, предательски убил его, вырезал его свиту и потребовал от Олега Святославича выдать на смерть сына Итляря, гостившего в Чернигове. Вероломство и в XII в. не рассматривалось на Руси как добродетель. Олег отказал! Вызванный на суд митрополита, Олег заявил: «Не пойду на суд к епископам, игуменам да смердам» 11. Вот после этого, и только тогда, Олега объявили врагом Русской земли, что распространилось и на его детей.

Это плохое отношение к Ольговичам было не повсеместным. Скорее это была платформа группы, поддерживавшей князя Изяслава Мстиславича и его сына, но для нас важно, что автор «Слова» держится именно этой точки зрения.¹² И не в кочевниках тут дело. Обе стороны привлекали в качестве союзников и половцев, и торков с берендеями, и даже мусульман-болгар. Например, в 1107 г. Владимир Мономах, Олег и Давид Святославичи одновременно женили своих сыновей на половецанках. Но все-таки разница была: Олег и его дети дружили с половецкими ханами, а Мономах и его потомки – их использовали. Нюанс очень важный для того времени, и невозможно, чтобы точка зрения авторов Ипатьевской летописи и «Слова», осуждающих Олега, была единственной на Руси. Очевидно, должна была существовать черниговская традиция, обеляющая Олега. Черниговская летописная версия не дошла до нас, но вскрыта М. Д. Приселковым как «третий источник киевского великокняжеского свода 1200 г., использованный в выписках» 13. Однако автор «Слова», по мнению М. Д. Приселкова, предпочитает киевскую традицию, враждебную Олегу, и в своих симпатиях совпадает с черниговским летописцем только по отношению к Игорю Святославичу, который и в черниговском варианте назван «благоверным князем». Противопоставление Игоря его деду Олегу бросается в глаза. Оно проходит по двум главнейшим линиям: отношению к степи и по отношению к киевской митрополии! В самом деле, вражда двух княжеских группировок связана не только с изгойством Олега Святославича. Ведь в ней принимало участие население городов Северской земли, без поддержки коего князья Ольговичи долго воевать не могли. И вот тут-то мы подходим к вопросу, вернее к постановке гипотезы, которая, если она правильна, позволит нам решить этот вопрос. Ключ к его решению содержится в некоторых словах текста «Слова о полку Игореве» и в истории взаимоотношений Руси со степью в XI–XIII вв.

Земля Незнаема

Существует мнение, распространенное вплоть до школьных учебников, что дикая, кочевая

степь всегда противостояла оседлой культурной Руси и боролась с ней чуть ли не до XIX в. Такое сверхообщение само по себе является натяжкой, но совершенно недопустимо вытекающее из него обывательское представление, будто степь представляла «политическое» и этническое единство. Недаром наши предки в XII в. Именовали степь «землей незнаемой». Это определение действительно и для более поздних веков.

Прежде всего, даже в физико-географическом смысле, степь разнообразнее лесной полосы Евразии. Травянистые степи между Днепром и Доном непохожи на сухие Черные земли Прикаспия и на Рын-пески Волго-Уральского междуречья. Речные долины и дельта Волги вообще аazonальны и выпадают из общей характеристики аридной зоны, равно как и предгорья Кавказа или побережье Черного моря. И в этих разных географических условиях жили разные народы, отнюдь не похожие друг на друга. В середине XI в. этнографическая карта «земли незнаемой» выглядела так.

В долинах Дона и Терека жили потомки православных хазар, а их мусульманские соплеменники населяли дельту и пойму Волги. В Прикубанье обитали ясы (осетины) и касоги (черкесы), еще не оттесненные в Кавказские горы. На берегах Черного моря держались готы-тетракситы. Левый, степной берег Волги контролировали камские булгары, а правый, горный – мордва и буртасы. Все эти народы были оседлыми. Кочевники занимали только водораздельные массивы Степей, но и они не были едины. Торки, берендеи и черные клобуки (каракалпаки) жались к русской границе, страшась подлинных степняков – половцев.

Русско-половецкие отношения прошли длинную эволюцию. В 1054 г. половцы появились на границах Руси как народзавоеватель, опьяненный победами над гузами и печенегам. В 1068 г. они разбили русских князей на Альте и, казалось, были близки к покорению Восточной Европы. Однако стены русских крепостей остановили их натиск, и до 1115 г. шла упорная война, в которой половецкий племенной союз использовал распри русских удельных князей. Но успехи половцев были эфемерны. Как только Владимир Мономах установил внутренний мир, он перенес войну в степи и разгромил половецкий союз. По существу это было завоевание степей, хотя отнюдь не покорение, которого в те времена быть не могло. Половцы вошли в систему Киевского княжества так же, как, например, Полоцкая или Новгородская земля, не потеряв автономии. Они участвовали в распрях Ольговичей с Мономаховичами уже не как самостоятельная сила, а как вспомогательные войска. Выступать против Руси в целом они не смели, и потому правильнее говорить о единой русско-половецкой системе, сменившей бывшее противопоставление. Потому-то русские князья и вступились за половцев в 1223 г., что и вызвало недоумение монголов и последовавший в 1236 г. поход Батые. Поход Игоря в 1185 г. выпадает из общего стиля русско-половецких отношений XII в., и потому, очевидно, он был удостоен особого внимания со стороны авторов Ипатьевской летописи и «Слова» 14. О причинах такого повышенного интереса мы скажем в другой связи.

Итак, от падения Хазарского каганата в 965 г. до основания Золотой Орды в 1241 г. никакого степного объединения не существовало и опасности для Русской земли со стороны степи не было. Однако «Слово о полку Игореве» пронизано совершенно иным настроением, и это наводит на мысль, что автор нашего источника имел в виду что-то такое, о чем он предпочитал прямо не говорить. Это подозрение заставляет нас снова вернуться к тексту и обратить внимание на некоторые ориентализмы, не получившие достаточного объяснения. При этом мы заранее отказываемся от всех предвзятых мнений, чтобы твердо стать на почву несомненных фактов.

Хины

В «Слове» трижды упоминается загадочное название «хин». Д. С. Лихачев определил, что это «какие-то неведомые восточные народы, слухи о которых могли доходить до Византии и от самих восточных народов, устно, и через ученую литературу» (стр. 429). Но народа с таким именем не было! 15 Больше того, хины упоминаются как соседи Руси. Поражение Игоря «буйство подаста хинови» (стр. 20). Воины двух западнорусских князей – Волынского Романа и Городенского Мстислава – гроза для «хинов» и литовских племен (стр. 23). И наконец, «хиновьскыя стрелки» в устах Ярославны – образ совершенно ясный для читателей «Слова». Значит, этот термин был хорошо известен на Руси. Единственное слово, соответствующее этим трем цитатам, будет названием чжурчжэньской империи – Кин (современное чтение Цзинь – «золотая») (1115–1234) 16. Замена «к» на «х» показывает, что это слово было занесено на Русь монголами, у которых в языке звука «к» нет 17. Но тогда возраст этого сведения не XII в., а XIII в., не раньше битвы на Калке в 1223 г., а скорее позже 1234 г., и вот почему.

Империя Кинь претендовала на господство над восточной половиной Великой степи до Алтая и рассматривала находившиеся там племенные державы как своих вассалов. Этот сюзеренитет был отнюдь не фактическим, но юридическим, и племена кераитов, монголов и татар считались политическими подданными империи, т. е. кинами, хотя отнюдь не чжурчжэнями. Такое условное обозначение было в Азии весьма распространено. Так, монголы до Чингисхана назывались татарами, так как племя татар было гегемоном в степи. Потом покоренные Чингисом племена стали называться монголами или, по старой памяти, татарами, причем это название закрепилось за группой поволжских тюрок.

В XIV в. название «хинове» было закреплено за золотоордынскими татарами. В «Задонщине» толково объяснено, что «на восточную сторону жребии Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые татаровя бусорманские. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела...». Темник Мамай назван «хиновинном» и, наконец, сказано: «возгремели мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове» 18.

Для понимания истории Азии надо твердо усвоить, что национальностей и национальных названий там до XX в. не было. Поэтому, после того как чжурчжэньская империя была завоевана монголами, последних продолжали называть «хины» в политическом, но не этническом смысле слова. Однако это название было вытеснено новыми политическими названиями: Монгол и Юань. Совместно с ними оно могло бытовать, применительно к монголам, только в середине XIII в. Но тогда значит, что под «хинами» надо понимать монгол-татар Золотой Орды и, следовательно, сам сюжет «Слова» не более как зашифровка. Да, такова наша догадка, и в ее же пользу говорит иначе не объяснимое русское название Синей Орды – Золотая Орда. Это буквальный перевод китайского слова «Кинь» (совр. Цзинь) 19. И возникло это название, видимо, из-за того, что войска Батгя были укомплектованы сдавшимися чжурчжэнями, подобно тому как войска Хубилая пополнялись русскими и половцами. Исходя из этого соображения, можно догадаться, что означает в тексте «Слова» упоминание «хиновьских стрел».

Хиновьские Стрелы

В средние века стрелы были дефицитным оружием. Изготовить хорошую стрелу нелегко, а расходвались они быстро. Поэтому ясно, что, захватив чжурчжэньские арсеналы, монголы на некоторое время обеспечили себя стрелами. Для автора «Слова», так же как и для его читателей, хиновьские, т. е. монгольские, стрелы – понятие вполне определенное. В чем секрет?

Стрелы дальневосточных народов отличались тем, что они были иногда отравлены. Этот факт не был никогда отмечен современниками-летописцами, потому что монголы держали

военные секреты в тайне. Но анализ фрагментов из «Сокровенного сказания» показывает, что раненых стрелами отпаивали молоком, предварительно отсосав кровь. Видимо, применялся змеиный яд, который не всасывается стенками кишечника, так что его можно без вреда проглатывать. Своевременное отсасывание крови из раны и доставление нескольких глотков молока расценивались как спасение жизни.

Собираясь в поход против меркитов, Джамуха говорит: «Приладил я свои стрелы с зарубинами» 20. Для чего на стреле могут быть зарубины? Они весьма усложняют изготовление стрелы и ничуть не увеличивают ее боевых качеств. Назначение зарубин могло быть только одно: возможно дольше удержать стрелу в ране, а это особо важно, если стрела отравлена.

Несколько ниже источник подтверждает нашу догадку. В сражении «Чингисхан получил ранение в шейную артерию. Кровь невозможно было остановить, и его трясла лихорадка (симптом отравления. – Л. Г.). С заходом солнца расположились на ночлег на виду у неприятеля, на месте боя. Джельмэ все время отсасывал запекавшуюся кровь (первое и главное средство против змеиного яда. – Л. Г.). С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полон рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингисхан пришел в себя и говорит: „Пить хочу, совсем пересохла кровь“. Тогда Джельмэ сбрасывает с себя все – и шапку, и сапоги, и верхнюю одежду, оставаясь в одних исподниках, он, почти голый, пускается бегом прямо в неприятельский стан напротив. В напрасных поисках кумыса (молоко – противоядие. – Л. Г.) он взбирается на телеги тайджиутов, окруживших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его...»

Принеся рог с кислым молоком, тот же Джельмэ сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану (значит, вода была близко, но все-таки потребовалось достать молока, хотя бы с риском для жизни. – Л. Г.). «Трижды перевея дух, испил он и говорит: „Прозрело мое внутреннее око!“ (Помогло! – Л. Г.). Между тем стало светло, и, осмотревшись, Чингисхан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась от того, что Джельмэ во все стороны отхаркивал *отсосанную кровь* (курсив наш. – Л. Г.). „Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?“ – сказал он. Тогда Джельмэ говорит ему: „Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях всяко приходилось: глотать так глотнешь, плевать так плюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо“ (Джельмэ намекает на то, что глотал гадость ради хана. – Л. Г.).

„А зачем это ты, – продолжал Чингисхан, – голый побежал к неприятелю, когда я лежал в таком состоянии?“ – „Вот что я придумал, – говорит Джельмэ, – вот что я придумал голый, убегая к неприятелю. Если меня поймут, то я им скажу: „Я задумал бежать к вам, но те, наши, догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали стягивать последние штаны, как мне удалось убежать к вам“.

Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли бы к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся лошади? Только так я могу утолить жажду моего государя, подумал я, и в мгновение ока решил» (и опять-таки речь идет не о жажде, а о противоядии, так как жажда лучше утоляется водой, а не молоком. – Л. Г.). Тогда говорит ему Чингисхан: „то скажу я тебе?! Некогда, когда нагрянули меркиты, ты в первый раз спас мою жизнь. Теперь ты снова спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую (точнее, выстывавшую или умиравшую. – Л. Г.) кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, во мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни (отсасывание крови и несколько глотков молока расценено как спасение жизни и приравнено к неравной героической обороне горы Бурхан. – Л. Г.). Пусть же пребудут в душе моей эти твои заслуги“. Так он соизволил сказать» 21.

Не менее характерен другой эпизод. После боя с кераитами «...Борохул и Огодай. Подъехали. У Борохула по углам рта струится кровь. Оказывается, Огодай ранен стрелой в шейный позвонок, а Борохул все время отсасывал у него кровь, и оттого-то по углам рта его стекала спертая кровь... Чингисхан приказал тотчас же разжечь огонь, прижечь рану и напоить Огодая» 22. Ниже описание подвига Борохула повторено, причем подчеркнута, что своевременным отсасыванием была спасена жизнь Огодая (Угедея).

Я полагаю, что в обоих случаях картина отравления несомненна и даже можно определить, какой яд употреблялся. Известно, что растительные яды-алкалоиды действуют чрезвычайно быстро, а здесь мы имеем медленно действующий яд, против которого действительно отсасывание крови и прижигание. Таков змеиный яд. Его могли доставить гадюки, которыми изобилует Забайкалье. Способ добывания этого яда крайне прост – выдавливание из зубов гадюки на блюдечко. Высушенный яд можно хранить сколько угодно и, растворив в воде, пустить в дело. Поскольку змеиный яд не впитывается желудком, то отсасывать кровь неопасно. Отравлялись, по-видимому, только стрелы, так как Хуилдар мангутский, будучи ранен копьем, умер лишь оттого, что на охоте, во время скачки, открылась рана. О признаках отравления источник не говорит.

В более ранние эпохи у тюрков и уйгуров оружие не отравлялось, так как китайские летописцы, до IX в. вполне осведомленные, чрезвычайно внимательно относившиеся к военной технике соперников, указывают только на один вполне специфический случай. Тюркский каган Сылиби Ли-Сымо, любимец императора Тайцзуна Ли Ши-миня, был в походе на Корею случайно ранен стрелой, и император лично отсасывал ему кровь 23.

Это последнее указание дает нам возможность проследить, откуда заимствовали степные кочевники употребление яда для стрел. На стороне корейцев сражались мохэ или уги, их северные соседи, обитавшие по берегам Сунгари. Это потомки древних сушеней и предки чжурчжэней. В «Бэй ши» про них сказано: «Употребляют лук длиной в 3 фута, стрелы – в 1,2 фута. Обыкновенно в седьмой и восьмой луне составляют яды и намазывают стрелы для стреляния зверей и птиц. Пораненный немедленно умирает»

24. Характерно, что лук – небольшой и сильным быть не может, а стрела – не длинная и не тяжелая, так что пробойность ее ничтожна. Весь эффект дает только яд 25. Не менее важна другая деталь: яд готовился осенью. Сила змеиного яда варьируется в зависимости от времени года; осенью он наиболее опасен.

Еще несколько слов

Примером, сходным со словом «хины», является часто встречающееся слово «харлуг», что объясняется комментатором как «булат» (стр. 406). Отмеченная выше монголизация тюркских слов дает право усмотреть здесь слово «каралук» с заменой «к» (тюрк.) на «х» (монг.), т. е. вороненая сталь 26. Предлагаемое толкование не противоречит принятому, но обращает на себя внимание суффикс «луг» вместо «лык». Такое произношение характерно для архаических диалектов тюркского языка домонгольского периода и для XIII в.; например, Кучлук – «сильный», имя найманского царевича 27. Суффикс «луг» принят в орхонских надписях 28 и в тибетском географическом трактате VIII в. 29.

Подмеченная закономерность фонетической транскрипции позволяет привести еще один довод в пользу большей древности «Слова» сравнительно с «Задонщиной». В «Задонщине» слово «катун» («царица», переносно – «возлюбленная») приводится уже с тюркской огласовкой 30, по монгольской было бы «хатун». В XIV в. тюркский язык вытеснил в Поволжье монгольский, и русский автор записал слово, как его слышал. А автор «Слова» слышал

аналогичные слова от монголов; значит, он писал не позже и не раньше XIII в.

Загадочное слово «Деремела», по утверждению Д. С. Лихачева, неясно (стр. 446).

Предложенное А. С. Соловьевым объяснение, что «деремела – вероятно, ятвяжская область и ятвяжское племя Dernen, Dergne 31, представляется слишком большой натяжкой, тем более что ятвяги упомянуты рядом. Но есть монгольское имя „Дармала“, частое для эпохи Чингисхана. В

персидской записи это будет,

которое с восточными огласовками читается как „тармала“, а с западными – „теремелэ“, что соответствует искомому.» Если допустить, что в числе побежденных Романом и Мстиславом был отряд монгольского баскака по имени Дармала, контролировавшего область, лежавшую между страной ятвягов и половецкой степью, то противоречий с фонетикой и текстом не возникает. У кочевников часто этническое название заменяется именем вождя, как, например, «сельджуки» значит – «сторонники и подчиненные Сельджука». Поэтому можно допустить, что здесь фигурирует не народность, а просто подчиненные Дармале люди и район. Но это опять ведет нас к XIII в., а пока у нас нет полного объяснения отмеченные нами наблюдений, воздержимся от выводов и продолжим поиск.

Троян и Див

В «Слове о полку Игореве» четыре раза упоминается загадочным персонаж «Троян». Литература об этом слове или термине огромна, но, к счастью, сведена академиком Н. С. Державиным в систему, позволяющую ее обозрение 32. Н. С. Державин выделил четыре направления толкований слова «Троян»: 1) мифологическое (Буслаев, Квашнин-Самарин, Барсов): Троян – славянское языческое божество; 2) символическое (Полевой, Бодянский, Забелин, Потехня, Костомаров): Троян – философско-литературный образ; 3) историко-литературное (Вяземский, Вс. Миллер, Н. Веселовский, Пыпин): общее в этом направлении – отрицание Трояна как персонажа древнерусской мысли, заимствование образа из византийских и южнославянских преданий либо о Троянской войне, либо просто увлечение «старыми словесами, найденными автором „Слова“ в старых болгарских книжках» (Вс. Миллер); 4) историческое (Дринов, Максимович, Дашкевич и др.): Троян – либо римский император Траян, либо русские князья, персонифицированные в божество. Эта схема представляет интерес для истории вопроса, но для того, чтобы разобраться в самом предмете, она слишком запутанна и аморфна.

Гораздо четче классификация А. Болдура 33, выделившего три варианта гипотез, бытующих в настоящее время: 1) Троян – римский император Траян; 2) Троян – славянское божество; 3) Троян – русские князья XI–XII вв. (триумвират): киевский, черниговский, переяславский. Последний вариант всерьез рассматривать не стоит.

Критика этих направлений содержится в упомянутой статье А. Болдура, предлагающего свою оригинальную гипотезу: «Троян» – имя императора Траяна, перенесенное на легендарного царя Мидаса южными славянами, у которых бытует сказка, похожая на миф о Мидасе и его ослиных ушах. Не входя в разбор гипотезы в части, касающейся фольклора балканских славян, следует отметить, что она отнюдь не проливает света на упоминания Трояна в контексте «Слова о полку Игореве» ни с учетом исторической обстановки описанного события (похода и разгрома Игоря), ни без него. Достаточно отметить, что с этой точки зрения «земля Трояна» – Румыния, тогда как в «Слове» говорится о том, что «обида вступила на землю

Трояню», по поводу контрнабега половцев, когда был сожжен город Римов и осажден Путивль. А «вечи // века Трояновы» неизбежно воспринимаются как литературная метафора без смысловой нагрузки 34. Признавая за статьей А. Болдура историографическое значение, следует признать итогом научного исследования исторический комментарий Д. С. Лихачева к изданию «Слова о полку Игореве».

Исчерпывающий разбор Д. С. Лихачева показывает, что под этим именем подразумевалось божество, которое Д. С. Лихачев считает языческим (стр. 385–386). Оно, конечно, не православное, но подождем с выводом. Кроме «Слова» Троян упоминается в «Хождении Богородицы по мухам» (XII в.) в таком контексте:

«...Они (язычники. – Л. Г.) все боги прозваша. Солнце и месяц, землю и воду, звери гады „тосетнею“ (?) и человеческие имена та оутриа (именно, греч.): Трояна, Хорса, Велеса, Перуна на боги обратиша, бесом злым вероваша». Текст загадочен, и понимание его было утрачено еще в древние времена, ибо в «Слове на откровении святых апостол» (XVI в.) сентенция о языческих божествах выглядит иначе: «и да быша разумели многие человеци, и в прелесть велику не внидутъ, мняще боги многы: Перуна и Хорса, Дья и Трояна и иные мнози, ибо человецы были старейшины: Перун в Еллине, Хорс на Кипре. Троян бьяше царь в Риме» 35. Итак, по мнению автора XVI в., язычество – это обожествление царей, а по мнению автора XII в. – сил природы. Первое толкование можно отбросить как потому, что Д. С. Лихачев доказал, что Троян «Слова о полку Игореве» не имеет касательства к императору Траяну, так и потому, что автор XVI в. проявил непонимание значения им самим подобранных имен божеств и разделил бога грозы Перуна, т. е. Зевса, от его же имени в другом падеже «Дья» 36. Но, приняв текст XII в. за основу, мы сталкиваемся с вопиющим противоречием с теми характеристиками, которые дает Трояну «Слово о полку Игореве».

Разберем тексты. В первом случае последователем Трояна назван Боян (стр. 11, 78), который «рыща в тропу Трояню чресь поля на горы». Это последнее выражение объяснено Д. С. Лихачевым как «переносясь воображением через огромные расстояния» (стр. 78). Но попробуем понять это буквально, т. е. считать, что источник веры в Трояна лежит на горах за полями. Поля в данном случае – половецкая степь, а горы – или Кавказ, или восточная окраина кипчакской степи Тянь-Шань. Что же, место для обожествленного беса подходящее!

Во втором случае названа «земля Трояна», в которую после поражения «вступила обида» (стр. 17). Считается, что это Русская земля, но скорее здесь Черниговское княжество, которое только и пострадало от контрнабега половцев. И тут возникает вопрос: а почему покровителем православного княжества является «злой бес»? Очевидно, что к Трояну у автора «Хождения Богородицы по мукам» и автора «Слова о полку Игореве» было диаметрально различное отношение. Почему? Тексты ответа не дают. Обратимся к фактам.

В 60-х годах XI в. в Ярославле появились два кудесника, обличавшие женщин, преимущественно богатых, что по их вине произошел голод. При этом они доставали у них из спины либо жито, либо рыбу и забирали имущество убитых себе. Нехитрый фокус имел успех в народе – вокруг кудесников собралось около 300 приверженцев. Боярин Ян Вышатич сумел с 12 отроками разогнать толпу и схватить волхвов. Те потребовали, чтобы их послали на суд князя Святослава Ярославича Черниговского, ибо они были его смердами. Очевидно, они надеялись на заступничество Святослава, но этого же боялся боярин Ян Вышатич и потому отдал их родственникам погубленных женщин. Волхвы были убиты, а трупы их съел медведь. Имеет ли этот эпизод отношение к божеству Трояну? С точки зрения автора «Хождения Богородицы» по-разному, да, и виновником безобразия косвенно назван черниговский князь. Но с позиций автора «Слова», безусловно, нет, что явствует из дальнейших упоминаний этого странного божества. Пока отметим, что даже в древней Руси по поводу Трояна не было

единомыслия.

В устах певца подвигов Новгород-северского князя, правнука вышеупомянутого Святослава Ярославича, в роли «злого беса» выступает враг Трояна «Див», имя, которым образованные персы именовали божества своих противников – туранских кочевников. В просторечье это слово звучало «Дэв».

Согласно «Слову о полку Игореве», Див сначала предупреждает врагов князя Игоря о начавшемся походе (стр. 12), потом вместе с разъяренными половцами вторгается в Русскую землю (стр. 20), т. е. ведет себя, как должен был бы вести Троян, будь он для черниговца языческим божеством. Но к Трояну у автора «Слова» не просто симпатия, а уважение, потому что с ним связана эра, т. е. линейный счет времени, как у мусульман – хиджра. Во-первых, упомянуты «вечи» (т. е. века) Трояновы, предшествовавшие времени Ярослава Мудрого (стр. 15); во-вторых, указано, когда они начались, т. е. откуда ведется отсчет: «На седьмом веке Трояна» Всеслав, полоцкий князь, ударил древком копья о золотой стол Киевский (стр. 25) – сделал попытку захватить престол Руси. Это произошло в 1068 г. Это примерно то время, когда Ян Вышатич расправился с волхвами, смердами черниговского князя. Но вряд ли был прав автор «Хождения Богородицы по мукам», называя Трояна бесом, или, точнее, он и автор «Слова» называли одним именем разные предметы.

А теперь сопоставим черты «Трояна» с теми данными, которые нам известны о центральноазиатских несторианах. Допустим, что «Троян» – буквальный перевод понятия «Троица», но не с греческого языка и не русским переводчиком, а человеком, на родном языке которого отсутствовала категория грамматического рода. То есть это перевод термина «Уч Ыдук», сделанный тюрком на русский язык. Можно думать, что переводчик не стремился подчеркнуть тождество «Трояна» с «Троицей». Эти понятия для него совпадали не полностью, хотя он понимал, что и то и другое относится к христианству. Но рознь и вражда между несторианством и халкедонитством в XII–XIII вв. были столь велики, что русские князья в 1223 г. убили татарских послов-несториан 37, после чего несторианские священники отказывали православным в причастии, хотя католиков к евхаристии допускали.

Начало «эры Трояна» падает на эпоху, когда учение Нестория было осуждено на Эфесском соборе 431 г. и снова проклято там же в 449 г. («Эфесский разбой»). Окончательно анафема упорствовавшим несторианам была произнесена на Халкедонском соборе 451 г. От репрессий они могли избавиться лишь путем отречения от своего учителя, в борьбе с которым православные и монофизиты были единомышленны. В 482 г. император Зенон издал эдикт Энотикон, содержащий уступки монофизитам и подтверждение анафемы несторианам, которые были вынуждены эмигрировать в Персию 38. В промежутке между Эфесским и Халкедонским соборами лежит дата, от которой шел отсчет «веков Трояна». Такая дата могла иметь значение только для несториан.

Обратимся к выражению «земля Трояна» (стр. 17). Черниговское княжество обособилось от Русской земли после того, как Олег Святославич, князь-изгой, выгнал из Чернигова Владимира Мономаха и обеспечил своей семье право на княжение. При этом он вступил в конфликт не только с князьями Мономаховичами, но и с киевской митрополией 39. Для того чтобы удержаться на престоле, ему нужна была не только военная, но и идеологическая опора. В аналогичном положении полоцкие князья находили опору в языческих традициях, но это было невозможно на юге, так как Киевское и Черниговское княжества были христианизованы 40. В этой связи положение Олега Святославича оказалось предельно трудным: его схватили православные хазары, держали в тюрьме православные греки, ограбили и гнали из родного дома православные князья Изяслав и Всеволод, хотел судить митрополит киевский: ему ли было не искать другого варианта христианской веры? И тут его друг («Олега коганя хоть», стр.

30) Боян нашел путь «чрес поля на горы» (стр. 11) туда, где жили полноценные христиане и враги врагов Олега. Самое естественное предположить, что черниговский князь этой возможностью не пренебрег, и это обусловило вражду киевлян к его детям Всеволоду и Игорю. Открытого раскола, видимо, не произошло. Дело ограничилось попустительством восточным купцам и, может быть, даже монахам, симпатией к ним, как мы бы сказали – ориентацией на несторианство. Поэтому сведения об уклоне второго по значению на Руси князя в ересь не попали в официальные документы, но ход событий в таком аспекте получает объяснение, равно как и приведенные выше темные фрагменты «Слова».

А теперь сравним черты «Дива» 41 с описанием монгольской черной веры в восприятии русского человека XIII в. «Чингизаконова мечтанья скернайа его кровопротыа многиа... приходящая цесари и князи, и вельможе, солнце и лууне (т. е. небу) и земли дьяволу и оумершим во аде отцомъ их и дедом матерямъ (онгонам) водяще около коуста поклонятися им; о скверная прелестъ их!» 42

Так как мы уже познакомились с монгольскими божествами XIII в., то нам легко идентифицировать их. Понятия, разнящиеся между собой, разделены предлогом «и», но в выражении «земли дьяволу» «и» нет. Очевидно, по современной орфографии должно было бы стоять «земле-дьяволу». А русские люди XIII в. о дьяволе имели достаточное представление и не путали его никогда и ни с кем. В «Слове» – это «див», а отнюдь не «Троян».

Итак, мы подошли к решению. Несторианство было в XIII в. Известно на Руси настолько хорошо, что читатели «Слова» не нуждались в подробных разъяснениях, а улавливали мысль автора по намекам. Вместе с тем оно идет в паре с божеством «черной веры», т. е. беглыми мазками воспроизводится идеологическая ситуация Золотой Орды во время Батыя. При Берке она уже изменилась коренным образом. Очевидно, автор «Слова» в теологических вопросах разбирался. Но поскольку нам тоже известна догматика и космология «черной веры», то мы можем попытаться истолковать еще один поэтический образ «Слова» – «мысленно древо».

Мысленно древо

Как мы видели выше, «дерево» в черной вере – это образ «способности общения» с верхним и нижним мирами или «имманентность инобытия». В «Слове» оно упоминается дважды: по нему растекался мыслию вещей Боян, когда собирался сочинять стихи. Иными словами, это – вдохновение, но не только. Тут упоминаются два плана бытия: верхний, где надо летать «шизым орлом под облакы», и средний, где можно передвигаться «серым вълком по земли» (стр. 9). Нижний мир опущен, ибо Бояну чертовщина ни к чему. Само передвижение по вертикали производится «мыслию» (стр. 9) или «скача славия по мыслену древу, летая умом под облакы» (стр. II), т. е. никак не реальным путем. Славия – птица, в понимании Д. С. Лихачева – соловей. Однако вспомним, что в шаманской символике птица – это душа 43. Надо думать, что в XIII в. символ был тот же.

Итак, автор «Слова», приписывая Бояну способность творить, интерпретирует механизм процесса на манер, принятый в Восточной Сибири и Монголии. Вряд ли тут случайное совпадение. Скорее сам автор и его читатели были хорошо знакомы с дальневосточными символами, которые они могли узнать только у монголов 44.

Но если все наши замечания или даже хотя бы одно из них правильны, то, значит, автор «Слова», говоря об одном, имел в виду совсем другое. Морочил ли он при этом своих читателей-современников? Вряд ли. «Мысль изреченная есть, конечно, ложь», но в каком смысле? Сознательный обман, или, как теперь принято говорить, дезинформация, – это далеко не то, что поэтические формы иносказания. Скорее всего, современники понимали своего

поэта, а мы, привыкшие к буквализму, упускаем что-то важное. Это, впрочем, естественно, ибо текст «Слова» был писан не для нас, воспитанных на таких почтенных законодателях стиля, как Брокгауз и Ефрон 45.

Что же теперь делать? Пожалуй, самое правильное перестать говорить о словах и перейти к анализу событий XII–XIII в., как упомянутых в «Слове о полку Игореве», так и оставшихся вне его.

Каяла и Калка

Итак, наши изыскания привели к тому, что вероятнее датировать «Слово о полку Игореве» XIII в., но приоритет в этой области принадлежит Д. Н. Альшицу, который привел доказательства того, что «Слово» написано позже 1202 г.⁴⁶ Кроме того, можно думать, что автор его был знаком с Ипатьевской летописью, составленной в 1200 г.⁴⁷ При этом Д. Н. Альшиц высказал предположение, что «Слово о полку Игореве» было написано после первого поражения русских князей на Калке, т. е. после 1223 г., «исходя из того, что битвы на Каяле и Калке по ходу событий весьма похожи». С этим следует согласиться, но верхняя дата Д. Н. Альшица – 1237 г., «после которого этот страстный призыв к единению был бы уже бессмысленным», – не может быть принята, так как она мешает ответить на справедливый вопрос, сформулированный М. Д. Приселковым: «Историку нельзя не остановиться на том факте, что только один из эпизодов полуторавековой борьбы Руси с половецкой степью, неудачный поход Игоря в 1185 г., почему-то привлек к себе такое напряженное внимание современников... почему раздался этот призыв? Очевидно, рассказ о военном эпизоде 1185 года... в свое время затронул какие-то значительные и волнующие темы тогдашней жизни. Вскрыть эти темы – главная задача историка» 48.

Начнем спорить: «бессмысленным» призыв к борьбе со степняками был не после, а до 1237 г. Половцы находились в союзе с русскими, а монголы были связаны войной на Дальнем Востоке, которая закончилась в мае 1234 г., и войной на Ближнем Востоке, затянувшейся до 1261 г. До тех пор, пока дальневосточная война связывала монгольские войска, для Руси никакой опасности не было, а предвидеть победу монголов никто не мог. Кроме того, русские не имели представления о делах дальневосточных до того, как стали ездить на поклон в Каракорум. У автора начала XIII в. было еще меньше поводов опасаться степняков, чем у автора XII в., потому что вопрос о походе на Запад был решен на специальном курилтае летом 1235 г.

Зато в 40-х годах призыв к единению князей против восточных соседей был вполне актуален. Две кампании, выигранные монголами в 1237–1238 и 1240 гг., ненамного уменьшили русский военный потенциал 49. Например, в Великой Руси пострадали города Рязань, Владимир и маленькие Суздаль, Торжок и Козельск. Прочие города сдались на капитуляцию и были пощажены. Деревенское население разбежалось по лесам и переждало, пока пройдут враги, а ведь число монголов – 300 тыс. – обычное для восточных авторов десятикратное преувеличение. Столько войск во всей Монголии не было, а Русь для монголов была третьестепенным (после Китая и Ирана) фронтом. Сама переброска столь большого числа людей из Монголии на Волгу за один только год технически неосуществима. Для 300 тыс. всадников требовалось не меньше миллиона коней, которые не могли идти одной линией. Если же предположить, что они двигались эшелонами, то для второго эшелона не нашлось бы подножного корма. Пополняться же в приаральских степях монголы не могли, так как, во-первых, так население редкое, во-вторых, оно было враждебно монголам и, в-третьих, еще в 1229 г. под давлением монголов бежало с Яика на Волгу. Половцы и аланы оттянули на себя

около четверти монгольской армии – отряд Мункэ, присоединившийся к Батью лишь в 1240 г. под стенами Киева. Кроме того, не все русские княжества подвергались разгрому. Смоленск, Полоцк, Луцк и вся Черная Русь не были затронуты монголами, Новгородская республика тоже. Короче говоря, сил для продолжения войны было сколько угодно, важно было только уговорить князей, которые почему-то на уговоры поддавались плохо.

Наконец, хотя ход событий битв на Каяле и Калке действительно совпадает, но есть разница. Игорь не убивал половецких послов, что сделали князя в 1223 г. При этом очень существенно, что были убиты первые послы, христиане-несториане, а затем послы-язычники были отпущены без вреда. Это обстоятельство в XIII в. было, несомненно, известно, во всяком случае, читателям «Слова о полку Игореве». Если мы принимаем предлагаемую Д. Н. Альшицем концепцию иносказания, то следует учитывать и умолчание, которое подразумевалось как намек. Если автор, говоря о 1185 г., подразумевал первую акцию русских против монголов и призывал к дальнейшей борьбе с ними, значит, убийство несториан он считал правильным, и здесь таится тот скрытый смысл, который был ясен только политикам и воинам XIII в. А в то время это был, пожалуй, самый больной вопрос, потому что монголы объясняли войну против Руси как месть за убийство их послов. И по тем же причинам была предана мечу Венгрия, но не осторожная Никейская империя, где монгольских послов принимали с почетом.

Головокружительный поход Батые от Аральского моря до Адриатического отдал во власть монголов всю Восточную Европу, и можно было думать, что с православием все кончено. Но обстоятельства сложились так, что события потекли по иному руслу.

Во время похода Батый рассорился со своими двоюродными братьями, Гуюком, сыном самого верховного хана Угедея, и Бури, сыном великого хранителя Ясы Чагатая. Отцы стали на сторону Батые и наказали опалой своих зарвавшихся сынков, но когда умер в 1241 г. Угедей и власть попала в руки матери Гуюка, ханши Туракины, дружины Гуюка и Бури были отозваны – и бедняга Батый оказался властителем огромной страны, имея всего 4 тыс. верных воинов при сверхнатянутых отношениях с центральным правительством. О насильственном удержании завоеванных территорий не могло быть и речи. Возвращение в Монголию означало более или менее жестокую смерть. И тут Батый, человек неглупый и дальновидный, начал политику заигрывания со своими подданными, в частности с русскими князьями Ярославом Всеволодовичем и его сыном Александром. Их земли не были обложены данью 50.

Но и Гуюку было не сладко. Против него выступили монгольские ветераны, сподвижники его деда, и несториане, связанные с детьми Толуя. Хотя в 1246 г. Гуюка провозгласили великим ханом, но настоящей опоры у него не было. Гуюк попытался найти ее там же, где и его враг Батый, – среди православного населения завоеванных стран. Он пригласил к себе «священников из Шама (Сирии), Рума (Византии), Осов и Руси» 51 и провозгласил программу, угодную православным, – поход на католическую Европу 52.

Гуюку не повезло. Вызванный для переговоров князь Ярослав Всеволодович бы отравлен ханшей Туракиной, особой глупой и властной. Туракина просто не соображала, что она делает. Она поверила доносу боярина Федора Яруновича, находящегося в свите владимирского князя и интриговавшего против него в своих личных интересах. Сочувствие детей погибшего князя перекачнулось на сторону Батые, и этот последний получил обеспеченный тыл и военную помощь, благодаря чему смог выступить в поход на великого хана. Заигрывания Гуюка с несторианами тоже оказались неудачными. В начале 1248 г. Гуюк внезапно умер, не то от излишеств, не то от отравы. Батый, получивший перевес сил, возвел на престол сына Толуя, Мункэ, вождя несторианской партии, а сторонники Гуюка были казнены в 1251 г.

Сразу же изменилась внешняя политика монгольского улуса. Наступление на

католическую Европу было отменено, а взамен начат был «желтый крестовый поход» 53, в результате которого пал Багдад (1258). Батый, сделавшийся фактическим главой империи, укрепил свое положение, привязал к себе новых подданных и создал условия для превращения Золотой Орды в самостоятельное ханство, что и произошло после смерти Мункэ, когда новая волна смут разорвала на части империю Чингисидов. Несторианство, связанное с царевичами линии Толуя, оказалось за пределами Золотой Орды.

После завоевания Руси Батыем и ссоры Батые с наследником престола, а потом великим ханом Гуюком (1241 г.) русскими делами в Золотой Орде заведовал Сартак, сын Батые. Христианские симпатии Сартака были широко известны, и даже есть данные, что он был крещен, разумеется по несторианскому обряду 54. Однако к католикам и православным Сартак не благоволил, делая исключение лишь для своего личного друга – Александра Ярославича Невского. В этих условиях прямые нападки русского писателя на несторианство были опасны, а вместе с тем предмет был настолько общеизвестен, что читатель понимал, о чем идет речь, с полуслова. Например, достаточно было героя повествования, князя Игоря, заставить совершить паломничество к иконе Богородицы Пирогощей, чтобы читатель понял, что этот герой вовсе не друг тех крещеных татар, которые называли Марию «Христородицей», и тем самым определялось отношение к самим татарам. Хотя цензуры в XIII в. не было, но агитация против правительства и тогда была небезопасна, а намек позволял автору высказать свою мысль и остаться живым.

Такое положение продолжалось до смерти Сартака в 1256 г., после чего Берке-хан перешел в ислам, но позволил основать в Сарае епархию в 1261 г. и благоволил православным, опираясь на них в войне с персидскими ильханами, покровителями несторианства. Несторианская тема для русского читателя стала неактуальной.

Вот основания, по которым следует считать XIII в. эпохой, когда интерес к несторианству был наиболее острым и, следовательно, отзвуки его в литературе соседних народов должны были появляться. Они и встречаются у католических, мусульманских и армянских авторов, там, где эти упоминания не могли вызвать осложнений с властью. На Руси они завуалированы, и отыскать их можно лишь путем сложной дедукции.

Следовательно, для русского политического мыслителя несторианская проблема стала актуальной лишь после включения Руси в монгольский улус, и тогда же стало небезопасно поносить религию, пусть не господствующую, но влиятельную. Тогда и возникла необходимость в иносказании и Калка могла превратиться в Каялу, а татары – в половцев 55. О послах же лучше было помалкивать – как потому, что монголы считали посла гостем, следовательно, особой неприкосновенной, и никогда не прощали предательского убийства посла, так и потому, что напоминать ханским советникам о религиозной ненависти к ним было рискованно. Об этой вражде мы имеем сведения из зарубежных источников. Венгерские миссионеры указывают со слов беглецов-русских, покинувших Киев после разгрома его Батыем и эмигрировавших в Саксонию, что в татарском войске было много «злочестивейших христиан», т. е. несториан 56. В «Слове» этот вопрос завуалирован, хотя есть намеки на то, что его автору несторианское исповедание было известно. Но ведь «Слово» – литературное произведение, а не историческое.

Ядро и скорлупа

Но если так, то в «Слове» следует искать не прямое описание событий, а образное, путем намека, аллегории, сравнения, подводящее читателя к выводам автора. Этот принцип, широко распространенный в новой литературе, применяли и в средние века – например, в «Песне о

Роланде» вместо басков поставлены мавры. Такая подмена не шокировала читателя, который улавливал коллизию, воплощенную в сюжете, и воспринимал намеки, делая при этом необходимый корректив. Любопытно, что современные сектанты именно так читают и воспринимают Ветхий завет. Их совсем не интересуют ассирияне, филистимляне или халдеи, но сюжетные коллизии они применяют к своему личному состоянию и делают из прочитанного любые выводы (как правило, ложные). Несомненно, что читатели «Слова» были более образованны и умели отделить буквальное от аллегорического, но, значит, в тексте произведения сочеталось и то и другое.

Следовательно, в «Слове» мы должны отчленить сюжетное ядро, отражающее действительное положение, интересовавшее автора и читателя, от оболочки образов, которые, как во всяком историческом романе или поэме, не что иное, как вуаль. Однако и в образах есть своя закономерность, подсказанная жанром, и они наряду с сюжетной коллизией позволяют найти ту единственную дату, когда составление такого произведения было актуально.

Призыв, о котором говорилось выше, был адресован главным образом к трем князьям: галицкому, владимирскому и киевскому; во вторую очередь призывались юго-западные князья, но отнюдь не призывались князья Северной земли и новгородцы и проявилось особое отношение к Полоцку, о чем будет сказано ниже. Посмотрим, когда была политическая ситуация, отвечавшая приведенному условию. Только в 1249–1252 гг., ни раньше, ни позже!

В эти годы Даниил Галицкий и Андрей Ярославич Владимирский готовили восстание против Батые и пытались втянуть в союз Александра Ярославича, князя киевского и новгородского. Вспомним также, что К. Маркс предположил, что «Слово» написано непосредственно перед вторжением татар 57. Так, но поскольку автор «Слова» не мог предсказать вторжения Батые, то естественнее всего предположить, что он имел в виду вторжение Неврюя 1252 г.⁵⁸, которое за год или два предвидеть было несложно. И вряд ли возможно, чтобы такой патриот, как автор «Слова», в том случае, если наша гипотеза правильна и он действительно был современником этих событий, прошел мимо единственной крупной попытки русских князей скинуть власть татарского хана. Но для проверки предположения обратимся к деталям событий и образам князей. Если мы на правильном пути, то детали и описания «Слова» должны изображать ситуацию не XII, а XIII в. И под масками князей XII в. должны скрываться деятели XIII в. Рассмотрим в этом аспекте обращение к князьям.

Прежде всего Святослав киевский, который отнюдь не был грозным и тем более сильным. Он и на престол-то попал при помощи половцев и литовцев, и владел он только городом Киевом, тогда как земли княжества находились в обладании Рюрика Ростиславича. Зато Александр Невский был и грозен и могуч.

Очень интересен и отнюдь не случаен подбор народов, которые «поют славу Святославу» после победы над представителем степи Кобяком (стр. 18): немцы, венецианцы, греки и чехиморавы. Тут точно очерчена граница ареала Батыева похода на Запад. Немцы, разбитые при Лигнице, но удержавшие линию сопротивления у Ольмюца, венецианцы, до владений которых дошли передовые отряды татар в 1241 г., греки Никейской империи, при Иоанне Ватаце овладевшие Балканским полуостровом, и, поскольку Болгария пострадала от возвращения Батыевой армии, также граничившие с разрушенной татарами территорией, и чехи-моравы, победившие татарский отряд при Ольмюце. Все четыре перечисленных народа – потенциальные союзники для борьбы с татарами в 40-х годах XIII в. Не должно смущать исследователя помещение в ряд с тремя католическими государствами Никейской империи, потому что Фридрих II Гогенштауфен и Иоанн Ватац стали союзниками, имея общего врага – папу, и император санкционировал будущий захват Константинополя греками, опять-таки

назла папе, считавшемуся покровителем Латинской империи.

И эти четыре народа осуждают Игоря за его поражение. Казалось бы, какое им дело, если бы действительно в поле зрения автора была только стычка на границе. Но если имеется в виду столкновение двух миров – понятно.

Дальше, автор «Слова» считает, что на самой Руси достаточно сил, чтобы сбросить татарское иго. Вспомним, что того же мнения придерживались Андрей Ярославич Владимирский и Даниил Романович Галицкий. Автор перечисляет князей и их силы и опять-таки рисует картину не XII, а XIII в. Во-первых, владимирский князь, якобы Всеволод, а на самом деле Андрей: у него столько войска, что он может «Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти» (стр. 21). Звать на юг Всеволода Большое Гнездо, врага Святослава и Игоря, более чем странно. А звать владимирского князя в 1250 г. к борьбе со степью было вполне актуально, ибо Андрей действительно выступил против татар и был разбит Неврюем, очевидно, уже после написания «Слова». Надо думать, что надежда на успех у Андрея и его сподвижников была.

Дальше идет краткий панегирик смоленским Ростиславичам, союзникам Всеволода Большое Гнездо в 1182 г., с призывом выступить «за обиду сего времени, за землю Русскую» (стр. 22). Смоленск не был разрушен татарами во время нашествия и сохранил свой военный потенциал, и обращаться к смольянам за помощью в 1249–1250 гг. было вполне целесообразно, тогда как в XII в. они были злейшими врагами черниговских Ольговичей.

Столь же уместно обращение к юго-западным князьям, про которых сказано, что у них «паробцы железные под шеломами латинскими» (стр. 23) и «сулицы ляцкие» (стр. 24). Но из перечисления исключены Ольговичи черниговские (стр. 23), потому что они были в 1246 г. казнены Батыем по проискам владимирских князей 59, а Черниговское княжество политически разбито. Самым важным в списке является Ярослав Осмомысл, который высоко сидит «на златокованном столе, подпер горы Угорскы... затворив ворота Дунаю... отворяши Киеву врата, стреляеши с отня злата стола сальтани за землями» (стр. 22). Ему тоже предлагается автором «Слова» застрелить «Кончака, поганого кощея» (стр. 22).

Если призыв понимать буквально, то это вздор. Ярослав Осмомысл был окружен людьми, которые были сильнее его, – боярами, лишившими его не только власти, но и личной жизни. В 1187 г. бояре сожгли любовницу князя, Настасью, и принудили Ярослава лишиться наследства любимого сына (от Настасьи), а после его смерти, происшедшей тогда же, посадили старшего сына, пьяницу, на галицкий престол. К низовьям Дуная, где в 1185 г. возникло сильное влахо-болгарское царство, Галицкое княжество не имело никакого касательства. Никаких «салтанов» Ярослав не стрелял, а догадка о его участии в третьем крестовом походе (стр. 444) столь фантастична, что не заслуживает дальнейшего разбора. Призывать князя, лишённого власти и влияния и умирающего от нервных травм, к решительным действиям – абсурд, но если мы под именем Ярослава Осмомысла прочтем «Даниил Галицкий», то все станет на свое место. Венгры разбиты под Ярославом в 1249 г. Болгария после смерти Иоанна Асеня (1241) ослабела, и влияние Галицкого княжества простерлось на юг, может быть, доходя до устьев Дуная, где в Добрудже жили остатки печенегов – гагаузы, возможно еще сохранившие кое-какие мусульманские традиции 60. Разрушенный Киев был тоже под контролем Даниила, и наконец его союз с Андреем Владимирским был заключен в 1250 г. и направлен против татар. Сходится все, кроме имени, без сомнения, зашифрованного сознательно.

Так же невероятен в данном контексте Кончак. Почему он «поганый раб»? Чей раб, когда он хан? Почему его называть поганым, если он тесть благоверного русского князя, а его Сын и наследник крещен и наречен Юрием? Кроме того, Кончак в недавнем прошлом привел на золотой стол киевский Святослава, а в 1182 г. был союзником Игоря и Святослава против

Всеволода Большое Гнездо и смоленских князей. Допустим, что его так чествуют за то, что он участвовал в русской усобице, не будучи христианином, но в ней принимали участие литовские язычники на той же стороне, и их за это не осуждает автор «Слова», несмотря на свое уважение к великому князю Всеволоду.

Но если мы на место хана Кончака поставим какого-нибудь татарского баскака, например Куремсу или расшифрованного выше Дармалу, то все станет на место. Он – раб хана, он – приверженец одиозной религии, и в 1249–1250 гг. его, несомненно, следовало стрелять, если стать на позицию автора «Слова». Что же касается литовцев, то с ними можно было повременить, так же как с немцами, венграми и поляками. Насколько правильна была такая позиция – другой вопрос, но и его не обходит автор «Слова», хотя его мнение высказывается свехосторожно, в связи с темой, не имеющей как будто никакого отношения к походу Игоря и вообще к половецкой степи.

Полоцкая трагедия

Щитом Руси против ударов с Запада был Полоцк. Автор «Слова», много говоря о полоцких князьях, с призывом к ним не обращается. Он скорбит о них. Герой полоцкого раздела «Слова» – Изяслав Василькович – личность загадочная. В летописи он не упомянут, что было бы возможно, если бы он никак себя не показал. Но он, по тексту «Слова», отличился не меньше Игоря Святославича: пал в бою с литовцами, и поражение князя повлекло сдачу города (стр. 95). Какого города? Надо думать, Полоцка, в котором в 1239 г. сидел некий Брячислав, после чего сведения о Полоцком княжестве прекращаются 61. Это имя – Брячислав – упомянуто и в «Слове» 62. Так назван брат погибшего князя, не пришедший своевременно к нему на помощь. И несколько ниже последнее упоминание земли Полоцкой: «на Немизе Немане снопы стелют головами, молотят чеши харалужными, на тоце живот кладуть, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не болотом бяхуть посеяни, посеяни костью русских сынов» (стр. 25). Эта вставка композиционно относится к поражению Всеслава в 1067 г. князьями Изяславом, Святославом и Всеволодом Ярославичами (стр. 458). Однако приведенный отрывок в «Слове» поставлен не до вступления Всеслава на киевский престол и его бегства, а после, т. е. после 1069 г. Такой перескок не оправдан, если относить резню на Немиге к временам Всеслава, но если считать упоминание о ней ассоциацией писателя, думающего о своем времени, то эта вставка должна относиться ко времени написания «Слова», т. е., по нашим соображениям, к 40–50-м годам XIII в.

А в XIII в. Именно такая ситуация и была. Литовцы захватили Полоцкое княжество и простирали свои губительные набеги до Торжка и Бежецка. В 1245 г. Александр Невский нанес им поражение, но в следующем году, когда Ярослав Всеволодович с сыновьями поехал в Монголию, власть во Владимире захватил Михаил Хоробрит Московский и тут же погиб в битве с литовцами. И так же как к мифическому, никогда не существовавшему, Изяславу Васильковичу, к Михаилу не пришли на помощь братья, осуждавшие его узурпацию. Трагедию Полоцка автор «Слова» заключает самым патетическим возгласом: «О стонати Русской земли, помянувшє пръвую годину и пръвых князей!.. Копиа поють!» (стр. 26).

Как это непохоже на 1187 г., когда ни Литва, ни половцы реальной угрозы Руси не представляли. Тогда нужно было не ждать спасения с Запада, а умерять аппетиты галицких и ростовских крамольных бояр, владимирских и новгородских «младших людей» да отдельных особо хищных князей. Но ведь об этом в «Слове» нет ни звука! Автор «Слова» великолепно понимает, что язычники-литовцы его времени – активные враги русских князей и немцев-католиков 63. Он и упоминает литовцев, но походя, чтобы не отвлекать внимания

читателя от главного врага – степных кочевников, т. е., по нашему мнению, татар. Особенно же он скорбит, что не все князья разделяют его точку зрения, и в этом он был прав.

Наконец, обратим внимание на загадочный фрагмент «Слова»: «поганыи сами победами нарыщуце на Русскую землю, емляху дань по беле от двора» (стр. 18). Д. С. Лихачев правильно отмечает, что половцы дани с русских не брали, но пытается объяснить противоречие литературным заимствованием из «Повести временных лет» под 859 г. и рассматривает «дань» в данном контексте как символ подчинения (стр. 421). Однако и подчинения половцам в XII в. не было и быть не могло. А вот обложение татарами Южной Руси после 1241 г. имело место. Согласно закону 1236 г., введенному канцлером Монгольской империи Елюем Чуцаем, налог с китайцев взимали с очага или жилища, а монголы и мусульмане платили подушную подать. Это облегчение для китайцев Елюй Чуцай ввел для того, чтобы восстановить хозяйство территорий, пострадавших от войны 64, и, как мы видим, льгота была распространена на русские земли, находившиеся в аналогичном положении.

Паломничество князя Игоря

Удалство и легкомыслие Игоря Святославича обошлось Северной земле дорого. Половцы ответили на набег набегом и «взятошася города Посемьские, и бысть скорбь и туга люта, якоже николиже не бывала во всем Посемьи и в Новгороде Северском, и по всей волости черниговской, князя изыманы и дружина изымана, избита: города восставахуть и немилу бяшетъ тогда комуждо свое ближнее, но мнози тогда отрекахуся от душ своих, жалующе по князех своих», – пишет автор Ипатьевской летописи 65. А автор «Слова» воспринимает события так: «Солнце светится на небесе – Игорь князь в Русской земли: девицы поют на Дунаи – вьются голоси чрез море до Киева. Игорь идет по Боричеву к святой Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели» (стр. 30–31). Разница очевидна.

Кому верить? Конечно, летописи! Там более что согласно православному обычаю Игорь мог обращаться с благодарственной молитвой либо непосредственно к Богу, либо к святому, в честь которого он был назван, либо к св. Георгию, освободителю пленных. Следовательно, обращение к Богородице имело особый смысл, понятный современникам «Слова», но не замеченный позднейшими комментаторами. Напрашивается мысль, что тут выпад против врагов Богородицы, потому что обращение к ней покрывает все прошлые грехи князя Игоря. А врагами этими не могли быть ни христианизирующиеся язычники половцы, ни мусульмане, ставящие на одну доску Ису и Мариам, а только несториане, называвшие Марию «Христородицей», т. е. простой женщиной, родившей человека, а не Бога. Почитание Марии было прямым вызовом несторианству.

И в XII в. поход Игоря, несмотря на его незначительность, был переломным моментом в истории борьбы Ольговичей с Мономаховичами. Игорь Святославич нарушил традицию, установленную его дедом Олегом: дружбу со степью он заменил компромиссом с Мономаховичами, продолжавшимся до 1204 г.⁶⁶ Но припутывать Богородицу к междоусобной войне русских князей нехстати. Зато, когда Андрей Владимирович и Даниил Галицкий готовили восстание против татар, их противником был не сам Батый, а его сын Сартак, тайный несторианин и явный покровитель несториан, осмеивавший православных – русских и аланов. Именно в войне с Сартаком на знамени повстанцев не только могла, но и должна была оказаться Богородица, обращение к которой расценивалось как участие в восстании. Когда же в 1256 г. Сартак был отравлен за свои несторианские симпатии, то его дядя, Берке, несмотря на переход в ислам, начал оказывать покровительство православным и в 1262 г. начисто порвал с монголо-персидским и монголо-китайским улусами, где еще торжествовали несториане.

Итак, верхней границей написания «Слова» оказывается 1256 г., т. е. смерть Сартака и, следовательно, единственно вероятной ситуацией, стимулировавшей сочинение антикочевнического и антинесторианского направления, остается ситуация 1249–1252 гг. – трехлетия, когда Русь готовилась к восстанию, подавленному Сартаком Батыевичем и воеводой Неврюем.

Поэт и князь

А вот теперь настало время поставить вопрос о жанре изучаемого произведения. Это необходимо для того, чтобы узнать, в каком смысле мы можем использовать его как источник информации об эпохе, нас интересующей. Но проблема жанра всецело относится к филологии, и решающее слово принадлежит представителю этой отрасли знаний.

В статье, приложенной к цитированному изданию «Слова о полку Игореве», Д. С. Лихачев пишет: «„Слово“ – горячая речь патриота-народолюбца (стр. 249)... Однако было бы ошибочным считать, что перед нами типичное ораторское произведение (стр. 251)... Если это речь, то она близка к песне; если это песнь, то она близка к речи. К сожалению, ближе определить жанр „Слова“ не удастся (стр. 252)».

Это действительно жаль, потому что, несмотря на то, что приведенные цитаты весьма изящны, они не снимают недоумений, с которых мы начали это исследование. Ведь и речь, и песнь, и поэма всегда бывают либо вымыслом, либо простой передачей сведений; либо прославлением и поношением, либо убеждением и т. д. Если наш анализ источника на фоне исторической конъюнктуры середины XIII в. правилен, то «Слово о полку Игореве» не героический эпос, а политический памфлет. Это соображение не противоречит определениям Д. С. Лихачева, а касается стороны вопроса, оставленной им без внимания.

Но мог ли этот вид литературы существовать в XIII в.? А почему бы нет! Он расцветал в древней Греции и Риме, примеров чему столь много, что не стоит их перечислять. Использовался в средневековой Персии, где Низам ул-мульк дал тенденциозное изложение движения Маздака, явно с дидактическими целями. Наконец, «Тайная история монголов» – памятник того же жанра, уцелевший среди многих, похищенных от нас жестоким Хроносом. Почему же русские должны считаться менее одаренными, чем современные им восточные народы? Поскольку есть потребность в жанре и есть талантливые авторы – жанр возникает и находит читателя. А после разгрома 1237–1241 гг. такая потребность была, и Русская земля талантами не оскудела.

Страшное и неожиданное поражение заставило всех мыслящих русских людей задуматься над судьбами своей страны. А вопрос стоял о том, кто хуже: татары или немцы? 67

Как мы уже видели, автор «Слова» настроен прозападнически. Следовательно, пущенная им литературная стрела направлена в грудь благоверного князя Александра Ярославича Невского, друга Батыя, побратима Сартака *1 и врага рыцарей Тевтонского ордена. Но образа этого князя в тексте нашего памятника нет. Есть другое: отдельные черты, характеризующие деятельность Александра Невского, а отнюдь не его личность. Почему так – вполне понятно. «Слово» писалось с расчетом на широкий резонанс и, следовательно, должно было дойти и до Александра Невского, а он был крут. Затем, обаяние личности Александра, поразившее даже самого Батыя, меньше всего могло стать объектом нападок. Автор «Слова» осуждает не персону князя, а его протатарскую политику. Осуждение же проскальзывает всюду. Опора на степняков осуждена в оценке Олега Гориславича, быстрота в передвижениях и ссоры с новгородцами – в характеристике Всеслава, которому «суда божиа не минути» (стр. 26), и, самое главное, индикатор враждебного направления – намеки на дружбу с иноверцами,

недругами Богородицы, покровительницы Киева. Но что общего у несторианства с Александром Невским, да притом такого, что было очевидно дружинникам XIII в. без объяснений?

Готовясь к борьбе с Андреем Ярославичем, опиравшимся на католическую Европу, Александр Ярославич поехал за помощью в Орду, но не к самому Батюю, а к его сыну Сартаку 68, покровителю несториан. И победа в 1252 г. была одержана при помощи войск Сартака. Дружба Александра с Сартаком была хорошо известна, и поэтому противоположная партия намекала, и не без оснований, на склонность князя к несторианству, но в плане политическом, а не религиозном.

Но если наша гипотеза правильна, то наследник Олега, князь Игорь, как литературный герой, а не исторический персонаж, должен был выступать на борьбу с православными, а не только с язычниками-половцами. Действительно, див предупреждает все те страны, которым угрожают полки Игоря (стр. 79): «Землю незнаемую» – половецкую степь, Волгу – область христианских хазар, Поморье т. е. берег Черного моря, где в XII в. жили православные готы, Посулие, т. е. берега Сулы, где стоял Переяславль, цитадель русского грекофильства, Сурож, Херсонес и Тьмутаракань – греческие торговые города. Ни прикаспийские хазары, ни черноморские готы и греки никакого вреда Руси не делали, и поэтому версия, что поход Игоря был направлен против них, имеет совершенно иной смысл, нежели принято считать. Для XII в. он был бессмысленным, а для XIII в. – невозможным, так как между Русью и Черным морем находились войска Сартака Батыевича. Очевидно, и здесь не историческое описание событий, а иносказание.

В самом деле, ситуация середины XIII в. И в приведенном отрывке дана четко. Остатки разбитых, но непокоренных половцев, убежавшие от монголов в Венгрию, составили бы лучшие конные части войска, которое можно было двинуть на Золотую Орду. Они были бы надежнейшими союзниками русских, если бы те восстали против монголов. Поэтому див предупреждает не народы, а земли, занятые во время писания памятника народами, лояльными к Орде, но православными, очевидно бродниками и византийцами. Религиозный момент налицо, но половцы здесь не более чем литературная метафора.

В предлагаемом аспекте находит объяснение концовка «Слова». Как самое большое достижение излагается поездка Игоря на богомолье в Киев «к Богородице Пирогощей» (стр. 31). Это чистая дидактика: вот, мол, Ольгович, внук врага киевской митрополии, друга Бояна, «рыскавшего в тропу Трояню» (стр. 11), и тот примирился с Пресвятой Девой Марией, и тогда вся Русская земля возрадовалась. И тебе бы, князь Александр, сделать то же самое – и конец бы поганым! В этом смысл всего гениального произведения, которое стоило писать до того, как Александр решился порвать с Андреем и обратиться за помощью к татарам, т. е. до 1252 г.

Прав ли был автор «Слова» и его друзья Андрей Владимирович и Даниил Галицкий? В чем-то да, а в чем-то нет! Отколоться от Орды совокупными усилиями всех князей было, видимо, можно, но ведь это значило попасть под ярмо феодально-католической Европы. Тогда бы вся Русская земля разделила участь Белоруссии и Галиции. Александр Невский видел дальше своих братьев и идеолога их политической линии, автора «Слова о полку Игореве». Он не поддавался на красивые слова: «лучше потяту быти, неже полонену быти» (стр. 10) и на гневные обличения: «А князья сами на себе крамолу коваху, а поганьи сами победами нарыщуша на Русскую землю, емляху дань по беле от двора» (стр. 18, 421). Дань от двора в 50-х годах татары брали 69, но уже в 1262 г. по инициативе того же Александра Невского сборщики дани, присланные центральным правительством хана Хубилая, были перебиты русским населением 70.

Самое интересное здесь то, что золотоордынский хан Берке не только не начал

карательных мероприятий, но использовал мятеж в свою пользу: он отделился от Центральной Орды и превратил свою область в самостоятельное государство, в котором русский элемент играл не последнюю роль. После 1262 г. были порваны связи Золотой Орды с восточной линией потомков Толуя, обосновавшейся в Пекине и принявшей в 1271 г. китайское название – Юань. По существу, это было освобождение Восточной Европы от монгольского ига, хотя оно совершилось под знаменем ханов, потомков старшего Чингисида, Джучи, убитого по приказу отца за то, что он первый выдвинул программу примирения с побежденными 71. И не случайно, что тут же началась война Золотой Орды против персидских монголов, активных несториан, продолжавших чингисовскую политику завоеваний. Правительство хана Берке в 1262–1263 гг. еще колебалось, продолжать ли линию монгольских традиций или, уступая силе обстоятельств, возглавить народы, согласившиеся связать свою судьбу с Ордой. Можно думать, что последняя поездка Александра в Сарай, когда он отвел беду от народа, была именно тем подвигом, который определил выбор хана. Это было первое освобождение России от монголов – величайшая заслуга Александра Невского.

Итак, толковый князь оказался более прозорлив, нежели талантливый поэт. Но автору «Слова» нельзя отказать ни в искренности, ни в патриотизме, ни в призыве к единению, с той лишь оговоркой, что к единению призывала и противоположная сторона.

У читателя может возникнуть вопрос: а почему почти за два века напряженного изучения памятника никто не наткнулся на предложенную здесь мысль, которая и теперь многим филологам представляется парадоксальным домыслом? Неужели автор этой книги учнее и способнее блестящей плеяды славистов?!

Да нет! Дело не в личных способностях, а в подходе. Литературоведы использовали, и бесспорно блестяще, все возможности индуктивного метода, а они ограничены. Конечно, не будь готовой подборки сведений, которую мы называем «прямой информацией», применение дедуктивного метода было бы неосуществимо, но в этом-то и цель данной работы, чтобы найти способ совмещения индукции и дедукции, равно необходимых в высоком ремесле историка.

Литература и примечания

1. «Слово о полку Игореве» – памятник XII в. М.-Л. 1962.
2. *Mazon A.* Les bylines russes, а также статьи в «Revue des eludes slaves» 1938–1945.
3. *Зимин А. А.* Когда было написано «Слово». стр. 135–152.
4. *І. Свенціцкий.* Русь і половці...; *A. Vaillant,* Les Chants epiques...; В. В. Виноградов, История литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова, стр. 77.
5. См.: «Слово о полку Игореве». 1947, стр. 7–42.
6. *Лихачев Д.* Стр. Черты подражательности «Задонщины».
7. «Слово о полку Игореве». 1950. стр. 352–368. Далее страницы даны в тексте (в скобках).
8. *О христианизации* половцев сообщают «Житие черноризца Никона» и «Сказание о пленном половчине». Кроме этого, известны факты: половецкий хан Бастий крестился в 1223 г. для вступления в союз с Русью против татар (ПСРЛ. II. стр. 741; X. стр. 90); половцы, переселившиеся в Венгрию, стали христианами; известно о крещении половецких ханов Амурата в Рязани в 1132 г., Айдара в Киеве в 1168 г. (ПСРЛ. IX. стр. 158, 236). В «Кириковых вопрошениях» записано: «И се ми поведал чернец пискупль Лука Овдоким молитвы оглашенныя творити: болгарину, половчину, чюдину, преди крещения 40 дней поста, ис церкви исходити от оглашенных» (Хрестоматия по русской истории, стр. 858). Цит. по: Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... стр. 201.

9. Плетнева С. А. Печенеги... стр. 222.

10. Соловьев С. М. История России. стр. 374.

11. Там же. Стр. 379.

12. Противоположную точку зрения см.: Соловьев А. В. Политический круг автора «Слова о полку Игореве». стр. 87 и след. Федоров В. Г. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. стр. 128–144. Наш анализ исторического смысла «Слова» переносит проблему в иную плоскость.

13. Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 49–52; Голубовский П. История Северной земли. стр. 90.

14. См. также: Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве». стр. 43–64.

15. Попытка подставить под слово «хин» этноним «хунны» (G. Moravcsik, Zur Frage hunnobe..., стр. 69–72; А. В. Соловьев, Восемь заметок, стр. 365–369) неприемлема ни с филологической стороны («у» не переходит в «и»), ни с исторической: последние гунны – акациры – были уничтожены болгарскими племенами в 463 г. Кутургуров греческие писатели VI в. еще метафорически называют гуннами, но уже в VII в. это название исчезает. Даже венгров IX в. византийцы фигурально именовали «турками», и тем более название «гунны» не применялось к половцам и другим степнякам XI–XIII вв. Следовательно, в устах автора «Слова» название «хунн» невозможно ни как варваризм, ни как архаизм.

16. А. Ю. Якубовский, анализируя термин «Золотая Орда», также сопоставил его с названием чжурчжэньской династии и другим путем пришел к тому же выводу (см.: Греков К. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда. – стр. 60).

17. Звук «к» есть в западномонгольском, или калмыцком, языке, но этот язык, как и народ, на нем говорящий, образовался во второй половине XIII в. Из смешения восточных монголов с местным тюркским населением (Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке. стр. 159; Грумм-Гржимайло Г. Е. Когда произошло и чем вызвано распадение монголов на восточных и западных. стр. 167–177). Это мнение принял А. Л. Зимин (см.: Зимин А. А. К вопросу о тюркизмах... стр. 142).

18. «Задонщина». Стр. 535, 538, 539, 543, 544, 547.

19. Как не подосадовать на недавно появившуюся манеру давать средневековые китайские слова в современном китайском чтении. Ну пусть уж так обращаются с собственно китайскими терминами, но тюркские и монгольские слова искажаются до неузнаваемости, что путает исследователей. Хин и Цзинь звучат непохоже, но Кинь (Kin) – чтение, принятое в классической востоковедческой литературе и отвечающее фонеме XII–XIII вв., неизбежно вызвало бы у литературоведа нужную ассоциацию. Думается, что целесообразнее облегчать работу коллегам, нежели затруднять се в угоду мнимой точности. Равно «хин» не может быть названием Китая – Цинь, принятом издавна на Ближнем Востоке и в Европе. Сами китайцы именовали свою страну либо Чжун-го – Срединное государство, либо, в сношениях с иноземцами, по имени династии, т. е. должно было бы быть либо Сун, либо Кин, что и требовалось доказать.

20. Сокровенное сказание. 106.

21. Там же. 145.

22. Там же. 173, 214.

23. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. I. стр. 262.

24. Там же. Т. II. С. 70–71.

25. О применении яда у лесных племен Сибири и Дальнего Востока говорит А. П. Окладников, указывая на уменьшение луков и облегчение наконечников стрел в Глазковское время (Окладников А. П. Неолит..., стр. 72), но в степи до XIII в. эта техника была неизвестна.

26. *Мелиоранский П.* Турецкие элементы..., стр. 296 и сл. Есть и другие мнения, которые мы здесь не критикуем: Р. Якобсон производит это слово от *charlug* – «каролингский» (R. Jakobson, *The Puzzles of the Igor'Tale*, стр. 61), а А. Зайончковский – от племенного названия «карлук» (A. Zajaczkowski, *Zwiazki jezykowe polowecko-slowenskie*, стр. 52–53; ср.: А. Н. Кирпичников, *Русские мечи X–XIII веков*, стр. 24). В качестве курьеза можно добавить мнение З. Стибера, производящего слово «харлужный» от кашубского «*Chariezny*» – ворюга, ср. диалектное «харлить» – оттягивать неправдой чужое, отсюда якобы «харлужный» – захваченный в добычу (Z. Stieber, *Vieux russe...*, стр. 130–131).

27. «Сокровенное сказание». 145.

28. *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности.

29. *Vacot J.* *Reconnaissance ene Haute Asie...* С. 137–153.

30. В «Задонщине» говорится: «(татары) ркуче... а катунь своих не трепати» (стр. 547).

31. *Соловьев А. С.* Деремела... стр. 100–103.

32. *Державин Н.* Стр. Троян в «Слове о полку Игореве». стр. 25–44.

33. *Болдур А.* Троян «Слова о полку Игореве». стр. 7–35.

34. Там же, стр. 8–11, 22, 34–35.

352. *Срезневский И.* Древние памятники русского письма... Стр. 205; *Летописи русской литературы*. Т. III. Кн. 5. М., 1861. Ч. II. стр. 5.

36. «Где лежит оумерл Зеоус его же и Дыя наричают». См.: Шусторович Э. М. *Хроника Иоанна Малалы и античная традиция. Литературные связи древних славян//Труды отдела древнерусской литературы*. Л... 1968. стр. 65.

37. *Вернадский Г. В.* Были ли монгольские послы 1223 г. христианами? стр. 145–148; G. Vernadsky, *Kievan Russia*, стр. 237–238. Гипотезу Г. В. Вернадского, построенную на толковании нюансов текста, мы принимаем по следующим основаниям. Столкнувшись с новым противником, Субэтэй-баатур постарался избежать войны и послал для переговоров людей, которые, по его мнению, скорее всего могли достичь взаимопонимания, т. е. христиан. Они были казнены. Казалось бы, ему надлежало побереечь своих людей, но он отправил второе посольство с ультиматумом... и оно вернулось невредимым. Очевидно, между первыми и вторыми послами была существенная разница, и ее-то уловил Г. В. Вернадский при детальном анализе текста летописи. Ведь если бы первых послов убили только как татар, то и второе посольство постигла бы та же участь, тем более что послы апеллировали о справедливости к «небесному богу». Но ведь не всякий монотеизм – христианство, а к язычникам в средние века относились терпимее, чем к еретикам.

38. *Кулаковский Ю.* История Византии. Стр. 441–447.

39. *Соловьев С. М.* История России. Стр. 379.

40. *Комарович В. Л.* Культ рода и земли... Стр.84–104.

41. Упоминание дива в «Задонщине» представляется нам литературным заимствованием из «Слова о полку Игореве».

42. *Ипатьевская летопись под 1250 г.* Полное собрание русских летописей. II. М., 1962. стр. 806.

43. Работая в геологической экспедиции на левом берегу Нижней Тунгуски около впадения в нес реки Летней в 1944 г., я нашел столб из окоренной елки длиной около 3 м. На нем была укрепленна деревянная, вырезанная ножом птица длиной около 20 см. По объяснению кетов, это – шаманский знак души, поставленный для охраны места от злых духов. Вся сила берега заключалась, по их словам, в птице.

44. Именно у них, ибо западносибирское язычество отличается от шаманизма принципиально. Угорский колдун «приручает духов, как оленей», а не дружит с ними. Кеты

считают, что у них и у эвенков «вера разная» (из личных расспросов автора на Нижней Тунгуске в 1943 г.).

45. Иносказания в «Слове» в аспекте философской символики искал В. Л. Комарочич (черновые записи в рукописном отделе Пушкинского дома), но, по-видимому, объяснение может быть более простым и полным за счет изучения политической конъюнктуры XII–XIII вв.

46. *Альшиц Д. Н.* См.: Ответы советских ученых... Стр. 37–41.

47. *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. Стр. 52.

48. *Приселков М. Д.* «Слово о полку Игореве»... Стр. 112.

49. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. Гл. 1.

50. Там же. стр. 12, 23.

51. *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. Стр. 121.

52. Письмо Гуюка к папе см.: Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. стр. 59, 220–221.

53. *G. Vernadsky.* The Mongols and Russia..., стр. 72.

54. *А. Г. Галстян.* Армянские источники о монголах, стр. 110; *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов..., стр. 18–19.

55. Смещение битв на Каяле 1185 г. и Калке 1223 г. автором «Задонщины», рассматривающим битву на Куликовом поле как реванш за Калку, отмечено Д. С. Лихачевым (Национальное самосознание древней Руси. М.-Л., 1945), указавшим, что «Задонщину» следует рассматривать как реплику на «Слово о полку Игореве» (см. также: В. П. Адрианова-Перетц «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». – в кн.: «Слово о полку Игореве» – памятник XII в, стр. 131–169). Замеченные нами детали позволяют лишь предполагать большую древность «Слова» сравнительно с «Задонщиной», так как после 1262 г. несторианская проблема потеряла актуальность.

56. *Theiner.* Vetera Monumenta historia Hungariae illustrantia. I. Roma, 1857, стр. 86 (цит. по кн.: Мавродин В. В. Очерки истории левобережной Украины, стр. 283).

57. *К. Маркс* – Ф. Энгельсу, 5.III.1856, – К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 16.

58. Неврюй, полководец Сартака, сына Батыя, подавил восстание Андрея Ярославича Владимирского, брата и соперника Александра Невского.

59. *Насонов А. Н.* Монголы и Русь. стр. 26–28. Михаил Черниговский посылал посла на Лионский собор 1245 г. просить помощи против татар, и это объясняет его опалу и казнь.

60. О распространении мусульманства среди печенегов XI в. сообщает Бакри: «...после 400-го года хиджры случился у них пленный из мусульман, ученый богослов, который и объяснил ислам некоторым из них. Вследствие чего те и приняли его. И намерения их были искренни, и стала распространяться между ними пропаганда ислама. Остальные же, не принявшие ислама, порицали их за это, и дело кончилось войной. Бог же дал победу мусульманам, хотя их было только 12 тысяч, а неверных – вдвое больше. И они [мусульмане] убивали их, и оставшиеся в живых приняли ислам. И все они теперь мусульмане, и есть у них ученые и законоведы и чтецы корана» (А. Куник, В. Розен, Известия алБакри и других авторов о Руси и славянах, стр. 58–60). По-видимому, здесь налицо тенденциозное преувеличение, ибо известны факты крещения отдельных печенежских ханов (ПСРЛ, IX, стр. 57, 64) и народных масс при договоре с Константином Мономахом в 1051 г., что было бы невозможно, если бы они уже принадлежали к другой мировой религии; но зерно истины в сообщении Бакри есть (см.: С. П. Толстов По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 262), и наличие в причерноморских степях мусульманских кочевников объясняет легкость обращения в ислам Узбека, хана Золотой Орды (1312 г.), очевидно ориентировавшегося на изрядное число кочевников-мусульман.

61. *Соловьев С. М.* История России. Стр. 181.

62. В тексте «Слова» стоит «небысть тут брата Брячислава, ни другого Всеволода». По удачному предложению А. А. Зимина (личное сообщение), вместо «Всеволода» надо поставить «Всеслава» – и тогда ретроспективная композиция обретает смысл: не было второго Всеслава, который сумел бы отстоять Полоцк от врагов, и дальше идет патетическое отступление о Всеславе, князе Полоцком, где события перечислены в обратном хронологическом порядке (с. 24–26).

63. В 1251 г. Миндовг взят под опеку св. Петра: «крещение же его льтиво бысть» (ПСРЛ. II. стр. 817).

64. *Иакинф Бичурин.* История первых четырех ханов. Стр. 264–265.

65. Действительно, поход 1185 г. повлек за собой политический упадок Северной земли и обеспечил гегемонию на Руси суздальскому княжеству (Голубовский П. История Северной земли. стр. 160 и след.).

66. Там же. стр. 170.

67. История католического наступления на Русь обстоятельно заложена в кн.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси.

68. *Соловьев С. М.* История России. Стр. 157.

69. Северо-Восточная Русь была обложена только в 1257 г. См.: Насонов А. Н. Монголы и Русь. стр. 12, 22.

70. Там же. стр. 52.

71. Бартольд В. В. Туркестан... Стр. 495.

Б. А. Рыбаков. О преодолении самообмана *1

(По поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства»)

Вышла еще одна книга доктора исторических наук Л. Н. Гумилева по истории Великой Степи; на этот раз автор не замкнулся в ранней истории тюркских племен, а дал широкую картину всего степного мира накануне и в момент образования империи Чингизидов. Как литературный прием, позволяющий объединять Запад и Восток, Л. Н. Гумилев использовал средневековую легенду о царстве пресвитера Иоанна, будто бы находившемся где-то в Азии.

Судя по свободному обращению к большому числу разнородных источников, книга, очевидно, представляет собой результат исследования, хотя процесс анализа далеко не всегда показан и автор нередко прячется за свои парадоксы. Так, говоря о невозможности примирить разноречивые источники, он пишет: «И тут я подумал: возьму-ка заведомо правильное суждение, что Чингисхан был и его империя существовала, и заведомо сомнительное, что пресвитер Иоанн царствовал в „Трех Индиях“, и сопоставлю их на авось. Вдруг от такого сочетания сама собой получится органическая концепция, поскольку у меня уже появятся положительные и отрицательные величины. Так я и поступил» (стр. 10). К своим предшественникам автор относится очень высокомерно, считая, что он не обязан давать ни характеристики источников, ни обзора научной литературы вопроса, ибо «из тысяч мышей нельзя сделать одной лошади» (стр. 381). Здесь «мыши» – труды исследователей предшествующих лет, а «лошадь» – книга самого Л. Н. Гумилева. В другом месте автор очень своеобразно определяет место научного поиска: «Момент озарения не предшествует изучению проблемы и не венчает ее, а лежит где-то в середине, чуть ближе к началу... А поиски в собственном смысле слова начинаются потом, ибо искать стоит лишь тогда, когда знаешь, что

ищешь» (стр. 403). Одному из таких озарений (которое, очевидно, предшествовало научному поиску) посвящена глава XIII, названная несколько претенциозно – «Опыт преодоления самообмана» (стр. 305–345). На этой главе, посвященной русской истории XII–XIII вв., я и остановлюсь подробнее.

Для всех изучающих русскую историю этого времени чрезвычайно важно каждое новое востоковедческое исследование, раскрывающее взаимосвязь русских княжеств с обширным и многоликим степным миром. От ориенталиста русисты ждут новых интересных обобщений, раскрытия того, что находилось за линией горизонта древних летописцев, писавших о половцах и татарах лишь тогда, когда войска их напали на Русь. К сожалению, Л. Н. Гумилев сразу разочаровывает нас.

Говоря о взаимоотношениях Руси с половцами в XII в., он отделяется несколькими парадоксами: «Половцы вошли в систему Киевского княжества так же, как, например, Полоцкая или Новгородская земля, не потеряв автономии» (стр. 312). «От падения Хазарского каганата в 965 г. до основания Золотой орды в 1241 г. никакого степного объединения не существовало и опасности для русской земли со стороны степи не было» (стр. 312). Отказываюсь понимать эту фразу! Разве не было грандиозного похода Шарукана в 1068 г., разбившего войска всех сыновей Ярослава Мудрого? Разве не писал летописец в 1185 г.: «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак со множеством Половецъ на Русь, похупаяся, яко пленити хотя грады рускые и пожещи огнем»? 1 Летописи полны красочных описаний половецких походов, во время которых разорялись и сжигались десятки русских городов, включая Киев. Но что значат половецкие набеги, если наш ориенталист не заметил походов Батыя на Русь в 1237–1238 гг. (Рязанско-Владимирские земли), 1239 г. (Левобережье Днепра), 1240 г. (Киев и Волынь) – ведь в своей неосторожной фразе на стр. 312 он сказал, что до 1241 г. (!) никакой опасности со стороны степи для Руси не было, а на стр. 309 утверждает, что половцы были не опасны и что призывать к борьбе с ними в 1185 г. было «просто нелепо». Что это – описка, красное словцо или концепция?

Как ни странно, но, оказывается, концепция. Оказывается, что мы напрасно преувеличиваем масштабы разорения Руси Батыем, что на самом деле «две кампании, выигранные монголами в 1237–1238 и 1240 гг., ненамного (?) уменьшили русский военный потенциал», как декларирует Л. Н. Гумилев на стр. 328–329. Опирается ли этот новый взгляд на какие-либо новые источники? Нет, разумеется. Внимательно ли отнесся автор ко всей сумме старых источников? Одновременно с книгой Л. Н. Гумилева в том же издательстве вышел сборник статей «Татаро-монголы в Азии и Европе», где Л. В. Черепнин, прекрасный знаток источников, дал убедительную картину разгрома Руси Батыем, уничтожившим «грады многи, им же несть числа».2

Л. Н. Гумилев, причастный к археологии, должен был бы знать, что красочные словесные описания современников документально подтверждаются огромным археологическим материалом: десятки русских городских центров навсегда запустели после Батыева погрома; походы 1237–1241 гг. оказались катастрофой, уничтожившей военные резервы именно тех княжеств, которые издавна накапливали силы для борьбы со степью. Полное отрицание Л. Н. Гумилевым половецкой опасности в XII в. И старание преуменьшить результаты татаромонгольского вторжения в XIII в. резко расходятся с данными науки и могут быть объяснены не привлечением новых источников, не эрудицией востоковеда, а предвзятой мыслью автора, его излюбленной дедукцией (см. стр. 6 и 345).

Озарение, заставившее Л. Н. Гумилева фальсифицировать историю, содержит очень простую мысль: «Слово о полку Игореве» не имеет отношения ни к Игорю, ни к его походу 1185 г. («стычке, не имевшей никакого военного и политического значения», стр. 308). «Слово»

– памфлет, созданный в 1249–1252 гг., «сочинение антикочевнического и антинесторианского направления», «литературная стрела, направленная в грудь благоверного князя Александра Ярославича Невского» (стр. 341–342); «под масками князей XII в. должны скрываться деятели XIII в.» (стр. 334).

Впервые этот набор новинок исторической мысли был издан в 1966 г., в самый разгар споров с возмутительной «концепцией» Мазона-Зимины, относившей создание «Слова» к XVIII веку 3. Историки правильно пренебрегли этой статьей, изданной тиражом в 500 экземпляров, не посвятив ей специальных рецензий. Но теперь, когда датировка «Слова о полку Игореве» XII в. подтверждена рядом новых исследований лингвистов (славистов и тюркологов), литературоведов, историков, повторная публикация гумилевских новаций (тиражом в 9500 экз.) вызывает уже тревогу. Тревогу почувствовал и сам автор, окруживший свои тезисы множеством рассуждений о том, как искать историческую истину (стр. 9–24), и даже написавший специальную инструкцию о построении гипотез (стр. 381–403), где защищает право на бездоказательность (стр. 402–403). Редактор сослужил плохую службу своему подопечному автору, раскрыв его скоростной метод изготовления книг: «Для того чтобы обычными методами достичь того, что сделано в данной книге, пришлось бы написать минимум четыре монографии, доступные только узкому кругу специалистов, и затратить на это всю жизнь. Метод Л. Н. Гумилева позволил избежать такой траты сил... Он вкратце может быть охарактеризован как применение исторической дедукции к накопленному материалу в отличие от общепринятого индуктивного метода» (предисловие С. И. Руденко к рассматриваемой книге, стр. 5–6).

Основой, ключевой позицией (стр. 311) для перенесения «Слова о полку Игореве» в XIII в. для Л. Н. Гумилева явились такие слова, как «Хинова» и «Деремела». Слово «Хинова», обычно считающееся воспоминанием о первых тюрках наших степей – гуннах, Л. Н. Гумилев связывает с названием чжурчжэньской империи Кин-Цзинь на берегу Тихого океана. По мысли автора, это название принесено на Русь монголами, заменившими звук «к» на «х». Гумилев пренебрегает тем, что империя Кинь, отстоявшая от Руси на 5 тыс. км, перестала существовать за несколько лет до появления монголов на Руси и что ни в одном источнике, ни в русском, ни в восточном, ни в западноевропейском, татаро-монголов никогда не называли «хинами». С этих же позиций Гумилев истолковал и слово «Деремела», давно уже считаемое обозначением одного из литовских, ятвяжских племен (Derme) 4. Л. Н. Гумилев объявляет это слово монгольским именем: «Если допустить, что в числе побежденных Романом и Мстиславом был отряд монгольского баскака по имени Дармала, контролировавшего область, лежавшую между страной ятвягов и половецкой степью, то противоречий с фонетикой и текстом не возникает» (стр. 320).

«Хинова» и «Деремела» самым коварным образом подвели Л. Н. Гумилева, пытавшегося на их основе говорить о монголизмах XIII в. в русской поэме XII века. В «Слове о полку Игореве» говорится о победах князя Романа Мстиславича Волынского и его соседа князя Мстислава над такими землями, как «Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела...», но дело в том, что Роман умер 14 октября 1205 г. и, естественно, не мог побеждать никаких монгольских баскаков, появившихся здесь только через четыре десятилетия после его смерти. Если поверить Л. Н. Гумилеву, что автор «Слова о полку Игореве» под «маской» Ярослава Осмомысла подразумевал Даниила Галицкого (стр. 336), то как можно допустить, что он, автор «Слова», не знал того, что отец Даниила был убит поляками задолго до нашествия татар? Я не говорю уже о том, что естественнее было бы надеть эту маску не на чужого Даниила человека, а на его родного отца, воспетого в этой же поэме – Романа Волынского.

Задуманный Л. Н. Гумилевым «маскарад» грешит прежде всего недобросовестностью.

Автор не дал себе труда заглянуть в летописи XII в. (нет ни одной ссылки!) и крайне небрежно пользовался превосходным комментарием Д. С. Лихачева, откуда он черпал кое-какие сведения (см. стр. 307). Великого Всеволода, который может «Волгу веслы раскропити, а Дон шелома выльяти», Л. Н. Гумилев считает в поэме маской его внука Андрея Ярославича: «Звать на юг Всеволода Большое Гнездо, врага Святослава и Игоря, более чем странно» (стр. 335). Откуда Л. Н. Гумилеву известно, что в 1185 г. Всеволод Юрьевич был враждебен к Святославу Киевскому и Игорю Северскому? Ведь надо же знать, что после битвы на Влене враги помирились, что «Всеволод же Суждальский... прия великую любовь с Святославом и сватася с ним и да за сына его меншаго свесть свою» 5 А на следующий, 1183 г. Всеволод получил от Святослава большую военную помощь: в поход на Волжскую Болгарию пошел со Всеволодом сын Святослава Владимир с киевскими полками. Почему же было странно звать союзника себе на помощь, когда Кончак угрожал Киеву? О мнимой вражде Всеволода к Игорю, женатому на его родной племяннице, мы точно так же в летописях не найдем ничего.

Верхом развязности и полного пренебрежения к источникам является раздел, посвященный тестю Игоря Ярославу Осмомыслу, так торжественно воспетому автором «Слова». По поводу того, что автор поэмы обратился к Ярославу с призывом вступить за Русскую землю, Л. Н. Гумилев пишет: «Если призыв понимать буквально, то это вздор» (стр. 336). Вздором это оказывается потому, что Ярослав будто бы был лишен боярами «не только власти, но и личной жизни» (стр. 336). Продолжу цитирование этого примечательного места, рисуя «скоростной метод» пользования источниками из третьих рук: «В 1187 г. бояре сожгли любовницу князя, Настасью, и принудили Ярослава лишиться наследства любимого сына (от Настасьи), а после его смерти, происшедшей тогда же, посадили старшего сына, пьяницу, на галицкий престол» (стр. 336). До Л. Н. Гумилева дошли какие-то отдаленные сведения из галицкой истории, безнадежно перепутанные им. Разберем их по пунктам. Во-первых, сожжение Настасьи состоялось не в 1187 г., а в 1171 г., на 16 лет раньше смерти Ярослава, будто бы «происшедшей тогда же». Во-вторых, на протяжении этого 16-летнего периода нельзя говорить о слабости Ярослава Галицкого; соседние князья очень опасались грозного князя, и, когда его сын Владимир убежал из Галича, соседи боялись приютить беглеца. В 1173 г. его отправил от себя князь Луцкий, «убоявсь пожженья волости своей», а в 1184 г. князья испуганно передавали княжича с рук на руки: «Роман, блюдяся отца его, не да ему опочити у себе», (Инъгвар), «блюдяся отца его и не прия его»; ни Святополк Туровский, ни Давыд Смоленский не приняли сына Ярослава Галицкого. Даже далекий Всеволод Большое Гнездо не приютил родного племянника: он «ни тамо обрете себе покоя». Как же можно писать о том, что Ярослав был лишен боярами власти, если Ярослав выгонял законного наследника, любимца бояр княжича Владимира, и на протяжении пути в две с половиною тысячи километров только один князь, его шурин Игорь, осмелился принять изгнанника? Третьим расхождением Гумилева с историческими фактами является его утверждение, что галицкие бояре в 1187 г. принудили Ярослава лишиться наследства любимого сына, то есть Олега «Настасьича». Летопись под 1187 г. сообщает совершенно противоположное. Летописец, вторя автору «Слова о полку Игореве», рисует Ярослава могущественным монархом, распоряжающимся многочисленными полководцами. Боярам, созданным к ложу умирающего князя, Ярослав твердо изложил свою волю: «Се аз, одиною худою своею головою ходя, удержал всю Галичкую землю. А се приказываю место свое Олгови, сынови своему меншему, а Володимеру даю Перемышль». После этого Ярослав Осмомысл заставил бояр присягнуть побочному сыну от любовницы – «бьашеть бо Олег Настасьичь и бе ему мил, а Володимер не хожаше в воле его и того деля не дашеть ему Галича». Прочтя все это в летописи (или узнав каким-то иным способом), Л. Н. Гумилев придал всему обратный смысл и выразил такое сомнение в адрес автора «Слова о

полку Игореве»: «Призывать князя, лишённого власти и влияния и умирающего от нервных травм, к решительным действиям – абсурд, но если мы под именем Ярослава Осмомысла прочтем „Даниил Галицкий“, то все станет на свое место» (стр. 336).

Но мы обязаны еще раз вспомнить, что ко времени написания «Слова о полку Игореве», к середине 1180-х годов, минуло уже полтора десятка лет с той поры, как Ярослав переживал «нервные травмы», и (как это ни абсурдно с точки зрения Л. Н. Гумилева), что в июле 1184 г. Ярослав послал своих воевод в помощь Святославу Киевскому против Кобяка. Почему же обращение к могущественному князю, дочь которого могла попасть в руки половцев в сожженном ими Путивле, стало абсурдом и вздором через 10 месяцев после разгрома Кобяка с помощью галицких войск?

Начиная рассмотрение аргументов в пользу своих построений, Л. Н. Гумилев обещал «твердо стать на почву несомненных фактов» (стр. 313). Ну что ж, не все обещания легко выполнить.

Не касаясь множества других небрежностей и ошибок, в изобилии рассеянных на рассматриваемых сорока страницах книги, остановлюсь на том вопросе, которому сам Л. Н. Гумилев отводит определяющее место. Сущность этого вопроса можно изложить так: Л. Н. Гумилеву кажется, что «Слово о полку Игореве» написано в середине XIII в. для того, чтобы в завуалированной форме высказать неодобрение по поводу дружбы Александра Невского с ханом Сартаком, христианином несторианского толка (стр. 331–332). Висит эта гипотеза на следующих четырех нитях «сложной дедукции»: 1. Отождествление Трояна в «Слове о полку Игореве» с христианской троицей несториан (стр. 324).

2. Признание Олега Гориславича тайным еретиком, а Бояна – агентом Олега, ездившим на Тянь-Шань (или за Кавказ) к несторианам (стр. 322–325). 3. Отождествление Дива «Слова о полку Игореве» с монгольским божеством (стр. 323). 4. Признание князя Игоря борцом против несторианства (стр. 332 и 340). Сознвая бесплодность подробного рассмотрения таких положений, мы все же должны ознакомиться с системой аргументов автора и проверить, сумели ли он в этом разделе «твердо стать на почву несомненных фактов».

Первый тезис не доказывается Л. Н. Гумилевым, а постулируется: «Допустим, что „Троян“ – буквальный перевод понятия „троица“, но не с греческого языка и не русским переводчиком, а человеком, на родном языке которого отсутствовала категория грамматического рода. То есть это перевод термина „Уч-Ыдук“, сделанный тюрком на русский язык» (стр. 324). Так как доказательств не приведено, то и разбирать этот тезис не будем. Можно только высказать удивление, что услужливый тюрк, позаботившийся о русских людях, не употребил бытовавший у русских термин «троица», а изобрел для них Трояна. И что переводил с тюркского этот загадочный переводчик? «Трояновы века» Гумилев без всяких оснований объявляет временем после Эфесского и Халкедонского церковных соборов 449 и 451 гг., предавших анафеме несториан (стр. 325). Соглашаться трудно, но и опровергать нечего.

Второй тезис – «уклонение второго по значению на Руси князя в ересь» (стр. 325). Имеется в виду Олег Святославич, который, по мысли Л. Н. Гумилева, «должен был унаследовать золотой стол киевский, а его объявили изгоем, лишили места в престолонаследной очереди» (стр. 309). Опять плохо дело с русскими летописями: не подтверждают они слов Л. Н. Гумилева. В 1078 г., о котором идет речь в «Слове о полку Игореве», Олег не был вторым по значению князем и не стоял в престолонаследной очереди. Княжил в Киеве Всеволод, сын Ярослава Мудрого; после него могли княжить его племянники, сыновья Изяслава, Святополк и Ярополк. Далее по старшинству шли сыновья Святослава Ярославича: Глеб, Давид, Роман и – лишь на четвертом месте – Олег. Так как Давид пережил Олега на восемь лет, то Олег до конца своей жизни не мог по старшинству претендовать ни на второе место в Руси, ни на место в

очереди к великокняжескому трону. Неверно и утверждение Л. Н. Гумилева о конфликте Олега с киевской митрополией, трижды повторенное им (стр. 310, 325 и 344); Олега вызывали (и не в 1078, а в 1096 г.) на суд князей и епископов, а митрополит даже не был упомянут. Несторианство Олега Гориславича не обосновывается автором ничем. Единственным доказательством является восклицание Л. Н. Гумилева в адрес Олега, пострадавшего от двоюродных братьев, хазар и греков: «Ему ли было не искать другого варианта христианской веры? И тут его друг... Боян нашел путь „чрес поля на горы“, туда, где жили полноценные христиане» (стр. 325), то есть центральноазиатские несториане. Л. Н. Гумилев думает, что этим он разъясняет «темные фрагменты» «Слова о полку Игореве».

Третье доказательство «хорошего знакомства» современников «Слова о полку Игореве» «с дальневосточными символами, которые они могли узнать только у монголов» (стр. 327), Л. Н. Гумилев видит в том, что Боян «растекается мыслию по древу» (это будто бы свойственно только монголам), и в наличии в поэме образа злого Дива. Див, по мнению Л. Н. Гумилева, – это дьявол в его монгольском варианте. В доказательство он приводит известное место из летописи (это его единственная ссылка на летопись под 1250 г.), где описываются религиозные обычаи татар. Но, сделав в пяти строках семь ошибок (вместо «кровопитья» наборщики набрали «кровопротыа» и др.), Л. Н. Гумилев насилует текст и создает какого-то небывалого «земледьявола» (стр.326), который якобы и соответствует Диву «Слова о полку Игореве». Но ведь этого существа в самом тексте летописи нет – там говорится о том, что татарская знать поклоняется Солнцу, Луне, Земле, дьяволу и находящимся в аду предкам. Здесь две разных категории объектов поклонения: во-первых, природа (земля и небо) и, во-вторых, ад и его обитатели с хозяином этого места во главе. Никакого «земледьявола» нет; он слеплен Гумилевым из конца одной фразы и из начала другой. А между тем сразу же после всех допущений об Олеге, Бояне и «земледьяволе» Л. Н. Гумилев переходит к широким выводам: «Итак, мы подошли к решению. Несторианство было в XIII в. Известно на Руси настолько хорошо, что читатели „Слова“ не нуждались в подробных разъяснениях, а улавливали мысль автора по намекам» (стр. 326). Эта навязчивая мысль о несторианстве не дает покоя Л. Н. Гумилеву, и он создает четвертую подпору своей гипотезы или, лучше сказать, своего «озарения», так как гипотезы строятся на основе фактов.

Четыре раза (стр. 308, 332, 340, 344) Л. Н. Гумилев пишет о «паломничестве» Игоря в Киев после возвращения из плена. Паломничество это не простое. Счастливые читатели XIII в. понимали сущность его «с полуслова» (стр. 331): «Например, достаточно было героя повествования, князя Игоря, заставить совершить паломничество к иконе Богородицы Пирогощей, чтобы читатель понял, что этот герой вовсе не друг тех крещеных татар, которые называли Марию „Христородицей“, и тем самым определялось отношение к самим татарам» (стр. 331–332).

В специальном разделе «Паломничество князя Игоря» (стр. 340) автор, не надеясь на понятливость читателей XX в., раскрывает свое понимание событий 1185 года. Его, Л. Н. Гумилева, удивляет будто бы уловленное им расхождение в оценке событий летописцем и поэтом: летописец говорит о тягостях Северной земли и Посемья, а автор «Слова» радуется: «Страны ради, грады весели». «Кому верить?» – восклицает историк и отвечает сам себе: «Конечно, летописи!», – а сам переходит к комментированию поэмы: «Напрашивается мысль, что тут выпад против врагов Богородицы», то есть против несториан. Четырьмя страницами далее Гумилев снова повторяет свои разъяснения: «В предлагаемом аспекте находит объяснение концовка „Слова“. Как самое большое достижение излагается поездка Игоря на богомолье в Киев... Это чистая дидактика: вот, мол, Ольгович, внук врага киевской митрополии, друга Бояна, „рыскавшего в тропу Трояню“, и тот примирился с Пресвятой Девой

Марией, и тогда вся русская земля возрадовалась. И тебе бы, князь Александр, сделать то же самое – и конец бы поганым! В этом смысл всего гениального произведения...» (стр. 344). Этот фейерверк имен и толкований требует разбора по пунктам.

1. Разве Игорь ездил в Киев на богомолье как благочестивый паломник, чтобы примириться с пресвятой девой? По возвращении из плена в разоренную Северскую землю Игорь «иде ко брату Ярославу к Чернигову, помощи прося на Посемье». С этой же целью он поехал и в Киев к Святославу и Рюрику. Пирогощая церковь (а не икона) упомянута в «Слове» как топографический ориентир: Игорь уезжает из Киева, спускается по Боричеву взвозу и едет к Пирогощей на Подоле, то есть к переправе через Днепр.

2. Как можно сопоставлять в обратном порядке разные разделы летописи и «Слова», повествующие о разных событиях, и удивляться их противоречивости? Не нужно патетически восклицать – «Кому верить?», а следует внимательно читать тот текст, о котором пишется. И в летописи и в «Слове» одинаково говорится о туге и напастях, о тоске и печали после разгрома Игоря и наезда Гзака на Посемье. И в «Слове» и в летописи выражается радость по поводу освобождения Игоря из плена:

«Страны ради, грады весели»; «и обрадовашася ему (Игорю)» «и рад бысть ему Святослав, также и Рюрик сват его» б. А Л. Н. Гумилев стал сопоставлять запись летописца о майском походе Гзака на Посемье с описанием возвращения Игоря из плена в более позднее время, когда Гзак уже вернулся из похода, и удивился несходству выхваченных им из контекста и перепутанных отрывков. Удивиться есть чему.

3. Как можно всерьез говорить о «примирении» Игоря с богородицей? Летописная повесть о походе 1185 г. рисует Игоря предельно религиозным, до слащавости благочестивым; он даже из плена бежит, надев на себя святыни. По каким косвенным данным (при полном отсутствии прямых) можно говорить о его «ссоре» с богородицей, потребовавшей далекой поездки (хотя богородичные церкви были в каждом городе) и примирения с ней? И разве выдуманному примирению, а не избавлению князя от плена радовалась Русская земля?

Подводя итог, мы видим, что попытка переноса «Слова о полку Игореве» в середину XIII в. не оправдана и абсолютно ничем не доказана; мнимое несоответствие призывов автора «Слова» исторической действительности 1185 г. основано на чудовищном искажении летописей, а стремление Л. Н. Гумилева во что бы то ни стало объявить автора «Слова» врагом центральноазиатских несториан вызывает просто недоумение и тоже базируется на недобросовестной подтасовке исторических источников. Чтение русского раздела книги Л. Н. Гумилева вполне можно назвать путешествием в вымышленное царство.

Завершив свой сумбурный экскурс в чуждый для него древнерусский мир, Л. Н. Гумилев, преодолевая скромность, пишет: «У читателя может возникнуть вопрос: а почему почти за два века напряженного изучения памятника никто не наткнулся на предложенную здесь мысль, которая и теперь многим филологам представляется парадоксальным домыслом? Неужели автор этой книги учнее и способнее блестящей плеяды славистов? Да нет! Дело не в личных способностях, а в подходе» (стр. 345). Кроме сказанного выше, нечего добавить к этой оценке, которую Л. Н. Гумилев дал самому себе, своему методу «озарений» и написанию книг «без затраты усилий».

Вызывает серьезные опасения появление непродуманной концепции, не опирающейся ни на русские, ни на восточные источники. Нельзя так походя, без доказательств, без разбора, без данных для пересмотра отбрасывать существующие в нашей советской науке взгляды на историю русско-половецких и русско-татарских отношений в XI–XIII веках. Тринадцатая глава книги Л. Н. Гумилев может принести только вред доверчивому читателю; это не «преодоление самообмана», а попытка обмануть всех тех, кто не имеет возможности углубиться в проверку

фактической основы «озарений» Л. Н. Гумилева.

Литература

1. «Ипатьевская летопись». ПСРЛ. Т. II. СПб. 1908, стр. 634.
2. «Татаро-монголы в Азии и Европе». М. 1970, стр. 185–191.
3. Л. Н. Гумилев. Монголы XIII в. И «Слово о полку Игореве». «Доклады» Отделения этнографии Географического общества СССР. Вып. 2. Л., 1966.
4. А. В. Соловьев. Деремела в «Слове о полку Игореве». «Исторические записки». 1948, № 25, стр. 100–103.
5. «Ипатьевская летопись». ПСРЛ. Т. II, стр. 571.
6. Там же, стр. 651

Л. Н. Гумилев. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?

Постановка проблемы. Для новейшего периода истории литературы – XVIII–XX веков – сама постановка вопроса кажется странной и ненужной. Ну, кому придет в голову составлять историю Северной войны, опираясь на «Полтаву» А. С. Пушкина, или описывать поход Наполеона 1812 года по «Войне и миру» Л. Н. Толстого?! Но как только мы углубляемся в историю, проблема приобретает остроту и становится спорной. Сведения о древности и раннем средневековье столь скудны, что историки пополняют их путем чтения художественной литературы изучаемых эпох и фольклора. Это бесспорно плодотворный путь, однако он таит в себе возможность многих ошибочных представлений, от которых можно уберечься, если принять во внимание некоторые коррективы, о чем и пойдет речь.

* * *

Не только художественное произведение, но часто даже деловая проза далеких от нас эпох воспринимается нами неадекватно, если мы не учитываем принятой в то время манеры выражаться. Так, в сухих китайских хрониках были приняты стандартные формулы по отношению к кочевым народам. «Ограбил границу» – означало рейд тюрок или хуннов в тыл китайской армии; полководец (такой-то, конечно китайский) «не имел успеха» – полный разгром его армии и т. д.1. Такие выражения, которые нельзя понимать буквально, встречаются столь часто, что к ним легко привыкнуть и корректировать их реальным ходом событий. Однако гораздо сложнее с поэмами и романами, где, кроме метафор, гипербол и патриотической тенденциозности, всегда имеется вымысел, часто искусно замаскированный.

Вымысел – не ложь, а литературный прием, позволяющий автору довести до читателя ту мысль, ради которой он предпринял свой труд, всегда тяжелый. И тут, даже при наличии большого количества упоминаний исторических фактов, последние являются лишь фоном для сюжета, а использование их – литературным приемом, причем точность или полнота изложения не только не обязательны, но просто не нужны. Значит ли это, что мы не должны использовать сведения, заключенные в древней литературе, для пополнения истории? Ни в коем случае! Но соблюдение некоторых мер предосторожности обязательно.

Прежде всего, необходимо установить цель, ради которой написано произведение

изящной литературы. Это просто, если мы знаем биографию автора или дату создания памятника, как например историю написания «Шахнамэ», начатого в X веке и законченного в XI веке. Фирдоуси начал писать героическую историю Ирана легким и изящным языком для персидской династии Саманидов, опиравшихся на дехкан, т. е. персидское дворянство Хорасана. После падения Саманидов поэма потеряла актуальность, что и вызвало конфликт автора с тюрком Махмудом Газневи и его бегство в Египет. Поэтому нет сомнения, что страницы, посвященные арабскому завоеванию Ирана в VII веке, написаны не очевидцем, а историком, умевшим писать стихи. Гораздо сложнее с произведениями, где неизвестен ни автор, ни год написания, как «Слово о полку Игореве». Но и тут можно найти выход – путем исследования языка, реалий и описанной ситуации.

Надо согласиться с Д. С. Лихачевым, что «Слово о полку Игореве» древнее «Задонщины» 2, из чего, однако, не вытекает, что оно написано очевидцем и участником похода Игоря на половцев. В литературе вопроса приведено несколько веских доказательств, что автор «Слова» упоминает события 1202 и 1205 годов, сведения о которых, как и о походе 1185 года, он мог почерпнуть из Ипатьевской летописи 3. Следовательно, это произведение возникло не раньше начала XIII века. Исходя из этого, автор данной статьи предложил, как наиболее с его точки зрения вероятную дату составления «Слова» – 1249–1252 годы. Основанием для такой датировки были некоторые ориентализмы памятника и анализ международного положения Руси, зажатой между немцами и татарами 4. При этом я рассматривал «Слово о полку Игореве» не как сухую запись событий, а как произведение художественное, включающее в себя элементы тенденции (политической) и вымысла, неизбежно применяемого в эпосе, ибо только он делает хронику элоквенцией или изящной словесностью.

Вымысел в произведениях исторического жанра лишь иногда предполагает введение в сюжетную канву героя, рожденного фантазией автора; но всегда идет преобразование реальных исторических лиц в персонажи. Персона – маска античного актера. Значит, в отличие от деловой прозы, в художественном произведении фигурируют не реальные деятели эпохи, а образы, под которыми бывают скрыты вполне реальные люди, но не те, а другие, интересующие автора, однако не названные прямо. Именно этот литературный прием позволяет автору предельно точно изложить свою мысль и одновременно сделать ее наглядной и доходчивой. В нашем примере мысль автора – призыв к борьбе со степными «погаными», т. е. язычниками; следовательно, все остальные детали должны рассматриваться как вспомогательные.

Вспомним слова К. Маркса в его письме к Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 года, что «Слово о полку Игореве» написано непосредственно перед вторжением татар 5. Но в 1185 году монгольские племена еще не были даже объединены, а Тэмуджин, потерпев поражение от Джамухи при ущелье Далан-Балджутах, руководил лишь маленьким улусом. От похода Игоря до вторжения Батыя прошло 52 года и, следовательно, дату создания поэтического памятника следует искать в XIII веке. Если же учесть, что автор «Слова о полку Игореве» не мог предусмотреть набег Батыя, поскольку тот был решен летом 1235 года, после разгрома чжурчжэньской империи Кинь, когда освободились войска, ранее связанные войной в Китае 6, то вероятнее считать, что имелся в виду не этот, а следующий поход, проведенный под начальством Неврюя в 1252 году. В самом деле, переход войска из восточного Забайкалья до берегов Оки, т. е. от 6 до 7 тысяч километров, занял около 13 месяцев. Это значит, что войско Батыя проходило 40–50 км в сутки, с учетом обязательных дневок, без которых кони пали бы; оно не могло быть многочисленным, так как не хватило бы подножного корма для второго эшелона, и шло на рысях, что обеспечило неожиданность набега.

После образования на Волге Золотой орды призыв к борьбе с «погаными» стал актуален,

так как возникла опасность для самостоятельности Руси 7. Но, переходя к исторической канве, мы констатируем, что еще имел место натиск католического Запада, жертвами которого стали захваченные крестоносцами Византия и Прибалтика. По нашей мысли, тогда на Руси сложились две политические тенденции: ориентация на союз с католиками против монголов и другая – на союз с Золотой ордой против католического Запада 8 и главного монгольского улуса, базировавшегося на завоеванный монголами Северный Китай или империю Кинь 9. Представителем второй тенденции был Александр Невский. Ему удалось отколоть Золотую орду от дальневосточного и персидского улусов, и он же стимулировал своей поддержкой междоусобную борьбу среди монголов, начавшуюся в 1259 году, а равно использовал татарскую конницу против ливонских рыцарей. Противниками Александра были его брат Андрей и Даниил Галицкий. Столкновение Александра с Андреем произошло в 1252 году, который, следовательно, является предельной верхней датой памятника. Подробная аргументация этого тезиса и обоснование подхода содержатся в специальной книге 10 и не могут быть изложены в краткой статье. Здесь важно другое: первый опыт полемики против нашего тезиса, т. е. проверка его «на прочность».

Б. А. Рыбаков из пятнадцати глав моей книги рассмотрел только одну – тринадцатую и возразил на нее с полным отсутствием научной корректности. Отрицая возможность датировки «Слова» тринадцатым веком, он протестует против характеристики эволюции отношений Руси с кочевниками, а изучение «Слова» как художественного произведения, содержащего вымысел, называет «маскарадом» 11. Последнее особенно важно. Филологи-слависты, полемизируя с концепцией А. Мазона и А. А. Зимина, подчеркивали отличие поэтического текста «Слова» от деловой прозы летописей. Ф. Я. Прийма пишет: «...сложность и иерархический характер социальной структуры Киевской Руси отражены далеко не во всех звеньях „Слова“... Это не реляция и не летописное предание о реальной битве, а скорее ее поэтическая символизация. И мостили ли русичи в половецком поле в мае 1185 г. – мостили ли они мосты именно япончицами и кожухами – все это столь же условно, как и див, кричавший „вверху древа“ 12. С нашей точки зрения, это правильно, но та же условность присутствует и в характеристиках удельных князей, и в паломничестве Игоря, и в упоминаниях иноземных народов, потому что задача изящной словесности не в пересказе сведений, а в создании эмоционально-смысловой нагрузки, адресованной определенному читателю и воздействующей на его ум и чувство. С этой задачей автор „Слова“ справился блестяще, но нельзя забывать, что „Слово“ – не летопись и не синодик, а художественное произведение и что во всех без исключения художественных произведениях на историческую тему – от „Песни о Роланде“ до русских народных исторических песен и украинских народных дум присутствуют – различного рода нарушения исторического правдоподобия».13

При учете этой трактовки предмета, а истинность ее несомненна, позиция Б. А. Рыбакова противоречива. С одной стороны, он называет «Слово о полку Игореве» «страстной поэмой» 14, с другой – требует, чтобы все сведения литературного источника воспринимались буквально. Следовательно, вымысел, интонационный подтекст, прием иносказания, метафоричность и намеки, порождавшие у современников нужные автору ассоциации, в тексте отсутствуют. Но если так, то «Слово» никак не поэма, а репортаж о событиях, зачем-то составленный очевидцем в 1185 году для таких же очевидцев тех же самых событий. Однако так ли это просто? Б. А. Рыбаков сам отмечает важное несоответствие фактов древнерусской истории трактовке этих же фактов автором «Слова». Он приводит известный пассаж из обращения к Всеволоду Большое Гнездо: «Ты бо можеша посуху живыми шерешы стреляти – удалыми сыны Глебовы», – и комментирует его так: в 1185 году дети замученного Всеволодом III Глеба Ростиславича Рязанского «вышли из повиновения, но об этом автор

„Слова“ еще не знал, когда писал эту часть своей поэмы» 15. Из этого тезиса Б. А. Рыбакова вытекает, что поэма писалась фрагментарно, но тогда становится непонятно, почему автор ее, узнав о возмущении рязанских князей против Всеволода III, не внес в текст исправления. Узнать же об этом он должен был немедленно, потому что подстрекателем распри был Святослав Всеволодович, при дворе которого, согласно Б. А. Рыбакову, составлялось «Слово о полку Игореве».

Этот факт показывает, что если встать на позицию Б. А. Рыбакова и считать «страстную поэму» отчетом о событиях 1185 года, то придется признать этот отчет недостоверным, хотя бы в деталях. Но если мы будем рассматривать «Слово» как литературное произведение, написанное несколькими десятилетиями позже, то подобные мелкие анахронизмы не могут быть поставлены в вину автору. Больше того, они были неизбежны, так как цель произведения была не в фиксации отдельных событий, а в призыве к борьбе с могучим степным противником, для чего была необходима консолидация всех сил страны. Но тогда это не половцы, а монголы. Еще более странно, что автор «Слова» ввел в свой точный, по мнению Б. А. Рыбакова, рассказ пассажи о Всеславе Полоцком, Изяславе Васильковиче, будто бы, убитом литовцами, Мстиславе Тмутараканском, о немцах, венецианцах, греках и моравях, радующихся в 1184 году поражению Кобяка, до которого им не было никакого дела. Последний пассаж Б. А. Рыбаков объясняет в своей книге «Слово о полку Игореве и его современники» (стр. 210) таким, несколько странным, образом: «Днепровский путь в Южную Европу – „Гречник“ – был очищен, безопасность торговли восстановлена, и не удивительно, что именно в этом случае автор „Слова“ говорит о восторженных похвалах греков, венецианцев и других европейцев». Нет, это весьма удивительно!

Днепровский путь вел из Киева, не в Моравию и Германию, а в Константинополь; поэтому чехам и немцам он был не нужен. Венецианцы, торговавшие в XII веке с Византией, были в 1182 году перебиты греческим населением, а Андроник Комнин закрыл для Венеции Дарданеллы. Радоваться в 1184 году могли только одни греки, но очень недолго. В 1185 году император Андроник был убит, а Исаак Ангел изменил политический курс. Об этом не мог не знать автор «Слова», если он действительно писал его в 1185 году. Следовательно, буквальное толкование текста приводит к противоречию с бесспорными данными мировой истории XII–XIII веков. Объем статьи не позволяет увеличить список «недоумений», но достаточно и тех, которые приведены. Не следует, кстати, забывать, что эти странные, не вяжущиеся друг с другом моменты дали повод не только А. Мазону и А. А. Зимину, но и И. Свенцицкому 16 и А. Вайану 17 усомниться в принадлежности «Слова» к древнерусской литературе.

Сложность русско-половецких взаимоотношений и постоянное переплетение союзов ханов с князьями отмечает А. Г. Кузьмин и сам Б. А. Рыбаков. Например, «в середине XII века „дикие половцы“ постоянно сопровождают войско Юрия Долгорукого в его походах на Киев, а в 1152 году с ним шла „вся Половецкая земля что же их меж Волгою и Днепром“ (стлб. 455)» 18. Летописи приводят столь много примеров русско-половецких союзов, что нет необходимости их перечислять все. «Слово» же столь же категорично считает половцев врагами Русской земли в целом. И надо согласиться с Д. С. Лихачевым, что «„Слово“ – художественное произведение; летопись художественные цели не ставит на первое место» 19, и дальше он указывает, что Святослав Всеволодович – это обобщенный образ главы русской земли, подобный образу Карла Великого в «Песни о Роланде». Это верно, но, с точки зрения Б. А. Рыбакова, – это такой же «маскарад», как и предложенная мною трактовка внутреннего смысла «Слова» как литературного произведения. Может быть, я не прав в деталях и даже в датировке, но не в принципе. Поэма отнюдь не реплика, а элоквенция – не составление отчета.

Не проще ли принять мнение Д. С. Лихачева и Ф. Я. Приймы, что «Слово» само по себе

факт, и настолько значительный, что следует изучать его как памятник мыслей и настроений, а не как фиксацию упоминаемых в нем событий. Ведь не соглашаясь с ними, Б. А. Рыбаков противоречит сам себе. Заявляя, видимо правильно, что XII век на Руси нельзя считать эпохой кризиса или упадка 20, он приходит к столкновению с автором «Слова», призывающим русских князей взяться за защиту своей страны и с болью заявляющим, что князья начали «сами на себе крамолу ковати. А погании с всех стран прихаждаху с победами на землю Рускую». Вряд ли можно считать благополучным время, когда на всех фронтах приходится терпеть поражения. Следовательно, либо автор «Слова» лжет, либо имеет в виду нечто иное, прямо не названное. Действительно, в XIII веке Русь потеряла Прибалтику, Полоцк, гегемонию в южных степях и, наконец, независимость. Тогда призыв к войне с грозным врагом, пришедшим с востока, стал уместен 21.

Итак, при датировке памятника необходимо знание общего хода истории, потому что любая историческая ситуация неповторима 22. Только таким образом можно снять возражения против древности создания «Слова о полку Игореве», а попутно разъяснить некоторые темные места, которые Д. С. Лихачев отметил как подлежащие дальнейшему исследованию. Но и тут Б. А. Рыбаков выступает с протестом против попытки укрепить позицию, защищающую древность памятника, но предлагающую несколько сместить дату. Он обвиняет автора статьи в незнании и игнорировании русской истории, и в неправильном цитировании источников. Посмотрим, прав ли он. Разберем, несколько его возражений по пунктам.

Хины и Деремела – оба слова загадочны. Б. А. Рыбаков безоговорочно заявил, что этноним «хины» означает «хунны», и что «ни в одном источнике, ни в русском, ни в восточном, ни в западноевропейском, татаро-монголов никогда не называли „хинами“» (стр. 155). Однако мною приведены три цитаты из «Задонщины», где «хинами» названы именно золотоордынские татары: «возгремили мечи булатные о шеломы хиновские на поле Куликове». Мамай назван «хиновином». И, наконец, объяснено «хиновя поганые татаровя бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов» 23. В последней цитате ясно показано, что золотоордынские язычники именовались «хинами», а мусульмане – татарами. Видимо, с победой ислама второе название постепенно вытеснило первое. Сам Б. А. Рыбаков называет золотоордынских татар «погаными хиновинами» 24

Название «хины» встречается и в более поздних источниках, например в завещании кн. И. Ю. Патрикеева, составленном около 1499 года: «А людей своих даю... Алешка Мерлеица, стрелка, с женою, да Иванца трубника Андреевых детей Хинскиг(о)» 25. Это уже наверняка не гунны.

И самое досадное, что Б. А. Рыбаков (очевидно, для убеждения доверчивого читателя) сократил цитату из «Слова», ставшую предметом спора. В перечислении врагов Руси, побежденных Романом Волынским, упомянуты: «Хинова, Литва. Ятвяги, Деремела» и половцы, вместо которых у Б. А. Рыбакова стоит многоточие. Следовательно, половцы и хины – современники. Однако хунны исчезли в Восточной Европе в V веке, а половцы появились в ней в XI веке: Роман ходил на половцев впервые в 1202 году и затем в 1205 году (Лаврентьевская летопись под 1202 и 1205 годами) 26.

Б. А. Рыбакова удивляет, как попало название «хины» с берегов Тихого океана на Русь. Но это лишь показывает, насколько ему чужда история монголов. В числе регулярных монгольских войск имела тьма, составленная из чжурчжэней (кинов), передавшихся монголам. В числе войск, унаследованных Батыем от деда, указаны и мангыты, народ, обитавший в Забайкалье. Известно, что монголы предпочитали использовать контингенты покоренных народов вдали от родины 27, и естественно, что часть войска Батыя была укомплектована чжурчжэнями, тогда как в войсках его кузена Хубилая, владевшего Китаем,

служили кыпчаки (половцы), аланы и русские 28.

Все это подробно изложено в моей книге (стр. 398–400) но осталось вне поля зрения оппонента.

Еще досаднее с загадочным словом «Дермела». Б. А. Рыбаков пишет, что это слово давно считается «обозначением одного из литовских, ятвяжских племен (Derme)», и ссылается на А. В. Соловьева, выдвинувшего это мнение как гипотезу. Д. С. Лихачев ее не принял и был прав, так как это слово читалось *Derpen* или *Derp(m)e*. В моей книге опечатка (стр. 319) – *Derme*, которую воспроизвел Б. А. Рыбаков, но сослался при этом на работу А. В. Соловьева, где опечатки нет. И «коварно подвели» слова «Хинова» и «Деремела» не меня, отрицающего буквальное толкование текста «Слова о полку Игореве», а самого Б. А. Рыбакова, ибо война Романа Волынского и Галицкого с ятвягами имела место в 1196 году, т. е. через 11 лет после предполагаемой Б. А. Рыбаковым даты создания «Слова».

Внутренние противоречия в работах моего оппонента. Б. А. Рыбакову показался неубедительным наш тезис, что характеристика Ярослава Осмомысла в «Слове о полку Игореве» противоречит реальной деятельности этого князя. Осмомысл охарактеризован в «Слове» как сильный князь, тогда как на самом деле он был пленником собственных бояр, которые сожгли его любимую женщину Настасью, заставили жить с постылой женой и пьяницей сыном, а самого «князя» держали под домашним арестом. Б. А. Рыбаков в 1966 году писал о конфликте 1173 года между галицким князем и боярством, когда княгиня Ольга с сыном Владимиром и боярами бежала в Польшу, а через восемь месяцев Ярослав Осмомысл был арестован боярами, его сторонники, половцы (*sic!*), изрублены, а Настасья сожжена на костре. Конфликт продолжался. На следующий год Владимир был вынужден бежать, и нашел приют у своей сестры и шурина в Путивле, пока Игорь не примирил его с отцом. Осенью 1187 года скончался Ярослав Осмомысл, завещав престол Олегу «Настасьичу», но бояре выгнали сначала Олега, потом Владимира 29, не посчитавшись с последней волей князя.

Так писал Б. А. Рыбаков в согласии с трактовкой С. М. Соловьева 30, и так же описывает эти события борьбы князя с боярами В. Т. Пашуто 31, а я с ними согласен. Но в 1971 году Б. А. Рыбаков пишет иное: «...соседние князья очень опасались грозного князя и, когда его сын Владимир убежал из Галича, соседи боялись приютить беглеца... ни Святополк Туровский, ни Давыд Смоленский не приняли сына Ярослава Галицкого. Даже далекий Всеволод Большое Гнездо не приютил родного племянника: он „ни тамо обрете себе покоя“. Как же можно писать о том, что Ярослав был лишен боярами власти, если Ярослав выгонял законного наследника, любимца бояр княжича Владимира, и на протяжении пути в две с половиною тысячи километров только один князь, его шурина Игорь, осмелился принять изгнанника?» (стр. 156). Однако едва ли Всеволод в Суздальской земле боялся галицкого князя. Скорее он разделял его чувства по отношению к недостойному сыну, блокировавшемуся с врагами своего отца, боярами, противниками княжеской власти, равно негодными всем князьям. Зачем же не учитывать наличие социальной борьбы, когда она налицо?

Далее, Б. А. Рыбаков в 1971 году пишет: «Но мы обязаны еще раз вспомнить, что ко времени написания „Слова о полку Игореве“, к середине 1180-х годов, минуло уже полтора десятка лет с той поры, как Ярослав переживал „нервные травмы“, и (как это ни абсурдно с точки зрения Л. Н. Гумилева), что в июле 1184 года Ярослав послал своих воевод в помощь Святославу Киевскому против Кобяка. Почему же обращение к могущественному князю, дочь которого могла попасть в руки половцев в сожженном ими Путивле, стало абсурдом и вздором через 10 месяцев после разгрома Кобяка с помощью галицких войск?» (стр. 156). Однако и тут он не точен.

Войско послало боярское правительство Галича, которое не допускало Ярослава лично

командовать войском (см. у С. М. Соловьева, там же), и выручало оно брата того князя, который приютил боярского любимца, изгнанного отцом Владимира. Как известно, в городах Киевской Руси XI–XIII веков власть делили между собою князь, опиравшийся на дружину, и вече, руководимое «лутшими людьми», т. е. родовой знатью. В одних городах князь сводили на нет значение веча; в других, например в Новгороде, князя превращали в оплачиваемого вождя военного отряда, выполнявшего указания руководителей веча. В Галиче борьба князя против боярства была особенно острой. Сам Б. А. Рыбаков в 1966 году четко показал, что в XII веке власть в Галиче на деле принадлежала не князю, а боярской клике, которой князь сопротивлялся, но, в общем неудачно. Особенно трагичны для Ярослава Осмомысла были последние годы его жизни, когда он обратился к боярам с просьбой санкционировать передачу престола любимому сыну, и компенсировал старшего сына, пьяницу Владимира, Перемышлем. Бояре дали князю умереть и выгнали обоих его сыновей, одного за другим. Сам ход событий показывает, что галицкие бояре были сильнее князя именно в те годы, которые совпадают с походом Игоря. И, наоборот, в XIII веке «второй этап феодальной войны характеризуется следующими явлениями: укреплением княжеской власти путем проведения карательных мероприятий против крупного оппозиционного боярства в условиях развития крестьянского антифеодального движения; ростом и укреплением пешего войска, формируемого „мужами градскими“ и тем боярством, которое оказалось под рукой *Данишля Романовича*; полным очищением русских земель от венгерских захватчиков; расширением внешнеполитических горизонтов волынских князей, которые... активизируют свою политику в Литве, Польше, Венгрии и других странах» 32.

Какой же ситуации отвечает характеристика Галицкого княжества в «Слове о полку Игореве»?

Всеволод Большое Гнездо и князь Игорь. Б. А. Рыбаков спрашивает: «Откуда Л. Н. Гумилеву известно, что в 1185 году Всеволод Юрьевич был враждебен к Святославу Киевскому и Игорю Северскому? Ведь надо же знать, что после битвы на Влене враги помирились, что „Всеволод же Суждальский... прия великую любовь с Святославом и сватася с ним и да за сына его меньшаго свесть свою“. А на следующий, 1183 г. Всеволод получил от Святослава большую военную помощь» (против болгар. – Л. Г.) (стр. 155) 33.

Посмотрим, как было дело в действительности.

В 1180 году мир между Святославом Киевским и Всеволодом Большое Гнездо нарушился из-за происков младших рязанских князей Всеволода и Владимира, просивших помощи против своего старшего брата Романа. Всеволод Большое Гнездо выступил против последнего походом и арестовал в Коломне сына Святослава Киевского Глеба, отослав его во Владимир в оковах. Святослав Киевский не мог активно помочь сыну, потому что вблизи Киева стояли враждебные ему смоленские Ростиславичи. Святослав напал на Давида Ростиславича, нарушив пир, и принудил того бежать. Вслед за тем, забрав дружину и половину союзных с ним половцев, он пошел на север и «положиша всю Волгу пусту», т. е. пожег все города, не дойдя сорока верст до Переяславля Залесского. Всеволод Большое Гнездо остановил Святослава на реке Влене, где оба войска простояли до оттепели, после чего Святослав, «вборзе», т. е. бросив обозы, отступил.

Между тем Киев стал объектом боев между Ростиславичами и Игорем Святославичем, двоюродным братом Святослава Киевского. Игорь привлек на свою сторону половцев и полоцкого князя с толпами ливов и литвы. Ростиславичи бросили против них черных клобуков и разбили половцев Игоря у Долобского озера. Но возвращение Святослава в Киев выровняло соотношение сил, и в 1181 году был заключен мир, а затем брачный союз, о котором говорит Б. А. Рыбаков.

Итак, Святослав и Игорь удержали свои позиции лишь благодаря половецкой и литовской помощи. Верхнее Поволжье и Киевщина были усеяны трупами и пожарищами. Мир на основе status quo не удовлетворил обе стороны, и в «каких бы выражениях он ни был оформлен, дело от этого не менялось. Суздальский князь не стал продолжать войну за Киев, разоренный его братом в 1169 году, но в искренность его примирения со Святославом после стольких убийств и предательств верить трудно» 34. А коль скоро так, то призывать на помощь могучего врага – это значит обречь себя на гибель.

Поясняю. Еще в 1177 году Всеволод III захватил в бою при Колокше рязанского князя Глеба Ростиславича, который с рязанскими и половецкими войсками сжег Москву. По требованию населения г. Владимира он бросил Глеба в поруб, а его родственников – Ростиславичей – ослепил. Глеб умер в темнице, но молодые рязанские князья – Роман, Игорь, Ярослав, Володимир, Всеволод и Святослав Глебовичи получили свободу при условии подчинения великому князю. Во время вышеописанной войны Роман Глебович попытался восстать по наущению Святослава Всеволодовича Киевского, но был усмирен. В 1185 году он уговорил старших братьев убить своих младших братьев. Младшие братья были спасены лишь своевременной помощью, присланной великим князем Всеволодом. Но как только Всеволод Глебович уехал во Владимир на совет, старшие рязанские князья, вернулись к Пронску и обольстили, т. е. переманили на свою сторону, Святослава Глебовича, который за обещание оставить его в Пронске в покое выдал жену своего брата, верных ему бояр и позволил разграбить имущество Всеволода. Огорченный изменою брата, Всеволод Глебович сел в Коломне и начал войну со своими братьями на стороне великого князя. Только один из шести рязанских князей (sic!).

Роман Глебович в 1186 году, обманув, при посредничестве епископа Черниговского Порфирия, Всеволода III, возобновил войну, приведшую к новому карательному походу великого князя на Рязанскую землю: «и взяша села вся и полон мног, и възвратишася всояси опять землю их пуну створише и пожгоша всю» (Лаврентьевская летопись, 1187).

Похожа ли действительная картина на описание «Слова», где дети замученного в тюрьме Глеба изображены послушными исполнителями воли Всеволода Большое Гнездо – «живыми шерешеры», – что Б. А. Рыбаков переводит как сосуды с греческим огнем, а Д. С. Лихачев – как «копья»? Всеволод, как мы видим, вынужден был крушить эти «шерешеры», тем более что они направлялись в его грудь при моральной поддержке черниговских князей Ольговичей, в это время державших Киев.

Итак, трактовка взаимоотношений Всеволода III с рязанскими князьями и других событий в летописи и в «Слове» противоположна 35, но, видимо, следует искать у поэта не историческую точность, а внутренний смысл, который в поэзии всегда не лежит на поверхности. Буквализм при чтении художественных произведений противопоказан.

Азия и Русь. Если держаться за цитаты, то следует помнить, что в рукописях бывают описки, а в книгах – опечатки.

Описание монгольской религии в русской летописи неправильно понято Б. А. Рыбаковым. Монголы поклонялись единому божеству с двумя ипостасями – мужской (небо) и женской (земля). Это – распространенный на Дальнем Востоке тип дуализма, где обе части составляют единое целое, а не борются друг с другом. Подобная концепция для православных была непривычна, и они сопоставили женское земное начало с Дьяволом. И вот Б. А. Рыбакову показалось, что культу природы, (а не трансцендентного божества) сопутствует культ ада и его хозяина. Но в монгольской религии, как и в шаманизме, нет понятий рая и ада, а есть понятия «верхнего» и «нижнего» миров, идентичных нашему «среднему» миру. Там же, где ощущалось влияние буддизма или бона, господствовала теория метампсихоза (переселения душ). Все это

подробно изложено мною в специальной главе «Двуетниный» (стр. 279–301), но не было удостоено внимания. Хуже того, термин «земле-дьяволу» Б. А. Рыбаков прочел слитно, приняв дефис за перенос. Можно согласиться, что наборщик мог бы набрать текст лучше, но как можно не понять то, что объяснено на многих страницах книги (стр. 279–301)? И, кроме того, о шаманизме и боне (тибетской религии) есть прекрасные пособия на доступных языках. Информация, содержащаяся в них, достоверна и легка для восприятия современного ученого. Поэтому она может быть использована для прояснения темных мест источников путем широких сопоставлений. Конечно, новый материал заставит нас изменить некоторые привычные, но неправильные мнения, однако именно в этом путь развития науки. Мой оппонент правильно отмечает, что я опираюсь не на цитаты. Действительно, этот метод давно отвергнут историками. Я схожу из несомненных фактов, что специально оговариваю 36. С другой стороны, Б. А. Рыбаков пишет о «чудовищном искажении летописей» (стр. 158), не замечая, что одно положение исключает другое. Еще раз поясню свою позицию.

Мы люди XX века, знаем многое, неизвестное нашим предкам XII–XIII веков, но не все, что знали и воспринимали они (пусть с нашей точки зрения неправильно). Любой автор пишет для своих современников, рассчитывая на всю сумму их представлений и систему ассоциаций. Следовательно, чтобы понять его буквально, мы должны спуститься до уровня науки XII–XIII веков, что невозможно и не нужно. А раз так, то при восприятии памятника древней литературы нам следует применять дополнительный анализ, без которого обходился современник. Отсутствие прямых ссылок на ПСРЛ вовсе не говорит о недостаточном к ним уважении. Автор просто считает, что данные летописей, будучи сведены в солидные исторические труды, не вызывали никаких сомнений за последние полтора столетия; например, аргументировать еще раз ссылками на ПСРЛ то, что в Галицком княжестве существовала сильная боярская партия, значит проявить неуважение к читателю. Это должно быть известно не только ученым-историкам, но и студентам исторических факультетов.

В самом деле, манера составления монографии как мозаики из цитат, выбранных из трудов старинных авторов, далеко не всегда дает положительный результат. Никогда нет гарантии, что собранных цитат достаточно для освещения сюжета, что нет противоречащих, по каким-то причинам упущенных и что наше понимание древних текстов правильно, т. е. адекватно.

И, наконец, в XX веке мы знаем историю гораздо шире, нежели автор того или другого летописного рассказа мог знать ее в XIV веке, потому что мы ввели еще в XIX веке в научный оборот большое количество восточных источников. Да и техника обработки сведений в наше время более совершенна, так как мы можем применять приемы синхронии и диахронии. Поэтому-то мы полагаем, что каждый источник требует критического подхода, внимания к особенностям автора, его вкусам, целям и манере выражаться. Поэтому прямую информацию историк может почерпнуть не путем простого пересказа или цитирования источника, а из его критической обработки, где события изложены как таковые, а не как художественный прием. Конечно, это затрудняет работу историка, но ведь в этом и заключается его задача; иначе он будет просто компилятором, а не исследователем. Ведь в науке принято считать доказательством соответствие мнения автора всем известным фактам, а не набор цитат, произвольно выдернутых из источника. Стоит ли возвращаться к средневековой методике аргументации цитатами, которая даже в схоластике была подвергнута жестокой критике Пьером Абеляром в XII веке? Именно стремление найти объективную систему отчета побудило меня написать книгу, которую Б. А. Рыбаков осуждает, игнорируя основную часть и систему доказательств, на которой основан предполагаемый подход.

Б. А. Рыбаков пишет: «Нельзя так походя, без доказательств, без разбора, без данных для

пересмотра отбрасывать существующие в нашей советской науке взгляды на историю русско-половецких и русско-татарских отношений в XI–XIII веках» (стр. 158159).

Поясняю. В советской науке за последние десятилетия много сделано для изучения взаимоотношений Руси с тюркомонгольскими кочевыми народами. Развивая и уточняя выводы А. Н. Насонова, Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского 37, ряд новых веских положений высказали М. И. Артамонов 38, Л. В. Черепнин, Н. Ц. Мункуев, В. Т. Пашуто 39 и др. И речь идет не о пересмотре основных представлений об истории нашей страны, а о синтезе накопленных данных. Это естественный процесс развития науки. В этом русле идет и наша работа, дополненная учетом физико-географических, этнологических, исторических и системологических наблюдений и обобщений.

Объективный читатель, познакомившись с текстом моей книги, может легко убедиться, «походя» ли (т. е. без доказательств, без детального разбора сведений) рассматривается в ней эволюция русско-половецких и русско-монгольских взаимоотношений, или в ней дан систематический анализ этих сложных явлений. Но, конечно, оппонента, игнорирующего доказательства, убедить нельзя.

Итак, мы видим, что основное различие между Б. А. Рыбаковым и мною заключается в принципиальной оценке самого существа литературного произведения как исторического источника. Отстаивая буквалистскую позицию, Б. А. Рыбаков продолжает в отношении «Слова» ту тенденцию, которая характерна для его работ о русском фольклоре 40. В литературе вопроса уже подвергалось критике настойчивое стремление Б. А. Рыбакова отождествить сообщения древнерусских былин с мельчайшими событиями русской истории 41. Методика работы Б. А. Рыбакова с фольклорными и литературными памятниками одна и та же. Однако, с нашей точки зрения, каждое великое и даже малое произведение литературы может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи. Содержанием такого факта является его смысл, направленность и настроенность, причем, вымысел играет роль обязательного приема. Так, в использованном нами примере автор «Слова» правдив в том смысле, что он призывает русских людей к войне со степняками, но не в буквальном, как мы бы сказали – историческом, описании ситуации 1185 года. Исторический жанр использован им в той же мере, как А. С. Пушкиным в «Полтаве» или «Борисе Годунове». И именно это снимает возражения против подлинности «Слова», т. е. его принадлежности к древнерусской литературе. Особенности жанра объясняют те анахронизмы, которые подметил А. А. Зимин и которые невозможно объяснить, стоя на позициях буквализма. Последние могут только компрометировать даже верный тезис, как если бы кто-либо стал объяснять характер Лжедмитрия и Марины Мнишек, базируясь на «сцену у фонтана». Этого не нужно было бы объяснять профессионалам-филологам, но, увы, историки не все это знают, а отсюда проистекают недоразумения, иной раз пагубные для науки.

Литература и примечания

1. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. Изд. «Наука», 1967, стр. 89.

1. Д. С. Лихачев. Черты подражательности «Задонщины» (к вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве»). «Русская литература», 1964, № 3.

3. См. Д. Дубенский. Слово о плъку Игореве Святъславля пестворца старого времени. М., 1844, стр. 165; Д. Н. Альшиц. О времени написания «Слова о полку Игореве». В кн.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 39–40. Приводились и другие аргументы в пользу XIII века: В. Л. Янин. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. В кн.:

Вспомогательные исторические дисциплины, вып. 3. Изд. «Наука», Л., 1970. стр. 169 (бела стала денежной единицей не ранее второй половины XIII века). См. также: М. Ф. Котляр. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? «Український історичний журнал». 1965, № 1, стр. 117–120; Ілія Goltnistschew-Kutusow. Das «Igorliad» und seine Probleme. «Sowiet-Literatur», М., 1965, № 3, S. 140–148; В. В. Мавродин. К. Маркс о Киевской Руси. «Вестник Ленинградского университета», 1968, вып. 8, стр. 8.

4. Л. Н. Гумилев. Монголы XIII в. И «Слово о полку Игореве». «Доклады Отделения этнографии Географического общества СССР», вып. II, Л., 1966; L. N. Gumilev. Les Mongols du XIII-e siecle et le Slovo o polku Igoreve. «Cahiers du Monde Russe et Sovietique», Paris – Sorbonne, 1966, vol. VII, cahier 1; Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. Изд. «Наука», М... 1970, стр. 334.

5. Карл Маркс и Фридрих Энгельс, Сочинения, т. 29, стр. 16.

6. Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства, стр. 193. Если «Слово» написано, как я полагаю, в 1249–1252 годах, то со времени набега Батыева прошло 13–16 лет. В течение этого достаточно долгого срока в северной Руси татарских гарнизонов не было, дань не взималась и, следовательно, актуальность Батыева набега для русского читателя миновала.

72. Численности половецких отрядов были ничтожны, что отметил Б. А. Рыбаков в своей книге «„Слово о полку Игореве“ и его современники» (изд. «Наука», М., 1971): в 1184 году при капитуляции Кобыяка – 7000 пленных и 417 князей (стр. 209); в 1185-м у Гзы – 5000 (стр. 262); у Игоря было тоже 5000, тогда как Андрей Боголюбский в 1173 году послал на Киев 50 тысяч и был отбит равными силами. Значит, столкновения на границе – не более как одна десятая от большой войны и, следовательно, должны рассматриваться как малая война, которая в средние века во всем мире считалась нормальной жизнью. Отказываясь от широкого сопоставления истории Руси с историей стран Азии – Кыпчакского родоплеменного союза и Великого монгольского улуса, Б. А. Рыбаков лишает себя возможности даже проверить достоверность летописных сведений, не говоря уже о соразмерности описываемых в них событий с другими и, значит, о степени их исторической значимости. Так, например, в Ипатьевской летописи под 1185 годом (ПСРЛ, т. II, стлб. 634) имеется фраза: «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак со множеством Половецъ на Русь, похупаяся, яко пленити хотя грады Рускые и пожещи огнемъ». На первый взгляд, как считает В. А. Рыбаков, текст ясен – Кончак предпринял завоевание Руси. («Вопросы истории», 1971. № 3, стр. 153).

Однако при учете обстановки и предшествовавших событий все выглядит по-иному. Сам Б. А. Рыбаков привел богатый материал о союзах половецких ханов с русскими князьями, нанимавшими кочевников для ведения междоусобных войн. После победы Владимира Мономаха в 1116 году, когда он «пил золотым шоломом Дон, приемши землю их (половцев/ – Л. Г.) всю» (Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники, стр. 79), и до западного похода монголов в 1236 году, т. е. за 120 лет, только в 1184–1185 годах два половецких хана оказались противниками киевского князя Святослава Всеволодовича и его племянника новгород-северского Игоря Святославича. Все остальное время, до и после, половцы выступали как союзники тех. или иных князей. Это значит, что русско-половецкая война (если рассматривать несколько пограничных стычек как таковую) занимала меньше 2 % времени, наполненного ежегодными войнами.

8. В то время как гибеллины и Никейская империя искали союза с монголами, папа Иннокентий IV 11 июня 1245 года перечислил «пять скорбей» католической церкви: 1) татары; 2) православные; 3) еретики-катары; 4) хорезмийцы в Палестине; 5) император Фридрих II (Николай Осокин. Первая инквизиция и завоевание Лангедока французами. Казань, 1872, стр. 222).

9. Координацию действий с китайскими монголами против восточного христианства папы осуществили лишь в конце XIII века через миссионера Джованни Монтекорвино, по попытки контакта имели место с 1248 года.

10. *Л. Н. Гумилев*. Поиски вымышленного царства. Изд. «Наука», М., 1970.

11. *Академик Б. А. Рыбаков*. О преодолении самообмана (по поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства». М., 1970). «Вопросы истории», 1971, № 3, стр. 153–159 (далее ссылки приводятся в тексте).

12. *Ф. Я. Прийма*. Южнославянские параллели к «Слову о полку Игореве». В кн.: Исторические связи в славянском фольклоре. Изд. «Наука», М.-Л., 1968, стр. 230. («Русский фольклор», XI).

13. *Ф. Прийма*. О гипотезе А. А. Зимина. «Русская литература», 1966, № 2, стр. 78.

14. История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. Изд. «Наука». М., 1966. стр. 573.

15. Там же, стр. 626.

16. *Ларион Свенціцкий*. Русь і половці в староукраїнському писменстві. Львів, 1939.

17. *A. Vaillant*. Les chaNets epigues des Slaves du Sud. «Revue des cours et conferences», Paris, 1932, cahier 5, 15 fevrier, pp. 434–435.

18. См.: *А. Г. Кузьмин*. Мнимая загадка Святослава Всеволодовича. «Русская литература», 1969, № 3, стр. 105; *Б. А. Рыбаков*. «Слово о полку Игореве» и его современники, стр. 112, 114, 121–123, 142, 154, 280–290. Однако, вопреки его собственным данным, *Б. А. Рыбаков* делает вывод: «Элементом, связывающим часть с целым, южную Русь со всей совокупностью русских феодальных государств, была борьба с общерусским врагом – половцами» (стр. 159). Отметим, что столкновение Ольговичой с Кобяком и Кончаком заняло из 120-летнего периода русско-половецкого контакта (с 1116 по 1236 год), всего два года. Не ясно ли, что это обычная усобица, куда менее кровопролитная, чем битвы с суздальцами в те же годы.

19. «Русская литература», 1969, № 3, стр. 110.

20. История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I, стр. 574 и сл.

21. *Л. Н. Гумилев*. Поиски вымышленного царства, стр. 327–341.

22. Соображения и факты, приведенные мною в книге «Поиски вымышленного Царства», не повторяю.

23. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Изд. «Наука», М.-Л., 1966, стр. 538, 545, 535; ср. также стр. 537, 539 и др.

24. *Б. А. Рыбаков*. «Слово о полку Игореве» и его современники, стр. 28.

25. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. Изд. АН СССР, М.-Л., 1950, стр. 345, № 86.

26. Анализ текста см.: IV Международный съезд славистов. Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 39–40; «Український історичний журнал», 1965, № 1. стр. 117–120.

27. *C. D'Ohsson*. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-khan jusqu'a Timour bey ou Tamerlan, t. II. La Haye – Amsterdam, 1834, p. 62.

28. *G. Vernadsky*. The Mongols and Russia. New Haven, 1953, p. 123.

29. История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. стр. 609.

30. *С. М. Соловьев*. История России с древнейших времен в пятнадцати книгах. кн. I. Соцэкгиз, М., 1959, стр. 564–565.

31. *В. Т. Пауто*. Внешняя политика Древней Руси. Изд. «Наука», М., 1968, стр. 160.

32. *В. Т. Пауто*. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Изд. АН СССР, 1950, стр. 207–208 (курсив мой. – *Л. Г.*).

33. Сноска, а следовательно – и дата ошибочны. Вместо ПСРЛ, т. II, стр. 571 – надо стлб. 624 и дата – 1181. Ошибка на один год здесь существенно не меняет дела. Но в монографии Б. А. Рыбаков дает другую дату («„Слово о полку Игореве“ и его современники», стр. 156) – 1183 год.

34. Впрочем, Б. А. Рыбаков сам этому не верит, так как в книге «„Слово о полку Игореве“ и его современники» (стр. 31) пишет, что концепция киевского летописного свода конца XII века была «действительно враждебна Всеволоду». А ведь это были придворные летописцы Святослава.

35. Это показал сам Б. А. Рыбаков («„Слово о полку Игореве“ и его современники»), охарактеризовав грозного Святослава Всеволодовича как десятикратного клятвопреступника (стр. 116), а Игоря – как тщеславного бахвала (стр. 18 и 278–279), бросившего в плену соратников, в том числе брата и племянника, которых стали «стеречь более твердо и истязать „многими казнями“» (стр. 180; ср.: ПСРЛ. т. I, стлб. 400), и после освобождения помирившегося с половцами, породнившегося с Кончаком и участвовавшего в усобицах в Северной земле (см. у Рыбакова, стр. 289). Концепция летописца логических противоречий не содержит.

36. Л. Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства, стр. 346–348.

37. А. Н. Насонов. Монголы и Русь. Изд. АН СССР, М.-Л., 1940; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. Изд. АН СССР, М.-Л., 1950.

38. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

39. См. статьи Л. В. Черепнина – «Монголо-татары на Руси (XIII в.)», Н. Ц. Мункуева – «Заметки о древних монголах», В. Т. Пашуто – «Монгольский поход в глубь Европы» в сборнике «Татаро-монголы в Азии и Европе» (изд. «Наука», М., 1970).

40. См.: Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. Изд. АН СССР, М... 1963.

41. В. Пропп. Об историзме русского эпоса (ответ академику Б. А. Рыбакову). «Русская литература», 1962, № 2, стр. 87–91; Б. Путилов. Концепция, с которой нельзя согласиться. «Вопросы литературы», 1962, № 11, стр. 98–111; Б. Путилов. Об историзме русских былин. В кн.: Русский фольклор, т. X, 1966, стр. 103–126.

Л. Н. Гумилев. С точки зрения Клио

На что опираться романисту?

Проблема исторического романа до сих пор не может считаться решенной. И не только потому, что не ясно, какой язык выбрать писателю для собственной речи его героев – литературный ли, которым никто никогда не говорил, современный ли, которым говорим мы сейчас, но который неадекватен описываемой эпохе, или какой-то средний, бесцветный. Обсуждают чаще всего именно этот вопрос, но он решается в зависимости от вкуса и таланта автора и не очень, я думаю, существен для сути исторического романа. Существенно другое.

Каждое литературное произведение состоит из вымысла и реалий. При этом близкие или современные реалии известны всем и не вызывают сомнений. А отдаленные? Как тут добиться точности, на что опираться? Романист должен представлять себе эпоху, о которой он пишет, и не допускать вопиющих анахронизмов, а это очень трудно, так как первичные сведения, исходные данные добыть непросто. Романист может получить эти данные или из источников, или из исторических исследований. Изучение источников требует специальной подготовки и специальных знаний, которых у литератора может не быть, да, пожалуй, и не должно быть. В

таком случае он превратился бы в историка и наверняка перестал бы писать романы. Источники составлялись для современного им читателя, в расчете на круг его восприятия; для того чтобы дойти до читателя нашего времени, их информативная сторона требует критики и переработки.

Эту работу должны выполнять историки-специалисты, и они в значительной мере с этим делом справляются, но, к сожалению, их исследования разбросаны в огромном количестве статей, а библиография – это тоже особая специальность, которая не облегчает, а, пожалуй, затрудняет, работу литератора. Как быть? Я думаю, писатель должен иметь нечто вроде свода истории данной эпохи, где достоверное отделено от гипотетического и предположительного. То что для историка венец работы, для писателя станет трамплином, с которого работа начинается.

Надо сказать, что для некоторых разделов русской истории эта задача выполнена; имея «научный свод сведений», писатель может развернуть собственные идеи и дать повествование, имеющее несомненную художественную и познавательную ценность. Сошлюсь хотя бы на В. Шукшина, который работал над романом о Разине, имея на столе академический трехтомник материалов по этой теме. Другое дело – XII и XIII века. Здесь чересполосица предположений и мнений, в которой факты тонут. И здесь писатель вынужден прибегать к домыслам, которые заведомо не могут быть удачными.

Прекрасным примером могут служить романы Валентина Иванова «Русь изначальная» и «Русь великая», где автор стремится показать соотношение истории древних славян и древних руссов с Византией и Великой Степью. В тех случаях, когда автор имеет в распоряжении надежное пособие в виде одной из многочисленных историй Византии или межкняжеских усобиц Древней Руси, художественная его фантазия свободна, ибо стоит на надежном основании, там он убеждает читателя. Например, описание мятежа «Ника» в Константинополе и характеристика Юстиниана совершенно достоверны. Характеристики русских князей, сыновей Ярослава Мудрого, не вызывают никакого сомнения или недоверия. Но когда В. Иванов касается проблем, освещенных только в специальных статьях (которые он действительно не обязан искать в разных малодоступных изданиях), то жанр романа из исторического становится фантастическим. В. Иванов изобретает названия славянских племен, будто бы живших в Правобережье Днепра в середине VI века и воевавших с хазарами: илвичи, каничи, россавичи, россичи I и т. д. Но в описываемое время хазары ютились в дельте Волги и низовьях Терека, а Причерноморские степи были заняты обрами (аварами). Хазары в ту пору никакого касательства к славянам не имели, отсюда всякие неожиданности. Валентин Иванов пишет: «Юстиниан обратился к хазарам. Прибыв в хазарский город Саркел, послы рассказали Хакану о богатстве и беззащитной беспечности задунайских славян...». Речь идет о середине VI века, а Саркел построен в 834 году – 180 лет спустя. Это все равно, как если бы Петр I договорился бы с императрицей Цу-Си в Порт-Артуре. Или ещё, если говорить о реалиях, у В. Иванова славяне вооружены... саблями. Это в том же VI веке! А первые русские сабли были заимствованы у кочевников на рубеже X–XI веков. Это все равно, что сказать: Наполеон наступал на Москву танковыми колоннами. Или описывая битву у Тивериадского озера византийцев с арабами (636 год), В. Иванов пишет, что легкая *арабская конница* выдерживала удары тяжелой византийской кавалерии. Боевых лошадей известной арабской породы арабы получили из Средней Азии в VIII веке, а до этого они ездили на ослах и верблюдах, сражались в пешем строю. Что, конечно, не мешало им выдерживать удары конного противника...

Все эти и аналогичные ляпсусы досадны, но винить в них автора не стоит, так как он не имел связно написанной книги, на которой мог бы базироваться: дать такую книгу – дело историков.

Другой пример. В очень интересном романе Алексея Югова «Ратоборцы» описан поход татарского полководца Неврюя (который почему-то назван ханом); численность армии Неврюя

определяется в миллион конских копыт, что должно означать 250 тысяч всадников. Это почти вдвое больше, чем вся армия Наполеона в начале кампании 1812 года. При этом предполагается, что армия Неврюя совершила в 1252 году внезапное нападение на Русь. На самом деле отряд Неврюя прибыл на Русь по просьбе Александра Невского для того, чтобы разбить германофильский блок Андрея Владимировского и Даниила Галицкого, и вряд ли насчитывал больше восьми-десяти тысяч человек. Разорение он произвел действительно большое, но войны, по существу, не было, потому что не было сопротивления.

«Накладок» подобного рода избежал Дмитрий Балашов в романе «Младший сын», опубликованном не так давно в журнале «Север». Насколько мне известно, писатель тщательно консультировался с ленинградскими специалистами в Географическом обществе – вплоть до учета особенностей деревенской архитектуры XII века. Но дело не в мелочах. Дело в том, что правильное ощущение исторической реальности необходимо для точной концепции, а XIII век как раз поле, где концепции историков сталкиваются. После смерти Александра Невского началась кровопролитная борьба между его сыновьями Дмитрием и Андреем на фоне постоянных контактов с Золотой Ордой. Эту острую тему и взял Д. Балашов. И тут перед ним был большой соблазн – традиционная легенда об извечном конфликте «Леса» и «Степи», Руси и Кочевья.

Объясню происхождение этой легенды. В XIX веке вульгарно-материалистические воззрения сообщили науке склонность к географическому детерминизму. Молчаливо предполагалось, что ландшафтные условия полностью определяют не только быт и нравы народов, но и политику отдельных, даже крупных государств. При этом упускалась из виду динамика ландшафтов, то есть наблюдаемые географические условия считались практически вечными. Поэтому, кстати, столь большой резонанс получила художественная идея автора «Слова о полку Игореве» о борьбе Руси как страны *лесной* и земледельческой со *степью* скотоводов-кочевников.

Вот пример художественного преломления этой концепции в современной прозе: «Рожденный в степи не любит леса, остерегается чащи. Лесная дебрь принадлежит лесным людям. Кто привык с ровного места озирать округу верст на двадцать, а с холма на все пятьдесят, вольно-невольно, а преувеличивает опасности леса. Он ценит красоты оголенной земли, лес для него – безобразное скопление деревьев. Для степняка в лесу нет примет, нет дороги. Есть реки, но степняк не поместится в лодке вместе с лошастью...» (Вал. Иванов).

Абстрактно-теоретически, может быть, и убедительно, но фактически неверно. Любая культура, любой процесс этногенеза развивается не в монотонном ландшафте, а на стыке разных ландшафтов, так как разнообразие обогащает и экономические возможности, и эстетические ощущения. Известно, что большее количество животных находится не в лесу, а на опушках леса, где они могут добывать корм и под сенью деревьев, и на открытых пространствах. Именно на *границе* Руси и Степи шла наиболее интенсивная историческая и культурная жизнь, причем славянские племена заселяли долины рек, текущих в степь, вплоть до Черного моря. С другой стороны, в едином лесном ландшафте война славян – поляков и русских – против литовского племени ятвягов приняла характер истребительной войны, чего в Степи никогда не было. Упрощение часто ведет к ошибкам, искажающим результат исследования. Есть ошибки, которые взаимно компенсируются, но есть ошибки, которые искажают общий результат. Я думаю, что во многих ошибках цитированные авторы повинны куда меньше историков: писатели некритически использовали концепции, имеющие хождение среди историков.

Раз так, то я как историк вижу свою задачу в том, чтобы внести необходимую ясность.

Русь и степь

Итак, легенда первая.

Русь *против* Степи. Единая культурная Русь против столь же единой, но дикой Степи. Такова привычная концепция.

Что такое «лес» и «степь» с исторической и историко-географической точек зрения?

Каждый народ возникает и существует в определенных природных условиях, с которыми он связан своим хозяйством и повседневным бытом. При этом особенно важно сочетание ландшафтных условий (лес плюс горы, горы плюс море и т. д.), потому что эти сочетания наиболее благоприятствуют развитию любого вида хозяйственной деятельности. В те времена Восточная Европа была исключительно разнообразна. Лесные массивы перемежались опольями, в степи же было много рощ (и ныне коегде сохранившихся на Среднем Дону); в долинах великих рек существовала пышная лесная растительность, контрастировавшая с сухими степями водоразделов. И каждый из этих ландшафтов давал приют и пищу разнообразным племенам и народностям (этносам), находившимся между собой в весьма сложных, но не всегда враждебных отношениях. Так, славянские поселения достигали устья Дуная (тиверцы и уличи), а угорские и тюркские народы селились в «Гилее», в густых лесах по берегу Черного моря и в лесостепной полосе от Днепра до Волги.

Хазары, занимали в этом конгломерате народов особое и очень важное место. Это был народ кавказского происхождения, живший в очень обширной тогда дельте Волги и в долине Терека и практиковавший оседлый образ жизни, земледелие и рыболовство. Хазары до такой степени связали свою судьбу с древними тюрками в VII веке, что приняли к себе тюркского царевича, основавшего династию хазарских ханов.

Степные просторы Северного Причерноморья всегда были удобны для развития скотоводства. Поэтому в Восточную Европу и переселялись азиатские кочевники: печенеги, торки, половцы, монголы... Разумеется, эти миграции вызвали столкновения с местным населением – славянами, хозяйство которых было привязано к лесным массивам. Однако кочевое хозяйство не может существовать вне связи с земледельческим: обмен продуктами одинаково важен для обеих сторон. Поэтому наряду с военными столкновениями мы наблюдаем постоянные примеры симбиоза. Печенеги осели в Добрудже, где стали союзниками Византии, а торки поселились в правобережье Днепра и поставляли пограничную стражу для киевских и волынских князей.

В XI веке в южнорусские степи пришел новый народ, называвшийся на востоке кыпчаки, на западе – куманы, или половцы. Предки половцев обитали с древних времен на Южном Алтае и в среднем течении Иртыша, в Барабинской степи; время от времени они входили в великие кочевые державы: Хуннскую в III–I веках до нашей эры и в Тюркский каганат – VI–VIII веках нашей эры. По антропологическому типу кыпчаки были европеоиды, принадлежавшие к динлинской группе – к древнейшим народам СаяноАлтая. С монголоидными тюрками их связывали политические интересы и культурный обмен. Когда же тюркский язык стал общим для всех народов Великой Степи, то кыпчаки в числе прочих степных народов стали тюркоязычными. Однако в отличие от своих южных соседей – канглов (печенегов) и гузов (торков) кыпчаки базировали свое хозяйство не на чисто степном, а на лесостепном ландшафте (реликты которого до сих пор сохранились в Казахстане). Мира между этими племенами не было. Степная вендетта не давала возможности тюркоязычным кочевникам объединиться в единое государство, да и потребности в этом не возникло. Поэтому, когда засуха X века подорвала хозяйство кочевников в южных, более засушливых степях, кыпчаки оказались в более выгодном положении: окраины сибирской тайги и многоводные реки спасли их от

засухи. Благодаря этим природным условиям, кыпчаки одержали в X веке победу над канглами и гузами и, преследуя врага, вступили в причерноморские степи.

Там они нашли злаковые степи, которые были привычны для них на их родине. И они завоевали и заселили степи вплоть до Карпат.

Русские князья смотрели на это довольно спокойно (половцы помогли им справиться с печенегами), и лишь в 1068 году произошло первое столкновение: половцы нанесли поражение дружинам трех южно-русских князей на реке Альте около Киева. Победа половцев была случайна: уже через месяц Святослав Ярославич Черниговский, имея всего 3 тысячи бойцов против 12 тысяч половцев, наголову разбил их и захватил в плен хана Шарукана. И последующие набеги половцев бывали удачными случайно, лишь вследствие постоянных междоусобных войн русских князей.

Но дипломатические отношения между этими народами установились весьма оживленные. Хотя в самой Руси на этот счет не было единства: киевские князья Изяслав и его сын Святополк держались западнической ориентации, Всеволод Переяславский и его сын Владимир Мономах – византийской, а Святослав Черниговский и его сын Олег искали друзей среди кочевников. Они их и обрели в лице половцев. Половцы пошли на это тем более охотно, что волынские и киевские князья привлекали для помощи их заклятых врагов, торков (гузов). Таким образом, в системе отношений Русь – Степь создались как бы три оси, и около каждой из них обращались и русичи, и степные кочевники, воюя то по разные, то по одну сторону «фронта». Так, «половцы помогли обиженному», лишенному наследства Олегу Святославичу в борьбе за Чернигов в 1078 году, в битве на Нежатиной Ниве сложил свою голову великий князь Изяслав, искавший помощи у немецких рыцарей.

Приход к власти Владимира Мономаха устранил западнические тенденции в Киевском княжестве и положил конец независимости половцев от Карпат до Дона. Половцы вошли в русскую землю, сохранив внутреннюю автономию, вошли фактически как одно из многих русских княжеств... Как правильно пишет в одной из своих работ С. Плетнева, Русь и Степь сближались по многим линиям, в том числе и по линии смешанных браков. Многие исследователи согласны в том, что «почти все влиятельные княжеские рода в Киевской Руси состояли в кровном родстве со Степью».

Половцы действительно участвовали в XII – начале XIII веков в междоусобицах на стороне Черниговских или Суздальских князей, но не потому, что не любили киевлян, а потому, что на стороне Киева были их заклятые враги – торки. Но, будучи друзьями и родственниками русских князей, половцы втянули их в такие войны, которые весьма сильно отразились на судьбе Русской земли. Ниже мы покажем, как.

А пока возьмем такое банальное, а потому весьма распространенное деление: «Запад» и «Восток». Стоит ли за ним какая-нибудь реальность? Родилось это противопоставление в суперэтнической целостности романо-германского мира, идеологически объединенного римской церковью в духе противопоставления себя всем прочим исповеданиям. Короче, это обывательский европоцентризм, имевший смысл в средние века, но бессмысленный, хоть и упорно бытующий поныне.

Давайте рассуждать логично. Если принять средневековый западный «христианский мир» за своеобразный эталон многонационального средневекового единства, то равноценным ему будет не «Восток», а чуть ли не десяток иных единств:

1) Левант, или «мир ислама», целостность отнюдь не религиозная, а этнокультурная, распространившаяся от Испании до Кашгара; 2) Индия, за исключением той ее части, где господствовали мусульмане; 3) Китай, считавший себя «Срединной империей» и борющийся с «варварской» периферией; 4) Византия, восточно-христианская целостность, политические

границы которой всегда были уже суперэтнических; 5) кельтский мир, до XIV века отстаивавший свои оригинальные традиции от английских феодалов; 6) балтийская славянолитовская языческая целостность, в XII веке превратившаяся в реликт; 7) восточно-евразийская целостность двух соперничавших этносов: чжурчжэней и монголов; 8) восточноевропейская суперэтническая целостность – Русская земля.

На ней и сосредоточено наше внимание, но надо рассматривать ее этническую судьбу на фоне переплетения конфликтов всех прочих перечисленных выше многонациональных единств, ибо изоляция на континенте Евразии была возможна лишь для одного (десятого уже) полиэтнического единства – циркумполярных народов Сибири и побережья Белого моря (самодийцы, ненцы и угры, пришедшие в эти районы в III–V веках из степей, подвергшихся засухе), да и то изоляция эта часто нарушалась то эвенками, то якутами.

Теперь о суперэтнической целостности, называемой «Русская земля». При своем появлении в Восточной Европе славяне делились на племена, которые уже в начале XII века сохранялись только в памяти авторов «Начальной летописи». Это естественно: этническая интеграция шла интенсивно вокруг больших городов, где прежние племенные различия быстро теряли значение.

А. Н. Насонов описывает Русь XI–XII веков как систему «полугосударств» 2, стоящих на порядок ниже, нежели понятие «Русская земля»: Новгородская республика с пригородами; Полоцкое княжество; Смоленское княжество; Ростово-Суздальская земля; Рязанское княжество; Турово-Пинская земля; собственно Русская земля, включавшая три княжества: Киевское, Черниговское и Переяславское; Волынь и, наконец, Червонная Русь, или Галицкое княжество. К этому списку надо добавить завоеванную Владимиром Мономахом половецкую степь между Доном и Карпатами. Но это была малая часть Степи: Великий Булгар на Волге, задонские кочевья половцев, аланские земли на Северном Кавказе и Волжская Хазария с городом Саксином лежали по ту сторону русской границы XII–XIII веков.

Булгары и хазары в это время относились к левантийскому, или мусульманскому, «суперэтносу» (назовем так эти многонациональные единства); аланы и крымские готы – к византийскому; литовцы, латыши и ятвяги – к балтийскому; поляки и венгры уже вошли в западноевропейский суперэтнос. Победа немецких крестоносцев над полабскими славянами превратила Западную Европу в культурно монолитную, хотя этнически и мозаичную целостность, которая в XII веке находилась на подъеме и неустанно, хотя и не всегда удачно, расширяла свой ареал (что в XIII веке привело к кризису).

Раздробленность восточных соседей Руси и отдаленность западных сводили внешние конфликты в XII веке к минимуму. Подлинным бичом страны были междоусобицы, которые мы теперь называем феодальными войнами. К несчастью, они были не только феодальными.

Война всегда дело дорогостоящее, а удельные князья собственных доходов имели мало. Для того чтобы содержать 50-тысячную армию, и в более позднее время требовались ресурсы большой страны. А ведь именно с таким войском Андрей Боголюбский шел на Киев в 1169 году и столько же выставил против него Мстислав Волынский. Эта большая война была немыслима без участия населения Суздальской земли и Волыни. Не случайно, что в историографии спор старшей и младшей линий Мономаховичей считается началом разделения Руси на Северо-восточную и Юго-Западную. Однако дело обстояло еще сложнее.

Обратим внимание на то, что во второй половине XII века традиционная вражда Мономаховичей и Ольговичей отступает на второй план, а обособленное Полоцкое княжество почти не принимает участия в «феодальных войнах», хотя там княжила линия потомков Рогнеды и ее сына Изяслава, не входившая в «ряд Ярославль». В то время еще не было деления на великороссов, украинцев и белоруссов. Это были столкновения внутри единого

древнерусского этноса.

Спросим же себя, откуда брали средства; для походов изгои, то есть князья, лишенные не только власти, но и имущества? То, что они хотели получить свою долю наследства отцов, понятно, но ведь одного желания мало. Очевидно, они имели мощную поддержку. Но от кого? Вот тут-то и ключик разгадке.

Просмотрим, для примера, биографию Олега Святославича, исключенного из престолонаследной очереди («лествицы») на том основании, что его отец умер раньше старшего брата Изяслава, вследствие чего место Олега занял Владимир Мономах.

В 1076 году осиротевший, но еще не обиженный, Олег дружил с Владимиром Мономахом и даже крестил его сына Мстислава. В 1077 году он получил стол в Чернигове, но был вынужден уступить его дяде Всеволоду Ярославичу. Это не привело к ссоре, так как он жил у своего дяди и крестил другого сына Мономаха. И вдруг 10 апреля 1078 года Олег бежал от Всеволода в Тьмутаракань и 25 августа пришел с Борисом Вячеславичем и половцами отбивать Чернигов. Этот-то поход и кончился битвой на Нежатиной Ниве. Можно ли думать, что вся война была затеяна из-за Олегова каприза? И потом, откуда добыл он средства для столь большого похода?

После смерти великого князя Всеволода (13 апреля 1093 года) Олег должен был, согласно «лествице», занять черниговский стол, так как его старший брат Давыд уже сидел в Смоленске. И Олег занял Чернигов с боем, вытеснив оттуда Владимира Мономаха, который не посчитался с родовым старшинством. Черниговское население четко высказалось в пользу Олега. Отсюда и пошла вражда, обострившаяся, между прочим, из-за того, что Олег отказался выдать на смерть гостившего у него половецкого князя. Перед нами не просто феодальная война, но и соперничество двух княжеств: Киевско-Волынского и Чернигово-Северского, причем в основе того и другого лежат разные племенные комбинации.

Конечно, приравнять киевлян XI–XII веков к полянам, а черниговцев – к северянам было бы нелепо, но нельзя не заметить, что на месте племен, то есть этносов, исчезнувших вследствие интеграции в единый древнерусский этнос, возникают области с территориальными наименованиями, но с аналогичной функциональной нагрузкой. Пусть суздальцы сложились из кривичей, мери и муромы, новгородцы – из словен, кривичей и веси (вепсов), рязанцы из вятичей и муромы, полочане из кривичей, ливов и леттов, но, даже утерев традиции предков, эти новые области несли важную функциональную нагрузку: поддерживали целостность большой суперэтнической системы – Руси. Благодаря постоянному взаимодействию, по тем временам не мыслившемуся без борьбы, изолированные субэтнические группы поддерживали древнерусский этнос, а на базе его и суперэтноса, ибо в понятие «Русская земля» входили угорские, финские (меря, мурома), балтские (голядь) и тюркские племена (гузы, берендеи, куманы), являвшиеся компонентами суперэтнической целостности. При этом, как я уже сказал, в междоусобиях союз с торками был традицией киевских и волыньских князей, а союз с половцами – князей черниговских.

Но если все это так, то инициаторами междоусобиц были, скорее всего, не сами князья Рюрика дома, а окружающие их люди, кормящие их и требующие с них за это вполне определенной работы, то есть войны с соседями, с которыми они соперничали и боролись за власть. Так оно и было. И не только в Новгороде и Галиче, где подчиненное положение князей зафиксировано историей, но и во всех других полугосударствах Древней Руси. Бояре убили Андрея Боголюбского; толпа киевлян растерзала Игоря Ольговича; смоляне не дали киевлянам в обиду Ростиславичей и вместе с черниговцами расправились с «матерью городов русских», отдавшей предпочтение волынянам. По логике событий, союзники Рюрика Ростиславича, половцы, изрубили всех «старых, монахов, попов и монашек, а юных черниц, жен и дочерей

киевлян увели в свои становища» 2 января 1203 года.

Конечно, это ужасно, но кто виноват? Половцы, которым вместо платы позволили грабить Киев? Князь Рюрик Ростиславич? Или его вдохновитель Всеволод Большое Гнездо? А ведь кроме половцев Киев брали черниговцы, приведенные Ольговичами, так что же, они, не грабили?

Вот вам и «Русь против Степи»... Самое любопытное тут то, что создание антикиевской коалиции, дипломатическую «подготовку войны, наем половцев на службу за обещание разрешить им разграбить Киев осуществил сам герой «Слова о полку Игореве» Игорь Святославич, ставший из Новгород-Северского князя князем Черниговским. Этот факт говорит, что древняя традиция межплеменной вражды полян и северян, переформировавшаяся в соперничество Киева и Чернигова, оказалась еще в XIII веке настолько живучей, что по сравнению с ней пограничные счеты между русичами и половцами меркли.

Ведь и Роман Мстиславич для защиты Киева привлек степняков – торков, которые мужественно отстаивали столицу Руси, сражаясь со своими заклятыми врагами – половцами. Это показывает, что Русь и завоеванная ею Степь составляли в XII веке *единое, хотя и не централизованное государство*, находящееся в XIII веке в состоянии глубокого кризиса, выражавшегося в ожесточении междоусобных войн.

Война между Правобережьем и Левобережьем Днепра продолжалась даже и после битвы на Калке! В 1235 году Черниговские князья Михаил и Изяслав взяли Киев у Даниила Галицкого и держали три года, после чего обескровленный и полуразрушенный город, снова доставшийся галицкому князю, стал в 1240 году добычей Батыя. Тогда Киев уже не был столицей Руси...

Однако не стоит чрезмерно драматизировать ситуацию: неравномерность развития и разнообразие элементов является, в принципе, условием устойчивости подобной системы. Следовательно, полиэтничность и разноукладность не разрушали, а по-своему скрепляли древнерусскую многонациональную целостность, так ярко и красочно описанную авторами XIII века в «Слове о погибели Русской земли». Лишь в середине XIII века все переменялось и пришла «погибель»!

В чем же она заключалась и почему пришла?

Как я старался показать, междоусобицы княжеств XI–XII веков надо рассматривать как «болезнь роста», как закономерную фазу этногенеза, мучительную, но не угрожающую жизни этноса или суперэтноса. Но столкновения с иными суперэтническими системами сулили куда более грозные последствия. Иные системы подступали с запада и с юго-востока. В начале XIII века вмешательство Запада в русские дела еще ограничивалось установлением военных союзов (поскольку Польша и Венгрия находились в гвельфском блоке, Волынь выступила за гибеллинов; волынский князь Роман пал в бою с поляками в 1205 году; его соперники, черниговцы и суздальцы, установили контакты с папой и поддержали Новгород в его борьбе с Ливонским орденом, стоявшим на стороне Гогенштауфенов; папа, воспользовавшись ситуацией, послал на Русь доминиканских миссионеров, но Юрий II выслал их из пределов своего княжества, так что от этих союзов большого вреда не возникло).

Гораздо более сильной была травма 1223 года – битва на Калке и падение Юрьева в 1224 году, когда ливонские рыцари пощадили пленных эстов, но не оставили в живых ни одного русского. С этих-то дат и начались столкновения на суперэтническом уровне, так как балтский барьер был сломан немцами, а половецкий амортизатор монголами.

Половцев в эту пору русичи считали «своими». В защиту половцев русские князья выступили против монголов и сложили свои головы на Калке. Злейших врагов не защищают ценой своей жизни.

Итак, 1223 год. На месте «своих поганых», не угрожавших самостоятельному

существованию полиэтнической «Русской земли» и даже в нее входивших, появились народы чужие. Ситуация приобрела небывалую остроту, при которой междоусобицы превратились из явлений привычного порядка в явления губительные.

Поищем причину «погибели»?

Надо признать, что в XIII веке на Руси уже явно «чего-то не хватало», а не хватало уже с XII века. Автор «Слова о полку Игореве» говорит: «Усобица князем на поганья погыбе, рекоста бо брат брату: „Се мое, а то мое же“. И начяше князи про малое „се великое“ мльвити, а сами на себе крамолу ковати. А погании съ всех стран прихождаху с победами на землю Рускую». Только ослепление непомерным эгоизмом лишило князей Рюрикова дома воли к сопротивлению. Только их полная неспособность объединиться даже при изменившихся условиях позволила монголам взять поочередно Рязань и Владимир, Киев и Чернигов, литовцам занять Полоцк, а ливонским рыцарям разорить Псков.

Автор «Слова о полку Игореве» все время подчеркивает, что храбрых и сильных воинов на Руси достаточно, военная техника на уровне требований. Мы знаем, что и денег в торговых городах было в избытке. Не хватало лишь, как теперь бы сказали, творческой инициативы на широком общественном уровне. Того самого, что определило линию поведения наиболее активного народа XIII века – монголов.

Русь и монголы

Валентин Иванов обладает несомненным историческим чутьем. Он знает, что такие явления, как образование Темуджином монгольского улуса в 1206 году и последующие монгольские походы от Явы до Адриатики должны иметь предысторию, а поскольку он ее не находит у историков, он ее домышляет. Опять-таки виноваты мы, историки, потому что описать события XI–XII веков на основании источников возможно (я отчасти пытался сделать это в книге «Поиски вымышленного царства»). Когда за это берется неспециалист, то он, естественно, допускает расхождения с фактами. Ну, например В. Иванов описывает столкновение монголов и сунов (южных китайцев) в городе Сучжоу около Дуньхуана, чего вообще быть не могло, так как провинция Гань-су, где все это происходит, принадлежала не империи Сун, а Тангутскому царству Си-Ся, отнюдь китайскому. На самом деле в XI–XII веках монголы и близкие к ним племена – татары, кераиты, ойраты, а впоследствии найманы – жили раздробленно, племенным бытом и только защищались от нападений своих «цивилизованных» соседей: сначала киданей, потом чжурчжэней.

Последние организовывали походы в степь «для уменьшения людей и поимки рабов», то есть вели истребительную войну против кочевников (подобно тому, как в XVIII веке белые в Америке стреляли индейцев и получали плату за скальп).

В начале XIII века монголам удалось сплотиться и организовать сопротивление, от ветив чжурчжэням ударом на удар. При этом монголы заручились союзниками в лице Сунского (национального) Китая и выиграли войну, подчинив себе большую часть чжурчжэней. Необходимость поддерживать новую державу заставила монголов принять обычную тактику кочевых ханов: они взялись обеспечить безопасность транзитной караванной торговли из Китая в Европу, беря за это пошлины, что давало им необходимые средства. Когда один из караванов, находившийся под покровительством монголов, был вырезан компактом крепости Отрар с целью ограбления, монголы потребовали у хорезмшаха Мухаммеда объяснений. Тот ответил, что караванщики были разведчиками, часть послов приказал казнить, а часть раздетых донага выгнать в степь. С этого эпизода начинается кровавая лавина, которой монголы прошли по Средней Азии. Не простив убийства и унижения послов, хан двинулся на Хорезм. Он одержал

неожиданно легкую победу: Мухаммед бежал, а большое количество подданных хорезмшаха, покинутых им, погибли от монгольских сабель. Монголы вторглись в богатую густонаселенную страну и жестоко подавляя малейшее сопротивление, разгромили цветущие города: Отрар, Самарканд, Бухару, Ходжент, Гургандж и Мерв. Последствия этого вторжения были самые трагические.

Влекомые по степи необходимостью закрепиться на каком-то рубеже – а это было непросто, – монголы дошли до самой Палестины, где только и были отбиты египетскими мамлюками. В Средней Азии, так же как и в Китае, события развивались уже не по воле правителей, а по логике событий, которую во времена Пушкина называли довольно точным термином «сила вещей».

Но почему монголы, имели успех?

В прошлом веке историки не сомневались, что монгольские завоевания были совершены многочисленными скопищами, которые двигались подобно саранче, уничтожая на своем пути культурные, просвещенные и почему-то бессильные оседлые государства. Но в наше время накоплены знания и о монголах, и об их соседях, позволяющие взглянуть на эти «скопища» по-новому.

Сделаем первый, крайне простой подсчет: по численности населения 3. В Монголии XIII века она не поднималась выше 1300 тысяч человек, тогда как в Китае было в то время 80 млн. (из них 20 млн. в Южном Китае – империя Сун), в Хорезмийском султанате – около 20 млн., а в Восточной Европе – 8–10 млн., из которых 6 млн. в Древней Руси. Монголия в течение 80 лет вела войну на три фронта. Главным ее противником был Северный Китай, перед тем завоеванный чжурчжэнями. Победа над ними далась монголам лишь в 1234 году, когда пала последняя чжурчжэньская крепость Кайфын, и тогда же началась война с Южным Китаем (между прочим, тоже после того, как китайцы убили монгольских послов).

Вторым по значению был юго-западный фронт, где с 1219 года монголы вели войну с мусульманами. Там они держали постоянно действующий корпус численностью от 30 тыс. до 60 тыс. всадников.

Северо-западный (восточноевропейский) фронт стоял на третьем месте, причем основным объектом вражды монголов были вовсе не русские, а половцы.

Кроме того, монголы то и дело совершали отдельные походы: то в Тибет, то в Сибирь, то против камских болгар, то на мордву.

Вывод: монголы нигде не могли иметь численного перевеса, а равно и перевеса в технике, потому что своего производства железа у них не было. Однако они до 1260 года везде одерживали победы, а к 1279 году закончили завоевание Южного Китая.

Как это могло произойти?

Видимо, в военных успехах монголов «повинны» не только победители, но и побежденные. Только исключительно слабым сопротивлением китайцев можно объяснить победу монголов над чжурчжэньской империей. Но это можно понять: чжурчжэни в Северном Китае были такими же завоевателями, как и монголы, и куда более жестокими правителями. Китайцы не стремились защищать одного своего врага от другого; они искали спасения в горных лесах и были не воинами, а жертвами войны. Зато в Южном Китае они сопротивлялись отчаянно, война там затянулась, и только изменение общего соотношения сил решило ее в пользу монголов, привлечших на свою сторону племена мань, мяо, цзун и т. д.

Остается объяснить, как и почему монголы оказались в Восточной Европе. Распространенное мнение заключается в том, что они стремились «завоевать мир». В 30-е годы эта идея была настолько распространена, что даже известный романист В. Ян озаглавил финальную часть своей трилогии о монголах «К последнему морю», имея в виду Адриатику.

Для наших современников, к счастью, этот вопрос не столь ясен, и они значительно менее категоричны. Д. Балашов показывает, с какой осторожностью и деликатностью маневрировал Мангу-Тимур, хан Золотой Орды, при усобицах русских князей, поддерживая то Дмитрия, то Андрея, и наконец добивался прекращения усобицы при посредничестве епископа Сарского и Задонского, для которого он учредил специальную кафедру в Сарае.

Для решения поставленного вопроса о столкновении монголов с Русью мы должны сделать экскурс в южнорусские степи, где в то время обитали «куманы, иже рекомые половцы». В 1185 году, когда Игорь ходил походом на Кончака, монгольской державы еще не было. Большая часть монгольской родовой знати, опираясь на соседние племена, вела борьбу против Чингиса и его орды. Только в 1206 году возникло общемонгольское государство, но многие племена продолжали сопротивление. Наиболее неукротимы были меркиты. С 1183 года монголы воевали с меркитами и в 1208 году вытеснили их в долину Иргица. Обитавшие там куманы (половцы) приняли беглецов, тем самым став врагами монголов. Здесь-то и начинается монголо-кыпчакская вражда. В 1216 году монголы истребили последних меркитов и вступили в войну с куманами, ради чего и появились в 1223 году в донских степях.

Разумеется, в основе миграций народов лежат причины более глубокие и основательные, чем погоня за беглецами, нарушение слова, убийство посла и так далее: переселение народов, войны и союзы зависят от факторов географических, социально-исторических, этнопсихологических и так далее, и все-таки движение человеческих масс – это не безличные потоки воды или воздуха; и здесь для уяснения конкретных форм вражды или союза человеческое «оформление сюжета» весьма важно. Вторжение монголов в русские степи не было, конечно, следствием той или иной «ссоры», но и оно имеет определенные человеческие оттенки, которые существенны.

Каков же был первый камешек *этой* «лавины»? Убийство послов русскими князьями, среди которых был Мстислав Козельский и Черниговский, монголы восприняли как предательство гостей, что, как известно, в Степи считалось худшим из преступлений. Нападение на свое отступавшее войско они сочли вызовом, на который ответили кровавым набегом в 1237–1241 годах, после чего отошли в Прикаспийские степи. Там внимание Батыя на десять лет поглотили, внутренние дела. Только в 1258 году по договоренности Александра Невского с ханом Берке на Руси появились баскаки и стали взимать дань. Но о смысле этой договоренности – ниже.

Теперь обратимся к половцам: их поведение столь же логично. Их братья на востоке приняли под свою защиту гонимых, пострадали и вынуждены были бежать в Причерноморье, ибо больше некуда. Когда монголы явились и туда, половцы обратились к своим соседям, русским князьям, под, стягами которых привыкли ходить в походы. И русские князья, ничуть не обманывавшиеся насчет «половецкого характера», пошли защищать донскую степь, ибо после Мономаха это была уже часть Русской земли! Точно так же они отстаивали от немцев Новгородскую землю, заселенную чудью и ижорой, то есть язычниками, и осуждали псковских германфилов как предателей.

Но вернемся к монголам. Итак, их положение было не просто. Камские булгары, половцы и аланы сопротивлялись воинам Батыя не менее отчаянно, чем русские города. В этом походе монголы были оторваны от своих баз и при поражении не могли надеяться на спасение. Наличие широкого фронта от верховий Волги до Кавказа вынудило их рассредоточить силы. Поэтому даже маленький Козельск, отчаянно дравшийся, стоил монголам таких потерь, что Батыю пришлось отойти в степь, дабы дать войскам передышку. Любопытно, что монголы не оставили на Руси ни одного гарнизона. Это показывает, что сами они мыслили свой поход не как стабильное завоевание, а скорее, как большой набег. Точно так же кровавым набегом

опустошили они Польшу и Венгрию, одержали победы при Лигнице и Шайо, а затем отошли на левый берег Волги, где им не угрожали контрудары побежденных, но не покорившихся народов.

Короче: не так-то дешево обошелся Батюю разгром Руси; ответная героическая борьба русских была неизбежна, Батый это чувствовал, чувствовал и другое – эту землю ему не удержать.

В чем же причины удачи Батыева похода?!

Обычно считается: распри и неурядицы между удельными князьями. Отчасти это верно: политический развал на Руси в XII веке достиг кульминации, но ведь и в монгольском улусе было очень неблагоприятно. Для проведения западного похода Батый получил кроме собственных 4000 воинов войска трех своих дядей: верховного хана Угедея, «хранителя ясы» (некто вроде оберпрокурора) Чагадая и правителя собственно монгольских земель – Тулуя, младшего сына Чингиса. Сын Угедея Гуюк и сын Чагадая Бури во время похода поссорились с Батыем, так что ему пришлось выслать их на родину, где отцы подвергли их опале. Но после смерти Угедея в 1241 году Гуюк оказался претендентом на престол, что грозило Батыю смертью: когда войска Гуюка и Бури ушли домой, у него осталось всего 4000 воинов.

По монгольскому праву хан – должность выборная. Выбирали по установившейся традиции царевичей Чингисидов, но решающее слово произносило войско, собиравшееся для этой цели на курултай. Пока хан не выбран, никто не имел права что-либо решать. Выборы Гуюка затянулись до 1246 года, и только это спасло жизнь Батыю.

И вот эту пятилетнюю отсрочку Батый употребил на то, чтобы подружиться с русскими князьями, в руках которых были денежные и людские резервы. То же самое стремился сделать и Гуюк! Великий князь Ярослав Всеволодович, от позиции которого, таким образом, зависела в тот момент судьба монгольской империи, стал выбирать себе подходящего хана в союзники. Сначала его симпатии склонились на сторону Гуюка и он к нему поехал, но во время переговоров в ставке будущего великого хана один из бояр свиты русского князя по личной злобе оговорил его; простодушная сибирячка, ханша Туракина, мать Гуюка, отравила Ярослава; это оттолкнуло сыновей погибшего, которые решили договориться с Батыем, после чего последний и обрел внезапно силу, позволившую ему выступить открыто против Гуюка. В 1248 году Гуюк умер при невыясненных обстоятельствах, а три года спустя Батый посадил на престол своего друга и сподвижника Мункэ, оставив за собой должность главы ханского рода. Сторонники Гуюка и Бури были, естественно, казнены.

Казалось бы, какой смысл русским князьям спасать своего поработителя? Так зачем же они это сделали? Разгадку этого странного поведения мы найдем не в летописях и житиях, а в анализе международного положения Руси XIII века, а также положения стран, сопредельных с Русью, при учете широкой исторической перспективы.

Вспомним: за двести лет до описываемых событий Западная Европа только начинала свой экономический и культурный подъем. В XI веке европейское рыцарство и торговая буржуазия под знаменем римской церкви начали первую колониальную экспансию – крестовые походы. Она кончилась неудачей: сельджуки и курды выгнали крестоносцев из Иерусалима и блокировали их города на побережье Средиземного моря. Тогда крестоносцы стали искать добычу полегче. В 1204 году они захватили Константинополь, объявив греков такими еретиками, «что самого Бога тошнит». Одновременно они начали продвижение в Прибалтику, основали Ригу, подчинили себе пруссов, леттов, ливов и эстов. На очереди был Новгород. Александр Невский двумя победами остановил натиск шведов и крестоносцев, но ведь Прибалтика была важна не сама по себе: она являлась плацдармом для всего европейского рыцарства и богатой купеческой Ганзы. Силы агрессоров были неисчерпаемы, тем более что

искусной дипломатией они привлекли на свою сторону литовского князя Миндовга и натравили на Русь литовцев.

Конечно, на Руси было много храбрых людей, богатых городов и обильных угодий, но удельная дезорганизация препятствовала консолидации сил и город за городом становился жертвой врагов: Юрьев, Полоцк... А ведь это были форпосты Руси!

И тут в положении, казавшемся безнадежным, проявился дипломатический гений Александра Невского. За помощь, оказанную Батюю, он потребовал и получил помощь против немцев и германофилов, в числе которых оказался, между прочим, его родной брат Андрей, князь Владимирский. В 1252 году Андрей был изгнан с родины татарскими войсками, а вскоре немецкое наступление на Русь остановилось.

Жизнь князя Александра была исключительно трудной. Он дважды (в 1240 и в 1242 годах) спас Новгород от позорной капитуляции, отогнал литовцев, захвативших Бежецк и победивших московского князя Михаила Хоробрита, но за это новгородцы изгнали Александра из города, а владимирцы передались его бездарному брату Андрею. Александр потерял отца, отравленного в ставке хана Гуюка, и наконец, был вынужден казнить своих земляков, чтобы не дать им убить монгольских послов, ибо монголы страшно мстили за гостеубийство. Александр нарушил каноны православия в понимании того времени, потому что пил кумыс и ел конину, находясь в гостях у Батюя. И он побратался с сыном завоевателя – Сартаком, а после его гибели договорился с его убийцей ханом Берке. И все свои поступки князь оправдывал одной фразой: «Больше любви никто же не имеет, аще тот, кто душу положит за друга своя».

Многие современные авторы – и среди них прежде всего А. Югов и Д. Балашов – посвятили горячие страницы попыткам понять и объяснить противоречивость эпохи, в которой пришлось действовать князю Александру. Можно только пожалеть, что общий план ее – борьба германофильских, латинофильских тенденций против стремления русских к национальной независимости и национальной культуре – остался всего лишь «фоном», тогда как это суть эпохи. Авторы романов сосредоточились на описании относительно менее важных событий, зафиксированных в летописных источниках, но в силу своей калейдоскопичности мешающих правильной исторической перспективе. Д. Балашов, например, весьма подробно, в хронологической последовательности излагает детали братоубийственной войны между детьми Александра Невского, он отчетливо видит, как растущие инстинкты себялюбия и потребительства роняют блеск русской культуры, унаследованный от двух прежних веков. Но насколько более точной и полной была бы картина, если бы автор романа учел то, что в летописях не зафиксировано, но вытекает из анализа всего обобщенного хода событий. Тогда наиболее существенным был бы не персональный вопрос, кто лучше – Дмитрий или Андрей, а вопрос более общий и трагический: кто хуже – татарские ханы или немецкие рыцари?

Даниил Галицкий считал, что хуже татарские ханы, Александр Невский считал, что хуже немецкие рыцари. История показала, кто был прав.

Ведь даже после смерти Александра, когда немецкие рыцари в 1269 году снова решили напасть на Новгород и разграбить богатейший на Руси город, поддержка небольшого монгольского отряда возымела немедленное действие: узнав о появлении степняков, немцы оттянули войска за реку Нарову и просили мира «зело бо бояхуся и имени татарского».

Но, может быть, Александр Невский спас родину слишком дорогой ценой? Рассмотрим это.

Монгольская империя вобрала в себя столь много стран и народов, что единство ее стало неосуществимой мечтой. В 1259 году умер умный и волевой хан Мункэ и началась борьба за власть. Золотая Орда, где Батюя сменил его брат Берке, должна была сделать выбор, на чью сторону встать. Тут Александр Невский снова поставил свои условия, которые хан не мог не

принять, как от лояльности русского князя зависала его реальная мощь. Хан согласился на создание в Сарая православной епископии, на разрыв с персидскими монголами и, наконец, на разрыв с великим ханом Хубилаем, который перенес столицу из Монголии в Китай. Больше того, когда в 1257 году великий хан прислал на Русь фискальных чиновников, чтобы обложить русских налогом в свою пользу, Александр организовал избиение их народом, а затем поехал в Сарай и уговорил Берке не посылать русских денег в Пекин. Этот компромисс Берке с русскими вызвал жестокую войну Золотой Орды с монголами Ирана, которые ориентировались на великого хана, связавшего свою судьбу с Китаем. На стороне Золотой Орды оказалась вся Монголия и степи до Тарбагатай. Война затянулась до XIV века (1304 год), и в пролитой крови утонула идея всемирной монгольской монархии. Золотая Орда превратилась в восточноевропейское государство, где большинство населения было русским. Разумеется, порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века, был далек от идеала, но любое другое решение было бы худшим.

Александр Невский спас Русскую землю. Это стало абсолютно ясно потомкам, объявившим, его святым. Но современники были настроены против него, поэтому их приходилось спасать вопреки их воле, ломая их близорукий эгоизм. Ориентируясь на союз с Ордой, Александр дипломатическими переговорами отколол Золотую Орду от Монгольского улуса, связавшего свою судьбу с Китаем. Этим он выиграл время и спас много людей. И ведь недаром такие богатые города, как Новгород и Смоленск 4, совсем не затронутые набегом Батыея, предпочли включиться в систему Золотой Орды, нежели стать жертвами шведов, немцев или литовцев. Даниил же Галицкий, наоборот, принял корону из рук папы римского, заключил союзы с европейскими королями, избавил свою землю от татар и... оставил своих потомков в рабство полякам, обратившим крестьян Галиции в состояние, близкой к крепостному.

Итак, в середине XIII века мнение русского общества разделилось: с кем договариваться, кому сопротивляться? Оба расчета были основательны: западники мечтали о создании феодального государства в унии с Литвой, которую надеялись обратить в православие (шансы для этого были); Александр предпочитал союз с враждебной Дальнему Востоку Золотой Ордой, среди населения которой было много несториан, то есть христиан, – таким образом он хотел, с одной стороны, иметь на Волге барьер против новых вторжений из Азии, а с другой – использовать татарскую конницу против крестоносного рыцарства. Установленная им система взаимоотношений может рассматриваться как симбиоз, союз, в котором соединились немногочисленные пришлые монголы, оказавшиеся во враждебных тисках между мусульманами Поволжья и мечтавшими о реванше половцами Причерноморья, и русские княжества, раздираемые усобицами, перераставшими в большие и губительные войны. Установление центральной формальной власти золотоордынского хана, воздействовавшего на русских князей через посредство «епископа Сарского и Задонского», предотвращало усобицы путем организации княжеских съездов, исполнение решений коих гарантировалось «царем» (как стали с 1266 года именовать современники правителя орды). Это было тем более важно, что территориальные субэтноты в неуклонном процессе этногенеза обособливались и плавно превращались в этносы. Уже выпало из древнерусского, единства Галицкое княжество, Полоцкая и Турово-Пинская земли начали превращаться в Белоруссию, выделился Новгород с пригородами и пятнами, запустели области Киева и Чернигова, где оставшееся население перемещалось с крещеными половцами. Распадавшуюся этническую целостность сдерживала только культура, а для поддержания последней была полезна твердая и лояльная власть.

Однако в Орде было крайне неблагоприятно. Оппозиционные элементы сплотились, под знаменем ислама и нашли себе талантливого вождя – темника. Ногай. В борьбу, разгоревшуюся между узурпатором и монгольскими ханами, втянулись русские князья, дети Александра

Невского: Дмитрий Переяславский – за Ногай, Андрей Городецкий – за ханов Телебугу и Тохту.

Снова, потекла кровь, но уже не ради княжеского своекорыстия или своеволия «старцев градских», а за то, быть ли расколотой Восточной Европе периферией – мусульманского ли Леванта, западного ли «христианского мира», – либо одной из опор Великой Степи? В 1299 году Тохта победил, и до 1312 года осуществлялся симбиоз Великороссии с Золотой Ордой. Но умер хан Тохта, и все изменилось.

В Золотой Орде тоже шли процессы этногенеза, тесно переплетавшиеся с аналогичными русскими процессами. Двадцать тысяч монголов улуса Джучиева рассеялись по трем ордам: это Большая (или Золотая) Орда на Волге, где правили потомки Батыея; Белая Орда на Иртыше, доставшаяся его старшему брату Орде-Ичэну; и Синяя Орда хана Шейбана, кочевавшая от Аральского моря до Тюмени. При таком рассредоточении дезинтеграция наступила быстро, и к началу XIV века монголы смешались с половцами настолько, что стали неразличимы.

И вот тогда на них навалилась культурная сила ислама, столь же активная, как на западе сила католицизма. Некоторые ханы: Берке, Шейбан, Туда-Менгу приняли ислам лично, не принуждая подданных следовать их примеру. Но в 1312 году царевич Узбек, захватив престол, объявил ислам государственной религией, обязательной для всех его кочевых подданных. Монгольские нойоны отказались «принять веру арабов». Тогда Узбек казнил всех неподчинившихся, в том числе семьдесят царевичей Чингисидов. Сопrotивление реформе шло до 1315 года, когда погиб последний строптивый хан Белой Орды – Ильбасан. Уцелевшие монголы бежали на Русь, женились на русских женщинах, и пополнили конницу русских князей. Они были либо христианами-несторианами, которых не нужно было крестить, либо язычниками, принимавшими христианство без колебаний. Их дети и внуки не сомневались, что они русские, и они пошли за Дмитрием на Куликово поле в поход за древнюю веру и новую отчизну.

Таким образом, тесный союз Орды и Руси продолжался до тех пор, пока ордынцы были язычниками или несторианами, то есть не входили в чужой и враждебный Руси суперэтнос. Сама по себе смена религии не имела бы значения, но с ней было связано изменение политического курса, направления культуры и всего строя жизни. Превратившись из степного хана в мусульманского султана, Узбек сделал ставку на купеческий капитал торговых городов Поволжья и Средней Азии, отодвинув на задний план интересы земледельческой Руси. Союз по инерции существовал еще некоторое время, но стал тягостным для обеих сторон. В XIV веке на Руси антиордынские настроения выкристаллизовались в мощное движение (видимо, связанное с новым взрывом этногенеза), которое возглавил Сергей Радонежский. Именно оно толкнуло русских людей на Куликово поле, где бой шел вовсе не с «погаными» (то есть язычниками), а с «бусурманами» (то есть мусульманами), представителями чуждого мира и враждебной в то время системы. Вот теперь-то только и началась грандиозная «борьба со степью», закончившаяся победой России несколько веков спустя. Начало ее не в 1223 году и не в 1238, а в 1312, превратившем степное ханство в мусульманский султанат, христианских союзников в бесправную «райю», симбиоз в действительное иго. (В летописи об этом всего одна фраза: «Озьбяк вступил на царство и обесерменился». Да, отражение реальной истории в исторической литературе нельзя назвать зеркальным!).

Итак, монгольский этнос на Волге перестал существовать, так как из него выпали все носители древних традиций. Одни были убиты, другие стали русскими. Потомки последних стали служилыми дворянами и однодворцами и вошли в состав русского этноса. А те, которые остались с Узбеком, продолжили традиции немирных «диких половцев». Так их называли вплоть до 1630-х годов, что засвидетельствовано иностранцами. Войдя в стихию иногo, чуждого для Руси суперэтноса эти «половцы», «татары» или «ногайцы» воевали, по сути со

своими бывшими соплеменниками вплоть до «времен очаковских и покоренья Крыма», и только в XIX веке эта борьба окончательно потеряла всякий смысл и в степи воцарился мир. Вот эта-то позднейшая война и заслонила от современников прошлое, и повела к искажению исторической перспективы, и породила легенду об «извечной» борьбе Руси против Степи!

Учтя все сказанное, мы можем поставить вопрос о становлении русской нации и о соотношении древнерусской и великорусской культуры. Существует мнение, будто XIV–XV века – темное пятно русской истории, причина последовавшего отставания России от Европы. Да, отставание было, и монгольские набеги сыграли тут свою трагическую роль. Но, во-первых, одним этим фактором отставание не объяснишь, оно есть плод сложения многих факторов; а во-вторых, я убежден, что эти два века в истории Руси и русской культуры – отнюдь не черный провал. Именно в эту эпоху работали великие иконописцы и произносили огненные слова Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Именно тогда русские рати остановили авангард католического натиска на восток, и тогда же другие русские войска присоединили древнюю Заволоцкую Чудь, а также устояли против набегов ветеранов Тимура и Эдигея. Нет, мы не должны недооценивать огромность творческого взлета системной целостности, возникшей накануне Куликовской битвы вокруг Москвы. Ведь как только симбиоз с монголами превратился в «бусурманское» татарское иго, ознаменовавшееся подлым убийством Михаила Тверского в 1318 году, судьба Синей Орды (сменившей Золотую) была предрешена, и Великая Степь перестала существовать как целое. Появление двух мощных центров притяжения – Москвы и Вильны – вызвало в XIV веке этническое «расхождение», столь же исторически закономерное, как и предшествовавшая ему, интеграция. В литовских землях накапливались европейские культурные навыки; здесь шла проповедь униатства, укреплялись шляхетские нравы, немецкие моды и вкусы, в ходу был латинский язык, иммигрировали евреи; в Великороссии – иное: афонское православие, централизованная администрация, дворянские навыки степной войны, иконопись Андрея Рублева и смешение с крещеными татарами. Обе половины единого древнерусского этноса стали равно, но по-разному не похожи на свой прототип. Дальнейшие судьбы славянского этногенеза Восточной Европы лежат за хронологическими рамками нашего сюжета.

Похвала Клио

А теперь поговорим об истории, ибо есть что сказать. Ведь не, только в XIX веке скептики и профаны называли историю праздной забавой, развлекательным чтением, причудой богатых бездельников, способом пропаганды или даже «политикой, обращенной в прошлое». Недавно была сделана попытка понять историю как функцию времени, которое якобы в своём течении выделяет энергию, потребную для великих и малых свершений. Но и эта концепция несовершенна, ибо исторические процессы, действительно идущие по ходу времени, сплошь и рядом энтропийны и инерционны, а следовательно, возникают не благодаря Хроносу, пожиравшему своих детей, а вопреки ему.

Но если так, то наука история – это как бы борьба со временем, которое эллины персонифицировали в страшное божество – Сатурн, оскопивший собственного отца Урана и ниспровергнутый владыкой молнии Зевсом. Так, но ведь молнии – это энергия, на нашем языке – антиэнтропийные импульсы, которые при своем возникновении нарушают процессы гибели и забвения – энтропию Вселенной. Сила – причина, вызывающая ускорение, – спасает Космос от превращения его в Хаос, и имя этой силы – Жизнь.

Для тех, кто умер, будь то микроб или баобаб, человек или зародыш, время исчезает, но все организмы биосферы связаны друг с другом. А это значит, что они «знают» друг о друге. И

уход одного – это потеря для многих, потому что это победа, извечного врага жизни – Хроноса. Примириться с потерей – это сдать позиции, и против Смерти встает Память – преграда энтропии. Именно память делит время на прошлое, настоящее и будущее, из которых необратимо только прошлое.

В самом деле, настоящее – только момент, мгновенно становящийся прошлым. Будущее же можно рассчитать только вероятностно и статистически. А прошлое существует; и все, что существует, – прошлое, так как любое свершение тут же становится прошлым. Вот почему наука история изучает всеобъемлющую реальность, существующую вне нас и помимо нас. Слава истории!

Профаны говорят, что знание прошлого для нашей практической жизни бесполезно. В древности они ходили к ворожеям и астрологам гадать о будущем. И те гадали, подчас удивительно верно. Но как гадалки добивались успеха? Изучая прошлое. Поверяя прошлым возможные варианты. Уточняя прогнозы, потому что число вариантов в данной ситуации всегда ограничено. Так хороший шахматист рассчитывает партию на много ходов вперед благодаря тому, что он не пожалел сил на изучение сотен этюдов и партий, игравшихся задолго до его рождения.

Каждый опыт физика или химика, наблюдение геолога или ботаника, соображение теоретика или подсчет экономиста, будучи записаны, превращаются в исторический источник, то есть фиксированное прошлое, которое позволяет нам при умелом обращении находить оптимальные варианты поведения для достижения целей, находящихся в будущем. Слава истории!

И, наконец, разве понимание себя и своего исторического места в мире – только средство? Нет, это и цель! Разве благодарность предкам, построившим города, в которых мы живем, открывшим новые страны, куда мы теперь запросто ездим, создавшим картины, которыми мы любуемся, и написавшим книги, по которым мы учимся, – не долг каждого, кто не потерял человеческих чувств? Разве восхищение героями прошлого, отдавшими жизнь ради своих потомков, – предрассудок? Нет!

Слава Истории!

История – это поиск истины, ибо сведения древних источников осложнены страстями летописцев. Прошлое тогда перестает быть реальным, когда его подменяют вымыслом или искажают неполной передачей, или отягощают мишурой бессмысленных и отвлекающих подробностей. Иногда говорят, что в истории не найдешь правды, что ее явления не цепь событий, связанных между собой, а бессмысленный калейдоскоп, который запомнить невозможно; что тексты следует понимать буквально, как будто хронист писал их не для современников, а для потомков, и, наконец, что все миграции народов, их взлеты и падения, их слава и гибель – это неверная рябь на озерной воде. Если это так, то знать историю незачем, и бывшее, исчезая из памяти, становится небывшим. Так Хаос занимает место Космоса.

В конце VIII века в Тибете буддийские проповедники, сторонники Махаяны, учили, что мир иллюзия, а спасение – в погружении в нирвану, путь же к ней – отказ от поступков, злых ли, добрых, все равно, ибо «черные тучи и белые облака одинаково закрывают от нас солнце». На это тибетский шен, жрец религии бон, обратившись к народу, сказал: «Не слушайте болтовню махаянистов; вам сердце подскажет, где черное, а где белое». Очевидность и интуиция лежат на границе науки и искусства. Вот почему муза истории Клио протягивает руку Каллиопе – музе эпической поэзии.

Речь идет не о праве на беспочвенные фантазии, будто бы подсказанные интуицией, и не о том, чтобы глубокомысленно вещать общеизвестное. Обман возможен и тогда, когда он опирается на самообман. Клио помогает своим почитателям в другом, гораздо более важном:

находить доказательства правильных гипотез, раскрывать ошибки в самих «первоисточниках» и улавливать нарушения логических построений. Это все как будто просто, но на самом деле каждое, даже маленькое, приближение к исторической истине – подвиг.

Самые на вид простенькие обобщения требуют такого душевного подъема и накала чувств, при котором мысль плавится и принимает новую форму, сначала поражающую, а потом убеждающую искреннего читателя. И дело не в том, каким ходом мысли или подбором аргументов доказан тезис; это кухня научного или художественного ремесла, знать которое, конечно, надо, но одного знания мало. Дело в том, *почему* иногда удается новый тезис найти и доказать. Это таинство психологии творчества, которое древние греки как раз и приписывали музе. Музе истории Клио.

Однако поэт однажды произнес: «Но что нам делать с ужасом, который был „бегом времени“ когда-то наречен?». Коса Сатурна срезает любые личные проявления жизни, хотя и не трогает закономерностей социально-экономических формаций. Только они идут по пути прогресса, а все неповторимое и прекрасное, что было в прошлых веках, – утраты. Вот почему история – это долгий список потерь, уменьшаемый лишь постоянным вмешательством Клио. Ибо даже погибшее, но уцелевшее в памяти, не мертво!

Клио умеет не только хранить остатки былого, засыпанные прахом Времени. Она может отнимать у этого хищника добычу и делает это на наших глазах и нашим руками. Найдены развалины Трои, раскопана Вавилонская башня, спасены сокровища Тутанхамона, прочтены иероглифы майя, раскрыта подделка летописи, совершенная Иваном Грозным, оспорен односторонний взгляд на монголов. Список воскрешений – пусть не личностей, но их великих дел – можно длить без конца, ибо то там, то тут совершаются великие и малые открытия.

Разве это не победа над забвением? Разве это не воскрешение добытого для нас предками?

Хвала Клио!

Литература

1. На эту тему, кстати, есть специальная литература, из которой следует, что племя, которое, наверное, имеет в виду романист, – это россомоны, но это племя не славянское, а либо германское (готское), либо аланское, как об этом пишет академик Б. А. Рыбаков.

2. А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

3. Во всех этих выкладках я опираюсь на подсчеты Н. Ц. Мункуева. См. его статью «Заметки о древних монголах» в сборнике «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970.

4. Смоленск присоединился к Золотой Орде в 1274 году добровольно. В эти годы Орда, раздираемая мятежом Ногая, не вела завоеваний.

Л. Н. Гумилев. Год Рождения 1380...

К 1380 году в Восточной Европе сложилась тягостная и невыносимая обстановка, чреватая опасностями для разных народов, живших в евразийском регионе: именно в это тревожное время «завязалось» многое из того, что «развязывалось» сто, двести, четыреста лет спустя, в конце XVIII столетия. Мир древней православной культуры европейского Востока, представленный Византией, Балканами, Русью, Кавказом, переживал тяжелые времена. Генуэзские купцы, которые весь XIV век держали в экономической зависимости Византию и

сделали своим теплое Черное море, серией территориальных захватов оказались у нас на юге – в Степи. Они тянули щупальца вглубь Восточной Европы и Центральной Азии, приобретали концессии и заключали выгодные только для себя торговые сделки с золотоордынскими ханами на Волге и купцами Среднего Востока.

Ослабевшая Византия раскололась на две фракции, враждовавшие между собой: на сторонников Европы во главе с обессилевшими Палеологами, которые искали помощь на Западе и готовы были согласиться на унию с католицизмом, и на поборников византийских традиций во главе с антизападником Иоанном Кантакузеном, вынужденным привлечь для их защиты туркмен-сельджуков.

Молодая Османская Турция, овладев Малой Азией и проливами, повела наступление на Европу. И в те же годы сорокалетний Тимур начал непрекращающиеся войны против наследников Чингисхана в защиту городской мусульманской культуры Средней Азии, которую Тимур защищал невероятно жестокими методами.

На севере этого борющегося мира наблюдалось ослабление Золотой орды. В 1359 году там началась «великая замятия» – многолетняя междоусобица среди ханов Золотой орды, кончившаяся диктатурой временщика Мамайя. По происхождению он был хинювин, маньчжур или кореец, кстати, предок князей Глинских, от которых происходила и мать Ивана Грозного.

Яростное противоборство главных международных сил обнажало существование крупных суперэтнических образований 1. Так, нарождавшийся западноевропейский суперэтнос имел своим авангардом активную купеческую буржуазию, и она лишь ждала часа гибели Византии. Проводником ее влияния у нас на юге была Генуя. За суперэтническую целостность Великой степи в это время выступил хан Тохтамыш, опиравшийся на кочевников территории современного Казахстана, предков казахов и узбеков. Ханы Степи были противниками вхождения Золотой орды в сферу влияния Ближневосточного мусульманского суперэтнуса. И в поле соперничества этих трех суперэтнических культур: западноевропейской, мусульманской и великостепной – были вовлечены Русь и Литва.

Не следует думать, будто Русь и Литва были второстепенными фигурами в разгоревшейся борьбе. В предгрозовой атмосфере второй половины XIV века православная Русь и языческая Литва становились сами центрами возможного объединения восточноевропейских народов в один суперэтнос. Была ли такая возможность? Безусловно, и Вильна, и Москва, враждующая между собой, были претендентами на роль центра объединения нового огромного суперэтнуса, который мог бы сразу изменить расстановку сил в мире. И потому и в Вильне, и в Москве внимательно и заинтересованно присматривались к тому, что делается вокруг. В стенах столиц бушевали страсти, отражавшие интерес людей к событиям века.

В борьбе против немецкого Ордена и крестоносцев Русь и Литва были естественными союзниками. Литовские вельможи и воины легко принимали православие, женились на русских княжнах и боярышнях и присоединяли «без выстрела» русские княжества Волыни и Белоруссии. Гедимин и Ольгерд постепенно подчинили себе все земли юго-западных русских княжеств, что превратило боевую языческую Литву в православное Литовско-Русское государство. Но и на Руси, среди русских людей, крепла идея национального единения, появлялась социальнополитическая тенденция централизации русских земель. Москва выдвигалась на первое место среди центров страны, которые имели возможность использовать выгоды своего положения.

Именно к XIV веку можно отнести начало этногенезов русских-великороссов и литовцев: этническое, культурное и социальное обновление Руси и Литвы. У обеих культурно-исторических общностей были практически равные шансы на роль объединителя всех восточноевропейских народов в централизованное государство. Предпосылки к этому

равно были выражены и в Москве, и в Вильне. Но победила Москва – победила в деле объединения этносов Восточной Европы и Евразийской степи в новую суперэтническую целостность. Началом стала Куликовская битва. Я считаю, что в Куликовской битве родился русский этнос. 8 сентября 1380 года на Куликовом поле сражались уже не владимирцы, москвичи, суздальцы, тверичи, смоляне. Не представители разобщенных междоусобицей княжеств – но русские, великороссы, совершенно осознанно шедшие защищать свой мир и свое Отечество, свой культурно-философский смысл бытия.

Поход к устью Непрядвы, на Дон рассматривался современниками как крестовый поход, и надо сказать, положительный крестовый поход за свободу, быть может, единственно удавшийся праведный крестовый поход согретый живым чувством любви к родине, за которую полегли из каждых пяти четверо русских бойцов.

Однако в обрисованной политической обстановке не хватает объяснения поведения Золотой орды. К началу XIV века кочевой суперэтнос – Великий улус от Тихого океана до Карпат – начал распадаться. В полувековой междоусобной кровопролитной войне (1259–1307) степняки выпустили всю свою энергию, но от политического и социального ослабления улусов выиграли больше всего городские купеческие общины Мусульманского вероисповедания. При монгольской веротерпимости, люди этих общин смогли пробиться на важнейшие экономические и административные должности в Средней Азии, Иране и, наконец, на Волге. Говоря проще, они перехватили инициативу у степняков и добились первенствующего положения путем привлечения на свою сторону исламизированного правящего аппарата в Иране в 1295 году, Средней Азии – в 1300-е годы и в Сарае, столице Золотой орды, – в 1312 году.

Царевич Узбек в 1312 году совершил государственный переворот, захватил престол в Сарае и объявил ислам государственной религией, под страхом смерти обязательной для подданных. Узбек казнил всех не подчинившихся, в том числе 70 царевичей-чингисидов.

На Руси повеяло ужасом: ровно через 350 лет после падения Хазарского каганата, принесшего иго древним русским, на том же месте возник периферийный экстремистский султанат с опорой на культурную силу Ближнего Востока, от которой пощады народам Восточной Европы ждать не приходилось. Сложившиеся после нашествия Батыя своеобразные этнически-симбиозные отношения между Золотой ордой и Русью, платившей ей дань но пользующейся ее военной поддержкой, до этого сглаженные тем, что монголы: оставались язычниками и несторьянами, изменяются при Узбеке радикально. Из степного хана кочевой Орды новый властитель становится завоевателем-султаном, изменившим все сословные и культурные традиции. Дело не в религии как таковой – сама по себе смена вероисповедания не имела бы значения и конец равновесия в отношениях Руси и Орды наступил бы и в том случае, если бы ханы стали католиками, а такое не исключалось. Конфессиональные (вероисповедальные) перемены ознаменовали изменение политического курса на суперэтническом уровне, а это сразу меняло направление всей культуры, делало перестановки во всем строе жизни, в поведении людей. Речь шла в действительности не о религиозных догматах, а о сугубо земных делах.

Нагнетание ситуации длилось до 1340-х годов, когда какойто рок в один-два года лишил все три восточноевропейских центра вождей и правителей. В Литве умер Гедимин, в Сарае – Узбек, а в Москве – Иван Калита. Всем оставшимся стало ясно, что надвигается новый тур взаимной неприязни, вражды. И первым, с кем пришлось Руси иметь дело при обострении суперэтнического размежевания, при расторжении существовавших до этого связей в 1370-е годы, был Мамай. Именно он, темник (его неправильно иногда называют ханом), возвел агрессивную политику Узбека в беспринципный авантюризм, окончательно превратив свою

вооруженную силу в хищническую, чисто военную организацию.

В Сарае сменялись хан за ханом: за 20 лет 20 ханов. В этом непрекращающемся скандале Мамай возводил на престол своих ставленников и убирал. Сам он ханского престола не имел и иметь не мог. Когда-то он был отправлен служить на западную границу империи, где и выдвинулся как полководец. Степным наследственным ханам он не доверял, а они в нем справедливо видели наглого узурпатора. И как всякому узурпатору, Мамаю нужны были деньги. Деньги ему давали генуэзцы – платили, они ведь были заправскими банкирами Восточного Средиземноморья.

Мамай продавал им с готовностью сверхвыгодные права в торговле, в военных поставках, перепродажах и спекуляциях на работоторговле. На генуэзские деньги он покупал наемников – ясов и кософов, претендуя на господство уже во всем улусе Джучи, от Карпат до Аральского моря, частью которого являлась и Золотая орда. Темник пытался наладить контакты также с теми кругами русских, которые в это грозное время жили минутой и предпочитали торговые интересы независимости.

Постепенно мамаева орда превратилась во всеразьедающую химеру. Это не метафора. В этнологии термин «химера» употребляется для обозначения такого состояния социального организма, когда насильственное сожительство двух и более этносов не ведет ни к чему положительному ни в каком направлении, а лишь создает перегрузки системы при полной рассогласованности составляющих ее элементов. Так было и здесь.

По сути дела, султанат на Волге нес в себе все черты рождающейся химеры уже с 1312 года. Покровительство работоторговле и разноплеменным купцам вело не к органическому культурному росту, а к механическому смешению культурных, этнических, социальных и прочих элементов, когда на место патриотизма, искренности, верности традициям пришел принцип голой выгоды. Цивилизация торговцев, попросту говоря, засилье международных спекулянтов, наладивших торговые трансмаршруты с доставкой живого товара к посредническим генуэзским конторам, прикрывалось разными международными и конфессиональными разговорами о дружбе и совместных интересах. Шкурничество заразительно. Мамай всех превращал во врагов, кроме тех, кого он покупал или подкупал. И благодаря ему оказалось, что ни один хан в Сарае не может рассчитывать на верность своих сторонников, так как любой из его соперников мог перекупить «нужных» людей.

Традиция служения отчизне – моральный принцип развития любого этноса – заменилась выбором щедрого хозяина. Таковым оказался Мамай – энергичный, волевой, всех подкупавший и устрашавший интригами деспот. Меняя веру и обычаи, люди при нем выигрывали материально, кроме немногих неподкупных, которые не желали выгод ценой предательства и измены традициям. Остатки степного кодекса чести, которого придерживались татарские воины-батыры, стали выглядеть анахронизмом, неумением «устроиться».

Во все более раздувавшейся мощной военной химере, которую трясло и ломало по внутренним швам, Мамай, желавший «наладить порядок», был сам игрушкой в руках исторической, а точнее, антиисторической судьбы. Со своей разноплеменной ордой Мамай базировался на бывшей половецкой земле между Доном и Днестром и сам командовал корпусом, состоявшим уже не из монголов, а из остатков половцев, алан, покупных воинов. Он стал искать союзников на Западе и сделал окончательную ставку на европейских противников православия (и Византии тоже) и на дружбу с султанским Египтом.

Победа Мамаея – победы он в 1380 году! – означала бы превращение всей Восточной Европы в поприще для торговых операций прежде всего католических стран, опередивших в торговле других. Религия, идеология в торговых делах никогда не имели цены, и в XIV веке идейные мотивы в большинстве стран мира, в том числе и на нынешнем юге нашей страны,

отступали перед чисто экономическими выгодами. Но так было не везде. Так не было на Москве.

Не случайно именно в Москву бежали коренные татары, под которыми понимаются представители тюрко-монгольского этноса Великой степи. Люди бежали от насилия и продажности в Сарае, они отпадали от химерной столицы и мамаевых ставок – в Казани, Крыму, Астрахани, на Яике и в Башкирии. Некоторые татары, уцелевшие при переворотах и в истребительной «замятне», бежали на Русь и пополнили конницу русских князей. Татарские батыры превращались в российских воевод. Сначала это был маленький ручеек, затем полился большой поток батыров – специалистов военного дела – в Москву, туда, где их принимали и не мешали честно и преданно, не за деньги, а за честь, заниматься тем делом, которое они хорошо знали, – обороняться против вражеских войск.

Вот почему, в частности, на взгляд этнолога, при рассмотрении начала великорусского этногенеза нет никаких оснований считать объединение сил Москвы перед грозой национальной миссией против татар или татарского духа. Это была война не между «лесом» и «степью», «Европой и Азией», русскими и татарами – а между жизнеспособными этносами и химерой, оказавшейся на пути развития как Руси, так и самой Великой степи. Химера не тем была страшна, что «вползала» в несвойственный, чуждый, экологически другой суперэтнос, а тем, что химерной сущностью явилась отчетливая антиисторическая тенденция вовлечь движущиеся народы-соседи (русских, половцев, мордву, самих же татар) в разложение, застой, разжижить их, уничтожить, разбив их духовное сопротивление.

Так против Мамаю выступили Дмитрий Донской и Москва. Но на помощь и выручку к ним спешил из Заволжья степной хан Тохтамыш, который вел татар Великой степи, не враждовавшей с Русью на суперэтническом уровне, против блока Мамаю и литовцев. На стороне Мамаю были войска Ягайла Ольгердовича, кстати, состоявшие и из русских, подпавших под политическое влияние Вильны.

Мамаю вел огромную, разбухшую армию. Он вел наемные корпуса, вел опытную конницу, технические части, проверенную генуэзскую пехоту, иностранный легион и наблюдателей. Но и Русь выставила все, что смогла, – 150 тысяч человек, половину мужского населения страны.

Обе армии сошлись 8 сентября на поле уже в пределах тульской степи. Бой начался в шесть утра, закончился к заходу солнца. Оставив на поле треть армии, Мамаю бежал. Химера лопнула. Ее убила Куликовская битва. В войне 1380 года приоткрылась дальнейшая судьба самостоятельной, обновленной Руси. В XIII веке было еще рано, но в XIV – русские люди уже ощутили в себе силы жить, никому не подражая и выбирая друзей и учителей на основе веления собственной совести. Ради этого 150 тысяч человек пошли на бой, из которого вернулись только 30 тысяч.

Куликовская битва – величайшее событие русской истории! Это начальная точка отсчета культурного феномена, который от того времени пошел в мир и ныне идет под названием «русское», «российское». Это культура громадных горизонтов, больших масштабов измерений и глубины творчества. Это великий народ, расселившийся по Евразии, могучая государственность, военная слава, политическая и философская мысль, поэзия, искусство. Русский этнос родился на Куликовом поле – па тесной, затянутой перелеском и болотцем площадке, размером не более 30 квадратных километров, откуда вышла горстка новых русских, родоначальников этноса, который живет и поныне.

Становление этногенеза означало рождение в людях новой силы и новых, ценностей. Это чувство нового помогало понять многим людям – не только отдельным личностям, что они – новые русские, великорусы. Современники уже в середине XIV века ощущали, что начинается

другая эпоха, они повели счет своих правителей, государей Москвы, от Ивана Калиты, обозначенного первым. Люди, конечно, помнили о древней культуре Киевского и Владимирского периодов, но относились к ним как к своей предыстории. Новый счет московских правителей, который был на устах русских того века, ознаменовал начало новой традиции, той самой, которая впервые проявила себя столь героически-жертвенно на поле Куликовом. Чтобы она могла проявить себя, этим новым русским надо было отчетливо знать – что они совместно защищают не просто как людское скопище, но как этнос. Для этого необходимо было объединиться в одной общей исторической судьбе, которая не приходит сама, а которую выбирают сознательно. Этот выбор воплотился в кровавой битве тысяч людей, но выбор стоял перед каждым человеком, и от его сверхнапряжения зависело, станет ли ареал обитания беспокойных и пассионарных 2 людей началом исторического существования народа и новой живительной стадией культурогенеза.

Ведь Русь в 1370-е годы оказалась снова, как и 140 лет назад при Александре Невском, в 1240 году, в железном обруче. Ей угрожали не только с востока, но и с запада, откуда русских теснила неумеренная агрессия крестоносцев, вынашивавших планы колонизации северо-запада Руси, и двигались неукротимые литовцы, становившиеся во второй половине XIV века агрессивными католиками. Русь совершенно реально могла превратиться в колонию, зависимую территорию Западной Европы, пробуждавшейся к колониальному захватническому предпринимательству повсюду – в устьях Невы, Днепра, Дона. Православные русские, на взгляд цивилизаторов-латинцев, купцов Средиземноморья или крестоносцев с Балтики, были детьми природы, хуже монголов или черных, потому что упорствовали в защите своих символов веры. Для католиков они к тому же были отступниками. Вспомним, что рыцари сделали со столицей византийских вероотступников – Константинополем, когда взяли его в 1204 году. И наши предки в Великороссии могли оказаться в положении угнетенной этнической массы без духовных вождей, подобно украинцам и белоруссам в Польше. Вполне могли, один шаг оставался.

Русским людям, пошедшим на смерть в августе и сентябре 1380 года, было ясно – жить дальше так, как они привыкли, нельзя. И они шли защищать не просто территорию и не только возведенные храмы и деревянные избы. Они шли умирать за свой принцип, на котором надо было строить свою этику и культуру, мировоззрение и эстетику, свою красоту и свое отношение к окружающему миру, согласовывая это с верой отцов и собственной совестью, – все, что потом назовется неповторимым культурным типом России.

Да, новорожденный русский этнос защищал территорию, будущее место развития российского народа, но также и русскую новорожденную культуру. Что же означало в тех условиях защищать новорожденную великорусскую культуру?

В XIV веке на фоне кризиса феодализма обнажились основополагающие различия культур западного католического мира и культур Восточной Европы. То, что в течение веков происходило с умственными категориями и культурой в Западной Европе, начиная от падения Римской империи было присуще именно Западной Европе, и глубоко неверным было бы вслед за западными историками навязывать эти идеи всему человечеству. Уже православные греки и славяне, мусульмане арабы и турки, жившие совсем рядом с Западной Европой, решали вопросы духовной жизни на основе иных традиций и этических представлений.

Так, западная римская церковь и вся средневековая культура Европы пошли по пути поисков истины: в концепции предопределения, предложенной еще блаженным Августином. В учении Августина о предопределении человек сам не может содействовать своему спасению, все определено механическим принципом детерминизма – произволением Божиим, запрограммированным еще до начала течения времени. Эта концепция оказалась ведущей

доктриной для осуществления папской идейной гегемонии над королями и народами круга западноевропейских культур с IX века. Основу же восточного православия составила совсем иная мысль: надеясь на милость божью и спасение, необходимо вести себя достойно, а добрая личная воля нуждается лишь в содействии благодати. Эта идея фактически лежала в основе православия, которое еще в VI–IX веках господствовало везде, в том числе и в Западной Европе.

Два этих учения, две мировоззренческие концепции, на которых во многом были построены этические и эстетические программы, разошлись в главных исходных моментах еще до расцвета Киевской Руси. И Русь приняла живейшее участие в доработке – может быть, не столько догматической, сколько этической концепции православия, сделала ее своим кровным делом. Сложился культурный стереотип поведения и восприятия жизни у русских людей юга и севера страны. Спасение – в праведной жизни, дьявол – враг людей и бога, грешники отвечают и должны каждодневно отвечать за свои поступки, отнюдь не predetermined от начала веков, а природа, биосфера – объект не поклонения и не эксперимента, а сострадания и любви.

Это мироощущение вошло в плоть и кровь народа, оно породило массовое подвижничество, породило мучеников и отшельников, последователи которых добровольно оказались на русском севере, в лесных монастырях и холодных скитах. Патриотическая защита культуры в 1380 году была прежде всего защитой духовной самостоятельности. Защитой веры народа, веры отцов, что в те времена было синонимом защиты Отечества.

В средневековой культуре России утвердились две важнейшие линии поведения: высокое благочестие и твердость духа, принцип служения идеалу, а не заботы о мирском, и доблесть, военная честь и отвага, приносимые, в частности, степными батырами, с потомками которых позднее мы вместе сражались в Отечественных войнах 1612 и 1812 годов.

На основе этого культурно-этического сплава русские люди одновременно с рождением этноса обнаружили порыв творческой деятельности, невиданный по глубине горения, напряжению поисков, по силе художественной выразительности.

Всего за сто последующих лет юная страна, наполненная энергией детей, внуков и правнуков воинов, ушедших на Куликовскую битву в 1380 году, совершила небывалый культурный рывок.

Начался Новый подъем зодчества, переломивший инерцию художественного мышления: архитектура как бы стала вторить вновь рожденному русскому человеку. Не будем сравнивать XIV век с XII в архитектуре по чисто художественным критериям (кстати, они подвижны и изменчивы), но культ Святой Софии, поразительно и гениально разработанный древнерусскими зодчими, сменяется энергичной архитектурой нового культа, возникшего с рождением нового русского этноса – Преображения. Создаются в XV веке знаменитые Кремлевские соборы в Москве, и среди них Успенский и Архангельский. Возникает московская архитектура, своеобразная и не имеющая аналогий, которую оценили всерьез лишь в конце XIX века, а в основном уже в наши дни.

Именно после Куликовской битвы возрождается к новой жизни русская иконопись, и гениальный Андрей Рублев озарил светом своего гения – умением рук и чистотой духа – всю русскую живопись. Феофан Грек с 1395 года в Москве расписывает Архангельский собор – место установления гробницы героя войны Дмитрия Донского и двоюродного брата его Владимира Храброго. Новое понимание самого назначения живописи приводит к возникновению столь необходимого на Руси в XIV–XV веках явления, как реставрация. Дмитрий Донской в опоре на отечественную древность обновляет архитектуру Успенского собора во Владимире, который в дальнейшем послужит источником вдохновения для итальянцев в Москве. В начале XV века при Василии I обновляются храмы в

Переславль-Залесском – городе Александра Невского; Андрей Рублев в 1408 году реставрирует живопись владимирского Успенского собора. Реставрацией, обращением к собственной светлой древности охвачены Звенигород, Ростов, Тверь. Появляется новое отношение и к светскому времени – в Москве устанавливаются первые городские часы.

Рождается новая культура слова, воспринявшая традиции предыдущей фазы развития славянского этногенеза – 1200 лет развития древней славянской культуры. Она воплощает черты нового мировидения, пронизавшего всю письменность на Руси. Какой устремленностью вперед отличается деятельность художников слова и летописцев! Возникает цикл сказаний – разветвленная «Повесть о Мамаевом побоище», составляющая почву для сюжетосложения даже и в XVII веке. Вторит циклу поэма «Задонщина» – поэтическое «Слово» Софопия. Распространяются списки «Слова о полку Игореве». Многие люди берутся за написание прославления старой домонгольской и новой Руси: «Слово» инока Фомы, Слово похвальное Дмитрию Донскому. В Москве централизуется летописание. Московский летописный свод Фотия, в который вводятся былины Киевского цикла, составляется между 1418–1425 годами.

До этого во Владимире был составлен в начале XIV века свод летописей «Временник великих царств», который перерабатывается в Москве. Для этой цели уже через поколение после Куликовской битвы в Москву собираются специалисты своего дела из Ростова, Смоленска, Нижнего Новгорода, Рязани, Пскова и летописцы Москвы, которые составили тот летописный свод, который специалистам сегодня известен как «Владимирский полихрон». Политическая мысль Москвы, вбирая все прошлое страны, претендует на наследие Киева и Владимира. Обновляются, пишутся новые редакции домонгольских сочинений – «Киево-Печерский патерик», «Еллинский и римский летописец».

Идет сложение национальной церкви, и при этом сохраняется славянский, понятный народу Литургический язык, а не иноземная латынь. Россия независимо от Константинополя ставит высших иерархов церкви, считая, что истинное благочестие сохраняется и приумножается отныне на Руси. Экономический подъем и политическая устойчивость помогают претворить в жизнь идеалы и нравственные понятия, сообщенные военной победой и культурным сдвигом в 1380–1480 годах. Великороссам принадлежит историческая заслуга распространения восточноевропейского круга культуры по громадному пространству, ныне известному как Россия. Российская культура легко входила во взаимосвязь и с культурой «единоверных» этносов – византийцев, болгар, сербов, кавказцев. Благодаря внутреннему размаху, горению, динамизму и благодаря особой природе этой расцветающей культуры, когда внутреннее, содержательное явно торжествовало над внешним, формальным, – русская культура, возглавляемая Московским княжеством, молодая культура «москвитов», которых «изумленная Европа» открыла в конце XV века, плодотворно вырабатывала образцы художественной мысли, поддерживаемые идеями так называемого второго византийского Возрождения.

Второе, иногда его называют Палеологовьм, Возрождение было с огромной искренностью воспринято и пережито как свое на Руси и в целом было вживлено, вплавлено в русскую культуру так ярко и самобытно, что, по мнению некоторых историков искусств, на Руси сложилось «Предвозрождение», понимаемое как аналогия предвозрождению Западной Европы. Я хотел бы предостеречь: с точки зрения этнологии говорить о Возрождении в применений к только что зародившемуся этносу, в борениях создававшему высокое, служащее новому идеалу искусство, невозможно. Это было не возрождением чего-либо, но первым, подлинно «зародительным» взлетом культуры.

Великорусское культурное «рождение» давало личности небывалый простор, давало столь многое, что в этногенезе мы встречаем людей, принесших славу отечественной культуре на

самой заре предстоящего пути. В России стремительно складывался особый, неповторимый тип гуманистической культуры – без периода схоластики рационализма и критики.

Гуманизм русской отечественной «масти» был основан не столько на поисках и открытиях научной истины, дающей человеку освобождение от клерикального рабства, сколько на утверждении высоких моральных принципов, на знаменитом «правдоискательстве» российской культуры XIV–XVII веков, на истовой вере в спасение путем реальных добрых дел каждого человека, и тут мы не шли в схоластику и рационализм Запада не потому, что «отстали», – в какой бы связи ни обсуждалось что отстаивание, – а потому, что как то, так и другое принципиально не могло иметь места в российском мировоззрении того времени. Вряд ли есть смысл спорить на тему о том, что было важнее для человечества, однако не отметить этого особого вклада новой России в мировую культуру – невозможно. В XIV–XV веках в русле отечественного поворота культуры сложился тип писателя, проповедника, художника – живущего единой мыслью о личной ответственности за то, что он сделал, об ответственности за дела, за которые с него «спросится». В этом заключался, в частности, и смысл движения «молчания», «безмолвия», придававшего молчальникам-монахам и художникам неистовую энергию, особый духовный динамизм праведной жизни.

Безмолвная беседа ангелов в «Троице» Рублева – это не только тема богословия, но и тема самой жизни, тема культуры подвижничества. Именно эта безмолвная сцена сполна отвечала самым сильным чувствам людей. За иконой открывается строгий мир духовной жизни, и потому живопись того столетия и последующих называлась «умозрением в красках». Практика одиночества и молчания возникает в подвижничестве не для того, чтобы уйти от ответственности, но для того, чтобы усовершенствовать себя настолько, чтобы иметь возможность действовать, обратиться к миру просветленные слова. Найти и высказать правду, придать силу и вдохновение людям.

Вспомним судьбу проповедников Нила Сорского, Вассиана Патрикеева, Андрея Рублева, Даниила Черного, Пахомия Серба, Епифания Премудрого. Вся жизнь этих неистовых людей была посвящена высокому духовному творчеству. И это было творчество, в котором вечное и божественное становилось целью реального жизнеустройства, целью, которой нельзя было поступиться даже в моменты смертельной опасности.

В XV веке Москва сделалась центром культуры, влияние которой в XVII веке распространилось далеко на Север, на восток до Тихого океана и на юг до южных морей. Энергия этой культуры создала Кремль, новые города и «пейзажное» градостроительство, согретое живым чувством природы, росписи Дионисия, фортификацию и юридическое законодательство. Москва соприкоснулась с Италией не как неопит «предвозрождения» западного толка, не как страна-ученица, а как заказчик на нужных новой Москве людей: царицу для Ивана III, строителей, архитекторов, сильных в умении и технике...

Еще раз спросим себя: может быть, близость, сродственность с европейцами, о которой писали поэты, от Пушкина до Блока, наступила бы раньше – обратись мы за помощью и содействием к ним для решения наших национальных задач? Не было ли лучше для будущего России уже тогда, в XV веке, объединиться с Западной Европой, совершившей великие географические путешествия, открывшей Америку, стремившейся к материальному успеху? Может быть, не надо было нам действовать в одиночку столько столетий?

Нет нужды искать аргументы – сама история отвечает на этот вопрос. Возьмите памятники культуры, которые упоминаются в истории искусств. Сколько из этих памятников осталось в Галиции, Белоруссии, в Полесье, где была замечательная культура Турово-Пинского княжества? Где они после трех веков униатства? И сколько памятников домонгольских и монгольских времен сохранилось в княжествах, которые были склонны не идти на

компромиссы в духовной деятельности и которые умели защитить свою культуру от посягательства с востока и запада! Северо-Восточная Русь, не поддаваясь химере и не пошедшая на компромисс с Западом, не только сохранила древнюю культуру, но и стала колыбелью нового русского искусства. Русь сама справилась со своими заботами, как только было достигнуто объединение Русской земли.

Новорожденная Россия отбросила врагов своей самобытной культуры на востоке и на западе уж конечно не для того, чтобы сразу же перейти в ученицы к европейской культуре. Легковерная историография XIX века представляла дело так, будто Русь отстояла на Востоке свою независимость и в культурной опустошенности бросилась догонять Запад, доучиваться тому, чему не успела научиться раньше, не принимая лишь как крайность католицизм. Позволю себе категорически с этим не согласиться.

Я далек от неприятия Европы. Мы знаем, что поворот к западноевропейской светской образованности, технике и университетской науке, начавшийся в России в конце XVII – начале XVIII века, дал стране дообразоваться до великого государства, заимствовать некоторые недостающие звенья развития. Мы вступили в XVIII век Петром I, а в XIX – гением российской науки, как и поэзии, музыки, живописи. Ампиризм зародился на Западе, но насколько он более роскошен в Петербурге и его пригородах, как своеобразен и неповторим он в Москве.

Запад сам по себе и его культура – замечательные вещи! Плох европоцентризм, когда предвзятое мнение, не имеющее научных оснований, становится главенствующим. Точку отсчета можно принимать любую, но следует всегда учитывать полицентризм этногенных процессов и процессов развития культур разных этносов. Это и будет уважением к разнообразию культур планеты Земли.

Россия после Куликовской битвы перехватила инициативу развития в Евразии, и в конце XVIII столетия на глазах Пушкина завершилось формирование российской суперэтнической и культурной интеграции. Суперэтнос России уже включал к тому времени, как составную свою часть, Великую степь. Россия, потерявшая больше всех в Куликовской битве, больше всех выиграла. Ей открылся беспрепятственный путь – торная дорога самостоятельного этно-культурного развития. Она смело начала свой путь в этногенезе, который длится в истории, как правило, 1200 лет. Ход этногенеза идет без остановки. Напор творческого взлета после Куликовской битвы принес через 200 лет уже не изменяемую в веках этно-культурную традицию. 1200 лет этноса отстукивают. И теперь законный вопрос: много это или мало – 600 лет в истории, в жизни народа, победившего врагов? Я отвечаю: шестьсот лет – это середина – это время зенита.

Примечания

1. *Этнос*, *Суперэтнос*, *Этногенез* – термины науки этнологии. Долгоживущие коллективы людей в социальном аспекте развития человечества образуют разнохарактерные классовые государства, классы, племенные союзы (социальные организмы). В ином аспекте человеческого развития коллективы людей образуют этносы (пародности, пароды, нации), имеющие помимо социальной целостности неповторимую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения. Процесс зарождения, движения от заданного энергетического толчка во времени и угасания системных элементов этноса называется **этногенезом**. Этот процесс, по наблюдениям этнологов, длится 1200–1300 лет.

Суперэтнос – группа этносов, возникшая одновременно в одном регионе и проявляющая себя в истории как мозаичная целостность. Историки, в общем, давно группировали этносы в конструкции, которые назывались либо культурами, либо цивилизациями, либо «мирами». То

есть это умопостигаемая реальность многоаспектного единения ряда этносов.

Например, для XII–XIV вв. находим реальный смысл в таких целостных понятиях, как Западная Европа, живущая под главенством Римского папы – так называемый Христианский (Chretienité) мир, как Восточная Европа, системная целостность, которая определялась многими факторами развития Византии и православных стран. Ближний Восток, «мир ислама», который противопоставлял себя «франкам» – западноевропейцам и восточноевропейцам.

2. Пассионарность – характерологическая доминанта: это непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели, как правило, представляется данному лицу ценнее даже собственной жизни. Пассионарность – это объективно существующая, присутствующая во Вселенной человеческая энергия, входящая в энергию живого вещества биосферы, которая движет деяниями, стремлениями, помыслами людей в этногенезе, то есть та энергия, которой и стимулируются в конечном счете этнические процессы. Пассионарность отдельного человека может сопрягаться с любыми способностями – высокими, средними, малыми; она не связана зависимостью с этическими нормами, одинаково порождая подвиги и преступления, творчество и разрушения, благо и зло, исключая только равнодушие. Она необязательно делает человека «героем», ведущим «толпу», ибо большинство пассионариев находится именно в составе «толпы», определяя ее потентность и степень активности на тот или иной момент.

В. А. Чивилихин. Память (Фрагмент романа)

Книга вторая

36

Задача историка заключается в том, чтобы объективно раскрыть, что, как и почему все происходило в прошлом; литератор же обязан опереться на достижения исторической науки и, рассмотрев минувшее сквозь призму своего мировидения, посвоему проиллюстрировать давние годы и события, подсветить их личным фонарем и, быть может, внести в них сегодняшней смысл, непременно соотносящийся с главными векторами истории... Но что ему делать, если тема, какую он избрал, в *новейших* трудах историка поворачивается неожиданными сторонами, видится в парадоксальных отдельных ракурсах, постепенно и полностью подменяющих твои знания о той эпохе совершенно другими, противоположными? Следовать этой научной новизне, чтобы, как говорится, не отстать от века, или самому попытаться, опираясь на исторические источники и сопоставляя точки зрения специалистов, самостоятельно увидеть прошлое?

XII–XIII века, нашествие кочевников... Арабский историк Ибн ал-Асир, современник событий: «Не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для человечества и не будет ничего подобного до скончания веков и до страшного суда».

Два главных фронта – восточный и западный да два дополнительных – северный и южный; враги «со всех сторон русские полки обступили». Почему это произошло? Были ли какие-нибудь глубинные причины, вызвавшие, в частности, неслыханное нашествие степняков на Восточную Европу?

«...Я как историк вижу свою задачу в том, чтобы внести необходимую ясность» (Гумилев Л. Н. С точки зрения Клио. – «Дружба народов», 1977. № 2). Нуждаясь в ясности, ищу в работах

современного специалиста-историка конкретные и точные данные о предыстории нашествия XIII века.

Первая и главная причина передвижений конных орд из азиатских степей в европейские, по мнению доктора исторических наук Л. Н. Гумилева, – изменения климата. «...Засуха X века подорвала хозяйство кочевников в южных, более засушливых местах, кипчаки (половцы) оказались в более выгодном положении: окраины сибирской тайги и многоводные реки спасли их от засухи. Благодаря этим природным условиям кипчаки одержали в X веке победу над канглами (печенегами) и гузами (узами, торками, туркменами) и, преследуя врага, вступили в причерноморские степи».

Несколько ранее была высказана иная точка зрения, тоже принадлежащая специалисту-историку и этнологу. Только печенегов он называет кенгересами, канглами же – совсем другой степной народ и верно указывает, что печенеги были первыми кочевниками, появившимися в причерноморских степях еще в IX веке, и ни половцы, ни, естественно, засуха X века были тут ни при чем, так как «во второй половине IX века хазары и гузы заключили союз и так стеснили печенегов, что часть их, обитавшая в Устьюрте, покорностью купила себе покой, а другая часть прорвалась в причерноморские степи и около 890 г. достигла нижнего Дуная...» (Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970, с. 95).

Итак, печенеги появились в Причерноморье из-за военно-политической ситуации IX века в центре Великой Степи, а половцы – все же по причине засухи X века? Однако существует мнение, что в X веке никакой засухи в Великой Степи не было и с IV века нашей эры она буйно и непрерывно цвела, хорошо увлажняясь атлантическими циклонами. «Так продолжалось до XIII в. с небольшим периодом усыхания в IX в.». Интересно, что и эта точка зрения высказана тем же автором и в той же упомянутой выше книге! И еще оттуда же опять совершенно противоположное: «...в X веке Великая Степь превратилась в пустыню!» Книга эта вышла в издательстве «Наука» и рассчитана, как сказано в предисловии, «на широкий круг читателей», но в ней есть немало страниц, при чтении коих читатель только широко разведет руками...

Любознательный Читатель. А чем все же объясняются в книге завоевательные походы степняков в XIII веке?

– Монголы-де пересидели засуху во влажном ононском бору, а «в XII веке происходило интенсивное увлажнение степной зоны Евразии и количество пастбищ увеличилось за счет изменения природных условий». Больше пастбищ – значит, больше скота и больше людей. Отсюда – внезапное усиление монгольских племен, экспансия орд Чингиза и его потомков.

– Но почему не усилились в XII веке племена, пересидевшие засуху, если она была, на тех же окраинах сибирской тайги, в Бузулукском лесном острове, Кулундинских ленточных борах или в обширнейшем и влажном алтайско-саянском горнолесном районе?..

– На это ответа нет.

– Когда-то и что-то я слышал о детерминистах прошлого, вульгарно-материалистически объяснявших историю географией...

–

В частности, профессора Брюкнер и Тутковский задолго до Гумилева связывали нашествия кочевых народов с засухами в Великой Степи. Они считали, что не увлажнения степи, а периодические усыхания заставляли кочевников в поисках корма для скота и, значит, собственного благополучия устремляться из Центральной Азии в Европу. Сухие периоды, полагали они, приходились на III, VIII и XII века нашей эры. Л. Н. Гумилев не вспоминает об этом, зато ссылается на Г. Е. Грумм-Гржимайло, который «рассматривал двухтысячелетнюю историю Азии целиком, т. е. синтетически».

– Грумм-Гржимайло был сторонником географического детерминизма?

– Посмотрим. У него есть высказывание о тенденции к усыханию сравнительно небольшой Алашанской степи в новое время, но его действительно синтетический подход к двухтысячелетней истории Азии потребовал трезвой оценки взглядов Тутковского и Брюкнера, которые пытались, как он пишет, «установить связь между массовыми передвижениями среднеазиатских народов и сухими периодами в III, VIII и XII веках. И, якобы как следствие, в III веке – нашествие гуннов, в VIII – венгров, в XII – татар». Следом Г. Е. Грумм-Гржимайло уточняет исторические факты: «1. Гунны появляются в России (теснят вестготов) во второй половине IV века, поход же Аттилы через Германию, закончившийся битвой народов в долине Труа (в 451 г.) был совершен в конце первой половины V века. 2. Магьяры только в конце IX столетия прикочевывают на берега Дуная из южнорусских степей, куда проникают из-за Волги в начале этого века. 3. Нашествие Батые на Россию произошло в 1236 году, очевидно, что и *выводы, построенные на столь ошибочных данных, не могут быть верными*».

Будучи рыцарем точного, неподкупного знания, Грумм-Гржимайло отвергает умозрительные построения детерминистов не только из-за перечисленных выше несовпадений, но и ввиду полной их недоказуемости, из-за отсутствия основополагающих данных: «Как ни завлекательна эта гипотеза, как ни пытался профессор Тутковский обосновать ее ссылками на работы авторитетнейших ученых, все же главным ее недостатком остается ее совершенная необоснованность... Она лишена необходимой ей базы, которую могла бы дать ей только история, но именно история и опрокидывает ее».

– Выходит, и Л. Н. Гумилев тоже отвергает предположения Тутковского и Брюкнера?

– В том-то и дело, что нет! Не ссылаясь на предшественников, пишет, что за двухтысячелетний период «мы отметили три периода усыхания степей, каждый раз сопровождавшиеся выселением кочевников к окраинам Великой Степи и даже за ее пределы» (Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников. – «Природа», 1972, № 4, с. 50).

– Но ведь, по Л. Н. Гумилеву, «выселение» то есть военная экспансия половцев и монголов, вызывалось не усыханием их степей, а наоборот – увлажнением пастбищ! Где же истина?

– Релятивистский подход, подменяющий научные методы исследования, дает возможность толковать причины любого факта, события или явления и так, и эдак, но маскировать истину. В самом деле, если выселения кочевников к окраинам Великой Степи вызывались как длительным ненастьем, так и устойчивой сухью, то причины их совсем другие.

– Но поставим себя в положение тех, кто поверил упомянутой выше работе Л. Н. Гумилева, согласно которой «мы отметили три периода усыхания степей, каждый раз сопровождавшиеся выселением кочевников». На основании каких данных были определены и датированы эти периоды усыхания?

– В другой публикации есть ответ, если его можно счесть ответом. «Путем сопоставления исторических событий с явлениями природы удалось подметить причины усиления и ослабления кочевых держав Центральной Азии и *обратным ходом мысли* (курсив мой. – В. Ч.) датировать периоды усыхания и повышенного увлажнения аридной зоны Евразии» (Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт. – Известия Всесоюзного географического общества, 1968, т. 100, вып. 3, с. 199).

– То есть исторические события (как бы следствия), датируются природными явлениями (как бы причинами), хотя причинно-следственная связь между ними научно не установлена?

– Выходит, так... К чести старой русской науки, Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло принципиально утверждал, что попытки найти физико-географические объяснения массовых передвижений народов или, добавим, больших межконтинентальных войн-нашествий «заслуживают того, чтобы на них остановиться, но не с тем, чтоб оттенить их положительное

значение, а для того, чтобы отметить любопытный образчик разъяснения космическими причинами народных явлений огромной важности, выхваченных из истории и трактуемых независимо от данных этой истории».

– Но полностью отрицать влияние географических, природных факторов на историю народов, наверное, нельзя?

– Безусловно. В частности, климат Великой Степи действительно менялся – в течение веков и тысячелетий... Установить циклы вековых колебаний ветров и увлажнений, увидеть их истинное влияние на жизнь людей – задача интересная и, наверное, очень сложная, не терпящая упрощенчества. «...Целесообразно рассматривать человечество как вид *Homo sapiens*, – пишет, между прочим, Л. Н. Гумилев. – Но тогда все закономерности развития *всех видов млекопитающих* (курсив мой. – В. Ч.) применимы к людям». Нет, человеческие сообщества все же не скопища леммингов, а их перемещения по лику земли, создание там или сям сильной государственности, большие завоевательные походы зависели не столько от засух или сочности травостоев, сколько от социально-экономических, политических и иных общественно-исторических причин.

– В самом деле, разве можно какими-то климатическими изменениями объяснить завоевательные походы Александра Македонского, Тамерлана или Наполеона, отсутствие больших перемещений народов Великой Степи за последние восемь веков или переселение в Сибирь части русского европейского населения, начатое казаками в XVI веке?

– У Л. Н. Гумилева, кроме неопределенной гипотезы, есть новейшая теория «пассионарности» – от латинского «*passio*», «страсть». Из-за природных факторов, каких-то неясных биологических и космических причин будто бы образуются в определенных районах планеты очаги человеческой активности, рождающие «пассионариев». «...Пассионарность не только передается от родителей к детям, но и возникает в определенные эпохи на строго очерченных регионах с размытыми границами». Среди «пассионариев» ученый числит, например, Александра Македонского и Наполеона, Магомета и Яна Гуса, а к неполноценным, не удостоенным благосклонности природы, относит обширные ареалы и «неполноценные» народы Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока, Прибалтики, бенгальцев, тамилы и многие другие народы Индостана, а также Африки, Америки, Западной Европы...

– Это в той же популярной книге?

– Нет, в многочисленных статьях, напечатанных за последние годы в специальных периодических изданиях. Но один лишь пример из реальной истории средневековой Руси полностью опрокидывает искусственные неопределенные и «пассионарные» построения. Если в X веке Великая Степь «превратилась в пустыню» из-за смещения влагонесущих циклонов на север, то на обширных просторах всегда достаточно увлажненной Русской равнины должно было наступить переувлажнение, что сопровождалось бы расширением болот, подтоплением сел и городов, малым медовым сбором, слабым опылением культурных растений, уменьшением вегетационного периода, вымоканием урожаев, сокращением сенокосных и пахотных угодий, летних и зимних транспортных путей и, как следствие, замиранием политической, хозяйственной и военной деятельности народа, живущего в этом районе Евразии, потерей им той самой пассионарности, какая, согласно той же гипотезе, идет, как говорится, от бога, если счесть «богом» невыясненные природные причины подсознательных психодинамических реакций «вождей», ведущих за собой «толпу».

Допустим все же, что переувлажнение Русской равнины в X веке имело место, однако социально-общественные последствия его были прямо противоположными. В том веке – совершенно исключительном в русской истории! – окончательно сформировалось и вышло на мировую арену огромное раннефеодальное многонациональное государство, первое на этой

территории. Вокруг Киева были объединены поляне, словене, древляне, радимичи, северяне, дреговичи, кривичи, вятичи, чудь, меря, весь. Киевская Русь приобщилась к христианству, письменности, международной жизни, нацелилась на усвоение и творческую переработку высочайшей византийской культуры. Формировался этнос, народ – у него была единая территория, центральная власть, общий язык, понятный всем от Карпат до Волги, от Ладоги до Азова. Строились города и погосты, содержались сильные дружины, то и дело снаряжались большие армии для ведения внешних войн. В 907-м, 941-м 944-м были предприняты походы на самое Византию, в 981-м – на поляков, в 985-м на волжских болгар, а в начале века и в 993 году – на белых хорватов. Между беспрестанных сражений с печенегами, в 968 году едва не взявшими приступом Киев, было разгромлено паразитическое Хазарское царство, обращены в данников дулебы, тиверцы, ятвяги, состоялся военный поход в Крым и – по скандинавским источникам – к Норвегии, а также два похода на дунайских болгар. Ни одно столетие русской истории не выдвинуло столько выдающихся государственных и военных деятелей первой руки, как X век, – Олега Вещего, Игоря Старого, Ольгу Мудрую, Святослава Воителя, Владимира Красное Солнышко, Крестителя, Святого. Каждая из этих очень даже «пассионарных» личностей и события, связанные с ними, могли бы стать темами отдельных исторических романов, не идеализирующих ни личности, ни времена, ни нравы... Это было сильное захватническое феодальное государство, сравнимое по всем статьям с западноевропейской империей Карла Великого, и другим оно в те времена не могло быть. Взрыв политической и военной активности, наблюдавшийся на Русской равнине в X веке, объясняется, однако, не личными качествами киевских князей, климатическим циклом или «пассионарностью» региона, а глубокими экономическими, социальными и иными объективными историческими процессами...

Кстати, космическо-климатическая гипотеза и теория «пассионарности» Л. Н. Гумилева – своего рода элементы его «этнической истории», суть которой сводится к тому, что соседствующие так называемые «суперэтноты» должны непременно вступить между собой в вооруженный конфликт и что процесс этногенеза и, в частности, усиления-ослабления степных кочевых держав «происходит не по линиям общественного развития, а по этническому заполнению регионов. Таким образом, подтверждается, что этнос не спекулятивная категория, а явление природы, т. е. разновидность биосферы земли» (Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт. – Известия Всесоюзного географического общества, 1968, т. 100, вып. 3, с. 201).

Любознательный Читатель. Может быть, я чего-нибудь недопонимаю, но мне кажется, что умозрительными построениями Л. Н. Гумилева очень легко объяснить причины любой войны или агрессии.

– Вы отлично все поняли... И не столько объяснить, сколько, как это ни покажется чудовищным, оправдать! В глубокой, всесторонне аргументированной статье наш ведущий исторический журнал, в частности, пишет: «Своей концепцией этнической истории Л. Н. Гумилев, по существу, оправдывает жестокие завоевания и кровопролитные межэтнические конфликты. В чем же виноваты Чингиз-хан, Наполеон или Гитлер и, главное, при чем тут феодальный или капиталистический строй, если „пассионарная“ активность таких „героев“ была вызвана биологическими мутациями, а сами они и поддерживавшие их группы, проводя завоевательные войны, следовали лишь биогеографическим законам развития монгольского, французского или германского этносов?» (Козлов В. И. О биолого-географической концепции этнической истории. – «Вопросы истории», 1974, № 12, с. 83).

Однажды, выступив одновременно с Л. Н. Гумилевым (в журнале «Природа», 1970, № 2), академик Ю. В. Бромлей напомнил слова Гегеля о недопустимости «...указывать на климат Ионии как на причину творений Гомера или на честолюбие Цезаря как на причину падения

республиканского Рима».

В соответствии с основными взглядами Л. Н. Гумилева в его работах немало конкретных спорных высказываний, в частности по истории русского средневековья, и на них следует непременно остановиться, как на «любопытном образчике» объяснения второстепенными, часто надуманными причинами «явлений огромной важности».

«Для решения поставленного вопроса о столкновении монголов с Русью мы должны сделать экскурс в южнорусские степи, где в то время обитали „куманы, иже рекомые половцы“». Когда монголы вытеснили меркитов в долину Иргиза, обитавшие там куманы (половцы) приняли беглецов, тем самым став врагами монголов». И этот, так сказать, проступок половцев называется главной причиной войны с большим воинственным народом, пасшим свои стада от Иргиза до Днестра! Ну хорошо, а какова была причина разорительного нашествия на богатейшие города, на цветущие долины Средней Азии? Очень, оказывается, простая! Хорезм-шах Мухаммед не пропустил караван купцов-разведчиков и казнил монгольских послов. «С этого эпизода начинается кровавая лавина, которой монголы прошли по Средней Азии», – пишет автор.

Первопричину же гибели русской средневековой цивилизации, оказывается, следует искать на Калке, где были убиты «послы» Орды...

Вернемся на Калку, чтобы разобрать очень непростую дипломатическую ситуацию, сложившуюся перед битвой, и военно-тактическую – во время нее. Тумены орды, ведомые Субудаем и Чжебе, обошли дербентским проходом Кавказский хребет, опустошив перед этим земли афганцев, персов, азербайджанцев, армян, грузин. Обогащенные драгоценной и транспортабельной добычей – сокровищами древних народов, воинственные пришельцы, быть может, уже грезили о далеких родных юртах, путь к которым лежал теперь через всю Великую Степь. Однако на подступах к этой степи они натолкнулись на отчаянное сопротивление аланов, или ясов, предков нынешних осетин, рядом с которыми встали воины других северокавказских народов и многочисленное половецкое войско во главе с ханом Котьяком, отлично понимавшим, что его народ обречен, если орда из этих тесных гор вырвется на травяные просторы. В ущельях и распадках она лишалась маневренности, не могла использовать своей массивированной мощи, и дело, говоря по-современному, запахло керосином. Тогда Субудай и Чжебе предложили половцам вроде бы обоюдновыгодное соглашение – мы-де, татары, и вы, кипчаки, одного степного рода, а ваши союзники ясы – чужие и вам, и нам по крови; договоримся не трогать друг друга, и вы за это получите множество лошадей, нагруженных золотом и парчой.

Коварный замысел полностью осуществился – половцы, получив обещанное, предали ясов, покинули кавказские предгорья и рассыпались по своим становищам, а орда прошла с мечом и огнем по Северному Кавказу, причем часть ясов примкнула к победителям и вместе с ними устремилась на север, чтоб отомстить половцам за измену.

«Монголы вели войну корректно», – пишет Л. Н. Гумилев, замалчивая, однако, правду о подлом обмане в 1223 году половцев, дружить с коими пришельцы договорились! Орда с лихвой вернула подаренную добычу, дочиста разграбив половецкие становища, столь корректно «отблагодарив» за доверие, победу над ясами и их северокавказскими соседями. Половцы в поисках спасения и защиты устремились на Русь, во главе с тем же Котьяком, сообщившим, что «сей род неведомо откуда приде, днесь землю нашу поплениша, а вашу заутро пришед, возьмут».

Русские князья немедленно «начаша воинство велие совокупляти», отложив традиционные распри: «Аще мы сим не поможем, и предадутся половцы татарам, то тяжчае ны

будет». Поднял рать великий князь киевский Мстислав Романович, пришли с войсками Мстислав козельский и черниговский, Мстислав Мстиславович галицкий, Владимир Рюрикович смоленский, Олег курский «и друзи мнози князи». Короче, собралась, словно по давнему призыву автора «Слова о полку игореве», почти вся Русская земля. «Тогда татарове, уведавше, прислаша послы своя, рекуще: „почто хотите на ны итти кровь пролияти? Мы же не приидохом на вы, ниже на землю вашу и ничто вамо заяхом, а имамы рать с половцы. И аще хотите покой имети, устройе мир, половец же к себе не приемлите“». Это был тот же, только что успешно использованный на Кавказе, «ход конем»! Конечно, половцы, у которых тоже было рыльце в пушку, рассказали русским о «корректности» полководцев орды, поэтому «князи же рустии прияша сие зло, яко татаре сольстити хошут, не послушаху» послов, разгадали коварный замысел пришельцев, намеревавшихся разбить врагов поодиночке. И вот послы-разведчики были убиты. Не раз и не два, что становится даже навязчивым, Л. Н. Гумилев утверждает, будто войны, что вела орда, вызывались убийствами ее послов, и этим простым логическим перевертышем все жертвы страшной агрессии превращаются в виновных.

Издравле предполагается, что посол – выравнитель, успокоитель международных отношений, посредник добрососедства, а «послы» орды были не кем и не чем иным, как последними разведчиками и провокаторами, предъявляющими оскорбительные и непомерные требования грабительского войска, готового в любом случае броситься на очередную жертву. Ничего не стоит выбрать из подробностей бесчисленных военных походов орды несколько примеров убийства ее лазутчиков или ультимативных провокаторов, но правильно ли, не разобрав ни одного конкретного случая, строить на этих единичных фактах целую концепцию? Конечно, то время было жестоким для всех, и где-то, возможно, посланцы орды были убиты по случайности, всегда и везде непредусмотренно нарушавшей любую закономерность мирного человеческого общежития или военной обстановки, где-то из-за их безмерно наглых, оскорбительных требований, предусматривающих, скажем, выдачу княжеских жен и дочерей полководцам орды, где-то из-за военно-тактических соображений момента, дабы, например, уничтожить соглядатаев-врагов, увидевших крепостные сооружения и силы осажденных, отрезать себе путь к отступлению или капитуляции, ожесточить обороняющихся, чтоб они защищались, не рассчитывая на пощаду. Люди средневековья, конечно, куда лучше, предметнее нас представляли себе организованную беспощадность и аморальность орды...

Да, послы орды, впервые появившихся в 1223 году у границ Руси, как свидетельствует русская летопись, действительно убили, и якобы в ответ на это победители «так жестоко расправились» с русскими князьями, «настелив на них, связанных, доски и под стоны, хруст ребер и грудных клеток устроив пир над полководцами врага, задышающимися от унижения и ярости, один за другим умирающими от ран».

Однако кем были убиты эти «послы», история в точности не знает. В. Ян в свое время писал, что *послы-сольстители были на обратном пути перебиты половцами*. В таком случае казнь русских князей после битвы – не отмщение за убийство послов, а убийство послов – отмщение половцами за коварное нарушение северокавказского договора, разгром их становищ и вернейший способ исключить любые дипломатические варианты как для орды, так и для русских.

Было, однако, некое историческое обстоятельство, важное для прояснения ситуации. Когда русские войска «сташа на Днепре», «татарове прислаша другие послы, рекуще: „почто послушали есте половец конюхов и послы наша избиша? И оже мира не хотите, идите к нам, а мы готовы. *Князь же велики отпусти послы тья*“ » (курсив мой. – В. Ч.). Если русские по своей этической недоразвитости не понимали общепринятых еще с доисторических времен деликатностей в обращении с послами, то почему они их отпустили на этот раз, когда терять

стало нечего и вопрос о скорой битве не на жизнь, а на смерть был предрешен?..

Субудаю пришлось хорошо подумать, как выманить русскополовецкие отряды в степь, рассыпать и лишитъ объединенной, ударной силы, а потом свершить привычное и простое дело, да так, чтобы надолго запомнили эти наивные урусы каменный мешок Калки-реки, которую, как говорили в Степи, вечное синее небо послало Субудаю, он-то знал, что сам нашел ее на половецкой земле и выбрал местом беспроегрышного сражения; противники за *восемь* суток беспорядочного преследования мелких конных отрядов истощили свои силы в безводной степи, а его воинство хорошо отдохнуло за эту неделю у прохладной, с высокотравными берегами реки.

В своей массовой публикации («С точки зрения Клио». – Журнал «Дружба народов», 1977, № 2) Л. Н. Гумилев снова утверждает, будто монголы вообще «объясняли войну против Руси как месть за убийство их послов!» Но «каков же был первый камешек этой лавины?» – спрашивает автор и отвечает с прежней последовательностью, выставляя попутно совершенно другую причину, вызвавшую «войну против Руси», и «подкрепляя» свою концепцию очередной подменой понятий, возвращающей нас на Калку: «Убийство послов русскими князьями, среди которых был Мстислав Козельский и Черниговский, монголы восприняли как предательство гостей, что, как известно, в Степи считалось худшим из преступлений. Нападение на свое отступавшее войско они сочли вызовом, на который ответили кровавым набегом в 1237–1241 годах...»

Да, довелось дожить до таких времен, когда недоказанное убийство «послов» орды русскими князьями выдается за непреложный факт, сам этот сомнительный факт – за главную причину неслыханного нашествия, когда организованные степные грабители именуется *гостями*, а беспорядочное преследование разрозненными отрядами русских арьергарда быстрой конницы, без риска и потерь заманивающей врага в смертельную ловушку, *нападением на отступающее войско*, даже вызовом; удивительно, что все это печатается огромным тиражом в современном периодическом журнале!..

Но если первый «камешек» завоевательной лавины – бегство меркитов под защиту половцев, за что монголы должны были непременно отомстить, «ради чего и появились в 1223 году в донских степях», то ради чего они появились в степях и горах, принадлежавших киданям, меркитам, найманам, в государствах чжурчжэней и тангутов, в Корее, Индии, Афганистане, Иране, Азербайджане, Багдадском халифате, Грузии, Сирии, Армении, Китае, в Крыму, Польше, Моравии, Далмации, в Поднестровье, Тибете, Бирме, Вьетнаме, у японских берегов и даже на острове Ява? Ради чего они на обширных просторах Евразии творили неслыханные жестокости?

Монголы, как сообщает Л. Н. Гумилев, своих убивали «охотно, но просто» – ломали спину или вырывали сердце; чужих еще более охотно и не так «просто» – снимали скальпы, расчленили по суставам, живьем сжигали в кострах. В кафедральном соборе польского города Сандомира я видел тридцать три огромные картины, изображающие исторические подробности нашествия орды. На каждом из полотен – новые изощренные способы умерщвления, которым подверглись здешние священники и монахи в 1240 году. Однако самые, должно быть, чудовищные казни придумывал, как свидетельствует история, Хулагу, брат великого хана Монке, посланный завоевывать Переднюю Азию. Разгромив Багдадский халифат и казнив последнего аббасида, он направил угрожающее ультимативное письмо владельцу Сирии Насиру, правнуку знаменитого Саладина, главного врага крестоносцев. Насир с достоинством ответил: «Ваше высочество, мне пишете, что считаете себя орудием божьей кары, обращенным на тех, кто заслуживает его справедливый гнев, что вы нечувствительны к людской скорби, что вас не трогают человеческие слезы и что бог исторг из вашего сердца всякое чувство жалости.

В этом вы правы: это величайшие из ваших пороков, и в то же время это черты характера, которые свойственны дьяволу, а не должны быть присущи государю. Это добровольное признание вас позорит». Защитника Мосула князя Салиха Хулагу приказал зашить в бараньи шкуры и обречь на медленную смерть от зноя и червей. Другому арабскому князю, одному из потомков Саладина, он вырывал клещами куски мяса из тела и забивал ими рот жертвы...

Нет, нашествия орды объяснялись вовсе не мстью за укрытие беглецов, уничтожение «послов» или преследование «отступавших»! Причинами нашествия было: добывание в походе прокорма для воинов и лошадей, захват драгоценностей, дорогих мехов и тканей, скота, наложниц и рабов для паразитической степной олигархии, обращение народов и государств в бесправных данников; жестокости же орды стали проверенным способом деморализации жертв страхом.

Тему о мифических посольско-дипломатических деликатностях, якобы морально возвышавших степных завоевателей XII века над прочими народами, хорошо иллюстрирует один пример. Открывая кровавую эпоху внешне-военной экспансии, Чингиз-хан в 1210 году грязно оскорбляет посла соседнего государства чжурчжэней, как бы завещая своим потомкам, если они сильны, презирать любые правила международных отношений. Г. Е. Грумм-Гржимайло: «История показывает, что монголы не придавали большого значения договорам и вообще не стеснялись нарушать свое слово, данное врагу даже при самой торжественной обстановке».

А Л. Н. Гумилев настойчиво продолжает поиск оправдательных причин военной степной агрессии XIII века. Пишет: «Влекомые по степи необходимостью закрепиться на каком-то рубеже, – а это было непросто, – монголы дошли до самой Палестины, где только и были отбиты». Не повальный разбойничий грабеж, не обращение в рабов и данников всех встречных народов ради обогащения олигархической степной верхушки, удовлетворения ее непомерного властолюбия, а, оказывается, необходимость «закрепиться на каком-то рубеже» влекла по Евразии орду, трудностям закрепления которой «на каком-то рубеже» современный историк даже вроде бы сочувствует!

Итак, «объективные» природные факторы и несколько донельзя субъективных и частных причин якобы вызвали невиданные в истории человечества захватнические войны! Конкретно обвиняются солнце, циклоны и дожди, а также недалекие и недогадливые жертвы агрессии с их, получается, незаконными правами на самозащиту, претензиями на человеческое достоинство и свободу, стремлениями помочь в беде соседям; такого, кажется, еще никогда не бывало в исторической науке... Самое, пожалуй, удивительное в концепции Л. Н. Гумилева то, что он категорически отрицает основную исходную причину, из-за которой «монголы оказались в Восточной Европе». Он пишет: «Распространенное мнение заключается в том, что они стремились „завоевать мир“. В 30-е годы эта идея была настолько распространена, что даже известный романист В. Ян озаглавил финальную часть своей трилогии о монголах „К последнему морю“, имея в виду Адриатику. Для наших современников, к счастью, этот вопрос не столь ясен, и они значительно менее категоричны». Подумать только – «к счастью»!

Но ведь это «распространенное мнение» считалось аксиомой не только в 30-е годы XX века, но даже в 30-е годы XIII века! Решение о нашествии на Европу было принято в 1229 и 1235 гг. общемонгольскими курултаями, исполнявшими наказы умершего Чингиса. Снова раскрываю «Юань-чао би-ши», в которой есть некоторые подробности, важные для нашей темы. «Огэдай (Угедей), вступивши на престол, так совещался с братом своим Чаадаем (Чагатаем): „Отец наш, царь Чингис, оставил народы еще не завоеванные...“» (Здесь первый переводчик памятника П. И. Кафаров считает не лишним сделать примечание, уточняющее

значение китайских иероглифов: «вэй вань ди» – собственно «недоконченные»)… В перечислении этих «недоконченных» народов некоторые их названия вполне понятны современному читателю: Кэшмир (северо-индийская провинция), Кича (кипчаки), Булгар (государство волжских болгар), Асу (ясы, осетины), Олусу (урусы, русские), а в китайской «Юань-ши» («Истории монголов») упоминаются еще и не-ми-сы (немцы)…

С эпохи средневековья об этой химерической идее знала и Европа. Венгерский монах Юлиан, побывавший осенью 1237 года в южнорусских степях, первым донес до западных стран весть, что татары собираются, как он писал; «подчинить себе весь мир». Несколько позже Плато Карпини подтвердил: «Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир».

Л. Н. Гумилев, оказывается, все же осведомлен неплохо, если через несколько страниц, забыв, очевидно, о том, что утверждал ранее, пишет: «...в пролитой крови утонула идея *всемирной* (курсив мой. – В. Ч.) монгольской монархии». Значит, она, идея эта, все же существовала?

Для наших современников это совершенно ясно еще и потому, что найден подлинный манускрипт середины XIII века, редчайший и ценнейший политический документ, из первых рук свидетельствующий об идее всемирной монгольской империи. Это письмо самого Гуюк-хана, привезенное Плато Карпини осенью 1247 года папе римскому Иннокентию IV в ответ на его буллу.

История письма драматична и несколько таинственна. О нем узнали еще в XIII веке из многочисленных рукописных копий записок Плато Карпини, а позже – из печатных изданий и переводов его книги. Папский посол поведал, что перед отъездом на родину ему вручили это письмо, которое он перевел на латынь. Ханские писцы заставили переводить его обратно отдельными фразами, «желая знать, не ошибаемся ли мы в каком-нибудь слове, и приговаривая: „смотрите, чтобы все хорошенько понять, так как нет пользы от того, что вы не поймете всего...“. Затем они вручили подлинник письма, дважды скрепив его ханской печатью. Он был написан „по-сарацински“, „чтобы можно было найти кого-нибудь в тех странах, кто прочитал бы его, если пожелает Господин Папа“».

И вот случилось так, что письмо потерялось, – ни латинского, ни «сарацинского» текстов! Либо «Господин Папа» и его преемники не пожелали, чтоб кто-то прочел наглое и унижительное ханское послание, либо необъятные ватиканские архивы были в таком состоянии, что найти ценнейший исторический документ не удавалось почти семь веков. Историки не только не знали содержания письма, но долго и безуспешно гадали, что вообще это значит – «по-сарацински»...

Представляю волнение и радость польского ученого монаха Кирилла Каралевского, который обнаружил в архивах Ватикана узкий и длинный, более метра, свиток, склеенный из двух кусков ветхой бумаги. Большие красные печати, персидские письмена... Это случилось лишь в... 1920 году!

Виднейшие тюркологи, иранисты и монголоведы перевели текст ханского послания к главе европейского христианского мира. За угрожающей вводной строкой, написанной по-тюркски: «Силою вечного неба (мы) Далай-хан всего великого народа; наш приказ», – следовало предостерегающее, приказное, презрительное, хотя местами и не совсем внятное письмо, в котором явные и скрытые угрозы перемежаются сменяются покровительственной иронией, оправданиями кровавых агрессий... убийствами послов (!), принципиальным провозглашением права грабить и уничтожать народы, наглейшими ультимативными требованиями и, наконец, – именем бога! – прямой угрозой войны. Вот это интереснейшее письмо-приказ слово в слово: «Это приказ, посланный великому папе, чтобы он его знал и

понял».

После того как держали совет области Karal (Керулен), вы нам отправили просьбу о покорности, что было услышано от ваших послов. И если вы поступаете по словам вашим, то ты, который есть великий папа, приходите вместе сами к нашей особе, чтобы каждый приказ Ясы мы вас заставили выслушать в это самое время.

И еще. Вы сказали, что если я приму крещение, то это будет хорошо; ты умно поступил, прислав к нам прошение, но мы эту твою просьбу не поняли.

И еще. Вы послали мне такие слова: «Вы взяли всю область Majar (Венгров) и Kiristan (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?» И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингисхан и Каан послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказа бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. (Так вот, оказывается, *какие* монголы объясняли войны и жестокости убийствами их «послов»! – В. Ч.) В этих землях силою вечного бога люди были убиты и уничтожены. Некоторые по приказу бога спаслись, по его единой силе. Как человек может взять и убить, как он может хватать (и заточать в темницу)?

Разве так ты говоришь: «Я христианин, я люблю бога, я презираю и...» Каким образом ты знаешь, что бог отпускает грехи и по своей благодати жалуется милосердие, как можешь ты знать его, потому что произносишь такие слова?

Силою бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно «мы станем вашими подданными, мы отдадим вам все свое имущество». Ты сам во главе королей, все вместе без исключения, придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися. И если вы не последуете приказу бога и воспротивитесь нашим приказам, то вы станете (нашими) врагами.

Вот что вам следует знать. А если «вы поступите иначе, то разве мы знаем, что будет, одному богу это известно.

В последние дни джамада-оль-ахар года 644 (3–11 ноября 1246 г.)».

На печатях же переводчики прочли следующий текст: «Силою вечного неба народа великих Монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть боятся».

Удивительное совпадение: Чингисхан, Угедей-хан, Бату-хан и Гуюк-хан – первые враги и губители монгольского народа – вместе со своими раздувшимися от человеческой крови военными советниками цинично оправдывали собственные преступления именем бога; много позже Наполеон изрек, что именно бог возложил на него императорскую корону и горе-де тому, кто к ней прикоснется; исторически совсем недавно ворвалась на нашу землю бронированная западная орда, солдаты которой носили ременные пряжки с надписью «Gott mit Uns», то есть «С нами бог».

Заключительная часть статьи Л. Н. Гумилева звучит так:

«Найдены развалины Трои, раскопана Вавилонская башня, спасены сокровища Тутанхамона, прочтены иероглифы майя, раскрыта подделка летописи, совершенная Иваном Грозным, оспорен односторонний взгляд на монголов...

Хвала Клио!»

Удивительно не то, что Л. Н. Гумилев полагает, будто им руководит божество, – удивляет и, правду сказать, поражает скромность ученого.

Свято верю в науку, это единственное средство проникнуть в тайны природы, понять

закономерности развития общества, познать человеку самого себя. Допускаю в числе научных методов познания сущего гипотезы, анализ более или менее достоверного и более или менее спорные выводы и предположительные обобщения. Однако нет, кажется, в сегодняшнем научном арсенале способов, которые помогли бы раскрыть причины заведомо ненаучного подбора фактов и тенденциозного истолкования исторических истин.

Среди некоторой части современных ученых стало почти модным преподносить под видом «гипотез» или популяризаторских литературных упражнений выдумки чистой воды, не затрудняя себя доказательствами их достоверности. Так, доктор исторических наук Г. Б. Федоров и М. Г. Федорова, описывая в своем беллетризованном повествовании «Игнач крест» остановку орды Бату-Субудая перед Новгородом, не только изображают никогда не существовавшего князя Андрея, который якобы попал в плен на Калке и под личиной гонца великого хана Угедея прибыл к Игначу кресту, убив по пути некоего внука Субудая и завладев его золотой пайцзой, но и устраивают встречу в лесу юного новгородского князя, будущего Александра Невского, с самим Батыем! (Наука и жизнь, 1983, № 2). А через два номера тот же журнал напечатал статью кандидата биологических наук В. Назарова, который, в частности, считает, что орда Бату-Субудая для прокорма своих лошадей... везла с собой сено! Его якобы кто-то заготовил по степным районам в невероятном количестве – 144 тысячи тонн, а для перевозки этого фуража по заснеженной и бездорожной зимней Руси «потребовалось 48 тысяч подвод»!

Тираж популярного журнала 3 миллиона экземпляров, и, значит, его прочтет с десятков миллионов читателей. Подобные домыслы и предположения, обременяя память массового читателя, грозят превратить историю в сборник анекдотов и наносят вред не меньший, чем предвзятое и преднамеренное искажение фактов или целенаправленное смещение исторических акцентов – эту дорожку давно торит доктор исторических наук и доктор географических наук Л. Н. Гумилев, опирающийся в исследованиях на свой так называемый «дедуктивный» метод.

Пожалуй, не стоило бы уделять такое внимание антиисторическим искусственным построениям Л. Н. Гумилева, если б он не был столь настойчив и последователен, пропандируя свои, мягко говоря, сомнительные концепции в массовой печати, а его возможные оппоненты столь молчаливы. И вот я, русский писатель, интересующийся родной историей и отнюдь не претендующий ни на какие открытия в ней, снова раскрываю его книгу: «Две кампании, выигранные монголами в 1237–1238 и 1240 гг., ненамного уменьшили русский военный потенциал. Например, в Великой Руси пострадали города Рязань, Владимир и маленькие Суздаль, Торжок и Козельск» (Поиски вымышленного царства, с. 328–329).

Две короткие фразы, но сколько в них пренебрежения очевидными данными истории, сколько сознательно передернутых фактов, сколько оскорбительного для наших предков, а значит, и для нас! Неожиданные грабительские набеги орды уважительно именуются «кампаниями», которые так называемые монголы «выиграли». «Военный потенциал» и «города» – не одно и то же, так что пример в данном случае логически неоправдан, ненаучен, и «широкий круг читателей» в этом месте, надеюсь, еще раз недоуменно и широко разведет руками, расширив круг *понимающих*. Называя далее «Великой Русью», должно быть, Рязанское и Владимиро-Суздальское княжества XIII века, автор числит в них Козельск, принадлежавший Черниговской земле в качестве центра его дальнего удельного княжества, и Торжок, что, не будучи княжеским уделом, вел большую и самостоятельную торговлю, являясь фактически торговым филиалом и новгородцев, и владимирцев, и тверян, административно-пограничным пунктом и военной крепостью общерусского значения, состоявший в 1237 году под протекторатом Новгорода. Впрочем, это мелочь, и куда важнее здесь общий список городов и будто бы мимолетное словцо «пострадали»...

Что бы вы подумали, дорогой читатель, если б вдруг узнали, что в 2700 году, то есть также через семьсот с лишним лет после событий, некий ученый напечатает на нашей с вами родине книгу, в которой сделает следующее сенсационное открытие: за несколько кампаний, «выигранных» немецкими фашистами в 1941–1942 гг., *пострадали* города Минск, Сталинград и маленькие Торжок, Жиздра и Козельск? Такое сравнение при всей его полемичности хорошо иллюстрирует методику Л. Н. Гумилева. Ведь почти во всех русских городах орда *полностью уничтожала* жилища и население, включая, как сообщается в летописях, младенцев, «сосущих млеко», а если уж затевать разговор об истинных масштабах разорения Руси в 1239–1240 годах, то как можно делать вид, что за эти годы не были превращены в руины Киев, Чернигов, Переяславль, Новгород-Северский, Владимир-Волынский, Галич и превеликое множество других русских городов?!

Доктор исторических наук П. П. Толочко пишет: «О разгроме Южной Руси Л. Н. Гумилев просто умалчивает. Правда, был разорен Киев (отрицать этот факт исследователь не решился), но случилось это, „потому что киевляне убили монгольских парламентариев“... Старание Л. Н. Гумилева преуменьшить результаты монголо-татарского нашествия в XIII в. резко расходится с данными науки...» (Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев, 1980, с. 209).

Что же касается территории еще не существовавшей тогда «Великой Руси», то я приведу здесь примерный список городов, разграбленных и сожженных ордой только за зиму 1237/38 года в Рязанском и Владимирском княжествах: Пронск, Бель, Ижеславец, Исады, Новый Ольгов, Борисов-Глебов, Старая Рязань, Рославль, Коломна, Москва, Стародуб-наКлязьме, Владимир, Суздаль, Ростов, Боголюбов, Юрьев-Польской, Переяславль-Залесский, Городец, Константинов, Кострома, Дмитров, Мышкин, Кснятин, Кашин, Бежецк, Углич, Ярославль, Красный Холм, Волок Ламский, Тверь – тридцать городов!

Вы заметили, конечно, дорогой читатель, что я не упоминаю в этом длинном списке, отдельно числа, героически сражавшиеся Торжок и Козельск, – они были уничтожены весной 1238 года и не входили в состав Рязанского или Владимирского княжеств. Не называю я также больших городов «Великой Руси» Муром и Нижнего Новгорода, разоренных ордой в 1239 году, Вологды, тоже павшей, согласно Воскресенской летописи, зимой 1238 года, смоленских и черниговских Ржева и Дорогобужа, Ельни, Вязьмы и Облоvia, Вщижа и Серенска. Учтем также, что не все тогдашние города успели попасть в летописи, судьба многих известных – неизвестна, и я вспоминаю заметки Александра Грибоедова, который живо интересовался историей и топонимикой средневековой Руси. Называются эти записи «Desiderata», то есть «Пожелания», и вот одно место из них: «Между именами городов великого княжества Рязанского в исчислении русских городов (...) иные нам знакомы, другие вовсе исчезли. Наша историческая география много бы свету приобрела, кабы кто потрудились определить их местоположение. Например, где полагать должно *Торческ*, Тешилов, Крылатеск, Неринск (Нерильск?), Кулатеск и тот *Рославль* или лучше *Ярославль-Польский*» . (курсив А. С. Грибоедова. – В. Ч.).

Как мог ученый-источниковед пренебречь общеизвестным свидетельством летописца, который с пунктуальной точностью сообщает об успехах первой, так сказать, кампании орды на Владимирской земле: «В един февраль месяц взяша четырнадцать градов»? И пусть большинство из них были действительно маленькими, но почему из общего количества разрушенных русских городов называется ничтожная их доля? Неужто затем, чтобы искусственно, хотя и в неясных целях, приуменьшить тяжкую напасть, что обрушилась на Русь лютой зимой 1237/38 года?

Это по меньшей мере грешно: наши далекие предки, подарившие нам величайшее счастье – жизнь на земле, пустыми глазами смотрят нам вслед, а их уцелевшие современники уже

тогда точно и кратко назвали то, что произошло, *погибелью Русской земли*.

«Поищем причину „погибели“?» – попутно спрашивает Л. Н. Гумилев и тут же отвечает: «Только ослепление непомерным эгоизмом лишило князей Рюрикава дома воли к сопротивлению. Только их полная неспособность объединиться...» Ах, как все, оказывается, просто!..

Исторически сложившаяся феодальная раздробленность, малочисленность дружин и ратей, большие труднопреодолимые расстояния для оповещения и сборов войск у русских, и в то же время прекрасно поставленная разведка, внезапность нападения, огромный боевой опыт и гибкая военная тактика степняков, наличие у них новейшего оружия – китайских баллист и чжурчжэньского огня, жестокость как средство деморализации противника, умение заинтересовать и обеспечить разбойничьей добычей, собрать и дисциплинировать беспрерывными казнями большое разноплеменное и разноязычное войско – вот некоторые подлинные и достаточно важные причины побед орды.

Назвав лишь пять «пострадавших» городов «Великой Руси», автор тут же делает очередное сногшибательное открытие: «Прочие города сдались на капитуляцию и были пощажены». Ни больше ни меньше! Но разве ж не было сражения под Коломной, во время которого погиб воевода Еремей Глебович, а из осаждавших – сын самого Чингиса Кулькан? Разве не сражались с мужеством и яростью герои-москвичи? Они хорошо понимали, что обречены – «зане не успеха утвердити» крепостных стен. И вот внезапно напавшее многотысячное войско врага только *пятидневным* штурмом овладело будущей великой русской столицей, захватив в плен дорогую добычу – Владимира Юрьевича, сына великого князя, руководившего обороной. Рязань, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Боголюбов да и все другие большие и маленькие русские города, о которых с таким пренебрежением пишет Л. Н. Гумилев, стояли в те трагические дни насмерть, бились до последнего человека, способного держать в руках топор или меч, варить и лить со стен смолу, ковать багры и наконечники стрел, метать камни. Несчетные тысячи дружинников, воевод, ополченцев, мирных жителей и не меньше пятнадцати русских князей погибли в зиму 1237/38 года; и нельзя выбросить из истории это общенародное и повсеместное сопротивление врагу, нельзя допустить попыток опорочить наших предков!

Напомню: знаменитый русский историк XIX века Н. И. Костомаров писал, что при нашествии орды на Русь «не сдался ни один город, ни один князь». Советский академик М. Н. Тихомиров: «Мы не знаем русского города, который сдался бы на милость победителя».

37

Камушки, небрежно брошенные в прошлое, рожают лавину новых противоречивых и спорных положений. Намереваясь и в последующую историю средневековой Руси внести необходимую ясность, Л. Н. Гумилев утверждает, что после нашествия Батыя «Золотая Орда превратилась в восточноевропейское государство, где большинство населения было русским. Разумеется, порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века, был далек от идеала, но любое другое решение было бы худшим». И далее: «Осуществлялся симбиоз Великороссии с Золотой Ордой», «тесный союз Орды и Руси».

Прежде всего Золотая Орда не была восточноевропейским государством, и русские в ней не составляли большинства хотя бы потому, что их княжества не входили в состав улуса Бату. И не было в те времена ни «Великороссии», ни Золотой Орды, которая так стала называться значительно позже, включая земли волжских болгар, мордвы, буртасов и черемисов (мари), башкирские и половецкие степи из конца в конец, Северный и Восточный Кавказ, Крым,

северные районы, часть Средней Азии, где в одном только бывшем Хорезмском султанате сам автор числит двадцать миллионов человек. В это непрочное феодальное образование были включены также Поднестровье, вся Западная Сибирь, и на карте Евразии оно выглядело гигантским ромбовидным многоугольником, по углам коего располагались дельта Дуная, бассейн сибирской реки Чулыма, понизовья Оби, Сырдарьи и Амударьи.

Что же представлял собою этот «симбиоз» и «тесный союз», не «с точки зрения Клио», а на самом деле, с точки зрения очевидцев и хроникеров, и насколько «порядок, установленный таким образом на Руси во второй половине XIII века», был «далек от идеала»?

Замечательный русский писатель Серапион Владимирский, очевидец «нового порядка» на Руси XIII века, писал эпически просто и трагично: «Кровь и отец и братья наша, аки вода многа, землю напои... множайша же братья и чада наша в плен ведени быша; села наши лядиною проросташа, и величество наше смирися; красота паша погыбе; богатство наша... труд наш погании наследоваше... земля наша иноплеменником в достояние бысть».

А вот еще один документ. Через лупу рассматриваю узкую полоску бумаги, факсимильно воспроизведенную в прошлом веке с подлинника; ветхую, исписанную неведомым средневековым писцом старославянскими ломаными буквами. Этому документу нет цены! Найден он в Любече, на родине преподобного Антония, основавшего в XI веке Киево-Печерскую обитель.

Дважды бывал я в Любече. Подолгу любовался я днепровскими далями с холма, на котором когда-то красовался замок Владимира Мономаха и где в 1096 году состоялся знаменитый Любечский съезд князей. Любеч уцелел от нашествия орды, но ничего в нем с той поры не осталось, кроме памяти, закрепленной в списке, лежащем передо мной. Хранился документ в монастыре, после упразднения которого он в 1786 году был передан в любечскую церковь Воскресения Господня, где его и обнаружили в середине прошлого века.

Поминальный список черниговских князей – тоненький лучик в далекое прошлое. Ученые и любители старины не раз обращались к Любечскому синоднику, чтоб найти в нем ответы на давние загадки.

Выписываю для себя имена тех, кого много веков здесь поминали при церковных службах: «Князя Дмитрия Черниговского, убиенного от татар за православную веру», «Князя Иоанна Путивльского, стратотерпца и чудотворца, убиенного от татар за Христианы», «Князя Дмитрия Курского, княгиню его Феодору и сына их Василия, убиенного от татар», «Князя Александра Новосильского, убиенного от татар за православную веру, и князя Сергея Александровича, убиенного от татар».

Летописцы не заметили ни одного из этих князей! Но вот и знакомое всем нам имя: «Князя Василия Козельского, убиенного от татар за православную веру». За ним – Михаил черниговский. Этот внук Святослава Всеволодича, героя «Слова о полку Игореве», открывает новую трагическую страницу нашего путешествия в XIII век. Венгерский монах Юлиан писал о жестокости восточных властителей: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление». Плано Карпини: «Они посылают также за государями земель, чтобы те явились к ним без промедления, а когда они придут, то не получают никакого должного почета, а считаются, наряду с другими, презренными личностями. Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же позволяют вернуться, чтобы привлечь других, некоторых они губят также напитком или ядом».

Михаил черниговский, казненный в Орде по приказу Батыя в 1246 году, – его, 67-летнего старика, долго били пяткой против сердца, – был не первой жертвой нового «порядка», установленного на Руси после нашествия, и далеко не последней. Почти одновременно с ним,

как известно, погиб отец Александра Невского великий князь Ярослав Всеволодович, отравленный Туракиней, матерью Гуюка. В разное время погибли в Орде рязанские князья Роман Ольгович, Иван Ярославич, Василий Константинович и еще один Василий, чье отчество неизвестно, тверские Михаил Ярославич, Дмитрий Михайлович Грозные Очи, Александр Михайлович и Федор Александрович, а также Андрей Мстиславич черниговский, Ярослав Ярославич суздальский и другие, и все эти жертвы приходятся на первые сто лет владычества Орды над Русью – таким-то был на деле «симбиоз» между ними!

Этот погостный список можно бы дополнить длинным перечнем князей и княжичей, которых Орда держала в качестве заложников, открыв его Олегом Игоревичем Красным. «Повесть о разорении Рязани Батыем» рассказывает, как погибли близ пределов рязанских «полки русские, полки храбрые» и вместе с великим князем рязанским Георгием Игоревичем (Юрием Ингоричем) «единую испили чашу смертную» его братья Давид муромский и Глеб коломенский. К концу битвы оставался в живых только Олег Игоревич.

Видел царь Батый Олега Игоревича,
Изнемогающего от великих ран,
И видел в бою его мужество,
И велел излечить от великих ран,
И для славы своей ему жизнь даровал.
Князь же Олег Игоревич
Гневно укорял царя Батыя,
Называл его безбожником
И врагом народа крестьянского.
Окаянный же Батый дохнул
Огнем мерзкого сердца своего
И повелел князя Игоревича
На части дробить ножами острыми,
И принял он венец своего страдания...

Давид и Глеб Игоревичи известны только по этой героико-трагической повести, летописи о них молчат. Что же касается Олега Красного, то В. Н. Татищев, основываясь на каком-то утраченном источнике, впервые упоминает его под 1235 годом, а Воскресенская летопись отрицает фольклорную версию – Олег не погиб под Пронском, но был раненым уведен в Орду, где провел целых четырнадцать лет, и возвратился в Рязань, по сообщению Лаврентьевской летописи, только в 1252 году. С него начался список княжичей-аманатов, которых в Орде удерживали годами, чтобы обеспечить повиновение их отцов-князей. В разные годы там жили под постоянной угрозой смерти сыновья великого князя Дмитрия Константиновича суздальского Василий Кирдяпа и Семен, сын великого князя Михаила Александровича тверского Александр, сын Бориса Константиновича нижегородского Иван, сын Олега Дмитриевича рязанского Родослав и другие.

А сколько князей вынуждено было приезжать в Орду на поклон, подвергаясь унижительным процедурам шаманского «бешення и кудейства»! «О, злее зла честь татарская!» – горестно воскликнул летописец после явки к хану самого Даниила Галицкого. Александр Невский, кстати, был первым русским князем, который в 1242 году побывал в Орде. Потом ездил туда еще трижды. Из последней поездки он не вернулся, умерев по дороге домой от неведомого недуга в возрасте сорока трех лет. У нас нет доказательств, что он, как и его отец, был отравлен, но это отнюдь не исключено...

Навсегда останутся неизвестными погостные списки простых людей – русских, болгар, половцев, мари, мордвы, буртасов, адыге, черкесов, осетин, азербайджанцев, погибших по дороге в рабство от голода и холода, болезней и при попытках к бегству. Плано Карпини свидетельствовал, что в стране русских, «а также в Комании (то есть в половецких степях) мы нашли многочисленные головы и кости мертвых людей, лежащие на земле подобно навозу».

Л. Н. Гумилев пишет, будто «русские мастера ездили в Кара-Корум на заработки», только этого не подтверждают ни документы, ни очевидцы, ни умозаключения по каким-либо аналогам. На заработки в Кара-Корум! Русский человек не очень-то охотно едет и за семь верст, как говорится, киселя хлебать, а до Кара-Корума было семь тысяч верст тяжелой и опасной дороги. Да и было ли кому ездить-то на заработки? Плано Карпини писал, что в Орду из Руси насильно уводили каменщиков, плотников, вообще всех ремесленников и всех холостых мужчин и женщин. Кроме того, забирали каждого из трех сыновей из больших семейств, а также нищих, чтоб, наверное, уничтожить их как непродводящую часть населения. Оставшиеся облагались данью. «Когда Русские не могут дать больше золота или серебра, – свидетельствует Гильом де Робрук через десять лет после Плано Карпини, – татары уводят их и их малюток, как стада, чтобы караулить их животных».

По различным малотиражным специальным изданиям рассыпаны старые и новые документальные и археологические сведения о положении городских рабов, которые строили завоевателям города, храмы, дворцы, ковали оружие, обрабатывали драгоценности. Квалифицированные ремесленники вроде ювелира Кузьмы, сделавшего Гуюку золотой трон и квадратную печать, оттиски которой можно увидеть на письме хана римскому папе, жили семьями, а молодые рабы строили себе большие землянки, где они содержались под стражей. Рацион: хлеб на вес, «но очень немного» и «ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю». Одежда: «ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое», «иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках». Режим: «бьют как ослов». И это – симбиоз?!

Далекое – горькое и страшное! – время.

Никто и никогда не подсчитает, сколько людей было продано тогда в дальние страны. Из западноевропейского средневекового источника: «никакая другая торговля на Черном море в XIV–XV вв. не могла сравниться по важности с поставкой рабов в Египет». В работорговле Золотой Орды с Египтом, Сирией, Италией и Францией основным товаром были женщины. Итальянцы, например, закупали их в XIII веке на черноморских рынках в два раза больше, чем мужчин, а позже на одного раба брали четыре рабыни, причем неизменно по более высокой цене. В одном западноевропейском документе той поры названа самая большая цена, которая была заплачена за семнадцатилетнюю русскую девушку, – 2093 лиры, а самый ходовой разноплеменный живой товар сбывался по цене 136–139 лир «за штуку». Тамошние законодатели, кстати, в том же XIII веке разработали для рабов юридические нормы. В Руссильоне дети «белых татарок» Марф, Марий, Катерин и других, чьи имена не сохранились в документах, считались рабами, если даже они рождались от брака со свободным человеком, в Венеции провинившийся раб мог подвергнуться любой казни и пытке... (Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978).

Много воды утекло, много страшного и горького приключилось за семь веков на родной земле, но почему-то не забывается и то, что пережили наши пращуры в десятом – пятнадцатом поколениях!

Не работается, нестерпимо хочется курить, и я выхожу на Ордынский тупик, в котором стоит наш дом. К нему примыкает небольшой сквер, где красуется оригинальнейший памятник архитектуры, охраняемый государством. Стройная трехъярусная колокольня совершенных

пропорций и форм – Василий Баженов! С ней соединена трапезная классического стиля, расширенная двумя приделами. Небольшие изящные портики с колоннами ионического ордера глядят на обе стороны. И уж совсем полное отступление от канонов старого московского зодчества – так сказать, фасад, выходящий на Большую Ордынку. Это круглый храм без традиционных трех апсид.

Сколько ни смотрю на памятник, восстановленный после пожара 1812 года другим великим русским зодчим Осипом Бове, меня не покидает ощущение, что кроме смелых и нестандартных классических форм, пришедших с запада, есть в его облике и нечто восточное. Богатые и пестрые орнаментальные опояски, огромный сферический купол над закруглением алтарной части. Храм, должно быть, не случайно стоит именно здесь, на углу Ордынки и Ордынского тупика, и не случайно называется Всех Скорбящих Радости...

Смотрю налево, пропуская машины, идущие с Красной площади. Как хорошо поставлен на ней Покровский собор – архитектурное чудо XVI–XVII–XVIII–XIX–XX и так далее веков! Когда идешь с той стороны, от Исторического музея, он вырастает перед тобой, величественно подымается в небо и будто парит над пустотой Замоскворечья, как что-то неземное, сказочное, и только нелепый кирпич гостиницы, появившейся недавно, потеснил его слева своим серым углом.

Отсюда, с Большой Ордынки, гостиницы, к счастью, не видать. Иду к обводному каналу, «Канаве». От храма почти незаметно улица входит в изгиб. Левый ряд старинных домов ползет по неподвижным фасадам правого, и вот в небесном клинышке появляется шатровый придел Василия Блаженного, а за ним – купол за куполом – является каменная фантазия, целиком заполняя просвет Ордынки и... заслоненная какими-то каменными сараями сравнительно недавней кладки! По Черниговскому переулку, в котором стоит только что отреставрированный храм во имя Михаила черниговского и его боярина Федора, убиенных в Орде, перехожу на Пятницкую. Улица изгибается уже за Канавой, и опять весь просвет ее заполняет сказочный храм Бармы и Постника, олицетворяющий великий народный праздник давней победы. Памятник тоже частично заслонен рядовой постройкой прошлого века, сводящей на нет великолепное пространственное решение гениальных зодчих...

В табачном киоске беру папиросы и спички, разменивая рубль, и вдруг вздрагиваю, вспомнив, что наша основная сегодняшняя денежная единица пошла от самых горьких, и страшных времен в истории нашего народа.

В сущности, каждый предмет, на какой ни бросишь взгляд, имеет свою сложную и долгую биографию – будь то книга или часы, паспорт или компас, лампочка или монета; мир вещей нерасторжимыми узами связан с историей природы и людей... Вспоминаю, что в XIV веке великий московский князь платил Золотой Орде ежегодную «тягость» в 5000 рублей, новгородский – 1500; много это или мало?

Рубль. Кто не знает, что слово это образовано от глагола «рубить» и что-то когда-то и зачем-то разрубали, чтоб получить денежную единицу. Что, когда и зачем, вернее, почему?

Основной денежной единицей в домонгольской Руси была гривна, различная по весу и форме в разных княжествах, но я беру ее как среднюю денежную единицу, о коей есть подробные сведения в трудах историков. Это не монета, а золотой или серебряный брусок, и не маленький, не легонький – весил он чуть ли не полфунта, точнее 195 граммов. Впрочем, есть подсчеты, согласно которым усредненный вес гривны примерно семидесяти грамм. Реальную ценность серебряной гривны можно представить по ее покупной способности: за гривну можно было купить двести беличьих шкур, за пять гривен – раба. Серебро было в средневековой Руси привычным обиходным металлом, и цвет его издавна вошел в народную и

литературную поэтическую речь. Кроме «серебряна стружия», то есть древка копья, в «Слове о полку Игореве» упоминаются серебряная седина Святослава Всеволодовича, серебряные струи Сулы и серебряные берега Донца. А выкуп за попавшего в половецкий плен князя Игоря был назначен в 2000 серебряных гривен, за других князей – по 1000, за воевод – по 100–200 гривен. Если учесть, что в походе 1185 года участвовало кроме Игоря, еще три князя да несколько воевод, то простым сложением-умножением мы получим сумму, говорящую об огромных платежных возможностях Ольговичей.

В летописях то и дело встречаются сведения о золотых и серебряных княжеских подарках, выкупах и вкладах, и я приведу некоторые из них. Владимир Святой приказал выковать серебряные ложки для всей дружины, а в 996 году раздал нищим и убогим 300 гривен, очевидно, тоже серебра. В 1097 году Давид Игоревич дал польскому королю Владиславу 50 гривен золота. Владимир Мономах, крупнейший землевладелец средневековой Руси, подарил отцу 300 гривен золота. В 1123 году Василько выкупил у поляков Володаря перемышльского за 1200 гривен серебра. В 1130 году Всеволод пожертвовал: новгородскому Юрьеву монастырю «блюдо серебряно в 30 гривнь серебра». В 1146 году отец Игоря Святослав дал Ивану Берладнику в земле вятичей «отступного» – 200 гривен серебра и 12 гривен золота. В 1155 году Андрей Боголюбский взял в Суздаль икону Богородицы и «въскова в ню боле 30 гривень золота, проче серебра». В 1174 году Ярослав (Осмомысл) заплатил полякам за военную помощь 3 тысячи серебряных гривен. Изделия из драгоценных металлов и гривны были обычными и в торговле. В Смоленском, например, договоре 1219 года записано: «Аже латинский купить суды серебряные, дати ему весцю от гривны серебра по ногате смоленской».

Эти сведения привел я для того, чтобы читатель мог судить о княжеских богатствах домонгольской Руси, о почти невероятном количестве драгоценных металлов, находящихся и в обороте и выключенных из него в виде церковной, монастырской и дворцовой утвари, украшений, посуды, оружейной оснастки, боярских, купеческих и иных накоплений.

Откуда? Марко Поло писал, что у русских «много серебряных руд, добывают они и много серебра». Это неверно – на Руси тогда не было серебряных рудников, как и золотых россыпей. Не выпадали на нее серебряные дожди, да и куры не приносили золотых яиц. Торговые пошлины, налагаемые на иноземных купцов, торговля оружием и мехами – этим легким, транспортабельным и дорогим товаром – создала основной золотой и серебряный запас средневековой Руси. Ведь она велась еще в те незапамятные времена, когда княжеская дань собиралась в виде беличьих, лисьих, горностаевых, куньих, соболиных, бобровых шкурок, пользующихся большим спросом в Византии, странах Средиземноморья и Западной Европы. Понемецки соболь – *Zibel*, а в наиболее отдаленной европейской стране Англии, например, соболиные меха, как исконно русский пушной товар, были известны еще до норманнского завоевания. В англо-норманнских средневековых памятниках, начиная с XII века, во множестве вариантов встречается слово, обозначающее этот товар, с неизменной славянской основой: *sibiline*, *sebeline*, *sambeline*, *sanbeline*... Существовали также такие термины, как *clesmes*, *klesem* – клязьминские меха, *Smolynq*, *smoleynwerk* и *smolenskischeswerk* – смоленские. «Слово *sable* вошло в геральдику с обозначением черного цвета; синонимом прилагательного „черный“ является оно и в английском поэтическом языке» (Матузова В. И. Английские средневековые источники. М., 1979, с. 48).

Меха в огромных количествах добывались по всей лесной Руси, много пушного товара и, кстати, урало-сибирского серебра давала меновая торговля с лесным Востоком. Драгоценную добычу приносили войны, откупи от войн, выкупы и, очевидно, продажа пленных, грабительские набеги на ближних и дальних слабых соседей, что в те времена повсюду считалось самым дешевым и «благородным» способом обретения благ. В 1193-м новгородцы

осадили один югорский город и «высылаху къ нимъ лестьбою, рекуще тако: яко копимъ серебро и соболи и ина узорочья, а не губите смердь своихъ, а своя дани». Уралю – сибирское серебро, видать, и в дальнейшем шло на Русь. Именно из-за него в 1332 году Иван Калита начал войну с Новгородом. «Великий князь Иван приде из Орды, а възверже гневъ на Новгород, прося у них серебра закамьского»

Наконец, какую-то часть княжеских сокровищ, бережно передаваемых из поколения в поколение, образовывали свадебные и дипломатические подарки. Еще Ольга получила от византийского императора «блюдо велико злато» и 500 милиарисиев. Не без драгоценного приданого брал, наверное, Владимир Святой княжну болгарскую и царевну византийскую, Ярослав Мудрый – принцессу шведскую, Владимир Мономах – английскую королеву, Юрий Долгорукий – дочь половецкого хана...

И все же исходным, главным источником, так сказать, валютной мощи средневековой Руси была ее природа и труд смерда. Князья, челядь, духовенство, боярство, купечество и воинство ничего материального не производили, их кормили, одевали и снаряжали «черные люди» – земледельцы, охотники, рыбаки, ремесленники, чей кабальный труд через даннические, торговые и военные опосредствования концентрировался в серебряных и золотых гривнах.

Нашествие 1237–1240 годов, кроме прочих неисчислимых бед, сопровождалось захватом и вывозом из Руси основных запасов благородных металлов. Их везли в слитках, гривнах, ювелирных изделиях. Вышаривали каждый храм и терем, грузили на верблюжьих горбы серебряные блюда, кубки, кольца, подвески, оклады икон и книг. Драгоценности не испаряются, не усыхают, и я думаю иногда – где сейчас, в каких континентальных подземельях, на каких островах сокровищ хранятся свезенные когда-то в центр Азии пуды индийских, бирманских и персидских алмазов, тонны хорезмского, багдадского и сирийского золота, русского, польского и венгерского серебра?

После нашествий победители обложили огромной податью русских князей, а на пахарей назначили годовую дань «по полугривне с сохи». И как ни велики были вековые накопления, они в течение второй половины XIII века истощились, что попутно с подрывом всей экономики страны привело, как бы мы сейчас сказали, к девальвации – гривну начали рубить пополам, каждый серебряный «рубль» весил уже вдвое меньше, а данники оказались не в силах платить больше, чем «по рублю с двух сох».

И если бы дань взималась одновременно и только, как говорится, чистой монетой! Доктор исторических наук В. В. Каргалев учел все «тяготы», что брала паразитическая верхушка Золотой Орды во второй половине XIII века. Кроме «поплужного», были еще «ям», «тамга» и «мыт», разного рода «дары», «почестья» и «пошлины», «поминки», «выходное» и «памятное», «поклонное», «кормное», «становое», «выездное», «мимоезжее», «ловитва» и просто ничем не мотивированное вымогательство ценностей. Отдельно собирались пошлины для хана, ханши, родственников хана и ханши, послов, баскаков и назначались внеочередные поборы – так называемые «запросы» на войну или на содержание чиновников. Эти «запросы» были неожиданными и часто неожиданно большими. Есть исторически достоверное сведение, что волжские болгары, чтобы выплатить один из таких «запросов», продавали своих детей...

Нет, не было во второй половине XIII века никакого единого «восточноевропейского государства», не было «симбиоза» и «тесного союза» Золотой Орды и Руси! Была у ордынских ханов обширнейшая средневековая полуколония с жестоким режимом грабежа и геноцида, управляемая через посредство русских феодалов, а также в какой-то мере через духовных лиц, кстати, с самого начала освобожденных от каких бы то ни было податей. Чиновники Орды разработали гибкую и коварную систему двойной эксплуатации тружеников Руси. Князей

убивали, держали в страхе за детей-заложников, умело натравливали друг на друга, не давали ни одному из них усилиться и в обмен на беспрекословное послушание и щедрую дань вручали им власть; треклятая политическая и экономическая система существовала за счет непомерной эксплуатации народа великомученика; это было изощренное средневековое иго, которое, по словам К. Маркса, «не только давило, но оскорбляло и иссушало самую душу народа».

И русский народ не был исключением – неимоверные тяготы несли в те времена народы Кавказа и Поволжья, Сибири, Средней Азии, Индии, Дальнего Востока. А китайские мандарины, чиновники и генералы действительно заключили что-то вроде союза с монгольской династией Юань и более ста лет вместе с захватчиками нещадно эксплуатировали трудолюбивый многомиллионный народ. В огромной стране был учрежден жесточайший полицейский режим; некоторые подробности его зафиксировали китайские летописцы: «поздно в сумерки и рано на заре запрещается передвижение китайцев»; «китайцам ставится клеймо на левом плече после совершения первого преступления, на правом плече – после второго и на шее – после третьего»; «в тюрьмах китайцы сами отвечают за свое пропитание»; «китайцам не разрешается иметь при себе не только оружие, но и рогатки, из которых стреляют воробьев»; «рынки и базары, где соберется много народу, следует закрывать»; «если монгол побьет китайца, то не разрешается взыскивать с него». Под «китайцем» всегда подразумевался китаец-простолудин... Социальную природу этого правопорядка хорошо вскрывает один из современных монгольских историков: «Сколько бы ни встречалось в законодательстве той эпохи статей и разделов, предоставляющих монголам льготы и привилегии, очевидно, что они преследовали цель защиты интересов исключительно господствующего класса – верхушки монгольского общества, но не монгольского народа» (Чулууны Далай. Монголия в XIII–XIV веках. М., 1983, с. 72–73).

Тот же автор пишет о зверской эксплуатации богачами собственного монгольского народа, переносившего тяготы захватнических войн, междоусобиц и оккупацию китайских войск в период правления в Китае монгольской династии Юань. Средневековые авторы фиксировали массовое обнищание основного населения Монголии. Гильом де Робрук свидетельствовал, что монголы-бедняки от голода употребляют в пищу мышей и другую непригодную для питания тварь. Ч. Далай: «По сведениям китайских источников, нередко монгольские араты, не имея никакой возможности выйти из создавшегося положения, продавали себя, своих главных жен и детей или отдавали их за долги» (указ. соч., с. 117).

И еще несколько слов, дорогой читатель, об одной чрезвычайной особенности русской жизни второй половины XIII века. У большинства из нас со школьной скамьи сложилось представление, будто нашествие Батые враз разрушило средневековую, русскую цивилизацию, подорвало ее экономику и культуру, а после него начался медленный, но неуклонный процесс возрождения производительных сил и национального самосознания. Это было не так, и Л. Н. Гумилев, выдвинув тезис о «тесном союзе» Руси и Золотой Орды во второй половине XII века, волейневолей, но все же скорее волей, чем неволей, навязывает массовому читателю ложные представления о самом, быть может, тяжком полувековом периоде в истории русского народа.

Посмотрим, какой она была, вторая половина XIII века, для северо-восточной Руси, например, ставшей жертвой первого похода орды. Разрушенные города, сожженные села, уполовиненное население; подростки, бабы и старики строят жилища, пашут и жнут, вытягивая из себя все жилы, чтобы выжить и поработать на дань князю и Орде. Правда, вернулись из лесов беженцы, переселились из опасных степных мест уцелевшие семьи. Великий князь владимирский Андрей Ярославич, человек гордый и отважный, заявив, что «лутчи ми есть бежати в чюжую землю, неж дружитися и служити Татаромь», пытается заключить антиордынский союз с Даниилом Галицким. И вот началось!

1252 год. Большой отряд ордынской конницы под командой Неврюя разбивает княжескую дружину, разрушает Переяславль-Залесский и Суздаль, грабит и сжигает села, уводит скот и большой полон. «Татарове же рассунушася по земли... и люди бещисла поведоша до конь и скота, и много зла створиша».

Из Бату-Сарая зорко следили за усилением того или иного княжества, за народными волнениями, немедленно предупреждая и пресекая попытки ослабить иго.

1254 год. Сражение Даниила Галицкого с ратью Куремсы.

1258 год. На границах Галицкого княжества появляется огромное войско во главе с самим Бурундаем, который вынуждает Даниила разрушить крепости и делает его постоянным данником Орды. Потом война с иранскими хулагидами несколько отвлекла Золотую Орду, но большие походы в Галицкое княжество и на Литву сопровождалась попутным грабежом уже не единожды разоренных районов Руси. Были, очевидно, и нападения отдельных мелких отрядов, не зафиксированные летописцами.

1273 год. Войска Золотой Орды дважды нападают на новгородские земли. Разорение Вологды, Бежицы и их окрестностей.

1275 год. Разгром юго-восточной окраины Руси, района Курска. «Татарове велико зло и велику пакость и досаду створиша христианомъ, по волостемъ, по селамъ дворы грабише, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили, и облупившие нагого пустять».

Поразительное историческое «откровение» высказывает Л. Н. Гумилев насчет этих лет: «Смоленск присоединился к Золотой Орде в 1274 году добровольно. В эти годы Орда, раздираемая мятежом Ногая, не вела завоеваний». Но ведь именно в эти годы степные грабители дважды прошли насквозь северовосточную Русь – до Вологды, а разорение курских земель произошло по возвращении огромного золотоордынского войска из нашествия на Литву через Смоленское княжество, в котором новейшие археологические раскопки обнаружили страшное запустение сел и уменьшение населения.

1278 год. «Того же лета приходша Татарове на Рязань, и много зла сътвориша, и отъидоша въ свояси».

1281 год. Календарная середина «симбиоза», «тесного союза», конец коего наш историк определяет 1312 годом, – об этой дате мы еще вспомним... Жуткая середина! «Татарове рассыпашася по всей земле... и опустошиша вся». Многочисленная золотоордынская рать под командой Ковдыгая и Алчидая разрушила Муром и Переславль, разграбила окрестности Суздаля, Ростова, Владимира, Юрьева-Польского, Твери, Торжка, часть новгородских сел.

1282 год. Новый опустошительный набег на владимирские и переславские земли. «Пришедше, много зла створиша в Суздальской земле, якоже и преже сотвориша въ мимошедшее лето».

1283 год. Разорены и разграблены ордынским войском Воргольское, Рыльское и Липецкое княжества, города Курск и Воргол.

1284 год. Новая междоусобная война, быть может инспирированная Ордой и проведенная при непосредственном участии ее войск. Великий князь Дмитриий Александрович пришел «ратию к Новугороду, и съ. Татары и съ всею Низовьскою землею, и много зла учиниша, и волости пожгоша».

1285 год. «Князь Елторай Ординский, Темиревъ сынъ, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муром, Мордву, и много зла сътвориша».

1293 год. Самый страшный год второй половины XIII века. За краткой летописной строкой «в лето 6801 Дюдень приходиль на Русь и плени градов 14 и пожъже» кроется, по сути, новое нашествие, что не уступало, пожалуй, разору при нашествии Бату-Субудая, потому что Дюдень никуда не спешил, и летописец смело делает это сравнение, ибо враги «села и волости

и монастыри» и «всю землю пусту сотвориша», людей не только из городов и сел, но даже «из лесов изведоша» в полон. Были разорены Муром, Москва, Коломна, Владимир, Суздаль, Юрьев, Переславль, Можайск, Волок, Дмитров, Угличе-Поле.

1293 год. «Того же лета царевиць Татарский Тахтамиръ приеде изъ Орды на Тферь, и многу тягость учини людемъ». По пути сквозь владимирские земли этот отряд «овехъ посече, а овехъ в полон поведе».

1293 год. Местный князь приглашал ордынскую рать под Ярославль для подавления народного восстания.

Три набега за один год! В ближайших к Орде районах Руси грабить стало нечего – от Мурома до Твери золотоордынское воинство «положиша всю землю пусту».

1297 год. «В лето 6805 бысть рать Татарская, прииде Олекса Невруи».

Такой-то вот «порядок» был установлен на Руси во второй половине XIII века! Пять нападений золотоордынцев – 1252, 1258, 1281, 1282, 1293 годов – носили характер настоящих нашествий. В. В. Каргалов: «Владимирские и Суздальские земли опустошались за это время пять раз... Четыре раза громили татары „новгородские волости“, семь раз – княжества на южной окраине (Курск, Рязань, Муром), два раза – Тверские земли... Переславль-Залесский татары разрушали четыре раза (в 1252, 1281, 1282, 1293 годах), Муром – три раза, Суздаль – три раза, Рязань – три раза, Владимир – по меньшей мере два раза (да еще трижды татары опустошали его окрестности)»...

Замечу, что труд В. В. Каргалова (Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967) вышел из печати за десять лет до публикации Л. Н. Гумилева, в которой утверждается, что установленная во второй половине XIII века «система взаимоотношений» между Русью и Ордой «может рассматриваться как симбиоз, союз» и будто бы «Золотая Орда стала заслоном Руси с Востока»... Нельзя, кстати, отказать Л. Н. Гумилеву в последовательности – рассматривая в книге «Поиски вымышленного царства» период, предшествовавший нашествию степняков на Русь в XIII веке, он в контрастном противоречии с данными истории утверждает, будто никогда не существовало и... половецкой опасности! Академик Б. А. Рыбаков писал в связи с этим: «Полное отрицание половецкой опасности в XII в. И старание преуменьшить результаты татаро-монгольского вторжения в XIII в. резко расходятся с данными науки и могут быть объяснены не привлечением новых источников, не эрудицией востоковеда, а предвзятой мыслью автора, его излюбленной дедукцией» (Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана. – «Вопросы истории», 1971, № 3, с. 154).

Указывая, что Л. Н. Гумилев «защищает право на бездоказательность», Б. А. Рыбаков подробно разбирает главу его книги, где утверждается, что «Слово о полку Игореве» написано в... середине XIII века! Крупный ученый, знаток русского средневековья, так сказать, «от земли», то есть археологии, виднейший источниковед научно устанавливает, что в книге Л. Н. Гумилева огромное количество фактических неточностей, небрежностей и нелепостей, нагромождений искусственных построений и есть даже «подтасовка исторических источников». Изложение событий на Руси автором книги «Поиски вымышленного царства», считает Б. А. Рыбаков, – это «сумбурный экскурс в чуждый для него древнерусский мир», «попытка обмануть всех тех, кто не имеет возможности углубиться в проверку фактической основы „озарений“ Л. Н. Гумилева».

Да, сила во второй половине XIII века была на стороне Орды; на смену одному убитому врагу являлась сотня, а разгром сотни вызывал новое грабительское и карательное нашествие. Все мыслимое и немислимое вытерпел тогда от поработителей наш народ, только было бы ошибкой представлять его и в тот период пассивным страстотерпцем, покорным и послушным

данником.

То там, то тут вспыхивали вооруженные выступления, начатые еще в 1252 году гордым Андреем Ярославичем владимирским. Когда первое карательное войско Неврюя подошло к Переславлю-Залесскому, то, «собрав воинство свое, встретил их князь великий Андрей со своими полками, и сразились полки, и была сеча велика». Андрей Ярославич был разбит, но этой битвой открылась эпоха сопротивления, бунтов, восстаний, чаще стихийных, чем организованных, ведущих иногда к победам, по, как правило, к поражениям. Однако именно эта эпоха не допустила превращения Руси в один из улусов Орды и предопределила будущее. Перелистываю летописи...

1257 год. «Приехали численники, изочли всю землю Суздальскую, и Рязанскую, и Муромскую». Но восстали новгородцы, где «чернь» отказалась дать врагам «тамгу» и десятину от Новгорода, и «послы» ордынские получили от ворот поворот.

1259 год. Снова прибыли, «послы» из Орды – «Беркан и Касачик и иныя многиа», и опять «был мятеж великий в Новгороде, чернь не хотела дать число». Последовал сговор бояр с пришлецами, и «перемогли бояре чернь и явились под число, делали себе бояре легко, а меньшим людям зло».

1262 год. «Люди ростовские, не вытерпев насилий поганых, собрали вече и выгнали их из городов из Ростова, из Владимира, из Суздаля, из Ярославля, потому что откупали те бусурмены дани и оттого великую пагубу творили людям».

Конец 60 и 70-х гг. Стояла относительная «тишина» с обеих сторон, только иногда ордынцы нападали на окраинные районы Руси (Вологда, Курск, Рязань, Смоленск – попутный большому золотоордынскому походу на Литву).

1281 год. «Князь великий Дмитрий Александрович пришел в город Переславль, и начал рать собирать, и град крепить, и отовсюду начали к нему собираться люди многие». Орда послала на него «рать многую, Тураитемира и Алтына и многих татар». Князь временно отказался от борьбы.

1283 год. Князя Олег рыльский и Святослав липецкий громят «слободы» ордынского баскака Ахмата. Тот бежал, но вскоре вернулся с большим войском карателей, опустошившим все русское пограничье.

1285 год. Пришел на Владимирскую землю «царевич из Орды», пустил свое войско в вольный грабеж, но «князь великий Дмитриий Александрович, собрав рать многую, пошел на них, и побежал царевич в Орду».

Но сила ордынская пока все же ломилась... А начало XIV, переломного века наполнилось исторической символикой грядущих времен.

1301 год. В Рязань пришел большой ордынский отряд, чтобы выступить против княжества Московского. «Осенью князь Данило Московский ходил на Рязань ратью, и бился у города Переславля (Рязанского), и одолел князь Данило и много татар избил».

1310 год. Пришла рать татарская под Брянск. Князь Святослав Брянский «ратью великой, в силе многой, за полдень вышел против рати татарской, и сошлись на бой. и помрачи стрелы татарские воздух, и были, как дождь, и была сеча злая», но враги задавили числом, и князь Святослав пал «последним в полку»...

Нет, никаким «союзом» или тем более «симбиозом» с захватчиками не пахло на Руси во второй половине XIII – начале XIV вв.! И только антинаучный словесный курбет, внеисторичное раздувание частного в ущерб общему позволяют кой-кому говорить о некоем «союзе» и «симбиозе» Руси с Золотой Ордой в этот период, который мы *вынуждены* были рассмотреть в некоторых документальных исторических подробностях.

Но что же это за переломный 1312 год, якобы ознаменованный разрывом «союза» Руси с

Ордой? Что примечательного произошло в том году на Руси? Да ничего такого, что выделило бы его из череды тяжелых предыдущих и последующих лет. Вымирили в те лета города, исчезали села, нивы зарастали бурьяном и кустарником, забывались ремесла. Не прекращались набеги золотоордынских конных банд на уцелевшие города и села, междоусобные войны, разбой ушкуйников. Часть населения северо-восточной Руси уходила на Вятку, Устюг, Тотьму, а те, кто оставался верным земле своих предков, нечеловеческими трудами и терпением закладывали будущее, копили ярость, которой со временем ничто на свете уж не могло противостоять.

Исторический процесс, как и всегда, в те годы был диалектичным, многооттеночным, и в недрах русской жизни зарождался новый определяющий вектор. Отдельные районы Руси, расширяясь, оживали; народ, примеряясь к обстоятельствам тех лет, когда ордынские набеги ослабевали, снова брался за плуг, вставал к кузнечным горнам и мехам; стучали топоры на Руси... Доктор исторических наук В. В. Каргалов: «С начала XIV века начался быстрый подъем сельскохозяйственного производства, расширялись земельные площади, занятые под пашни. В документах того времени постоянно упоминаются „чистки“ и „росчисти“, отвоєванные у леса и кустарника. Вокруг деревень появлялись новые поселения – „починки“, „слободы“. Малоурожайная „подсека“ вытеснялась трехпольем. Совершенствовались орудия труда. Массовым стало применение двузубой сохи – „косули“ с железными сошниками, плуга с железным лемехом. Начали восстанавливаться и русские города, особенно сильно пострадавшие от нашествия завоевателей. Росло торгово-ремесленное население вокруг деревянных „градов“, появлялись и расширялись новые „посады“. Русь постепенно набирала силы...»

Исторически символичным было и одно важное тверское событие начала века:

1317 год. Ковдыгай во главе большого ордынского войска напал на Тверское княжество. И вот князь Михаил, «собрав своих мужей, тверичей и кашинцев, пошел против татар, и сошлись оба, и была сеча великая». Тверяки «многих татар поймали и привели в Тверь», а Ковдыгай «повелел дружине своей стяги повернуть и неволей сам побежал в станы»...

Посмотрим, однако, как наш автор интерпретирует события XIV века на Востоке, в мире, менее для него, востоковеда, чуждом. Что приключилось в Орде в 1312 году, превратившем, как черным по белому пишет Л. Н. Гумилев, «симбиоз в действительное иго»? Оказывается, в том году ханом Узбеком был принят ислам, что летопись отметила единственной спокойной фразой: «Озьбяк вступил на царство и обесерменился».

Хан Узбек рьяно взялся за укрепление своей личной власти в Орде, вступил в борьбу с чингисидами, обезглавив семьдесят дальних и ближних родственников, занялся другой массовой, хотя и куда более безобидной операцией, обязательной для каждого мусульманина. А Русь во время его долгого царствования истекала кровью в жестоких усобицах, в борьбе князей за власть и первенство. То Москва брала верх, то Тверь, причем сильный и деятельный Михаил Ярославич тверской много лет удерживал великокняжеский ярлык, а хан Узбек, выдавший свою сестру Кончаку за московского князя Юрия Даниловича и казнивший нескольких тверских князей, кажется, так и не разгадал многоплановой и хитроумной политической игры Ивана Калиты, не успел заметить подспудного и подъяремного усиления Москвы, которой уже с тех самых смутных времен были уготованы особые исторические судьбы.

И никаких тебе признаков прежнего систематического, повально-грабительского «действительного ига»! Единственный за всю первую половину XIV века большой и, так сказать, специализированный поход золотоордынских войск, при участии, кстати, войска Ивана Калиты, состоялся лишь на Смоленск в 1340 году, когда хан Узбек был уже при смерти. Характерен мотив этого похода – совсем в духе грядущих времен: смоленский князь отказался

платить Орде дань.

Не наблюдалось и особого обострения религиозных отношений между христианами и «бусурманами». Хан Узбек, как сообщается в одной исторической справке, «не только не преследовал православное духовенство, но сохранил за ним все льготы, данные первыми ханами», а какая-то часть степных вельмож, воинов и населения Золотой Орды, не желая расставаться с прежними верованиями, бежала от насильственной исламизации на Русь, где многие язычники и христиане-несториане принимали более знакомое им православие. Другими словами, никакого разрыва «тесного союза» Руси и Золотой Орды в 1312 году не последовало, хотя бы потому, что его никогда не существовало! Между прочим, Л. Н. Гумилев, лишняя раз демонстрируя искусственность и бездоказательность своих «исторических» построений, в другой работе противоречит сам себе, как это у него нередко случается, отодвигая дату разрыва этого «союза» ровно на полвека. Цитирую: «1362. Переворот Мамай и разрыв традиционного союза Руси и Золотой Орды» (Поиски вымышленного царства, с. 380). Так на какой все же дате останавливается ученый, где «необходимая ясность»?

После смерти хана Узбека и его сына-преемника Джанибека, удушенного родным сыном Бердибеком, проханствовавшим всего два года, началась в Золотой Орде невероятная, по выражению летописца, «замятня» – за двадцать лет в ней сменился двадцать один хан. На этой кровавой волне всплыл интриган и пройдоха темник Мамай...

Золотая Орда слабела и распадалась, как распадалась вся некогда великая монгольская империя – освободился Иран, за ним Китай. Наступало время Руси.

Внук Ивана Калиты великий князь московский Дмитрий Иванович блистательно продолжил многотрудное дело деда. У него были сложнейшие отношения с Ордой и Литвой, с князьями тверскими и рязанскими, у него были мудрые советники, в том числе и Сергей Радонежский, у него был Кремль, обнесенный каменной стеной, обширные и постоянно расширяющиеся земли, населенные народом, постепенно осознававшим свое единение и силу. И еще одно было, наверно, самое важное. Вспоминая возвращение Ивана Калиты в 1328 году из Орды, летописец времен Дмитрия констатирует: «бысть оттоле тишине велика по всей Русской земле на сорок лет и пересташа татарове воевати землю Русскую» – имелись в виду Московское и Владимирское княжества, ядро будущей Великороссии. До первого нападения Ольгерда на северо-восточную Русь в 1368 году здесь укрепилась-устоялась хозяйственная и политическая жизнь, развились производительные силы и, как писал В. О. Ключевский, «успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринном: они и вышли на Куликово поле». У Дмитрия был, наконец, боевой опыт, накапливаемый с одиннадцатилетнего возраста, полководческий талант, осознание историчности момента и объективное совпадение интересов с интересами своего народа. «С народом все можно, без народа ничего нельзя!» – восклицал декабрист Николай Крюков, обладавший, как многие его товарищи, историческим мышлением...

Движение истории уже ничто не могло остановить.

38

В последний раз вернемся к неопределенной гипотезе, потому что есть попытка климатическими причинами объяснить крупнейшие международные события XIV века, когда изменились «пути атлантических циклонов, от которых *прямо и непосредственно* зависит жизнь Великой Степи»... Выделяю курсивом два слова и цитирую далее: «В конце XIII в. зона максимального увлажнения перемещается с Тянь-Шаня на Верхнюю Волгу, что, в частности, вызывает колоссальный подъем уровня Каспийского моря до абсолютной отметки минус 19 м.

В аридной зоне оптимальные климатические условия сменяются пассимальными. Это приводит к кризису кочевого хозяйства в начале XIV века... И вот вроде бы следствие: «В результате уже к 70-м годам XIV века у монгольских ханов нет сил и средств для противодействия китайцам, которые сбрасывают монгольское иго».

Непонятно, какое отношение могла иметь засуха в Великой Степи и «кризис кочевого хозяйства» к историческому событию в Китае, если еще в 1264 году столица монгольской империи была перенесена из Кара-Корума в Пекин и захватническая династия Юань, начиная с императора Хубилая, уже сто лет – через посредничество продажных китайских чиновников и генералов – паразитировала на труде многомиллионного земледельческого и ремесленного оседлого населения. Больше того – *наука не располагает никакими данными* о катастрофической засухе XIV века в Великой Степи, якобы вызвавшей крах кочевого хозяйства. Зато есть сведения о природных катаклизмах в Китае незадолго до его освобождения! «Китайские летописцы рассказывают, что уже в 1333 г. обнаружилось много ненормальных явлений в природе. В том году имели место жары и засухи, вызвавшие голод, затем непрерывно шли дожди, затопившие целые округа и погубившие до полумиллиона людей. В следующем году опять отмечены засухи и повальные болезни, уничтожившие до пяти миллионов человек. Особенного напряжения стихийная жизнь природы на Востоке достигла к 1337 г., когда землетрясения, наводнения, голод, опустошающие налеты саранчи, страшные эпидемии не переставали уничтожать жителей Востока. Те же явления повторились снова с не меньшей силой и в период 1345–1348 гг., и лишь после 1348 г. несколько стихло бушевание стихийных элементов» (Чижевский А. Л. Земное эхо солнечных бурь. М., 1976, с. 42–43). Не прекратилось, отметим, а лишь «несколько стихло»...

Но постулат выдвинут, и сама собой напрашивается параллель: если причиной освобождения китайцев из-под монгольского ига была засуха в Великой Степи, то она же вызвала ослабление и Золотой Орды, у которой к 70-м годам XIV века тоже не стало сил и средств для противодействия русским! Но когда климатическими причинами объясняется ослабление Золотой Орды, то логично было бы этими же причинами объяснять и одновременное усиление Руси. «Колоссальный подъем уровня Каспийского моря», если он действительно имел место, мог быть вызван, согласно данным того же автора, только колоссальным переувлажнением Русской равнины, дающей Каспию через обширную водосборную систему Волжского бассейна более четырех пятых годового поступления воды.

«В Волго-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели, летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожай и болезни» (Гумилев Л. Н. Изменения климата и миграции кочевников. – «Природа», 1972, № 4, с. 52).

Еще раз, как и относительно X века, вообразим себе многоснежные мягкие зимы, затяжные весны, долгие половодья, прохладные и дождливые летние месяцы, холодные и дождливые осенние, заболачивание лугов, подтопы пашен, городских деревянных настилов и гатей, недозревание хлебов, крах бортничества. Метеосводок за XIV век у нас нет, и главный источник сведений о природных явлениях тех времен – летописи. Роюсь в них, начиная со второй половины XIV века, и особенно внимательно смотрю записи о годах, предшествовавших Куликовской битве.

Нет, никогда, наверно, не было полной тиши на земле Русской! Междоусобные войны, нападения ушкуйников, мордовских князьков, походы литовцев 1368, 1370, 1372 годов и – в конце семидесятых годов – нашествие войск Синей Орды под командой Араб-шаха, поражение русских князей на реке Пьяне, разграбление нижегородских волостей, набег того же Арапши на рязанские земли, и вот, наконец, первая большая победа Дмитрия в 1378 году на реке Воже – за два года до Куликовской битвы...

И ещё пришел на Русь повальный, невиданный-неслыханный мор!

1352 год. Мор в Пскове, Новгороде, Смоленске, Киеве, Чернигове, Суздале. «Во всей земле Рустей смерть люта, и напрасна, и скоро; и бысть страх и трепет велий на всех человецех». «В Глухове же тогда ни един человек не остался, все изомроша, сице же и на Белоозере». «Глаголаша же неции яко той мор поиде из Ындейской страны»... Страшная эпидемия! «Аще бо кто что у кого возьмет, в той же час неисцельно умрет». Что это было – оспа, холера, тиф? Вот и подробное клиническое описание этой болезни, снова нагрянувшей на Русь.

1364 год. «Того же лета мор бысть в Переславли, болезнь же бысть сицева: прежде яко рогатиною ударит за лопатку, или под груди противу сердца, или меж крил, и тако разболевся, начнет кровию харкати, и огонь зажжет и разворит, и потом пот велий поидет, таже потом дрожь имет, и пролежав день един, или два, а ретко три, кто бы пролежал три дня, и тако умираху; а еще железю боляху, не одинако: иному убо на вии, иному же на стогне; иному же под пазухую, иному же под скулю, иному же за лопаткою; и умираху на день человек иногда по седмидесят, а иногда по сту, а иногда с полутораста...»

Это была «черная смерть», чума. Еще в 1351 году она проникла в Россию из Западной Европы через Польшу, позже пошла с юга. Летописец рассказывает о размерах бедствия и его распространении. «Не токмо же в граде Переяславли было сие, но по всем властем и селам и монастырем Переславским. А прежде того был мор в Новгороде в Нижнем, а пришел от низу, от Бездежа, в Новгород в Нижний, а оттуда на Рязань и на Коломну, а оттуда в Переславль, а оттуда в Москву, и тако разыдеся во все грады, и во Тверь, и в Володимер, и в Суздаль, и в Дмитров, и в Можаяск, и на Волок, и во все грады разыдеся мор силен и страшен...» А «на Белоозере тогда ни един жив обретеса».

Эти подробности нам, дорогой читатель, нужны, чтобы яснее представить масштабы эпидемии, поразившей Русь, которая через несколько лет после бедствия вышла на Куликово поле. Напасть по числу жертв не уступала большому вражескому нашествию, только нашествие невидимой чумной палочки было ужаснее – нельзя было ни сразиться с нею, ни убежать от нее; люди мерли, ничего не зная о причинах смерти, способах лечения болезни, о карантинах, прививках и прочем. Летописец не проводит прямой параллели, но заканчивает описание эпидемии знакомыми печально-трагическими словами: «Увы, увы! кто взможет таковую сказати страшную и умиленную повесть?.. И бысть скорбь велиа по всей земли, опусте земля вся и порасте лесом, и бысть пустыни всюду непроходимыя»...

Старинные описания народного бедствия нам нужны еще и для того, чтобы дополнить подлинную картину русской жизни накануне Куликовской битвы сопутствующими заметками о погоде, климатических явлениях. Нет, никаких сведений о проливных дождях, вымокании урожаев, заболачивании лесов и вообще переувлажнении Русской равнины в XIV веке не существует, и мору всегда сопутствовала... засуха!

Засуха в XIV веке? Как про нее узнать что-либо достоверное? Конечно, кое-что могут сказать на эту тему климатологи, астрономы, археологи, дендрологи, изучавшие годовые кольца древнейших живых деревьев, а также мертвых, сохранившихся в потонувших настилах средневековых городов, но все же главный источник сведений – русские летописи. Беру то самое пятнадцатилетие перед Куликовской битвой. Вот выдержки из Патриаршей (Никоновской) летописи, начиная со страшной эпидемии, охватившей Русь от Нижнего Новгорода до Белоозера и Волока Ламского.

1364 год. «Того же лета бысть сухмень велиа по всей земле и воздух куряшеса и земля горяше».

1365 год. «Мгла стояла с пол-лета, и зной и жары бяху велицы, лесы, болота и земля горяше, и реки перезхоша, иные же места воденыа до конца исхоша; и бысть страх и ужас на всех человецех и скорбь велиа». «Того же лета пожар бысть в Москве, бе же тогда схмень и жары велицы, возста же тогда и буря со вихром силна зело, и размета огонь повсюду и много людии поби и пожже, и вся погоре и без вести бысть, и той зовется великий пожар, аще от Всех Святых начася и разыдеса ветром и вихром повсюду...» И попутно: «Того же лета во Твери и в Ростове мор бысть», «Того же лета мор бысть в Пскове», «Того же лета мор бысть в Торжку велик зело».

1366 год. «Того же лета бысть сухмень и зной велик, и въздух курящеся и земля горяше, и бысть хлебнаа дороговъ повсюду и глад великий по всей земле, и с того люди мряху...» И попутно же: «Того же лета бысть мор на Волоце велик зело».

1371 год. «Сухмень же бысть тогда велика, и зной и жар мног, яко устрашитися и встрепетати людем; реки многи пересохша, и езера, и болота, а лесы и боры горяху, и болота, высохши, горяху, и земля горяша, и бысть страх и трепет во всех человецех. И бысть тогда дороговъ хлебнаа велика и глад велии по всеи земле».

«Того же лета бысть знамение в солнци, места черныя, аки гвозди, и мгла велика стояла по ряду с два месяца, и толь велика мгла была, яко за две сажени перед собою не видети было человека в лице, а птицы по въздуху не видяху летати, но падаху с въздуха на землю, и тако по земли пеши хожаху. Бяше же тогда жито дорого, и меженина в людех, и оскудение брашна, дороговъ велика. Бяше же тогда лето сухо, жито посохло, а лесове и борове и дубравы и болота погораху, инде же и земля горяше».

1372 год. Совершенно исключительный год вообще в климатической истории Земли! Вот что рассказал о нем 14 августа 1980 года в «Советской России» член-корреспондент Академии медицинских наук СССР Н. Р. Деряна: «Теперь-то мы знаем, что названный год венчает целую серию жестоких засух, охвативших русскую землю во второй половине XIV века. Если мы обратимся к сводке данных о колебании солнечной активности, составленных астрономом Д. Шове, то обнаружим, что именно в 1372 году мощность солнечных явлений оценена им десятибалльной оценкой. Причем мы увидим, что астроном рискнул поставить ее всего один раз за весь двухтысячелетний период».

1374 год. «Того же лета быша знои велицы и жары, и на всяк скот был мор велик. Потом же прииде и на люди мор велик по всей земле Русской».

Приближалась Куликовская битва, и в год первой победы Дмитрия над золотоордынским войском на Воже летописец зафиксировал и зимнюю погоду, которая отнюдь не была «многоснежной, мягкой, с частыми оттепелями», какими вроде бы должны быть наши зимы в XIV веке по гипотезе Л. Н. Гумилева (Поиски вымышленного царства, с. 30).

1378 год. «Тое же зимы быша мрази велицы и студень беспрестанна, и изомроша мнози человеци и скоты, и в малех местех вода обреташася, изсякла бо вода от многих мразов и в болотех, и езерах, и в реках».

И логично было бы в этом месте поставить вопрос: если передвижения народов Великой Степи связывать не с экономическими, политическими и другими общественно-историческими причинами, а лишь с космическими и климатическими, то почему в XIV веке, когда засуха в степях была, возможно, злее, чем на Руси или в Китае, никакого перемещения кочевников к окраинам Великой Степи и за ее пределы не последовало?

«...Отражение реальной истории в исторической литературе нельзя назвать зеркальным!» – восклицает Л. Н. Гумилев, убедительно подтверждая это бесспорное положение собственными работами, продолжает пользоваться любым случаем, чтобы тиражировать свои «открытия» о причинах грабительских войн, «пассионарности», политическом союзе и даже –

внимание, читатель, сверхновая идефикс! – «этническом симбиозе» Руси с Золотой Ордой в XIII веке и прочем-прочем, внеисторическом и внесоциальном.

Попутно напомним любознательному читателю, что после Великой Октябрьской революции группа белоэмигрантов образовала за рубежом так называемую школу «евразийцев», которые не признавали объективных законов развития общества, преувеличивали роль религиозных, психологических, природных, этических и этнических факторов в истории, отрывали домонгольскую Русь от последующего процесса становления нашей государственности, полностью игнорировали самостоятельный экономический, социальный, политический и культурный опыт Киевской Руси, пытаясь лишить русский народ его исторических и национальных корней.

Глубокими и мощными были эти корни! Так считали передовые русские ученые старой школы, так считают современные объективные исследователи. «Элемент политический, государственный представлял единственную живую сторону отечественной истории, а развитие государства составляло ее национальное своеобразие» (Фроянов И. Киевская Русь. М., 1980, с. 8). Становление средневековой русской государственности было, однако, далеко не единственной живой явью нашей истории, а национальное своеобразие выразилось не только в нем.

За несколько веков до нашествия Бату-Субудая наши предки, еще носившие племенные имена, выработали общий *русский* язык. Нет смысла уводить читателя в терминологические дебри современных филологов, различающих в становлении нашего языка много этапов, периодов, исторических оттенков, но почему-то ставящих под сомнение существование именно русского языка в Киевской Руси. Приведу свидетельство грамотного очевидца, жившего в те далекие времена, когда словене (новгородцы) и поляне (киевляне) вместе с кривичами, северянами, древлянами, вятичами объединились в государство: «...а словенск язык и руський один... аще и поляне звахуся, но словенская речь бе». Термин «*руський*» по отношению к языку впервые зафиксирован в летописных известиях XI века, но отражал понятия X – к такому выводу пришел замечательный советский историк академик М. Н. Тихомиров.

И вот что интересно: для наших образованных предков, письменно выражавших уже тогда общерусское самосознание и толк русского ума, понятия «народ» и «язык» были идентичными. В первом дошедшем до нас произведении русской литературы – «Слове о законе и благодати» Илариона, излагающем в форме речи, обращенной к Владимиру Святому, историю с позиций тогдашней теологической философии, говорится: «вера бо благодатьнаа по всей земли простресея и до нашего языка русагаго доиде». Связывая времена, наш язык донес до нас это слово-понятие из пророческого и совсем близкого пушкинского далека:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой.
И назовет меня всяк сущий в ней язык.
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

Одним из доказательств того, что наш язык в домонгольское время стал общерусским, служат двухсотлетние споры самых крупных ученых-филологов, приписывающих авторство Игореву «Слова» то галичанину, то киевлянину, то северянину. Специалисты разбирают старославянские, церковнокнижные и иные слагаемые средневекового русского языка, стилевые или диалектные его различия, как разбирают слагаемые и различия языка современного, но самым убедительным и неоспоримым доказательством его тысячелетней национальной принадлежности служит то, что почти все мы, сегодняшние, даже без

специальной подготовки более или менее *свободно понимаем почти все тексты, написанные на этом языке за тысячу лет до нас.* «Почти», потому как не все сегодняшние читатели свободно понимают все сегодняшние тексты, однако я уверен, что все они без исключения поняли фразы о русском языке из летописи и сочинения Илариона, которым без малого тысяча лет, и подробные описания бедствий, когда шла «по всей земле Рустей смерть люта, и напрасна, и скоро» и «бысть сухмень велиа по всей земле» – этим текстам шесть столетий с лишком... Чтобы окончательно убедить сегодняшнего читателя в том, что он способен свободно понять старорусские тексты, приведу краткое извлечение из сочинений Феодосия Печерского: «Аще ли видиши нага или голодна или зимою или бедою одержима, аще ли ти будет жидовин, или сарацин, или болгарин, или еретик, или латинянин, или от всех поганых – всякого помилуй и от беды избави, аще можеш...» Это написано *девятьсот* лет назад. Понятно каждое слово, а мысль исполнена человеколюбия, или, как бы мы сейчас сказали, гуманизма и интернационализма, издревле присущих русскому чувству и сознанию, русской литературе, то есть нравственности народа и его культуре.

Национальное своеобразие русского средневековья заключалось и в том, что на огромной территории от Ладоги до Азовского моря и от Карпат до Волги существовал единый язык, на котором люди разговаривали и писали понятные всем грамотным слова и фразы; у этого языка была в основном общая лексика, грамматический строй, правописание. Замечу, что в XII веке французский, например, язык был понятен только населению Иль-де-Франса, а обширные окраины говорили на провансальском, каталонском, баскском, бретанском и фламандском языках, что северные и южные немцы не понимали друг друга в более поздние времена, и когда Бисмарк в конце XIX века создал общегерманскую армию, то не все солдаты, набранные из разных районов страны, могли исполнять команды офицеров.

Своеобразие нашего средневековья, включая его домонгольский период, состояло и в том, что письменный язык прекрасно обслуживал широкие народные массы русского народа в те времена, когда не только восточные ханы, но и некоторые западноевропейские короли были неграмотными. Какая стихия средневекового народного языка хлынула вдруг в мир после открытия первой новгородской берестяной грамоты! А ведь это великое чудо истории и культуры дошло до нас в высшей степени случайно. Не было никогда библиотек или хранилищ берестяных грамот; исписанные простолюдными обрывки бересты просто выбрасывались за ненадобностью. И сколько же их в русских городах и селах пошло на растопку печей, сгорело при пожарах, уничтожилось нашествием Бату-Субудая и прочих, потерялось и сгнило, если только при локальных новгородских раскопках найдено около шестисот бесценных документов, просто и живописно рассказывающих о быте, нравах, культуре, образовании, экономике, социальных отношениях в эпоху нашего средневековья! И это лишь начало. В сырой новгородской – и не только новгородской! – земле лежат еще многие тысячи манускриптов на бересте. Десять грамот уже найдено в Смоленске, одна в Витебске, четыре в Пскове, тринадцать в Старой Руссе, а лето 1980 года принесло археологам новое открытие, с радостью встреченное всеми культурными людьми, – в Могилевской области при раскопках Замковой горы средневекового Мстиславля найдена первая берестяная грамота. Слава археологии! Береста, между прочим, кора так знакомого всем нам, близкого русской душе дерева, единственного на свете, имеющего белую кожу, удивительно связует отдаленнейшие времена. Вы помните, дорогой читатель, номер партизанской газеты, напечатанной на бересте 20 августа 1943 года в немецком тылу? А сейчас я хочу вам поведать нечто необычное. Оказывается, арии, жившие на территории нашей страны в III тысячелетии до н. э., тоже пользовались берестой! Они принесли ее в Индию вместе с памятью о прежней родине. «Небезынтересен тот факт, что арии, придя в Индию, использовали бересту, очевидно, сначала

как материал для изображения магических знаков или, возможно, изображений богов, а в более поздние века береста была использована в Кашмире для записи „веды ведовства“, т. е. „Атхарваеды“» (Гусева Н. Р. Индуизм. М., 1977, с. 58).

Великое историческое счастье выпало на долю русского народа – его государственный, богослужебный, письменный и разговорный язык был в своей основе и множестве частных одним и единым. «Счастье»? А может быть, великое подвигие славянских просветителей Кирилла, и Мефодия, тогдашней интеллигенции нашего народа, в борьбе с греческим (византийским) влиянием отстоявших на заре своей средневековой христианизируемой культуры святая святых национальной самобытности?

В Западной Европе католическая церковь повсеместно насаждала чуждую всем народам классическую латынь, искусственно затормаживая развитие культуры, в частности литературы на родных языках. На примере нашего ближайшего западного соседа Польши, издревле населенной коренными славянами, мы увидим, насколько сильным и пагубным был этот тормоз. Если у нас в качестве особой государственной ценности хранится украшенная великолепными миниатюрами пергаментная книга, написанная на старославянском языке, близком народному, – так называемое Остромирово евангелие, *переписанное* в 1056–1057 гг. (значит, и до него на Руси уже были книги!), то польский народ, к сожалению, не располагает чем-либо даже отдаленно подобным. Когда у нас в конце XII века явилось миру «Слово о полку Игореве» – гениальное литературное произведение, созданное на русском языке и занявшее в своем роде единственное, только ему принадлежащее место в культуре всех времен и народов, то в Польше тех времен еще ни строчки не было написано по-польски! Зачином национальной польской литературы был не светский по содержанию, *переводной* к тому же с латинского «Псалтырь королевы Ядвиги», относящийся лишь примерно к... 1400 году! На Руси уже почти *пять веков* развивалась самостоятельная национальная литература на родном языке, а первый польский историк и литератор Ян Длугош (1415–1480) изложил свою многотомную «Historia Polonica» на латыни. Лишь в XVI веке зародилась польская национальная литература и появился первый крупный автор, писавший на родном языке; это был поэт Я. Кохановский (1530–1584).

Исполнены драматизма начала национальной культуры и языка в Моравии, где с 863 года Кирилл и Мефодий вели героическую борьбу за право проповедовать христианство на местном славянском языке, сумели подготовить там много учеников, однако вскоре край попал в вассальную зависимость от немцев. В 869 году Константин-Кирилл скончался в Риме, а Мефодий продолжил его дело в Великоморавии, однако по приказу зальцбургского епископа его бросили в тюрьму, где он просидел два с половиной года. В 873 году папа римский освободил просветителя, и через год он стал архиепископом Паннонии, испытывая постоянные гонения от немецкого духовенства. В 885 году Мефодий умер, и начались жестокие преследования его учеников, большая часть которых прибыла в Болгарию, где открыли они славянские школы, причем только один Климент обучил славянскому чтению и письму 3500 человек. В болгарском сочинении, написанном в 90-х годах IX века, была прекрасно сформулирована коренная просветительская идея: «Возлюбите книги, ибо им суждена вечная жизнь!..»

Великие славянские просветители Кирилл и Мефодий были выдающимися историческими личностями своего времени. Старший, Мефодий, долгое время занимал высшие административные должности в Византии, младший вначале заведовал библиотёкой главного храма православного мира – церкви святой Софии в Константинополе. Кирилл ездил в Багдадский халифат на религиозный диспут с мусульманскими священнослужителями, побывал, как мы знаем, в Крыму и Хазарии; в Риме оба брата вели дискуссии с самим папой

относительно языка, на котором следует проповедовать христианство среди славянских народов. Главная же их заслуга, конечно, заключается в создании гениально простой, чрезвычайно удобной общеславянской письменности, которая оказалась так близка русскому языку, с самого начала формируя и образовывая его... И не следует ли праздник Кирилла и Мефодия, который ежегодно 24 мая отмечается в Болгарии, распространить и на нашу страну?

Кирилл и Мефодий были, как бы мы сейчас сказали, великими гуманистами и интернационалистами. В «Пространном житии Константина-Кирилла Философа», принадлежащем перу неизвестного болгарского автора IX века, мы читаем поразительный «его спор с католическими духовными лицами:

Когда философ был в *Венеции*, епископы, попы и монахи налетели на него, как вороны на сокола, и возбудили триязычную ересь, глаголяще:

– Скажи нам, человек: как это ты создал ныне книги для славян и поучаешь их? Прежде их не открыл никто другой: ни апостолы, ни папа римский, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин! Нам известны только три языка, на которых достойно славить бога в книгах: еврейский, греческий и латинский. Философ им ответил:

– Не посылает ли бог дождя одинаково для всех? А также и солнце не светит ли для всех? И не вдыхаем ли все одинаково воздух? И как вы не стыдитесь, признавая только три языка и повелевая, чтобы все другие народы и племена были слепы и глухи? Поясните мне, считаете ли вы бога бессильным, не могущим дать все это, или завистливым и потому не желающим (дать все это)? Нам ведь известны многие народы, которые разбираются в книгах и славят бога каждый на своем языке. Нам известны следующие: армяне, персы, авазги, иверы, сугды, готы, авары, тирсы, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие...»

Среди «многих других» были и наши предки! Приостановимся на этом, вспомнив корсунские книги, написанные «русьскими письмены». Этот факт будоражит воображение, заставляет ученых разных стран и любителей истории вновь и вновь обращаться к нему, задаваться вопросом, который может показаться неожиданным: действительно ли создал Константин (Кирилл) старославянскую письменность? Подумаем, дорогой читатель, вместе: *в 860 или 861 году, то есть еще до призвания в Новгород Рюрика и почти за сто тридцать лет до киевского крещения Руси*, на южных ее рубежах, и не в княжеском дворце, а в обиходе какого-то, быть может, купца-русича, обыденно существуют *две книги* – Евангелие и Псалтырь, канонические христианские тексты коих, столь сложные по богословскому своему содержанию и архаичному стилю, написаны некими *русьскими* письменами! Более того – Константин «и человека обрет», говорившего «тою беседою», то есть русским языком, а «въскоре» он сам «начят чисти» (читать) и «съказати» (говорить) на этом языке, «мънози ся ему дивлеаху, бога хваляще»! И это историческое сведение приводится во всех двадцати трех известных науке списках Паннонского жития Константина, что совершенно исключает его легендарное происхождение или случайность!

Чудо или бог тут были совершенно ни при чем, и пора по достоинству оценить это неоспоримое свидетельство. Мы имеем дело с важнейшим фактом истории европейской и мировой культуры – Константин взял у наших предков уже достаточно развитое ими, очевидно, греко-славянское письмо за основу будущей своей кириллицы, *не создал* старославянской письменности, а только усовершенствовал, упорядочил уже существовавшие восточнославянские письмены («устроив писмена») применительно к русскому и языкам других славянских народов Европы. Причем некоторые из них, в частности болгары, в IX – X веках, по свидетельству Черноризца Храбра, тоже пользовались приспособленным к своему языку греческим уставом «без устроения».

О значительной зависимости азбуки и осуществленных «в малех летех» переводов

греческих текстов Кирилла от восточнославянских корсунских книг говорят и такие факты: 1. В одном из посланий папы Иоанна VIII, современника Кирилла и Мефодия, недвусмысленно говорится, что «славянские письма» были известны до Кирилла и он их «только вновь нашел, вновь открыл». 2. В ряде списков жития Кирилла язык его переводов называется «русским» («написан русским языком», например книги для моравцев). 3. Упоминания в древних списках об «азбуке русской». 4. В одном из таких списков к перечню букв кириллицы дается интереснейшее примечание: «Се же есть буква словенска и болгарска, еже есть русская». 5. Изложение истории появления старославянской письменности в некоторых средневековых русских источниках, например: «А грамота русская явилась, богом дана, в Корсуну русину, от нея же научился философ Константин и оттуду сложив и написав книги русским языком». 6. Кириллическая азбука-графити IX века на стенах киевского Софийского собора, открытая в 1969 году, представляет собой двадцатисемибуквенную, наиболее архаичную как бы основу классической кириллицы. 7. Надпись «гороухца» на корчаге из Гнездовского захоронения начала-середины X века могла быть сделана несколько ранее этого времени и свидетельствует о широком, до сельских глубин, распространении письменности среди восточнославянского простонародья в дохристианский период истории Руси. 8. Первой точно датированной кириллической книгой всех славян является знаменитое Остромирово евангелие, *переписанное* в 1056–1057 годах и представляющее собой высочайший образец европейского средневекового книжного дела – бесспорный результат прочной и долгой традиции...

Главный вывод из всего предыдущего напрашивается сам собой – именно *кормунские книги, восточнославянская форма греко-славянского письма явилась основой классической, удобной и простой кириллицы, «устроенной» Константином-философом* (Охрименко П. П. К истории создания нашей азбуки (кириллицы). Сумы, 1979). Многие ученые, начиная с И. И. Срезневского, считали и считают, что протокириллица в виде греко-славянского письма существовала у наших предков с VI–VII веков. Бытует в науке и еще одна точка зрения, впервые высказанная в прошлом веке Павлом Шафариком: Кирилл изобрел не кириллицу, а усложненную глаголическую азбуку. Протославянская письменность, кстати, не предположение, а твердо установленный научный факт. Кроме свидетельств Кирилла (Константина) Солунского, болгарского монаха Храбра, Титмара Мерзебургского, арабского путешественника ИбнФадлана, писателя Эль-Масуди, ученого Ибн-эль-Масуди, мы располагаем поистине огромным археологическим материалом с начертаниями в виде кратких надписей и отдельных знаков, опубликованных в различных специальных изданиях. Археологические находки на восточнославянских землях также предоставляют науке обширнейший материал с образцами протославянского письма. Это надписи и знаки на грузиках из Троицкого городища (верховья реки Москвы), надписи на каменных крестах, на глиняном сосуде, найденном в 1897 году в окрестностях села Алексаново под Рязанью, надписи на пряслицах, корчагах, шахматных фигурках и других бытовых предметах – Недимовская, Беловежская, Рославльская, Новочеркасская, Кривянская, Старорязанская, Огурцовская и так далее. Немало энтузиастов пытается прочесть эти надписи, есть уже первые успехи, и я верю, что не за горами день, когда мы познакомимся с собственными письменными свидетельствами своей подлинной древности...

На базе общерусского языка основывалось – вместе с архитектурой, живописью, ювелирным и оружейным искусством – высшее достижение средневековой Руси – ее замечательная литература. От нее, многострадальной, дошла до нас малая часть, и я назову лишь семь воистину *классических* произведений, созданных за период феодального раздробления страны, – «Слово о законе и благодати» Илариона, «Повесть временных лет» и «Житие Феодосия» Нестора, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово» Даниила Заточника,

«Слово о полку Игореве» Игоря сына Святославля внука Ольгова, «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Слово о погибели Русския земли»... Жанровое, тематическое, стилевое разнообразие, художественные высоты, языковые сокровища, глубокие мысли, предельное эмоциональное напряжение! Обо всем этом написано множество книг. И любой свежий читатель, познакомившийся хотя бы с перечисленными произведениями, а потом с классической литературой позднего русского средневековья – «Задонщиной» Софония-рязанца, «Сказанием о Мамаевом побоище», «Хождением за три моря» Афанасия Никитина, сочинениями Ивана Грозного, Ивана Пересветова, Аввакума Петрова, «Повестью о ГореЗлосчастии», – скажет, что по неисчислимым признакам, включая даже прямые текстовые заимствования, это – единый литературный процесс, лишь временно прерванный-заторможенный нашествием завоевателей.

А ведь были и есть люди, считающие себя учеными, которые хотели бы отсепарировать литературу домонгольской Руси, якобы не вписывающуюся в общий процесс становления нашей национальной культуры! Они по сей день пишут о том, что только Куликовская битва якобы явилась начальной точкой всего национального и лишь с того времени вошли в мир невесть откуда под названием «русского» такие понятия, как государственность, военная слава, политическая и философская мысль, культура, литература, изобразительное искусство... Эти ученые делают вид, будто не знают, что понятие и слово «русский» вошли в обиход за много столетий до Куликовской битвы, известны еще с языческих времен. «...Мужи его по Русскому закону кляшася оружиемъ свои, и Перуном; богомъ своимъ» («Повесть временных лет» по Радзивилловской летописи). «Тако и си святая (Бориса и Глеба) постави святити въ мире премногими чудесы, сияти в *русьскеи* стороне велицеи» («Житие Бориса и Глеба»). Первый свод законов (XI в.) назывался «Правдой Русьской». А в «Слове о полку Игореве» (конец XII в.), где нет ни одного племенного названия наших предков, упоминаются «Руския сыны», «жены Руския», два раза «русское злато», два раза «русичи», два раза «русици» (сравнимо с «венедици» и «тоемици»), но чаще всего, как известно, «Русская земля» – двадцать раз!

Несколько слов об одной очень важной и, быть может, самой характерной особенности русской средневековой литературы, составляющей ее национальное своеобразие. В старину авторы прекрасно понимали, насколько серьезное это дело – литература, и поэтому не разменивались на тематические мелочи, а размышляли и писали с патриотических и гражданских позиций о главном – об исторических судьбах родины и народа. Несчетное число раз встречается на страницах наших средневековых книг выражение «Русская земля», необыкновенно многооттеночное по смыслу. Это и географическое понятие – то есть пространства, занятые русским народом, и политическое, зовущее соотечественников к единению, и конкретно-историческое, и этническое; это и земля-кормилица, дающая жизнь ее народу-пахарю, со всем, что на ней есть – живой природой, городами, селами, людьми, и святая родина, почти всегда нуждавшаяся в защите от внешних врагов и внутренних распрей. Вчитайтесь в хватающие за душу строки: «Светло светлая и украсно украшенная земля Русская! И многими красотами дивишь ты: озерами многими, дивишь ты реками и источниками местнотимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, селами дивными»...

Один современный зарубежный исследователь пишет: «Вдохновенный гимн „светло светлой и украсно украшенной земле Русской“ не имеет себе равного во всей европейской литературе того времени и даже позднейших веков. Это единственное в своем роде поэтическое произведение, предметом которого является не личность богатыря, не подвиги героев, а сама родина, как целое... Нигде – ни у французских трубадуров, ни у немецких миннезингеров, ни в рыцарских романах, ни у Данте – мы не найдем такого сжатого и сильного, ослепительного

видения родины... Только сто лет спустя, в 1353 г., мы найдем у Петрарки гимн, обращенный к Италии как родине».

В средневековой русской литературе сегодняшний любознательный читатель найдет неизведанные высоты, глубины и связи времен. Из сочинений Кирилла Туровского, исполненных символики, драматизма, философских раздумий, я приведу лишь две строки, расположив их друг под другом, как стихи:

Неизмернаа небесная высота,
Не испытана преисподняя глубина...

Слова эти написаны в середине XII века. А вот колдовские строчки, которые не грех лишний раз напомнить:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море.
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския...

Это записано в XVIII веке замечательным русским поэтом Кириллом Даниловым; символически-симфонический зачин его знаменитого сборника Белинский счел образной характеристикой национальных качеств русского народа и его исторического пути...

К сожалению, за четыре века отечественного книгопечатания мы, выпустив миллиарды книг, *ни разу* не удосужились издать более или менее полное собрание произведений средневековой нашей литературы; по приблизительным подсчетам, она для начала могла быть представлена тридцатью авторами и сотней сочинений.

Не сказал я еще о двух великих явлениях стародавней нашей жизни, во многом разных, но и очень сходных. В два могучих молота ковалась неразрывная цепь времен из того же, самого драгоценного на свете материала: талантов и умов, знаний, мыслей и переживаний, дошедших до нас через посредство языка. Оба эти явления были порождены русским средневековьем и, сделав свое святое дело, вместе с ним ушли в прошлое, но навсегда остались неповторимым подвигом национального духа, щедрым вкладом земли Русской в общечеловеческую культуру.

Старины... Так называл народ свой героический эпос. К сожалению, не осталось уже на земле ни одного человека, который мог бы не с книги, а по памяти, со слов прадеда, по-старинному нараспев, от «зачина» до «исхода» исполнить, скажем, старину о крестьянском сыне-богатыре, прискакавшем из далекого залесного, знать вятического, села Карачарова на помощь осажденному татарями Чернигову... Были такой никак не могло стать – в старине отражалась великая народная мечта, позволившая продлить жизнь русского богатыря от X века, когда он, победив Соловья-разбойника, пьет зелено вино на пиру самого Владимира Красное Солнышко, до XVII, когда «старой ли казак Илья Муромец» едет по чистому полю через ковыль-траву и ему встречаются «станишники, по нашему, русскому, разбойники».

Не стану повторять общеизвестного об исторической ценности ратных и мирных сцен, о художественных качествах старин, их музыкальности, языковом богатстве и своеобразии – для нашей темы важно то, что в течение всего средневековья народная память хранила имена и деяния богатырей, олицетворявших сопротивление грабителям и захватчикам, которые слились в собирательный образ «татар», главных врагов того времени, а центром единения и борьбы сделался Киев, древняя столица Руси.

Народное творчество, связуя поколения памятью, воспитывало не только патриотические чувства, но и классовое сознание, исподволь, из глубины жизни подготавливая народ к роли подлинного творца истории. Князей церкви, кстати, в старинах совсем нет, бояре и князья светские, кроме Владимира, – эпизодические и довольно пассивные фигуры. Все они не только далеки от забот и дел богатырей, но и относятся к ним с откровенным презрением – сам «ласковый» Владимир назовет однажды Илью Муромца «деревенщиной засельщиной».

Безыменные гусяры, скоморохи, калики перехожие, песнопевцы создали всеословную галерею народных героев. Среди них Святогор, Микула Селянинович, Вольга Святославич, или Волх Всеславич, Дунай Иванович, Василий Буслаев и его строгая матушка Амелфа Тимофевна, богатый гость Садко, вожак перехожих калик Косьян Михайлович, Михаил Потук, Иван Гостиный сын, Суровец Суздалец и так далее – такого многообразия народных типов не знала даже великая средневековая русская литература!

Отметим также, что герои нашего былинного эпоса, кроме физической силы, обладают прекрасными нравственными качествами, наиболее полно отразившимися в образе Ильи Муромца, – он прост, сдержан, спокоен, смел, уверен в себе, независим в суждениях, бескорыстен, добродушен, скромнен, умеет пахать, воевать и от души веселиться. И еще одно, очень важное. Среди сотен былинных сюжетов нет ни единого, в котором изображались бы феодальные распри, междоусобицы князей, и, сообразно народным идеалам, русские богатыри не путешествуют с обнаженным мечом за тридевять земель. Они уничтожают лесных разбойников, держат заставы и, оберегая родную землю от внешнего врага, ведут только *оборонительные* сражения, что было главной заботой и великой исторической миссией русского народа в эпоху средневековья. Центр тяжести этой эпохи пришелся на период со второй трети XIII века до середины XV. Историк В. О. Ключевский подсчитал, что с 1228 по 1462 год только северо-восточная и северная Русь вынесли 160 внешних войн и грабительских набегов! Русский героический эпос, как высокое гуманистическое достижение общечеловеческой культуры, был активной силой этого самого тяжкого лихолетья в жизни нашего народа, подготовившего коренной поворот всемирной истории.

Напомню еще об одном неповторимом явлении средневековой русской культуры, которое смело и без малейшего преувеличения можно назвать грандиозным, что сделал в свое время академик Д. С. Лихачев. Зародившись в XI веке, оно развивалось, зрело, обогащалось семьсот лет и закончилось в XVII веке, связуя наше средневековье своим единством, непрерывностью, самостоятельностью и своеобразием. По концентрации, глубине, объему и богатству политических, экономических, социальных, географических, дипломатических, военных, этнографических и иных важнейших сведений, содержащихся в нем, это наследие наших предков не знает себе равных в мире, является своего рода феноменом мировой культуры и науки, национальной гордостью русского народа. Читатель, конечно, понял, что речь идет о русском летописании.

Летописание было, прежде всего, делом государственной политики и идеологии, но от начала своего до затухания вбирало в себя мощные пласты самых разнообразных знаний, уникальные первоисточники, средневековые рукописные шедевры, и сегодня к летописям, кроме историков, обращаются астрономы, литературоведы, живописцы, искусствоведы, лингвисты, сценаристы и режиссеры кино и телевидения, топонимисты, фольклористы, реставраторы старинных икон и рукописей, философы, климатологи, архитекторы, археологи, писатели, работающие во всех жанрах, и просто любители старины. В составе летописей дошли до нас такие исторические и литературные сокровища, как «Повесть временных лет» Нестора – этот, по выражению А. А. Шахматова, «величественный и самый дорогой памятник старины», «Русская правда» Ярослава, «Почтение» Владимира Мономаха, «Хождение за три моря»

Афанасия Никитина, исторические повествования об ослеплении Василька теребовльского, походе Игоря, убиении Андрея Боголюбского и Михаила черниговского...

Общеизвестно, что летописи служили источником знаний и литературных вдохновений для многих декабристов. Ими интересовались, их изучали Александр Корнилович, Александр Бестужев, Никита Муравьев, Федор Глинка, Михаил Лунин, Сергей Трубецкой, Кондратий Рылеев. Вильгельм Кюхельбекер считал их «лучшими, чистейшими, вернейшими источниками для нашей словесности». В тягостные дни скорбной ссылки летописи были постоянным чтением Александра Одоевского, написавшего однажды оттуда: «С очень давних пор история России служит источником моих обычных вдохновений – древняя история, столь простая и иногда столь прекрасная в устах наших монахов-летописцев».

Трудно даже представить себе подлинный размах и объем русского летописания! Оно велось в великокняжеских городах, в отдельных княжествах, уделах, епархиях, монастырях. Множество летописей погибло при феодальных войнах, бесконечных пожарах, нападениях внешних врагов, и можно только гадать, сколько и каких письменных реликвий было навсегда потеряно в период нашествия в XIII веке и последовавшего за ним ига. Немало рукописей, наверное, специально уничтожалось политическими антагонистами в междоусобной борьбе; и мне, например, больше всего жаль летописей черниговских Ольговичей, в частности времен князя Игоря, потому что эти тексты открыли бы многие загадки «Слова о полку Игореве», включая, быть может, даже автора бессмертной поэмы.

Судьба великого исторического и культурного наследия складывалась трагично и позже. Современная наука установила, что только в имении первого собирателя и перелagateля средневековых исторических трудов В. Н. Татищева сгорело в XVIII веке пять летописей, в том числе ценнейшие Раскольничья и Голицынская. В пожаре 1812 года погибла уникальная Троицкая летопись – первый московский свод – одновременно с богатейшим собранием старинных рукописей МусинаПушкина и единственным подлинным экземпляром «Слова о полку Игореве»...

Камень долговечнее пергамента, но я попутно и для сравнения скажу о судьбе каменной летописи одного из древнейших русских городов – Смоленска, в котором совсем недавно было сделано сенсационное археологическое открытие. В конце XII – первой трети XIII века этот богатый цветущий город не только не отставал по всем статьям от центров других княжеств, но и, как вдруг выяснилось, опережал их по размаху каменного строительства. Достоверно стало известно, что за это время в Смоленске было возведено не менее *тридцати* зданий – больше, чем, например, во всех городах великокняжеской северо-восточной Руси, если даже считать тамошние памятники, известные только по письменным источникам! Причем основная часть смоленских архитектурных сооружений поднялась в течение сорока лет до нашествия орды, которая так и не вошла в этот город, но, тем не менее, до наших дней дожили только *три* каменных памятника, во многом к тому же утративших свой первоначальный облик. Остальные архитектурные сокровища этот город потерял еще в средневековье, от них сохранились только остатки фундаментов, раскопанные археологами в самые последние годы.

Культура русских городов, особенно княжеских столиц, развивалась не однобоко, а всесторонне, и были в Смоленске, конечно, своя литература и свое летописание. *Все уничтожилось без следа*, если не считать каких-то обрывков смоленских известий в общерусских летописных сводах! Безвозвратно погибли также собственно чернигово-северские, переяславские, рязанские, галицко-волынские, турово-пинские, полоцкие, тмутараканские летописи, не говоря уже о манускриптах из второстепенных центров культуры. Что же осталось? Для любознательного читателя приведу поалфавитный перечень русских летописей, сводов и списков разной редакции и сохранности, которыми на сей день располагает

отечественная и мировая историческая наука; это лишь остаток, так сказать, фундамент, по которому едва ли можно судить обо всем некогда величественном, почти фантастическом здании...

Прежде всего, это так называемые Академические списки – XII список Воскресенской летописи, список Новгородской первой летописи младшего извода, Новгородских четвертой и пятой летописи, Алатырский список Воскресенской летописи, XIV и XVI списки Никоновской летописи, Александро-Невская летопись; Архивные списки – II список Никоновской летописи, II список Псковской, Софийской второй, Воскресенской...

Далее идут Бальзеровский список Софийской первой летописи, Великопермская летопись, Виленский список, летопись Авраамки, «Владимирский Полихрон» начала XIV века, «Владимирский Полихрон» Фотия, пять Владимирских сводов – 1177, 1193, 1212, 1228 и 1263 годов, Вологодско-Пермская летопись, Воронцовский сборник, Воронцовский список Софийской первой летописи, Воскресенская летопись, Временник, сиречь «Летописец русский», Голицынский список Новгородской четвертой летописи, Голицынский том Лицевого свода, Горюшкинский список Софийской первой летописи, Древнейший свод, Ермолаевский список Ипатьевской летописи, Ермолинская и Есиповская летописи, Иное Сказание, драгоценнейшая Ипатьевская летопись, «Иудейский» хронограф, Казанская история, карамзинские списки Воскресенской и Софийской первой летописи, Киевский свод, Кириллобелозерские списки Великопермской и Ермолинской летописей, Комиссионный список Новгородской первой летописи, Краковский список Ипатьевской летописи, «Краткие извлечения» из Новгородско-Софийского свода, Кунгурская летопись, фундаментальнейшая Лаврентьевская, Лаптевский том лицевого свода XVI в., Латухинская Степенная книга, Лебедевская летопись, «Летописный отрывок 1276 г.», «Летопись великих князей литовских», «Летопись о многих мятежах», Лицевой свод XVI в., Львовская летопись, Московские своды 1379, 1463, 1472, 1479 годов, Московско-академический список Суздальской летописи, Начальный свод, обширнейшая Никоновская и Никаноровская летописи...

Это далеко-далеко не все! В тяжкую средневековую пору лучше всего сохранились новгородские летописи, списки и своды – шестнадцать манускриптов, псковские – двенадцать, шесть ростовских, три тверских, а по разным другим местам нашлось в свое время все же немало других хронографов и хроник – восемь так называемых Синодальных списков разных летописей, шесть Толстовских, несколько сводов церковных деятелей, летописи – Радзивилловская, Ремезовская, Симеоновская, Строгановская, Типографская, Черепановская, Якимовская...

С нашествием Бату-Субудая русское летописание почти повсюду прервалось, возобновившись усилиями Марии ростовской после народного восстания против захватчиков в 1262 году, когда «избави Бог от лютого томленья бусурменьского люди Ростовския земля: вложи ярость в сердца крестьяном, не терпяще насилия поганых, созвониша вече, и выгнаша из городов, из Ростова, из Суждаля, из Ярославля».

Позже взялись за перо московские летописцы, а в начале XVIII века русское летописание навсегда замерло, сменившись газетной хроникой, документальными свидетельствами событий, научными и литературными сочинениями. Петр Первый оказался первым поборником исторического просвещения, высказав мысль о необходимости издания русских летописей. Дело это оказалось нелегким и осталось таким же до наших дней. Только с 1841 года началось издание Полного собрания русских летописей. До революции было выпущено всего двадцать три тома, в советское время напечатано еще двенадцать, и конца этому предприятию пока не видно. Летописи начали переиздавать, но они выходят мизерными тиражами при огромном спросе на них...

Кстати, в последних трех томах Полного собрания русских летописей напечатаны хроники, которые я раньше не упоминал. Это Литовская и Жмойская, Быховца, Баркулабовская, Аверки и Панцырного, а также Холмогорская летопись, Мазуринский, Двинский, Постниковский, Пискаревский и Бельский летописцы – новые и новые ствольные срезы с цветущего древа жизни, ее красноречивые годовые кольца, то сжатые, плотные, то рыхлые, с широкими просветами, то ровные и правильные, то искаженные следами сучков и порубов. Сколько же всего сохранилось этих бесценных исторических свидетельств? – спросит любознательный читатель. Отвечу: все они, сохранившиеся, конечно, пока не найдены, но *в нашей национальной сокровищнице числится на сегодняшний день около тысячи русских летописных манускриптов!*

Летописи – главный политический документ русского средневековья – были самым заметным и важным проявлением тогдашней общественной жизни. Последовательно и непрерывно фиксируя события, летописи как бы сводили их воедино, создавая обширнейшую панораму государственного и народного бытия X–XVII веков, без которой нельзя было бы ничего, понять в истории России нового времени. Представьте на секунду, что нет у нас наших летописей, – и огромное мутносерое пятно было бы на месте сложной, яркой, динамичной жизни, полной человеческих страстей, эпохальных идеологических, политических, военных и культурных событий средневековой Руси!

На неоспоримые исторические факты из начальных летописей ссылались позже объединители русских земель, неразрывно связывая этой государственной политикой времена, возрождая и формируя на новом этапе национальное сознание русского народа. Летописи настойчиво подчеркивали преемственность власти, политическую и династическую непрерывность ее в течение всего средневековья. Вот как именовался, например, Дмитрий Донской, личность которого стала символом возрождающейся Руси: «Князь великий Дмитрий Иванович, внук Иванов, правнук Данилов, праправнук Александров, прапраправнук Ярославль, пращур Всеволожь, прапращур Юрьев, прапрапращур Владимиров Всеволодовича Ярославича Володимерича, великого нового Константина, крестившего Русскую землю, сродник новых к общерусскому государству Смоленск, Чернигов, Полоцк, Новгород. По летописным чудотворцев Бориса и Глеба».

На основании сведений из летописей присоединялись вновь к общерусскому государству Смоленск, Чернигов, Полоцк, Новгород. По летописным данным – повести об убиении в Орде Михаила черниговского – Иван Грозный решил потревожить его останки в черниговском Спасо-Преображенском соборе и, символически связывая времена, нашел им подобающее место в Москве. Позже Петр Первый, углубляя историческую память, перенес прах Александра Невского из Владимира в Петербург...

39

И еще несколько слов о *связующем* в нашей средневековой истории. Оно проявлялось буквально во всем. Разве не полнится конкретно-историческим смыслом и одновременно высшей символикой теснейшее идейное и художественное единство между двумя выдающимися литературными произведениями той эпохи – «Словом о полку Игореве» и «Задонщиной»? И разве не народ как главная сила истории, освоивший Русскую равнину в домонгольские времена, через несколько веков вернул ее себе? Современный архитектор подчеркнет не только национальную самостоятельность и своеобразие начального русского зодчества и огромные достижения, например, черниговской, смоленской, новгородско-псковской или владимиристо-суздальской творческих школ, но и найдет их

продолжение в веках. Специалист по истории экономики рассмотрит как единое развивающееся целое систему землевладения и хозяйственную жизнь русского средневековья, торговые отношения и денежное обращение, знаток генеалогии проследит родовую преемственность власти, военный человек, интересующийся стариной, тоже скажет свое слово, археолог, дипломат, правовед, искусствовед или социолог – всяк свое...

И ни феодальная раздробленность домонгольской Руси, ни нашествие степных орд не прервало глубинного течения народной жизни! Как это ни покажется парадоксальным, но даже те, кто участвовал в междоусобицах, подчинялись подспудным центроостремительным, связующим, объединяющим силам. В частности, «изгойство», волевой захват власти и сложнейшая калейдоскопическая система ее законного наследования – «лествица», делали все русские княжества и уделы не статичными, законсервированными, изолированными друг от друга административно-политическими единицами, а чем-то другим, совершенно оригинальным, чему не найдено ни терминологических определений, ни аналогов в истории средневековой Западной Европы. Наукой давно доказано, что внутри каждого отдельного русского княжества протекала интенсивная экономическая и культурная деятельность, осуществляемая коренным населением разных социальных слоев. Князья же, волей или неволей переходя с одного «стола» на другой, брали с собою дружину, воевод, семью, челядь, «добрых старцев», любимых песнопевцев, мастеров высшей квалификации, утварь, книги.

Эта мобильность была поразительной. Не стану перечислять знаменитых имен или законных – по наследству, «лестнице», по «ряду» с вече, смене сюзерена, жалованному дару, то есть безболезненных, легких, как из горницы в горницу, переходов князей из княжества в княжество, возьму для примера кого-нибудь из малоизвестных князей со сложной трудной судьбой. Ну, хотя бы Безокого. Нет, не Василька Ростиславича теребовльского, героя трагичной летописной повести, которому какой-то служака-торчин по приказу киевского и владимири-волинского князей вывертел ножом глаза сразу после того, как на знаменитом Любечском съезде в конце XI века все они поклялись прекратить междоусобицы и держать свои отчины. В XII веке жил такой Мстислав Ростиславич, внук Юрия Долгорукого. Он вечно изгонялся из своих владений, не раз пытался силой захватить великокняжеский стол в северо-восточной Руси, княжил в Новгороде, в Ростово-Суздальской земле, потом снова владел Ростовом и Переславлем-Залесским, опять Новгородом и – через две неудачные войны – опять же Новгородом, где и умер незрячим, за год до смерти ослепленный своим дядей Всеволодом Большое Гнездо...

Не собираюсь доказывать, что междоусобные войны и переходящая все границы мобильность русских князей, называемая современными историками «коловращением», были полезными для страны. Нет, эти неизбежные порождения тогдашнего общественно-экономического строя наносили ей колоссальный вред, подрывали народные силы, ослабляли сопротивление внешним врагам и скрупулезно фиксировались летописцами именно в силу своего вреда. Однако сколько было законных, безболезненных княжеских пересмен, сколько было переходов из княжества в княжество бояр, воевод и священнослужителей, не замеченных летописцами! Эта непрерывная смена «временных прописок» способствовала общерусскому обмену политическими новостями и страстями, навыками управления, военным искусством, ремеслами, преданиями, литературой, особенностями разговорного языка. И не следует забывать, что на смену родо-племенному укладу жизни наших предков феодализм явился как исторически неизбежная и более прогрессивная форма общественного бытия.

Медленно и мучительно возрождалась идея общенационального политического единения, мелкие и слабые уделы постепенно становились благодатным материалом для централизации

власти. И нашествие сильных внешних врагов в XIII веке отнюдь не ускорило, как считают «евразийцы», этот естественный исторический процесс, тяга к которому обнаруживается уже в XII веке, наоборот – затормозило его, отодвинуло на столетия. Н. Г. Чернышевский: «У нас сознание национального единства всегда имело решительный перевес над провинциальными стремлениями. Удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце...»

Кстати, многие из читателей, наверное, полагают, что с так называемой норманистской теорией происхождения нашей государственности давно покончено. Ничуть не бывало! Не только на Западе, но и в отечественных публикациях нет-нет да и проскользнут давние идейки, унижающие русский народ. Иногда это делается походя, как бы между прочим, даже в очень солидных *академических* изданиях.

Двенадцатый том Словаря *современного* русского языка, 1586 столбец: «Русь... Наименование восточнославянской народности; сама эта народность...» По словарю получается, что шестимиллионный народ средневековой Европы, освоивший за века значительную часть ее территории, создавший свою государственность и самостоятельную культуру, был всего-навсего «народностью». И далее идет цитата из книги Н. Полевого, известного журналиста прошлого века, не получившего систематического образования и лишь начитавшегося сочинений норманистов: «Летописи придают им имя варягов... коим означают они... всех обитателей Скандинавии, отличая в числе других варяжских народов отдельный народ: русь». Как видим, с помощью ссылки на ошибочную и обветшалую цитату солиднейшее современное научное издание исподтишка пропагандирует даже этническую несамостоятельность нашего народа! А ведь, толкуя это слово, можно было процитировать и Пушкина, и Гоголя, и Некрасова, и Есенина или замечательные слова В. И. Ленина из статьи «Главная задача наших дней», в которой он говорит о природных богатствах, запасе человеческих сил и прекрасном размахе, «который дала народному творчеству великая революция», – реальных предпосылок для того, «чтобы создать действительно могучую и обильную Русь». Можно было бы вспомнить и древнего сирийского писателя, еще в VI веке употребившего слово «Русь» («Рос») применительно к нашим предкам, и, наконец, начальные строки Гимна Советского Союза...

В свое время Алексей Югов в книге «Думы о русском слове» уже обращал внимание на толкование понятия «Русь» в Академическом словаре, и я вслед за ним повторяю комментарий, вспомнив с добрым чувством покойного литератора-патриота. Хочу также отметить прямую связь между «норманистами» и «евразийцами», установить непосредственную преемственность их антиисторических русофобских взглядов. «Норманисты» числили среди «варяжских народов» скандинавский народ под названием «русь», «евразийцы» считают русских неким «туранским народом», производя этот термин от азиатских равнин. Один из западных «евразийцев», скрывшийся за инициалами, пишет, что «не только из Киевской Руси не возникла современная Россия, но это было даже и исторически невозможно», так как Киевская Русь якобы являлась «группой княжеств, управлявшихся варяжскими князьями». «Норманисты», настаивая на миссионерской роли варягов-скандинавов, отрицали значение домонгольской русской государственности и культуры, «евразийцы» делают то же самое, всячески к тому же превознося опустошительные грабительские завоевания значительной части Евразии разноплеменными ордами кочевников в XIII веке и создание ими на дымящихся развалинах средневековых цивилизаций недолговечных региональных военно-феодальных образований.

Вот две строчки из одной и той же «исторической» песенки. «Государство русское начало существовать только со времени свержения монгольского ига» – это тот же Н. Полевой. «Московское государство возникло благодаря татарскому игу» – это наш современник,

«евразиец» Н. Трубецкой. Вынуждая нас вспоминать – по жесткому выражению современного советского историка В. В. Мавродина – «смрадный дух норманизма», «евразийцы» утверждают, будто Чингисхан выполнял «самой природой поставленную задачу» и «выступал как осуществитель творческой миссии, как созидатель и организатор исторически ценного здания». Даже, по выражению К. Маркса, «кровавое болото» золотоордынского ига на Руси, затормозившее на несколько веков ее экономическое, политическое и культурное развитие, «евразийцы» считают полезным для русского народа, завершая свои антиисторические изыски бредовым и спекулятивным тезисом, будто «современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР, есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом»... И я бы, может быть, не стал здесь повторять эти бредни, если б не прочел недавно программной рукописи какого-то молодого кандидата исторических наук, доморощенного «евразийца», в которой он, как попка, повторяет, будто «правители Москвы являлись законными наследниками дела и державы Чингисхана».

Уместно ли на таком фоне называть золотоордынскую систему одностороннего грабежа, убийств и насилий «тесным союзом» и «симбиозом»? В сущности Л. Н. Гумилев пользуется запрещенным приемом, выдавая мучительно трудную двадцатилетнюю международную и внутреннюю политику Александра Невского, одного из русских князей, за надуманный союз «всёя Руси» с Ордой, а после его смерти еще более надуманно продлевая этот «союз» то на полвека – до 1312 года, когда он вдруг прервался по религиозным причинам, то аж на целый век до 1362 года, когда этот никогда не существовавший «союз-симбиоз» прекратился в связи с переворотом Мамай или «взрывом этногенеза».

Впрочем, спекулятивный тезис о «симбиозе» Руси и Золотой Орды не является вымыслом Л. Н. Гумилева – он был просто взят напрокат из сочинений западных интерпретаторов русской истории. Член-корреспондент Академии наук СССР В. Т. Пашуто в одной из своих последних работ писал, что «целый ряд зарубежных авторов (Б. Шпулер, Г. Франке, Дж. Соундрс, П.-Г. Силфен, Ш. Коммо, Р. Таузеттель и другие), силясь доказать антиевропейскую сущность России, идеализируют ее „мирный симбиоз“ с Золотой Ордой» (Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982, с. 46).

Летят годы и десятилетия. На родной моей земле являются миру новые и новые люди, для коих все придет в свой час – первый свет солнца в очи, первое полусознанно произнесенное слово «мама», так похожее на всех языках, первая написанная буква, первая прочитанная фраза, первая самостоятельная мысль, первая книга, над коей задумается человек. Позже, через жизненный опыт и книги, придут понятия о людях и мире, осознание себя как частицы общего, осмысление роли родного твоего народа в истории, в семье человеческой, придут раздумья о прошедшем и будущем.

С каждым годом в нашей стране появляются новые и новые *миллионы* читателей и граждан... И для каждого из этих юных соотечественников в свой час придут знания и размышления о самой тяжкой беде, постигшей русский народ в стародавние времена, когда он был лишен величайшей силы – единения, понес неслыханные жертвы, испытал великие муки, выполнив, однако, свою историческую миссию и оставив национальную совесть незапятнанной. Эти размышления не исчезнут и за далекими горизонтами следующего тысячелетия, как жили они все тысячелетие исходящее... Русский народ сдержал на восточных рубежах Европы печенежские, гузские, половецкие орды, что было лишь драматическим прологом к трагедии XIII века!..

Лежит передо мной большая, тяжелая, захватывающе интересная книга, историческая весомость коей для меня превышает множество романов. Это фундаментальный труд академика Б. А. Рыбакова о ремеслах домонгольской Руси. Ученый издал ее в 1948 году на основании уже

тогда почти необъятного археологического материала. Не в силах оторваться, перечитываю отдельные места этой академичной, строго написанной книги, рассматриваю черно-белые и цветные иллюстрации, ищу научное повествование о материальном прошлом мест, в которых я побывал, – Киев, Чернигов, Любеч, Овруч, Канев, Звенигород, Козельск, Брянск, Суздаль, Рязань, Зарайск, Можайск, Переславль-Залесский, Коломна, река Рось, Плещеево озеро... Керамика, чернь, перегородчатая эмаль, стеклянные и ювелирные изделия, художественная резьба по дереву, камню, слоновой кости, зернь, инкрустация, великолепное оружие, чеканка, монеты, изделия литейщиков, кузнецов, слесарей, скорняков, шевцов – всего около *шестидесяти* ремесел знала средневековая Русь, не только полностью удовлетворяя свои нужды, но и экспортируя промышленную и ремесленную продукцию за рубежи. И вот – нашествие степных конных орд. «Русь была отброшена на несколько столетий, – пишет Б. А. Рыбаков, – и в те века, когда цеховая промышленность запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был проделан до Батыея».

А сейчас я для того молодого любознательного читателя, который впервые задумается о роли и месте его народа в истории, приведу раздумья трех великих людей прошлого, его славных соотечественников. Первый из них, гений с кипучей кровью и солнечным умом, прожил немного, но успел исколесить почти всю Европейскую Россию, дважды ступив в азиатские пределы; он никогда не был в Западной Европе, но увидел и узнал многие народы, черпая бесценные духовные, нравственные сокровища в жизни родного своего народа русского. Второй человек строгого, пытливого и обширного ума, родившийся на великой Волге, не только предрек социальные перемены в жизни русского и всех других народов России, но и прошел за верность своим идеалам тяжкий путь страстотерпца от Петербурга до Виллюйска. Третий, родившийся, как и первый, в сердце России – Москве, философ, стойкий революционер, блестящий публицист, вынужденный большую часть жизни провести в изгнании, оставаясь великим патриотом своего народа, последовательно разрушая в Западной Европе миф о дикости и варварстве его и его собратьев по глубоким этноисторическим корням, сказал больше ста лет назад слова, хорошо звучащие и сегодня: «Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами. Ничто не отклоняет революции в такой степени от ее большой дороги, как мания классификаций и зоологических предпочтений рас, но несправедливость к славянам всегда казалась нам возмутительной»...

Итак, прошу, неизвестный и доброжелательный мой читатель, подумать над высказываниями трех этих великих русских людей на тему, в которую мы с тобой вынуждены были вникнуть.

А. С. Пушкин: «Русские необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией...»

Н. Г. Чернышевский: «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями, спасителями от ига монгольского, которое они сдержали на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергнувшейся всем выстрелам, стеною, которую вполовину разбили враги». «Жалко или нет бытие подобных народов? Беша и быша, яко же не бывше. Прошли, как буря, все разрушили, сожгли, полонили, разграбили и только... Быть всемогущими в политическом и военном смысле и ничтожными по другим, высшим элементам жизни народной?»

А. И. Герцен: «Татары пронесли над Россией подобно туче саранчи, подобно урагану, сокрушающему все, что встречалось на его пути. Они разоряли города, жгли деревни, грабили

друг друга и после всех этих ужасов исчезали за Каспийским морем, время от времени посылая оттуда свои свирепые орды, чтобы напоминать покоренным народам о своем господстве... Материальный ущерб после неоднократных опустошений привел к полному истощению народа, он согнулся под тяжким гнетом нищеты. Люди бежали из деревень, никто из жителей не чувствовал себя в безопасности... Именно в это злосчастное время, длившееся около двух столетий, Россия и дала обогнать себя Европе».

Однако просвещенная Западная Европа ничего не знала обо всем этом! Британцы, например, накопившие в домонгольские времена много сведений о Руси и даже вобравшие в свой язык некоторые русские слова, попросту *забыли* о нашей родине, два с половиной века истекавшей кровью. Самые образованные англичане даже в первой половине XVI века весьма смутно представляли себе, где вообще эта Руссия или Рутения, с князьями коей некогда почитали за честь породниться их короли. Подробное географическое сочинение Роджера Барлоу, написанное около 1540–1541 гг., помещает Россию где-то «у Сарматских гор» и «гор Гиркании»... А. С. Пушкин: «Европа в отношении России была столь невежественна, как и неблагодарна».

А теперь нам с вами, дорогой читатель, предстоит побывать на поле русской славы, на поле Куликовом...

Отрицать роль личностей, этнических или религиозных процессов в истории было бы нелепо. Только исторические векторы, направившие войска Дмитрия и Мамаю на Куликово поле, сложились из множества и иных, куда более глубоких сил, сделавших это великое сражение главным по своему значению событием истории не только XIV века, но и многих предшествующих и последующих веков.

Сражение за Непрядвой одни (в частности, «евразийцы») считали решительным столкновением «леса и степи», и до наших дней эта тема-схема не только насквозь проходит через публикации главного зарубежного «евразийца» Г. Вернадского, но и, к сожалению, заполняет многие страницы свежих исторических и неисторических романов... Другие видели в Куликовской битве разрешение извечной борьбы между «Западом и Востоком» или рассматривали ее как эпизодическое и чисто военное происшествие. Наконец, самое распространенное, живучее и, быть может, самое неверное представление о Куликовской битве постепенно сложилось под влиянием русских летописцев и первых наших профессиональных историков, рождая и поныне множество спорных по смыслу стихотворений, поэм, речей, статей и глав романов о громкой победе русских над монголо-татарами, христиан над «бусурманами», то есть мусульманами.

Повнимательней присмотримся, что собою представляла к 1380 году Золотая Орда, и в частности войско Мамаю, с этнической и религиозной точек зрения. Строго говоря, оно не было «татаро-монгольским» или «монголо-татарским».

В самом деле, о каких монголах на Волге к концу XIV века может идти речь, если за полтора столетия до этого с Батыем осталась в его отцовском, джучиевом улусе совсем небольшая горстка коренных монголов, к тому же теряющих уже свои национальные признаки из-за многочисленных смешанных браков с иноплеменниками? И, видно, недаром русский летописец среди народов, пришедших на Русь в орде Батыя, ставит на первое место «куманов», то есть кипчаков, половцев, недаром в старых русских исторических трудах и даже справочниках Золотая Орда называлась также «Кипчакской». Арабский же историк Эломари, касаясь основного этнического состава Золотой Орды XIV века, совсем не упоминает монголов: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда ими завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они (то есть татары) смешались и породнились с

ними, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (то есть татар), и все они точно стали кипчаками, как будто одного рода с ними». Быстро растворялись в местном населении не только разноплеменные монголы, для коих время и события уготовили быстрое и окончательное разрушение родового единения, но и довольно стойкие племенные монгольские образования. В фундаментальном труде Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Русь и Золотая Орда» (М.-Л., 1950) рассказывается о двух многочисленных монгольских племенах, этнические судьбы которых были прослежены учеными. Джалаиры и барласы в результате захватнических военных походов степняков первой половины XIII века оказались в Семиречье среди коренного тюркского населения. Оттуда во второй половине XII в. джалаиры перекочевали в район Ходжента (Ленинабад), а барласы – в долину реки Кашкадарьи. «Два этих больших монгольских племени – джалаиры и барласы – пришли из Семиречья в какой-то мере отюреченными в смысле языка. На новом месте они настолько уже были отюречены, что в XIV в., во всяком случае во второй его половине, считали своим родным языком тюркский язык» (курсив мой. – В. Ч.). И еще одно научное сведение, касающееся уже судеб всего монгольского этнического элемента Золотой Орды: «После образования Золотой Орды кипчаки составили основное ядро ее населения, и процесс отюречивания численно небольшого слоя монгольского населения был закончен в XIV в.» (Аракин Д. В. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода. – В кн.: Тюркизмы в восточно-славянских языках, с. 121).

Для немногочисленных потомков основателей Золотой Орды стала совсем чужой их далекая родина, язык предков, суровый степной уклад жизни, сменившийся паразитическим сибаритством. Их давно уже не объединяли ни жесткие каноны устной Чингисовой ясы, совершенно забытой, ни древние верования, потому что даже среди первых монголов-европейцев были и христиане-несториане, и буддисты, и язычники-шаманисты, а с начала XIV века все больше становилось мусульман. Что же касается культуры, объединяющей тот или иной народ, то ни о какой золотоордынской культуре нельзя даже и заикаться. Археологические находки в районе бывшей золотоордынской метрополии рассказывают о материальной культуре покоренных земель и народов, о культуре разноплеменных и разноязычных степных народностей, веками формировавшейся на евразийских просторах, о культуре городских рабов-ремесленников, согнанных в Бату-Сарай из Хорезма, Руси и Венгрии, с Кавказа и Поволжья. Завоеватели-пришельцы не умели писать на своем забытом языке, не умели ни строить, ни ваять, а первоначальное этническое расовое растворение в различных народах усилилось в тюркоязычных половцах, сменившись последующим и окончательным – в хорезмийцах, из которых несколько поколений чингисидов-джучидов набирали советников, чиновников, евнухов, писцов, сборщиков дани, военачальников. Так что монголов на Волге в конце XIV века нельзя рассмотреть даже в самые сильные исторические микроскопы.

«Татары», как я уже писал, – собирательное, чрезвычайно условное летописное название разноплеменного войска, нападавшего на Русь в 1223, 1237, 1239 и 1240 годах, – прямого этнического отношения к предкам современных поволжских татар не имели. Центральноазиатские племена татар (та-та, татар), согласно монгольским источникам, почти полностью были уничтожены еще ордами Чингиса, и если их числить монгольскими, то остается загадкой, почему, в отличие, скажем, от калмыков, ни астраханские, ни касимовские, ни барабинские, ни кузнецкие, никакие другие татарские этнические группы не сохранили в достаточной степени заметных языковых, расовых и антропологических признаков своих монголоидных предков.

Чрезвычайно длителен и сложен этногенез основного населения современной Татарии.

Тюркоязычные болгары (булгаре), поселившиеся на Средней Волге в VIII веке, впитали в себя местные финно-угорские элементы, спустя века – половецкие в большой дозе, совсем ничтожную, едва ли вообще сколько-нибудь заметную монгольскую (татарскую?) их долю, долго звались «казанцами», лишь в начале XX века приняв официальное название «татары».

Таким образом, самые мощные этнические корни поволжских (казанских) татар уходят в глубь времен – к многочисленному, стойкому народу, создавшему еще в домонгольское свое средневековье богатое и сильное государство Волжскую Болгарию (Булгарию). Вместе со своими родственниками и соседями, свободолюбивыми степными рыцарями башкирами (башгирдами), волжские болгары первыми побили Субудая в 1223 году, потом стали первой жертвой первого похода БатуСубудая на запад, первыми отчаянно восстали в глубоком тылу их войск, сделались, как и русские, данниками Орды, и неверно с исторической и нелепо с лингвистической точки зрения повторяют сегодня слова о татарском иге, да еще к тому же... над татарами. В эпоху же позднего средневековья этнически смешанное Казанское ханство действительно стало одним из последних осколков распавшейся Золотой Орды; перед походом Ивана Грозного в нем пребывало в рабстве около ста тысяч русских людей...

Привычные выражения «монголо-татарские завоевания» или «татаро-монгольское иго» недостаточно полно отражают этнический состав степняков, напавших на Русь в XIII веке, и затушевывают социальную, классовую, автократическую природу феодальной империи средневековья, жестоко эксплуатировавшую позже множество народов и регионов Евразии. Пользуясь этими общеупотребительными упрощительными терминами, замену которым, очевидно, найти нелегко, мы всегда должны иметь в виду связанные с ними объективные обстоятельства больших исторических событий тех времен.

Эксплуататорская власть Золотой Орды распространялась на огромную территорию Евразии, ее контуры являли собой гигантский многоугольник, по границам которого находились районы сегодняшней Молдавии, Кемеровской области, Крыма, Азербайджана, пермских лесов, Среднего Урала, бассейна Оби, низовьев Сырдарьи и Амударьи. Гнет Золотой Орды, разъедаемой спонтанными противоречиями и внешнеполитическими факторами, в середине XIV века слабел повсюду, и жалкий авантюрист Мамай лишь сделал попытку приостановить колесо истории. Л. Н. Гумилев настаивает, будто «тесный союз», якобы существовавший между Ордой и Русью, к тому времени «стал тягостным для обеих сторон» из-за изменения на Волге религиозной ориентации и включения золотоордынцев «в чужой и враждебный Руси суперэтнос». По его мнению, на Куликовом поле «бой шел вовсе не с „поганами“ (то есть язычниками), а с „бусурманами“ (то есть мусульманами)». Посмотрим, так ли это, приняв к сведению, что никакого религиозного, «мусульманского суперэтноса» в Азии никогда не было и не могло вообще быть, как не было, например, «христианского суперэтноса» в Европе.

Сам Мамай был, возможно, исмаилитом, мусульманиномсектантом. Эта особая ветвь шиизма, возникавшая еще в раннее средневековье, верила в непогрешимость богочеловека, так называемого имама. Имамы должны быть обязательно из потомков Али, двоюродного брата и зятя Магомета, начиная с Исмаила, предком коего в седьмом поколении был Али. Приобщение к секте состояло из семи или девяти степеней посвящения. На четвертой степени сектанту внушалось, что Магомет выше Иисуса и Моисея, но ниже имама, то есть исмаилит с этого момента переставал быть мусульманином. На следующих ступенях посвященный узнавал, что все религии одинаковы, их предписания обязательны лишь для грубой черни, а не для тех, кто знает их мистический смысл. Исмаилиты-ассасины считали, что великий имам должен оставаться сокрытым для людей, а действовать по воле его обязаны наместники-миссионеры. Исмаилиты высших степеней постепенно сделались людьми с эклектическими

религиозно-философскими взглядами, преследовали только властолюбивые политические цели, разбивались на подсекты, вырождались в тайные организации заговорщиков и коварных интриганов, оплетавших своими сетями мусульман, христиан, иудеев, превращались в наемных убийц, готовых ради денег на любое преступление.

Это был своего рода международный орден, базировавшийся в передней Азии, в частности, в Иране и Сирии, но забросивший своих растленных агентов по всему мусульманскому миру и даже в Европу. Недаром, начиная с XII века, итальянцы называли коварных убийц *assasino*, а французы *assasin*; слово это, кстати, сохранилось в современном французском языке (*le assassinat* – убийство). От религии исмаилитов в конце концов остался только один наглый обман – непосвященным внушалась мистическая вера в отвлеченные символы, якобы заключенные в Коране, и возвращение на землю то седьмого, то двенадцатого имама-богочеловека. Мамай же, будучи, конечно, посвященным исмаилитом самых высших степеней, поклонялся лишь единому двуликтому дьяволу – деньгам и власти, и согласно, как пишется у Карамзина, «глупым басенникам» побежал с Красного Холма, призывая на помощь какой-то действительно очень странный набор богов: Перуна, Соловата, Мокоша, Ираклия и Хорса. Возможно, однако, что это был совсем не глупый летописец, просто подменивший именами языческих славянских богов имена неизвестных ему Али, Исмаила и никому не известного имени исмаилитского «живого бога» – Великого Имама.

Какого рода-племени был Мамай – никто не знает. Он мог быть из половцев-кипчаков, составлявших в орде этническое большинство, из хорезмийцев, которые к тому времени забрали в свои руки весь служилый аппарат Бату-Сарая и главных провинций, мог быть и китайцем, и человеком совершенно неопределенного национального происхождения – условно скажем, «татаро-монголом».

Вознесся Мамай при хане Бердибеке, женившись на его дочери. Вместе с тестем умертвил его родного отца и *двенадцать* братьев. Бердибеку аллах не дал наследника, и в двадцатилетней золотоордынской «замятии», перебравшей двадцать одного хана, Мамай, этот придворный интриган и честолюбивый военный служака, чувствовал себя как рыба в воде. Русский летописец отмечал, что у него «гордость бе велиа и чаяние выше меры».

Мамай трижды завоевывал Сарай и трижды изгонялся оттуда, потом закрепился на западе улуса – в понизовых междуречьях Днепра, Дона, Волги, на Кавказе, в Таврии. К походу на Москву Мамай готовился два года и собрал всех, кого мог собрать с помощью денег, посулов и плетей. Тотальной мобилизацией и скупкой вооруженных орд были охвачены не только подвластные ему земли, но и далекие их окраины, евразийские глубинки. Мамай «даваше обильно всем и посла во многие страны» уговаривателей – эмиссаров с торбами, наполненными данническим и награбленным русским серебром и заемным генуэзским золотом. «И снидошася к нему от многих стран Татарове на ласкание его и даяние»...

Татары? Вовсе нет! Этим условным этнонимом летописец назвал невообразимое по национальной и религиозной пестроте полчище наемников, добровольцев и подневольных, многим из которых суждено было остаться на Куликовом поле и сорокаверстном кладбище, протянувшемся от Непрядвы до Красивой Мечи.

Среди профессиональных степных грабителей и усмирителей, составлявших значительную часть вооруженных сил Золотой Орды и поскакавших на легкую, как им казалось, поживу за авантюристом, наверняка было большинство тайных и явных язычников. Автор летописной повести «о Побоищи, иже на Дону, и о том, князь великий како бился с Ордою», пишет, что Мамай пришел «с единомышленники своими и со всею силою татарскою и половецкою», отличая половцев как многочисленную группу степняков, которые, безусловно, еще не были полностью мусульманизированы. «Как бы ни были велики успехи ислама и при

Узбек-хане, они не выходили за пределы городской жизни и феодальной верхушки степи». «...Еще в XV в. в Дешт-и-Кыпчак было много язычников, т. е. многие придерживались шаманизма» (упомянутая работа Д. Грекова и А. Якубовского, с. 166, 168). Не исключаю, что в орде Мамаю находилось также некоторое число «татаро-монгол», заброшенных судьбой и событиями из бывшей далекой метрополии с ее столицей Пекином. Кто они были по вероисповеданию? Только не мусульманами! Г. Е. Грумм-Гржимайло отмечал, что еще и в XVI веке господствующей религией в Монголии был, наряду с буддизмом, древний шаманизм. Так что эта часть войска состояла из буддистов, язычников-шаманистов и даже конфуцианцев; китайцы-воины, верно служившие монгольской династии Юань, и окитаившиеся разноплеменцы, изгнанные из страны народным восстанием 1368 года, могли доскакать в поисках грабительского прокорма до крайних пределов распадавшейся империи. Среди «татаро-монгол» наверняка были также христиане-несториане; эта вера пришла в монгольские степи еще до Чингиса, сохранялась все средневековье, и ее исповедовали даже некоторые ханы, например сын Батыя Сартак.

Конечно, мусульман хватало в войске Мамаю, и летописец, очевидно не зная их этнической принадлежности, обобщенно пишет о «бесерменах» (басурманах). Предполагают, что «бесермены» – это камские болгары или хорезмийцы, но едва ли избегли этого похода другие «бусурмане», мусульмане-степняки! В XIV веке шла мусульманизация и тюркизация бесчисленных племен и народностей, согнанных в центр Великой Степи двухвековым военным самумом. И несомненно, что в полчище Мамаю влились отряды кочевников из Заволжья, с границ Синеи Орды – язычники, мусульмане и язычники-мусульмане, в чудовищной и часто спорной этнической пестроте коих не могут разобраться поколения ученых. На основании исследований Березина, Сенковского, Аристова, Бланкенагеля, Григорьева, Разумова, Сосновского, Ханькова, Радлова, Потанина, Бартольда, Банзарова и многих других Г. Е. Грумм-Гржимайло приводит умопомрачительный список племен и родов, составивших основу, например, «степных узбеков», которые в XVI веке заняли богатые земледельческие районы Средней Азии и слились с коренными жителями древнего Хорезма. В состав степного узбекского союза входили тюркские и отуреченные динлинские роды и племена – канглы, кипчак, киргиз, уйгур, карлык, аргын, алагин, тогус, юс, кучин; монгольские – хорлас, нукуз, кьжот, джалаир, ойрат, дорбет, онгут, татар, хонкират, мангыт, монгол, хатачии; не то тюркские, не то монгольские, не то тунгусские – кераит, найман, ктай (кидань), баргут; совершенно неизвестного этнического происхождения – меркит, минг, кенегес, кынгыт... Всего, как пишет ученый, «до сотни, да и эта цифра не является еще окончательной». Подчеркну, что сведения относятся к XVI веку, и трудно даже вообразить, какая этническая пестрота была в центре Великой Степи на два века раньше, во времена Мамаю, Тохтамыша и Тимура...

В подвластных Мамаю районах прошла повальная мобилизация. Летописи называют мордовских князьков, а также ясов и черкесов. Можно ли их включать в «мусульманский суперэтнос»? Нет! Ясы, предки осетин, были в то время частью язычниками, частью православными христианами, а собирательным именем «черкесы» тогда и позже называли разноплеменные народности Северного Кавказа и Прикаспия, среди которых первые русские этнографы различали абадзехов, адиге, бесленеевцев, бжедухов, мехешевцев, егарукаев, убыхов, шепсугов и многих иных. Приняв христианство еще от первых византийских миссионеров, они упорно продолжали исполнять языческие обряды и обычаи даже после прихода сюда через *несколько столетий* ислама шиитского толка. Летопись числит в Мамаевом войске также буртасов – народность мадьярских этнических корней и языческих, как

и мордовцы, верований, жившую в Прикавказье и Поволжье, где они полностью позже ассимилировались, хотя еще в XX веке в Поволжье сохранялось несколько деревень далеких потомков буртасов, почти неотличимых от русского населения, которое называло их *бурташами*. О кавказских буртасах и их соседях аланах (ясах) писал великий азербайджанский поэт Низами:

Плечистые аланы позади,
Буртасы слева рвутся напролом...

Почти неизбежно в бешеный круговорот тотальных военных сборов были втянуты и русские «вольные люди», жившие грабежом летописные бродники, будущие казаки, несомненно, православные христиане; еще при Калке они целовали *крест* Мстиславу и тут же во главе со своим атаманом Плоскиней предали киевского князя. Позже они платили дань Золотой Орде, о чем сообщал венгерский король Бела IV в письме римскому папе. Шли с Мамаем, очевидно, и мелкие отряды литовцев, с пограничьем и княжеской резиденцией которых так тесно контактировал горе-завоеватель; было бы противоестественно, если б они не влились в левый фланг Мамаева полчища, когда Ягайло вел из метрополии многочисленную сильную армию к тому же полю Куликову. Кем же были по религиозной принадлежности литовцы? Не мусульманами и не католиками, потому что католичество в Литву пришло лишь после 1386 года, когда Ягайло женился на польской королевне Ядвиге, обменяв на ее красоту и польско-литовский престол древние верования своего народа. Сам он был в 1380 году не то язычником, не то крещеным язычником, войско же его делилось на православных и приверженцев дохристианской языческой веры.

Кстати, плечом к плечу с Дмитрием Ивановичем, как известно, встали в полдень 8 сентября 1380 года два отважных и умных литовских князя. Андрей и Дмитрий Ольгердовичи привели с собой на Куликово поле не только псковских, полоцких, черниговских и брянских русских воинов, но и верных им витязей-земляков, сородичей и соплеменников. И еще уточню – митрополит литовский (киевский) Киприан, болгарин по происхождению, в 1380 году стал одновременно и митрополитом московским, так что в день Куликовской битвы противостояли друг другу тысячи единоверцев и единоплеменников, имеющих к тому же одного официального духовного пастыря.

А знаменитый русский историк Н. М. Карамзин когда-то разыскал в Синодальной библиотеке старинную книгу, в которой рассказывается, как 2 июля 1380 года прискакал в Москву один из стражей дальней границы Андрей Семенов. С пятьюдесятью конными удалцами он *одиннадцать* дней объезжал степями «силу» Мамаю, а на двенадцатый его «имали и поставили пред Царем». Мамай спросил: «Ведомо ль моему слуге Мите Московскому, что аз иду к нему в гости?» Далее Мамай перечисляет «Орды, Царства и Князей», идущих с ним на Москву, и под конец просит передать Дмитрию: «может ли слуга мой всех нас употчивать?» Дмитрий, как мы знаем, *смог употчевать их всех*, но отметим одну подробность того важного разговора: разных князей-военачальников под своим штандартом Мамай числил более тридцати, «опричь *Польских*».

И если участие поляков-католиков в битве на Непрядве не подтверждается другими источниками – Мамай мог просто прихвастнуть, то историки, веря летописям, не сомневаются, что какую-то часть разношерстного войска, пришедшего на Куликово поле, составляли армяне-григориане – наемные или мобилизованные воины, вероятно, не из Великой Армении, на которую власть Мамаю не распространялась, а потомки тех армян-изгнанников, что бежали на север в XIII веке, спасаясь за Кавказским хребтом от уничтожения ордой. И еще одно

несомненное сведение об этническом и религиозном составе орды Мамаю. Приплыл морем и прошел сушей на поле Куликово большой полк фряжских рыцарей, нанятый на заемные деньги черноморских и средиземноморских купцов. В наемном полку была та же этническая пестрота, которая характеризовала все это разбойничье-захватническое полчище. В Италии, откуда явилось на Русь закованное в рыцарские латы воинство, их называли *кондотьерами* – от слова *condotta* – «наемная плата». Отряды хорошо вооруженных авантюристов, нанимаемые в XIV веке итальянскими феодалами и мелкими тиранами, боровшимися за власть, города и земли, состояли в основном из немцев, но были среди них также английские рыцари, например свирепый Джон Гаквуд, предводитель отряда наемных англичан, французские и итальянские искатели легкой наживы, служившие оружием тому, кто больше платил.

О религиозной их принадлежности едва ли стоит говорить – быть может, только в детстве они были христианами-католиками. Один из самых беспощадных разорителей итальянской земли немецкий предводитель кондотьеров Вернер фон Урслинген, скажем, наводивший на Италию ужас в 1334–1352 годах, выбил серебром на своем панцире такой «религиозный» девиз: «Враг Бога и милосердия». Быть может, был он тайным темплиером, членом некогда могущественного духовно-рыцарского ордена храмовников-крестоносцев, основанного в начале XII века. С потерей своих земель и богатств в Иерусалиме и под влиянием мусульман, скорее всего, исмаилитов, орден разложился, разбрелся по Франции, Италии, Португалии и другим странам Европы, ввел кощунственные обряды, идолопоклонничество и в начале XIV века был обвинен в ереси.

Во Франции многих темплиеров, включая магистра ордена, пожгли на кострах, но следы тайного существования этой военизированной секты еще долго прослеживались в Европе – темплиеры, как и мусульманские исмаилиты, выродились в циничных и подлых религиозно-политических авантюристов. И не исключено, что среди продажных европейских кондотьеров было в войске Мамаю некоторое число темплиеров – участвовать в столь дальнем, тяжелом и авантюристическом походе согласилось, должно быть, за щедрую плату наиболее развращенное разбоем и святотатством человеческое отребье.

Летописец, перечислив очевидную часть, так сказать, наличного состава войск Мамаю, добавляет: «и иныя с ним». Не будем долго гадать, кто были эти «иныя», но вполне возможно, что национальную и религиозную пестроту огромной орды, поднявшей до неба пыль по всему каспийско-черноморскому югу летом 1380 года, дополняли, например, иудеи, которых русские летописцы числили среди сборщиков золотоордынской дани и ростовщиков; это могли быть и далекие потомки хазарского клана правителей, и крымские караимы – обособленная иудаистская секта, поселившаяся в Крыму задолго до событий, и персидские, выметенные народным восстанием торговцы, выступавшие в роли средневековых интендантов и маркитантов. Возможно, что освободительная борьба в Иране, окончившая к тому времени с властью Хулагидов, выбросила на север и часть их бывших прислужников, исповедовавших зороастризм, исконную религию персов, из горных районов Азербайджана, подвластного Золотой Орде, были мобилизованы не успевшие «обесермениться» христиане, поклонявшиеся разрушенным храмам древней Албании, с Тамани – готытетракситы, а из Крыма, с которым у Мамаю было связано столько экономических и политических страстей, вполне могли пойти на дальнюю соблазнительную добычу еще жившие там крымские готы, чью воинственность отмечали средневековые историки; готы были православными христианами, издревле пасомыми Византийской (Константинопольской) метрополией.

Итак, вражеское войско на Куликовом поле не представляло *никакого «мусульманского суперэтнуса»*, в полчищах Мамаю были не только представители всех мировых религий, но и последователи множества их разнотолков и ответвлений .

За два года повсеместных сборов к такому предприятию примкнули все, кто, служа или подчиняясь власти, наловчился стрелять, колоть, рубить, резать и грабить людей, азиатские и европейские ландскнехты и искатели приключений, степные, лесные и горные разбойники, рыцари наживы, средневековые уголовные преступники и прочее перекати-поле, в том числе и самый низкий человеческий сброд, не верящий ни в бога ни в черта, какого во все времена хватало на этой земле.

Меньше всего в полчище Мамаю было монголов и татар. Это было разноплеменное и разноязычное скопище разноверцев, обманутое, соблазненное, принужденное или купленное международным авантюристом XIV века, движимым непомерным воинским честолюбием, властолюбием и звериным политическим цинизмом, так что *Куликовская битва, широкое празднование любого юбилея которой не может оскорбить ни исторической памяти, ни национального достоинства или религиозного чувства кого бы то ни было из живущих, священна для всего цивилизованного человечества, потому что знаменовала собой особую, исключительную веху в мировой истории.*

Перейдем к этой важной теме.

40

Мамаевы полчища не были, однако, рыхлым или слабым конгломератом разнородных боевых отрядов. Они сорганизовались в тысячеверстном совместном целевом походе, подтянули фланги и тылы, слились, сжались утром 8 сентября 1380 года в единый мощный кулак. Кроме беспрекословного единоначалия их объединяла общая цель – изрубить в крошку, как они предполагали, неповоротливую мужичью рать Дмитрия московского и ринуться на незащищенные города и села русских с повальным грабежом, огнем и насилием. Однако не только это «Мамай мысляще во уме своем, паче же в безумии своем!» В одном из средневековых Синописов, «согласно с некоторыми иными списками», как пишет Карамзин, зафиксированы интереснейшие подробности событий, непосредственно предшествовавших Куликовской битве.

Дмитрий Иванович, узнав о приближении огромного войска Мамаю, сделал попытку дипломатическим путем предотвратить сражение. Он «отправил к Мамаю хитрого мужа Захария Тютчева, дав ему множество золота, серебра и двух переводчиков».

Встреча боярина Захария Тютчева, далекого предка великого русского поэта-философа Федора Тютчева, с Мамаем – еще одно свидетельство, как на самом деле относились к послам степные завоеватели, если они были уверены в своей силе и безнаказанности. Для начала разговора русский посол, разложив драгоценные дары, именем великого князя справился о здоровье Мамаю. Дипломат ничегошеньки не нарушил в посольском ритуале, однако Мамай тут же унизил и оскорбил посла. Он во гневе сбросил башмак с ноги и сказал Тютчеву: «се ти дарю», а своим воинам: «возьмите дары Московские и купите себе плети: злато бо и серебро князя Дмитрия все будет в руку моею».

Приведу еще несколько важных для нашей темы средневековых свидетельств. С весны 1380 года Мамай разослал по всем подвластным ему улусам повеление: «...ни один из вас не пашите хлеба, да будете готовы на русские хлеба». Это было нужно ему не только для того, чтобы оторвать от сельскохозяйственных работ ради своих чисто военных целей мужское земледельческое население обширных территорий, соблазнив его чужим хлебом, он задумал куда более серьезное. Кроме золота, серебра и хлеба нового урожая Мамай, оказывается, *вознамерился отнять главную ценность любого оседлого народа – землю*. Во время встречи с Захарием Тютчевым он изложил одну из основных целей похода на князя Дмитрия: «*землю же*

его разделю служащим мне, а самого приставлю пасти стада верблюжее».

Однако «чаяние выше меры» состояло и в другом, более опасном для судеб Руси! Мамай знал, конечно, об усилении в степной Синей Орде хана Тохтамыша, законного, по родове, наследника верховной ордынской власти, знал о жестоком и могучем, объявившемся за Каспием, железном Тимуре и понимал, что его узурпаторская власть в Орде недолговечна.

Мамай затеял не просто грабительский поход, каких Русь вынесла без числа. Этакую силу он собрал и не для того также, чтобы восстановить прежний размер дани или увеличить ее. Снова прислушаемся к угрозам Мамаю: «Баскакы посажаю по *всем* (курсив мой. – В. Ч.) градом русским, а князей русских изобью»... Есть и летописное сведение, касающееся планов завоевателя: «Царь Батый пленил всю Русскую землю и всеми странами и всеми ордами владел, также и Мамай мысляще во уме своем паче же в безумии своем».

Политический авантюрист задумал одним ударом ликвидировать войско Дмитрия, узурпировать власть не только в Московском княжестве, но и во всей Руси, передать ее землю, как главную ценность, в грабительскую эксплуатацию тем «князьям», что в тот момент служили ему и шли на Русь в его войске. Такой *порядок*, между прочим, существовал незадолго до событий на Руси в Китае, где вся земля была отобрана у земледельцев. Талантливый китайский историк профессор У Хань, погибший во время «культурной революции», писал: «Бедняки вносили залоговые деньги и подолгу умоляли о милости, прежде чем им сдавали по несколько му (му – 0,061 га. – В. Ч.) земли; целый год надо было вставать до света, работать при луне, проливать пот, трудиться без отдыха, чтобы получить хоть какой-нибудь урожай». Более половины этого урожая шло владельцу земли. «После уничтожения империи Сун население было организовано в двадцатидворки (цзя) во главе с монголом, который пользовался абсолютной властью над семьями, включенными в двадцатидворку». Захватчики-вельможи и их китайские прислужники получали обширные земли вместе с людьми «на кормление». «Максимум был у императрицы Борта-хатун в Чжэньдине: 80 тыс. дворов». И бесконечные поборы! Чудовищно велики они были при восшествии на престол очередного императора династии Юань, протокольные их описи сохранились в китайских архивах. Например, «по случаю воцарения императора Жэньцзуна общая сумма пожалований составила 39 550 лянов золота (лян – монета весом 37,3 г. – В. Ч.), 1849050 лянов серебра, бумажных денег на сумму 203279 динов (дин – денежная единица, равная 50 серебряным льянам. – В. Ч.) и шелковых тканей 472 434 куска» (Хань У. Жизнеописание Чжу Юаньчжана. М., 1980). Не этот ли порядок, о котором, безусловно, были наслышаны в Орде хотя бы через среднеазиатских чиновников, служивших там и тут, задумал Мамай перенести на Русскую землю, где основная часть тружеников-земледельцев была еще лично свободна?

Быть может, речь шла даже о создании обширнейшей и сильной новой Орды на Русской земле – во главе с Мамаем; эти честолюбивые «чаяния выше меры» представляли серьезную угрозу для сопредельных государств и народов.

Во время встречи с Мамаем Захарий Тютчев держался с достоинством, отвечал смело, и охрана Мамаю собралась было его убить, однако золотоордынский темник, уже мнивший себя властелином Руси, остановил их и пригласил русского дипломата к себе на службу. Тот прямо не отказался, попросив прежде отправить ответное посольство в Москву, Мамай отрядил четырех мурз и послал с ними и Тютчевым наглый ультиматум Дмитрию: «Ведомо ли ти, яко улусами нашими обладаешь: еще ли еси млад, то прииди ко мне да помилую тя».

Встретив на Оке первый русский отряд сторожей, Захарий Тютчев повязал мурз, разорвал в клочья грамоту Мамаю и отправил одного из сопровождавших посольство вражеских воинов сообщить обо всем в ставку.

Историки не знают точной численности войск Мамаю, который, конечно, преувеличил, сказав Андрею Семенову, будто в наличии у него семьсот три тысячи, а всем войскам числа он не ведаёт, но существует объективное и твердое мнение – за всю историю Руси *никогда* ещё не появлялся на её рубежах столь многочисленный, технически оснащённый, мобильный и профессионально подготовленный враг! А с севера на Куликово поле пришла «вся сила русская» – и воеводы, и дружинники, и ремесленники, и «сыны крестьянские от мала до велика», и «многие люди и купцы со всех земель и градов». Это была, по Карамзину, «вящшая» сила, когда-либо собранная на Руси, но сколько всего сошлось воинов под стяг Дмитрия, наука окончательно не решила.

Канун битвы имел одну подробность чисто военного характера, о коей следовало бы упомянуть. Военные историки много раз описывали подготовку к этому эпохальному сражению средневековья, восхищаясь полководческим новаторством Дмитрия, который, в частности, решительно и смело перешёл Дон, расположив войска перед Непрядвой. Этим он обезопасил тыл, исключил вероятность флангового обхода и какую бы то ни было возможность к отступлению. Известно, что полководцы Западной Европы применили эту стратегическую новинку только через двести лет.

Подчеркивая значение подвига Дмитрия, напомним, как разрешались две сходные военные ситуации прошлого. За триста без малого лет до Куликовской битвы, весной 1093 года, умер великий киевский князь Всеволод Ярославич, и половцы решили немедленно воспользоваться этим обстоятельством, чтобы повоевать Русскую землю. Против них выступил Владимир Мономах с двоюродным братом Святополком и братом Ростиславом. Русские войска остановились перед Стугной, и князя со своими советниками порешили было не переходить весеннюю наводнившуюся реку. «Кияне же мнози не восхотеша совета сего и рекоша: „Хощем ся бити, поступим на ону страну реки“». Поразительно звучат в исторической ретроспективе вещи слова Игоря: «Не такова-то река Стугна»... Половцы наголову разбили русских. Многие пали в злой сече, другие утонули в Стугне, в том числе и юный князь Ростислав, о чем с такой пронзительной печалью говорится в «Слове о полку Игореве»: «Уныли цветы от жалости, и дерево с тоской к земле приклонилось...» (Возвращая читателя к остановке авангарда Субудая у Игнача креста в марте 1238 года и повороту орды от Новгорода, замечу попутно, что сражение на Стугне, что «худу струю имея», произошло 26 мая, и это убедительно говорит о большом запаздывании весны в средневековье; причем Стугна, «бе бо тогда наводнилась вельми», текла по лесостепи и очень далеко от Новгорода, южнее даже Киева).

А ровно за сто сорок лет до Куликовской битвы прадед Дмитрия двадцатилетний князь Александр Ярославич с новгородцами и ладожанами прижал шведов-захватчиков к реке и нанес, им сокрушительное поражение, обретя в памяти потомков имя Невского...

Раз на раз, как говорят, не приходится... Незадолго до эпохальной Куликовской битвы состоялось несколько её, можно сказать, репетиций, в том числе и генеральная. Беру то самое пятнадцатилетие, предшествовавшее Куликовской битве, в начале которого мор ещё косил горожан в Твери, Торжке, Ростове, Пскове, Волоке Ламском, а почти в конце его пал «на скот и люди по всей земле Русской», то самое пятнадцатилетие, когда так часто «бысть сухмень велиа по всей земле и воздух куряшеса и земля горяше». От этих бед, а не от сырости, страдала Русь и все же набирала-накапливала силу, готовясь к решительной схватке с Ордой и уже не отступая ни на шаг, терпя иногда и поражения, но чаще одерживая победы. Остановимся на хронологии, уже привычной читательскому глазу.

1365 год. Грабительский поход на рязанские земли «царевича Тагая», Был разграблен и сожжен Переяславль-Рязанский, села и попутные города. Войско Тагая безнаказанно и «со

многой тягостью пошло в поле». Однако наступали, видать, иные времена – открытой борьбы, единения, дружного сопротивления врагу. На помощь дружине Олега рязанского, временно, очевидно, отступившей под натиском подавляющих сил степняков, пришли полки Владимира пронского и Тита козельского. Соединенные силы трех князей бросились вслед грабителям и нагнали отряды Тагая у реки Войды, возможно, на переправе, броду. «Быль им бой крепок и брань лютая и сеча зла, и падали мертвые отъ обоихъ сторонъ». Ордынцы были разбиты, а Тагай, «рыдая и плача и лицо одирая отъ многой скорби, едва с малой дружиной убежалъ».

1367 год. Нападение хана Булат-Темира на нижегородские волости. Нижегородский князь, объединившись с братьями, разбил степняков.

1373 год. Очередная грабительская рать Орды прошла по рязанским землям с огнем и мечом, приблизилась к московским рубежам. Дмитрий, предупреждая нападение на Московское княжество, вышел навстречу «со всей силой своей», одновременно послав за помощью в Нижний Новгород. Помощь прибыла незамедлительно. Объединенные русские полки встали на левом берегу Оки «и татар не пустили и все лето там стояли».

1374 год. Дерзый рейд по Волге новгородской вольницы. Правда, ушкуйники грабили и русские города, и ордынские селения, однако это разбойничье предприятие показало Руси, что стало можно пройти с оружием до низовьев Волги и померяться силой с воинством степняков в чреве Орды.

1376 год. Большой предупредительный поход московских войск далеко на юг, за Оку. «Князь великий Дмитрий Иванович Московский ходил ратью за Оку реку, остерегаясь рати татарской».

1377 год. Победоносный марш низовских князей на г. Булгар, подвластный Мамаю, и установление контроля над средним течением Волги.

1378 год. Вожа, генеральная «репетиция». Среди лета сторожа донесли Дмитрию, что идет на него сильное степное войско, посланное Мамаем и возглавляемое мурзой Бегичем. Московский князь выступил навстречу, переправился через Оку. И вот за небольшой рекой рязанской земли замаячили всадники в остроконечных шапках, заблестали на солнце острия их копий.

Русские войска не пошли на противоположный берег Вожи, «ста против них крепко». Дмитрий Иванович возглавил центральный полк, а князь Данила пронский и московский окольный Тимофей Вельяминов – фланговые. Несколько дней стояли противники на берегах Вожи, и 11 августа 1378 года, как писал Н. М. Карамзин, ордынцы наконец «сами начали битву: перешли за реку и с воплем поскакали на Россиян; видя же их твердость, удержали своих коней: пускали стрелы, ехали вперед легкою рысью». И вот по команде Дмитрия русские полки пришли в движение – одновременно ударили по центру и с флангов. Степная конница смешалась, обратилась в бегство. У переправы их расстреливали из луков, рубили мечами, кололи копьями. В сражении погиб сам Бегич и несколько ордынских «князей»: Хазибей, Коверга, Карагалук, Кострок... Наступили сумерки, за ними туманная ночь. Карамзин: «Ночь и густая мгла следующего утра спасла остаток Мамаевых полков. На другой день Великий Князь уже тщетно искал бегущего неприятеля: нашел только разбросанные в степях шатры, юрты, кибитки и телеги, наполненные всякими товарами».

Это была первая большая победа над степняками за полтора века!

Были за то же пятнадцатилетие, кстати, два горьких поучительных урока и еще один, особо приметный, обогативший Дмитрия бесценным военным опытом.

В 1368 году напал на Московское княжество Ольгерд литовский. Этого Дмитрий не ожидал, очевидно, оставив без надзора западные границы. Патриаршая летопись сообщает не только о нападении Ольгерда, но и дает ему отличную характеристику, как выдающемуся

полководцу, побеждавшему военной хитростью: «Никто же не ведаше его, куды мысляше ратью ити или на что събирает воинства много... да не изыдет весть в землю, на неже хочет ити ратью, и, таковою хитростью изкрадываше, многи земли поимал, и многи грады и страны попленил, не толико силою, елико мудростию воеваше». Дмитрий, правда, послал по своей земле грамоты, призывая на военный сбор, но они не успели – Ольгерд разгромил разрозненные отряды Дмитрия, стремительным маршем вышел к Москве. А из-за собственной беспечности на реке Пьяне через десять лет потерпело сокрушительное поражение от ордынцев нижегородское войско: «...доспехи своя на телеги и в сумы skutаша, рогатины, сулицы и копя не приготовлены, а инии еще и не насажени быша, такоже и щиты и шеломы; и ездisha, порты своя с плечь спущающе».

Дороговато обошлось в обоих случаях традиционное упование на «авось» и «небось», что заставило Дмитрия Донского принять летом 1380 года особые предупредительные меры. Отменные воины на лучших лошадях были загодя посланы далеко в степь и не спускали острых глаз с огромного вражеского войска. Были созданы специальные отряды удальцов-«сторожей», постоянно сносившиеся с Дмитрием, который, очевидно своевременно узнав о трехнедельном стоянии Мамаю в верховьях реки Воронежа, максимально использовал это время для сбора, концентрации, смотра войск и смелого марша его за Оку, на Куликово поле.

Сбор войск... Кажется поразительной организованность, с какой сошлись в Коломне русские полки, но не все, может быть, знают, что этому предшествовала грандиозная репетиция 1375 года. За несколько лет до этого, когда Дмитрию было всего двадцать один год от роду, он решается на смелый, достойный зрелого мужа поступок – отвергает претензии тверского князя Михаила на Владимирское великое княжение и сам отказывается ехать в Орду за ярлыком. Летописец зафиксировал его слова, исполненные уверенности и силы: «Не еду, а в землю на княжение Владимирское не пуцу». И вот, взяв на себя великое бремя объединения Руси и предвидя решительное военное столкновение с Ордой, Дмитрий подвигается на важнейшее государственное дело, отвечающее общерусским целям, – силой обеспечить тылы, окончательно нейтрализовать Тверь, извечную соперницу Москвы, и даже превратить, если удастся, это богатое и мощное княжество в союзника. Среди лета 1375 года Дмитрий объявляет общерусский сбор для похода на Тверь. Гонцам нужно было проскакать изрядные расстояния от Москвы во все концы – до Новгорода Великого, Брянска, Белоозера, Тарусы, Ярославля, других ближних и дальних городов, князьям на местах провести спешную мобилизацию войск, срочно и организованно стянуться в одно место и в одно время. В срок пришли к Волоку воины новгородские, ярославские, ростовские, кашинские, серпуховоборовские, суздальские, белозерские, городецкие, стародубские, молодежские, новосильские, оболенские – всего двадцать два отряда. В течение месяца осаждал Дмитрий Тверь, сила была явно на его стороне, и тверской князь вынужден был заключить очень важный договор с Дмитрием: «А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с единого всем противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с единого пойти на них».

Так вот, на ту первую общерусскую мобилизацию XIV века ушло всего две недели!

И через три года, как известно, состоялось первое победоносное сражение армии молодого Русского государства с ордынским войском на Воже, узнав о котором Мамай будто бы горестно запричитал: «Увы мне! Что створили рустии князи надо мною? Како мя срамоте и студу предали... како могу избыти сего поношения и безчестия?»

К. Маркс: «Дмитрий Донской совершенно разбил монголов на реке Воже. Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими».

В распоряжении Дмитрия к тем временам действительно уже было войско, которое можно назвать профессиональной общегосударственной феодальной *армией*. Она постепенно

создавалась в течение нескольких десятилетий перед Куликовской битвой посредством закрепления вассальной зависимости удельных князей от «старшего брата», то есть великого князя московского, закреплялась обязывающими «докончаниями»: «а кто будет брату нашему старейшему недруг, то и нам недруг, а кто будет брату нашему старейшему друг, то и нам друг». «Будеть ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья». И вот мобилизационная грамота-приказ Дмитрия, посланная с гонцами 15 августа 1380 года во все концы Руси: «Вы бы чяса того лезли воедин день и ночь, а других бы есте грамот не дожидалися».

Дисциплинированность, организованность и мобильность армии Дмитрия попросту поражает! Самая трудная военная дорога ждала князя Андрея кемского – он собирал своих воев на далекой северной реке Кеми, текущей в Белое озеро, и устюжских князей с Сухоны, неблизок был путь псковичей с Чудского озера, новгородцев с Ильменя, дружины Глеба Друцкого с правобережья Днепра, витязей Андрея и Дмитрия Ольгердовичей с литовского пограничья. Все они через болота и леса «лезли воедин день и ночь», преодолевая в сутки по 60–85 километров, что было рекордной скоростью для тех времен и условий. Причем следует учесть, что псковичи, например, и новгородцы были тяжеловооруженными. «Чюдно быша воинство их, и паче меры чюдно уряжено конми, и партищем, и доспехом...» «Все люди нарядные, пансири, доспехи давали з города», то есть из городских оружейных арсеналов.

В Куликовской битве все необычно – и решительный переход русских через Дон, и поведение Олега рязанского, и однодневное опоздание Ягайлы, и выбор места битвы, и выделение трети войска, его конной гвардии, в Засадный полк, и разительное неравенство сил. По средневековой воинской науке и практике, массированный удар конницы должен был обеспечить легкую победу над *пешей* ратью. Потому-то Мамай «и поиде на великого князя Дмитрия Ивановича, яко лев ревый, и яко медведь пыхаа, и аки демон гордяся».

Уставы европейских рыцарских орденов, ограничивая роль пехоты вспомогательными функциями, не возбраняли ей спасаться от кавалерии бегством и даже запрещали выставлять пехотинцев против конников.

Конница Мамай, значительно превосходившая по численности все воинство Дмитрия, устремилась на Большой полк его. Туда же был нацелен и бронированный таран фряжских рыцарей. Против русских была и тревожная неизвестность о действиях Олега и Ягайлы, и полное неведение о судьбе князя Дмитрия.

Обычаи средневекового европейского рыцарства требовали, чтобы князь, возглавляющий войско, сражался на виду – под хоругвью и при всех регалиях, увлекая своим примером дружину. Степные же военачальники выбирали удобное место, чтоб можно было наблюдать за битвой и руководить ею, а при неблагоприятном ее исходе спастись на лучшем скакуне. Не знаю, думал ли Дмитрий о внимательных взглядах на него из далекого нашего будущего, но поступил он в свой звездный час так, как никто из полководцев не поступал ни до него, ни после. Облачившись на виду всего войска в доспехи рядового ратника, он растворился в центре Большого полка, в своем народе, чтобы победить вместе с ним или умереть вместе с ним, а каждый воевода, самостоятельно оценивая обстановку, великолепно знал «свой маневр» и не нуждался в главном командовании – это было вершиной воинского искусства всех времен...

Поединок Пересвета с Челубеем описан много раз в подробностях, и я не стану повторять общеизвестное. Перейдем к чрезвычайно важному! Совсем-совсем не случайно мы, вспоминая наше давнее или сравнительно недавнее прошлое, говорим о славе русского *оружия*...

Прежде чем приостановиться на этой теме в связи с Куликовской битвой, хочу поделиться с читателем одним своим личным впечатлением. Живу я напротив Третьяковки. Прямо перед окнами – церковь Николы-в-Толмачах, без куполов, служащая пока хранилищем картин, а чуть наискосок – вход в знаменитую на весь свет картинную галерею, ее изумительный

васнецовский фасад. Нет-нет да захожу я туда, чтоб вновь и вновь насладиться творениями великих русских мастеров кисти, отдохнуть, укрепиться духом, повспоминать, прикоснуться к истории...

Восприятие произведений искусства у каждого человека индивидуально, и когда я стою перед знаменитым полотном Виктора Михайловича Васнецова, на котором изображены Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович, то вижу в нем величественный триединый символ русского, украинского и белорусского народов, охраняющих богатырскую заставу... А вот замечательная картина «Утро на Куликовом поле», которую Александр Бубнов начал писать в 1943 году – переломном в истории Великой Отечественной войны. В полотне этом тоже сквозит образно-художественная символика. Мужик с топором на переднем плане, Дмитрий Донской на коне, а за ним – сермяжно-лапотная Русь чуть ли не с дреколем... Однако реальное утро 8 сентября 1380 года на поле Куликовом было все же другим!

Какие бы ни были разнотолки среди ученых относительно подлинной численности войск Дмитрия и Мамаю, почти все они сходятся на том, что новая орда, нагрянувшая на Русь, значительно превосходила числом русское воинство. Как же оно могло нанести столь сокрушительное поражение Мамаю и его «князьям», его самому многочисленному за всю историю европейского средневековья войску? Чудо?

Любознательный Читатель. Чудес на свете, как известно, не бывает – все имеет реальную основу, материалистическое объяснение... Мамаева орда была втянута в мешок, вынужденные спешиться степняки потеряли маневренные преимущества, сражались только на фронте, занятом войском Дмитрия...

– Все верно, только кроме тактических и стратегических причин было еще одно, чрезвычайно важное. Археологи, историки, военные специалисты издавна изучали и изучают боевую *технику* средневековья – назову А. Н. Кирпичникова, А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, Г. А. Федорова-Давыдова, А. А. Строкова, В. Г. Федорова; данные о русском оружии средневековья давал и дает разнообразный и богатый археологический материал, былины, летописи, изография, литература, исторические сочинения разноязычных авторов. И я, суммируя их сведения, оставляю любознательного читателя наедине с историком.

Историк. Своего рода символом мощи и совершенства военной техники средневековой Руси можно счесть тяжелые и длинные, до ста семидесяти сантиметров, стальные стрелы середины XII века с металлическим стабилизатором, хранящиеся в Оружейной палате Кремля. По некоторым данным, их изобрел и применил сын Андрея Боголюбского Изяслав. Чтобы послать такой снаряд в гущу врагов, нужно было иметь очень сильный самострел. Степной всадник, пусть и великолепно владеющий своим главным оружием, стрелял чаще всего с коня, управляя им и одновременно натягивая тетиву и прицеливаясь – дальность полета стрелы и меткость попаданий снижались. Пеший же русский воин, стоявший на оборонительном валу, крепостной стене или в строю, хорошо защищенный броней, мог спокойно целиться из надежного и сильного, с прицельной рамкой самострела, технически довольно сложного устройства, где «тетива натягивается крючком, крючок натягивается гребенкой, которая передвигается системой двух шестерен» (Рыбаков Б. А. Русское военное искусство X–XII вв. М., 1945, с. 19).

Или взять простое и прозаическое русское изобретение, которое часто встречается археологам в погребениях IX века, – железная обойма нескольких разновидностей с одним, двумя или тремя пирамидальными шипами. Это – ледоходные подковки для обуви воинов и конских копыт – убедительное материальное доказательство того, что зимние военные дороги средневековой Руси проходили по замерзшим рекам и озерам. Приспособление давало преимущество русскому воину в ледовых сражениях зимы 1238 года, если войско нападавших

степняков в несколько раз не превосходило по численности отряды дружинников, ратников или партизан.

– Мы еще не говорили об основном оружии и доспехах русского воина...

– В самых ранних археологических слоях обнаруживаются шлемы, мечи, щиты, кольчуги, латы, копья длинные и короткие, метательные – сулицы, шпоры, детали конской сбруи и даже стальные боевые маски коней. Русь в эпоху своего средневековья была *вынуждена* производить надежное боевое и защитное вооружение, потому что враги нападали на нее со всех сторон. И уже в черниговской Черной Могиле, ранней и самой богатой находке, Дмитрий Самоквасов обнаружил набор оружия конного воина. Без такого оружия Русь бы не уцелела под напором западных рыцарей и восточных кочевников. – А каким было вооружение Чингисовых орд?

– Империя Чингиса представляла собою самую отсталую, тупиковую ветвь средневекового феодализма. Стоявшие на очень низкой ступени экономического и общественного развития, кочевники не производили собственного оружия, не изобрели ни одного нового боевого средства. Их разноплеменное легковооруженное и подвижное конное войско брало численным превосходством, жесткой дисциплиной, массированным применением лука и стрел, позже осадной военной техникой, заимствованной, как мы уже знаем, у более развитых народов, в основном у чжурчжэней и китайцев. Кованные маски степняков, хранящиеся в наших музеях, как показали исследования, были изготовлены в Индии. И только хорошо вооруженный воин Бату-Субудая имел защитный куяк из буйволово́й кожи, иногда с нашитыми на него железными пластинами. У Мамаю были тяжеловооруженные фряжские рыцари, а мурзы, эмиры, беки, баи, нукеры-телохранители защищались русскими, среднеазиатскими и кавказскими кольчугами и панцирями облегченного типа и устаревших образцов. Военная тактика и стратегия степняков вообще исключала применение тяжелого боевого и защитного снаряжения. Они даже не подковывали коней, чтоб не снижать их быстроходности. Основным вооружением степняков даже на Угре в 1480 году оставался тот же лук, легкое копьё, сабля, нож, колчан со стрелами и волосяной аркан, в то время как у русских воинов были уже «ручницы» – тяжелые пищали огненного боя. А когда в 1921 году Красная Армия очищала Монголию от белогвардейских и белокитайских банд, наши командиры жаловались, что негде подковать коня... Поговорим, однако, подробнее о качестве средневекового русского оружия, боевой оснастке профессионального воина, рыцаря.

– Только не стоит, наверное, преувеличивать, называя русского дружинника рыцарем. Рыцари были на Западе...

– Это не так! Анонимный восточный автор составил по материалам VIII века «Книгу пределов мира» и в «Рассуждении о стране Рус» пишет про воинство наших предков: «Одна часть их рыцарство... Там изготавливают очень ценные клинки и булатные мечи. Все руссы вооружены такими мечами, их рыцари всегда носят броню». Слово «рыцари» употреблено без перевода... Самым распространенным доспехом на Руси была кольчуга – замечательное военное изобретение наших предков; название ее происходит от русского слова «кольцо». Восьми-, десятикилограммовая рубашка из многих тысяч стальных колечек равномерно распределялась по всему корпусу, вес ее почти не ощущался. Этим русским доспехом охотно пользовались богатые рыцари Запада. В средневековой французской героической поэме «Рено де Монтобан» упомянута *bon haubert qui en Roussie*, то есть «добрая кольчуга, что из Руси», благодаря которой знатный рыцарь Рено де Монтобан стал неуязвимым в сражениях...

Русский героический эпос постоянно упоминает булатные кольчуги, латы, шлемы, щиты: «Пеленая меня, матушка, в латы булатные»... «Надевала Настасья Микулишна кольчугу булатную с ожерельем пансырным, опустила на лицо белое личину булатную с дорогими

каменьями, убрала косы под наголовник кольчатый и шелом из укладу булатного».

Что же касается меча, то это прямое, длинное, обоюдоострое, колюще-рубящее, часто тяжелое, двуручное оружие было неперменной принадлежностью русского воина; на мече клялись, меч посылали врагу как знак объявления войны, юных воинов посвящали в мечники, то есть меч был основным предметом рыцарского ритуала и главным оружием в бою. Вспомним еще и еще раз «Слово о полку Игореве»! Ярый тур Всеволод, брат Игоря, «гремит» со своим полком «о шлемы мечами булатными», а враги «головы свои подклонили под те мечи булатные» (харалужные). Значит, наши предки умели в те далекие времена выделять булатную сталь. Больше скажу – наши предки ковали булатное оружие за два с лишним века до Игорева «Слова»!

– Как это можно доказать?

– Мы уже упоминали замечательное средневековое персидское сочинение «Худуд-ад-Алем» («Пределы мира»). Анонимный автор донес до нас множество подробностей о земле наших предков. Это он написал о реке Руте, ему принадлежат слова: «Есть еще река Руса (Дуна), вытекающая из глубины земли Славян и текущая в восточном направлении вплоть до границы русов». Так вот, описывая «Куябу», то есть Киев («приятное место и резиденция царя»), он уточняет: «Из него вывозят различные меха и ценные мечи». Другими словами, Русь производила ценное оружие на продажу...

– Но ценные – не значит булатные.

– Упомянув еще один русский город, автор свидетельствует: «Там производят ценные клинки для мечей и мечи, которые можно перегнуть надвое, но если отпустить их, они возвращаются в прежнее состояние» (цит. по кн.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. М., 1982, с. 331).

И это из средневековой Руси распространялись такие понятия, как броня («Brunie» немецкой «Рифмованной хроники»), кольчуга, шелом, перчатки (от русского слова «перст»), доспех, секира, клинок, копье, самострел (арбалет). Воротковым или пружинным русским самострелом мог послать трехсотграммовую стальную стрелу даже неопытный в ратном деле отрок, пронзая любую защитную оснастку врага.

Превосходство наших предков в оружии объяснялось нуждами обороны, мастерством русских умельцев и – главное – уровнем развития экономики и промышленности, в частности металлургии и металлообработки средневековой Руси. Археолог А. Н. Кирпичников пишет, что в XII веке на Руси появляется много военных новинок международного класса, и часть их является по находкам древнейшими в Европе. «Таковы шестоперы, наруч, крюк для натягивания арбалета, кольчуги с плоскими кольцами, конская маска, шпоры с пластинчатым козырьком и шпоры с колесиком», а изобретательность русских оружейников «безусловно обогащала развитие военного дела не только в Восточной Европе» (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971, с. 78). Добавлю, что пластинчатая броня и гибкие кольчуги разных видов, надежно защищая русского средневекового рыцаря от стрел, ударов копий, сабель, мечей и боевых топоров, не стесняли свободы его движений, чем выгодно отличались от сплошных металлических западных панцирей, в которых малоподвижный рыцарь не мог без помощи оруженосца сесть на коня, был во многих конкретных ситуациях сражения почти небоеспособен, а выброшенный из седла, становился совершенно беспомощным – его легко глушили, прокалывали пиками, затаптывали копытами, заарканивали. О надежности же русского защитного боевого снаряжения неоспоримо свидетельствует тот факт, что князь Дмитрий, сражавшийся на самом тяжком участке битвы, не получил ни одной раны, а был лишь контужен от ударов по броне, которая вся оказалась во вмятинах и царапинах...

Очень интересны и мелкие детали-подробности русского вооружения тех времен. Шлем

западного рыцаря нельзя было разрубить саблей или мечом, и русские оружейники придумали боевую палицу, булаву – бронзовый шар на рукояти, снабженный пирамидальными выступами. Шлем не пробивался насквозь, но удар булавы мог оглушить врага, *ошеломить* его. Русский шлем – в отличие от плосковерхих или овальных западных и закругленных восточных, основу коих составлял деревянный каркас, – был с незапамятных времен больше как бы коническим, с коего соскальзывала сабля или меч противника, и этот шлем много-много позже взял Васнецов в качестве прообраза красноармейского шлема. Плечи русского воина, если на них со свистом опускалась острейшая сабля степняка или тяжелый меч западного рыцаря, оставались невредимыми, потому что меж латами и кольчугой прикреплялась широкая наплечная стальная пластина, от которой историческая традиция до сего дня сохранила офицерские погоны, самые, кстати, широкие в мире.

– Однако временами на защиту родины вставала и сермяжно-лапотная Русь...

– Лапти в крестьянской Руси носили как легкую, дешевую и гигиеническую обувь, очень удобную при косьбе, жатве, молотьбе и других сельских занятиях, но и крестьяне носили чаще кожаные сапоги и поршни, а лапти никогда не были обувью, надеваемой перед боем. За пятьдесят лет раскопок в новгородских городах и селах, где сырая земля отлично сохранила бы лыко, *не найдено ни одного лаптя, зато ученые обнаружили более двадцати тысяч кожаных сапог и туфель, около тридцати тысяч поржавевших деталей русских самострелов, десятки тысяч фрагментов лат, множество остатков мечей, копий, шлемов, кольчуг.* По данным науки, во всех странах Западной Европы, вместе взятых, найдено в археологических слоях IX–XIII веков значительно меньше кольчуг и шлемов, чем в земле тех же столетий одной лишь Новгородской земли, хотя Европа тогда была заселена несравненно плотнее, а в новое время тщательнее раскопана археологами...

И вот в полдень 8 сентября 1380 года встали стеной на Куликовом поле русские латники, витязи и рыцари...

– А какая разница между ними?

– Латник – средневековый русский воин, защищенный стальными одедами, броней: шлемом, кольчугой, панцирем. Латником мог быть купец, богатый посадский человек или крестьянин, любой состоятельный ратник, а боярин или рядовой профессиональный воин обязательно вставали в строй в латах. Витязь – по В. И. Далю – «храбрый и удаливый воин, доблестный ратник, герой, воитель, рыцарь, богатырь». Это понятие шире, чем рыцарь, – витязь мог быть и пешим. Рыцарь же – в прямом смысле – «конный витязь старины, когда ручной бой, меч и латы решали дело», а также «конный латник дворянского сословия». «Всадник раннего средневековья – это прежде всего дружинник-профессионал. Ему присуща высокая боевая выучка; он разнообразно экипирован. Боевой конь был своеобразным „живым“ оружием витязя X – XIII вв., и его снаряжение характеризуется теми же передовыми и мобильными техническими критериями, как и „холодные“ средства нападения и защиты» (Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX и XIII вв. – Археология СССР, вып. EI-36, с. 5).

Интересно, что в славянских языках слово «рыцарь» звучит сходно – на польском «рыцерж», на украинском «лыцарь», на болгарском «рицар», а в западноевропейских это понятие держится на совершенно разных коренных основах – по-английски «рыцарь» – «найт», по-итальянски «кавалъери», по-французски «шевалье», и только в немецком оно сходно со славянским звучанием – «риттер». Русское рыцарство, и, кстати, понятия о рыцарской чести, сложилось еще в раннесредневековой Руси, где, согласно «Покону витязному», знатный воин-профессионал, приучаемый к управлению конем и воинскому умению с младенческих лет, обязан был не только в совершенстве владеть оружием, но и, в отличие от западных рыцарей,

многие из которых были неграмотными, владеть «книгочейством», а кроме того, уметь «речи глаголетити» и «посольства правити», играть в шахматы и на гусях, сочинять песни, «красу женскую и честь девичью почитати и обороняти», то есть должен быть интеллектуально и нравственно развитым человеком, рыцарем в самом полном значении этого слова...

– Хорошо бы подвести окончательный итог – какое конкретно оружие и какие доспехи имело русское войско на Куликовом поле?

– Профессиональные витязи и рыцари из всех районов мобилизации – это была «кованая рать», «от глав их и до ногу все железно», хотя не все, конечно, воины были так вооружены. Подробные исследования письменных, изобразительных и археологических материалов, связанных с Куликовской битвой, показали, что наши предки имели совершенное вооружение тех времен – собственного изобретения и изготовления, а также все лучшее, что производили оружейники Запада и Востока. Даже простое перечисление этого оружия дает представление о его универсальном разнообразии: копьё харалужные, мечи русские, литовские, булатные, кончары (кинжики) фряжские, топоры легкие, кинжалы фряжские, мисюрские обоюдоострые, самострелы русские, стрелы каленые, сулицы немецкие, шеломы злаченые, черкасские, немецкие, шишаки (боевые наголовья) московские, калантари (безрукавные, со стальными пластинами доспехи) злаченые, щиты червленые, топоры чеканы, копьё злаченые, рогатины, сабли и байданы (пластинчатые кольчуги) булатные, палицы железные, корды (однолезвийные, прямые или слегка искривленные клинки) ляцкие, доспехи твердые, шеломы злаченые с личинами, кольчуги сварные и клепаные, шлемы с высоким шпилем для еловца (флажка), крюки серповидные железные на длинных древках для стаскивания всадников с коней (Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980, с. 74–82).

Куликовской битве посвящено множество научных работ, романов и поэм, но я лично предпочитаю летописные повести, сказания и тогдашнюю литературу – свежее, прямо с дерева, яблочко все же лучше сухофруктов, желе и компотов...

«Богатыри русские и хоругви их, аки живы пашутеся, и доспехи их русские, как вода во все ветры колеблющиеся. А шеломы на главах их, аки утренняя заря во время ведра светящееся и яблоцы шеломов их, аки пламя огненное».

«И абие ступишася обои силы велицеи их на долг час вместо, и покрыша полки поле, яко на десяти верст, от множества вой. И бысть сеча зла и велика и брань крепка, труск велик зело, яко же от начала миру сеча не была такова великим князем руским, яко же сему великому князю всеа Руси. Бьющим же ся им от 6-го часа до 9, прольяха кровь, аки дождсва туча, обоих – русских сынов и паганых»...

«На том бо поле силнии пьци съступишася. Из них же выступали кровавыя зори, а в них трепеталися силнии мльниа от облистания мечнаго. И бысть труск и звук велик от копейнаго ломления и от мечнаго сечения, яко немощно бе сего грького часа зрети никако же, и сего грознаго побоища. В един бо час, в мегновении ока, о колико тысящ погыбе душъ человеческих, създания божиа!»...

«И паде татарское тело на христьянском, а христьянское тело на татарском, и смесия кровь татарскаа с христьянскою, всюду бо множество мертвых лежаху, и не можаху кони ступати по мертвым не токмо же оружием убивахуся, от великиа тесноты задыхахуся, яко немощно бе вместитися на поле Куликове... множества ради многих сил сошедшеся».

Вчитываешься в летописи, народные сказания, в научные, популярно-публицистические и чисто литературные пересказы величайшего события средневековой истории и никак не можешь отделаться от ощущения, что Дмитрий, разработавший вместе со своими воеводами гениальный стратегический план битвы, предугадывал ее исход и будто бы заранее знал, что

конный Сторожевой полк целиком сгинет под саблями, но наведет главные силы Мамай прямо на него – туда, куда надо, что Большой полк, утопая в своей и чужой крови, не дрогнет и, главное, не побежит, не сделается легкой добычей вражеской кавалерии, которая увязнет в нем, как в глине, потом враг сомнет полк Левой руки и Запасный, однако покажет наконец тыл изнывающему в нетерпении Засадному полку Владимира серпуховского и Боброка волынского, что Олег рязанский, с которым Дмитрий породнится через несколько лет, в те дни, продолжая вести свою тончайшую и опаснейшую политическую, дипломатическую и военную игру, не нападет со свежей ратью из-за Непрядвы и не позволят ни сегодня, ни завтра этого сделать Ягайле, полудобровольно-нехотя выходявшему из безнадежной для него игры, и что Мамай в три часа пополудни, увидев с Красного холма финальную сечу, «с страхом встрепетав и велми стонав», панически вскочит на коня и не оглянется до самой Орды.

Пространная летописная повесть о Куликовской битве: «Тогда же на том побоищи убьени быша на съступе: князь Федор Романович белозерский, сын его Иван, князь Федор торусский и брат его Мьстислав, князь Дмитрий Монастырев, Семен Михайлович, Микула, сын Васильев, тысячкого, Михайло Иван, сыны Акинфовичи, Иван Александрович, Андрей Серкизов, Тимофей Васильевнчъ, Акатьевичи, наречаеми Волуи, Михайло Бренков, Лев Мозырев, Семен Меликов, Дмитрей Мининичъ, Александр Пересвет, бывый преже болярин брянский, и инии князи, их же имена не суть писана въ книгах сих. Сии же писана быша князи токмо, и воеводы, и нарочитых и старейших боляр имена, а прочьих боляр и слуг оставих имена и не писах их множества ради имен, яко число превосходить ми: мнози бо на той брани побьени быша».

Выписал я из повестей, сказаний, летописей и других средневековых источников «прочьи» имена, фамилии, прозвища участников Куликовской битвы, творцов великой победы – разведчиков, сторожей, воевод, князей, дружинников, ополченцев... Все они равны перед историей!

Гридя Хрулец, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Юрка-сапожник, Родион Ржевский, Андрей Волосатый, Василий Тупик, Яков Ослябятев – сын Осляби, Климент Полянин, Иван Свесланин, Григорий Судокон, Петр Горский, Карп Олексин, Андрей Ростовский, «нарочитый богатырь» Григорий Капустин, Андрей Стародубский, Василий Ярославский, Федор Моложский, Иван Квашня, Иван Смолянский, Глеб Брянский, Дмитрий и Владимир Друцкие, Семен Оболенский, Семен Антонов (Коротонос), Фома Хабычев, Андрей и Роман Прозоровские, Лев Курбский, Иван Васильевич Посадник и сын его Дмитрий, Фома Крестный, Дмитрий Завережский, Михаил Поновляев, Юрий Хромый, Родион Жидовинов, Игнатий Крень, Глеб Каргопольский, Фома Тынин, Стефан Новосильский, Константин Волк, Юрий Мещерский, Григорий Холопичев, Данило Белеут, Петруша Чуриков, Андрей Муромский, Федор Елецкий, Константин Кононов, Федор Сабур...

Список этот примерный, не полный и не точный, и давно пора составить историкам научный список участников Куликовской битвы, известных по именам, да высечь его значеными буквами в музее на Красном холме. Вечная память всем им, погибшим 8 сентября 1380 года на Куликовом поле или позже от ран и болезней...

«Князь же великий Дмитрий Иванович с прочими князи русскими и с воеводами, и с бояры, и с велможями, и со остаточными плъки русскими, став на костех, благодари бога и похвали похвалами дружину свою, иже крепко бишася с иноплеменники и твердо за нь брашася, и мужски храбоваша, и дръзнуша по бозе за веру христианскую, и возвратися оттуда на Москву, в свою отчину, с победою великого, одоле ратным, победив врагы своя».

Иногда пишут, что Мамай с Куликова поля бежал в Крым, где тут же был убит кафскими генуэзцами. Это не так. Мамай «дерзнул восстать» еще раз: «паки гневашеся и яряшеся зело и, собрав остаточную свою силу, еще восхоте ити изгоном на Русь». Очевидно, людские резервы

подвластных ему земель и сундуки со золотом-серебром не были исчерпаны, если он быстро собрал новое войско. С генуэзцами, чьи великие надежды рухнули, денежки плакали, а четыре тысячи воинов-земляков не вернулись с далекого севера, он рассчитался сполна – отдал им по договору 28 ноября 1380 года золотые земли южного берега Крыма от Судака до Балаклавы и селения готов, надеясь, очевидно, компенсировать потерю за счет земель Руси, уже неспособной, как он, очевидно, полагал, собрать новое воинство прежней численности и силы. «И сице ему умысльшу и се ему весть прииде, что идет на него некий царь со Востока именем Токтамышь ис Синее Орды».

Мамаю пришлось повернуть не на север, а на восток. В районе Калки, севернее теперешнего Жданова, Тохтамыш наголову разбил войско авантюриста, и Мамай, эта, по выражению автора «Сказания о Мамаевом побоище», «неутолимаа ехидна», бежал в Крым. В городе Кафе (ныне Феодосия) – центре работорговли на Черном море, это «имение» было отобрано, проходимец убит и брошен на съедение голодным свиньям...

В последний раз обратимся к новациям современного ученого, к его «этнической истории».

Без антинаучной, ничем не обоснованной сверхновизны доктор исторических наук Л. Н. Гумилев не может. В самой последней статье, напечатанной уже после журнальной публикации «Памяти», он по-прежнему прокламирует «этнически-симбиозные отношения между Золотой Ордой и Русью», продолжает разъяснять, что такое «пассионарность», которая, оказывается, есть некая «присутствующая во Вселенной человеческая энергия», не связанная «зависимостью с этическими нормами».

И есть кой-какая новизна – мир XII–XIV веков делится теперь уже не на две части, а на три: католический, православный и мусульманский «суперэтноты», якобы внутренне единые, но смертельно враждебные друг другу, хотя общеизвестно, что история не знает религиозных суперэтнических войн, а как раз внутри этих «суперэтноты» в средневековье мира не было никогда – не прекращались военные распри среди русских и литовских князей, шли непрерывные феодальные, религиозные, межгосударственные и межнациональные войны в Западной Европе, на востоке католического региона произошла грандиозная битва при Грюнвальде, а в третьем мире без конца воевали чингисиды, арабы, турки-сельджуки, к концу же периода значительная часть «мусульманского суперэтноты» была залита кровью, испепелена жестоким человеком, ни разу не улыбнувшимся за тридцать лет, мусульманином Тамерланом, виднейшим носителем, выходит, той самой «пассионарности» – то есть сконцентрированной в нем человеческой энергии, какимто образом перелившейся из Вселенной в эту особь, не связанную зависимостью с этическими нормами...

Однако новые «открытия» блекнут перед новейшими! Л. Н. Гумилев утверждает, будто этногенез длится в истории 1200 лет – за этот отрезок времени народ зарождается, достигает зенита и погибает, исчезает с лика Земли. Поразительное откровение! Значит, должно считать уже исчезнувшими такие, например, народы, как армянский или японский? Отжив три срока, согласно этой сверхновой гипотезе, китайский и индийский народы трижды вымерли, хотя на самом деле индийцев скоро будет семьсот миллионов, а китайцев миллиард. Тем же малым аршином пытается мерить Л. Н. Гумилев и русский народ, беря за точки отсчета Куликовскую битву, как начало русского народа, и ее недавний круглый юбилей: «Ход этногенеза идет без остановки, – апокалипсически вещает ученый автор, – 1200 лет этноса отстукивают. И теперь законный вопрос: много это или мало – 600 лет в истории, в жизни народа, победившего врагов? Я отвечаю: шестьсот лет – это середина – это время зенита» (Гумилев Лев. Год рождения 1380... Статья подготовлена А. Куркчи. – «Декоративное, искусство», 1980, № 12, с. 37).

Таким образом, дорогие соотечественники, как бы мы после сентября 1980 года ни стремились развивать свою экономику и культуру, как бы мы ни крепили дружбу народов и международное добрососедское сотрудничество, третий по численности народ современного мира и самая многочисленная нация Советского Союза, имеющая такие заслуги перед мировой историей, бесследно исчезнет с лика планеты теперь уже меньше чем через шесть столетий! Правда, исходя из этой супермодерновой гипотезы доктора исторических и доктора географических наук Л. Н. Гумилева, мы не будем одиноки. Намного раньше, едва ли не в ближайшие десятилетия, сами собой исчезнут французы, норвежцы, немцы, поляки, шведы, англичане, болгары, итальянцы, испанцы, то есть практически все народы Европы! Давненько мы не слыхивали таких «пассионарных» умозаключений, никогда еще великая наука и великое искусство истории не выглядели столь, так сказать, декоративно...

Л. Н. Гумилев. Некоторые исторические аспекты социальной географии

Отечественная географическая наука за последнее десятилетие сделала огромные успехи как в плане теоретическом, так и в сочетании с близкими научными дисциплинами. Близость географии и истории ощущалась давно, хотя, казалось бы, география – это то, что может быть отмечено на карте, а история – то, что привязано к дате. Но пространство и время могут быть введены в единую систему применением стереоскопического подхода, свойственного диалектическому методу, рассматривающему явления не как статические величины, а как процессы, протекающие во времени и пространстве. Этот подход отличается от примитивного описательства постановкой проблемы генезиса феномена, т. е. введением координаты анизотропного времени. А если сказать проще, то кроме вопроса «что это»? ставится вопрос «почему это случилось?»

Этот подход не нов. В «Немецкой идеологии» К. Маркс отметил, что существует только одна наука – история, как «история людей и история природы», постоянно взаимодействующие между собой 1, и предсказал в «Экономическо-философских рукописях» то, что «Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание» 2. К этому уже подошла советская наука. В. В. Косолапов 3 открыто заявил, что «общество еще развивается под влиянием не только социальных, но и биологических факторов». И тут очень важно определить роль феномена этноса, который, будучи маргинальным явлением между биологией и обществоведением, может быть исследован путем обобщения огромного количества исторических фактов, накопленных в многочисленных хрониках. Необходимо только найти к ним подход, соответствующий поставленной проблеме.

Этот подход найден, благодаря применению теории систем. Социум и этнос представляют неразрывное диалектическое единство сочетание социальной формы движения материи или социального развития и дискретных биосферных процессов – этногенезов. Было бы неверно подменять одну из форм развития другой и считать человека только двуногим зверем или только членом профсоюза, без пола, возраста и этнической принадлежности. Этносы существовали столько же, сколько сам вид хомо сапиенс.

В самом деле, первобытные предки людей до того как они научились изготавливать орудия и, тем самым, создали предпосылку для социального развития, жили коллективами,

адаптировавшимися в ландшафтах. Эти первичные коллективы приматов и являются прообразами нынешних этносов, развивающихся согласно трем основным законам диалектического материализма, в частности – закона отрицания отрицания. Как все природные явления, этносы существуют лишь в динамике, т. е. в виде долгоидущих процессов, которые мы называем этногенезами.

Итак, благодаря приведенным выше дефинициям, мы видим, что социальная география и этнология при использовании накопленных данных истории событий и новооткрытом системном подходе открывают широкую перспективу научных достижений, а каждая наука тем и ценна, что позволяет заменить обывательское мировосприятие, основанное на непосредственном видении мира, на научное, базирующееся на его познании.

Например, человек видит, что Земля плоская и неподвижная внизу, а Солнце вращается наверху. Но теперь, благодаря Науке и школьному образованию все знают, что это обман чувств, и Земля вертится вокруг Солнца. А ведь еще 500 лет тому назад эта истина не воспринималась и подвергалась гонению невежд.

Но физика справилась с воинствующим обывателем, а история и география должны еще преодолеть барьер, разделяющий два несходных явления: авторитет и апломб.

Для пояснения, сделаем краткий экскурс в историю науки, великое переселение народов смело следы античной образованности и в X в. научная традиция должна была начаться с нуля, источником знания тогда считалась Библия на латинском или греческом языках. Языки это трудные и книгу достать было трудно. Проверить цитаты было сверхсложно, чем широко пользовались шарлатаны, утверждавшие все, что приходило им в голову, как заимствованное из Писания. С такими злоупотреблениями пришлось бороться, и появилась схоластика – школьное знание. Схоласты ввели в практику отсылочные сноски. При цитации требовалось указать книгу, главу и стих, без чего цитата не принималась. Эта система существует поныне и дает прекрасные результаты. В XV в. гуманисты усовершенствовали историческую критику. Сведенье, взятое из текста, должно было не противоречить другим достоверным сведениям и логике.

К XIX в. требование непротиворечивости было распространено на природные условия. Например, Геродот дает число персов высадившихся в Марафонской бухте – 110 тысяч. При проверке на месте было установлено, что могло высадиться 3500 пеших воинов. Таких проверок было сделано много.

В наше время историческая критика – необходимый инструмент социальной и этнической географии – стала важной вспомогательной дисциплиной: и ни один ученый не пренебрегает ею, что бы не потерять репутацию. Писатели смелее. Они часто пренебрегают хронологией и географией, а ныне «рядовой писатель» В. Чивилихин выпустил «романэссе» – «Память» с собственной концепцией истории нашей родины в IX–XIV вв. Считаю своим долгом специалиста предупредить читателей этого произведения, что оно выполнено по кондициям X в. И источником информации быть не может, по следующим причинам.

Роман эссе, «Память»** содержит новую концепцию истории, которая замаскирована огромным количеством отступлений от темы. Тут и случайные ассоциации автора, и рассказы о его знакомых, о его болезнях, даже о покупке сигарет, что уж совсем не имеет познавательного значения. Но выделить концепцию все-таки можно. Она оригинальна, ибо никто ранее такого не утверждал, и фантастична, так как противоречит большинству достоверных фактов. Заключается она в следующем.

В IX–XIII вв. русичи были сильны, богаты, культурны и с восторгом платили дань киевским князьям, которых обижали злые некультурные половцы и нахалы – ливонские рыцари. Так ли?

А на Дальнем Востоке одновременно образовались два государства: чжурчжэньская империя Кинь и объединение монгольских племен. Чжурчжэни – предки маньчжуров – были хорошие. Они разложили родовой строй, создав военную деспотию, покорили соседних киданей, подчинили себе Северный Китай, развивали промышленность путем применения рабского труда (№ 9, с. 25–26). Но к сожалению на чжурчжэней напали злые монголы. Храбрые чжурчжэни, яростно сражаясь, дали себя разбить, ибо «монголы хотели грабежа» (№ 9, с. 37). Но почему-то на чжурчжэней напали еще тангуты, «краснокафтанники» (китайские крестьяне, восставшие против поработителей) и южнокитайская империя Сун. Но эти тоже хорошие и чжурчжэни их побеждали, а вот монголы – нехорошие, потому что победили и убили *всех* (№ 9, с. 44–45) чжурчжэней, *бывших предками маньчжуров*. Как совершилось посмертное оплодотворение пусть объясняет «рядовой писатель». Но откуда такая любовь к чжурчжэням?

Поясняю. Между двумя одновременно возникшими этносами действительно была долгая война, причем чжурчжэней было в десять раз больше чем монголов. После победы монголы ввели чжурчжэньский корпус-гумэн в свое войско, уравнив покоренных с собою, китайские авторы XIII в. считают чжурчжэней живодерами хуже монголов, но сравнение на их совести.

Вернемся к изложению взгляда автора романа-эссе. Рядом с чжурчжэньской империей было царство Тангут (№ 9, с. 42–43), очень сильное и культурное. Слабые монголы стерли это царство с лица земли в 1227 г. да так, что потом было «случайно найдено несколько тангутских книг и рукописей, но прочесть их никто не может». *Поясняю.* Только в Ленинграде хранится 390 тангутских книг, а вообще их число превышает 10 000. Н. А. Невский в 1962 г. получил Ленинскую премию за книгу «Тангутская филология», а М. В. Софронов в 1968 г. выпустил «Граматику тангутского языка». Но самое интересное, что тангутские книги писались при монголах, а город Ицзин-ай был взят китайцами в 1405 г., и только тогда тангутский народ был уничтожен. Как надо любить китайцев, чтобы их преступления приписывать монголам?!

А монголы... по В. Чивилихину – это сброд преступников без рода и племени, а Чингис – негодяй, запугавший свой народ (№ 9, с. 18–23). Да и не свой! Оказывается, что чингис не монгол, потому что он был блондин (№ 9, с. 17). И армия его была не монгольской, а было разноплеменное войско (№ 9, с. 21), объединенное при Чингисе (№ 9, с. 17), культом жестокости и страха (№ 9, с. 22). Первое время Чингис бил своих и тогда он был прогрессивен, а когда он стал побеждать соседей – стал реакционен (№ 9, с. 23). Так как даже В. Чивилихину ясно, что один человек не может проделать таких фокусов, то он объясняет, что ему помогали «люди длинной воли» – преступники (№ 9, с. 23).

Поясняю. Монголоязычные племена жили на своих землях родовым бытом, и они-то составили ядро войск Чингиса. «Люди длинной воли» – социальный феномен начавшегося классообразования – описаны мною в 1970 г. Заверяю, что это отнюдь не преступники, а дружинники хана, дисциплинированные и смелые, которых нельзя было запугать жестокостью. Если же принять концепцию В. Чивилихина, то надо признать, что трусливые бандиты разгромили лучшие армии XIII в., а это абсурд.

В. Чивилихин знает, что в 1216 г. монголы разгромили племя меркит, отступавшее с боями от Селенги до Иргиза, после чего «был открыт путь на запад» и монголы обрушились на Среднюю Азию. (№ 9, с. 39) Но Отрар, на который напали монголы находится не па западе от Иргиза, а на юго-востоке, география подводит автора романа-эссе.

Поясняю. Инициатива войны принадлежала не монголам, а хорезмшаху Мухаммеду, напавшему на монгольский отряд на Иргизе в 1216 г., разрешившему перерезать купцов – монгольских подданных: и убившему послов, присланных для выяснения происшедшего.

Но по утверждению В. Чивилихина целью похода был грабеж и только. Сами воины не

были заинтересованы в войне, а отдавали свои жизни ради «жадных олигархов», Верно, ради грабежа не нападают на превосходящие силы противника, и сам автор понимает, что при далеком походе увезти добычу невозможно (№ 11, с. 125). Но коль скоро так, то грабеж не был целью похода, вопреки основному заявлению автора эссе.

Как известно, монголы, развивая успех, послали отряд из трех тумэнов через Кавказ в тыл половцам, с которыми они с 1216 г. вели тяжелую и безуспешную войну на рубеже Иргиза и Мугоджар. По утверждению В. Чивилихина половцы были злейшими врагами Руси и «за полтора века предприняли почти 50 больших походов на Русь» (№ 10, с. 4–5). На самом деле, в начале XII в. Владимир Мономах разгромил и подчинил западных половцев, Дон стал границей сферы влияния Киевской Руси еще в 1084 г. Владимир Мономах «ходил с половцами и черниговцами к Минску, взяли город изъездом и не оставили там ни челядина, ни скотины» («Почтение Владимира Мономаха» – М. З.) Кто виноват в разоре земли русской: киевский князь или его наемные союзники?

Половцы после 1115 г. практически никогда не нападали на Русь самостоятельно. Например, Пашуто В. пишет: «По мере того, как разгоралась междукняжеская борьба за Киев, половецкие ханы и орды втягивались в нее в качестве вспомогательной наемной силы, причем и Половецкая степь оказалась расколотой на сферы влияния: приднепровские, заорельские и, может быть, поморские половецкие ханы тяготели к Киеву; лукоморские, видимо, были в союзе с Галичем; донские скорее всего тянули к Чернигову, а заволжские все сильнее связывались с суздальскими великими князьями». (В. Т. Пашуто. внешняя политика Древней Руси, с. 205). И ниже указано, что при этом половецкие набеги затронули «около одной пятнадцатой территории Руси» (с. 213). Поскольку же, как правило, половцы выступали союзниками тех или иных князей в междусобных русских войнах, то связи русских с половцами тем самым укреплялись. «В условиях почти ежегодно заключавшихся миров и брачных договоров многие половцы начали уже в середине XII в. переходить (часто целыми родами) в христианство. Даже сын и наследник Кончака Юрий был крещен». (С. А. Плетнева. Кочевые народы XII–XIII вв. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966, с. 461).

Русские же помогали половцам в войне с сельджукским десантом в Крыму, в 1221 г., и с монгольским рейдом 1223 г., кончившимся битвой на Калке, врагам не помогают! Опять тягостное недоумение.

Ну и конечно, монгольский поход на Русь по В. Чивилихину был предпринят только с целью ограбления и завоевания, хотя он сам пишет, что «в покоренных городах Руси орда не оставляли ни... комендантов, ни гарнизонов» (№ 11, с. 113). Так в чем же тогда заключалось «покорение»? Уж не издевается ли автор над читателем?

Затем, почему автор эссе клеветает на наших предков? По его заявлению, монгольский корпус в 45 тыс. всадников, половина которых вела операции в низовьях Волги за пределами Руси, уничтожил триста городов, из коих ни один не сдался. А ведь на Руси было свыше 100 тысяч обученных ратников, да еще ополчение, ибо население Руси равнялось 6 млн. Выходит, что трусливый разноплеменный сброд, удерживаемый в покорности только ужасом перед начальством, перебил все русские рати, превышавшие их, в числе, вооружении и снабжении. Да как могло быть такое? И почему читатель должен этому верить?

А вот почему. Оплевывание русской древности автор называет «патриотизмом», хотя для этого точнее название «национал-мазохизм». Разрушение всех русских городов монголами – ложь, ибо каменные здания XI–XII вв. стоят до сих пор. По летописи из 300 русских городов были взяты только 14, а прочие избежали конфликта, пропустив армию Батыя через свои земли, выдав монголам контрибуцию провиантом и конями, потому что цель Батыя была в том, чтобы пройти в тыл половцам и зажать их в клещи. Эта цель была достигнута. Половцы отступили в

Венгрию, где живут до сих пор. Исключение из правила – осада Козельска. Остановимся на этом эпизоде, а заодно исследуем творческий метод В. Чивилихина.

В. Чивилихин декларирует свой метод: «Я пользуюсь привилегией писателя придумывать мелкие подробности, *не имея права сочинять факты*, искажающую большую историческую истину».(№ 11, с. 149).

И крупные события мелочи быта равно требуют знания эпохи. Вымысел не искажает истории лишь при отсутствии анахронизмов, и географии – при знании законов природы. Соблюдена ли эти условия в «романе-эссе»? Посмотрим по темам.

География. Начнем с «мелочей» – «загадки Козельской крепости» (№ 12, с. 49). Эта крепость на высоком мысу при слиянии двух рек. Казалось бы, все ясно. Но В. Чивилихин объясняет читателю, что *правый* берег речки Другусны, не естественный, а насыпной, ибо, по утверждению автора «все наши реки, текущие с юга на север, подмывают под влиянием вращения Земли, делают крутым западный *левый* берег». И река Другусна «подчинялась гидродинамическим законам» В. Чивилихина, но против этих законов работали поколения вятичей. Здесь «рядовой писатель» выступает против выдающегося академика. Согласно закону Бэра все реки Северного полушария, куда бы они ни текли, на юг или на север, прижимаются к правым берегам и подмывают их. А в Южном полушарии наоборот, к левым. Их-то В. Чивилихин спутал с реками текущими с юга на север.

Ниже (№ 12, с. 51) В. Чивилихин, обнаружив речные излуины и старицы, характерные для большинства рек, объясняет это «делом рук замечательных инженеров, вытворявших с Другусной все, что захотят, и „с гениальной простотой поворачивавших реки вспять“». Нет, древние вятичи не нуждаются в том, чтобы им приписывать как заслугу то, что делает любая река в слабо пересеченной местности.

Это замечание по поводу «мелочи», но оно показывает образовательный уровень автора и настораживает при переходе к сюжетам, имеющим принципиальное значение для концепции предложенной «рядовым писателем».

Этнография. То, что фактический командир армии Батыя – Субутай-багадур талантливый полководец автор эссе признает. Но он указывает, что Субутай не монгол, а урянхай (№ 9, с. 45), забывая, что сам же он назвал монголов сбродом кочевников. Субутай был приемышем в семье Чингиса и воспитан его матерью как родственник. Поэтому он соблюдал все монгольские обряды. Так вот, «Субутай совершил в ручье омовение рук и лица» (№ 11, с. 144). По монгольской ясе за это полагалось отрубление головы, потому что монголы считали, что мытье под открытым небом вызывает грозу. Ведь это все равно, что написать: «Дизраэли обновил на лице татуировку, продел в нос кольцо и поехал в палату общин представляться королеве Виктории».

Затем, «кипчак-переводчик» с русского языка. На какой? Если это восточный, с Зайсана – то не знал русского, а если это был западный кипчак, т. е. половец, то он не знал монгольского языка. Опять абсурд!

Дальше, «старый ойрат или кипчак» грабил русскую женщину, но она была сильнее. «Субутай велел сломать спины обоим» (№ 11, с. 116). Во-первых, «старых ойратов» в поход не брали, а кипчаки воевали против монголов; во-вторых, ломали спины только благородным, а черни рубили головы.

Это все равно, что сказать: «Генерал Фош приказал колесовать своего дворецкого» в 1920 г. Это, конечно, «мелкие подробности», но если их выдумывать то надо озаглавить роман не «Память», а «Фантазия». И уж если автору так хочется свободы вымысла, то лучше бы ему перенести действие в Атлантиду или на Марс. Тогда бы упреки были неуместны. Но здесь автор обязан не лгать на народы, потомки которых ныне составляют около 20 % населения

нашей страны. Ведь с монголами пришли предки казахов, узбеков, тувинцев, ногайцев и многих других. Такт при вымысле необходим. Если бы то, что мы читаем в романе было правдой, мы бы молчали, но зачем выдумывать оскорбительную ложь про друзей?

Палеогеография. В 1909 г. Л. С. Берг опубликовал важное наблюдение: оппозиционность трансгрессий Арала и Каспия. Объясняется это явление просто, но последствия его важны.

Аральское море увлажняется реками степной зоны, а водосбор Волги, дающий Каспию 81 % влаги, лежит в лесной зоне. В. Ю. Визе в 1940 г. установил, что пути циклонов несущих влагу с Атлантического океана, могут перемещаться на тысячи километров и проходить то над степью, то над лесной полосой континента, иногда наблюдается одновременное понижение уровней Аральского и каспийского морей. Это значит, что ложбина в атмосфере сместилась в полярную зону, севернее водосбора Волги и там тают морские льды. Изучение истории походов викингов подтвердило это соображение, но В. Чивилихин отверг достижения науки. Для вящей убедительности он упростил схему, исключив из нее полярную зону и оба моря: Каспийское и Аральское и, восприняв определение X в. как засухи в степной зоне, решил, что переувлажнение имело место в лесах Волго-окского междуречья, а оно связано с «расширением болот, подтоплением сел и городов, малым медовым сбором, плохим опылением культурных растений, уменьшением вегетационного периода, вымоканием урожаев, сокращением сенокосных и пастбищных угодий, сухопутных и зимних транспортных путей и, как следствие, замиранием политической, хозяйственной и военной деятельности народа, живущего в этом районе Евразии»... (№ 12, с. 105) *1. Этой характеристике, по мнению автора эссе, противоречит создание в X в. «сильного захватнического государства, сравнительного с империей Карла Великого» (№ 12, с. 106) *2. Взрыв политической и военной активности... объясняется «глубокими экономическими, социальными и иными историческими процессами» (№ 12, с. 106) *3. Какими именно – не сказано. Так кто же прав: советская география или рядовой писатель?

В начале X в. произошла трансгрессия Каспия с абсолютной отметки минус 32 м до минус 29,5–28,5 м. (Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене, М., 1980, с. 40). Так как Волга несет 81 % влаги, питающей Каспий, очевидно, что в регионе ее водосбора перед этим шли обильные дожди, которые к середине X в. приостановились, до X в. (то же, с. 41–12).

В X в. были совершены главные и наиболее далекие походы викингов, что показывает на снижение ледовитости Арктических морей, это значит, что характеристика В. Чивилихина справедлива в отношении северной части русской равнины, т. е. бассейна Двины. Там помещалась знаменитая Биармия, действительно не оправившаяся после X в. Но в конце IX в. и начале XI в. путь циклонов действительно имел место и политический упадок там был, очевидно, не без связи с упадком экономическим. В конце IX в. хазары подчинили среднее Поволжье, а в конце X в. киевские князья военной силой покорили славянские племена, сопротивлявшиеся сколько было сил. Ведь Киев для вятичей, радимичей, северян, дреговичей, чудь, веси, мери и муромы был чужой державой, захватчиком, как пишет сам В. Чивилихин. А великая засуха, подрывавшая силы кочевников-печенегов и гузов, на Киеве не отражалась, ибо Днепр и его притоки давали достаточно влаги для ведения хозяйства. Так же мало пострадали от засухи куманы на Иртыше. Зато там где не было больших рек кочевники слабели или покидали родину. Но они не совершали грандиозных завоеваний, так как для этого у них не было сил. Но когда степь зеленела заново, кочевники, откормив овец и коней, вели большие войны с соседями, и часто удачно. Это и есть та самая экономика, которую упоминал В. Чивилихин как нечто независимое от географической среды. Стоит ли простые слова произносить как заклинания, не придавая им реального смысла? Научная этика это запрещает,

но оставим проблему словоупотребления на совести рядового писателя. Это не все, но займемся другими сюжетами.

Историческая география. Если незнание физической географии можно с трудом простить, то в исторической географии фантастика недопустима. Автора изумляет столкновение монголов с половцами, принявшими сторону меркитов, воевавших с монголами, с 1182 г. т. е. 34 года. Он с удивлением восклицает: «Ради чего они (монголы) появились в степях, принадлежавших киданям, меркитам, найманам, в государствах чжурчжэней, тангутов, в Корее, Индии, Афганистане, Иране, Азербайджане, Багдадском халифате, Грузии, Сирии, Армении, Китае, в Крыму, Силезии, Моравии, Далмации, Валахии, Тибете, Бирме, Вьетнаме и даже на острове Яве»? (№ 12, с. 107).

Ну и ну! Однако потратим время и вежливо объясним.

Меркиты жили в тайге (а не в степях) рядом с монголами и в 1200 г. начали войну с улусом Чингиса, входили во все коалиции против него, пока не были разбиты.

Кидани с монголами не воевали, восточные кидани изменили чжурчжэням и передались монголам, а западные в 1218 г. добровольно примкнули к улусу чингиса.

Найманы в 1204 г. начали войну с монголами за гегемонию в степи и проиграли, однако монголы их приняли в свою орду.

Чжурчжэни – о них было выше. Напоминаю, что война их с монголами началась в 1135 г., наступление монголов в – 1210 г. До этого наступали чжурчжэни.

Тангут. Вторжение 1227 г. было репликой на нарушение союзного договора и отказ в помощи против султаната хорезмшахов.

Корея переживала политический кризис и восстания. Монголы использовали ситуацию и обложили Корею данью в 1231 г.

Индия – в нее вошел отряд монголов, преследуя отступивших хорезмийцев, и тут же ушел (1221 г.).

Афганистан, Иран, Азербайджан *4 – таких государств в XIII в. не было. Это были территории подвластные хорезмшаху Джеляль ад-Дину, сыну Мухаммеда. Это важно потому, что В. Чивилихин не знает разницы между маленьким хорезмским оазисом и этими странами, временно захваченными Хорезмшахом, и числит в оазисе, а не султанате 26 млн. жителей (№ 12, с. 113).

Багдадский халифат – возглавил мусульман против монголов, начавших желтый крестовый поход 1258–1260.

Грузия – Георгий Лаша напал на монгольский отряд, который шел по окраине царства Грузии.

Сирия, Армения – Гетум, царь Малой Армении заключил союз с Монголами в 1254 г. против мусульман.

Китай южный – Сун – инициатор войны с монголами для освобождения от них северного Китая. Война 1253–1279 гг.

Крым – населяли половцы.

Сидезия – часть Польши, воевавшей с монголами.

Далмация – часть Венгрии, воевавшей с монголами.

Валахия – ее в XIII в. не было *5.

Тибет – обошелся мирным договором, без вторжения.

Бирма, Вьетнам, Ява – это требует объяснения. Приняв в 1271 г. титул «императора Китая династии Юань» Хубилай стал проводить традиционную китайскую политику, лишь умножив свои китайские войска монголами. Поэтому вторжение в Бирму было удачно, но на Вьетнам, где действовал китайский флот, – отбито. Высадки на Яву и в Японию тоже были

неудачны.

И наконец, автор эссе считает, что граница улуса Джучиева доходила до Обской губы (№ 12, с. 113) *6. Ай-ай! Как может сибиряк не представлять себе северной тайги и тундры? Монголы – степные конники и поэтому продвигались лишь там, где был корм для коней. Тайга от Енисея до Урала летом заболочена, а зимой снежный покров там выше двух метров. Добраться до Обской губы из сибирской степи можно только по воде, но для этого надо иметь речной флот из однодревок и опытных гребцов, а гребле как и верховой езде, надо учиться с детства. Короче говоря, здесь опять не «память», а выдумка.

Из этого длинного списка видно, а) что в XIII в. политическое положение во всех странах Европы и Азии было сложным и б) что рядовой писатель не удосужился даже посмотреть на историческую карту, где описанные ими государства очень ясно нарисованы, и в) политические перемены международного масштаба осуществляются не отдельными, пусть даже дурными людьми, а народами, находящимися на разных социальных и этнических уровнях. Приписывать международные катаклизмы персонам – это отказ от диалектического материализма, да и вообще от науки.

Источниковедение. Но рядовой писатель претендует на эрудицию и во множестве цитирует источники, чтобы произвести впечатление на читателя. При проверке цитат оказывается, что большая часть их сознательно фальсифицирована. Например, фраза вырвана из контекста, или приведена неполно, или опровергается другой фразой, написанной страницей ниже.

Приведем только один пример. В. Чивилихин восклицает *7: «Где, какие монголы объясняли войну против Руси как месть за убийство их послов? Неизвестно!» (№ 12, с. 107). Отвечаем: книга «Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», М., 1957, автору эссе известна, ибо он приводит из нее много цитат. Так вот, на стр. 80 читаем: «...у татар есть обычай никогда не заключать мира с теми людьми, которые убили их послов, чтобы отплатить им». Эти слова принадлежат папскому разведчику Плано Карпини, который во лжи не уличен, но вот слова самого монгола хана Гуюка из той же книги: «Те, о которых ты (папа) говоришь, убили наших послов, которых мы отправили... Как человек может взять и убить (без войны), как он может хватать (и заточать в темницу)» (стр. 220). Речь идет о разгроме монголами Венгрии, где тоже были убиты их послы.

Из того же Плано Карпини автор эссе приводит цитату, по которой татары ловили русских мальчиков на южной границе и заставляли их пасти скот. Обнаружить цитату (без сноски) не удалось, но в любом случае ловцами мальчиков были не алчные олигархи, сидевшие а своих дворцах в Сарае, а татарская беднота, которая на русской границе вела себя так, как все средневековые пограничники, как скваттеры в Америке XIX в. Но Плано Карпини боялся не татар, а литовцев, представлявших для послов, ехавших по Волыни в Киев «смертельную опасность» (с. 67). А дальше к востоку он «ощущал сильный страх: именно русские, венгры и аланы собираются по 20–30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого застают» (то же, с. 117). Эти разбойники названы «рабами», т. е., видимо, это люди, увведенные в плен, но отплачивающие своим победителям. Русские, вопреки В. Чивилихину, не были ни вялыми, ни трусливыми.

История. Нет! Стыдно и недостойно представлять наших предков трусами и дураками, которые дали кучке кочевников перебить себя и позволили уничтожить свои святыни, а потом, хотя в их стране не было оставлено гарнизонов победоносного противника, платили дань монголам, ушедшим за Волгу и занятым своими кровавыми смутами. Но как спорить, если В. Чивилихин дает не одну позицию, а две взаимоисключающих.

Первое. «Золотая орда не была восточно-европейским государством» и «русские

княжества не входили в состав орды». (№ 12, с. 113) *8.

Второе. «Не было симбиоза и тесного союза Золотой орды и Руси!» «Была у ордынских ханов обширнейшая средневековая колония... управляемая через посредство русских феодалов и духовных лиц» (№ 12, с. 118) *9. Но ведь колония – часть государства?!

Так что же все-таки было? Ни того, ни другого. Выла эволюция этнического контакта, всегда мучительная и дающая различные результаты. Рейд Батыя, вопреки lamentациям В. Чивилихина, принес стране ущерб равный большой междуусобной войне, вроде взятия Киева смоленским князем Рюриком Ростиславичем и черниговской ратью в январе 1203 г. Тогда черниговцев поддерживали половцы, а волынян, защищавших Киев – торки. «И створися велико зло в Рустей земле, якого же зла не было от крещения над Киевом. Напасти были и взятыя – не якоже ныне зло се стася: не токмо Подолье взяша и пожгоша, ино Гору взяша и митрополью святую Софью разграбиша и Десятинную святую Богородицу разграбиша и монастыри все и иконы одраша» (Л. Л., с. 397, цит. по Б. А. Рыбаков, Слово о полку Игореве и его современники, М., 1971, с. 290). И ведь не случайно, что в дни осады Козельска Ярослав, великий князь владимирский совершил поход на Литву, а в дни падения Чернигова и Киева его сын Александр разбил шведов на Неве. Значит, войска были. И после похода Батыя Александр Невский победил Орден и Литву «низовыми полками», которых по В. Чивилихину не должно было существовать, ибо все русичи, якобы, погибли от руки татар и не осталось городов, якобы, превращенных в руины.

Действительно, в 1242 г. когда Батый увел войска за Волгу, распустил их и остался при 4000 всадников, полученных им по завещанию, Русь не входила в состав Орды, а была конфедерацией восьми «полугосударств», независимых друг от друга.

Тогда-то папа Иннокентий IV – хитрый гегемон – объявил крестовый поход против схизматиков, т. е. православных. На Руси, как всегда, были западники, согласные на подчинение папе. Против них выступил Александр Невский. Он побратался с сыном Батыя и в 1252 г. привел на Русь отряд темника Неврюя, с помощью татар выгнал в Швецию своего брата Андрея и заставил новгородцев отказаться от союза с немцами. В 1258 г. другой темник, Бурундой, разбил Даниила Галицкого, принявшего от папы корону и титул *Rex Russiae mitotis* – король Малой Руси.

Напомним, что в 1253–1255 гг. французский дипломат, монах-минорит Рубрук оценивал политическую конъюнктуру так: «За Россией к северу находится Пруссия, которую недавно покорили братья и, разумеется, они легко покорили бы Россию, если бы принялись за это» (ук. соч., с. 108). Благодаря политике Александра Невского завоевания не произошло.

Наоборот, после его смерти в 1269 г., когда немцы собрали достаточно сил для удара по Новгороду, туда прибыл на помощь отряд татарской конницы, немцы «замирихуся по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского» (цит. по А. Н. Насонов, Монголы и Русь, М.-Л., 1940, с. 20–21).

Союз с Ордой был оформлен Александром в 1262 г. как «подчинение», что соответствовало дипломатическому этикету XIII в. Да и позже также было названо присоединение к России Украины в 1654 г., Казахского Киши-джуса в 1738 г. и Грузии в 1800 г. Кто посмеет назвать дружбу России и Грузии игмом?

С 1262 г. по 1312 г. – русские и татары жили в одной системе. Это не значит, что жить было хорошо и что не было войн. Были, но не между русскими и татарами, а между князьями: Дмитрием и Андреем и между узурпатором Ногаем и ханом Телебугой и Тохтой. И на обеих сторонах всегда были и татары и русские. Именно это затушевал В. Чивилихин, давая длинный список приходов татар на Русь, их приводили русские князья и они же ездили в Орду с доносами на своих братьев.

Нет, конечно, татары гуманными не были, но не были гуманными и все прочие средневековые воины: сельджуки, мамлюки, испанцы, французы, немцы, литовцы, да и наши предки. Для понимания эпохи важно другое: княжества заключившие союз с Ордой, выросли в Россию; княжества отказавшиеся от этого союза, попали под власть Литвы и Польши. Последствия очевидны.

Разбирать дальнейшие события истории и однообразные фантастические фальсификации В. Чивилихина нецелесообразно. Данных достаточно, чтобы сделать вывод.

1) В. Чивилихин почему-то невзлюбил Чингиса, Батю и Гююка.

2) Для аргументации своих эмоций он применил методiku дохристианского периода истории науки: выдернутые из текстов фразы, отсутствие сносок, дабы затруднить проверку, искажение связи событий, запугивание читателей обвинением в непатриотичности (в X в пугали адом) и жутким многословием, за коим прячется отсутствие смысла.

3) Тенденциозность В. Чивилихина не случайна. Она имеет глубокие корни во Франции XIII в. Когда в 1259–60 гг. монголы-христиане повели наступление на Палестину, чтобы освободить от мусульман Иерусалим, тамошние монахи-воины, тамплиеры повяли, что после победы их орден распустят, а их самих уволят, ибо их назначение было в том, чтобы освободить Гроб Господен. Тогда они пропустили египетских мамлюков в тыл уставшим, измотанным монголам и даже снабдили мамлюков провиантом. (Монголы были разбиты и отброшены за Тигр, после чего озверелые мусульмане истребили христианское население Сирии и Киликии, а также взяли все христианские крепости на побережье Средиземного моря. Тамплиеры спаслись на Кипр, а потом уехали в Европу, предав и покинув своих восточных союзников и единоверцев.

В Европе возникло возмущение совершенным предательством, но тамплиеры уже тогда применили метод В. Чивилихина: вылили на монголов ушат клеветы. Европейский обыватель невежествен и потому доверчив. Он поверил басням тамплиеров, а потом, когда тех сожгли за сатанизм, в рассказы французских чиновников о гнусности тамплиеров. Обыватель любит верить выдумкам, приспособленным к его уровню, но терпеть не может научных истин, ломающих привычные представления. Даже теперь, через 500 лет после Коперника, есть много людей, полагающих, что они живут на плоской Земле, вокруг которой вертится солнце. А теория эволюции! – Еще недавно в штате Тенесси был «обезьяний процесс», где бывший государственный секретарь сектант Брайан выступал в суде против учителя Скопса и суд присудил учителя к уплате штрафа. А о генетике и «презентабельных» биологах не стоит и помянуть. Так и привыкли в Западной Европе считать татар и русских людьми низшего сорта.

В XVIII в. французские, а потом и английские ученые эту концепцию пересмотрели, но их труды были написаны, для специалистов и до масс не дошли. А тогда же, в XVIII в. русские ездили учиться в Париж и вместе с либерализмом усвоили что они, происшедшие от татар, люди неполноценные. Им стало обидно, и они создали концепцию, что героизм русских, пожертвовавших собой ради цивилизации, спас Европу от монголов, ведь тогда еще не было известно, что монголов в XIII в. было всего 500 тысяч, включая женщин, детей и стариков.

Абсурд был затушеван и мнение о роли России как швейцаре в передней господского дома Европы стало привычным, т. е. банальным.

Так вот, автор эссе, сам того не ведая защищает раннесредневековой методикой тамплиерскую пропагандную утку семисотлетней давности. И ярость его обращена против ученого, посмеявшего сказать: «А не подумать ли нам, гражданин!»

Примечание

**Роман опубликован в журнале «Наш современник», 1980, №№ 8–12. Ссылки в тексте на номера журнала и страницы.

Литература

1 *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Немецкая идеология, Т. 1, ч. I. «Фейербах».

2 *К. Маркс*. Экономическо-философские рукописи 1844 года, «Коммунизм».

3 В распоряжении составителя сборника не было листа со ссылками к этой статье. Источники по первым двум ссылкам ему удалось восстановить, по третьей – нет.

А. Г. Кузьмин. Священные камни памяти (О романе Владимира Чивилихина «Память»)

Некоторые историки не любят, когда в их сферу вторгаются со стороны. Они могут привести массу убедительных примеров легковесности таких вторжений, их тенденциозности и утилитарности. Но историки не могут не признать, что общественный интерес к историческим темам, резко возросший в последние годы, не их заслуга, а обращение к истории не историков – показатель отставания науки от общественных потребностей. Как и любая наука об обществе, история затрагивает интересы и чувства каждого, а граждански активная позиция немыслима без глубоко осознанного восприятия прошлого. К тому же иногда историки далеко не всегда способствуют росту авторитета своей науки. Достаточно вспомнить печально знаменитую дискуссию о «Слове о полку Игореве», когда ряд известных специалистов вопреки фактам и здравому смыслу пытались доказать подложность памятника. Другой – более свежий пример – работы Л. Н. Гумилева. Одних их было бы достаточно, чтобы побудить писателя взяться за перо, тем более что историки от оценки более чем странных концепций своего коллеги, по существу, уклоняются.

Эти соображения произвольно приходят, когда читаешь роман-эссе Владимира Чивилихина «Память»*. В романе вообще затронут широкий круг, животрепещущих проблем, о которых следует говорить.

<...>

Татаро-монгольское нашествие и ордынское иго – именно эта страшная пора в первую очередь и привлекла внимание В. Чивилихина. Именно эти трагичные страницы русской истории глубже всего изучил и прочувствовал писатель.

Наверное, нет такого факта в истории, который кто-нибудь не пытался бы опровергнуть. Тем не менее трудно даже поверить, что такого рода попытки предпринимаются и в отношении столь бедственной для русского народа эпохи. В. Чивилихин справедливо замечает, что так называемая школа евразийцев, возникающая из части белоэмигрантов, – это форма русофобии, куда более опасная, чем пресловутая норманская теория. Можно сказать больше. Норманская теория является русофобской лишь в тех ее вариантах, которые говорят о «неспособности» славян к самостоятельной государственной жизни. Завоевания же одних народов другими – явление, свойственное всем континентам разных исторических эпох. Завоевание, как это отмечали, в частности, уже К. Маркс и Ф. Энгельс, часто и было толчком для образования классов и государств. Чисто теоретически норманны вполне могли завоевать какие-то земли в Восточной Европе и создать здесь свои государства или же встать во главе существующих государств. Другое дело, что как раз исторических-то свидетельств этого мы не находим, и в

многоэтничном Древнерусском государстве германский элемент практически не ощущается. Школа же евразийцев, оправдывающая ордынское иго, приписывающая палачам и угнетателям какие-то добродетели, может быть только однозначно русофобской. У одних это замаскировано, у других – современный представитель их Л. Н. Гумилев – дается с явной откровенностью.

За последние годы Л. Н. Гумилев совершил множество удивительных «открытий». Он придумал понятие «пассионарность» – слово латинское, а потому – научное. Означает оно неугомонную страсть и распространяется как на отдельные личности, так и на целые народы. Зарядиться этой страстью народы могут лишь из космоса и биосферы, и не по своей воле: на одних небесная благодать снисходит, другие оказываются обделенными. Одни буйствуют от избытка пассионарности, другие изнывают от ее отсутствия. «Монотонные ландшафты» никак не способствуют «пассионарным толчкам», а потому можно представить себе судьбу населения Восточно-Европейской равнины, если бы его не толкал кто-нибудь постоянно извне (с юго-востока).

В. Чивилихин достаточно полно охарактеризовал уникальную этнологическую «теорию» Л. Н. Гумилева. Обратил внимание он и на то, как трудно успевать за нашим ученым пассионарием: точка зрения и факты он меняет быстрее, чем успевают появляться в специальных и массовых изданиях его статьи, которые сам он скромно именуется «сюитой». И все-таки за «сюитой», при всем диссонансе отдельных ее слагаемых, стоит нечто общее, то, что, следуя терминологии автора, можно было бы назвать «симфонией». Речь идет о диссертации на соискание доктора географических (!) наук «Этногенез и биосфера земли», которую он защитил несколько лет назад.

О необычайной скромности нашего этнолога хорошо сказано у В. Чивилихина, ранее писал об этом и академик Б. А. Рыбаков.

В диссертации автор пишет, что он «вывел науку об этносе из тупика», опровергнув «бесперспективное стремление видеть в „этносе“ социально-историческую категорию» (Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора геогр. наук. Л., 1974, с. 3). Из тупика же эта наука вышла после того, как автор доказал, что этническая история – это «флуктуация биохимической энергии живого вещества биосферы», а «межэтнические коллизии» – это «модус биохимической энергии живого вещества биосферы» (там же, с. 29 и 30). Как можно видеть, В. Чивилихин ничуть не преувеличил, указав на стремление Гумилева не только объяснить, но даже и оправдать любую агрессию космическо-климатической теорией *1. И нет необходимости договаривать за Гумилева: его «модус» куда менее снисходителен, чем иудео-христианский бог, жестоко каравший свою паству то потопами, то мором, то нашествием иноплеменников. Это и не удивительно, если учесть, из чего складывается гумилевский «модус»: «1) лучистая энергия Солнца; 2) атомная энергия радиоактивного распада; 3) космическая энергия рассеянных элементов, исходящая из нашей Галактики» (там же, с. 12).

Французский автор XVI века, автор «климатической теории» жизнедеятельности человеческого общества Жан Воден, наверное, удивился бы, если бы узнал, что сделали с его теорией последователи в XX столетии. А один аспект новейших модификаций мог бы вызвать у него и негодование. Все-таки Ж. Воден своей теорией стремился ограничить сферу влияния церкви на общественную жизнь, и его учение не без оснований воспринималось как атеистическое. Гумилевский «модус» – это не просто замена библейского творца мироздания, это форма возвращения к такому же творцу. И хотя этногенез, равно как этнические коллизии, совершенно не зависит от воли людей и убийца не виноват в том, что ему нравится убивать, а грабитель в том, что он любит грабить (по Гумилеву, «добрыми или злыми могут быть

сознательные решения, а не импульсы» *2 – там же, с. 14), святой дух может внести в эти фатальные явления существенные коррективы. Неизвестно еще, что бы было с Русью, если бы в XIV веке «новый взрыв этногенеза» не возглавил Сергей Радонежский. Жаль, что Л. Гумилев не разъяснил, каким образом этногенез можно «возглавить». Но для высшего существа, видимо, все возможно. Стараниями троицкого старца русский этнос разродился к вечеру 8 сентября 1380 года. А что было раньше? Плохо было раньше. Медленное догнивание. Дело в том, что этносу Гумилев отводит строго ограниченный срок – 1200 лет. Об этом нам сообщил известный этнологический журнал «Декоративное искусство» (1980, № 12), где время от времени появляются жуткие «детективы» Гумилева. Естественные науки – само воплощение точности. А поскольку Гумилеву «ясно, что этносоциальные явления, видимые нами лишь как социальные институты, должны иметь энергетическую основу» (подчеркнуто Гумилевым; см.: Этногенез и биосфера земли, с. 31), то 1200 лет – это время, за которое «энергетическая основа» полностью сторает. Примеры? Пожалуйста! Характерный пример – славяне. Зародились во II веке, а «в XIII веке сила инерции первоначального взрыва была на излете». Только кто же это относит славян ко II веку и что имеет в виду Гумилев? Существует много разных представлений о славянском этногенезе. Одни авторы (Б. А. Рыбаков, ряд филологов) начинают их историю со II тысячелетия до н. э., другие – с I тысячелетия до н. э., кое-кто – с V–VI вв. н. э. – времени их первого упоминания как «славян». Если говорить по существу – элементарная логика подсказывает, что II тысячелетие до н. э. – крайний предел, позднее которого искать решение этого вопроса рискованно. Достаточно напомнить, что, по крайней мере, полторы тысячи лет отдельного существования различных групп славянства в условиях, когда кардинально менялся хозяйственный уклад, пройден огромный исторический путь от первобытно-общинного строя до социализма, не привели к разрыву некогда сложившегося языкового единства. А сколько же нужно было времени, чтобы это единство возникло в условиях консервативного быта, когда для каждого нового языкового явления требовалось много поколений?

Но дело даже и не в этом. Дело в том, что II век взят Гумилевым, что называется, «с потолка», дабы показать, какой страшной могла бы быть судьба славян, если бы не спасительное татарское нашествие. Правда, помимо славян, есть еще германцы, индусы, китайцы и многие другие народы, которые никак не уложит в 1200 лет *3. Но, в конце концов, им же хуже, если они осмелились выйти за отведенные им нашим этнологом временные пределы. К тому же в истории этих народов всегда можно найти какую-нибудь дату, удобную для начала. Положим, вести германский этнос с эпохи Карла Великого, и тогда окажется, что поражение фашистской Германии не следствие героических усилий советского народа, а результат перерасхода энергии – утраты пассионарности *4. Теперь же германцам нужно срочно создавать новые этносы, спрятавшись под крыло каких-нибудь пассионариев (например, с крылатыми ракетами и нейтронной бомбой). С Китаем, наверное, сложнее. Но не следует забывать, что в XIII веке монголы не просто лили кровь китайского народа. Они добавили им и пассионарности. Индусов же дополнительной пассионарностью заправили, по-видимому, английские колонизаторы.

Предвидя нескромные вопросы оппонентов, Гумилев рассуждает: «В какой степени соответствует предложенная нами концепция этногенеза теории диалектического и исторического материализма?» Ответ не обременен аргументацией, но вполне однозначен: «Она соответствует им полностью» (там же, с. 31). Ну зачем же такая скромность? Она же не просто «соответствует», она заменяет их полностью. Зачем нам диалектический и исторический материализм, если мы знаем теперь, что от деятельности и воли людей ничего не зависит? *5 Если мы теперь знаем, что, как только пассионарное поле возникло, оно тут же оформляется в

социальный институт, организующий институт пассионариев: общину, философскую школу, дружину, полис и т. д. (там же, с. 29). Если мы знаем теперь, что вся история человечества – это «интерференция вибраций» (пассионарий сообразит, что это такое, а непассионарии все равно обречены на положение кашеев, плетущихся в обозе пассионариев).

Такова сюита и симфоньетта Гумилева. «Поскольку речь идет об энергии, моральные оценки неприменимы», – предупреждает «композитор». Нетрудно догадаться, что кого-то из преступников автор будет оправдывать своей теорией, а жертв преступления – обвинять. Кого же? Ответ можно найти, если посмотреть, на какой народ проецируется эта вненравственная теория. Речь-то ведь идет о золотоордынском иге.

В чисто конкретном плане, как справедливо заметил В. Чивилихин, уследить за изменениями в авторской интерпретации невозможно. То нашествие оправдывается невежливостью русских князей в воинов по отношению к татарском послам-лазутчикам, то утверждается, что никакого нашествия и не было, а был спасительный для Руси симбиоз: «Завоевания Руси не произошло, а объединение Золотой Орды и Руси в 1252–1257 гг. – дело дипломатии Александра Невского» (см.: Гумилев Л. Н. Нужна ли география гуманитариям? – В сб.: Славянорусская этнография. Л., 1973, с. 97). Более того, именно татарская конница, по Гумилеву, спасает Русь на подтаявшем льду Чудского озера в 1242 году («Дружба народов», 1977, № 2). Кое-кто, учившийся в школе в догумилевскую эпоху, может подумать, что появились новые факты, разрушившие наши представления. Не будем интриговать читателя. Никаких новых фактов нет. Гумилев их попросту изобретает, дабы отвести читателя от пепелищ сожженных городов, отвлечь от ужасов трагедии миллионов убитых, замученных и угнанных в рабство. Перефразируя известную оценку эпохи Ивана Грозного А. К. Толстым, можно сказать, что появление на свет столь экстравагантной теории неудивительно. Но как понять безразличие и даже сочувствие концепции надругательства над памятью о борцах за жизнь и свободу целого народа со стороны тех, кто числит себя в ряду преемников если не плоти его, то духа?

Заслуга В. Чивилихина заключается именно в том, что он не просто вскрыл спекулятивную сущность концепции Гумилева, а заставил кое-кого отбросить сознательно или бессознательно надетые шоры. Именно реакционное содержание концепции делает ее столь притягательной на Западе *6, хотя сам Запад в ней как будто выступает в роли отрицательной силы. Именно русофобия является там в настоящее время одной из самых распространенных форм антисоветизма и антикоммунизма. Но Гумилеву, татаро-монголы вдохнули новую жизнь в утратившую пассионарность Русь. А в чем же проявляется эта утрата пассионарности? Верный признак утраты пассионарности – это высокий жизненный уровень. Приходится согласиться, что жизненный уровень на Руси в XII–XIII веках был относительно высок, как высока была и созданная утерявшим пассионарность народом материальная и духовная культура. Все эти беды обрушились на Русь потому, что со времени эпохи военной демократии перековали мечи на орала, а пассионарность этноса проявляется прежде всего в степени его милитаристских традиций и настроений. Правда, маленькая логическая неувязка получается, когда другим проявлением утери пассионарности оказываются феодальные усобицы. Западноевропейских рыцарей и русских князей, ищущих, с кем бы скрестить копыя, как будто трудно упрекать в отсутствии пассионарности. А вот что подавляющее большинство населения старалось держаться подальше от этих забияк – это верно. Им было не до того. Надо было добывать хлеб насущный в поте лица своего да стараться превзойти соседей в искусствах ремесла и зодчества. Централизованного государства они действительно не создали и не стремились к этому. И вовсе не потому, что «сила инерции первоначального взрыва этногенеза была на излете», а потому, что способ производства не требовал централизации, предсказывать

же нашествия с края света ратей иноплеменных могли тогда не более чем землетрясения, моры в засухи.

В. Чивилихин хорошо показал, чего стоил русскому народу так называемый симбиоз Руси и Золотой Орды, равно как и многим другим народам, в том числе тем, кто был вовлечен в поток движения завоевателей. И лишь одно соображение писателя, настойчиво проводимое в романе, вызывает возражение: расчет численности войска завоевателей.

В оценке численности татаро-монгольского войска автор, по существу, пошел за Гумилевым: оба называют 30 тысяч человек, то есть приравнивают к численности отряда, нанесшего поражение русским и половецким дружинам на реке Калке в 1223 году. Из летописных рассказов об этом сражении видно, что в сражении участвовали далеко не все наличные силы Южной Руси, а результат его мог быть совершенно иным, если бы три Мстислава действовали согласованно. Это было ясно и татарам. Поэтому они и отложили вопрос о завоевании Руси на более позднее время.

Гумилев вполне логичен, когда, определив численность татаро-монгольского войска в 30 тысяч человек, заключает, что такой рати был по силам лишь набег, а не завоевание. Но он пришел к такой цифре путем нехитрой арифметической операции: сокращения в 10 раз численности, показанной источниками. Источники, конечно, нуждаются в самой разносторонней проверке. Но обоснование для их исправления должно быть более солидное, чем желание поупражняться в четырех действиях арифметики.

Определяя численность татаро-монгольского войска в 30 тысяч, В. Чивилихин исходит из того, что большее количество не могло прокормиться на Руси в зимнее время. Костлявая рука голода в романе прямо-таки душит это войско. Расчет, следовательно, результат художественного видения событий автором, или, как говорят ученые, итог метода мысленного эксперимента. Но автор увлекся одной стороной дела и упустил другую. В его собственном изложении на востоке действуют чуть ли не миллионные армии, сотни тысяч воинов сражались в битвах у городов Средней Азии. Для завоевания же Восточной Европы потребовалось лишь три тумена.

А сколько действительно Русь могла прокормить? Есть ли какие-нибудь возможности подсчета? Есть, хотя и приблизительные. Очень плодотворно этот вопрос поставлен известным киевским историком П. П. Толочко в недавно вышедшей книге «Киев и Киевская земля в XII веке». Городское население можно подсчитать даже с большой степенью точности, так как имеются значительные раскопанные археологами кварталы. Оказывается, что в Киеве жило примерно 50 тысяч человек, свыше десяти тысяч жителей насчитывал и еще ряд городов Киевщины, а население земли составляло примерно полтора миллиона. Это только на Киевщине. А всего на Руси было свыше 300 городов, в том числе и довольно крупных. По несколько десятков тысяч жителей насчитывали и некоторые города Северо-Восточной Руси. Плотно было заселено практически все правобережье Оки на пути от Переяславля Рязанского до Рязани (Старой). Одна Старая Рязань – город с населением в 20–30 тысяч жителей – могла держать в осаде с соответствующим запасом продовольствия не менее 50 тысяч человек. Без многократного перевеса в силах такой город было просто не взять. А, как справедливо замечает В. Чивилихин, на милость победителей не сдался ни один город. Раскопки в Киеве показывают и ужасающие картины зверств грабителей – почти поголовное уничтожение 50-тысячного населения от стариков до детей – и сопротивления, оказываемого озверевшим воителям Батыя едва ли не в каждом доме и каждой монашеской пещере. И если в массе останков убитых лишь иногда встречаются Батыевы пришельцы, то это потому, что все замеченные трупы татары, как опять-таки отмечает В. Чивилихин, собирали, чтобы похоронить по татарскому обряду (сжечь). Л. Гумилев «не дает» Батыю более 30 тысяч, так как, в его представлении, Русь была фронтом

неважным, не чета Востоку или Ирану. Но ведь курултай 1235 года, на котором стоял вопрос об «уничтожении и истреблении остальных непокорных», выделял основное войско как раз для покорения «Булгара, асов и Руси, которые... гордились своей многочисленностью», как сообщает один из самых осведомленных авторов – Джувейни *7. Кстати, в 1223 году, когда 30-тысячное войско было послано в восточноевропейские степи, точно такой же отряд был направлен в Хорасан и Ирак и примерно такой же в юго-восточном (от Средней Азии) направлении. Поход же 1236–1237 годов представлен Джувейни как неизмеримо более грозное мероприятие, в котором участвовало большинство монгольских царевичей. «В пределах Булгара, – описывает Джувейни, – царевичи соединились; от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные». Джувейни, конечно, преувеличивает, когда определяет войско поляков и венгров («келаров и башкирдов»), на которых обрушились монголы после разорения Руси, в 450 тысяч. Но преувеличивает он для того, чтобы подчеркнуть качественное превосходство монгольских туменов, насчитывавших вдвое меньше (то есть 225 тысяч). Только для поимки половецкого атамана Бачмана в одном из волжских городов Меигухану потребовалось 20 тысяч воинов.

Не видно никаких оснований сомневаться в правдивости показаний самых различных источников. Только города Руси насчитывали значительно более миллиона человек, а это значит, что общая численность ее населения превышала 10 миллионов. И чтобы почувствовать размеры постигшего страну бедствия, нужно учесть, что восстановлена эта численность была лишь к концу XVII века, причем и количество городов, и их населенность оставались меньшими, чем в канун Батыева нашествия. Такова цена «симбиоза».

В романе В. Чивилихина затронут и еще один важный сюжет: выделение Великороссии из общерусского единства.

8 сентября 1380 года имеет к этому отношение. Но какое? По Гумилеву, в этот день великороссы, зарядившись от святого старца пассионарностью, покончили со своим унылым прошлым и со своими непассионарными родичами. Даже Сергию Радонежскому далось это нелегко: с помощью католического Запада Мамай пытался помешать рождению нового этноса. Но на пути у него встали московский князь Дмитрий и хан Белой Орды Тохтамыш. Правда, два года спустя, в 1382 году, Тохтамыш взял обманом Москву и уничтожил почти все ее население (24 тысячи человек). Но Тохтамыш в отличие от Мамай не был прозападным деятелем.

В. Чивилихин не совсем прав, упрекая историков в молчаливом потакании распространению фантазий Л. Н. Гумилева. Была блистательная статья Б. А. Рыбакова, были мобилизованные П. П. Толочко археологические материалы, разрушающие умильную картину, нарисованную Гумилевым, были отдельные критические замечания в специальных изданиях. Но В. Чивилихин вполне прав, что выступления эти носили всетаки частный характер, а главное – ученые не спускались на тот уровень, на котором ведет атаку Гумилев: в массовой печати оценок русофобской концепции симбиоза и определенным образом настроенной флуктуации биосферы не было. Не было попыток что-то противопоставить этому натиску и со стороны общественности. Приняли и отречение от предков, не доживших до 1380 года, приняли и уничтожение Москвы Тохтамышем во имя нескольких льстивых и бессодержательных фраз о новой вспышке этногенеза, который возглавили Сергей Радонежский и Москва.

Слов нет, спорить с Гумилевым – не слишком благодарное дело. Спор сведется к указанию на игнорирование фактов в подмену их собственными домыслами, на спекулятивность и неустойчивость конкретных построений и т. п. В. Чивилихин приводит немало примеров такого рода. Можно процитировать и еще один гумилевский текст из массового издания, относящийся как раз к поставленному выше вопросу. «Защита

самостоятельности государственной, идеологической, бытовой и даже творческой означала войну с агрессией Запада и союзной с ней ордой Мамай. Именно наличие этого союза придало остроту ситуации. Многие считали, что куда проще, было подчиниться Мамаю и платить дань ему, а не ханам в Сарае (то есть Тохтамышу. – А. К.), пустить на Русь генуэзцев, предоставив им концессии, и, в конце концов, договориться с папой о восстановлении церковного единства. Тогда был бы установлен долгий и надежный мир. Любопытно, что эту платформу разделяли не только некоторые бояре, но и церковники, например духовник князя Дмитрия – Митяй, претендовавший на престол митрополита. Мамай пропустил Митяя через свои владения в Константинополь, чтобы тот получил посвящение от патриарха. Но Митяй по дороге внезапно умер.

Сторонники этой платформы были по складу характера людьми спокойными, разумными обывателями. Им противостояла группа патриотов, чьим идеологом был Сергей Радонежский.

Москва занимала географическое положение куда менее выгодное, чем Тверь, Углич или Нижний Новгород, мимо которых шел самый легкий и безопасный торговый путь по Волге. И не накопила Москва таких боевых навыков, как Смоленск или Рязань. И не было в ней столько богатства, как в Новгороде, и таких традиций культуры, как в Ростове и Суздале. Но Москва перехватила инициативу объединения Русской земли, потому что именно там скопились страстные, энергичные, неукротимые люди... И они стремились не к защите своих прав, которых у них не было, а к получению обязанностей. Эта оригинальная, непривычная для Запада система была столь привлекательна, что на Русь стекались и татары, не желавшие принимать ислам под угрозой казни, и литовцы, не симпатизировавшие католицизму, и крещеные половцы, и меряне, и мурома, и мордва. Девиц на Москве было много, службу получить было легко, пища стоила дешево. Но, для того чтобы это скопище людей, живущих дружно и в согласии, стало единым этносом, не хватало одной детали – общей исторической судьбы, которая воплощается в коллективном подвиге, в свершении, требующем сверхнапряжения».

Просто поразительно, как много можно насочинять в нескольких абзацах! Ведь во всем этом тексте верно лишь то, что Митяй умер по дороге. Все остальное – сплошной вымысел или пародия на историческое сочинение (а заодно и издевка над доверчивыми читателями).

Оставим читателю возможность порассуждать на досуге, что случилось бы, если бы вдруг Русь согласилась на унию с Римом, вместо того чтобы дать себя спокойно перерезать нукерам Тохтамыша. Но дело в том, что вопроса этого на Руси XIV века не было. Митяй был ближайшим сподвижником Дмитрия и именно по инициативе князя стремился занять митрополичий стол. Неверный друг Мамай – литовский князь Ягайло – в 1380 году оставался православным, а стремление его стать католиком объясняется тем, что православная церковь оказалась не в силах удовлетворить его честолюбивые политические амбиции. И конечно, не сборище пассионариев и отсутствие прав у них позволили Москве стать во главе объединительного процесса. Даже с женихами для московских «девиц» у Гумилева не все благополучно: меря и мурома были ассимилированы еще в то время, когда «взрыв этногенеза был на излете», именно в XI–XII веках.

В. Чивилихин, наверное, не проверял в данном случае Гумилева по летописям и монографиям. Он просто почувствовал внутреннюю фальшь и заведомую спекулятивность реверансов то в сторону Москвы, то в сторону православия, тем более что Москву своими комплиментами Гумилев попросту уничтожает. Но автор романа решительно восстал против попыток оторвать историю Великороссии от ее древнерусских корней и противопоставить Русь Великую Малой и Белой Руси. А такого рода попытки наблюдаются не только у Гумилева.

В свое время Н. Станкевич объяснил увлечение «скептической» концепцией М.

Каченовского тем, что в этой концепции совершенно зачеркивалась Киевская Русь как «баснословная» и история начиналась сразу с возникновения Москвы. И в наше время нет-нет да промелькнет в печати нечто подобное, сугубо, так сказать, краеведческое, когда во имя местного патриотизма приносятся в жертву общегосударственные и общенародные интересы. Именно против этой тенденции и восстает В. Чивилихин.

Конечно же, нет никаких оснований для противопоставления домонгольской и тем более докуликовской Руси последующему периоду. Язык «Повести временных лет» понятен студенту уже со второго занятия на семинаре. Эпоха феодальной раздробленности но разрывала языкового и культурного единства русских земель, напротив, шел процесс их сближения. В Киеве, Владимире, Новгороде, Чернигове говорили практически на одном языке, а достижения одних центров быстро становились достоянием других. Лишь внешнее завоевание повело к разрыву традиционных связей.

XIV век – это время, когда тенденции объединения и обособления резко столкнулись. В нашей литературе победа на Куликовом поле иногда подается как торжество «русского» православия. Ленинградский же филолог Г. М. Прохоров успех приписывает «наднациональной общине» исихастов (от греческого – «покой») – возникшему в Византии в рамках православия мистическому течению. Сергей Радонежский у Гумилева – «вождь этногенеза» великороссов, а у Прохорова – не обремененный национальными предрассудками исихаст.

Православие в этот период было, конечно, наднациональным мировоззрением. Но уже поэтому оно не могло быть главным источником Куликовской победы. Интересы земель Северо-Восточной Руси вовсе не совпадали с намерениями константинопольского духовенства. Не совпадали они и с устремлениями великокняжеской власти в Вильне, которой подчинялась большая часть западнорусских земель. Константинополь требовал материальной помощи в борьбе против турок и ничего, кроме божьего благословения, не обещал взамен. Литва изъявляла желание возглавить борьбу против татар при условии, что все княжества Северо-Восточной Руси признают первенство Вильны. Но для литовской верхушки эта борьба не носила жизненно необходимого характера. Дело в том, что в составе Великого княжества Литовского дань Орде платили только русские земли. Собственно же литовская территория не была захвачена «симбиозом».

Положение складывалось таким образом, что лишь земли Северо-Восточной Руси могли действительно поставить вопрос об организации борьбы против ордынского ига. Главными препятствиями на пути к объединению (помимо экономической раздробленности) оставались чисто феодальные притязания любого возвышающегося центра и опасения значительной части высшего православного духовенства утратить свой контроль над целым рядом земель. Вопреки уверениям Гумилева бесправие вовсе не обладало такими притягательными свойствами, что ради них легко можно было расстаться с привычными правами, в частности правами на самоуправление. Утрата прав воспринималась как тяжелая плата за создание потенциальных возможностей освобождения, что на данном этапе могла обеспечить только великокняжеская власть. Другим взносом за освобождение должен был явиться разрыв общерусского единства ради сплочения именно тех областей, которые были и заинтересованы в борьбе не на жизнь, а на смерть, и имели возможность самостоятельно распорядиться своей судьбой.

Дмитрий Донской был наиболее подходящей политической фигурой эпохи Куликовской битвы, способной стать во главе всех сил, готовых к борьбе за освобождение. Он поднимает авторитет княжеской власти, ликвидируя самоуправление в Москве (именно традиционный институт тысяцких) как раз незадолго до Куликовской битвы. С точки зрения исторической перспективы это плата за усиление княжеской власти как возможного организатора будущего освобождения. Дмитрий Донской стремится усилить позиции великокняжеской власти и по

отношению к другим князьям, и по отношению к церкви. Первую задачу он стремился решить с помощью церкви, а вторую – утверждением своих ставленников на высших церковных должностях. В разрешении первой задачи ему энергично помогает митрополит Алексей, а также Сергей. Алексей, будучи митрополитом «всёя Руси», в Литву даже не ездил, сосредоточивая все усилия на укреплении Москвы как центра объединения княжеств Северо-Восточной Руси. Но от поддержки другой тенденции в политике московского князя уклонялись и Алексей и Сергей. Дмитрий собирался утвердить своего духовника Митяю в качестве митрополита без оглядки на Константинополь, и это означало практическое обособление московской митрополии. Ни глава русской церкви, ни другие видные церковные деятели этих намерений князя не поддержали. Так что вопреки уверениям Гумилева Митяю пришлось ехать в Константинополь не от хорошей жизни и вовсе не для установления контактов с папой римским.

Насколько далеко зашло отчуждение Руси и Византии в канун Куликовской битвы, видно из того, как Константинополь торговал титулом «митрополита всёя Руси». В 1376 году при живом митрополите Алексее им был пожалован близкий к исихастам Киприан, который сразу попытался опереться на Литву и всех недовольных московским князем. Киприан широко размахивал знаменем единства «всёя Руси», а Дмитрий категорически отказался принять его в Москве, поскольку в складках этого знамени скрывалось стремление ослабить Москву и великокняжескую власть и в конечном счете подчинить русские земли чуждым им внешним («наднациональным») силам.

В 1378 году умер митрополит Алексей. Утвердить на митрополии Митяю Дмитрию не удалось. В 1381 году, после Куликовской победы, Дмитрий должен был уступить, и Киприан объявился на Москве. И немедленно принялся за дело.

Когда в общественной жизни ясно обозначаются тенденции и задачи, возможности личности резко возрастают. Деятельность князя Дмитрия Донского в конечном счете привела к победе на Воже и на Куликовом поле. Заложены основания этой победы были еще в 1374–1375 годах, когда впервые под эгидой Москвы возник союз княжеств, составивших позднее территорию Великороссии. Союз этот выдержал столкновение с Ордой. Но от удара с другой стороны он защититься не мог. Киприан умело использовал недовольство недавних союзников московским князем. Летописцы глухо говорят о распри «в князьях и боярех», помешавшей организовать сопротивление Тохтамышу. При этом речь шла о распрях в самом Московском княжестве, в результате которых Владимир Андреевич Серпуховской, по существу, отказался помогать Дмитрию: он прикрывал с дружиной лишь свои владения.

А. А. Шахматов давно обратил внимание на то, что в литературной традиции, восходящей к концу XIV века, пересекаются две соперничающие версии: в одних главным героем является Дмитрий, в других – Владимир Андреевич. Это противопоставление иногда низводит Дмитрия до уровня крайне пассивного и неумелого деятеля и просто труса. В таких версиях обычно прославляются литовские князья Ольгердовичи. Напомним, что и Владимир Андреевич был женат на дочери Ольгерда. На его стороне были явные симпатии Киприана (он крестил детей серпуховского князя). Близок к Киприану был духовник Владимира Андреевича – игумен Афанасий.

В 1382 году Киприан бежал в Тверь, где подговаривал Михаила Александровича Ордынца снова просить у Тохтамышя ярлык па великое княжение. Естественно, что по возвращении в Москву Дмитрий Донской изгнал неверного митрополита и его серпуховского сподвижника. Но после смерти Дмитрия, в 90-е годы, он снова возвращается в Москву, где развивает бурную литературную Деятельность. Он много говорит о «всёя Руси», хорошо понимая настроение своей аудитории. И эти сладкие речи оказываются жесткими путами, как бы парализовавшими

Русь уже вскоре после Куликовской победы. К сожалению, в то время лишь обособление земель, независимых от Литвы, могло обеспечить победу. Это означало разрыв общерусского единства. И это было второй тяжелой платой за освобождение от ига.

Роман В. Чивилихина заканчивается открытым письмом известному монгольскому ученому-филологу Доржийну Дашдаваа. Писатель вспоминает о давних беседах с монгольским коллегой, воспроизводит соображения монгольских ученых о размерах трагедии, принесенной монгольскому народу его военно-паразитической верхушкой. Поистине не может быть свободен народ, который пытаются заставить угнетать другие народы. От деспотизма страдает в первую очередь свой народ. И конечно, ныне нет народов, которым можно было бы вменить в вину злодеяния маниакальных деспотов, а потому Гумилев напрасно взывает к «братскому монгольскому народу» с тем, чтобы побудить его разделить ответственность с Батыем и Тохтамышем. Что же касается народов Восточной Европы, в том числе татар, их этническая история вообще мало связана с монголами XIII века.

Роман «Память» – несомненная удача автора. Но было бы принижением низводить его до уровня обычной художественной оценки. Строго говоря, В. Чивилихин написал то, что не мог не написать как гражданин. Он напомнил о нашей истории тем, кто о ней забывает. Он напомнил о том, что история ежечасно, ежеминутно врывается в современность и самая легкая недооценка фактов прошлого оборачивается надругательством над настоящим.

С особой пользой для себя роман В. Чивилихина прочтут те, кто еще только вступает в жизнь и ищет свое место в ней. Роман «Память» учит не только тому, что надо быть гражданином, но и тому, как им быть. Он помогает распознавать ядовитую начинку, скрытую подчас блестящей оберткой.

Примечание

* См. журнал «Наш современник» № 8–12 за 1980 год, а также № 2 за 1978 год.

Л. Н. Гумилев. Главному редактору журнала «Коммунист» Р. И. Косолапову

Глубокоуважаемый Ричард Иванович!

Разрешите обратиться к Вам, хотя я и беспартийный.

В науке споры неизбежны. Благодаря спорам наука развивается. Но полемика может быть научной и антинаучной. Научная полемика – это возражение против выводов, которые представляются оппоненту противоречащими факту и логике; антинаучная полемика – это осуждение личности оппонента, ради чего привлекаются разные сведения, порочащие противника, причем это делается часто вопреки логике и с привлечением не всех фактов, а только тех, которые полезны полемисту. Лимит научной полемики – уточнение выводов и прогресс науки; лимит полемики антинаучной – хулиганство, а иногда и преступление.

Все приемы антинаучной полемики, даже гипертрофированной, имеют место в статье А. Кузьмина (доктора исторических наук) «Священные камни памяти», написанной как рецензия на роман В. Чивилихина «Память» (Наш современник. № 8–12. 1980) и опубликованной в журнале «Молодая гвардия», 1981, № 1. О романе почти ничего не сказано. Содержанием статьи является почти некорректная полемика с историком Л. Н. Гумилевым и более завуалированная с филологом Г. М. Прохоровым. Что же касается романа, то, видимо, грубые

ошибки В. Чивилихина, явились следствием консультаций В. Кузьмина, почему последний и вынужден их отстаивать уже от своего имени. В статье 128 фактических ошибок, подтасовок и передержек.

Суть концепции А. Кузьмина и В. Чивилихина довольно банальна. «Дикая татаро-монгольская орда», (страны с населением около 1/2 млн. человек), завоевала Русь, Китай и Среднюю Азию с Ираном, уничтожив население города, культуру и традиционные связи. Русь пала! Началось татарское иго, и только усиление великокняжеской власти на Москве, «к сожалению» отказавшейся от унии с Римом, и «к сожалению» обособившейся от Литвы, повело к освобождению Руси, несмотря на препятствия, чинимые этому православной Церковью. Всякий кто видит в тюрко-монголах какие-либо добродетели, тот реакционер, русофоб, надругатель, спекулянт и шарлатан, которого надо разоблачать и отдать на суд общественности.

Если А. Кузьмин прав, то первым главным русофобом был Александр Невский, побратавшийся с сыном Батыя Сартаком, а за ним Иван Калита, Иван III, Минин и Пожарский, Богдан Хмельницкий, Петр Великий, посылавший «низовые силы» по льду Ботнического залива в Швецию, Кутузов и Александр I, при котором калмыцкие полки в составе русской армии вошли во Францию, и, наконец, маршал Жуков; ведь тогда в Советской армии служили и татары, и узбеки, и буряты, и казахи, и др. А ведь это все потомки «диких захватчиков» – Чингисхана и Батыя, память которых они чтят до сих пор.

Допустим, что Чингис и Батый не нравятся А. Кузьмину и В. Чивилихину, но ведь нет народа, который бы состоял только из милых и приятных людей. С другой стороны, может быть, В. Чивилихин и А. Кузьмин тоже кому-то не нравятся. Так стоит ли всех русских или даже всех москвичей, на этом основании, считать плохими людьми? Но поскольку они не могут выразить воли всего русского народа, или даже мнение русских историков, то это не важно, а то что Чингис и Бату выражали волю монгольского народа, избравшего их на курултаях ханами, – общеизвестно.

А даже если Чингисиды, и по Кузьмину и Чивилихину, – «военно-паразитическая верхушка» – была только партией, то ее поддерживал весь народ. В условиях военной демократии – осуждать или хвалить надо всю систему, а не только некоторых ханов.

Да и стоит ли интересоваться характеристиками отдельных вождей, когда известно, что, согласно философии марксизма, войны в классовом и доклассовом обществе – неизбежны, как продукт непримиримых, классовых или племенных противоречий.

Для Кузьмина же весь мир делится на хороших и плохих людей, подобно тому как в древнееврейских (кумранских) рукописях ессеи делили всех людей на «сынов света и сынов тьмы» различали же их просто, как приятных и неприятных. Кузьмин в своем восприятии истории остановился на этом уровне, т. е. уровне II в. до н. э.

В начале XIII в. в Монголии жило около 300 тыс. человек (Я. Ц. Мункуев. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970. С. 367–370) и воевали они на трех фронтах: 1) в Китае, 2) в Кране, 3) и с половцами в Поволжье. Следовательно послать большую армию на третьестепенный фронт они не могли из-за отсутствия людей и трудности переброски от Забайкалья до Волги, ибо на одного всадника приходилось 3–4 лошади. В. Чивилихин это понял, но Кузьмин это оспаривает, не объясняя каким образом небольшой отряд «сынов тьмы» сумел разгромить, перебить и уничтожить почти десятиmillionное (по Кузьмину) богатое, процветающее государство – Русь.

Странно, что А. Кузьмин, называющий себя патриотом, считает древнерусских людей за такую дрянь, что они позволили погубить себя столь слабому противнику. А ведь он как бы гордится тем, что наших предков били.

Но если подумать, то можно найти непротиворечивое решение: – Батый совершил по Руси

глубокий рейд, чтобы зайти в тыл половцам. Потому он и не оставил гарнизонов на Руси, а договор о дани был заключен через 20 лет после похода Батыя, Александром Невским (См.: А. И. Насонов. Монголы и Русь. М.; Л., 1940). Да понимает ли сам А. Кузьмин то, что он пишет, но тех, кто хочет и может думать, он именует «русофобами».

Попутно А. Кузьмин разделяется с теорией этногенеза Л. Н. Гумилева столь же фантастическим образом. Он вводит в свой текст ряд передержек и подтасовок. Концепция Л. Н. Гумилева крайне проста. Этносы и их скопления (суперэтносы) это системные целостности, возникающие и исчезающие в историческом времени. Они различаются друг от друга как по географической среде и адаптации к ней, так и по «возрасту» – фазе этногенеза.

По К. Марксу, этносы – естественно сложившиеся коллективы – *Gemeinwesen*, первичные стаи людей, еще не умевших выделывать орудия. Но именно на базе этих природных коллективов появилась общественная форма движения материи и возникли социальные институты – *Gesellschaft*. Являясь предпосылкой и условием существования общества, этносы продолжают существовать и развиваться в снятом виде, но все время меняются, так как имеют свои естественные, а не общественные, законы развития, связанные с существованием человека в биосфере.

Смена же всплеск этногенеза происходит за счет флуктуации геобиохимической энергии живого вещества биосферы, открытой и описанной В. И. Вернадским. А. Кузьмина эта материалистическая концепция раздражает, потому что при этом, никакое массовое движение этнического характера нельзя «осудить» и «оправдать» и непонятно где «сыны света», а где «сыны тьмы». И Кузьмин готов отказаться даже от материализма, если тот не даст возможности, привлекать исторических персонажей к уголовной ответственности, а вместе с ними и несимпатичных ему историков.

Поясним. Категория совести находится на персональном уровне. На видовом уровне, в приложении к таким коллективам, как классы или народы, эти понятия неприменимы. Только древние евреи считали, что их бог наказывает моавитян, филистимлян и другие племена, а их евреев – оправдывает. Эту точку зрения возродил А. Кузьмин. Но если бы он был последователен, то засухи, землетрясения, цунами и др. стихийные бедствия, он тоже должен был бы приписать волхованию колдунов или грехам людей. И тут кого-то можно было бы назвать виновным, а кого-то оправдывать; так работала инквизиция.

Непонятно почему А. Кузьмин так пугается термина «симбиоз». Буквально это значит совместная жизнь. Ныне в симбиозе живут все народы Советского Союза.

С XIII по XV век татары жили на Нижней Волге, а границей Руси была Ока, т. е. между ними простиралось огромное малонаселенное пространство. Обе страны подчинялись правительству в Сарае. Все татарские походы на Русь совершались при помощи русских князей для борьбы с их соперниками, а русские сражались в татарских войсках во время гражданской войны в Орде; Ногай убил русский ратник. Короче говоря, в любой междоусобице на обеих сторонах были и татары, и русские. Это и называется симбиозом. Жестокости были характерны для той эпохи и приписывать татарам особую жестокость – форма расизма. Достаточно напомнить, что с любыми проявлениями культуры в Китае, Иране, Тибете и на Руси татары не боролись. Веротерпимость их хорошо известна.

Приписывать нашим предкам расовую ненависть и отрицать существование нормальных отношений с соседями просто неприлично.

Ведь писал же летописец: «Умер добрый царь Джанибек». Неужели и летописца считать русофобом?!

А. А. Кузьмин называет русофобией симпатию любого русского человека, в том числе Л. Н. Гумилева, к братским народам СССР, на том лишь основании, что аналогичных взглядов

держались историки-евразийцы. Но та же идея дружбы народов положена в основу Советской конституции, а сходство с евразийцами, объясняется лишь тем, что эта концепция верна. Л. И. Брежнев назвал многонациональный Союз ССР – новой исторической общностью, не заимствуя этого тезиса у евразийцев. Верные решения задачи всегда совпадают. Но поскольку А. Кузьмин с этим не согласен, то рассмотрим его собственную точку зрения.

Завоевание Руси норманами, а Белоруссии и Украины литовцами и поляками – благо, ибо завоевание, – пишет он, приписывая это мнение К. Марксу и Ф. Энгельсу, – «часто и было толчком для образования классов и государств» (с. 166). На самом же деле эта точка зрения принадлежала Каутскому, а сейчас является основным тезисом функциональной антропологии и диффузионизма, направленного против марксизма (С. А. Токарев. История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 134). Приписывая Л. Н. Гумилеву стремление «не только объяснить, но и „оправдать“ любую агрессию космическо-климатической теорией» (с. 257), Кузьмин входит в открытое противоречие с наукой, ибо пишет «зачем нам диалектический и исторический материализм, если мы знаем теперь, что от деятельности и воли людей ничего не зависит» (с. 258).

Да, действительно, согласно философии марксизма войны – продукт непримиримых классовых противоречий, т. е. объективный процесс протекающий помимо воли отдельных личностей (См.: Г. В. Плеханов. Роль личности в истории).

И, наконец, А. Кузьмин принимает норманистскую теорию за исключением лишь того, что славянам по этой теории приписывается неполноценность. Действительно это обидно и несправедливо. Зато А. Кузьмин предлагает считать «дикими», то есть неполноценными тюрко-монгольские народы Советского Союза. Поэтому каждый «русофил» должен их презирать, как потомков палачей. Вспомним, что современники событий с татарами дружили.

Итак, чтобы угодить А. Кузьмину, надо 1) относиться с оскорбительным пренебрежением к четверти советских граждан; 2) отказаться от диалектического материализма и 3) признать благом завоевание нашей страны, если оно идет с Запада.

Действительно, Л. Н. Гумилев с такого рода предложениями, точнее, требованиями согласиться не может. Да и есть ли хоть один советский патриот, который бы с этим согласился?

И последнее, в научном споре полагается выслушивать оба мнения, чтобы читатель мог оценить доказательность обеих точек зрения. Публиковать односторонний тезис не корректно. Такая практика в разговорном языке называется «травля». Поэтому я прошу помочь мне опубликовать ответ А. Кузьмину и В. Чивилихину на том же уровне, только без грубостей и подтасовок, вместо которых будут научные сноски на источники.

3. III.1982

К. П. Иванов. Взгляды на этнографию, или Есть ли в советской науке два учения об этносе

Само несколько необычное название нашей статьи требует пояснений, немедленных и исчерпывающих. Речь пойдет не об обывательских и дилетантских мнениях, которых немало, но о вполне квалифицированных научных работах двух советских ученых. Авторами этих работ, получивших широкое освещение как в научной, так и в научнопопулярной литературе, являются Л. Н. Гумилев и Ю. В. Бромлей. В настоящее время взгляды ученых получили монографическое воплощение; вышел трактат Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» [20–22] и две книги Ю. В. Бромлея [8–9]. Так почему же нам, имеющим перед собой эти

исследования, необходимо вновь обратиться к научным журналам 60–70-х годов, где Л. Н. Гумилевым с 1965 г. начата была публикация статей цикла «Ландшафт и этнос» [11–18], вслед за чем, начиная с 1969 г., последовал ряд статей Ю. В. Бромлея [3–6] и его первая монографии «Этнос и этнография» [7].

Взгляды ученых формировались не в вакууме. Проследив за тем, как оттачивались формулировки понятий и менялось освещение проблем, мы можем сделать выводы как о влиянии одной точки зрения на другую, так и коррективах, вносимых после обсуждения работ в печати. Наконец, неспециалист, а именно таковым и является читатель-географ, которому адресована настоящая статья, может встретиться с рядом затруднений при чтении обсуждаемых работ. С одной стороны, текстологическая близость без учета, конечно, некоторых нюансов, может привести его к мысли о полной тождественности обеих точек зрения. С другой стороны, некоторые терминологические расхождения, например наименование таксонов этнической иерархии, могут натолкнуть на еще более ошибочный вывод о том, что ученые расходятся во мнениях практически во всем и лишь иногда говорят одно и то же, но о разных вещах! Решительно выступить против последней крайности – вот цель настоящей работы.

Сопоставление взглядов ученых полезно начать с наиболее общих понятий, употребляемых ими. Таковым является прежде всего «этнос». Даже не искушенный в специальной литературе читатель знает, что этот термин употребляется почти всеми этнографами в смысле «народ». Но в обозначении явления «этнос» в работах двух авторов намечается почти текстуальная близость. У Л. Н. Гумилева в 1967–1968 гг.: «мы отказываемся от использования терминов „народность“, „племя“, „нация“ и вводим термин „этнос“» ([15], с. 194; [12], с. 4). У Ю. В. Бромлея в 1970–1973 гг.: «важным представляется употребление данного термина в качестве своего рода эквивалента слову „народ“, или, точнее говоря, для общего наименования таких образований, как „племя“, „народность“, „национальность“, „нация“» ([7], с. 27; [4], с. 51).

Существенных различий нет и в определении этого понятия. В 1965 г. Л. Н. Гумилев дал следующее предварительное определение: «Этнос – коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам» ([11], с. 113). По его мнению, постоянным, обязательным признаком этноса является противопоставление: «мы такие-то, а все прочие люди не такие» ([11], с. 115). Сравним с определением Ю. В. Бромлея. В 1973 г. он писал: «этноты представляют собой сложные образования, каждое из которых, с одной стороны, обладает общими свойствами, с другой – имеет специфические черты, отличающие его от всех образований того же типа. При этом особую роль играет взаимное различие» ([7], с. 27). И далее: «Этническая общность без отграничения от других таких же общностей – фикция» ([7], с. 27). «Этносу присуща непременно антитеза „мы“ – „они“» ([7], с. 31).

Говоря об этнических различиях, авторы отмечают реальность, наглядность и безотчетность их восприятия людьми ([12], с. 15; [7], с. 27, 99), подчеркивая при этом всеобщность этноса как явления: «вне этноса нет ни одного человека на земле... этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее» ([12], с. 4), – читаем в статье Л. Н. Гумилева 1967 г. И как бы продолжая, другой автор пишет: «каждый взрослый человек, где бы он ни находился, непременно относится к какому-либо этникусу (этнос в узком смысле слова, – *К. И.*)... В силу этого человечество в любой данный момент представляет совокупность этникосов» ([8], с. 28).

Какой же отличительный признак этноса можно вынести за скобку? Иными словами, что может служить универсальным критерием отличия одного этноса от другого? Может быть таким критерием является этническое самосознание? Оказывается, нет. «Этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания.

Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую...» ([12], с. 4), – читаем в одной из первых работ Л. Н. Гумилева. А у Ю. В. Бромлея находим подтверждение: «как и любая форма сознания – оно (этническое самосознание. – *К. И.*) явление вторичное, производное от объективных факторов» ([7], с. 110).

Следует оговориться, что позиция Ю. В. Бромлея в этом вопросе не вполне однозначна. Приведенная цитата относится к 1973 г. В дальнейшем взгляды этнографа несколько изменились, но об этом мы подробнее скажем ниже. Так существует ли объективный отличительный признак этноса? Оба автора категорично заявляют «нет»! «У нас нет ни одного реального признака для определения народности как таковой... а совокупность их (признаков. – *К. И.*) вообще ничего не определяет» ([11], с. 113-114), – утверждает историко-географ Л. Н. Гумилев в первой своей статье, посвященной проблемам этноса. Сравним с мнением этнографа: «Не случайно все попытки выделить один неперемный для всех случаев основной этнодифференцирующий признак оказываются обреченными на неудачу» ([7], с. 31).

Ученые не ограничиваются этими общими суждениями; ими рассматриваются все возможные «кандидаты» в признаки этноса – язык, расовые черты, материальная и духовная культура (идеология, религия), этноним (этническое наименование, самоназвание). Но вывод от этого не меняется: ни один из этих признаков не может служить определителем этноса как такового ([11], с. 113–114; [12], с. 5, 8, 16; [4], с. 55 [7], с. 29–31, 33, 55, 98). Отсюда, кстати, оба автора делают весьма важный вывод о несостоятельности любых расистских доктрин, опирающихся на понятие «чистоты» этноса. «Нет народа, который бы не произошел от разных предков. В процессе этногенеза всегда фигурируют два или более компонентов» ([11], с. 114–115), – читаем в статье Л. Н. Гумилева 1965 г. И у него же два года спустя: «чистой в расовом отношении народности нет нигде» ([12], с. 16). Столь же категоричен в этом вопросе и Ю. В. Бромлей. В 1970 г. он пишет: «практически не существует „чистых“ в расовом отношении этносов» ([4], с. 53), а через три года уточняет: «Все современные народы сложились из разных этнических компонентов, имеют смешанный состав, а следовательно, опровергают измышления о „расовой чистоте“, „исконных предках“, „национальной исключительности 169> отдельных народов» ([7], с. 237).

Таким образом, оба ученых, отрицая наличие какого-либо внешнего универсального признака этноса, рассматривают его как самостоятельное явление, не сводимое к другим известным, и в качестве его обязательного признака выделяют только противопоставление (отграничение, взаимное различие) другим общностям того же типа: «мы такие-то, а все прочие – другие», «мы» – «они». Другими словами, этнос не категория, а сопоставительное явление, данное нам в ощущении, и потому может быть выделен из окружающего мира лишь с помощью абстракции отождествления. Заметим, что именно этим способом мышления пришлось пользоваться К. Марксу в «Капитале» для выделения такого общего свойства, как стоимость ([27],

с. 21). Абстракция отождествления играет существенную роль на первой стадии развития любой новой науки. В ее основе лежит отношение типа равенства, в случае этноса – «ощущение своего и чужого» ([15], с. 194), по Л. Н. Гумилеву, или «чувство идентичности» – «мы» ([9], с. 28), по Ю. В. Бромлею. Но выделяя некоторое общее свойство исследуемых предметов, абстракция отождествления не раскрывает, насколько это свойство существенно для них, как не раскрывает и его природы.

Чем же определяется этническая принадлежность? Каков механизм этнической преемственности? По мнению обоих ученых, принадлежность к этносу может быть выявлена через характер, стереотип поведения *1. Еще в 1967 г. Л. Н. Гумилев писал: «Представители одного и того же этноса в определенных критических условиях реагируют сходно, а члены

иных этносов поиному» ([13], с. 91) и далее: «Человек может не знать своего происхождения, забыть родной язык, не иметь никаких религиозных или атеистических представлений, но без поведения в коллективе он жить не может. А поскольку именно характером поведения определяется этническая принадлежность, то все люди сопричастны этносфере» ([13], с. 94). Ю. В. Бромлей так же констатирует «внешнее различие в поведении, реакциях людей равной этнической принадлежности по одному и тому же поводу» ([9], с. 172), подчеркивая при этом, что «среди свойств, присущих людям, для этнического объединения и размежевания несравнимо большее значение, чем физический облик, имеют групповые особенности их деятельности», которая выражается в «действиях и поступках» ([4], с. 53). И далее: «... они (национальный характер, общность психического склада, – *К. И.*) преимущественно проявляются не в опредмеченных видах культуры, а в самой деятельности, в поведении членов этноса» ([7], в. 93).

Количество цитат, подчеркивающих единство позиций ученых по сути данного вопроса, можно многократно увеличить. При этом необходимо только учитывать определенную терминологическую эволюцию обоих авторов. В ранних своих работах (1965–1970 гг.) Л. Н. Гумилев наряду с понятием стереотипа поведения употреблял еще и термин «культура», подразумевая под тем и другим «навыки быта, приемы мысли, восприятие предмета искусства, обращение со старшими и между полами», которые он понимает как «условные рефлексy, обеспечивающие наилучшее приспособление к среде» ([16], с. 50). В дальнейшем он отказался от термина «культура», ввиду его многозначности. Ю. В. Бромлей, наоборот, от категории «деятельность» (1970–1973 гг.) перешел к понятию этнической культуры, что усложнило восприятие поведенческого содержания этого термина.

Говоря о механизме этнической преемственности, Л. Н. Гумилев опирается на учение о сигнальной наследственности М. Е. Лобашева [25] и подчеркивает его условно-рефлекторную природу: «Условно-рефлекторная (сигнальная) наследственность между поколениями осуществляется через контакт новорожденного 1) с родителями и 2) членами сообщества, что в применении к человеку называется традицией, которая не что иное, как стереотип поведения, передающийся путем сигнальной наследственности» ([13], с. 93). Отметим, что из этого положения следует вывод, имеющий огромное методологическое значение, выходящее далеко за пределы этнографической науки: «Сигнальная наследственность для понимания развития человека и его цивилизации приобретает особое значение, так как ее положения полностью опровергают наличие расовых различий духовных свойств человека» (разрядка моя, – *К. И.*) ([25], с. 10; [13], с. 93). Это становится понятным, если учесть, что благодаря именно сигнальной наследственности, – по мнению Л. Н. Гумилева, «в этнических коллективах возможна инкорпорация, не мыслимая в расе» ([18], с. 102).

Решающее значение подражательного условного рефлексy в осуществлении этнической преемственности подчеркивает в своих монографиях и Ю. В. Бромлей: «Усвоение этнокультурной информации происходит как непроизвольно (бессознательно), так и осознанно. Первый способ является древнейшим, так как основывается на имитативных (разрядка моя, – *К. И.*) способностях человека, и до сих пор остается ведущим» ([7], с. 53; [8], с. 26).

Как видим, позиции ученых, если не тождественны, то крайне близки. В этом нас убеждает и тот факт, что оба автора относят момент формирования этнической принадлежности к детству ([18], с. 102; [7], с. 53, 86, 107) и специально оговаривают статистический характер наблюдаемого стереотипа поведения этноса. Так, Л. Н. Гумилев еще в 1967 г. писал: «Здесь должны приниматься во внимание только статистические средние из достаточно больших чисел с отклонениями во все стороны» ([18], с. 91). Иными словами, стереотип поведения достоверно определяется не на индивидуальном, а на групповом или

популяционном уровне *2. О том же говорит в своей монографии и Ю. В. Бромлей: «Уже не раз отмечалось, что он (этнический характер, – *К. И.*) значительно отчетливее проявляется в случаях, когда выступают не отдельные лица, а группы взаимодействующих людей» ([7], с. 84).

В рамках краткой статьи невозможно осветить все моменты сходства рассматриваемых позиций. Количество таких аспектов тождества или подобия можно увеличить до 29. Коснемся еще трех вопросов, наиболее интересных для географа: устойчивости этнических целостностей, их иерархии и связи процесса этногенеза с географической средой. Исторический подход, который столь дорог каждому географу, приводит обоих ученых к важному выводу о том, что этнос – динамическая система, исторически возникающая и исчезающая. По данному поводу авторами написано достаточно, поэтому не будем приводить цитаты, а ограничимся ссылками, расположив работы в хронологическом порядке: ([11], с. 113; [18], с. 100; [7], с. 31, 64, 153; [8], с. 51, 64). При этом оба автора рассматривают этнос как устойчивую целостность, сохраняющуюся на протяжении нескольких социально-экономических формаций ([11], с. 113; [14], с. 110; [15], с. 195; [4], с. 52; [7], с. 28, 40; [8], с. 35). В качестве условия образования и сохранения этноса и Л. Н. Гумилев и Ю. В. Бромлей выделяют общность исторической судьбы ([12], с. 10; [6], с. 72; [7], с. 104).

Понимание этноса как системы заставляет ученых обратиться к системному подходу и приводит их к мысли об иерархичности этнических систем. Прежде всего, оба учитывают релятивность этнической принадлежности. В контексте, как мы увидим ниже, релятивность означает не относительность, а как раз иерархичность более широкого, чем собственно этнос, типа явлений – «этнических общностей».

В описании таксонов этнической иерархии между Ю. В. Бромлеем и Л. Н. Гумилевым есть терминологические разночтения, но принцип подчиненности таксонов один и тот же: один таксон – «над», другой – «под» этносом. У Л. Н. Гумилева начиная с 1971 г. это система: суперэтнос-этнос-субэтнос [17], у Ю. В. Бромлея – макро(мета)этнические общности-этнос-субэтнос ([8], с. 46–49). Сходство обеих классификаций станет очевидным, если обратиться к соответствующим иллюстрирующим примерам.

В одной из первых этнологических работ Л. Н. Гумилева читаем: «Этническая принадлежность – не ярлык, а релятивное понятие. Называя себя тем или другим этническим именем, индивидуум учитывает место, время и собеседника, отнюдь не отдавая себе в этом отчета. Так карел из Калининской области, в своей деревне назовет себя карелом, а прибыв в Ленинград – русским... для того, чтобы казанский татарин объявил себя русским, ему нужно попасть в Западную Европу или Китай. Там на фоне совершенно иной культуры, он назовет себя русским, прибавив, что, собственно говоря, он татарин. А на Новой Гвинее он же назовет себя европейцем» ([12], с. 4). Сравним у Ю. В. Бромлея: «Этносы, или народы, – это как бы основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделить этнические общности таксономически более высокого и более низкого порядка» ([7], с. 25). И далее: «Попав в Японию, белорус на фоне совершенно иной культуры назовет себя сначала русским, прибавив затем, что он собственно говоря, белорус. А на Новой Гвинее он же назовет себя европейцем» ([7], с. 99). Совпадение, как видим, полное.

Сходство наблюдается и в описании генезиса этнических таксонов. Так обстоит дело, например, в выяснении путей образования субэтносов. Оба автора убедительно показывают, что субэтносы могут возникать из этносов ([18], с. 105; [20], с. 41; [8], с. 54; [9], с. 83), из этнографических групп ([17], с. 89; [20], с. 43; [9], с. 83), из конфессиональных или социальных и хозяйственно-культурных образований ([12], с. 13; [20], с. 31, 42; [9], с. 83), из административно-территориальных и историко-территориальных общностей ([12], с. 13; [20], с. 31; [9], с. 83). Следует отметить, что и иллюстрирующие эти положения примеры у обоих

авторов весьма сходны, в чём может убедиться и сам читатель.

В отличие от Л. Н. Гумилева, Ю. В. Бромлей, правда, без примеров, выделяет еще субэтносы лингвистического и расового (из расовых групп) происхождения ([9] с. 83–84). Думается, что такое дополнение вряд ли следует считать принципиальным, а главное верный, ибо оно противоречит взглядам самого этнографа (как и взглядам Л. Н. Гумилева), согласно которым «перемена языка сама по себе еще не означает перехода в другое этническое состояние» ([9], с. 241), а раса, как уже отмечалось выше, не является признаком этноса ([7], с. 29–30).

Наконец, характеризуя процесс этногенеза, и Л. Н. Гумилев и Ю. В. Бромлей подчеркивают особую роль в нем географической среды. Оба ученых рассматривают этнос как верхнее, завершающее звено геобиоценоза, называя такую целостность этноценозом (Л. Н. Гумилев) ([12], с. 14) или этноэкологической системой (Ю. В. Бромлей) ([8], с. 246, 254). Более того, оба автора констатируют связь возникающего этноса с определенным ландшафтом, пусть даже антропогенным, но устоявшимся и стабильным в течение определенного времени ([12], с. 14; [21], с. 131; [4], с. 55). И тот и другой отмечают, что распространение этносов и их далекие переселения идут, как правило, в сходные ландшафты: степняки предпочитают прерии, горцы – хребты и плоскогорья и т. д. ([13], с. 94–95; [8], с. 247, 250–251). Оба автора одинаково признают роль биологической адаптации, которая «свойственна и человеческим обществам» ([8], с. 246), причем Л. Н. Гумилев показывает, что «в результате приспособления возникают новые типы сообществ с новыми особенностями структуры поведения» ([12], с. 14), т. е. новые этносы. Повода для разногласий нет и здесь. При чтении работ ученых следует учитывать еще один терминологический нюанс. Л. Н. Гумилев под этногенезом понимает весь процесс жизнедеятельности этноса с момента возникновения до исчезновения его как системы. Именно в этом смысле нужно воспринимать название его основного трактата «Этногенез и биосфера Земли» [20–22]. Ю. В. Бромлей вместе с большинством этнографов под этногенезом подразумевает лишь процесс становления этноса или его происхождение, т. е. только первую фазу этногенеза в терминологии Л. Н. Гумилева.

Предложенное сравнение можно было бы продолжить, однако настало время указать и на расхождения между Л. Н. Гумилевым и Ю. В. Бромлеем. Их два.

Об одном из них мы уже оговорились в начале статьи. Так, если Л. Н. Гумилев решительно утверждает, что этническое самосознание вторично и лишь отражает объективную реальность этногенеза, а потому и не может служить основным отличительным признаком этноса ([12], с. 4; [15], с. 195), то Ю. В. Бромлей говорит о том же менее категорично. В 1973 г.: «И, тем не менее, на наш взгляд, было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразного демиурга» ([7], с. 110), а десять лет спустя – нечто диаметрально противоположное: «национальное (этническое) самосознание является важнейшей чертой нации (этноса)» ([9], с. 175). И далее: «именно самосознание... должно в первую очередь рассматриваться в качестве отличительной черты этнической общности» ([9], с. 176). Это положение, по его мнению, должно быть одобрено, так как получает «распространение, притом не только среди этнографов, но и среди представителей других обществоведческих дисциплин» ([9], с. 175).

С последним аргументом трудно согласиться. Во-первых, мало ли неверных представлений распространялось в науке в разное время и разве общественные дисциплины – исключение? Во-вторых, «распространяется» и «принято всеми» – еще не синонимы, тем более что против первичности этнического самосознания выступают как отдельные ученые, так и редакции общественно-научных журналов, о чем пишет и сам этнограф. Так, в 1967–1970 гг. этот вопрос специально обсуждался на страницах журнала «Вопросы истории». Редакция

журнала в итоговой статье ([23], с. 94–95) приняла точку зрения философа И. П. Цемеряна, который писал, что «самосознание этнической принадлежности», также как и «национальное самосознание», не может служить одним из основных признаков нации, так как оно является субъективным отражением в сознании человека объективного факта существования нации, хотя это мнение было высказано из всех участников дискуссии лишь им одним (цит. по [9], с. 174).

Думается, что И. П. Цемерян и редакция «Вопросов истории» правы. Являясь объективной реальностью, данной нам в ощущении, этнос определяет этническое самосознание, присущее всем его членам, а не наоборот. В противном случае приходится предположить одно из двух. Либо этническое самосознание ошибочно (а то и ложно), так как не отражает объективной реальности – этноса – и, следовательно, не поддается проверке. Либо этническое самосознание существует независимо от материального мира, формируя и воспроизводя себя само. Очевидно, что оба этих предположения ошибочны.

Второе расхождение во взглядах ученых связано с их отношением к энергетике этнических процессов. Для объяснения дискретности (прерывистости) процессов этногенеза, которая, очевидно, сопряжена с энергетическими затратами этноса как биосферного феномена, Л. Н. Гумилевым было предложено учение, о пассионарности. Под пассионарностью он понимает эффект открытой В. И. Вернадским биохимической энергии живого вещества, который на организмическом уровне выражается как непреодолимое стремление индивидуума к далекой цели, зачастую иллюзорной, но ради которой он жертвует не только собственной жизнью, но и жизнью своего потомства. На популяционном уровне появление пассионарного признака инициирует образование этнических систем и процессы этногенеза. И наоборот, исчезновение пассионарного признака в этносе означает завершение процесса этногенеза и возвращение его в исходное биохимическое состояние равновесия с ландшафтом – гомеостаз [16, 17, 19–22].

Ю. В. Бромлей возражает именно против этого энергетического аспекта учения о пассионарности. «Между тем, – пишет он, – совершенно очевидна неправомерность отождествления физической энергии людей (надо понимать, видимо, физическую силу, здоровье, – *К. И.*) с их активностью» ([9], с. 213). Нетрудно убедиться, что этнограф заботит не столько исторический материал, на эмпирическом обобщении которого построена концепция пассионарности, сколько ее естественнонаучное обоснование. Понятно, что подобные вопросы находятся в компетенции ученых-естественников и философов – специалистов в области диалектического материализма. Однако именно из их среды исходит большинство положительных отзывов на учение о пассионарности (см., например, [1, 2, 10, 24, 26] и др.). И нужно отметить, что ученые-естественники с их достаточно строгой методологией не смущаются ни широким охватом исторического материала, ни достаточно необычной обрисовкой взаимодействия человека и биосферы в учении о пассионарности. Наоборот, именно в них они и видят его достоинство. Подведем итоги. Установлено полное или почти полное сходство во взглядах Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея по подавляющему большинству положений. Есть и два отличия, о которых мы сказали выше. Представляется, что дальнейшая разработка теории этноса может быть по-настоящему плодотворной только при ее переводе с цеховых позиций на междисциплинарную основу. Но уже сейчас учение об этносе представляет собой фундаментальную теорию, которая заполняет определенный концептуальный вакуум в науке о взаимодействии человека и природы, общества и географической среды, социума и ландшафтной оболочки Земли и которая тем самым приобретает, помимо собственно этнографического, еще и географический статус, обогащая теоретический арсенал исторической, социальной и экономической географии. Так есть ли два учения об этносе в советской науке? Нет! Есть одна теория, одно учение, и дальнейшая его разработка

настоятельно необходима.

Литература

- [1] *Ахундов К. Д.* Эволюция человека и генезис представлений о пространстве и времени. – В кн.: Биология и современное научное познание. М.: Наука, 1989, с. 303–323.
- [2] *Бородай Ю. М.* В поисках этногенного фактора. – Природа, 1981, № 4, с. 124–126.
- [3] *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия. – Советская этнография, 1969, № 6, с. 84–91.
- [4] *Бромлей Ю. В.* К вопросу о сущности этноса. – Природа, 1970, № 2, с. 51–55.
- [5] *Бромлей Ю. В.* К характеристике понятия этнос. – В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1971, вып. 1, с. 9–33.
- [6] *Бромлей Ю. В.* К вопросу об узком значении термина этнос. – В кн.: История географических знаний и историческая география. – Этнография. Вып. 5, М.: МФГО СССР, 1971, с. 72–73.
- [7] *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
- [8] *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.
- [9] *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- [10] *Голованов Л. В.* Созвучие полное в природе. М.: Мысль, 1977, 175 с.
- [11] *Гумилев Л. Н.* По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос. III). Веста. ЛГУ, 1965, № 18, с. 112–120.
- [12] *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос». – Докл. ГО СССР. Л., 1967, вып. 3, с. 3–17.
- [13] *Гумилев Л. Н.* Этнос как явление. – Докл. ГО СССР. Л., 1967, вып. 3, с. 90–107.
- [14] *Гумилев Л. Н.* Об антропогенном факторе ландшафтообразования. (Ландшафт и этнос. VII). – Вестн. ЛГУ, 1967, № 24, с. 102–112.
- [15] *Гумилев Л. Н.* Этнос и ландшафт. – Изв. ВГО, 1968, т. 100, вып. 3, с. 193–202. [16] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера. – Природа, 1970, № 1, с. 46–55.
- [17] *Гумилев Л. Н.* Этнос – состояние или процесс? (Ландшафт и этнос. XI). – Вест. ЛГУ, 1971, № 12, с. 86–95.
- [18] *Гумилев Л. Н.* Сущность этнической целостности. (Ландшафт и этнос. XII). – Вестн. ЛГУ, 1971, № 24, с. 97–106.
- [19] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли: Автореф. докт. дис. Л., 1974. 34 с.
- [20] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Вып. 1. Звено между природной средой и обществом. М.; Л.: ВИНТИ, 1979.
- [21] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Вып. 2. Пассионарность. М.; Л.: ВИНТИ, 1980.
- [22] *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Вып. 3. Возрасты этноса. М.; Л.: ВИНТИ, 1980.
- [23] *К итогам* дискуссии по некоторым проблемам теории нации. – Вопр. истории, 1970, № 8, с. 86–98.
- [24] *Лантев И. Д.* Планета разума. М.: Молодая Гвардия. 1973. 256 с.
- [25] *Лобашев М. Е.* Сигнальная наследственность. – В кн.: Исследования по генетике. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961, с. 3–11.
- [26] *Миланова Е. В., Рябчиков А. М.* Географические аспекты охраны природы. М.: Мысль, 1979. 293 с.
- [27] *Рузавин Г. И.* Философские проблемы оснований математики. М.: Наука, 1983. 302 с.

**Я. Г. Машбиц, К. В. Чистов. Ещё раз к вопросу о двух концепциях
«этноса»
(По поводу статьи К. П. Иванова)**

В третьем выпуске «Известий Всесоюзного Географического Общества» за 1985 г. опубликована статья К. П. Иванова «Взгляды на этнографию или есть ли в советской науке два учения об этносе». Уже заглавие статьи предполагает отрицательный ответ на поставленный вопрос. И действительно, знакомство со статьей показывает, что именно в этом ее смысл и цель.

Известно, что в конце 60-х-начале 70-х годов была опубликована серия статей Л. Н. Гумилева, которая вызвала полемику в журнале «Природа» и в ряде других изданий [1, 4, 6, 14, 16, 20, 28]. Она показала значительное расхождение точек зрения Л. Н. Гумилева и его оппонентов. В те же и последующие годы теория этноса получила значительное развитие в трудах Ю. В. Бромлея [3, 6, 7, 8, 9] и некоторых других авторов, и, что очень важно, она реализовалась во многих исследованиях советских этнографов [17, 19, 21, 29, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 40, 41 и др.].

Уже в начале 70-х годов различие точек зрения было очевидно, и оно не скрывалось авторами, писавшими на эти темы, в том числе и самим Л. Н. Гумилевым. Собственно, если бы это было не так, то не было бы предмета дискуссии. Произошло ли в последующие годы что-нибудь такое, что заставило бы пересмотреть вполне сложившиеся концепции или по-иному оценить их? Думаем, что нет. Развитие конкретных и обобщающих работ советских этнографов показывает правильность и научную продуктивность той концепции этноса, которая господствует в советской этнографии и этнографии социалистических стран и наиболее значительный теоретический вклад в которую принадлежит, несомненно, академику Ю. В. Бромлею. Поэтому статья К. П. Иванова удивляет и настораживает.

Настораживает она, так как замазывание разногласий, сглаживание противоречий еще никогда не приносили пользу науке.

В соответствии со своим замыслом автор вовсе не стремится вспомнить о том, что концепция Л. Н. Гумилева подвергалась достаточно острой и принципиальной критике, и тем более не приводит аргументы тех, кто в этой критике участвовал. Он строит свою статью не на сопоставлении концепций, а на сопоставлении отдельных терминов, формулировок и цитат, в которых находит совпадения.

Нет смысла останавливаться на всех подобных совпадениях. Некоторые из них закономерны, т. е. речь идет об очевидных вещах, другие – более или менее случайны. «Совпадают» вырванные из контекста слова, а не смысл и ход рассуждений.

Главные различия во взглядах Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева заключаются в понимании глубинной сути этноса. Их точки зрения в данном отношении отличаются кардинальным образом.

Л. Н. Гумилев рассматривает этнос прежде всего в качестве биологической единицы (популяции) *1. Он обосновывает такой биолого-географический подход следующим образом: «Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. *Нет ни одного реального признака для определения этноса* (выделено нами. – Я.М., К.Ч.), применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда и нет». Вывести за скобку, подчеркивает он далее, можно только одно – признание каждой особи: «мы такие-то, а

все прочие другие». И отсюда делается вывод: «поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность».

Остается непонятным, почему «повсеместность» делает эту «реальность» физической или биологической. Напротив, антитеза «мы – они» имеет социально-психологический характер вне зависимости от того, стоят за этой реальностью действительные или иллюзорные различия. Обычно же эта антитеза основана в первую очередь на многоплановых этнокультурных различиях. И поскольку признаки этноса представляют целостную систему, в одном случае на передний план в качестве решающего отличительного признака может выдвигаться один, а в другом – иной компонент этноса. Сведя сущность этноса к «физической или биологической реальности», Л. Н. Гумилев, в конечном счете, отождествил его с популяцией *2 ([12], с. 5, 14). Такой подход существенно обедняет представление об этносах, в формировании которых, разумеется, немаловажное значение имеют и естественно-исторические факторы.

Представление об этносе как биологической единице не оригинально. Еще в 20-х годах оно развивалось в работах русского этнографа-эмигранта С. М. Широкогорова ([39], с. 28). Биологизация сущности этноса имеет известное распространение и в современной американской научной литературе, в том числе в работах, появившихся в начале 60-х годов ([42], с. 17). Ю. В. Бромлей, как и подавляющее число советских обществоведов, в том числе и этнографов, считает этнос социальной общностью людей [7]. Социальный характер этносов особенно очевиден в случаях, если в этой роли выступают народы, состоящие из представителей нескольких рас (например, кубинцы, бразильцы, аргентинцы и т. п.). Представление об этносе как биологической единице неоднократно подвергалось критике в работах Ю. В. Бромлея ([9], с. 20, 211 и др.), о чем, очевидно, автор статьи умалчивает. Критиковалась эта концепция и в работах других советских обществоведов, например В. И. Козлова, Б. М. Кедрова, И. Р. Григулевича и И. А. Крывелева [10, 20].

Что касается вопроса о соотношении этноса и биологической популяции, то он гораздо сложнее, чем это представляется Л. Н. Гумилеву. В работах Ю. В. Бромлея обоснован тезис: «не популяция – основа этноса, а социальные факторы, образующие этнос, ведут к появлению сопряженной с ним популяции», т. е. перед нами картина, прямо противоположная той, которую дает Л. Н. Гумилев ([7], с. 122–123). Эта концепция, очень важная для понимания соотношения этноса и популяции, обосновывается Ю. В. Бромлеем обстоятельным анализом такой характерной черты этносов, как эндогамия [3, 27].

После всего сказанного неизбежно возникает вопрос: как же в рассматриваемой нами статье доказывается якобы существующая общность взглядов упомянутых ученых по основным аспектам теории этноса? Прежде всего – путем ссылок на некоторые чисто внешние (главным образом терминологические) параллели в их работах. В большинстве случаев такие параллели объясняются тем, что оба они пишут об одном и том же явлении. При этом речь идет, как правило, о тех его свойствах и признаках, которые достаточно очевидны и потому общепризнанны.

Самое элементарное совпадение К. П. Иванов находит в употреблении термина «этнос» для обозначения этнических общностей различного уровня. Более того, он намекает на то, что Л. Н. Гумилев ввел его в употребление и только вслед за ним приняли его на вооружение как Ю. В. Бромлей, так и другие авторы (с. 233). Между тем известно, что в зарубежной литературе этот термин появился уже в XIX в. В России в начале XX в. Н. М. Могилянский использовал слово «этнос» в значении «народ», а в 1923 г. С. М. Широкогородов, отмечая, что термин «народ» «слишком широк», предлагал «взять условно термин „этнос“» ([39], с. 12–13). Впервые в послевоенные годы настаивал на его употреблении, так же как целого ряда терминов производного характера («этническая общность», «этническая территория», «этническая

граница», «этнические признаки», «этническая специфика» и т. п.) известный советский этнограф П. И. Кушнер [21, 22, 23, 24]. В 1964 г. С. А. Токарев не без оснований констатировал, что «едва ли не всеобщим убеждением стало представление, согласно которому „племя“, „народность“ и „нация“ являются этническими общностями, характерными для разных исторических этапов развития общественного строя» ([86], с. 47). При этом нетрудно заметить (употребляя фразеологию К. П. Иванова) «почти текстуальную близость» определения этноса С. А. Токаревым и Л. Н. Гумилевым, который писал в 1967–1968 гг.: «Мы отказываемся от использования терминов „народность“, „племя“, „нация“ и *вводим* (выделено нами. – Я.М., К.Ч.) термин „этнос“» ((121,

с. 4; [18], с. 194). Достаточно взглянуть в учебники и учебные пособия послевоенных лет («Этнография народов СССР» С. А. Токарева, «Очерки общей этнографии» (тт. I–V), «Основы этнографии», «Введение в этнографию» Р. Ф. Итса и др.), чтобы убедиться в том, что термин «этнос» и производные от него («этногенез», «этнический состав», «этническое развитие», «этнические процессы» и т. д.) постоянно употреблялись этнографами, так же как с давних пор и непрерывно функционировал термин «этнография», обозначавший науку об этносах (народах). Поэтому приписывать кому-нибудь введение в науку термина «этнос» да еще в 60-е годы нашего столетия по меньшей мере странно. Другое дело, что в 60–70-е годы развивался процесс существенного уточнения употреблявшейся уже терминологии. В связи с тем, что термин «народ» помимо значения, адекватного «этносу» может употребляться и употребляется в другом – социальном, а не этническом значении, этнографы стали предпочитать термины «этнос», «этническая общность» в качестве родового понятия, обозначающего все виды этнических общностей от племени до современной нации.

Что же касается Ю. В. Бромлея, то он тоже не «вводил» термин «этнос», а в 60–70-е годы опубликовал целую серию работ, способствовавших возникновению современной теории этноса, ныне широко принятой в советской этнографии.

Аналогичный характер в рассматриваемой нами статье имеют и попытки дальнейшего сопоставления формулировок, которые отыскиваются в работах двух ученых. Так, подчеркивая, что в 1965 г. Л. Н. Гумилев характеризовал этнос как «коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам», автор сопоставляет этот тезис с констатацией Ю. В. Бромлеем в 1973 г. того, что «этносу присуща непременно антитеза „мы-они“» (с. 233). Однако К. П. Иванов при этом не отмечает, что противопоставление «мы-они» – явление общеизвестное; оно характерно для многих разновидностей человеческих общностей, а не только для этноса [31]. Уже упоминавшийся выше С. М. Широкогоров писал, что этнос – группа людей, имеющая черты, «отличаемые ею от таковых других групп» ([39], с. 13).

Несостоятельна и попытка К. П. Иванова, сославшись на то, что оба ученых относят «этнос» к категории «сопоставительных» общностей, утверждать, будто у них нет «существенных различий... в определении этого понятия» (с. 233). Выше мы могли убедиться, что в понимании *существа* этноса (его социальной или биологической природы) они расходятся кардинальным образом, хотя и Ю. В. Бромлей многократно подчеркивал важную роль природно-географических условий и факторов в этногенезе или вообще в этнокультурных процессах. Важность сочлененного (слитного) рассмотрения естественно-исторических и социально-экономических факторов в процессах складывания и развития этносов отмечают и географы [26, 30].

В статье делается попытка приписать Л. Н. Гумилеву первенство в формулировании такой тривиальной истины, как представление об этносе как явлении всеобщем (с. 233). В подтверждение автор ссылается на работу Л. Н. Гумилева 1967 г. Между тем данное

обстоятельство по существу тоже было зафиксировано С. М. Широкогоровым еще в 1923 г. Он писал, что деление на этносы «есть естественное явление человечества» ([39], с. 106).

Не менее показательна и попытка автора сопоставить взгляды ученых по вопросу об основных признаках этноса. Отмечая, что оба автора констатируют отсутствие единого отличительного признака для всех этносов, К. П. Иванов подчеркивает, что Л. Н. Гумилев писал об этом в своей первой статье, т. е. примерно на пять лет раньше Ю. В. Бромлей (с. 234). Между тем еще в 1964 г. С. А. Токарев констатировал: «уже давно установился взгляд, что этнические общности... отличаются друг от друга не по одному какому-нибудь признаку... На первое место в числе этих признаков выдвигаются то одни, то другие» ([35], с. 43).

Но еще более существенно, что К. П. Иванов, приводя указанное сопоставление, «не заметил» принципиального различия в тех выводах, которые делают Ю. В. Бромлей и Л. Н. Гумилев на основе констатации упомянутого феномена. Для Л. Н. Гумилева совокупность признаков этноса «вообще ничего не определяет» ([11], с. 113–114) (отсюда, как мы видели выше, и делается заключение о несоциальной сущности этноса). Что касается Ю. В. Бромлей, то он придерживается по данному вопросу прямо противоположной точки зрения. Признавая, что «ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком», он вместе с тем подчеркивает, что «в одних случаях главная роль в этом отношении принадлежит языку, в других – религии» ([7], с. 30–31) и т. д. «Это, – отмечает он далее, – подчас служит основанием для игнорирования вообще культуры как носителя этнических свойств. Между тем в действительности перед нами свидетельство лишь того, что этнос представляет собой не отдельный компонент культуры, а определенную культурную целостность» ([7], с. 31), При этом, по словам Ю. В. Бромлей, «этнос – не простая сумма „признаков“ и „общностей“, а целостная система, к тому же сознающая свою целостность» ([4], с. 55). Заметим попутно, что подобная ориентация на *целостность* этносов как систем полностью соответствует принципам современного системного подхода.

К. П. Иванов пытается создать впечатление первенства Л. Н. Гумилева и в формировании представления об отсутствии этнически «чистых» этносов (с. 234). Однако и в этом случае дело обстоит иначе. Данное представление тоже является давно общепризнанным. В предвоенные годы в борьбе с нацистской этнографией советские этнографы и антропологи постоянно подчеркивали, что так называемое учение о возможности расовой чистоты этноса – реакционнейший фашистский миф. Известный советский этнограф П. И. Кушнер в 1951 г. писал, что «редко можно найти чистые в этническом отношении формы» ([24], с. 7).

То же относится и к вопросу об иерархичности этнических общностей (с. 236). Здесь Л. Н. Гумилев, начавший писать о данном феномене в 1971 г., отнюдь не оригинален. В нашей этнографической литературе в той или иной форме об этом говорилось значительно раньше ([24], с. 9; [25], с. 4–10). Нельзя не коснуться в связи с рассматриваемым вопросом и «обнаружения» К. П. Ивановым полного «совпадения» текстов при иллюстрации обоими учеными иерархичности этнического самосознания. Дело в том, что при этом он странным образом «не заметил», что Ю. В. Бромлей в данном случае прямо ссылается на работу Л. Н. Гумилева ([7], с. 39, прим. 121).

Особо следует остановиться на попытке автора доказать «единство позиций ученых по сути» вопроса об активности людей как важнейшем свойстве этноса. Действительно, оба ученых признают важное значение таковой для функционирования этого типа общностей; более того, они отмечают и особую роль внебиологической («сигнальной наследственности») в воспроизводстве этноса. Однако это, как мы видели выше, не мешает Л. Н. Гумилеву считать этнос биологической категорией. И, видимо, не случайно он, говоря об активности членов этноса, предпочитает употреблять термин «поведение», относя при этом «поведенческие

явления к природным формам движения» ([16], с. 101). В работах Ю. В. Бромлея основное место в активности членов этноса принадлежит деятельности, т. е. социальной форме движения, ибо главное содержание деятельности – «целесообразное изменение и преобразование» человеком окружающего мира ([38], с. 151). И признание им того, что усвоение этнических черт поведения происходит в значительной части бессознательно, отнюдь не превращает сигнальную наследственность в биологическое явление: ведь при этом имеется в виду внегенетическая передача этнокультурной информации при посредстве социальной коммуникации *3 ([7], с. 53). Кстати, нельзя согласиться и с замечанием автора, будто Ю. В. Бромлей от категории «деятельность» в работах 1970–1973 гг. позднее перешел к понятию этнической культуры (с. 235). Прежде всего, понятие «этническая культура» фактически было и в ранних работах Ю. В. Бромлея ([7], с. 100). Что же касается недавних его трудов, то в рассматриваемой связи достаточно обратить внимание, по крайней мере, на два момента. Во-первых, говоря об этнической культуре, Ю. В. Бромлей специально отмечает, что под «культурой» он понимает при этом «результат деятельности людей, воплощенный в их духовных свойствах, в самой этой деятельности (выделено нами. – Я. М., К. Ч.), а также в опредмеченных формах» ([9], с. 100). Во-вторых, им особо подчеркивается, что «реальным основанием для существования подавляющего большинства социальных общностей является целенаправленная деятельность (выделено нами. – Я. М., К. Ч.) людей» ([9], с. 29). Именно к общностям такого рода, как уже не раз говорилось, Ю. В. Бромлей и относит этносы.

К. П. Иванов приводит в хронологическом порядке высказывания обоих ученых о сохранении этносов на протяжении нескольких социально-экономических формаций и об общности исторических судеб как условия образования и сохранения этноса, явно намекая при этом на приоритет Л. Н. Гумилева (с. 236). Однако оба эти положения общеизвестны, отнюдь не оригинальны, и «открытие» их невозможно приписывать какому-нибудь одному ученому. Существование этносов (например, армян или болгар) на протяжении нескольких социально-экономических формаций – факт достаточно очевидный. Представление же об общности исторической судьбы как фактора возникновения этносов тоже давно общепризнано. В частности, еще в 1951 г. (т. е. по крайней мере за 15 лет до Л. Н. Гумилева) П. И. Кушнер писал, что характерные для этносов отличия обусловлены их «предшествующей исторической жизнью» ([24], с. 6).

Таким образом, содержащиеся в рассматриваемой статье сопоставления высказываний Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея либо основываются на общеизвестных положениях, касающихся характеристики общностей, либо содержат противоположные по смыслу, хотя и внешне напоминающие друг друга, тексты. Так, отмечая, что оба автора признают роль биологической адаптации в процессе формирования этносов, К. П. Иванов умалчивает о том, что роль этого фактора оценивается ими совершенно по-разному (с. 237). По Л. Н. Гумилеву, в результате биологической адаптации «возникают новые типы сообществ с новыми особенностями структуры поведения» ([12], с. 14). Ю. В. Бромлей, напротив, подчеркивает, что «биологической адаптацией приспособление человеческих общностей к среде обитания, как известно, далеко не исчерпывается. Гораздо большее значение в этом отношении имеет... культура (в самом широком смысле слова), одна из основных функций которой как раз и заключается в адаптации людей к среде и поддержании их коллективной жизни» ([8], с. 246).

Аналогичный характер имеет и замечание К. П. Иванова о том, что «оба автора относят момент формирования этнической принадлежности к детству» (с. 235), Л. Н. Гумилев в данной связи в соответствии со своей общей трактовкой этноса как биологической общности делает акцент на том, что «на самых ранних этапах биографии особи... *генотип* (выделено нами. – Я. М., К. Ч.) может определить многое» ([15], с. 102), а Ю. В. Бромлей подчеркивает, что

«основная масса этнокультурной информации... усваивается в раннем, возрасте» ([7], с. 53).

Приведенные примеры несостоятельности предложенных сопоставлений текстов Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея можно было бы продолжить. Но и приведенные примеры, на наш взгляд, достаточно наглядно свидетельствуют о необоснованности основного тезиса К. П. Иванова о существовании в современной советской науке лишь одной, причем восходящей к работам Л. Н. Гумилева, концепции этноса.

Правда, в конце статьи автор все-таки отмечает два существенных расхождения между Л. Н. Гумилевым и Ю. В. Бромлеем. Одно из них он усматривает в том, что последний преувеличивает роль этнического самосознания. При этом, однако, тоже, к сожалению, не обошлось без искажений. Ю. В. Бромлею приписывается мысль о «первичности этнического самосознания» (с. 237). И это несмотря на то, что здесь же несколькими строками выше приведена цитата из его работы 1973 г., в которой подчеркивается, что «было бы неверно возводить этническое самосознание в ранг решающего свойства этноса, его своеобразного „демиурга“» ([7], с. 110). Не соответствует действительности и следующее затем утверждение, что десять лет спустя Ю. В. Бромлей писал по данному вопросу нечто противоположное (с. 237). В его монографии 1983 г., на которую дается ссылка, вновь подчеркивается, что этническое самосознание – «явление вторичное, производное от объективных факторов» ([9], с. 196). Одним словом, из всей совокупности работ Ю. В. Бромлея достаточно очевидно, что для него этническое самосознание, хотя и непременная черта этноса, но все же лишь одна из таких черт. Чтобы доказать противоположное, К. П. Иванов и в этом случае искажает высказывания Ю. В. Бромлея по данному вопросу. Так, например, последний, характеризуя роль этнического самосознания для этнических общностей, отмечает, что именно оно, «а не сознание вообще, должно в первую очередь рассматриваться в качестве отличительной черты этнических общностей» ([9], с. 176). Совершенно очевидно, что в приведенном тексте сопоставляется значимость двух субъективных факторов в качестве отличительных черт этнических общностей и предпочтение отдается этническому самосознанию. К. П. Иванов исключил из цитаты слова «а не сознание вообще». В результате вместо сопоставления получилось утверждение: «именно самосознание... должно в первую очередь рассматриваться в качестве отличительной черты этнических общностей» (с. 237).

Самое главное именно и заключается в том, что этническое самосознание не предшествует возникновению этноса, не творит его, а само формируется в процессе этногенеза как его осознание в определенных формах. Возникнув однажды, этническое самосознание может вместе с тем играть важную роль в дальнейшем развитии этноса, особенно в напряженных государственных, политических и социальных ситуациях (напряженное этническое самосознание). Кроме того, этническое самосознание (и тоже в определенных ситуациях) играет специфическую роль в «высвечивании» других этнодифференцирующих признаков (территория, язык, конфессия, культура и т. д., и т. п.), способствует тому, что последние начинают выполнять ту или иную функцию в структуре этнического сознания и этнопсихологических установок («мы – они»). И, наконец, очень важно, что, существуя объективно, этническое самосознание является субъективным механизмом осознания этноса как общности. Это – одна из форм обыденного сознания, притом нередко способ осознания социальной общности как единства происхождения, как своеобразного биологического родства (русский – русский по рождению, француз – француз по рождению) ([9], с. 190). Но это вовсе не означает того, что этническое самосознание действительно отражает биологическую реальность. Утверждать так, значит возводить в ранг научной теории обыденную и притом иллюзорную форму сознания социальной по своей природе общности (никогда не удастся доказать, что все русские или французы, или англичане родственники между собой; более или

менее крупные и неизолированные этносы даже теоретически не могут располагать единым генофондом).

Утверждая, что неправомерно считать этническое самосознание одним из основных признаков этнических общностей, в том числе наций, К. П. Иванов ссылается на то, что редакция «Вопросов истории» отвергла это представление в итоговой статье по дискуссии, посвященной теории нации ([18], с. 94–95). Но он при этом не учел (либо умолчал), что за пятнадцать лет, прошедшие со времени данной дискуссии, представление о национальном (этническом) самосознании нации как ее неперменной черте получило широкое признание, о чем, в частности, свидетельствует фиксация этого факта в «Философском энциклопедическом словаре» 1983 г. ([36], с. 417). Видимо, К. П. Иванов забыл и то, что в начале своей статьи сам привел цитату из работы Л. Н. Гумилева, в которой этнос определяется как «коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам» (с. 233). Нетрудно понять, что противопоставление одного коллектива людей другому осуществляется через осознание своей общности, т. е. через этническое самосознание. Расхождений между Л. Н. Гумилевым и Ю. В. Бромлеем в этом как раз и нет. Полемика, которую по данному вопросу стремится возбудить К. П. Иванов, способна лишь затемнить расхождения по основной проблеме: этнос – биологическое или социальное явление по своей сущности.

Наличие кардинального расхождения между двумя учеными К. П. Иванов все же невольно, хотя и в косвенной форме, вынужден признать, обратившись в конце статьи к вопросу об основной движущей силе развития этноса. Для Л. Н. Гумилева этой силой прежде всего выступает так называемая пассионарность. Характеризуя «учение о пассионарности», К. П. Иванов ограничивается ссылкой на «эффект открытой В. И. Вернадским биохимической энергии живого вещества, который на организменном уровне выражается как непреодолимое стремление индивидуума к далекой цели, зачастую иллюзорной, но ради которой он жертвует не только собственной жизнью, но и жизнью своего потомства» (с. 238). Разумеется, это явление, по В. И. Вернадскому, имеет явно всеобщий характер, т. е. относится к любому живому организму. Между тем К. П. Иванов обходит молчанием тот факт, что Л. Н. Гумилев придает решающее значение для судеб этносов пассионарности *отдельных* членов, обладающих особо активной целенаправленной деятельностью ([14], с. 46). Между тем неслучайно «учение о пассионарности» критиковалось в журнале «Природа» за возрождение концепции «героев» и «толпы» [1]. Таким образом, приведенная К. П. Ивановым ссылка на В. И. Вернадского далеко не корректна.

Умалчивает К. П. Иванов и о том, что Л. Н. Гумилев усматривает основание пассионарности в повышенной способности «организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы» ([14], с. 50). Именно это и имел в виду Ю. В. Бромлей, когда отмечал очевидную «неправомерность отождествления физической энергии людей с их активностью». Приводя эту цитату, К. П. Иванов замечает, что под физической энергией «надо понимать, видимо, физическую силу» (с. 238). И он здесь прав, ибо энергия, почерпнутая *организмом* из внешней среды и выданная в виде работы, представляет собой, прежде всего, физическую жизнедеятельность любого живого организма, в том числе и человеческого. Но общеизвестно, что не она определяет социальную активность как отдельных людей, так и их общностей, включая этнические. Такого рода активность определяется, в конечном счете, преимущественно социальными факторами. К. П. Иванов не случайно оборвал приведенную выше цитату из работы Ю. В. Бромлея как раз на том месте, где отмечается приоритет в данном отношении социальных факторов ([9] с. 213–214).

Показательно и то, что К. П. Иванов по существу отрицает правомерность (или значение) участия в обсуждении «проблемы пассионарности» ученых-обществоведов, включая

философов – специалистов по историческому материализму, «Подобные вопросы, – утверждает он, – находятся в компетенции ученых-естественников и философов – специалистов в области диалектического материализма» (с. 238). Но такое противопоставление естественных и общественных наук явно неуместно, тем более что сам же К. П. Иванов в заключении статьи справедливо призывает к переходу при дальнейшей разработке теории этноса с цеховых позиций на междисциплинарные (с. 238). Для чего же в таком случае автору понадобилось подобное противопоставление? Лишь для того, что именно из среды ученых-естественников «исходит большинство положительных отзывов на учение о пассионарности» (с. 238) (приводятся ссылки на четырех авторов). Однако опять же умалчивается, что среди авторов негативных отзывов (наряду с большим числом гуманитариев) были и представители естественных наук, а также философы [10, 16, 28].

Но, разумеется, любую теорию следует оценивать не по числу положительных или негативных отзывов, а по тем выводам, к которым она приводит. И в этом отношении весьма показательны те выводы, к которым, опираясь на теоретические положения работ Л. Н. Гумилева, пришел философ Ю. М. Бородай. В печально известной статье он, в частности, утверждает, что в ряде случаев этническое смешение приводит к возникновению образований, представляющих собой химеры, причем соотношение последних с обычными этносами, по его словам, «такое же, как между здоровой тканью и раковой опухолью» ([9], с. 83). Такая интерпретация межэтнических браков была в нашей научной литературе справедливо подвергнута критике [10]. Однако речь идет не о Ю. М. Бородае, поэтому воздержимся от квалификации его взглядов.

Впрочем, не менее показательны и попытки решения самим Л. Н. Гумилевым некоторых более частных аспектов этнической проблематики в свете его теории этноса. Таков, к примеру, тезис, согласно которому для этногенеза благоприятными являются только те регионы, в которых сочетаются разнородные ландшафты, напротив, одноландшафтные территории, по мнению Л. Н. Гумилева, никогда не были местом возникновения этносов. Этот тезис иллюстрируется картой, на которой выделены, так сказать, «экзогенные» территории, причем за пределами этих территорий оказались Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия, большая часть Индии и т. д. ([14], с. 52–53). В данной связи нельзя не согласиться с мнением Ю. К. Ефремова, писавшего, что избранные автором критерии ландшафтного разнообразия субъективны, а его концепция в целом неубедительна *4 ([16], с. 79). Справедливым представляется и сделанное в данной связи замечание, что подобные концепции, преувеличивающие влияние географической среды на социальные процессы, уже не раз компрометировали сам отправной постулат проблемы взаимодействия природы и общества ([16], с. 79).

Одним словом, в советской литературе есть не одна, как это утверждает К. П. Иванов, а, по крайней мере, две концепции этноса. При этом одна из них не учитывает всей сложности социальных явлений и поэтому механически переносит на них действительные, предполагаемые или мнимые закономерности, выявленные в биологии и физической географии, что, как мы могли еще раз убедиться, далеко не всегда так уж безобидно, как это, по-видимому, представляется автору статьи. Трудно согласиться с К. П. Ивановым, что достоинство рассматриваемых им работ Л. Н. Гумилева в достаточно строгой методологии (с. 238). Ее-то им как раз и недостает.

Литература

1. Артамонов М. А. Снова «герои» и «толпа»? – Природа, 1971, № 2, с. 75–77.
2. Бородай Ю. М. Этнические контакты и окружающая среда. – Природа, 1981, № 9, с.

82–85.

3. *Бромлей Ю. В.* Этнос и эндогамия. – Советская этнография, 1969, № 6, с. 84–91.
4. *Бромлей Ю. В.* К вопросу о сущности этноса. – Природа, 1970, № 2, с. 51–55.
5. *Бромлей Ю. В.* К вопросу об узком значении термина «этнос». – История географических знаний и историческая география. Этнография. Вып. 5, М., 1971, с. 72–73.
6. *Бромлей Ю. В.* Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза. – Природа, 1971, № 2, с. 83–84.
7. *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. 283 с.
8. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981. 390 с.
2. 9. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983. 412 с.
2. *Григулевич Я. Р., Кедров Б. И., Крывелёв И. А.* По поводу статьи Ю. М. Бородая «Этнические контакты и окружающая среда». – Природа, 1982, № 3, с. 88–91.
3. *Гумилев Л. Н.* По поводу предмета исторической географии. (Ландшафт и этнос). III. – Вестн. ЛГУ, 1965, № 18, с. 112–120.
4. *Гумилев Л. Н.* О термине «этнос». – В кн.: Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967, вып. 3, с. 3–17.
13. *Гумилев Л. Н.* Этнос и ландшафт. – Изв. ВГО, 1968, т. 100, вып. 3, с. 193–202.
14. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера. – Природа, 1970, № 1, с. 46–55; № 2, с. 43–50.
15. *Гумилев Л. Н.* Сущность этнической целостности. (Ландшафт и этнос. XII). – Вестн. ЛГУ, 1971, № 24, вып. 4, с. 97–106.
16. *Ефремов Ю. К.* Важное звено в цепи связей человека с природой. – Природа, 1971, № 2, с. 77–80.
17. *Итс Р. Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. – Л., 1972. 308 с.
18. К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации. – Вопр. истории, 1970, № 8, с. 86–98.
19. *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. – Советская этнография, 1967, № 2, с. 100–111.
20. *Козлов В. И.* О биолого-географической концепции этнической истории. – Вопр. истории, 1974, № 12, с. 72–85.
21. *Кушнер П. И.* К методологии определения этнических территорий. – Советская этнография, 1946, № 1, с. 12–24.
22. *Кушнер П. И.* Этническая граница и этническая (этнографическая) территория. (Методы исследования). – Краткие сообщения Инта этнографии, вып. VI, М., Л., 1949, с. 47–53.
23. *Кушнер П. И.* Национальное самосознание как этнический определитель. – Краткие сообщения ин-та этнографии, вып. VIII, М.; Л., 1949, с. 3–9.
24. *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951. 280 с.
25. *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса). – Советская этнография, 1955, № 4, с. 3–17.
26. *Машибиц Я. Г.* Некоторые социально-экономические и географические аспекты консолидации мексиканской нации. – В сб. Нации Латинской Америки. Формирование. Развитие. – М., 1964, с. 133–168.
27. Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия». – Советская этнография, 1970, № 3, с. 86–103.
28. *Периц А. И., Покишиевский В. В.* Ипостаси этноса. – Природа, 1978, № 2, с. 106–113.
29. *Пименов В. В.* Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. – Л., 1977. 262 с.

30. *Покишишевский В. В.* Население и география. Теоретические очерки, М., 1978. 315 с.
31. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966. 213 с.
32. Расы и народы. Вып. 1–14. М., 1971–1984.
33. Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М., 1977. 562 с.
34. Современные этнонациональные процессы в странах Западной Европы. М., 1981. 185 с.
35. *Токарев С. А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). – *Вопр. философии*, 1964, № 11, с. 43–53.
36. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. 840 с.
37. Численность и расселение народов мира. М., 1962. 484 с.
38. *Чистов К. В.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. – *Советская этнография*, 1972, № 3, с. 73–85.
39. *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923, 134 – [2] с.
40. Этнические процессы в странах Южной Америки. М., 1981. 534 с.
41. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. 280 с.
42. *Isajiw W. W.* Definitions of Ethnicity. – *Ethnicity*, 1974, vol. 1, № 2.

Л. Н. Гумилев. По поводу теории этногенеза

Две статьи, опубликованные в Известиях ВГО: К. П. Иванов «Взгляды на этнографию или есть ли в советской науке два учения об этносе» (т. 117, вып. 4, с. 232–239) и Я. Г. Машбиц, К. В. Чистов «Еще раз к вопросу о двух концепциях этноса (по поводу статьи К. П. Иванова)» (т. 118, вып. 1, с. 29–36), посвящены моей концепции этногенеза, опубликованной в 30 статьях с 1965 по 1980 г. в Докладах ГО СССР, Вестнике ЛГУ и журнале «Природа». Эти статьи были совокупно обсуждены Ученым советом географического факультета ЛГУ в 1974 г. как вторая докторская диссертация, а также на ряде специальных заседаний с участием этнографов, психологов и философов.

В дискуссии, опубликованной журналом «Природа» в 1971 г. № 2, принял участие среди прочих и академик Ю. В. Бромлей. Сходство наших взглядов по 29 кардинальным положениям и отметил К. П. Иванов, чем доказал, что советская наука не стоит на месте, а интенсивно развивается.

Я. Г. Машбиц и К. В. Чистов утверждают, что концепция Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея, которую они сами считают уже теорией, тривиальна и повторяет работы С. М. Широкогорова и П. И. Кушнера на том основании, что эти авторы тоже употребляли слово «этнос». К этому сводится спор.

Отмечу, что слово «этнос» встречается у Гомера («Илиада»), царя Давида («Псалтырь») и у Аристотеля, но у них оно так же, как у многих других авторов, не дефинировано, а определения Кушнера и Широкогорова не те, которые приняты у Гумилева-Бромлея. Да оно и понятно: в их время еще не было ни системологии, ни учения В. И. Вернадского о биосфере, лежащих в основе новой теории.

Да и по существу Я. Г. Машбиц и К. В. Чистов не правы. Они то приписывают теории Гумилева – Бромлея «биологизм» *1, придавая этому термину узкое значение, отнюдь ему не присущее, то путают ощущение с самосознанием, то вспоминают давно устарелую мысль Михайловского о «героях и толпе», то приписывают авторам игнорирование социального развития, и самое обидное, что они дают не цитаты, а сноски на страницы, где утверждений, на

которые они ссылаются, нет. Если бы все перечисленное действительно имело место, то статьи не были бы пропущены в печать.

Эти и аналогичные «промахи» Я. Г. Машбица и К. В. Чистова делают, по моему мнению, дальнейшую дискуссию неплодотворной и нецелесообразной. Однако я как автор теории считаю своим долгом выразить благодарность редакции Известий ВГО, предоставившей страницы для уяснения степени подготовленности читателя, что автору всегда важно.

Л. Н. Гумилев. Биография научной теории, или Автонекролог

Проблема жанра

Как известно, научные теории создает тот или иной человек. Кибернетики даже придумали для этого название – «черный ящик». В этот «ящик» вводится хаотическая информация, а потом из него выходит стройная версия, называемая, в зависимости от ее убедительности, гипотезой, концепцией или теорией. Автору посчастливилось добраться до третьей фазы совершенства, выше которой лежит только истина, т. е. суждение заведомо неопровержимое и не нуждающееся в дополнениях.

К счастью, истины встречаются только в спекулятивной (умопостигаемой) науке – математике, которая оперирует не явлениями природы, а числами – созданиями нашего мозга. В природоведении же, как и в истории, мы находим только феномены, явления отнюдь не рациональные, но требующие понимания в еще большей степени, нежели извлечение квадратного корня из шестизначного числа.

Поясняю парадокс. Автор за 75 лет своей жизни работал и в геологии, и в археологии, и в географии, но во всех этих науках встречал только феномен (явление), который можно описать словами, а измерить – либо простыми цифрами, либо понятиями «больше – меньше», «дальше – ближе», «древнее – новее». К этому естественнонаучному подходу автор привык настолько, что даже историю, казалось бы вполне гуманитарную науку, он стал изучать, руководствуясь натуралистскими принципами. За это он имел много неприятностей и обид, но теория этногенеза была создана и даже приписана академику Ю. В. Бромлею* 1, цитировавшему положения автора без отсылочных сносок [1].

Нет и не может быть научной идеи без персоны автора, поскольку для мысли нужна голова, а она у человека всегда одна. Притом у каждого ученого как человека есть личная жизнь: школьные годы, тяжелые экспедиции, семейные осложнения, служебные неприятности, да и болезни. Но вместе с этим у него есть бескорыстный интерес к предмету исследования, частным сюжетам и эмпирическим обобщениям. Желание понять три вещи: как? что? и что к чему? представляется ему самоцелью. Если же оный товарищ занимается научной работой не для радости познания, то ему незачем тратить силы на изучение своего предмета. Пусть становится директором института. Это пойдет на пользу и ему и науке.

Но коль скоро так, то личная биография автора никак не отражает его интеллектуальной жизни. Первую автобиографию мы все пишем для отдела кадров, а вторую, некролог, обычно пишут знакомые или просто сослуживцы. Как правило, они выполняют эту работу халтурно, а жаль, ибо она куда ценнее жизнеописания, в котором львиная доля уделена житейским дрызгам, а не глубинным творческим процессам.

Но можно ли судить за это биографов: они и рады были бы проникнуть в «тайны мастерства», да не умеют. Тайну может раскрыть только сам автор, но тогда это будет уже не автобиография, а автонекролог, очерк создания и развития научной идеи, той нити Ариадны, с помощью которой иногда удается выбраться из лабиринта несообразностей и создать

непротиворечивую версию, называемую научной теорией.

ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ

Детские годы всегда заняты освоением многоцветного, разнообразного мира, в котором важно и интересно все: природа, люди и, главное, язык, изучение коего – «условие, без которого нельзя». Только с шести-семи лет человек может начать выбирать интересное и отталкивать скучное. Интересным для автора оказались история и география, но не математика и изучение языков. Почему это было так, сказать трудно, да и не нужно, ибо это относится к психофизиологии и генетической памяти, а речь не о них.

Школьные годы – это жестокое испытание. В школе учат разным предметам, многие из них не вызывают никакого интереса, но тем не менее необходимы, ибо без широкого восприятия мира развитие ума и чувства невозможно. Если дети не выучили физику, то потом они не поймут, что такое энергия и энтропия; без зоологии и ботаники они пойдут завоевывать природу, что является самым мучительным способом видового самоубийства. Без знания языков и литературы теряются связи с окружающим миром людей, а без истории – с наследием прошлого. Но в двадцатых годах история была изъята из школьных программ, а география сведена до минимума. То и другое на пользу делу не пошло.

К счастью, тогда в маленьком городе Бежецке была библиотека, полная сочинений Майн Рида, Купера, Жюль Верна, Уэльса, Джека Лондона и многих других увлекательных авторов, дающих обильную информацию, усваиваемую без труда, но с удовольствием. Там были хроники Шекспира, исторические романы Дюма, Конан Дойля, Вальтера Скотта, Стивенсона. Чтение накапливало первичный фактический материал и будило мысль.

А мысль начала предъявлять жесткие требования. Зачем Александр Македонский пошел на Индию? Почему Пунические войны сделали Рим «Вечным городом», а коль скоро так, то из-за чего готы и вандалы легко его разрушили? В школе тогда ничего не говорили ни о крестовых походах, ни о Столетней войне между Францией и Англией, ни о Реформации и Тридцатилетней войне, опустошившей Германию, а об открытии Америки и колониальных захватах можно было узнать только из беллетристики, так как не все учителя сами об этом имели представление.

Проще всего было не заниматься такими вопросами. Так и поступали большинство моих сверстников. Можно было кататься на лыжах, плавать в уютной реке Мологе и ходить в кино. Это поощрялось, а излишний интерес к истории вызывал насмешки. Но было нечто более сильное, чем провинциальная очарованность. Это «нечто» находилось в старых учебниках, где события были изложены систематически, что позволяло их запоминать и сопоставлять. Тогда всемирная история и глобальная география превратились из калейдоскопа занятных новелл в стройную картину окружающего нас мира. Это дало уму некоторое удовлетворение. Однако оно было неполным. В начале XX в. гимназическая история ограничивалась Древним Востоком, античной и средневековой Европой и Россией, причем изложение сводилось к перечислению событий в хронологической последовательности. Китай, Индия, Африка, доколумбова Америка и, главное, Великая степь Евразийского континента были тогда *Terra incognita*. Они требовали изучения.

И тут на выручку пришел дух эпохи. В тридцатые годы начались экспедиции, куда охотно нанимали молодежь. Автору открылись гольцы и тайга Хамар-Дабана над простором Байкала; ущелья по Вахшу и таджикские кишлаки, где люди говорили на языке Фирдоуси; палеолитические пещеры Крыма; степи вокруг хазарского города Саркела и, наконец, Таймырская тундра. Книжные образы перестали быть теньевыми контурами. Они обрели формы

и краски.

Тогда на историческом факультете университета еще требовалось знание всеобщей истории. К сожалению, его после войны вытеснила узкая специализация. Но тогда можно было представить себе стереоскопический облик планеты, углубившись по шкале времени на 5 тысяч лет. История Средней Азии и Китая излагалась на факультативных курсах. Только по кочевому миру еще не было специалистов. Пришлось заняться этим самому.

И тут оказалось, что любимые друзья детства – сиу, семинолы, навахи, команчи и пауни – аналог наших хуннов, куманов, тюрок, уйгуров и монголов. Степные народы Евразии защищали свою страну от многочисленных безжалостных китайцев так же, как индейцы сопротивлялись вторжению скваттеров и трапперов, поддержанных правительственными войсками США. Так была поставлена первая научная проблема: каково соотношение двух разных культурных целостностей? Эта проблема получила решение в «Степной трилогии» (хунны, тюрки, монголы), опубликованной много лет спустя [2].

Не только ландшафты, но и люди привлекали внимание автора. На великих сибирских стройках ему удалось познакомиться с представителями разных народов, общаться с ними и понять многое, ранее ему недоступное. Благодаря знанию таджикского языка автор познакомился с персом, таджиками и даже с ученым эфталитом – памирцем, получившим двойное образование. Он прошел обучение у исмаилитского «пира» – старца, а потом курс в Сталинабадском педагогическом институте. Эти беседы позволили автору найти путь к решению эфталитской проблемы, отличающейся, от прежних гипотез радикально [3].

Общение с казахами, татарами, узбеками показало, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев: ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывали. Однако любая попытка обмануть их доверие вела бы к разрыву. Они ощущали хитрость как бы чутьем. Китайцы требовали безусловного уважения своей культуры, но за интерес к ней платили доброжелательностью. При этом они были так убеждены в своей правоте и своем интеллектуальном превосходстве, что не принимали спора даже на научную тему. Этим они были похожи на немцев и англичан. Грузинский еврей, раввин и математик, объяснил мне философский смысл Каббалы, открытый для иноверцев, а буддийский лама, кореец, рассказал о гималайских старцах увлекательную легенду, из которой тоже «вылупилась» научная статья [4].

Описанный способ изучения этнографии отнюдь не традиционен, но подсказан жизнью, точнее, биографией автора, не имевшего многих возможностей научных сотрудников Академии наук. Так и пришлось автору стать не научным работником, а ученым.

Конечно, работа в научном институте имеет свои преимущества в доступности экспедиций и публикаций, но зато там есть некоторые ограничения, например, обязательная узкая специализация, неизбежно сужающая поле зрения исследователя. Здесь же подбор информации определялся случайностью, но восполнялся широтой наблюдений, позволявшей использовать корпоративный метод.

Кроме того, информаторы автора были люди весьма образованные, каждый в своей культуре, вследствие чего их рассказы были более содержательны и полноценны. С ними можно было свободно беседовать по-русски; специальные термины они умели истолковать, а не просто перевести. Ведь часто при простом переводе теряются нюансы смысла и возникают неточности, весьма досадные. Поэтому можно смело утверждать, что подготовка автора была иной, чем общепринято-тривиальная, но не хуже ее. Именно она позволила поставить вопросы, о которых пойдет речь ниже.

Неудовлетворенность

Решение одной, даже очень сложной задачи бывает иногда отрадно, но всегда бесперспективно. Полных аналогий в истории не бывает, поэтому новую задачу надо решать заново. Да и в уже проделанном исследовании достаточно сменить угол зрения (аспект), или добавить новый материал, или изменить степень приближения (взять вместо очков микроскоп), чтобы потребовались новые усилия, сулящие столь же неполные результаты. Таков лимит традиционной методики.

Кроме того, желателен обезопасить свой труд от обывательского представления, будто в любой борьбе одни – хорошие, а другие – плохие, а задача ученого – угодить читателю, объяснив ему: кто каков, или, что то же, кто прогрессивен, а кто отстал и, следовательно, не заслуживает сочувствия.

Вот наглядный пример. В 1945 г., после взятия Берлина, я встретился с немецким физиком моего возраста и разговорился с ним. Он считал, что славяне захватили исконно немецкую землю, на что я возразил, что здесь древняя славянская земля, а Бранденбург – это Бранный Бор лютичей, завоеванных немцами. Он вскричал: «*Sie waren primitiv!*» и остался при своем мнении. Будь он начитаннее, он бы упомянул, что лютичи в V в. вытеснили с берегов Эльбы германских ругов, но разве в этом суть? Все народы когда-то откуда-то пришли; кто-то кого-то победил – таков диалектический закон отрицания отрицания, примешивать к коему личные симпатии и антипатии неправомерно. Постоянная изменчивость во времени и пространстве – закономерность природы. Следовательно, ее нужно изучать, как мы изучаем циклоническую деятельность или землетрясения, независимо от того, нравятся они нам или нет.

В естественных науках оценки неуместны, а классификация необходима. Так, зоологи зачисляются в один класс наземных, морских (киты) и воздушных (летучие мыши) животных как млекопитающих, ибо всех их сближает один, но правильно избранный признак. Такой систематизации поддаются и народности, этносы, принадлежащие к одному виду, но похожие друг на друга более или менее. Вот эти степени несхожести оказались крайне важными для этнической диагностики. Немцы не французы, но ближе к ним, чем к казахам или монголам. Хунны перемешивались с сибирскими и волжскими уграми, но не с китайцами, причем и там и тут язык значения не имел. Разговорную речь для базара выучить легко.

Иными словами, отдельные этносы не изолированы друг от друга, но образуют как бы этнические галактики, в которых общение, даже для отдельных особей, гораздо легче, нежели с обитателями соседней «галактики» или иной суперэтнической целостности. В последнем случае люди желают «жить в мире, но порознь».

Это наблюдение имело в условиях тесного этнического контакта важное практическое значение. Оказалось, что недостаточно самому не придавать значения этническим различиям, но надо, чтобы партнер думал так же, а этого, как правило, не бывает, несмотря на то что люди одинаково одеты, питаются в тех же столовых и спят в одних бараках. А в таких условиях только добрые отношения между соседями обеспечивают необходимое для жизни благополучие. Но было ли так всегда и везде?

В 1938–1939 гг. автор, имея много незанятого времени, стал продумывать исторические процессы разных государств и больших культурных целостностей, как, например, античность, включающая Элладу и Римскую империю, Византию, вместе с окружающими христианскими народами: грузинами, армянами, болгарам, сербам, но без Руси, представлявшей самостоятельную целостность; мусульманский мир, где общность была культурной, а не религиозной, и христианский мир – средневековый термин для романно-германской целостности Западной Европы. Китай, Япония и Индия были оставлены на потом, чтобы вернуться к ним тогда, когда характер развития, точнее – становления будет описан.

Так на месте микроскопа был установлен телескоп, а объектом наблюдения вместо молекул стали галактики. Аналогичный подход, правда с другими критериями, применил А. Тойнби в своем капитальном труде «Изучение истории», но тогда я о его работе еще не слышал. Так или иначе, мы пришли к близким обобщениям независимо друг от друга, хотя объяснения наблюдаемых явлений у нас диаметрально противоположны.

Оказалось, что если мерить интенсивность исторических процессов кучностью событий, то сначала наблюдается резкий взлет (около 300 лет), затем чередование подъемов и депрессий (тоже лет 300), потом ослабление жизнедеятельности, ведущее к успокоению (что А. Тойнби назвал *breakdown*), и наконец медленный упадок, прерываемый новым взлетом. И сколько бы это наблюдение ни проверялось – так было везде, на длинных отрезках времени. И тут встает вопрос: почему так? На что это явление похоже? На движение шарика, который, получив внезапный толчок, катится, сначала набирая скорость, а потом теряя ее от сопротивления среды *2; на взболтанную жидкость, где волнение постепенно стихает; на струну, после щипка колеблющуюся и останавливающуюся. И права была китайская царица из династии Чэн, плененная и выданная за тюркского хана в VI в., когда написала мудрые и трогательные стихи (перевод мой):

Предшествуют слава и почесть беде,
Ведь мира законы – трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравниются, сгладившись, башня и пруд.
Пусть ныне богатство и роскошь у нас,
Недолг всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина,
Звонит и смолкает на лютне струна...

Не странно ли, что китайка VI в. мыслила категориями диалектики, а европейские филистеры XX в. признают только линейную эволюцию, которую они называют прогрессом и считают нарастающей по ходу времени? Конечно, не следует отрицать прогресс в социальном развитии человечества, но ведь люди, принадлежащие к любой формации, остаются организмами, входящими в биосферу планеты Земля, телами, подверженными гравитации (земному тяготению), электромагнитным полям и термодинамике.

Итак, наша задача весьма упростилась. Нам надо найти ту форму движения материи, в которой наряду с социальной и независимо от последней живут люди уже больше 50 тысяч лет и которая, будучи природной, является формой существования вида.

Этнос

Не каждое обобщение плодотворно для науки. Так, общеизвестно понятие «человечество», что по сути дела означает противопоставление вида *Homo sapiens* всем прочим животным. Однако при этом упускаются из виду вариации в главном – соотношении людей с окружающей средой. Есть люди хищники – охотники, есть ихтиофаги – рыболовы, есть пожиратели растений, а бывают и каннибалы. Некоторые приручают животных – скотоводы – и живут с ними в симбиозе, другие возделывают растения, третьи обрабатывают металлы. Короче, у человеческих коллективов есть жесткая связь с кормящим ландшафтом. Это явление всем известно: такое сочетание называется Родина.

Но к использованию ресурсов ландшафта надо приспособиться, а для этого требуется

время, и немалое. Адаптация идет поколениями; не внуки, а правнуки первых пришельцев в новую страну, с непривычными для прадедов природными условиями, усваивают набор традиций, необходимых для благополучного существования. Тогда Родина превращается в Отечество. Так было даже в палеолите.

Но это еще не все. Не только подражание предкам формирует склад человеческого коллектива – племени, в котором всегда есть творческие люди, генерирующие мифы или научные идеи, рапсодии и музыкальные напевы, фрески, пусть даже в пещерах, и узоры на женских платьях, ритуальные пляски и портреты. Изобретатели и художники никогда не бывают «героями», ведущими «толпу». Они обычно так поглощены своим делом, что у них не остается сил на общественную деятельность, которая тоже является достоянием профессионалов. Более того, мыслители и поэты воспринимаются современниками как чудаки, однако их вклад в жизнь коллектива не теряется бесследно, а придает ему специфический облик, отличающий его от соседних племен, где есть свои «чудаки». Сочетание этих трех координат образует «этнос» – характеризующийся оригинальным стереотипом поведения и неповторимой внутренней структурой.

Именно способность к неоднократной адаптации в самых разнообразных ландшафтах и климатах, повышенная пластичность позволили человечеству как виду распространяться по всей поверхности Земли, за исключением Антарктиды, где жить можно только за счет подвоза пищи. Не только в палеолите, но и в историческом периоде этнос является формой вида *Homo sapiens*. Поэтому обобщение всех особей этого вида в понятие «антропосфера» хотя логически возможно, но не плодотворно. Антропосфера мозаична, и поэтому ее правильнее называть «этносферой».

Очень может быть, что другие крупные млекопитающие тоже подразделяются на стаи или стада, но мы обычно такими психологическими нюансами пренебрегаем, как не имеющими практического значения. Однако в отношении людей это недопустимо; ошибка вывода будет за пределами законного допуска. Дело в том, что отличительной чертой этноса является деление мира на два раздела: «мы» и «не мы», или все остальные.

Эллины и «варвары», иудеи и необрезанные, «люди Срединного государства» (китайцы) и «дикари» – на севере «ху», на юге «мань». Когда в историческое время возникали новые этносы, то те, которых мы называем «византийцы» (условный этноним), сами себя называли «христианами», противопоставляя себя «язычникам», а когда Мухаммед в 623 г. создал свою общину, то ее члены стали называть себя «мусульмане» и распространили это название на всех к ним примкнувших. Слова же «арабы» в VII в. никто не знал. Оно появилось позднее для обозначения определенной части мусульман. До Мухаммеда жители Аравийского полуострова носили свои племенные названия, противопоставляя себя друг другу.

Такое словоупотребление было практически необходимо. Этносы иногда дружат, иногда враждуют; этноним помогал отличать друзей от врагов.

Но самое интересное, что ни один этнос не вечен. Древние шумеры, хетты, филистимляне, дарданы, этруски и венецы уступили свое место парфянам, эллинам, латинам и римлянам, выделившимся из латинов и других италиков. Но и этих сменили итальянцы, испанцы, французы, греки (этнос славяно-албанского происхождения), турки, таджики, узбеки и казахи.

Полного вымирания заведомо не было. Антропологи находят шумерийский тип на Ближнем Востоке, хотя его носители даже не слышали слова «шумер». Филистимляне были уничтожены евреями, но оставили название страны – Палестина. Потомков древних эллинов и римлян нет, но их искусство, литература и наука оплодотворяют умы людей и поныне. Генетическая память пронзает столетия, всплывает в сознании в виде образов, порождающих эмоции, пример чему стихи поэта:

...И тут я проснулся и вскрикнул: «Что если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я? и умер не здесь ли?
В зеленой и солнечной этой стране?»
И понял, что я заблудился навеки
В пустых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

Н. С. Гумилев

Новая наука

Смутные воспоминания о непережитых событиях возникают у людей с тонкой нервной организацией довольно часто. Бывало такое и в древности. Для объяснения этого факта была изобретена теория переселения душ, распространенная в Китае, Индии и у древних кельтов. Практичные римляне не придавали сумрачным эмоциям значения; они попросту игнорировали их, обходясь концепцией мрачного Тартара – обиталища мертвых.

Поскольку западноевропейская наука унаследовала строй римской мысли, то теория линейной эволюции стала ее основой. Византийская диалектика была отброшена как суеверие, только мешающее прогрессу. Во главу угла было поставлено сознание, а ведь генетическая память лежит в сфере ощущений и, следовательно, выпадает из науки.

Но диалектика победила. Генетическая память, иногда выплывающая из глубин подсознания и вызывающая неясные образы, получила научное обоснование. Н. В. Тимофеев-Ресовский называл это явление «аварийным геном».

Пусть этот ген выскакивает наружу крайне редко и не по заказу, но он переносит фрагменты информации, объединяющие человечество, которое в каждую отдельную эпоху, и даже за 5000 лет известной нам истории, представляется как мозаика этносов. Именно наличие генетической памяти объединяет антропосферу. В противном случае человечество распалось бы на несколько видов и восторжествовала бы расовая теория. Как найти выход?

Исчезновение этносов – факт такой же достоверный, как и их возникновение, но вымирание (депопуляция) – случай крайне редкий. Обычно происходит рекомбинация элементов, как в колоде карт при перемешивании. Можно разложить карты по мастям, или по порядкам от туза до шестерки, или еще как-нибудь, но определяющим является характер их сочетания, так как именно сочетание создает системную целостность, столь же реальную, как и сами элементы – люди, семьи, роды, постоянно взаимодействующие друг с другом.

Однако люди обитают на планете с крайне разнообразными географическими и климатическими условиями – ландшафтами. Очевидно, ландшафты тоже входят в повседневную жизнь этносов как элементы. Леса, степи, горы, речные долины кормят не только животных, приспособившихся к ним, но и людей, какое бы хозяйство они ни вели. Тут физическая география смыкается с историей, ибо изменения ландшафтов столь же закономерны, как и старение этносов. В эпоху ледникового периода – 12–20 тысяч лет назад – Сибирь, примыкавшая к закраине ледника, была цветущей степью, над которой сияло вечноглубое небо, никогда не закрывавшееся тучами. Было так потому, что над ледником всегда стоит антициклон и ветры, несущие влагу с океанов, обтекают его с южной стороны. Эта степь не была пустыней, ибо ее орошали пресные воды, ручьи, стекавшие с ледника и

образовывавшие озера, окаймленные зарослями и полные рыбы, а следовательно, и водоплавающей птицы.

В степи осадков было мало, но снег выпадал, а растения сухих степей, пропитанные солнцем, калорийнее влаголюбивых, и стада мамонтов, быков, лошадей и газелей (сайги) паслись, давая, в свою очередь, пищу для хищников, среди которых первое место занимал человек.

Но ледник стаял. Циклоны понесли массы влаги через Сибирь, северную Россию и Скандинавию. На месте степи выросла тайга, а травоядные животные отошли на юг, где еще сохранялись сухие степи. За ними ушли хищники и большая часть людей, а оставшиеся ютились по берегам великих рек, питаясь рыбой и водоплавающей птицей. Лишь много веков спустя предки эвенков вернулись на Север, так как сумели приручить северного оленя, приспособившегося к суровым условиям тайги. Их жизнь – это симбиоз человека и оленя.

Подобные изменения природной среды, хотя и меньшего масштаба, происходят и в наше время; увлажненность отдельных зон меняется раза два-три в тысячелетие. Так можно ли выпускать ее из поля зрения? Если же принять ее во внимание, то наука, решающая описанную проблему, будет не просто историей, этнографией или археологией, а синтезом этих наук с географией. В отличие от географического детерминизма Ш. Л. Монтескье и географического нигилизма А. Тойнби, здесь решающим моментом является динамика ландшафтов, или, как писал К. Маркс, история природы в сочетании с историей людей [5].

Отмеченное сочетание истории (науки о событиях в их связи и последовательности) и археологии (науки о памятниках) с палеогеографией (наукой об изменениях поверхности Земли) требует новых подходов и способов исследования. По сути дела, это уже не этнография – описание особенностей быта и культуры, а естественная наука о происхождении и сменах этнических целостностей, комбинациях элементов в разнообразном пространстве и необратимом времени. Для новой науки требуется и новое название, и самым удачным будет термин «этнология», хотя и употреблявшийся неоднократно, но без точного определения и смыслового наполнения, так как в прошлых веках для постановки и решения этой проблемы не было подходящего инструмента. Но в середине XX в. был открыт системный подход, оцененный советскими философами и теоретиками науки как достижение настолько перспективное, что оно достойно названия великого. Принцип его прост, и студенты осваивают его легко.

Системный подход

Категория «этнос» была известна всегда, но понять ее удалось только в XX в. Раньше предполагалось, что этнос объединен сходством его слагаемых, например, общим языком, общей религией, единой властью, но действительность опровергла эти домыслы.

Французы – этнос, но говорят на четырех языках: французском, провансальском, бретонском и гасконском, а спасительница Франции – Жанна д'Арк произносила свою фамилию с немецким акцентом – «Тарк». Есть французы католики, гугеноты, атеисты, но теперь это им не мешает. А те французы, которые уехали в Канаду в XVII в., этнической принадлежности не потеряли и англичанами не стали.

Применение понятия «сходство» ведет к абсурду. Несходны мужчины и женщины, старики и дети, ремесленники и крестьяне, гении и тупицы, но этнической стройности это не нарушает. Очевидно, дело в чем-то другом.

В 1937 г. биолог Л. фон Берталанфи в Чикаго на философском семинаре, пытаясь сформулировать понятие «вид» (зоологический таксон), предложил рассматривать его как

«комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» и назвал его «системой открытого типа». Его тогда никто не понял и не поддержал. Бедный ученый сложил бумаги в ящик стола, отправился на войну, к счастью, уцелел и, возвратившись, застал совсем иной интеллектуальный климат: интерес к моделированию и кибернетике. Системный подход стал известен советским ученым с 1969 г. благодаря философам Э. Г. Юдину и В. Н. Садовскому и биологу А. А. Малиновскому и ныне применяется во многих областях науки. Использование системного подхода решает проблему этноса. Попробуем объяснить этот тезис наглядно. Но для этого надо учесть еще один фактор: комплиментарность, либо положительную – симпатию, либо отрицательную – антипатию.

Общеизвестный пример системы – семья, живущая в одном доме. Элементы ее: муж, жена, теща, сын, дочь; дом, сарай, колодец, кошка. Пока они любят друг друга – система устойчива; если они ненавидят друг друга, как в романах Агаты Кристи, – система держится, пусть на отрицательной комплиментарности. Но если супруги разведутся, дети уедут учиться, теща разругается с зятем, сарай без ремонта развалится, колодец зацветет, кошка заведет котят на чердаке – то это будет уже не система, а просто заселенный участок. И наоборот, пусть умрет теща, сбежит кошка, будет писать любящий сын и приезжать на именины дочка – система сохранится, несмотря на перестройку элементов. Это значит, что реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи между ними, хотя они не имеют ни массы, ни веса, ни температуры.

Это простой случай; при усложнении системы расширяются и образуют субэтноты – группы людей, связанных положительной комплиментарностью внутри себя и отрицательной относительно соседей. Группа объединенных субэтнотов образует этнос; интеграция этносов – суперэтнос, т. е. группу этносов, возникших в одном регионе и противопоставляющих себя другим суперэтносам. Так, романно-германская католическая Европа – Chretiente – объявила в XIII в. своим противником православные страны: Византию, Болгарию и Россию, и начала против православия крестовый поход. Хотя и тут и там вера была одна, но суперэтносы были разные. Чтобы оправдать свое поведение, крестоносцы четвертого похода (1204 г.) говорили, что православные – такие еретики, что от них самого Бога тошнит. Значит, они воевали не за веру, а вследствие отрицательной комплиментарности двух суперэтнических систем. Это уже не только социальное, т. е. разумное действие, но и взрыв неуправляемых эмоций, т. е. явление природы.

Любопытно, что автор наметил основы такого подхода еще в студенческие годы, но не мог ни точно сформулировать его, ни тем более обосновать. Часто научная идея, даже правильная, гнездится где-то в подсознании, и лучше ее там задержать до тех пор, пока она не выкристаллизуется в стройную логическую версию, не противоречащую ни одному из известных фактов.

При обобщении процессов глобальной истории правомерность системного подхода очевидна. Мусульмане ведут джихад – священную войну против христиан, но при этом режут друг друга. Однако характеры этих столкновений на суперэтническом и субэтническом уровнях несоизмеримы. Англичане воевали с французами, но в Африке, столкнувшись с зулу или ашанти, они ощущали свое единство и спасали друг друга. Даже древние греки вели себя так же: воюя с персами, афиняне и спартанцы отпускали пленных персов за выкуп, но казнили фиванцев, служивших Ксерксу и Мардонию «за измену общеэллиническому делу». А ведь социальные структуры у спартанцев и афинян были противоположны, а экономические интересы – взаимоисключали общую выгоду. Что же их объединяло в борьбе с персами? Только принадлежность к единой этнической системе, которая, как ныне доказано, объективная реальность, существующая вне нас и помимо нас.

Но ведь это биологизм! Так кричат те, кто не задумывается над сущностью явлений природы. Нет, это монизм; это сопричастность людей к биосфере, праматери жизни на планете Земля. Это дополнение к социальной эволюции, а не замещение ее, ибо прогресс – это процесс развития социума, а этнос может быть сопоставлен с мелкими таксономическими единицами внутри вида *Homo sapiens*, рода *Hominides*, отряда *Primates*, семейства *Mammalia* (млекопитающих) и класса *Animalia* (животных). Мы порождение земной биосферы в той же степени, в какой и носители социального прогресса.

Естественники приняли системный подход с радостью, а гуманитарии его игнорировали. И это не случайно: филологи и историки черпают первичное знание из письменных источников, а в оных о системных связях нет ни слова. С их точки зрения, система – выдумка, к тому же бесполезная.

А как же быть с этносами? Очень просто: надо различать их по названиям; узнать же эти названия следует у них самих, как в милиции. Нет, это не шутка, а, увы, научная установка, бытующая поныне. На одной кандидатской защите оппонент назвал единым этносом эквадорцев, хотя в Эквадоре живут белые креолы, метисы, индейцы кечуа и индейцы Амазонии. По его мнению, народы, живущие в одном государстве, – один этнос. Я спросил его: «А как назывался этнос Австро-Венгрии, большинство коих были славяне? Австровенгры?» Он обиделся и не ответил. Такому доктору географических наук системный подход, конечно, не нужен.

Равным образом не нужен системный подход тем историкам, которые ищут предков изучаемого этноса. Эти историки считают французов потомками кельтов (галлов), а русских – потомками скелотов (скифов). При этом они забывают, что те и другие смешивались с соседями, меняли культуры и языки и наконец, что монолитный этнос равноценен расе, особенно если у него был один предок, а не сочетание древних этнических субстратов. Такая патологическая склонность к партеногенезу весьма распространилась в XIX в. среди полубразованных людей и породила шовинизм как карикатуру на патриотизм.

Итак, системный подход имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо благодаря ему можно избегать ошибок как в личной жизни, так и в межэтнических взаимоотношениях.

Начала и концы

Уже упоминалось, что этнические системы не вечны. Они развиваются согласно законам необратимой энтропии, теряют первоначальный импульс, породивший их, так же как затухает любое движение от сопротивления окружающей среды. Так, это понятно. Но откуда взялся первоначальный толчок и какова природа той энергии, которая инициирует деяния людей, побуждает их идти на гибель или добиваться победы, воспользоваться плодами которой они не успевают? Ведь это не электричество, не теплота, не гравитация, а что?

Великий ученый XX в. В. И. Вернадский, читая в 1908 г. французскую газету о перелете саранчи из Африки в Аравию, обратил внимание на то, что масса скопища насекомых была больше, чем запасы всех месторождений меди на всей Земле. Он был гений и потому задумался над тем, какова та энергия, что подняла этих насекомых и бросила их из цветущих долин Эфиопии в Аравийскую пустыню, на верную смерть.

Дальнейший ход его исследования можно опустить, но важен вывод. Во всех организмах находится биохимическая энергия живого вещества биосферы, совсем не мистическая энергия, а обыкновенная, аналогичная электромагнитной, тепловой, гравитационной и механической: в последней форме она и проявляется. Большой частью она находится в гомеостазе –

неустойчивом равновесии, но иногда проявляются ее флуктуации – резкие подъемы и спады. Тогда саранча летит навстречу гибели, муравьи ползут, уничтожая все на своем пути, и тоже гибнут; крысы-пасюки из глубин Азии достигают берегов Атлантического океана и несут с собой легионы чумных бактерий; лемминги толпами бросаются в волны Полярного моря, газели – в пустыню Калахари; а люди... но об этом-то и пойдет речь.

Чем сложнее организм, тем больше факторов определяет усложнение его системных целостностей и тем многообразнее их проявления в видимой истории. О людях мы знаем больше, чем о насекомых и грызунах. Там можно наблюдать только кульминации всплесков, но начала их, а также концы, когда импульс затухает и движение переходит в гомеостаз, причем популяция вымирает, описать очень трудно. Зато людям известна не только относительная хронология, показывающая, что было раньше, а что позже, но и абсолютная – в каком году то или иное произошло. Поэтому обнаружить и уточнить закономерности биосферы целесообразно путем сопоставления этнической истории человечества, где тоже есть «начала» – всплески этногенеза и «концы» – распады этнических систем.

Любопытно, что наличие «начал» отмечали еще эллины и римляне, хотя они прекрасно знали о наличии у них предков: ахейцев, ходивших разрушать Трою, и латинов, прибывших из поверженной Трои в Италию под предводительством Энея. Тем не менее греки считали «началом» первую Олимпиаду 776 г. до н. э., а римляне – основание Рима в 753 г. до н. э. Пусть эти даты неточны, но в середине VII в. до н. э. действительно сложились два этноса-ровесника: эллины и римляне. А конец римского этноса наступил в V в. н. э., фактически с упразднением культа Весты, а официально с отречением последнего императора Ромула Августа в 476 г. Социальный институт пережил создавший его этнос.

Византийский этнос называл себя «ромей», т. е. римляне, хотя на самом деле он был могильщиком Рима, так как происходил от полиэтнических христианских общин Сирии, Египта и Малой Азии. Первая достоверная дата его – диспут Юстана Философа с языческими философами – 155 г. Конец – падение Константинополя в 1453 г. Но следует отметить, что начальным датам всегда предшествует инкубационный период, продолжительностью около 150–160 лет, т. е. шесть-семь поколений. Это наводит на размышления.

Мусульмане начинают свою историю с бегства Мухаммеда из Мекки в Медину – хиджра – 623 г., но этому предшествовала эпоха энергетического взлета, выразившегося в ожесточении племенных войн и появлении плеяды поэтов. Это показывает, что фактический взрыв энергии был на рубеже V–VI вв. Уточнить дату трудно, да и не нужно.

Создание современной западноевропейской этнокультурной целостности высчитано Огюстеном Тьерри – это 841 г. Тьерри показал, что именно тогда проявили себя французы, которых до этого не было, а была механическая смесь салических франков и галлоримлян. Тогда же слились в этнос немцев племена саксов, рипуарских франков, тюрингов, швабов, фризов. В те же годы потомки вестготов, аланов, лузиатанов и свевов объявили себя испанцами и начали реконкисту – отвоевание Пиренейского полуострова от арабов. А ладьи викингов бороздили волны морей уже полвека, отмечая инкубационный период этногенеза. Остров Британия и полуостров Италия несколько отстали в этническом преобразении, но были втянуты в нее вследствие завоевания англосаксами, норманнами и швабами.

Позднее эта система, набухшая энергией, распространилась на Америку, являющуюся заокеанским продолжением Западной Европы, Австралию и Южную Африку, подчинила Индию и другие тропические страны, насадила свой стереотип поведения даже в Японии, но Россия, Турция и Китай устояли.

Очевидно, все этносы прошли фазы подъема, перегрева, надлома и инерции, только каждый этнос осуществил развитие по-своему. Те же этносы, которые европейцы считают

«примитивными» и «отсталыми», потому что ныне они пребывают в гомеостазе, некогда имели своих героев и гениев, но неумолимый Хронос состарил их. От былых живых культур у них сохранились обрывки преданий и трудовые навыки; это «старички», а не «дети».

Описанная закономерность противоречит принятой на Западе теории неуклонного прогресса, но вполне отвечает принципу диалектического материализма. Еще в XIX в. Энгельс использовал для наглядности пример зерна, дающего колос с обилием зерен, а русский поэт XX в. В. Ходасевич интерпретировал этот пример в отношении исторических закономерностей во времени:

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, –
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

Да и другие законы диалектики применимы к явлениям этногенеза. Переход количества в качество наблюдается при взрывах и становлении этносов (негэнтропии), а в последующей этнической истории (энтропии) он только меняет знак. Мозаичность этносистемы объясняется законом единства и борьбы противоположностей, а неизбежная смена одних этносов другими – законом отрицания отрицания.

Как известно, диалектический материализм изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Применение диалектического материализма к обществу сформировало исторический материализм. Однако этнос – это феномен биосферы, и все попытки истолковать его лишь социальными законами развития общества приводили к абсурду. Ограничимся одним наглядным примером. В наших газетах часто упоминаются национально-освободительные движения, и их никогда не сопоставляют однозначно с социальными конфликтами в рамках какой-либо страны. Этого довольно! Спорить не о чем.

Действительно, если бы принадлежность к этносу определялась только отметкой в документе, то не нужен был бы Институт этнографии АН СССР, а достаточно было бы паспортного стола и заполнения формы № 1. Вряд ли кто-либо с этим согласится. Для объяснения природных феноменов надо искать природные причины.

Сомнения и недоумения

Неоднократно доводилось слышать вопросы: «Каким образом мы, люди, можем узнать о такой форме энергии, как биохимическая энергия живого вещества биосферы? Большая часть форм энергии воспринимается органами чувств: свет – движение фотонов – зрением; звук – колебание атмосферы – слухом; тепло – движение молекул – осязанием; электромагнетизм – несложными приборами, а как признать достоверным существование особой биохимической энергии, находящейся в телах людей и при этом сопоставимой с прочими формами энергии через энергетический коэффициент? Вот если бы тут была еще и душа – все было бы ясно, ибо к мистике мы привыкли».

Да, действительно, все виды энергии воспринимаются не непосредственно, а через наблюдаемый эффект, но для получения эффекта необходима структура из многих элементов. Никто не видел единичного фотона, никого не обожгла одна молекула, невозможно слушать музыку ниже слухового предела, а катионы и анионы были не наблюдаемы, а высчитаны. Так и биохимическая энергия была обнаружена В. И. Вернадским в огромном скоплении саранчи, изучая же отдельное насекомое, он не нашел бы ничего. Вот почему для поставленной нами

цели нужна была история, т. е. биохимия человечества на популяционном уровне за достаточно долгие сроки. Мимолетный взгляд дал Платону право определить человека как «двуногое без перьев». Над этим определением хохотали еще афиняне.

В наше время всем известно, что каждый человек – член этноса. Этнос же входит в биоценоз своего географического региона, являющегося фрагментом биосферы планеты Земля. Земля, в свою очередь, входит в состав Солнечной системы – участка Галактики и Метагалактики.

Таким образом, все мы сопричастны Вселенной, но путем иерархической совместимости макромира с микромиром, от которого людей отделяют клетки их тела, молекулы, атомы и субатомные частицы. Любая научная задача может быть корректно поставлена и решена только на своем уровне.

«Но как же удалось увидеть эффект биохимической энергии живого вещества людей, которые так разнообразны и зависимы не только от природы, но и от культурного и социального развития?» Это открытие пришло к автору путем весьма неожиданным – изучением свойств исторического времени.

Линейное и циклическое время употребляется ныне для календарей, оно не зависит от природных явлений и тем более от деятельности человека. Но время, в которое мы живем и которое ощущаем, измеряется числом событий. Это время, в отличие от календарного, неоднородно. В нем есть свои горы и пропасти, трясины и равнины. По последним так приятно идти!

И это время как раз показывает неравномерность распространения энергии живого вещества на Земле. Ведь если бы этой неравномерности не было, то люди довольствовались бы простым насыщением и размножением, т. е. самосохранением себя индивидуально и в потомстве. Так подсказывает инстинкт.

Но не все люди шкурники! Некоторые обретают стремление с обратным знаком. Они стремятся к «идеалу», под которым понимается далекий прогноз. Они стремятся либо к победе над врагом, либо к открытию новых стран, либо к почестям от своих сограждан, либо к накоплению – безразлично чего: денег, знаний, воспоминаний; либо к власти, обладание коей всегда влечет за собой беспокойство и огорчения.

Эти люди могут быть добрыми и злыми, умными и глупыми, впечатлительными или грубыми. Это не важно. Главное, что они готовы жертвовать собой и другими людьми ради своих целей, которые часто бывают иллюзорны. Это качество, по сути, – антиинстинкт; поэтому я назвал его новым термином – *пассионарность* (от латинского *passio* – страсть).

Пассионарность

Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 г. проникло в мозг автора как удар молнии. Откуда оно взялось – неизвестно, но для чего оно, как им пользоваться и что оно может дать для исторических работ, было вполне понятно: история любого этноса ложилась в колыбель описанной выше схемы, а отдельные зигзаги учитывались пропорционально их значению. Оказалось, что живая система, будь то этнос или организм, развивается единообразно.

Историческое время от вспышки до ее затухания совпадало фазами этногенеза и отвечало им полностью. Это были как бы «возрасты этноса», определяемые процентом пассионариев в этнической популяции. Растет их число до определенного предела – система усиливается; выше этого предела – пассионарность уничтожает сама себя и снижается, так как пассионарии истребляют друг друга; ниже идет спад пассионарности с выбросом свободной энергии,

порождающей искусство, роскошь, интриги и социальные идеи. После энергетического надлома наступает длинный период инерции, когда упорядочивается хозяйство, расширяется образованность и царит законность. Но неубывающая энтропия ведет этнос к распаду.

Непонятно было лишь то, как возникают сами пассионарии и чем они отличаются от своих соплеменников. Друг биолог, тоже студент, подсказал слово: «мутация». А ведь и верно! Только – это микромутация, меняющая что-то в гормональной системе организма и тем самым создающая новый поведенческий признак. Человек остается самим собой, но ведет себя по-другому.

Мутация никогда не захватывает всей популяции. Мутируют отдельные особи, и по-разному. Но явные уроды быстро устраняются естественным отбором, а для устранения мутантов-пассионариев необходимо около 1200 лет, причем они ухитряются оставить после себя следы своих деяний: здания, поэмы, картины, рассказы о своих подвигах, технические изобретения и моральные нормы. Впрочем, последние забываются в первую очередь.

Если бы автор не осознал всего этого еще в 1939 г., ему в голову не пришло бы искать объяснений в концепциях Бергаланфи и Вернадского, казалось бы не касающихся истории.

А теперь становится понятной причинная связь между биохимической энергией живого вещества биосферы и отдельными системами – от микроорганизма до суперэтнуса. Системы работают на биохимической энергии, абсорбируя (поглощая) ее из окружающей среды и выдавая излишек в виде работы (в физическом смысле). Оптимальное состояние, или гармоничность, системы, будь то один человек или многолюдный этнос, – это когда количества энергии, идущей на нужды самого организма и на пассионарность, равны. Тогда они уравнивают друг друга, и система крепка.

Если мутант абсорбирует больше энергии, он должен ее истратить, а путь к этому только один – деяния. Тогда испанские идальго едут в Америку или на Филиппины, завоевывают целые страны, обретают богатства, на 80 % гибнут, а уцелевшие возвращаются измотанными до предела или больными. Но ведь едут только донкихоты, а санчо пансы сидят с женой дома. Так, Испания в XVI в., претендовавшая на роль мирового гегемона, к 1700 г. стала предметом раздела между европейскими державами, и началась «война за испанское наследство».

Однако этносы способны к регенерации. Тот же испанский этнос отразил армию Наполеона. Это был подвиг, равный освоению Америки. Как он мог совершиться? Только потому, что пассионарность – наследственный признак, видимо рецессивный, потому что он передается, минуя детей и внуков, к правнукам и праправнукам. Поэтому этнические системы существуют долго.

Пример Испании – не исключение. Куда ни взглянешь – тот же самый процесс. Ехидные студенты решили проверить теорию на совсем новом для автора материале: Японии и Эфиопии. И получилось то же самое: взлет, т. е. мутация, подъем, т. е. усложнение, спад, связанный с развитием культуры, инерция – установление цивилизации, упадок, смешение с соседями и очередной взлет. Что это закон природы – сомнений уже нет!

Но обязателен ли упадок? Да! Потому что наряду с пассионариями при мутации появляются субпассионарии – особи, абсорбирующие меньше энергии, чем количество, требующееся для уравнивания потребностей инстинкта. Им все трудно, а желания их примитивны: поесть, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские лаццарони, бродяги, описанные М. Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбу и нарвать в лесу плодов для любимых детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табаку, курят... и счастливы.

Субпассионарии существуют повсеместно, но очень различны. Близкие к оптимуму

составляют кадры преступников и проституток. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает энергии даже на то, чтобы мечтать. Эти особи стоят за пределами нормы.

Субпассионарии отнюдь не так безобидны, как может показаться. Для них характерна безответственность и импульсивность. Им нельзя ничего доверить, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить важное дело, даже государственное или общественное. Они уничтожают ради сегодняшней выгоды кормящие ландшафты, обрекая на голод своих потомков. Любое будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. А тех людей, которые пытаются их вразумить, они убивают. Этот процесс особенно отчетливо виден в истории Римской империи III–IV вв. Не рабы, и не варвары, и не христиане погубили Рим. Это сделали любители цирковых зрелищ, бездельники, которых кормили даром, ради чего истребляли население провинций и природу собственной страны – Италии, где дубравы не восстановились доселе, а склоны Апеннин заросли колючим маквисом.

Практическое значение теории

Нарисованная здесь картина выглядит мрачновато, но задача науки не в том, чтобы измышлять утешение и тем вводить в заблуждение читателя. Так делали неоднократно, но это были своего рода «академические приписки». Ученый обязан отобразить картину реального мира, сколь бы сложной и даже горестной она ни была. Только тогда можно преодолеть трудности, когда о них знаешь.

Но, могут возразить автору, зачем знать то, чего люди не в силах изменить или поправить? Может быть, автор не верит во всемогущество человечества? Да, изменение законов Природы – вне людских возможностей, хотя бы потому, что сами люди – часть Природы. Но знание законов Природы очень полезно, ибо дает возможность избежать многих бед.

Люди не любят землетрясений, но предотвратить их не могут, особенно когда вулкан образуется под водами Тихого океана. Однако сейсмография предупреждает о начале бедствия, что позволяет своевременно эвакуировать обитателей морских берегов в горы и предохранить их от губительного цунами. Метеорология также предупреждает людей о засухах и наводнениях: а ведь они, как и этногенез, возбуждаемый мутациями, – за пределами активности людей. Давать благоприятные прогнозы погоды при отнюдь неблагоприятных атмосферных условиях – преступление.

То же самое относится к этногенезу. Даже если люди не могут ничего сделать с этим статистическим потоком вероятностей, то они могут не делать чего-то очень важного – не поворачивать северные реки, не поощрять курение подростков или не ставить студентам пятерки за двоичный ответ. Несделанная оплошность – это уже не беда, а для того, чтобы избежать ошибок, – знание истории и этнологии необходимо.

И наконец, закономерно спросить автора: почему он, владея такими нужными понятиями, как «этногенез» и «пассионарность», 30 лет не публиковал своих открытий? Использовал ли он свои знания или просто молчал, чтобы избежать столкновений с коллегами?

Автор свои мысли использовал эгоистично. Только благодаря им он написал кандидатскую и докторскую диссертации по историческим наукам (историю древних тюрков), решив «алгебраически» очень трудные задачи, а потом перевел их на тривиальный «арифметический» язык, чтобы не шокировать членов ученого совета истфака. Если бы они знали, что есть способ писать научные работы легко и убедительно, то они не голосовали бы за автора единогласно.

Публиковать новую методику следует только тогда, когда каждый тезис может быть

убедительно аргументирован. Интуиция автора никого не убеждает, если же ему удастся решить частную задачу, то это будет приписано случаю. А ведь мы работаем для людей и должны считаться с возможностями и привычками своих коллег.

Вот почему пассионарная теория этногенеза была весьма благожелательно встречена географами, геологами, зоологами, ботаниками и философами, но не вызвала никакого интереса у историков-источниковедов, филологов и востоковедов. А жаль. Она и там нашла бы применение.

И наконец, замечание, относящееся не к теории, а к некрологу. Если ученый изучает предмет бескорыстно, не ставя предвзятой цели, то его открытия могут быть использованы в практической деятельности. Если же он хочет добиться какой-нибудь выгоды для себя, шансы на успех ничтожны. Такова диалектика творчества, один из разделов диалектики природы.

Перед лицом науки

В Александрийский век, век античной культуры (I–III вв.) говорили: «Эллины ищут знания, а иудеи – чуда». В наше время все поиски истины присвоила себе научная работа, однако и ее можно подразделить на способы, преследующие разные цели и вызывающие к себе различное отношение современников. Ограничусь здесь гуманитарными науками.

Первый, и основной, способ можно назвать «седалищным». Это составление справочников, словарей, пособий. В гуманитарных науках – это подготовка текстов к печати и библиография; в археологии – описание коллекций и в лучшем случае выполнение картосхем, каталогов и статистической обработки собранных материалов. Работа эта пользуется заслуженным уважением, обеспечивает приличную зарплату и не приносит авторам ни беспокойства, ни известности.

Второй способ можно назвать «мотыльковым». Научный сотрудник много читает, описывает и излагает чужие мысли своим языком. У него много читателей, неплохие гонорары и красочная жизнь. По сути это разновидность литературы, причем изящной, и так как популяризация науки нужна, то такие авторы обретают симпатии читателей и коллег. Но жизнь их статей мимолетна.

Третий способ – писать исторические монографии. Но если авторы ограничиваются публикацией накопленных сведений, их труды не находят читателей. Удержать интерес к своей работе можно только одним способом: вскрыть себе вену и переливать горячую кровь в строки; чем больше ее перетечет, тем легче читается книга и тем больше она привлекает к себе внимания. Зато результаты будут плачевны, ибо коллеги не простят автору: «Ишь ты, его читают, а меня нет!» Большие неприятности по службе обеспечены.

Однако такие книги живут долго. Часто они переживают авторов, а те, исполнив роль доноров, восстанавливают свое здоровье и умирают спокойно, с сознанием выполненного долга. Их вспоминают с уважением.

Все три способа были испробованы автором, и лишь после этого он прибег к четвертому. Хуже всего четвертым, у которых научное озарение охватывает сердце и мозг пламенем постижения истины. То, что было погружено во тьму, вдруг прояснилось; то, что было перемешано и перепутано, – становится на свои места. Собственные ошибки, бывшие привычными, устоявшимися мнениями, отваливаются, как шелуха, но... рассказать об этом никому нельзя, потому что даже друзья предпочитают старые, воспринятые с детства представления необходимости передумать заново пусть не все, но многое. Да и сам первооткрыватель начинает не верить себе. Огонь в сердце, обжигающий мозг, его пугает. Он проверяет себя и свою мысль. Это облегчает его, потому что горение превращается в тление, но

преображение души продолжается неуклонно. Наконец наступает момент, когда он не может молчать. Он рассказывает, но не находит тех огненных слов, которые донесли бы смысл его открытия до собеседников. Он знает: надо заставить их думать, и когда это наконец удастся, когда пламя мысли передано другому, он обретает счастье.

Но зачем оно ему? У него в душе уже все сгорело. Единственное, что ему осталось, – это повторять уже ему самому известное. Поистине, подлинное научное открытие, доведенное до людей, ради которых ученые живут и трудятся, – это способ самопогашения души и сердца. И хорошо, если первооткрыватель, после свершения, покинет мир, он останется в памяти близких, в истории Науки. Вот почему это изложение открытия заслужило название – Автонекролог.

Литература

[1] См.: *Иванов К. П.* Взгляды на этнографию, или Есть ли в советской науке два учения об этносе? // Известия ВГО. Т. 112. Вып. 3. 1985. С. 232–239.

[2] *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1974; Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М., 1974; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967; Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970; Величие и падение Древнего Тибета // В кн. Гумилев Л. Н. Старобурятская живопись, М., 1975. Все эти работы выполнены в традиционной методике.

[3] Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. 1959. № 1; Эфталиты – горцы или степняки? // Там же. 1967. № 3.

[4] Страна Шамбала в легенде и истории // Азия и Африка сегодня. 1968., № 5.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 16.

Л. Н. Гумилев. Письмо в редакцию «Вопросов философии»

Как справедливо отметил академик Ю. В. Бромлей в своей статье 1 *1 «...еще совсем недавно национальная проблематика была одной из закрытых зон жизни нашего общества, а соответственно, и нашего обществоведения». И тут же добавляет: «К ней (проблематике) явно нужен новый подход».

С этим нельзя не согласиться. Однако в опубликованной статье Ю. В. Бромлей, по существу, повторяет свои прежние взгляды на этнографию, совпадающие с некоторыми дефинициями из моих работ 2. И вдруг спор! Из-за чего? Оказывается, из-за смысловых различий в употреблении научных терминов.

Как известно, язык служит для передачи информации, и потому каждое слово имеет определенное значение. В бытовой речи слова многозначны (полисемантичны), но в научных текстах, где слова играют роль терминов, значение их строго определено и при употреблении обязательно. Особенно важно это для этнологии – науки о происхождении этносов и характере взаимоотношений их друг с другом. Я предложил в специальном трактате («Этногенез и биосфера Земли, вып. 1–3, ВИНТИ, 1979; 4, 1987») несколько новых терминов, строго определив их значение. Например: «Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как структура, противопоставляющая себя другим таким коллективам». Так как никто не живет одиноко, то и этносы контактируют друг с другом, хотя и поразному: (1) Симбиоз – сосуществование двух и более этносов в одном регионе, когда каждый занимает свою экологическую нишу; (2) Ксения – буквально «гостья» – вариант симбиоза, группа иноземцев, живущая замкнуто; (3) Химера – сосуществование двух и более чуждых этносов в одной экологической нише. Обычно химеры –

последствия миграции и, как правило, неустойчивы. Если же этносы в процессе контакта сливаются, то это называется ассимиляцией, вследствие которой возникает новый этнос, равно непохожий на те, из которых он возник. Процесс идет на уровне популяционном (не видовом и не организменном). Популяция – совокупность особей одного вида, населяющая в течение ряда поколений определенную территорию, внутри которой осуществляется свободное скрещивание. Ясно, что к этносам понятие свободного скрещивания не применимо, поскольку беспорядочное скрещивание в одном этносе нигде не описано. Люди не мухи.

Хорошо известен принцип систематики по уровням (снизу вверх): субатомный, атомный, молекулярный, клеточный, организменный, популяционный, видовой и т. д. Этнос – коллектив и, как таковой, находится на популяционном уровне, но от популяций других животных или насекомых безусловно отличается, а от коллизий организменного уровня тем более.

В упомянутой выше статье Ю. В. Бромлей справедливо считает термин «популяция» исключительно биологическим, ибо люди – млекопитающие, но почему-то полагает, что воспроизводство в популяциях «осуществляется путем передачи генетической информации... через ДНК половых клеток» (с. 17), а в этносах, по его мнению, передача информации «основана на коммуникативных внебиологических связях».

Это уже просто неверно! Животные обучают своих детенышей, что вполне биологично и носит специальное название «сигнальная наследственность». А ручная шимпанзе Люси, принадлежащая зоологам Уошо, усвоила азбуку глухонемых и бойко изъясняется по-английски. Это-то бесспорно, но хуже другое.

Ю. В. Бромлей считает, что с «биологическим подходом к проблеме национально-смешанных семей... связан... тезис, согласно которому в результате таких браков возникают некие (?) химеры» (с. 18). Тут все искажено. Химера не тезис, а научный термин, причем историко-географический, а не биологический, ибо если бы чуждые этносы в одном географическом регионе слились половым путем, то химера бы превратилась в новый этнос. Это показывает сам Ю. В. Бромлей, приводя пример эстонско-татарской семьи, обитающей в Москве, – дети этой семьи являются русскими. Термин «химера» в описанной ситуации отношения к проблеме не имеет, так как брачная постель не может быть приравнена к географическому региону, а двое влюбленных – к популяции – девятимиллионному населению Москвы.

Вот если бы был где-нибудь город, в котором треть населения состояла из советских русских, треть – из китайцев, треть – из американцев и все они не любили бы друг друга и не образовывали бы стойких семей, то это была бы химера, подобная царствам диадохдов III в. до н. э., готским королевствам V в. И хуннским государствам IV–V вв. в Северном Китае. К счастью, нам этого ожидать не надо.

Судя по заглавию статьи, Ю. В. Бромлей считает этнос системой. Как известно, «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» 3. В поле зрения исследователя находятся не элементы (люди), а связи между ними; сами же элементы должны быть различны и дополнять друг друга. Но Ю. В. Бромлей считает, что этнос – «совокупность людей» с общими чертами: психикой, культурой, общим языком и самоназванием, т. е. одинаковых (с. 17) *2. Это противоречит основному принципу системологии. Ведь даже мужчины и женщины не схожи друг с другом! Французы говорят на пяти языках: французском, бретонском, гасконском, провансальском и немецком (в Эльзасе). Так разве французы не этнос? Культура А. С. Пушкина была иной, чем у Арины Родионовны. Но село Михайловское не химера. А самоназвание у византийцев – ромеи – и румын, совпадало с этнонимом – *romani* (римляне). Названия часто вводят в заблуждение.

Выход из противоречия, которого нельзя не заметить, Ю. В. Бромлей видит в

стабильности этноса. Но в качестве его «стабилизатора» предлагает не сигнальную наследственность, а «замкнутость круга брачных связей» (с. 17). Итак, упрекая оппонента в «биологизме», что несправедливо, Ю. В. Бромлей противопоставляет ему «эротизм», с чем вряд ли можно согласиться.

Еще более изумляет отрицание Ю. В. Бромлеем закона сохранения энергии, хотя он считает этнос системой *3. Ведь ясно, что при возникновении новой системы затрата энергии необходима, а расходование ее по течению времени неизбежно. Следовательно, есть этносы, еще не растратившие первоначального запаса этой энергии, т. е. более пассионарные, и этносы, растратившие ее. Достаточно сравнить римлян, победивших Ганнибала, с их потомками, сдавшими Рим Алариху и Гензериху. И вся история свидетельствует о том же. На организационном уровне этот процесс называется старением, на молекулярном, в термодинамике – рассеиванием (диссипацией) энергии. Почему надо считать знание физики на школьном уровне – «чудовищным тезисом»? (с. 18).

Спор в науке, конечно, нужен, но при соблюдении научной корректности и трех нижеприведенных правил: 1. Не следует искажать мысли оппонента. 2. Термины надо применять в принятом значении. 3. Игнорируя законы природы, надлежит это мотивировать по возможности веско.

Что же касается собственных позитивных высказываний Ю. В. Бромлея (с. 19 и сл.), то я воздержусь от суждений, следуя изречению, приведенному Оскаром Уайльдом, который, будучи в турне по Америке и остановившись в ковбойском поселке, прочел в трактире такой плакат: «Не стреляйте в пианиста, он играет как может». О. Уайльд счел эту сентенцию высшим проявлением уважения к свободе творчества.

А ведь проблема этнического контакта может быть решена, если поставить вопрос корректно. Основа любого исследования – классификация. Для нашей цели достаточно ввести три параметра: соседство, комплиментарность и таксономическую иерархию. При соседстве возможны четыре варианта. 1) Сосуществование двух и более этносов в разных экологических нишах, например, негры банту и пигмеи в тропической Африке. Только пигмеи могут ориентироваться в лесной чаще, почему они и служат неграм проводниками. Негры же прекрасные кузнецы и снабжают пигмеев ножами и железными котлами. Это симбиоз. 2) Поглощение одного этноса другим – ассимиляция – возможно при неравенстве энергетических, т. е. пассионарных уровней. Слабый этнос теряет свою культуру, но спасает жизнь в лоне чужого этноса. 3) Сосуществование двух и более этносов с равной пассионарностью в одной экологической нише – химера. Разумеется, в этом случае метисация противопоказана, ибо если этносы сольются, то и проблема контакта исчезнет – останется один этнос. Отдельные браки между компонентами этнической химеры не имеют значения, ибо метисы примыкают либо к отцовскому, либо к материнскому этносу.

Многих читателей пугает сам термин – «химера». Им чудится в нем что-то страшное и нехорошее. Но, во-первых, этот термин принят в зоологии: система паразит-паразитоноситель именуется в учебниках «химерой». Во-вторых, в естествознании нет деления на плохое и хорошее. Попытки людей XIX в. Исправить природу путем истребления видов, представлявшихся вредными, привели к оскудению ландшафтов и экологическому кризису. В-третьих, этнические химеры часто бывают спасительными для многих людей *4. Так, в султанской Турции спокойно жили армяне, греки и курды. Только в XIX в. начались жестокие расправы над греками и болгарами, вызвавшие вмешательство европейских держав, а в XX в. – над армянами. Младотурки, обучавшиеся в Париже, пролили кровь невинных людей, предки которых 400 лет спокойно жили в «химерной» Высокой Порте. Очевидно, что судьбы жертв и преступников связаны не с формами этнических контактов, тем более что в эпоху эллинизма

(III–I вв. до н. э.) эллины и азиаты мирно уживались друг с другом в царствах Птолемея и Селевкидов.

Но, с другой стороны, слишком тесный контакт хуннов с китайцами в IV–V вв. вызвал такую резню, что в долине Хуанхэ погибло около 80 % людей 4. Но и это не правило, ибо возможен четвертый вариант этногенеза – творческое слияние, когда рядом с предшествовавшими этносами возникает новый полноценный этнос, непохожий на обоих предков. Это подлинный этногенез, но возможен он редко, только при высокой концентрации пассионарности, обуславливающей смену стереотипа поведения. Но и этого недостаточно.

Второй параметр – комплиментарность (положительная и отрицательная), определяет характер отношений с соседями. Л. Н. Толстой описал вражду и взаимное уважение терских казаков и чеченцев. Вражда связывала эти два этноса в одну систему, не оставляя места равнодушию, которое действует на этносы разрушительно, ибо оно знаменует утрату пассионарности, а без энергии «двигатель» работать не может 5.

Третий параметр – этническая таксономия, описывает уровни этносферы. 1) Популяционный – суперэтносы, например, «античный мир» (греко-римский), «мусульманский мир» (арабо-персо-тюркский), «христианский мир» (романо-германский в Средневековье, без греков, русских и ирландцев), ныне именуемый «цивилизованным», и «российский», ныне «советский народ», ибо он включает в свой состав много этносов и субэтносов, а также многие другие суперэтносы на Дальнем Востоке и в доколумбовой Америке. Этносы – системы, обладающие оригинальным стереотипом поведения и внутренней структурой, а субэтносы – подсистемы этноса (например, бретонцы и баски во Франции). 2) Организменный уровень – семья, персоне человека и его физиологическая структура как потенциал его возможностей. 3) Суборганизменный включает клеточный, молекулярный и атомный уровни.

Только популяционный уровень находится в компетенции этнографии *5. Организменный уровень изучает медицина и антропология, а самые нижние уровни – микробиология, химия и физика. Следовательно, приведенный Ю. В. Бромлеем пример: метисация эстонца с татаркой в Москве, методически неправилен. Потомок такого брака будет просто москвичом, не унаследовав традиций ни западноевропейского, ни мусульманского суперэтноса. Ю. В. Бромлей пытается рассматривать этнический контакт не на популяционном, а на клеточном уровне, т. е. с точки зрения сперматозоида, а последний, как известно, не имеет этнической принадлежности.

Несхожесть уровней реальна и очевидна. Например, кислород и водород при комнатной температуре – газы, а вместе, т. е. на уровень выше, – вода. Вода, запачканная углем, – это просто грязь, а на уровень выше – живое вещество. Скопление одноклеточных – не человек; хотя он состоит из клеток, но является системой на уровень выше. Так же этнос – не сумма людей, а сложная системная целостность, менее устойчивая, нежели этнокультурная целостность – суперэтнос, выше которой уже вид *Homo sapiens*. Взаимодействие систем каждого уровня имеет свою специфику. Это касается и затронутой темы.

Ю. В. Бромлей как пример «небиологичности» этноса приводит случаи удочерения французским этнографом брошенной в лесу двухлетней девочки из племени гуайналов, которое он называет «отсталым» (от кого?). Девочка усвоила европейские языки и работает этнографом.

Так это типичный пример реадaptации, которая свойственна многим животным, значит, биологической стихии в человеке. Кто же из нас биологизатор?

Хуже другое – применение термина «отсталый» *6. Неужели Ю. В. Бромлей думает, что гуайналы замедлили «стать французами»: вот постараются и станут ими. А что если у них иной путь адаптации в своем ландшафте? Да так оно и есть, ибо этногенез – не затянувшийся спринт. Нет, надо уважать самобытность малых этносов.

Но еще хуже третье – подмена популяционного уровня организменным. Если этнос – система, то его членов характеризуют системные связи, а не цвет кожи и толщина волос. Девочка утратила системные связи с гуайналами и обрела их с французами, что прошло безболезненно из-за ее возраста. Пример Ю. В. Бромлея не работает.

Итак, на суперэтническом уровне слияние этносов даст при положительной комплиментарности симбиоз, при отрицательной – химеру, при слабом пассионарном напряжении одной системы – ассимиляцию, при сильном у обеих систем – вспышку этногенеза – возникновение нового этноса, которому предстоит пройти весь тернистый путь от подъема до упадка и превращения в реликт. Такова диалектика этногенеза.

Наконец, связь этногенных процессов, идущих на популяционном уровне, установлена В. И. Вернадским как первый биохимический принцип, который гласит: «биогенная миграция атомов химических элементов в биосфере всегда стремится к максимальному своему проявлению. Все живое вещество, взятое в целом, таким образом, является источником действующей свободной энергии, может производить работу» б.

Исследуя этническую историю как процесс, я обнаружил ареалы этнических системообразований именно путем фиксации дат, где активность людей заметно повышена, т. е. пассионарность начинает интенсивно расти, после чего она медленно спадает до гомеостаза. Это феномен не только биологический, а физико-химический, т. е. относится к планетарным закономерностям. Этногенез является частным случаем диалектики природы. Этот тезис я готов отстаивать «от Сорбонны включительно до костра исключительно» (Рабле).

Литература

1. Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе. // «Вопросы философии», 1988, № 7.
2. См.: Иванов К. П. Взгляды на этнографию, или есть ли в советской науке два учения об этносе? // Известия ВГО. Т. 112, вып. 3, 1985, с. 232–239.
3. Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Задачи, методы и приложения общей теории систем. В кн.: «Исследования по общей теории систем». М, 1969, с. 12.
4. См.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М, 1974, с. 229.
5. Энергия, эффектом которой является пассионарность, описана В. И. Вернадским и названа «биохимической энергией живого вещества биосферы» (Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М, 1965, с. 267).
6. Там же.

Л. Н. Гумилев. Меня называют евразийцем

Интервью брал Андрей Писарев, руководитель отдела публицистики журнала «Наши современники» в 1991 г.

А. П. : Лев Николаевич, давайте начнем с «истоков». Сегодня Вы представляете единственную серьезную историческую школу в России. Последней такой школой было евразийство – мощное направление исторической мысли первой половины нашего века, представленное такими именами, как Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, отчасти Л. П. Карсавин и Г. П. Федотов. Насколько евразийцев можно считать предшественниками теории этногенеза Л. Н. Гумилева?

Л. Г. : Вообще меня называют евразийцем – и я не отказываюсь. Вы правы: это была мощная историческая школа. Я внимательно изучал труды этих людей. И не только изучал. Скажем, когда я был в Праге, я встречался и беседовал с Савицким, переписывался с Г. Вернадским. С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен. Но главного в теории этногенеза – понятия пассионарности – они не знали. Понимаете, им очень не хватало естествознания. Георгию Владимировичу Вернадскому как историку очень не хватало усвоения идей своего отца, Владимира Ивановича.

Когда мы говорим «история» – мы просто обязаны отметить или упомянуть, какая это история, история чего? Существует простое перечисление событий – это хроника; есть история экономическая, описывающая производство материальных благ; есть история юридическая, достаточно развитая в России в XIX в., изучающая эволюцию общественно-политических институтов; есть история культуры, военного дела и так далее. Я занимаюсь этнической историей, которая является функцией природного процесса – этногенеза и изучает естественно сложившиеся несоциальные коллективы людей – различные народы, этносы. В чем принципиальное отличие этнической истории от исторических наук, изучающих социальные структуры? Этническая история от всех прочих отличается прежде всего дискретностью, прерывистостью. Происходит это потому, что сам процесс этногенеза (как, впрочем, и всякий другой природный процесс) конечен и связан с определенной формой энергии, открытой нашим великим соотечественником В. И. Вернадским, – энергией живого вещества биосферы. Эффект избытка этой энергии у человека ваш покорный слуга назвал пассионарностью. Любой этнос возникает в результате определенного взрыва пассионарности, затем, постепенно теряя ее, переходит в инерционный период, инерция кончается, и этнос распадается на свои составные части...

А. П. : Лев Николаевич, расскажите о приложении теории этногенеза к русской истории.

Л. Г. : Даже в общих чертах это достаточно долгий разговор. Начать, видимо, нужно с того, что история Древней Руси и России – результат двух разных взрывов пассионарности, двух разных пассионарных толчков. Взрыв пассионарности, который вызвал к жизни Древнюю Русь, произошел в I в. н. э. от Южной Швеции (движение готов) к устью Вислы и к Карпатам, где жили тогда предки славян; затем он прошел через территорию современной Румынии – Дакии: даки были сожжены этой пассионарностью, потому что бросились воевать с могучей Римской империей, в результате этой войны они, по существу, были все истреблены. Далее этот взрыв прошел через Малую Азию и Палестину, где возникло православное церковное христианство, позднее оформившееся в Византийскую империю. Далее этот же толчок прослеживается в Абиссинии (Аксум). Все это случилось, повторяю, в I в. А ведь именно к этому времени (I–II вв.), как доказал еще мой покойный учитель, профессор Артамонов, появились первые археологические памятники, которые можно отнести непосредственно к славянам. Вот этот-то славянский (а вернее, славяно-готский) этногенез и породил позднее Древнюю Киевскую Русь. И вот здесь я должен еще раз обратиться к этнологии.

Этнос – долго идущий процесс, определяемый тремя параметрами: пространственным (географический ландшафт), временным (изменение пассионарности от рождения до распада через определенную последовательность фаз) и контактным (взаимодействие с другими этническими системами, которое вызывает смешение, нарушение прямого процесса).

Продолжительность этногенетического процесса, если считать с инкубационным периодом жизни этноса в начале и с инерционным в конце, – около полутора тысяч лет. Так же случилось и со славянами. В середине своего развития, в так называемой фазе надлома, они раскололись на отдельные племена и народы, хотя и продолжали ощущать свое единство, по-прежнему пользовались общепринятым языком. Но и языки и культуры постепенно, но

неуклонно расходились: чехи и поляки оказались католиками, сербы и болгары стали православными, но противниками Византии; языческие полабские славяне были покорены немцами, хотя до XVIII в. на берегах Эльбы говорили на славянских языках.

Часть древних славян двинулась на Восток, дошла до рубежа Днепра и до озера Ильмень. Эта часть и была этнической основой древнерусского периода славян. Естественно, при своем расселении славяне, встречаясь с соседними народами, брачились с ними, включая их в свою этническую систему. Так, если по правому берегу Днепра жили славянские племена славян и древлян, то на левом берегу жили, к востоку от Чернигова, сабиры – северяне, которые сменили свой древний язык (неизвестно какой) на славянский и вошли в состав Киевской Руси. К XIV–XV вв. славянского единства уже не существовало, но память о нем сохранилась. В XV в. чешские гуситы пытались вернуться к православию, проповеданному у них еще святым Мефодием. Но так как Византия была слаба, а России как целого государства не существовало, это им не удалось – они остались в рамках западноевропейских суперэтносов и очень сильно пострадали от этого. Если во времена Яна Гуса чехов в Богемии было три миллиона, то после битвы на Белой горе в 1618 г. их осталось всего 800 тысяч. Причиной такой страшной убыли генофонда была победоносная война 1419–1458 гг. В победоносных войнах люди так же гибнут, как при поражениях.

Понимаете, сама проблема разрыва этнической традиции, проблема этнических упадков потому и сложна, что нынешнее истолкование истории идет на уровне начала XIX в. В то время во всех науках господствовал прямолинейный механистический эволюционизм, ныне отброшенный даже в зоологии и замененный мутогенезом. Поскольку с таких позиций необъяснимы летальные исходы огромных цивилизаций, то виноватыми в гибели, например, Римской империи считали то варваров, то христиан, то рабов и рабовладельцев, но никак не самих римлян. А ведь причина гибели Римской империи и ее культуры гнездилась именно в них, хотя считать их виноватыми тоже неправильно: ведь нельзя же обвинять старика в том, что он не занимается боксом или альпинизмом, ссылаясь на больное сердце.

Римляне к IV в. разучились воевать и даже защищаться. Достаточно вспомнить, что после разорения Рима вандалами в 455 г. римляне обсуждали не как восстановить город, а как устроить цирковое представление: на большее они уже не были способны. А вождю герулов – Одоакру они подчинились в 476 г. без сопротивления.

Римский пример не единственный способ гибели «цивилизации», Византия погибла мужественно и трагично. Следовательно, гибель можно выбирать, хотя сам выбор всегда бывает подсказан ходом событий далекого прошлого. Все системы, возникшие при пассионарном толчке, распадаются, но каждая по-своему...

А. П. : Таким образом, в соответствии с вашей теорией, Древняя Русь закончила свое существование примерно в XIV–XV вв. Законный вопрос: откуда же взялась Россия – та Россия, в которой мы с вами живем?

Л. Г. : Новая русская этническая целостность – результат толчка XIII в., который прошел несколько восточнее предыдущего толчка I в. Он прослеживается от Финляндии через Белоруссию (между Вильно и Москвой), через Малую Азию, которая тогда уже была в руках турок (толчок породил там могучую Османскую империю) и до Абиссинии, которая снова восстановилась из обломков предыдущей Аксумской эпохи. Точнее определить дату толчка и его географию мы не можем, но мы можем назвать первых пассионариев, которые создали две великие державы – Литву и Россию: Александра Невского в России и князя Миндовга в Литве. Вся история Литвы начала XIV в., то есть до Гедимина, – период небольших смут, беспорядков, распрей, все более кровопролитных и жестоких, – начало пассионарного подъема. Силы вновь возникших и обновленных этносов уходили на междуусобные войны. В этом отношении

судьбы Великого княжества Литовского и Великого княжества Владимирского были различны. Дело в том, что в XIII в. Из Монголии пришли войска Батыя.

А. П. : Здесь, в оценке и интерпретации этого события, Вы, наверное, согласитесь, – основной пункт ваших расхождений с большинством историков: как западнического, либерального, так и патриотического (например, А. Кузьминым или В. Чивилихиным) направлений.

Л. Г. : Соглашусь, но здесь есть известная разница. Что касается «западников», то мне не хочется спорить с невежественными интеллигентами, не выучившими ни истории, ни географии. В науке считается правильным только эмпирическое обобщение, то есть непротиворечивая версия, опирающаяся на все известные факты. Повторю лишь факты, которые я приводил неоднократно.

В XIII в. всех монголов было около 700 тысяч человек: воинов же 130 тысяч. Воевали они на трех фронтах: в Китае, где было около 60 миллионов населения в империи Цзинь и 30 миллионов в империи Южная Сун; в Иране с его 20 миллионным населением и в Восточной Европе с населением в 8 миллионов, из которых хорошо обученное войско составляло более 110 тысяч человек. А кроме этого – камские булгары, мордва и половцы. Понятно, что перебросить на Запад в 1236–1237 гг. монголы могли лишь очень небольшое количество войск. Замечательный эрудит, знаменитый археолог, профессор Николай Веселовский определяет их как 30 тысяч человек, и, по-видимому, столько их и было. Естественно, с такими силами Батый завоевать Россию, в которой было 110 тысяч вооруженных воинов, не мог. Его поход в 1237–1240 гг. не более чем просто большой набег, причем целью этого набега было не завоевание России, а война с половцами, с которыми у монголов уже была кровная месть, степная вендетта. Так как половцы крепко удерживали линию между Доном и Волгой, то монголы применили известный тактический прием далекого обхода – и совершили кавалерийский рейд через Рязанское, Владимирское княжества, затем взяли Козельск, страшно истребив его население, затем перешли к Киеву, который, собственно, и защищать-то никто не стал: князь бежал, а воевода не смог собрать войско, потому что после трехкратного разгрома соседними русскими княжествами Киев превратили в руины. Затем монголы ушли на Запад.

Возникает вопрос: чем была вызвана такая жестокая расправа с Козельском, который монголы прозвали «злым городом»? В названии – разгадка. Монголы «злыми» называли города, в которых убивали их парламентаров. Убийство парламентаря, с точки зрения монголов, было тягчайшим преступлением. При Калке были убиты монгольские послы, и в числе их убийц был Мстислав, князь Черниговский. Конечно, можно возразить, что горожане не виновны в преступлении князя, но у монголов было чрезвычайно развито понятие коллективной ответственности: если жители данного города признают своего князя, они делят его судьбу.

Аналогичный случай имел место в 1945 г. Когда наши войска окружили Будапешт, всем было ясно – город не устоит. Чтобы избежать разрушения города и напрасного кровопролития, была предложена капитуляция. Три советских парламентаря договорились об условиях капитуляции с венгерским командованием. Но на их обратном пути немецкий патруль дал автоматную очередь по машине. Шофер успел дать газ, машину внесло в наше расположение, и наши солдаты и офицеры нашли в ней трех умирающих товарищей. После этого удержать войска от приступа было невозможно. Я в это время был под Берлином, но если бы я был под Будапештом, то смею Вас уверить, что и меня бы не удержали, ибо я вполне разделяю мнение, которое монголы пытались насадить во всем мире: личность посла неприкосновенна. Но если в связи с западнической концепцией «ига» у меня вопросов не возникает, то признание этой концепции историками национального направления поистине странно. Даже непонятно, как

историки смеют утверждать, что их трактовка в этом случае патриотична. Значит, отряд кочевников без баз, без пополнений, с постоянной нехваткой стрел, которые надобно расходовать, побил и покориł наших предков?! Да ведь если маленький Козельск так долго сопротивлялся, то очевидно, что силы нападающих были невелики. Это были далеко не триста тысяч, как предполагали либеральные историки прошлого века. А ведь именно у них позаимствовал эту цифру Чивилихин. Реальная величина, как мы уже говорили, на порядок меньше. Никак не пойму, почему люди, патриотично настроенные, так обожают миф об «иге», выдуманный, как показал В. Каргалов, в XVI в. немцами и французами, чтобы перетянуть на свою сторону белорусов и украинцев.

Ведь и говорить о завоевании России монголами нелепо, потому что монголы в 1249 г. ушли из России, и вопрос о взаимоотношениях между Великим Монгольским улусом и Великим княжеством Владимирским ставился уже позже и решен был уже в княжение Александра Невского, когда он, договорившись сначала с Батыем, потом подружившись с его сыном Сартаком, а затем и со следующим ханом, убийцей Батыя и Сартака – мусульманином Берке, добился выгодного союза с Золотой Ордой, которая располагалась в низовьях Волги. Вокруг Сарая, который лежал между Волгоградом и Астраханью, около села Селитряного, расстилались широкие и, в общем, ненаселенные степи, так что никакого давления политического или военного Орда на Владимирское княжество оказывать не могла. И не оказывала. Более того. В это время в самом Монгольском улусе вспыхнула гражданская война. Батый удержался только потому, что Александр Невский дал ему свои дополнительные войска, состоящие из русских и алан, что и помогло Батыю выиграть распрю с великим ханом Гуюком, умершим во время похода. Сил у Батыя после ссоры с родственниками, по авторитетным источникам, было всего 12 тысяч человек монгольских воинов, разделенных между тремя большими ордами, которыми руководили братья Батыя. Четырех тысяч монголов для того, чтобы контролировать такую огромную территорию, было, естественно, мало. Вести войну с такими силами совершенно невозможно. Поэтому ордынские ханы – Батый, Берке, Менгу-Тимур – прежде всего искали надежных союзников. Но союзники были нужны и России, потому что в это время (1245) на Лионском соборе папа Иннокентий IV объявил крестовый поход против схизматиков – греков и русских. Во время столкновений русских с немецкими крестоносцами в Прибалтике немцы, захватив город, обращали местное население – латышей и эстонцев – в крепостных рабов, а русских, включая грудных детей, поголовно вешали. Против русских немцы вели истребительную войну. Александр Невский остановил наступление шведов в 1240 г., через два года он выиграл сражение на Чудском озере, и это отсрочило неизбежный конец. Александру нужны были союзники для того, чтобы противостоять крестовым походам, последствия которых были хорошо известны на примере разгрома Византии, похода в Палестину, Антиохию, всех тех зверств, которые крестоносцы учиняли на захваченных в своей первой колониальной войне территориях. И он сумел заключить союз с Золотой Ордой. Польза от этого была колоссальная.

Небольшая Прибалтика служила удобным плацдармом для всего западноевропейского рыцарства – в Прибалтику вливались вооруженные отряды из Франции, из Лотарингии, из Германии, скандинавских стран – орден, таким образом, мог создать любое войско для того, чтобы добиться победы над схизматиками. В 1269 г. после битвы под Раковором (1268), которую новгородцы выиграла, разбив немецкий отряд, немцы подготовились к решающему удару и сконцентрировали значительные силы для удара по Новгороду. И тогда в Новгород явились боевые порядки татарских всадников, и, цитирую, «немцы, замиришася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского». Псков и Новгород были спасены. И действительно, военная техника у татар была гораздо выше европейской. Правда, у них не было

тяжелых лат, но халаты в несколько слоев войлока защищали от стрел лучше железа. Кроме того, дальность полета стрелы у английских лучников, лучших в Европе, была 450 метров, а у монголов до 700 метров, ибо они имели сложный лук, клееный, с роговой основой. Кроме того, у монгольских лучников с детства специально тренировали определенные группы мышц. В общем, Владимирское княжество устояло, несомненно, только благодаря тому союзу, который Александр Невский заключил с золотоордынскими ханами.

Трудно ему было. Большинство современников, как это часто бывает, его не понимали. Умер он не от яда – это вымысел. Он умер в один год со своим союзником Миндовгом, который собирался сбросить немцев в Балтийское море. Миндовг умер, по-видимому, от руки убийцы или от яда убийцы в Литве, а Александр, как известно, умер в Городце, куда немецкие агенты проникнуть не могли, а татарам он был дорог как союзник и друг.

Возникает интересный вопрос: почему Православная Церковь объявила Александра Невского святым? Выиграть две битвы – довольно простое дело, многие князья выигрывали сражения. Александр Невский не был очень добрым человеком – он крепко расправлялся со своими противниками, – так что и это не повод для того, чтобы сделать его святым и почитать до сих пор – именно сейчас отслужили панихиду по Александру Невскому в память Невской битвы. Очевидно, главным послужил имеющий колоссальное значение правильный политический выбор, сделанный Александром. В его лице русские поняли: надо искать не врагов, которых всегда достаточно, а друзей.

В конце XIII в. Золотая Орда на Нижней Волге пережила очень много тяжелых потрясений: восстал темник Ногай; была длительная гражданская война, и в это время Смоленск, к которому монголы и близко не подходили, в 1274 г. прислал послов с просьбой принять под свою руку город. Выражение «под свою руку» не должно обманывать читателя – так в те времена назывался оборонительно-наступательный союз. Дипломатический этикет XIII в. предполагал, что просящий уже тем самым признает приоритет того, у кого он просит.

Но в начале XIV в. случилось потрясение, стоившее Орде существования: царевич Узбек принял ислам, отравил своего предшественника хана Тохту и объявил ислам государственной религией Орды. Все подданные улуса Джучи – то есть Золотой Орды на Волге, Синей Орды в Тюмени, Белой Орды на Иртыше – должны были принять ислам. Но подданные запротестовали, заявив: «Зачем нам вера арабов, когда у нас есть своя вера – яса нашего великого Чингисхана?» Вскипела гражданская война, в которой довольно многочисленное население Поволжья, уже обращенное в ислам, поддержало Узбека. Но по отношению к русским таких притязаний не было. Русских никто не собирался обращать в ислам. Это также показывает, что здесь мы имеем этнический симбиоз и союз двух крупных держав, нуждающихся друг в друге, а не покорение Руси Золотой Ордой. К этому времени в России князья – наследники уже разложившейся и уже гнивающей Древней Руси были постепенно оттеснены от власти митрополитами. Митрополит Петр, который в 1300 г. с Волыни был приглашен в Россию править в стольном городе Владимире, был очень мягкий, добрый и образованный человек. Этим он, естественно, вызвал неудовольствие среди своих подчиненных, которые по старому русскому обычаю начали писать на него доносы великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Тот созвал специальный Собор для того, чтобы на нем выяснить, действительно ли берет взятки митрополит Петр. И произошло нечто необычное. Вообще полагается, что на Соборе право голоса имеют только духовные лица. А на этом Соборе собралась паства. Это, кстати, чисто монгольский обычай – в Орде все верующие обладали равными в этом смысле правами. И паства сказала: «Да мы нашего владыку знаем. Никаких взяток он не берет. И вообще он очень скромно живет. Куда же он девает деньги?» А митрополит Петр действительно жил очень скромно, единственное у него было, говоря

современным языком, хобби – он очень любил рисовать иконы, чем и занимался в свободное время. После всего этого митрополит Петр, очень обиженный, стал ездить в Москву, а не в Тверь. И в Москве его очень хорошо принимали. Постепенно центр духовной жизни сосредоточился в Москве. Наследник Петра, грек Феогност, был очень умным человеком. Однажды он поехал в западные владения, уже захваченные Литвой, с миссионерскими целями. Из этой поездки он чудом вернулся живым. Оказалось, что та часть огромного государства Древней Руси распалась на две части – одну, подчинившуюся добровольно татарам, и другую, захваченную Литвой – Гедимином, Ольгердом, Витовтом и Ягайлой.

Вообще, литовцы нанесли значительно больше обид и оскорблений захваченным подчиненным Черной Руси, Белой Руси, Волыни (а поляки захватили Червленую Русь – Галицию), и везде русские оказывались в очень угнетенном состоянии. А татары, не желавшие принимать ислам, находили убежище на Руси. Главным образом они ездили в город Ростов – это был самый культурный город в Великороссии. Половину его населения составляла меря. В Ростове даже был большой храм Керемету – их богу. А на другой стороне, в центре города, стоял храм Николая Угодника, в который ходила другая половина города – русские христиане. Посередине же был базар. И русские и меря великолепно уживались друг с другом. А через некоторое время меря тихо и спокойно приняла православие. Кстати, фактически русские приняли православие тоже довольно вяло, долго оставаясь двоеверцами: они признавали и христианскую религию, и нечистую силу, которую старались задобрить подарками. Такое двоеверие распространено до сих пор, когда люди считают, что не надо ссориться ни с Богом, ни с дьяволом. С Богом – нехорошо, а дьявол может сделать что-нибудь неприятное. Священники, которых отправляли по деревням, были простые русские люди, и они великолепно понимали – дьявол-то есть! И поэтому они никак не наказывали двоеверов. Осуждали, но не наказывали. Поэтому это двоеверие стало религиозной основой Древней Руси. «Чистое» православие сохранялось только во Владимирской митрополии. В ней властвовал тогда наследник Феогноста митрополит Алексей (Бяконт), хотя чаще всего он жил в Москве. Его крестным отцом был не кто иной, как Иван I Калита. При Иване II, сыне Ивана Калиты, Алексей был фактическим правителем государства.

Здесь случилось событие, углубившее дружбу между Ордой и (теперь уже можно говорить) Москвой. В Орде жила вдова страшного тирана, беспощадного завоевателя и жестокого правителя Узбека. Звали ее Тайдула. Она была первая леди Мусульманского мира. Во всех источниках о ней говорится как о женщине исключительно доброй, приветливой и красивой. Она никогда никому не делала зла, защищала людей от гнева своего мужа, а потом от гнева своего сына Джанибека, который, справедливости ради надо сказать, был в отличие от отца добрым и справедливым человеком. Но после смерти Узбека самым влиятельным человеком в Орде была Тайдула. И вдруг она ослепла. По-видимому, у нее развилась обыкновенная трахома. Так как никакие шаманы помочь ей не могли, она обратилась к митрополиту Алексею. Он предложил ей приехать на границу, которая была около Тулы (кстати, позднейшее название города Тулы – от имени Тайдулы). Завел ее в церковь, освещенную восковыми свечами, долго читал молитвы и водой смазал ей глаза. То есть на самом деле это была не вода, а спирт, который в Москве уже умели делать. Известно, что трахома довольно легко убирается спиртом. И Тайдула прозрела. Этот случай укрепил дружбу между Золотой Ордой и Великим княжеством Московским. Дружба эта была крайне необходима, так как Литва со страшной силой давила на русские земли и подчинила себе уже и Киев – после битвы при Ирпени, и Чернигов, и Курск. Затем Витовт захватил Смоленск, Вязьму и Брянск. То есть литовцы имели гораздо больше силы, чем татары, и приносили Руси гораздо больше бедствий. Любопытно, что эта сторона русской истории историками XIX в.

замалчивается. Интеллигенция западнического направления считала, что говорить о притеснениях нас европейцами как-то нехорошо. И только Михаил Юрьевич Лермонтов две свои лучшие поэмы – «Боярин Орша» и «Литвинка» – посвятил конфликтам русских именно с литовцами, а не с татарами, что соответствовало действительным историческим тенденциям. Летописи свидетельствуют, что набеги литовцев, хотя и пеших, были намного более жестокими, нежели набеги татарских разбойников, которых было много, как во всякой стране в то время, но которых наказывали сами татарские ханы.

И все было бы хорошо для Орды, если бы не крайняя разношерстность ее населения. Правители так же зависят от своих подданных, как подданные от правителя. И когда отдельные татарские багадуры («богатыри») пытались укрепиться или в устье Камы, среди камских булгар, или в лесах Мордовии, они на некоторое время получали самостоятельность. А когда сын «доброего» Джанибека мерзавец Бердибек убил своего отца и захватил власть – в Орде появилась масса самозванцев, которых стали поддерживать отдельные племена: то ногаи, то булгары, то остатки куманов, то мордва – началась «великая замятня» в Орде. Но любопытно, что русские князья, даже во время «замятни», когда ханы менялись чуть ли не каждый год, продолжали возить «выход» в Орду – то есть тот взнос, на который Орда содержала свое войско, помогавшее в войнах с немцами, литовцами и всеми врагами Великого княжества Владимирского. Все это продолжалось довольно долго – до тех пор, пока в Орде совершенно не пала местная династия, местная власть. А потом из Орды выделилась Синяя Орда, которая была самой «дикой», самой отсталой, как у нас говорят, страной. Она сохранила еще древнюю доблесть и древнюю воинственность. Хызр-хан Синеи Орды захватил Золотую Орду, и в этой расправе погибла сама Тайдула, защитница русских. Затем Мамай, который опирался на причерноморские степи и на половцев, не будучи чингисидом, стал сажать царевичей-чингисидов на престол и правил от их имени. Это был выраженный западник. Он договорился с генуэзцами, получал от них деньги. И на них содержал войско отнюдь не татарское, а состоящее из чеченов, черкесов, ясов и других народностей Северного Кавказа. Это было наемное войско. Мамай пытался наладить отношения с московским князем Дмитрием, который был тогда очень мал, и за него правил митрополит Алексей. Но тут вмешался Сергей Радонежский. Он сказал, что этого союза ни в коем случае допускать нельзя, потому что генуэзцы, союзники Мамаея, просили, чтобы им дали концессии на Севере, около Великого Устюга. Они хотели постоянно покупать там меха. Сергей же всегда стоял на той точке зрения, что никаких контактов нам с латинами иметь не надо, так как они народ лукавый, лицемерный, вероломный, и притом отнюдь не друзья Руси, а враги. В результате Московское княжество поссорилось с Мамаем и выступило на стороне законного хана Синеи и Белой Орды Тохтамыша.

И вот тогда произошло событие, которое положило начало созданию новой России, – Куликовская битва. Интересно, что князья – новгородские, тверские, суздальские и прочие – уклонились от участия в походе на Мамаея, а население этих княжеств пришло к Дмитрию как добровольцы. Союзником Мамаея, кроме Генуи, была еще и Литовская Русь, или Великое княжество Литовское. Великий князь Ягайло Ольгердович привел 80 тысяч поляков, литовцев и русских на помощь Мамаю. Правда, он опоздал, и, по-видимому, умышленно, к моменту битвы. Но все равно Мамай был на рубеже победы. Конный удар на русские цепи оказался губительным и для передового полка, которым командовал воевода Мелик, и для пеших ратей. И только применение татарской тактики конного боя, использование засадного полка, вступившего в сражение в критический момент, когда мамаевцы потеряли строй, во главе с Владимиром Андреевичем Храбрым и Боброком Волынцем, переломили ход сражения в пользу русских. Потери в этой резне были колоссальными. Было очень много раненых. Их положили

на телеги и повезли домой. Что же делали наши милые западные соседи? Литовцы и белорусы догоняли телеги и резали раненых.

Простите, но я не понимаю: как можно изучать русскую историю и не видеть, где свои и где чужие? Это или умышленное замалчивание, или полная неспособность к историческому мышлению.

Ведь союзником Дмитрия Московского был хан Тохтамыш. Когда Мамай, ускакавший с Куликова поля, собрал новое войско, то именно Тохтамыш с сибирскими войсками пришел в 1381 г. в причерноморские степи и встретил Мамай, готового к бою. Но татарские воины Мамай, увидев законного хана, сошли с коней и передались Тохтамышу. Они не схватили Мамай, а дали ему убежать, ибо они не были предателями. Мамай ускакал к своим друзьям-генуэзцам в Кафу (Феодосию), но европейским купцам он перестал быть нужен, и они его убили. Так различились понятия о чести и верности у цивилизованных европейцев эпохи Возрождения и у евразийских кочевников Великой степи.

Свою оценку автор не навязывает – читатель волен принять любую точку зрения.

А. П. : Позвольте, Лев Николаевич, но ведь союзник Дмитрия Донского, Тохтамыш, уже в 1382 г. разорил Москву...

Л. Г. : Да, тогда случилась беда, погубившая Тохтамыша, но не Москву. Суздальские князья, потерявшие право на Владимир, были настроены против Москвы. А интриги у них всегда осуществлялись одним способом: писанием доносов. И они донесли Тохтамышу, что Дмитрий хочет предать его и присоединиться к Литве. Тохтамыш был очень славный человек – физически сильный, мужественный, смелый, но, к сожалению, необразованный. Он был не дипломат – дипломаты все погибли во время «великой замятни». И он поверил, ибо в Сибири не лгут: если свои же приходят и говорят про другого плохо – этому верят! Тохтамыш сделал набег на Москву. Собственно говоря, взять Москву он никак не мог. Он переправился через Оку, подошел к Москве, в то время как все князья и бояре разъехались по своим дачам и жили там спокойно. Москва была укреплена каменными стенами. Взять ее было невозможно – у татар не было никаких осадных орудий, они двигались на рысях одной конницей. И тут сказалось отсутствие профессиональных военных и профессиональных правителей. Народные массы в Москве, как всегда у нас на Руси, решили выпить. Они стали громить боярские погреба, доставать оттуда меды, пиво, так что во время осады почти все московское население было пьяным. Москвичи выходили на крепостные стены и крайне оскорбляли татар непристойным поведением – они показывали им свои половые органы. Татар это ужасно возмутило. А когда в Москве все было выпито, москвичи решили, что больше воевать не стоит, пусть татары договорятся обо всем и уйдут. И открыли ворота, даже не поставив стражу перед ними. Первыми прошли послы, за ними все татарское войско, и двадцать тысяч трупов лежало на улицах внезапно протрезвевшего города. Так было на самом деле – все это описано в летописях. Говорят, Тохтамыш сделал очень непристойный поступок. Но сделал его не столько он, сколько суздальские князья Василий Кирдяпа и Семен Дмитриевич. Они своим доносом вызвали резню. За время, пока татары стояли под Москвой, весть об этом прошла по всей стране. Бояре, воеводы, родственники князя собрали свои дружины и двинулись к Москве. Татары быстро спаслись бегством. После этого Тохтамыш «простил» Дмитрия и решил, что он заключил с ними полный мир. И все бы сошло Тохтамышу, если бы на него не напал Тимур. Тимур прошел от Самарканда до Волги, пользуясь весенним временем. Дело в том, что степь летом совершенно сухая и провести по ней лошадей нельзя. Но когда тает снег – вырастает травка. На юге снег тает, естественно, раньше, чем в середине и на севере. Поэтому каждый раз Тимур останавливал свое войско, выкармливал на свежей травке лошадей и делал следующий переход к тому времени, когда впереди вырастет трава. Таким образом он совершил

головокружительный поход, который до него никто не мог совершить. Татары героически сопротивлялись. И потребовали, конечно, помощи от москвичей. Князь Дмитрий Донской уже умер к тому времени, а его сын Василий вроде бы повел московское войско, но защищать татар у него не было ни малейшего желания. Он повел его не спеша вдоль Камы, довел до впадающей в Каму реки Ик и, когда узнал, что татары, прижатые к полноводной Каме, почти все героически погибли, переправил войско назад и вернулся в Москву без потерь. Но на самом деле он потерял очень много, потому что сам он заблудился в степи, попал в литовские владения, был схвачен Витовтом и вынужден был купить свободу женитьбой на Софье Витовтовне, которая впоследствии причинила России много вреда *1.

Решающим событием в истории Золотой Орды и Великого княжества Московского была вторая экспедиция Тимура через Кавказ и сражение на реке Терек. Тохтамыш мобилизовал всех подчиненных ему татар – то есть организовал ополчение по типу чингисовского. Но качество его было далеко не то, что при Чингисхане. Несмотря на то что это были прекрасные наездники, стрелки из лука, им явно не хватало жертвенности. Говоря специальным термином, они не были способны на сверхнапряжение. А у Тимура была регулярная армия, составленная из гулямов – удальцов, которые сражались за деньги, имели военную дисциплину и отменную выучку. Как всегда, армия оказалась сильнее ополчения. Тимур выиграл сражение. И, переправившись через Терек, прошел по Волге, уничтожая все татарские города. Но дальше Тимур не пошел, так как татары восстали у него в тылу, восстали черкесы на Кубани, восстал Дагестан. Тимуру спешно пришлось возвращаться обратно через Дербентский проход, после чего он ушел обратно в свои владения в прекрасный город Самарканд, оставив бывших своих офицеров из числа волжских татар, мурзу Едигея и царевича Темир-Кутлука. В это время Витовт решил развернуть наступление на Восток и захватить всю Россию. Он договорился с Тохтамышем, который сбежал к нему – больше некуда было бежать, – что он восстановит Тохтамышя на престоле Золотой Орды, а татары за это уступят Литве русские земли. Создалась огромная армия из литовских богатырей, польских шляхтичей, немецких рыцарей и, конечно, белорусов, которые тоже были мобилизованы.

Темир-Кутлук при помощи Едигея наголову разгромил лучшую армию Европы в 1399 г.

И в это время случилось событие, которое не следует упускать из виду. Витовт бежал, и сопровождал его некий казак Мамай (потомок того, погибшего, кажется, внук его). Шли они через какието леса, принадлежащие Мамаю, и тот заблудился в них. Три дня они бродили, и тогда Витовт, который был человек очень умный, сказал: «Хватит. Дам тебе княжеский титул, урочище Глину и город Глинск. Выведи!» И Мамай сразу вывел его. Потомком этого казака Мамаю (а следовательно, и самого Мамаю) по женской линии был Иван Грозный. Мать его, Елена Васильевна Глинская, происходила из этого рода. Следовательно, когда Грозный истреблял бояр – потомков победителей на Куликовом поле, – он действовал логично, как потомок Мамаю. Он мстил за унижение своего предка. Конечно, он об этом не знал. Но ведь в этом-то и интерес! Так работает мироощущение на уровне логики событий!

Таким образом, можно сказать, что Орда внезапно возвысилась. Но Темир-Кутлук внезапно умер. В источниках сказано очень невнятно, что он проявил самовольство, то есть стал заботиться о своем народе, а не служить Тимуру. Через некоторое время, уже после смерти Тимура, в Орде ханом стал брат Темир-Кутлука – Шадибек. Витовт решил напасть на Москву. Это случилось в 1406 г. Он дошел до Тулы. Но Шадибек пришел с татарским войском, и Витовт немедленно отступил, наученный недавним опытом. Теперь мы можем спросить: так кто же помог Москве устоять против жестокого нажима с юга, из Мусульманского мира, от Тимура, и с запада, со стороны Витовта и Ягайлы? Кто же нам должен быть ближе: Ягайло, воины которого резали русских раненых после Куликовской битвы, или Шадибек, который в нужное

время явился на помощь? Мне кажется, этот вопрос во всяком случае требует пересмотра. Не следует упускать тех событий, о которых я упоминал. А в обыкновенных учебниках XIX в. либерального направления они опускаются. Для того чтобы о них узнать, надо читать подробные сочинения вроде «Истории» Соловьева, которая никак не интерпретирует, но по крайней мере упоминает эти факты.

И вот теперь мы можем поставить проблему: каким образом маленькое Московское княжество, имея таких представителей, среди которых были не только рачительный хозяин Иван Калита, но и беспринципный Юрий Данилович, бесхарактерный, мягкий Иван Иванович Красный, вполне заурядный как личность Дмитрий Донской, превратилось в ту Великую Русь, в наследии которой мы с вами живем?

А. П. : Действительно, каким образом?

Л. Г. : Кто видел, знает сегодня о таких этносах, как мурома, заволоцкая чудь? А ведь заведомо известно, что никакого истребления этих племен, довольно многочисленных, не было. Они просто смешались с пришлыми суздальскими и тверскими славянами, выучили русский язык и вошли в состав русских. Мы видим, что великороссы, как их было принято называть, или россияне, как их называют сейчас, – этнос, сложившийся из трех компонентов: славяне, угро-финны и татары, смесь тюрок с монголами. Татары-язычники, которые не хотели принимать ислам и бежали на Русь в большом количестве, оседали и в Рязанском княжестве, и в Московском, и, больше всего, в Ростове Великом, где, как я уже говорил, было смешанное население. Они стремились жениться на русских боярышнях. Их татарские красавицы крестились, чтобы выйти замуж за русских бояр. Образовался новый смешанный этнос, который никогда раньше не существовал. Здесь начало этногенеза – переход от инкубационного периода фазы подъема к его явному периоду. В результате получилось очень сильное этническое образование, в котором никогда не было вражды на национальной почве.

Могут сказать: как это так? Мы, потомки славян, всех всегда побеждавшие, являемся наследниками каких-то татар? Но мы стали одерживать победы именно с того момента, как мы смешались. Впрочем, если подумать, выясняется, что все известные нам европейские этносы, да и азиатские тоже, возникли тем же способом. Чьи потомки англичане? Во-первых, мы должны учесть романизованных кельтов, которые были почти все перебиты, но их женщины рожали детей победителям. От англо-саксов и ютов. Те, в свою очередь, были разбиты норманнами, потомки которых поселились в Нортумберленде и до XX в. говорили на норвежском языке; и датчанами, которые поселились на юге, пока их не выгнал Эдуард Исповедник; после этого прибыли нормандцы из Северной Франции и плантагенеты из Анжу и Пуату. Все эти элементы смешались в единое целое, и оказалось, что эта система такая сильная, что трехмиллионное английское королевство побеждало 18-миллионное французское во время Столетней войны. Кончилось это, правда, для них поражением, но больше чем через сто лет побед. Очевидно, смесь – первоначальное во время пассионарного толчка условие, без которого новый этнос возникнуть не может. Но как только этнос возник, сложился и формализовался, вся пассионарная его часть может смешиваться без вреда и даже с пользой для себя, а основная часть, сбросив избыток энергии, начинает кристаллизоваться в каких-либо определенных формах. Это случается в акматической фазе и, самое главное, в фазе надлома. Мы действительно знаем, что северяне, потомки древних савиров, досуществовали до XVII в.; еще в Смутное время они выступали против Москвы и против Василия Шуйского, поддерживая Болотникова, князя Шаховского и других.

Вот вам, кстати, еще один пример исторического мифа: «Смутное время – это крестьянская война». Но основную-то силу армии Болотникова составляли три рязанских пограничных полка, во главе которых стоял полковник Прокопий Ляпунов. И наоборот:

Шуйского поддерживали, то есть Москву защищали, даточные люди – мобилизованные крестьяне. Таким образом, то, что мы пытаемся изобразить как крестьянскую войну, не отвечает этим известным, опубликованным в исторической литературе фактам.

Та же ситуация и с политикой Александра Невского. То, что Александр подчинился Орде, рассматривается как предательство Христианского мира. Ранее об этом писали: польский ученый Уминский, немецкий католический историк Амман, недавно была опубликована новая серия западных работ, в которых осуждается Александр Невский. Когда спрашивают мое отношение к этому, я говорю: «Ну конечно, они осуждают – они же хотели русскими руками воевать против татар, а потом захватить обескровленную Россию безо всяких затрат. Конечно, они считают, что Александр Невский, который сорвал им эту колониальную операцию, поступил нехорошо. Но для России Александр – герой, святой и основатель новой российской целостности, которая существует до сих пор». «Но он подчинился татарам», – говорят они. Повторяю: в то время подчинение соответствовало дипломатической этикету. Точно так же Богдан Хмельницкий подчинился царю Алексею Михайловичу. Но он остался и гетманом Украины с полным самоуправлением, и со всеми привилегиями. Правда, с украинцев стали собирать теперь больше налогов, чем собирали поляки. Зато вместо 20 тысяч казаков было записано в реестр – то есть освобождено от всякой крепостной зависимости – 60 тысяч. Но почему же тогда на Украине гетман Выговский, шляхтич русского происхождения, Юрий Хмельницкий, сын Богдана, Дорошенко – то есть почти вся казачья верхушка – стремились вернуться под власть Польши, а основная масса казаков на Переславской раде заявила: «Волим царя восточного, православного»? Очень просто. В странах Запада не католики не имели гражданских прав и возможностей сделать карьеру. А в России православные были единоверцами, своими. И вот в этом – вторая причина подъема Москвы. У нас сложился институт, связанный не с родовыми привилегиями, а исключительно по принципу личных способностей. Стать патриархом или митрополитом мог любой человек, если оказывался к этому способен. Это прежде всего относится к церковной иерархии Московской митрополии. К XV в. церковная организация превратила Московское княжество из феодального в теократическое. И только в XVI в., после попытки Ивана Грозного истребить все самое ценное, самое умное, самое талантливое, что было в России, за что он заплатил двумя проигранными войнами – Ливонской и Крымской, положение изменилось. Но все стало по-прежнему после изгнания поляков и возвращения Федора Никитовича Романова, в монашестве Филарета, к власти.

Дальнейшее настолько известно, что не хочется повторять. Но следует отметить, что легкость завоевания Сибири была связана с тем, что в отличие от англосаксов, французов и немцев русские в сибиряках видели людей, равных себе, и, если те подчиняются, – автоматически становятся равноправными членами сообщества, то есть государства. Татары, сибиряки получали право, так же как украинцы, занимать любые должности, вплоть до самых высших. Безбородко, который не знал русского языка, а говорил или по-латыни, или по-французски, или по-украински, был канцлером – то есть правителем империи! Алексей Разумовский был венчанным мужем царицы Елизаветы. Но брак их был морганатическим – их дети не имели права на престол. Кирилл Разумовский был гетманом всея Украины. Грузия просила принять ее в состав Российской империи – то есть желала подчиниться России. Долгое время первые Романовы – Михаил, Алексей, даже Петр – не хотели принимать Грузию, брать на себя такую обузу. Только сумасшедший Павел дал себя уговорить Георгию XIII и включил Грузию в состав Российской империи. Результат был таков: в 1800 г. насчитывалось 800 тысяч грузин, в 1900-м их было 4 миллиона. Дело в том, что кавказские горцы, турки и персы постоянно совершали набеги на Грузию, уводили молодежь, юношей кастрировали и

употребляли для разной канцелярской работы, а девушек уводили в гаремы. И когда русские войска защитили Грузию от горцев, она много выиграла от этого. Точно так же армян русские спасли от персидского гнета и турецкого ига. Так же казахи обратились в правительство Анны Иоанновны с тем, чтобы она приняла их Малую Орду – наиболее активную и воинственную – в состав России. Их просьба была удовлетворена. Единственно, в чем их ограничили, – запретили воровать коней у русских. Их за это сажали и ссылали в Якутию, где они начинали так же грабить якутов (об этом очень хорошо написал Короленко). Откуда взялись буряты? Когда Монголия в XVII в. оказалась в безвыходном положении – с запада ее терзали калмыки, с юга китайцы, они решили, что держаться дальше как самостоятельное государство они не могут. Часть их высказалась за то, чтобы признать власть Желтого хана, то есть Маньчжурского императора и императора всего Китая, а другая часть решила выступить за Белого хана, за русского царя. Они перекочевали через горы, были приняты, и им были даны права казаков – то есть право не платить налогов, а охранять границу. Это их вполне устроило.

В Сибири воевода имел все права над жизнью и смертью своих подчиненных. Любого пойманного разбойника он мог повесить на первой попавшейся березе. Но инородцы, внесенные в ясачные списки, могли быть казнены только с разрешения Москвы. А Москва разрешения на казнь инородцев не давала. И даже когда один отчаянный бурят обратился в буддизм и решил поднять бурят на борьбу с русскими, его поймали, но Москва не дала разрешения на казнь. Так он и остался безнаказанным. Такое отношение к инородцам, безусловно, укрепило силы России. Я уже не говорю о сибирских мехах, которые ценились тогда как валюта: сибиряки приносили по одному соболу в год – это называлось ясак. Но когда пришлось воевать с Польшей, то казаки, большая часть которых были потомками крещеных половцев, помогли эту войну не проиграть. Когда одержавший много побед Карл XII дошел до Полтавы, он вынужден был принять бой, потому что данные его разведки сообщили ему, что хан Аюка с калмыцкой армией идет сражаться против него. Он принял бой, который проиграл, для того чтобы не иметь дела с калмыками. Но когда война затянулась, правительство стало посылать калмыцких, башкирских и татарских всадников через лед Ботнического залива – это была легкая конница. Легкая в буквальном смысле слова – всадники были одеты в шубы, на небольших конях. Обычная тяжелая кавалерия провалилась бы под лед. Несколько таких походов в большой степени приблизили мир со Швецией, по которому России отходила вся Прибалтика и город Выборг. Удивительно, что сейчас литовцы, эстонцы и латыши, которые хотят восстановить прошлое, не понимают, что если прошлое восстанавливать, то мы должны передать Прибалтику шведам, подлинным хозяевам этих земель. А с прибалтами мы даже не воевали – о чем же может идти речь?!

Для того чтобы разобраться, нужно брать историю на широком фоне. Легче, стреляя из винтовки, попасть в дом, чем в пятак, который приколот на стене дома. Только тогда можно получить верные результаты, когда мы имеем достаточно обильный и широкий материал. Эта методика, которая одно время применялась в Западной Европе, уступила в наше время место узкой специализации. А узкая специализация не дает возможности сделать верный и убедительный вывод – так как нет сопоставления на широком фоне и мы не можем знать, случайно ли это совпадение или закономерно. В книге «Этногенез и биосфера Земли» я показал, что этногенез есть закономерность природы, а не случайностей социального развития. Но для того, чтобы открыть эту природную закономерность, мы должны изучать фактическую историю как науку о событиях в их связи и последовательности.

А. П. : Лев Николаевич, эту вашу книгу простому смертному достать совершенно невозможно. Поэтому ответьте на такой, я убежден, интересующий многих вопрос. Сейчас очень многие, и весьма громко, говорят о близком конце русских. Что по этому поводу говорит

нам теория этногенеза?

Л. Г. : Теория этногенеза говорит нам, что каждый этнос, самостоятельно развивающийся, не получивший ударов извне, проходит ряд определенных фаз. Сначала подъем пассионарности (об этом периоде развития русского этноса я рассказывал только что), он у нас длился вплоть до XVI в. В XVI в. наступил пассионарный перегрев. Это дало страшные последствия: опричнину, Смутное время, Раскол, восстание Разина, которое было отнюдь не крестьянским восстанием, а восстанием пограничных метисированных разбойников, стрелецкие мятежи; после всего этого пассионарность несколько спала, дошла до нормы: XVIII в. – оптимальное в смысле пассионарности время. Конечно, ничего особенно хорошего в XVIII в. не было: безграмотные помещики, которые гоняли зайцев и лисиц, или недоросли, которые ездили в Париж и возвращались оттуда надутыми щеголями и довольно бестолковыми любителями всего западного. Но пассионарность, которая является обязательным условием для творчества, дала нам возможность победить даже Наполеона, армия которого превосходила русскую в три раза. «И вся Европа там была, и чья звезда ее вела!» – писал Пушкин. Война эта принесла жестокий урон уровню пассионарности нашего этноса. Лучшая часть русских людей служила в то время в армии офицерами или солдатами. И после битвы при Лейпциге, после взятия Парижа в 1814 г., Россия имела уже значительно ослабленную армию – герои погибли. После этого начались уже болезненные явления: с одной стороны, развитие сектантства в народе, с другой стороны, в верхних слоях общества развитие западных направлений, масонства, в науке было немецкое засилье, потому что уже правительство Екатерины – это было западное правительство, и Ломоносову пришлось уйти. Постепенно, но неуклонно количество пассионариев сокращалось. Лучше всего об этом написано в «Горе от ума»: Софья предпочитает пассионарному Чацкому, умнице, волевому, живому человеку, Молчалина, который будет спокойно служить и обеспечивать ее семью. Сменился идеал. Под идеалом я понимаю далекий прогноз. Они стали считать, что самое лучшее – обывательское существование: дойти до чеховских героев. Естественно, Россия ослабела, да еще очень много потеряла во время немецкой войны. Поэтому оказалось, что западные влияния, то, что А. Тойнби называл оксидентализацией (от английского *occidentally* – «на западный манер»), очень развились, что сыграло в нашей судьбе самую роковую роль.

А. П. : И все-таки, Лев Николаевич, если я в общих чертах правильно понимаю вашу теорию, из нее следует: все сегодняшние беды нашей страны – лишь кратковременный эпизод, после которого нас ждет пора «золотой осени» – спокойного и долгого «умирания» в течение нескольких столетий.

Л. Г. : Сегодняшние беды – неизбежный эпизод. Мы находимся в конце фазы надлома (если хотите – в климаксе), а это возрастная болезнь. Есть ли у нас шанс ее пережить? Да, есть. И то, что в связи с перестройкой происходит полное изменение императивов поведения, – это может пойти на пользу делу и помочь нам выйти из кризиса. Но сама перестройка – лишь шанс на спасение. Мы должны прежде всего осознать традиционные границы – временные и пространственные – нашей этнической общности, четко понять, где свои, а где чужие. В противном случае мы не можем надеяться сохранить ту этносоциальную целостность, которую создавали наши предки при великих князьях и царях московских, при петербургских императорах. Если мы сумеем эту целостность сохранить, сумеем восстановить традицию терпимых, уважительных отношений к формам жизни близких нам народов – все эти народы останутся в пределах этой целостности и будут жить хорошо и спокойно.

Однако не исключена возможность, что при распаде, внешнем вторжении – военном или экономическом, когда у нас разрушится стиль нашей жизни, стереотипы поведения, изменится наша суперэтническая ориентация, – нас постигнет судьба Арабского халифата. Там широкие

межэтнические контакты происходили на суперэтническом уровне во всех областях жизни: в войске, на базаре и в гареме, даже в мечетях – сунниты, шииты, хариджиты, а вокруг них христиане, огнепоклонники, евреи, язычники всех оттенков и дуалисты-сарматы. Переизбыток этнической пестроты столь же опасен, как ее отсутствие: оптимальна мера внутри суперэтноса в границах ландшафтного региона, в нашем случае совпадающая с границами нашего государства.

Хочется думать, что судьба Арабского халифата минует наше Отечество. Однако возможно это лишь в том случае, если мы не будем поддаваться уже испытанным соблазнам и благодушествовать как в разговорах о нашем национальном величии, так и в самобичевании по поводу нашей «отсталости» от Европы.

Что такое «отсталость»? Ведь это же просто разница возраста. И действительно, толчок, приведший к рождению западноевропейского («христианского») мира, произошел в VIII в. н. э. Благодаря этой «отсталости», благодаря избыточным силам этнической молодости западноевропейцы и победили в конечном счете восточное православие в 1204 г., когда варварски ограбили Константинополь. Поскольку наш, «русский» пассионарный толчок имел место в XIII в., то по отношению к Европе мы действительно моложе на целых 500 лет, и это вещь вполне объективная. Как всякая естественная данность, наша молодость, конечно, не может и не должна быть поводом для мазохизма, ибо сознательное стремление к своей старости (а значит, и смерти) – нонсенс.

А. Г. Кузьмин. Пропеллер пассионарности 1, или Теория приватизации истории

В сентябре 1990 года в Самаре проходила конференция на тему «Русская нация и современные межнациональные отношения». Как и обычно, о русской нации почти не говорилось (национальными отношениями у нас традиционно занимались представители малых народов), зато достаточно широко были представлены требования и пожелания многих других народов, прежде всего поволжских. Например, несколькими культурно-национальными обществами были представлены татары.

* * *

Национальное самосознание всегда строилось на тех или иных исторических фактах, воспоминаниях и апеллировало к ним. В данном случае с кафедры и в кулуарах довольно возбужденно говорилось о необходимости «запрещения» упоминания о татаро-монгольском нашествии и ордынском иге, поскольку-де знаменитый и выдающийся историк современности Л. Н. Гумилев «убедительно» доказал, что ни того, ни другого вообще не было. Получалось, что народ на протяжении ряда столетий несправедливо обижали и теперь эта несправедливость прорывается вполне оправданной русофобией.

Забегая вперед, скажем, что точка отсчета выступавшими взята ложная: татары поволжские – потомки не татаро-монголов XIII века, а волжских булгар, подвергшихся в XIII веке такому же страшному разорению, как Русь, половцы, аланы и многие другие народы. Для самих монголов нашествие в итоге оказалось также бедствием, в результате чего их численность сейчас меньшая, чем семь веков назад. Главное же – надо ли переписывать учебники? Об этом и поговорим.

Концепция Л. Н. Гумилева в основном была сформулирована еще более двух десятилетий

назад и тогда же была отвергнута серьезной наукой как экстравагантная, умозрительная, не опирающаяся на факты. Роман В. Чивилихина «Память» достаточно широко распространил эти выводы науки, кстати, глубоко проработанные и самим писателем, поставившим и вопрос о политической тенденции гумилевской конструкции. Но ныне все возвращается на круги своя, хотя никаких новых данных не появилось. Что же происходит?

Историки, наверное, дадут иное определение эпохе, названной бессодержательным термином «перестройка». Разрушение идеалов, разрушение общества, государства, самого человека неизбежно порождает так или иначе болезненные и ущербные концепции и представления-заменители. Наука сейчас не может быть авторитетной: экономисты, многократно перестроившиеся, привели к разрухе экономику, историки (часто одни и те же) готовы заново переписать историю, превратив черное в белое, а белое в черное (пока преваляют два этих цвета). Озлобленный пустыми прилавками и астрономическими ценами, обыватель бездумно заглатывает подбрасываемую ему наживку, собственными руками добывая то, что еще позволяло сохранять какую-то устойчивость. Не только некомпетентные правители, но и само общество взялось с остервенением рубить сук, на котором сидит. Сейчас мало кто способен слышать и слушать. Мало кого интересует истина. Нарастание беззакония (деликатно именуемое «войной законов») – лишь одно из проявлений бегства от истины с ее обязательным требованием дисциплины и самодисциплины. Но мало кто и способен признаться, что истина его не интересует. Поэтому напоминать существенные факты, без которых невозможно реально оценивать действительность, необходимо, даже если пока большинство их не воспринимает.

* * *

За последние годы Л. Н. Гумилев, наверное, самый печатаемый историк в нашей стране, едва ли не превзошедший даже Роя Медведева: книги, статьи, многочисленные интервью в газетах и журналах. Выступления его варьировались, иногда даже весьма существенно. Но основная направленность сохранялась. Это – общая приближенность к «школе евразийцев», оригинальная концепция этногенеза, взгляд на Лес со стороны Степи, отрицание факта татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига и стремление доказать плодотворный, даже спасительный характер монгольского господства для самой Руси. В № 1 «Нашего современника» за 1991 год все это представлено в достаточно концентрированном виде. Не следует забывать, что именно в «Нашем современнике» публиковалась в свое время «Память» В. Чивилихина и было еще несколько публикаций подобного же направления.

«Наш современник» опубликовал интервью с Л. Гумилевым, как бы открывая объявленную рубрику «Летопись России: история в лицах». Л. Гумилев назван здесь «наиболее ярким, интересным историком нашего времени», представителем «единственной серьезной исторической школы в России». Таковую признается «евразийство», и интервью называется: «Меня называют евразийцем...». Сам Л. Гумилев от такой аттестации не отказывается. Но он пошел дальше: евразийцы, по его словам, не знали «главного в теории этногенеза – понятия пассионарности».

Разговор о «мощной исторической школе» евразийцев – явный перебор. Среди евразийцев почти не было профессиональных историков, а поздний Г. В. Вернадский во многом отказался от ранних «евразийских» увлечений. Н. С. Трубецкой – не историк, а лингвист. Большинство «евразийцев» были попросту дилетантами в истории, и «школа» эта интересна не как научное, а как культурно-психологическое явление (реакция части русской эмиграции на не слишком радушный прием со стороны Европы). И в данном случае важны не столько «научные» истоки концепции Л. Гумилева, сколько понимание той среды, в которой эта концепция

культивируется. Поэтому напомним лишь в самых общих чертах воззрения «евразийцев».

Исходный тезис «евразийцев» – несовместимость Запада и Востока, причем важнейшим звеном Востока принимается Монгольская империя, которая возвышается над всеми, в том числе и над Русью. В вопросе о роли татаро-монгольского нашествия и золотоордынского ига «евразийцы» опирались на украинскую националистическую историографию (в частности, М. С. Грушевского), имевшую преимущественно антирусскую направленность. Украинские историки спорили, прежде всего, с концепцией М. П. Погодина, который полагал, что в домонгольской Руси Киев, Новгород, Владимир имели одно и то же древнерусское население, с одним и тем же языком, которое было сметено нашествием. Позднее же в Поднепровье пришло иное население из Прикарпатья. По существу этот вопрос здесь разбирать не будем. Но отрицание значения нашествия украинскими националистическими историками строилось на желании доказать, что Поднепровье издревле было родиной не древнерусской, а украинской народности.

Другим источником «евразийства» являлась русская философская мысль XIX столетия, в рамках которой выделялось византийское православие, причем не в национальных, а наднациональных ее вариантах (вроде исихазма 2). Психологический дискомфорт, испытываемый эмигрантами в Европе, побуждал искать объяснение в существовании наднационального социально-психологического типа на Востоке, куда на вторых ролях включалось и славянство.

Следует отметить, что различия в психологии коренных западноевропейцев и выходцев из России – факт бесспорный и достаточно очевидный. Вопрос лишь в его объяснении, и оно не так уж сложно. Суть в характере общезжития. У большинства западноевропейских народов община изначально была кровно-родственной, и исчезла она уже в раннем феодализме. Для славян же характерна территориальная община, сохранявшаяся вплоть до XX столетия и с огромной силой воздействующая на национальный характер. Именно территориальная община сделала возможным и даже обязательным такой феномен: дойдя до Тихого океана, славяне не уничтожили ни одного народа, а ассимиляция многих племен проходила совершенно естественно и довольно быстро. Но Монгольская империя здесь совершенно ни при чем.

Истоки концепции этногенеза Л. Гумилева лежат в построениях русских философов прошлого столетия, прежде всего Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева. Данилевский выдвинул саму идею саморазвития народов от рождения до смерти. Леонтьев указал и срок этого естественно-биологического процесса: 1000–12 000 лет. О. Шпенглер и А. Тойнби, почитаемые евразийцами, во многом следовали идеям названных русских философов. Л. Гумилев воспринял также некоторые идеи Вернадского и А. Л. Чижевского, абсолютизируя факт зависимости человеческого организма от воздействий космической среды.

Сам он, как видно из процитированного выше, считает своим открытием введение понятия «пассионарности». В разных публикациях он определяет его неодинаково. Но основной смысл – неосознанное и непреодолимое стремление действовать (неважно, разрушать или строить), которое овладевает отдельными лицами и целыми народами и не подлежит каким-то нравственным оценкам. В целом этногенез, по Л. Гумилеву, чисто природный, а не социальный процесс.

Однажды во время беседы в «открытом эфире» от радиослушателя последовал довольно неожиданный вопрос об отношении к оккультизму, оккультным наукам. Этот вопрос показался странным применительно к гумилевской концепции истории, но он как раз и проясняет причины успеха ее у интеллигенции, особенно технической: концепция воспринимается как вариант довольно модных ныне оккультных наук. А это значит, что проверять ее «на зуб» не обязательно: надо просто верить. И верят, хотя автору концепции не удалось найти ни одного

бесспорного примера, ее подтверждающего, хотя он едва ли не в каждой новой публикации приводит новые версии, швыряясь вроде бы фактами из истории разных стран и континентов. В свое время под пером автора появилась идея о зарождении славянства во II веке нашей эры. Дата эта потребовалась для того, чтобы «похоронить» славян в XIV веке и дать начало новому этносу русских. Антиисторичность концепции очевидна и для непосвященных: возрождение XIV–XV веков шло не за счет отрицания предшествующей истории, а как раз наоборот, за счет подчеркивания ее преемственности, по крайней мере с IX века. В основе летописания Северо-Восточной Руси непременно лежала «Повесть временных лет», повествующая о происхождении славян и Руси. Что касается времени зарождения славян, то отвечать надо на вопрос, где и когда зародился славянский язык и возникли те специфические формы общезития, которые многие столетия сохранялись у разделенных и отдаленных друг от друга славянских пародов. Специалисты спорят. Называют II или I тысячелетие до нашей эры, указывают возможные археологические культуры. Ко II веку нельзя отнести ни одной новой культуры, которую можно было бы связать с славянами. Об этом говорили и писали.

В последней публикации Л. Гумилев вновь настаивает на удобной для него дате: ссылаясь на М. И. Артамонова:

«Именно к этому времени (I–II вв.), как доказал еще мой покойный учитель, профессор Артамонов, появились первые археологические памятники, которые можно отнести к славянам». Автор правильно делает, что не уточняет, какие именно памятники. Потому что еще в 1940 году (М. И. Артамонов был тогда директором Института истории материальной культуры и задавал направления исследований и в этом направлении тоже, будучи специалистом по Степи, Хазарии) профессор сделал доклад, надолго определявший пути поиска истоков славянства. Он говорил, в частности: «Уже один тот факт, что праславянские племена, находясь длительное время под властью германцев и гуннов, не огерманились и не огунилились, достаточно убедительно свидетельствует о том, что их этнические особенности сложились задолго до этих завоеваний. Сейчас еще невозможно ответить с полной убедительностью, когда именно, но ясно, что очень давно, в рамках археологической периодизации не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, даже еще в конце неолита» («Краткие сообщения... ИИМК». VI, М.–Л., 1940, с. 7).

Соображение в чисто историко-логическом плане совершенно бесспорное.

Во всех выступлениях Л. Гумилева можно прочесть самую резкую оценку «невежественных интеллигентов, не выучившихся ни истории, ни географии» (это о профессиональных историках). «В науке, – поясняет он, – считается правильным только „эмпирическое“ обобщение, то есть непротиворечивая версия, опирающаяся на все известные факты». Что же, можно согласиться. Историк, не владеющий фактами, конечно, не историк. Ссылка на Артамонова, как можно видеть, оказывается неверной. Хотя М. И. Артамонов в последние годы жизни и воевал со «славянофилами» в археологии (доказывая германскую принадлежность черняховской (бывшей на территории Украины) культуры II–IV веков), все же вывода, сделанного Л. Гумилевым, из его построений не следует. Более того, Артамонов решительно отверг и предложенную Л. Гумилевым концепцию этногенеза, в особенности как раз идею «пассионарности», не без оснований увидев в ней попытку оправдания неравенства и притязаний на преимущества отдельных народов. Но сейчас речь о другом: именно о фактической точности отсылок. По Гумилеву, «взрыв пассионарности, который вызвал к жизни Древнюю Русь, произошел в I веке нашей эры от Южной Швеции (движение готов) к устью Вислы и к Карпатам, где жили тогда предки славян; затем он прошел через территорию современной Румынии – Дакии: даки были сожжены этой пассионарностью, потому что

бросились воевать с могучей Римской империей, в результате этой войны они, по существу, были все истреблены. Далее этот взрыв прошел через Малую Азию и Палестину, где возникло православное церковное христианство, позднее оформившееся в Византийскую империю. Далее этот толчок прослеживается в Абиссинии».

* * *

Прежде всего – фактические уточнения. Вопрос о том, были или не были готы в Скандинавии, остается спорным. Оксывская культура Нижнего Повисленья на рубеже нашей эры теснее связана с западными областями, нежели со Скандинавией или островом Готландом. Но для данной темы это несущественно. Важнее другое. Со II века до н. э. начинается движение части населения с побережья Северного моря на юг и юго-восток, и связано это было отчасти с резким опусканием суши у морского побережья. Некоторые из этих племен достигают ко II веку и причерноморских степей, где на базе местных и пришлых племен складывается черняховская культура. Готы из Повисленья продвигаются сюда в начале III века и усваивают местную культуру. Ни в Малую Азию, ни тем более в Палестину готы и в III веке не проникают. Всю вторую половину III столетия в Дакии и Подунавье идут кровопролитные бои между варварами (в основном германцами) и римским войском, закончившиеся поражением варваров. Огромное количество их было истреблено, погибло от голода и чумы, обращено в рабство. В опустошенных районах Подунавья появляются и готыколонны – посаженные на землю рабы. Отдельные племена и роды варваров ищут возможности перейти на службу к Империи и получают за службу места для поселений вдоль ее границ.

Рассказывать историю готов и других «скифских» племен в данном случае не имеет смысла. Ясно, что ничего она для концепции Л. Гумилева не дает. И дело не только в ошибке на два столетия, не позволившей готам породить христианство в Палестине и Малой Азии. Неясно, как вообще могли готы породить славян, а заодно и христиан. Ведь, как это неоднократно разъяснял Л. Гумилев, «пассионарность» передается половым путем. Предположим, что готы встретили на пути какие-то племена, оплодотворили их. А откуда славянская речь «у зарядившихся» пассионарностью? А ведь, по Л. Гумилеву, «этот-то славянский (а вернее, славяно-готский) этногенез и породил позднее древнюю Киевскую Русь». Говорить же о христианстве тем более не приходится; готы принимают христианство лишь в IV веке.

Так обстоит дело со славянским этногенезом. «К XIV–XV векам славянского единства уже не существовало», – пишет Л. Гумилев. Так ведь его не существовало и за тысячу лет до этого. Мы вообще не знаем такого периода, когда славяне составляли бы единую – не государственность, а культурную общность, ту общность, в рамках которой мог возникнуть единый язык, единые верования и формы общежития. Первые упоминания дают нам разрозненные и разбросанные на обширных территориях славянские племена. Удивляет как раз то, что, будучи разрозненными, они до сих пор сохраняют столько общего, и не только в языке.

В многочисленных публикациях Л. Гумилева обычно говорится о «взрыве пассионарности» в XII веке у монголов и «излете», угасании ее в это время у славян, что проявилось, в частности, в феодальной раздробленности. Правда, такая же раздробленность была и у французов, и у немцев, у которых «пассионарный взрыв» произошел, по Л. Гумилеву, незадолго до этого в IX веке. Но там это «излетом» не оказалось. По логике концепции, монголы, как ранее готы, должны были привнести свою пассионарность обессиленным славянам. Но автор отрицает факт нашествия и самого ига, а потому приходится изыскивать внутренние ресурсы.

«Новая русская этническая целостность, – говорит автор в очередной публикации, – результат толчка XIII века, который прошел несколько восточнее предыдущего толчка I века. Он прослеживается от Финляндии через Белоруссию (между Вильно и Москвой), через Малую Азию, которая тогда уже была в руках турок (толчок породил там могучую Османскую империю) и до Абиссинии». «Точнее определить дату толчка и его географию, – скромничает автор, – мы не можем, но мы можем назвать первых пассионариев, которые создали две великие державы – Литву и Россию: Александра Невского в России и князя Миндовга в Литве».

«Точнее» определить даты и можно, и нужно. Так, туркисельджуки большей частью Малой Азии овладели уже в XI столетии, едва не взяв и сам Константинополь. «Османская империя» же создается в XIV–XV веках (родоначальник династии Осман I правил в первой четверти XIV века). Неясно, какие события в связи с «толчком» произошли в Финляндии. От Белоруссии «толчок», видимо, надо сдвинуть на восток: Александр Невский родился в 1220 году (по Татищеву), очевидно, в Переславле Залесском, где княжил его отец Ярослав. Самая же большая загадка – откуда спустился «толчок» и почему он снизошел всего-навсего на две личности.

* * *

Междоусобицы на Руси к XIII веку свидетельствовали об утрате пассионарности. В Литве же XIII век – период «смут, беспорядков, распрей, все более кровопролитных и жестоких – начало пассионарного подъема. Силы вновь возникших и обновленных этносов уходили на междоусобные войны». В конце концов судьбы двух княжеств оказались разными. «Дело в том, что в XIII веке из Монголии пришли войска Батыя».

О нашествии Батыя говорят все летописи: и владими́ро-суздальские, и новгородские, и южные. Картину разорения они рисуют страшную. Археологические материалы полностью подтверждают достоверность описаний летописей. О том же говорят и иные источники, как восточные, так и западные. И весь этот огромный фонд источников Л. Гумилев попросту игнорирует. И как же быть с требованием (обязательным для ученого) «опираться на все известные факты»? А речь идет ведь о трагической судьбе целого народа, многих народов. Это даже не лженаука... Но об этом позже.

Чем же заменяет реальные источники Л. Гумилев, выстраивая свою оригинальную концепцию «симбиоза» Руси и Орды? Почти исключительно домыслами. Отвергая данные всех источников о численности монгольского войска, он выстраивает «потолочный» ряд: всех монголов было 700 тысяч, их войско 130 тысяч, и им предстояло завоевать 90 миллионов китайцев, 20 миллионов иранцев, а также Восточную Европу. И вывод:

«Поход в 1237–1240 годах – не более чем просто большой набег, причем целью этого набеге было не завоевание России, а война с половцами, с которыми у монголов уже была кровная месть». «Монголы применили известный тактический прием далекого обхода – и совершили кавалерийский рейд через Рязанские, Владимирские княжества, затем взяли Козельск, страшно истребив его население, затем перешли к Киеву, который, собственно, и защищать-то никто не стал: князь бежал, а воевода не смог собрать войско, потому что после трехкратного разгрома соседними русскими княжествами Киев превратился в руины. Затем монголы ушли на Запад».

Вот так: кавалерийский рейд, затянувшийся почти на четыре года (то есть на период, равный Первой мировой или Великой Отечественной войнам). Не удивительно, что за четыре года монголы забыли о половцах и «ушли на Запад».

Пересказывать заново общеизвестные (хотя бы по учебникам) факты не имеет смысла. Тем, кто их забыл, можно вновь порекомендовать роман В. Чивилихина «Память», где рассказ о татаро-монгольском нашествии дан на самом хорошем профессиональном уровне. Напомним лишь самые важные факты, от которых надо идти и которые надо объяснять.

До нашествия Русь была одним из самых развитых в экономическом и культурном отношении государств Европы. Археологи насчитывают на ее территории до полутора тысяч городов. Более тысячи из них мы не знаем даже по именам, поскольку после нашествия они не восстанавливались. Средневековый город обычно сравнительно небольшое укрепленное поселение. Но на Руси были и города с населением в несколько десятков тысяч (в Европе таких городов практически не было за самым редким исключением). Киев, Новгород, Владимир имели население порядка 50 тысяч (в отношении Киева П. П. Толочко произвел подсчет почти подворный, с допуском в сторону преуменьшения, а никак не преувеличения). В конце XVII века городов будет в пять раз меньше и размеры их в большинстве случаев тоже меньшими, нежели за пять веков до этого. В конце XVII века население России составляло 11 миллионов человек. Очевидно, в начале XIII века оно было более многочисленным. Только на Киевщине, по подсчетам П. П. Толочко, проживало примерно полтора миллиона человек. Такое количество населения здесь восстановится лишь в XIX веке.

Это и есть основные факты, от которых надо идти, осмысливая происшедшее. Остальное – детали, в ряду которых находится и действие самого механизма разрушения. Л. Гумилев заметил уничтожение лишь одного города: Козельска (где, кстати, татары потеряли 4 тысячи человек). Другие (больше тысячи) не попали в его поле зрения. Козельск же, по Гумилеву, просто нельзя было не уничтожить: благородные татары таким образом воспитывали вероломных русских.

* * *

Тема противопоставления благородных монголов русским дикарям вообще одна из основных, пронизывающих все бесчисленные публикации и выступления Л. Гумилева. Пока же напомним, в чем заключается, по Гумилеву, та особая нравственность, побуждавшая монголов завоевывать и уничтожать безнравственные народы.

Монгольская держава возникла в результате длительных междоусобных войн, в ходе которых разные роды стремились уничтожить или подчинить соседей. В итоге сложилась иерархия родов с жесточайшей дисциплиной и борьбой за место в иерархии, главным образом, путем заговоров, частичных переворотов и убийств. Борьба с самого начала велась за пастбища, стада, иное имущество, и, естественно, обратилась на немонгольских соседей, которым в лучшем случае предназначалась роль низшего звена иерархии. Монгольские сказания передают своеобразный жизненный идеал Чингисхана: «Наслаждение и блаженство человека состоит в том, чтобы покорить мятежников и победить врага, взять то, что он имеет, заставить вопить слугителей его, заставить течь слезы по щекам их, сидеть на их приятно идущих жирных конях, целовать румяные ланиты и алые уста их жен». Коварство служило важным оружием во внутренних смутах и тем более в войнах с другими народами. Ни одна мировая империя древности не имела такой «разведки» (те самые «послы», о которых постоянно печется Л. Гумилев). Подкуп, опора на изменников и перебежчиков – также оружие, созданное во внутренних войнах и постоянно оттачиваемое в завоевательных походах. Почти

стомиллионный Китай был завоеван с помощью продажных чиновников – каковых немало в любой деспотической системе. Многолюдные и хорошо укрепленные среднеазиатские города были взяты с помощью китайской осадной техники, многими тысячами использованной при осаде городов вместе с китайским обслуживающим персоналом.

Сообщения о монгольских походах самых разных источников единообразны. Арабский историк, современник Чингисхана Ибн-ал-Асир (ум. 1233), говорит о нашествии, как несчастью для всех народов, равного которому история не знала: «Летописи не содержат ничего сходного и подходящего. Из событий, которые они описывают, самое ужасное то, что сделал Навуходоносор с Израильянами по части избиения их и разрушения Иерусалима. Но что такое Иерусалим в сравнении с теми странами, которые опустошили эти проклятые, где каждый город вдвое больше Иерусалима? И что такое Израильяне в сравнении с теми, которых они перебили! Ведь в каждом городе жителей, которых они избили, было больше чем всех Израильян... Ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародышей» (Тизенгаузен В. В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 1. СПб., 1884, с. 2). Еще один современник, армянский историк Киракос Гандзакечи (1201–1272), предполагая, что многие будут рассказывать о трагических событиях, заверяет, что «все их повествования будут ниже действительности. Бедствия, которые постигли все страны, превосходят все, что история может рассказать».

Все шло по одному сценарию: городу предлагают сдаться, признав власть монголов. А как они поведут себя дальше – зависело от их намерений: оставят ли они город для систематической эксплуатации или предпочтут разграбить. И в Средней Азии, и на Руси результат, как правило, был один и тот же: город разрушали и грабили, жителей «до сущих млеко» избивали, угоняя в рабство ремесленников и молодых женщин и используя молодежь мужского пола на осадных работах при взятии следующих городов.

* * *

Отрицая факт нашествия и страшного опустошения Руси, Л. Гумилев, естественно, должен отрицать и факт многолетнего золотоордынского ига. Оказывается, что дальнейшее произошло по инициативе Александра Невского, который «договорившись сначала с Батыем, потом подружившись с его сыном Сартаком, а затем и со следующим ханом – убийцей Батыя и Сартака – мусульманином Берке, добился выгодного союза с Золотой Ордой». Самого беднягу Батыя, у которого и воинов-то было всего 4 тысячи (столько, сколько Батый потерял только под Козельском), спас Александр Невский, послав своему другу «свои дополнительные войска, состоящие из русских и аланов». А вскоре, когда немцы намеревались нанести решительный удар по Новгороду, «в Новгород явились боевые порядки татарских всадников», в результате чего (цитируется летопись) «немцы замиришася по всей воле новгородской, зело бояхуся и имени татарского». «Дружба» русского князя и с жертвами, и с убийцей либо не делает ему чести, либо не предполагает для него выбора. О какой «гражданской войне» говорит в данном случае Л. Гумилев – не ясно, тем более что скрытые и открытые усобицы, вроде упоминаемой автором (Берке – брат Батыя), шли постоянно. А вот «дополнительные войска» из аланов у Александра Невского, видимо, из того же источника, что и татарская конница на льду Чудского озера, о которой автор писал в одной из публикаций.

Нет никакого сомнения в том, что «дополнительные войска» татары требовали от русских князей постоянно, и есть основания считать, что таковые использовались уже в походах на запад в 1240–1241 годах, да и ранее. Русские князья, конечно, всегда стремились воспользоваться трениями в стане завоевателей. Но больше это удавалось татаро-монголам.

Политика на разделение и противопоставление князей и епископских кафедр проводилась изначально и последовательно (этому посвящена добротная книга А. Н. Насонова «Монголы и Русь», вышедшая в 1940 году). И она была более эффективна хотя бы потому, что русские князья и епископы от татар решающим образом зависели, тогда как на усобицы в монгольских улусах они повлиять не могли. В 40–50-е годы Русь считалась зависимой и от Орды, и от далекой Монголии, причем последняя признавалась (в том числе Батыем) главной инстанцией. За утверждением прав на княжение русским князьям приходилось ездить и к Батыю, и в далекий Каракорум.

Батый, естественно, стремился не допустить объединения сил всех русских князей, противопоставляя Юго-Западную Русь Северо-Восточной. Уже в 1243 году, сразу после возвращения Батыя из похода на запад, к нему отправился отец Александра Невского Ярослав Всеволодович с изъявлением покорности, и Батый объявил его «старшим» в роде русских князей, передав ему, в частности, Киев, на который претендовали Даниил Галицкий и ориентировавшийся на галицкого князя Михаил Черниговский. В том же году сына Константина Ярослав отправил «к кановичам». Хотя в Монголии было междоусобице (делами заправляла старшая жена Угедея), окончательное утверждение осуществлялось там.

После почина Ярослава русские князья потянулись в Орду и «к кановичам» за подтверждением своих прав на княжения. Возвратиться удавалось не всем. В 1246 году в ставке Батыя были убиты черниговские князья Михаил и Андрей Мстиславичи, а в ставке Великого хана отравлен Ярослав. Тогда же вдова Угедея Туракина направила вызов в Монголию Александру, обещая утвердить его в правах на отцовские земли. Но Александр не поехал и потому, что не без оснований опасался расправы, и потому, что это противоречило бы завещанию Ярослава и неизбежно вызвало бы противодействие других, старших князей. В 1247 году сначала Андрей, а затем Александр направились к Батыю, который отправил их «к кановичам». Вернулись они оттуда зимой 1249/50 года, когда Великим ханом был уже Менгухан. Ни в какой «гражданской войне» в правление Гаюка, следовательно, Александр вообще не мог участвовать.

Батый передал Владимирский стол Андрею, а Александру, княжившему в Новгороде, определил «Киев и всю Русскую землю» (то есть Киевщину, Поднепровье). «Русская земля» в это время ничего не стоила. Когда в 1246 году Карпини проезжал здесь, направляясь в ставку Батыя, он видел «бесчисленные головы и кости мертвых людей, лежавших на поле». От большого и многолюдного города оставалось «едва... 2000 домов», и людей здесь татары держали «в самом тяжелом рабстве». В Переславле и Чернигове закрылись епископские кафедры. Владимирский стол в этих условиях был предпочтительней. Батый явно сталкивал братьев. К тому же Андрею пришлось отстранять дядю Святослава, занимавшего Владимирский стол по завещанию Ярослава.

Осенью 1250 года в Суздальскую землю приехал митрополит Кирилл. Помимо желания найти более спокойное пристанище, нежели разоренный Киев, он, по-видимому, имел и дипломатическое поручение. Вскоре он венчал князя Андрея с дочерью Даниила Романовича. Намечался союз двух важнейших земель. В 1252 году Андрей со своими боярами объявил об отказе «цесарем служить». Против князя была направлена «Неврюева рать». У Переславля князь был настигнут татарами, но сумел избежать пленения и бежал через Новгород, Псков, Колывань «в Свейскую землю». Татары «россунушася по земли», схватили и убили вдову Ярослава, пленили его детей «и людей без числа падоша, до конь и скота, и много зла створше Отъидоша». В этих условиях Александр поехал из Новгорода «в Татары», где на сей раз получил «старейшинство» и Владимирский стол.

«Неврюева рать» была наслана «другом» (и даже «братом») Александра «христианином»

Сартаком. Другой «друг» – Берке – заставил Александра в 1257–1258 годах обеспечить проведение переписи населения с целью получения татарами систематической дани. В 1262 году в ряде городов Северо-Восточной Руси произошло восстание против перекупщиков дани. Поскольку насильники прибыли из далекой Монголии, а Берке готовился к войне с улусом Хулагу (монгольские владения в Иране), Русь избежала нового разорения. Но Александр был вызван в Орду к Берке, где «удержа и Берка, не пустя в Русь, и зимова в Татарех, и разболеса». Лишь осенью следующего года совершенно больным он был отпущен и не доехал до Владимира.

В ряде летописей прямо говорится о том, что «бе же тогда мужа велика от поганых и гоняхуть люди, веляхуть с собою воиньствовати». Не исключено, что речь шла о посылке русских людей даже и не против иранских монголов, а против Византии, которая в это время поддерживала Хулагу и против которой ордынцы совершали набеги. Согласиться на это князь не мог хотя бы потому, что вошел бы в конфликт со своим духовенством. Но и Берке, судя по всему, не склонен был сделать какие-то послабления.

Упоминание Л. Гумилевым о событиях 1269 года, когда немцы испугались «и имени татарского», опровергает его же версию о слабости и малочисленности Батыева улуса. Но дело и не только в этом. О каких татарах идет речь? Для обеспечения сбора дани и контроля над русскими землями татары размещали в ряде княжеств и городов отряды баскаков. По просьбе новгородцев владимирский князь Ярослав Ярославич собрал силы для отражения немецкой угрозы, «и великий баскак Володимерский Иаргаман и зять его Айдар со многими татарами приидоша». А на следующий год князь просит помощи у татар против новгородцев, направив в Орду новгородца Ратибора. В 1273 году Иаргаман с Айдаром «и с многими татарами царевыми» (то есть пришедшими из Орды) «воеваша новгородцкие власти, и возвратишася со многим полоном в Володимерь».

Два года спустя «ходиша татарове и русстии князи на Литву, не успевше ничтоже, възвратишася назад. Татарове же велико зло и велику пакость и досаду сътвориша христианом, идуще на Литву, и паки назад идуще от Литвы того злее сътвориша, по волостем, по селам дворы грабяще, кони и скоты и имение отъемлюще, и где кого стретили и облупивше нагого пустять...и всюды и все дворы, кто чего отбежал, то все пограбиша погани, творяшеся на помощь пришедше, обретошася на пакость». Летописец добавляет: «Се же написах памяти деля и ползы ради».

Так выглядела «помощь» в действительности, и летописец предостерегает незадачливых правителей от приглашения подобных «помощников». Но у князей часто и не было возможности уклониться от «помощи»: баскаки и ханские «послы» и сами могли решить, когда и кому оказать «помощь».

* * *

Из сказанного, видимо, ясно, насколько обоснован пересмотр фактов и оценок, связанных с самой трагической страницей русской истории. И, естественно, возникает вопрос: а во имя чего факты заменяются домыслами? Думается, что ответ дан в изложении двух сюжетов: приезд во Владимир митрополита Петра и разрушение Москвы Тохтамышем.

По Гумилеву, в России князья – наследники уже разложившейся и уже загнивающей Древней Руси – были постепенно оттеснены от власти митрополитами. Митрополит Петр, который в 1300 году с Волыни якобы приглашен в Россию править в стольном городе Владимире, был, по мнению Гумилева, очень мягкий, добрый и образованный человек. Этим он, естественно, вызвал неудовольствие среди подчиненных, которые по старому русскому

обычаю начали писать на него доносы великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому. Тот созвал специальный собор для того, чтобы выяснить, действительно ли берет взятки митрополит Петр... И паства сказала: «Да мы нашего владыку знаем. Никаких взяток он не берет. И вообще он очень скромно живет».

Неспециалисту может показаться, что сказанное чуть ли не цитирование источника. На самом деле – это очередная фантазия, сотканная из множества фактических ошибок. Утверждение об «оттеснении» князей митрополитами от власти опровергается здесь же приводимым фактом решения вопроса о митрополите на съезде князей и бояр.

Главное во всем придуманном пассаже Л. Гумилева – это, конечно, «естественная» реакция русских на мягкость и доброту митрополита Петра и их якобы «старый обычай» писать доносы. Между тем «доносы» – это не чья-либо национальная черта, а обычная реакция на деспотический режим и связанное с ним беззаконие. Как раз в домонгольское время на Руси не было необходимости в писании «доносов»; можно было решить вопросы если не у судей, то на вече. С установлением ордынского ига такие возможности резко сужаются. И «учителями» новых способов решения вопросов становятся именно татаро-монголы.

Показательно, что у Л. Гумилева «безнравственные» русские противопоставлены Джанибеку, «доброму и справедливому человеку». Этот добряк и борец за справедливость убил сначала своего младшего брата, а затем и старшего – Великого хана. В свою очередь, его сын Бердибек «удави отца своего» «и уби братьев своих 12». «Доносы» и «оговоры» здесь процветали всегда и не слишком дорого ценились.

Во многих публикациях Л. Гумилева Мамай – это «западник», враг Дмитрия Донского, Тохтамыш же – прямо-таки славянофил, друг и союзник московского князя. Стоит воспроизвести некоторые пассажи, «доказывающие» эти положения. Западник Мамай «договорился с генуэзцами, получал от них деньги. И на них содержал войско, отнюдь не татарское, а состоящее из чеченов, черкесов, ясов и других народностей Северного Кавказа. Это было наемное войско. Мамай пытался наладить отношения с московским князем Дмитрием, который был тогда очень мал, и за него правил митрополит Алексей. Но тут вмешался Сергей Радонежский. Он сказал, что этого союза ни в коем случае допустить нельзя, потому что генуэзцы, союзники Мамаю, просили, чтобы им дали концессии на Севере, около Великого Устюга».

Когда читаешь экспромты Л. Гумилева, невольно вспоминается относительно недавний анекдот: «Верно ли, что академик Амбарцумян выиграл по лотерее „Волгу“?» – «Верно. Но не академик Амбарцумян, а футболист Амбарцумян. И не „Волгу“, а сто рублей. И не по лотерее, а в преферанс. И не выиграл, а проиграл». Удивляет, как можно написать не такой уж малый текст, в котором нет ничего достоверного. И дело не в «концессиях» для агентов транснациональных корпораций генуэзцев, сочиненных на потребу дня нынешнего. Это-то, пожалуй, заметят и самые горячие приверженцы оккультных наук наших дней. Дело в оценке всей международной и внутренней ситуации.

Темник Мамай, будучи зятем Бердибека, пользовался большим влиянием и попытался удержать власть после смерти хана в 1361 году. В Орде началась «великая заматня», в результате которой она распалась на ряд враждующих улусов, возглавляемых чингизидами. Около 1362 года Мамай объявил «царем» Абдуллаха и отступил с «царицей» и «всей Ордой» на правый берег Волги. В Сарае же «царем» был провозглашен Амурат. Эти два главных соперника заявляли свои права на «русский улус». Именно это обстоятельство привело к борьбе за ярлык на великое княжение в Северо-Восточной Руси. При этом Мамай (и Абдуллах) поддерживали Москву, а Амурат – суздальско-нижегородских князей.

* * *

«Замятня» в Орде давала большие возможности для маневра и русским князьям, способствуя в целом их консолидации. Но, естественно, стараясь удержать за собой Москву и не допустить перехода ее на сторону Сарая, где перевороты следовали один за другим, Мамай делал все, чтобы поддержать и соперников Москвы – прежде всего Тверь, а также Литву. Борьбу Москвы против суздальско-нижегородских князей Мамай поддерживал, поскольку таким путем надеялся «отобрать» их у ханов Сарая. Но после того как среди самих суздальско-нижегородских властителей наметился поворот в сторону сближения с Москвой, настроение Мамаея меняется. Наивысшего могущества Мамай достигает в начале 70-х годов, когда власть его распространяется на Крым и на самый Сарай. «Русский улус» теперь снова превращается лишь в поставщика дани и вспомогательных отрядов. Отсюда попытка внести раскол в среду русских князей путем передачи ярлыка на великое княжение Михаилу Тверскому. Но в 1373 году в Орде происходит новая усобица, когда «мнози князи Ординския межю собою избиени быша, а татар безчислено паде». Мамай вновь потерял Сарай, а враждебные ему силы в Степи оживились. Перед Москвой открылась возможность перехода в контрнаступление, и в 1374 году возникает своеобразный военный союз, включивший большинство княжеств Северо-Восточной Руси. С этого времени и начинается «размирье» Дмитрия Ивановича с Мамаем. Несмотря на определенные дипломатические успехи Мамаея (отпадение от коалиции Твери, антимосковская политика Литвы, а также Константинополя через своего ставленника Киприана), татары потерпели ряд чувствительных поражений. После разгрома татарского войска на реке Воже в 1378 году полное освобождение от ига Орды стало реальной возможностью. Сознывая это, Мамай предпринял последнее усилие для умирения Руси. Именно теперь он набирает большое число наемников в Крыму и на Кавказе. Но и это не спасает: на Куликовом поле войско Мамаея было разгромлено.

Митрополит Алексей, безусловно, сыграл огромную роль в проведении гибкой политики Москвой в 50–60-е годы. Он последовательно использовал авторитет сана и структуру церкви для укрепления Москвы как идейно-политического центра земель Северо-Восточной Руси. И, конечно, никаких конфликтов на политической почве между митрополитом и игуменом Сергием не было, как не было и самой придуманной Л. Гумилевым проблемы. Не было и той чрезмерной политической активности, которую часто приписывают Сергию, игнорируя его ортодоксальность (инок должен воздействовать на мир личным примером). Дмитрий же Донской в 70-е годы – активнейший и тонкий политический и военный деятель, решившийся бросить вызов самому Константинополю, намереваясь самостоятельно поставить своего митрополита на место умершего зимой 1378 года Алексея.

«Союзник» и «друг» Тохтамыш появился на горизонте уже после разгрома Мамаея русским войском. Он был возведен ханом в Сарае при поддержке и покровительстве Тимура Аксака и, конечно, воспользовался столь счастливо сложившимися обстоятельствами, дабы подчинить своей власти весь «улус Джучиев». Поход на Москву становится важнейшим звеном в мероприятиях по «наведению порядка».

В публикациях Л. Гумилева, как в романах со счастливым концом, обычно дело кончается тем, что возлюбленные наконец соединились. В данном случае ему все-таки пришлось отвечать на вопрос: почему «союзник... разорил Москву»? Вопрос этот неоднократно задавался создателю новой концепции, но он игнорировал его. На сей раз пришлось отвечать, и в известном смысле автор превзошел самого себя: «Тогда случилась беда, погубившая Тохтамыша, но не Москву». Суздальские князья интриговали, «а интриги у них всегда осуществлялись одним способом: писанием доносов». Они донесли Тохтамышу, что Дмитрий

«хочет предать его и присоединиться к Литве». «Тохтамыш был очень славный человек – физически сильный, мужественный, смелый, но, к сожалению, необразованный. Он был не дипломат... И он поверил, ибо в Сибири не лгут: если свои же приходят и говорят про другого плохо – этому верят!» (Очень хорошее объяснение для бесконечного ряда убийств, отравлений, удушений ближайших родственников и взаимоистреблений целых родов!)

Итак, у «славного» Тохтамыша не было выбора: донесли – значит, надо придушить друга. Тохтамыш пошел к Москве, а «все князья и бояре разъехались по своим дачам и жили там спокойно». Не имевший дач и садовых участков народ один остался в Москве. Что ему оставалось делать? «Народные массы в Москве, как всегда у нас на Руси, решили выпить. Они стали громить боярские погреба, доставать оттуда меды, пиво, так что во время осады почти все московское население было пьяным. Москвичи выходили на крепостные стены и крайне оскорбляли татар непристойным поведением – они показывали им свои половые органы. Татар это ужасно возмутило. А когда на Москве все было выпито, москвичи решили, что больше воевать не стоит, пусть татары договорятся обо всем и уйдут. И открыли ворота, даже не поставив стражу перед ними». Татарам ничего не оставалось, как перерезать горожан.

Предполагая сомнения у читателей, Л. Гумилев заверяет: «Так было на самом деле – все это описано в летописях». В летописях события всегда описываются неодинаково. Политическая борьба отражается и в летописях. Киприан пережил своего главного врага Дмитрия Донского на 17 лет и постарался очернить его перед потомками. Тем не менее версии, изложенной Л. Гумилевым, нет, конечно, ни в одной летописи.

О намерениях Тохтамыша в Москве было известно. Тохтамыш начал с того, что распорядился грабить русских купцов, торговавших в городах Волжской Булгарии. Дмитрий попытался собрать войско и позвал на совет князей и бояр. Однако «обретется разность в них, не хотяху помогати». Именно в этом причина произошедшей трагедии. Дмитрий вынужден был ехать на север, чтобы там попытаться собрать войско. Но на это времени уже не было. Татары быстро приближались к Москве.

В Москве, естественно, не были в восторге от того, что князь покинул город. Еще большее возмущение охватило горожан, когда бежать решили митрополит Киприан, княгиня с детьми и бояре. В конце концов митрополита и княгиню выпустили, а остальных отпускали, ограбив. В городе оказалось немало окрестных жителей, искавших спасения за его стенами, а многие горожане его покинули. Традиционная система городского самоуправления незадолго до этого была разрушена, а княжеская самоустранилась. На вече спорили о том, оставить город или защищаться. Летописцы осуждают «мятежников», разбивавших погреба брошенных боярами дворов и их пьяную храбрость, когда они «шатахуся и ругающесе татаром образом безстыдным досаждающе и словеса исполнь укоризны и хулы кидаху на ня». Так были встречены передовые татарские отряды, проводившие разведку и отъехавшие от Москвы к вечеру. Наутро же к городу подошли основные силы Тохтамыша. Теперь «гражане узревше силу велику и ужасошася зело».

Незадолго до подхода татар относительный порядок навел в Москве литовский князь, внук Ольгерда Остей, служивший московскому князю. После трехдневной осады Тохтамыш «обалга князя их Остея лживыми речьми и лживым миром, вызвав его вон из града и уби его пред враты града». Видимо, доверчивый Остей начитался давних предшественников современного апологета великих добродетелей ордынских ханов.

Картину избиения и грабежа можно представить и без летописца. Летописец особенно сокрушается по поводу исеченных архимандритов, игуменов и «всех священников», поскольку со времен Батые и Берке их освобождали даже от даней. Были разрушены и сожжены все церкви и монастыри, перебиты все «от уна и до стара, можеск пол и женеск». «Множаиши же в

полон поведени быша, в работу поганьскую и в страну Татарьскую». В летописях особенно сокрушаются – и нам не следовало бы забывать об этом, – что в пожаре сгорели все книги, в том числе свезенные из окрестных мест: «Книг же толико множество снесено со всего города из из загородья и из сел, и в зборных церквах до тропа наметано, сохранения ради спроважено, то все без вести створиша».

Вернувшись на пепелище, Дмитрий выделил на погребение убитых 300 рублей из расчета 1 рубль на 80 человек. 24 тысячи убитых – это, видимо, больше, чем все население города, поскольку в городе было много сбежавшихся из окрестных сел. К тому же татары разорили и другие города и волости Московского княжества. Дмитрий изгнал главных виновников «неодиначества» князей и бояр митрополита Киприана и духовника Владимира Андреевича Серпуховского Афанасия, но для восполнения потерь требовалось длительное время. Дмитрию оно не было отпущено: в 1389 году он скончался в возрасте всего 39 лет.

«Все бы сошло Тохтамышу, – процитируем еще один пассаж Л. Гумилева, – если бы на него не напал Тимур... Татары героически сопротивлялись. И потребовали, конечно, помощи от москвичей. Князь Дмитрий Донской уже умер к тому времени, а его сын Василий вроде бы повел московское войско, но защищать татар у него не было ни малейшего желания. Он повел его не спеша вдоль Камы, довел до впадающей в Каму реки Ик и, когда узнал, что татары, прижатые к полноводной Каме, почти все героически погибли, переправил войско назад и вернулся в Москву без потерь. Но на самом деле он потерял очень много, потому что сам он заблудился в степи, попал в литовские владения, был схвачен Витовтом и вынужден был купить свободу женитьбой на Софье Витовтовне, которая впоследствии причинила России много вреда».

Встретив указание на столь точный ориентир, как река Ик, читатель, наверное, подивится эрудиции автора и легкомыслию московского князя. Но не будем томить: все было совсем не так. Тохтамыш затеял войну против своего покровителя и был за это жестоко наказан своим благодетелем. Как и ранее Мамай, поддержки он искал в Литве и бежал туда со своими нукерами. Ни на какой Ик Василий не ходил. Он дошел лишь до Коломны, и вовсе не для помощи татарам, а для прикрытия своих земель: Тимур вошел в Рязанские пределы и разорил Елец. Не блуждал князь и в степи, а на Софье он был уже женат. В свое время, в 1383 году, Василию пришлось отправиться в Орду к Тохтамышу в качестве заложника. Не без участия литовской дипломатии и Киприана, ему удалось бежать оттуда в Литву, где его обручили с дочерью Витовта. Брак этот встретил противодействие Дмитрия, и свадьба состоялась уже после его кончины *1.

Грустно все это пересказывать, да, видимо, и нет необходимости. Но одного сюжета придется коснуться, поскольку он слишком актуален. В концепции Л. Гумилева татары – защитники, а литовцы и западные русские – враги. После Куликовской битвы «было очень много раненых. Их положили на телеги и повезли домой. Что же делали наши милые западные соседи? Литовцы и белорусы догоняли телеги и резали раненых». Нарисовав эту ужасающую картину, автор возмущается: «Я не понимаю: как можно изучать русскую историю и не видеть, где свои и где чужие? Это или умышленное замалчивание, или полная неспособность к историческому мышлению».

С Литвой, конечно, отношения были не простые. Были усобицы и среди русских. Да и Гедиминовичи – это тоже, по всем родословным, одна из русских династий. Летописи единодушны в том, что Ягайло был союзником Мамаю. Однако «от тех Бог избавил есть, не поспеша бо за мало на срок, за едино днищо или менши». Ягайло бежал «не видево великого князя... но токмо именъ его боящеся». Естественно, ни о каких «белорусах» не могло быть и речи, хотя бы потому, что не было и такого этнического понятия.

* * *

И еще один вопрос, на котором спекулируют в силу его неразработанности, – размеры взимаемой татарами дани. Постоянный мотив публикаций Л. Гумилева – «как за барами (то бишь татарами) житье было привольное». В. Кожин, поддерживая концепцию, утверждает, что «в среднем на душу населения годовая дань составляла всего лишь один-два рубля в современном исчислении! Такая дань не могла быть обременительной для народа, хотя она сильно била по казне собиравших ее русских князей. Но даже и при этом, например, князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты, добровольно жертвовал равную дани сумму денег для поддержания существования Константинопольской патриархии».

Ответственное утверждение дается со ссылкой на статью П. Н. Павлова, опубликованную в 1958 году в Ученых записках Красноярского пединститута. В статье такого заключения нет и быть не могло: мы не знаем ни общей суммы дани, ни численности населения. Едва ли не лучший знаток истории татарской политики на Руси А. Н. Насонов в свое время остановился в недоумении, встретив указание на то, что татары выделили на территории Великого княжества Владимирского 15 тем («тьма» – десять тысяч). Ведь это означало по меньшей мере десятикратное сокращение населения в результате нашествия. В конечном счете, видимо, так оно и было. Но решение данного вопроса должно осуществляться не путем деления одного неизвестного на другое неизвестное, а выяснением норм обложения.

После ряда массированных разорений, ограблений, угона населения в рабство татаро-монголы перешли к систематической эксплуатации русских земель. В 1257–1258 годах была проведена перепись. Как и в других землях, из обложения исключалось духовенство. Остальные должны были платить дань. В 1275 году перепись повторили. В «Истории Российской» В. Н. Татищева объясняется, почему это потребовалось: хан Менгу-Тимур нашел, что привезенная великим князем Василием Ярославичем дань недостаточна («люди многи в земле твоей. Почто не всех даеши?»). У Татищева же имеется указание, что дань брали «по полугривне с сохи, а в сохе числиша 2 мужи работнии».

Исключительной ценности указание не привлекло должного внимания. Б. Д. Греков – один из крупнейших и авторитетных советских историков, заметил, что «конечно, Татищев не выдумал здесь сохи, а взял ее из летописи, до нас недошедшей», но он усомнился в том, что соха могла быть «представлена двумя работниками».

«Повесть временных лет» знает три единицы обложения: двор, дым, плуг (рало). Дань с «дыма» бралась с так называемых «больших домов», в которых проживали большие семьи, состоящие из нескольких малых семей. С «плуга» платили дань радимичи и вятичи, которых летопись относил к «ляшским», польским племенам. Они отдавали с плуга по «шелягу» сначала хазарам, а затем русским князьям. Это, видимо, западный шиллинг, обозначавший, однако, в Польше самую мелкую монету (на западе шиллинг был больше денария-куны). На Руси дань собирали натурой. Хазары, видимо, требовали и серебро, хотя и замена его натурой тоже не исключалась. Но надо признать, что дань была весьма умеренной во всех трех измерениях.

Представление о «плуге» как единице обложения дает автор XII века Гельмольд, говоря о балтийских славянах: это пара лошадей или волов, впрягаемых в орудие пахоты, и соответственно обрабатываемый ими участок земли. В конце XIX века на пару лошадей в среднем приходилось 7,2 десятины пашни. За семь столетий технология сельскохозяйственного производства изменилась мало. Но все-таки 7 десятин, видимо, максимальный предел древней сохи.

Б. Греков усомнился, что «соха» может определяться количеством работников. Но взаимосвязь между обрабатываемой площадью, численностью рабочего скота и рабочими руками предполагалась всегда. Возможны были и варианты в зависимости от местных условий. В новгородской грамоте середины XV века о предоставлении князю Василию Васильевичу «черного бора» (татарской дани) с Новоторжских волостей, поясняется: «А в соху два коня, а третье припряжь» (то есть пристяжной). Поскольку «сохи» по местностям различались, Иван III в 1478 году с присоединением Новгорода «велел въспросити, что их соха; и они сказали: 3 обжи соха, а обжа один человек на одной лошади орет (то есть пашет), а кто на трех лошадах и сам третьей орет, ино то соха».

В новгородской грамоте имеется и перечень равноценных замен для промыслового населения: чан кожевничий, невод, «четыре пешци» (то есть безлошадные), кузнец, лавка. За ладью и чан для выварки соли числили две сохи. Исполщики вносили по полсохи. В городе окладной единицей служил двор или дом. Но предполагалась и дифференциация по роду занятий. Летопись отмечает, что «большие» облегчали свое положение за счет «меньших». «Соху» могла заменять «деревня». При этом «деревня» часто была меньше «сохи». Так, в новгородских писцовых книгах 1500 года упоминается шесть владычных деревень, насчитывавших вместе с погостом лишь 11 дворов с 14 жителями, что составляло 13 обеж или 4 с третью сохи. Когда-то «двор» и «соха» в основном совпадали. Но в монгольский период семьи были и малочисленны и маломощны (что, естественно, связано с тяготами жизни). Поэтому редкий двор мог вести хозяйство на уровне «трудовой нормы» начала XX века, примерно совпадающей со старой «сохой».

В упомянутом погосте высевалось 52 коробки хлеба (примерно 350 пудов), или 80–90 пудов на соху, как и в начале нашего столетия. Урожай исчислялся соотношением посеянного и полученного. Различаясь в разных местах и разное время, в северной половине Руси он обычно составлял от «сам-два» до «сам-четыре». В голодные годы часто не собирали и семена. Урожай «сам-два» оставлял на потребление те же 80–90 пудов, «самчетыре», соответственно, 240–270 пудов. Это и есть основной доход крестьян, включенных в «соху».

Попробуем определить, что стоила названная в татищевском тексте «полугривна». Новгородская гривна содержала 204 грамма серебра, полугривна соответственно 102 грамма. Что можно было купить на эту сумму в XIII–XV веках и где мог добыть серебро крестьянин? В. О. Ключевский подсчитал, что рубль конца XV века стоил в 130 раз больше рубля конца XIX века. Это связано и с уменьшением содержания серебра в рубле, и с неуклонным отставанием производства от роста находящегося в обращении металла. В конце XIX века батрак и однолошадный крестьянин зарабатывал и потреблял с семьей за год продуктов и товаров на сумму менее ста рублей. Это много меньше, чем рубль конца XV века. Упомянутый В. Кожинным П. Н. Павлов сделал выписку из Псковских летописей о ценах на хлеб в XV веке: они колебались от 87 до более 250 пудов на рубль. Псковские летописцы вообще внимательно следили за ценами и выплатами. Так, под 1424 годом сообщается о сооружении каменной стены у псковского крома: 200 мужей три с половиной года строили стену и получили за это по 6 рублей каждый (1200 рублей всего). Но летописец, похоже, счел эту плату слишком щедрой: на стене поставили колокольню, и стена развалилась. Под 1465 годом летопись говорит о новом строительстве стены. На сей раз трудилось 80 «наймитов». За три года они получили 175 рублей, то есть немногим более двух рублей на человека за три года.

Такова была плата за труд в XV веке. В XIII–XIV веках она не могла быть большей, поскольку и серебра было много меньше, и производительность труда, в частности ремесленного, упала в связи с разрушением многих городов и угоном ремесленников в рабство. 1 рубль – это почти предел платы, которую можно было получить даже квалифицированному

работнику. А добыть «серебро» в деревне во много раз сложнее. Приходилось ждать купцов и мириться с их неизбежно заниженными ценами.

Дань не была постоянной. Обычно князья добивались ее уменьшения, а Орда – увеличения. Уменьшить ее можно было, видимо, какими-то иными услугами (вроде поставки вспомогательных войск). Но до середины XIV века действовали нормы, установленные первыми переписями. Об этом говорят косвенные данные. Так, сразу после смерти Калиты новоторжцы, опираясь на помощь Новгорода, отказались вносить дань. Симеон Гордый направил к Торжку большое войско, и новгородцы согласились отдать «бор по волости», а новоторжцев обязали внести 1000 рублей. Мир восстанавливался «по старым грамотам». Видимо, это та сумма, которую обычно вносил Торжок. Вряд ли город имел в это время более тысячи облагаемых дворов (после разорения таких размеров городов были единицы). А это совпадает с уровнем, утвержденным в XIII веке.

Другие косвенные данные – воспоминания о тяжести дани при Узбеке. В летописях есть указания на то, что были попытки распространить дань и на духовенство. Так, в 1342 году в Орду был вызван митрополит Феогност, от которого требовали «полетной» дани, так как он имел большие доходы, обирая низшее духовенство и мирян. От претензий митрополиту пришлось отбиваться взятками: он оставил в Орде 600 рублей.

В связи с «замятней» в Орде нажим ее заметно ослабевает. В 70-е годы Дмитрий вообще прекращает выплату дани. Но после нашествия Тохтамыша возвращались самые мрачные времена. В 1383 году сын Дмитрия Василий был задержан в Орде, и Тохтамыш потребовал за его освобождение 8000 рублей. После разорения Москвы такую сумму Дмитрий, видимо, просто не мог собрать. В 1384 году летописи сообщают о «дани тяжкой» «по всему княжению великому, всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине. Тогда же и златом давала в Орду, а Новгород Великий дал черный бор». О дани «по рублю с двух сох» говорится и в письме Едигея Василию Дмитриевичу несколько позднее. Этимологически «рубль» – это отрубленная часть. А потому «рубль» и должен соответствовать половине гривны. Но Дмитрий Донской, начав собственную чеканку монеты, установил величину рубля равной новгородской гривне. Следовательно, после нашествия Тохтамыша была восстановлена изначальная грабительская дань.

«Соха» вовсе не была единственной податью. В. В. Каргалов насчитывает 14 видов даней. Содержание татарских посольств, насчитывавших по тысяче и более человек и живших месяцами на Руси, обходилось нередко дороже и самого «черного бора». Не случайно, что восстания в большинстве случаев были ответом на насилия, чинимые «послами».

Переводить рубли эпохи монгольского владычества в современные «деревянные» – дело довольно бессмысленное. Ведь рубль того времени – это больше годового потребления половины крестьянских дворов рубежа нашего века. По сравнению с варягами, хазарами и собственными князьями татары забирали в несколько десятков раз больше. Можно лишь удивляться, как люди выживали. С другой стороны, неудивительно, что выживали немногие. И так более двух столетий.

«Подарки» константинопольским патриархам не были столь обязательными и столь накладными. Но они не были и вполне «добровольными». Вывозимые взятки с кандидатов на митрополичьи столы – повседневная практика патриаршего стола, о чем прямо говорят летописцы. Отнюдь не бескорыстно в 1347 году Константинополь пошел на ликвидацию раскольнической Галицкой митрополии. Алексея «человеческого ради сребролюбия» шантажировали в Константинополе неоднократно. Долги митрополита Пимена, взятые у константинопольских ростовщиков под подложное поручительство князя Дмитрия, давили на Русь вплоть до падения Константинополя. И Феогност не от щедрости душевной роздал в Орде

600 рублей. Новгородский летописец сетует, что с приездом митрополита «тяжко же бысть владыце и монастырем кормом и дары».

И Симеону Гордому пришлось раскошелиться по вполне житейскому поводу. В 1346 году он «отослал» от себя вторую жену и посватался к дочери Александра Михайловича Тверского. Но митрополит «не благословил его и церкви затвори». Пришлось направлять посольство в Константинополь за «благословением». Можно представить, во сколько обходилось оно при порядках, царивших в Константинополе. А собиралась княжеская казна, естественно, за счет все тех же крестьян.

Когда-то к месту и чаще не к месту ссылались на «классиков». Сейчас это нечто вроде дурного тона. И все-таки хочется напомнить слова одного автора, отнюдь не симпатизировавшего славянам: «Это было иго, которое не только подавляет, но растлеивает и иссушает самую душу народа, который ему подпал. Монгольские татары установили режим систематического террора, орудием которого были грабежи и массовые убийства». Да, это Маркс. На расстоянии он рассмотрел то, что иные не замечают вблизи. Почему?

Какого-то фантазера понять можно. Можно и объяснить его привязанность к насильникам и презрение к жертвам: это искаженная реакция на беды, которые ему пришлось претерпеть в стране, где и поныне живут потомки уцелевших в той давней резне. Можно понять и потомков болгар или половцев, которые по ошибке мнят себя наследниками Чингисхана и Тохтамыша. Но как понять тех, кто организует пропаганду этих псевдоисторических сочинений? Что это? Способ пробудить поправное чувство собственного достоинства через оскорбление предков? Или же до конца подавить волю к сопротивлению у последнего окопа борьбы за выживание? А иного не дано: ведь «концепция» многократно отвергалась в силу ее полной несовместимости с фактами.

Примечания

1. Пассионарность – термин, придуманный Л. Н. Гумилевым для объяснения процессов этнического развития, положенный в основу его «теории этногенеза».

2. Исихазм (от греческого «молчание») – мистическое течение в византийском православии XIV века космополитической направленности.

Последнее интервью Л. Н. Гумилева (Фрагмент)

*Задавал вопросы и подготовил материал к публикации
Игорь Савкин.*

Вопрос : Аполлон Кузьмин на страницах «Молодой гвардии» обвинил вас в русофобии *1. Что бы вы могли ему ответить?

– Считаю, что полемика с А. Кузьминым по вопросам пассионарной теории этногенеза бессмысленна: спорить на научные темы на уровне низкопробных острот и нечистоплотных намеков – занятие недостойное. Ограничусь некоторыми историческими не то ошибками, не то передержками А. Кузьмина, касающимися русской истории. Перечислять их все невозможно и не нужно.

В целом как способ полемики А. Кузьмин избрал надежный прием: излагая взгляд

оппонента, он его искажает, а потом опровергает собственное искажение...

Почему-то А. Кузьмин приписывает мне абсурдное утверждение, что пассионарный толчок XIII в. н. э. «спустился» только на двух людей – Александра Невского и Миндовга. Это еще одна демонстрация «полемического метода» А. Кузьмина, черпающего представления о взглядах оппонента из собственной фантазии.

Перейдем к примерам из русской истории. Аргументация А. Кузьмина слишком неряшлива. Он ссылается на антимонгольские летописи, воспринимая их некритично. Утверждая, что археологические материалы подтверждают «страшную картину разорения», он не может объяснить, почему церкви во Владимире, Киеве и многих других городах не были разрушены и сохранились до нашего времени. Более того, если считать, согласно Кузьмину, что «население России составляло свыше 11 миллионов человек», то как могли монголы, которых было всего 700 тысяч, завоевать и покорить такой большой, храбрый и культурный народ? Такое предположение обидно не только для наших предков, но и для нас...

Особенно досадно, что Кузьмин спутал два разных похода Тимура на Золотую Орду: 1) 1391 г., когда он одержал победу при Кондурче, впадающей в Волгу, а не в Каму (как пишет А. Кузьмин) *2: 2) 1395 г., когда Тимур вошел в Рязанские пределы и разорил Елец, но принужден был отступить из-за восстания черкесов, дагестанцев и татар на Кубани и Тереке *3.

Волжские татары оказались барьером для наступления «Востока» на Россию, а в 1406 г. одно появление Шадибека на помощь Москве заставило Витовта отступить, не принимая боя.

Точно так же Василий I в 1391 г. пришел на помощь Тохтамышу, он вовремя оттянул свои войска, а второй раз в 1395 г. мобилизовал армию против Тимура, но тот успел отступить, не входя в соприкосновение с русскими.

Разбирать дальнейшие ошибки А. Кузьмина неинтересно. Ограничимся тезисом. Согласно нашей реконструкции, Россия испытывала угрозу с Востока и с Запада, и от Тимура и от Витовта. В обоих случаях Золотая Орда защитила Россию от вторжения и продолжала находиться в союзе с Москвой до своего распада в начале XV века, Разгром Москвы в 1382 г. – всего лишь набег внутри политической системы, инициаторами были суздальские князья. Это событие такого же порядка и значения, как и любая из междоусобных войн на Руси XII–XV вв.

Вряд ли кто-нибудь из читателей согласится с А. Кузьминым, что «доносы – реакция на деспотический режим и связанное с ним беззаконие». Так же думали Сталин, Берия, Ежов и др. Я с А. Кузьминым не согласен, особенно по части лживых доносов. Удивительно, что А. Кузьмин обвиняет меня, русского историка и этнографа, в русофобии. Ведь сам он вслед за К. Марксом считает, что душа русского народа «подавлена, растлена и иссушена» монгольским игом, а это и есть самая настоящая и неприкрытая русофобия. Более того – эта русофобская легенда очевидно опровергается историческими фактами. После XIV века русский народ создал великое государство, 600 лет шедшее от победы к победе. Этого с «растленной и иссушенной» душой сделать было нельзя.

Кузьмин удивительно безграмотен. Он утверждает, что среди евразийцев не было ни одного серьезного историка.

Мне было просто стыдно это опровергать. Противоположность Запада и Востока вовсе не главное: главное – принцип полицентризма. Утверждение о якобы имевшем место влиянии Грушевского на евразийцев совершенно неверно и никакой реальной основы под собой не имеет. Что касается «наднациональных» влияний («вроде исихазма»), то я удивляюсь, как это меня не обвинили еще в космополитизме: был бы полный набор (вместе с русофобией)... По поводу энергетических импульсов, приходящих из космоса, я выскажусь в другом месте... На этот вопрос отвечает специальная статья, подготовленная с участием астрофизика. И два слова о «поработителях» – без ярлыков Кузьмин не может. Я думаю, что не следует прибегать к

неуместному морализаторству там, где должен быть строгий объективный анализ. Если Кузьмин имел в виду пресловутое «монголо-татарское иго», то я еще раз повторю: они не были поработителями по вышеперечисленным причинам. А по поводу ненависти евразийцев к русским – посудите сами, ведь русские и есть евразийский народ – так как же они могут сами себя ненавидеть?! Известное дело: поскреби русского и найдешь татарина, и наоборот. Откуда взялась эта самая русофобия, то есть настоящая русофобия, я описал в работе «Черная легенда», напечатанной в журнале «Хазар». Она взялась с 1260 года, когда монгольское войско во главе с Кит-Буга нойоном и Хуламуриханом, взяв Багдад, повернуло на Иерусалим, чтобы освободить Гроб Господень. Мусульмане сопротивлялись этому. Внезапно умер верховный хан Менге. Хан Хубилай узурпировал его престол, и разразилась гражданская война. Многие войска были возвращены из похода, а оставшиеся потерпели поражение в том самом 1260 году.

Когда в Европе узнали, что предводитель разбитого войска Кит-Буга нойон христианин, как и большая часть его воинов, то поднялся страшный шум: как могли крестоносцы-тамплиеры помогать мусульманам разбить христианское войско? Тамплиеры в ответ стали ругать монголов, что, мол, монголы хуже самого черта и что христиане они сомнительные, то есть восточные христиане, а от православных самого Бога тошнит и потому надо их бить. Однако не все поверили их словам. И Филипп Красивый, король Франции, истребил всех тамплиеров в 1314 году. Но тамплиеры остались в других странах – в Германии, Англии, Кастилии, Арагоне, – и всюду они продолжали говорить, что монголы – это порождение сатаны, что с ними надо бороться и уничтожить их. Таким вот образом сложилась в Европе «черная легенда» о том, что религиозный долг всех христиан, т. е. католиков, бить монголов и их союзников.

Союзниками монголов были русские князья. Начиная с Ивана Калиты Москва была верным союзником Золотой Орды. Русофобия выводится из монголофобии как сопутствующее явление...

И. М. Дьяконов. Огненный дьявол

Не являясь специалистом ни по древней Руси, ни по степнякам, но занимаясь общей теорией истории, я очень заинтересовался книгами Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера земли» и «Древняя Русь и Великая Степь» – особенно первой из названных. Его книга «Этногенез и биосфера земли» содержит немало оригинальных идей, над которыми стоит задуматься. В частности, я думаю, что Л. Н. Гумилев глубоко прав, когда утверждает, что этнос не связан ни с расой, ни с языком, ни даже – хотя это менее оттенено автором – с религией. **Этнос является ситуацией или, точнее, процессом, на который воздействуют экологические (и, несомненно, социально-политические и социально-экономические) импульсы, приводящие к делению человечества на этносы, то есть группы «наших», которым противостоят все остальные как «не наши».**

Важнейшей частью этой книги Л. Н. Гумилева является вторая, посвященная «пассионарности» – как бы непредсказуемым вспышкам социальной активности. Явление это имеет огромное, часто ключевое историческое значение, хотя до сих пор проходило для историков незамеченным. О причинах его можно и нужно спорить, но изучать его необходимо. К сожалению, механизм возникновения «пассионарности» показан и объяснен Л. Н. Гумилевым куда менее убедительно, чем вопрос об этносе, и не всегда в согласии с данными источников, как мне они видятся.

Совсем иное впечатление оставляет книга Л. Н. Гумилева «Древняя Русь и Великая Степь». Здесь он как бы забывает о том, что этнос есть процесс, и что его характеристики

меняются с течением времени; что грек Гомер – совсем не то, что грек времен Перикла, и уж совсем не то, что грек XIX–XX вв. нашей эры. В противоречии с этим тезисом, **одному этносу, якобы извечно «паразитическому», приписывается всегда неизменные и всегда отрицательные черты: иудейский бог Яхве – дьявол, «тот самый огненный дьявол, который говорил с Моисеем» (с.248).**

Хотя в принципе сам Л. Н. Гумилев рассматривает этнос как процесс, как нечто движущееся, меняющееся, еврейство у него, тем не менее, имеет черты неизменные при любых обстоятельствах и во все времена. Особенно странно выглядит неосновательно приписываемое иудеям «тайное учение». Среди многих направлений иудаизма, существовавших в течение тысячелетий, были, правда, и каббалисты, как были свои мистики во всех других религиях. Но Каббала исчезла тысячу лет назад, не оставив заметного следа *1. **Гумилевская «тайна» ведет вовсе не к Каббале, а к «Протоколам сионских мудрецов», к их мифическому тайному жидомасонству.**

<...>

Перечисляя различные погромы и резни в давнем прошлом (в том числе резню древлян в X веке!), и приписывая их иудейскому влиянию, Л. Н. Гумилев забывает упомянуть: больше и чаще резали как раз евреев. **То, что еврейский этнос потерял свою экологическую нишу, вовсе не свидетельствует о его зловредности, здесь уместнее говорить о бедственности его судьбы и тяготности его исторической роли.**

Ни на чем не основано и утверждение Л. Н. Гумилева, что викинги поднимались на своих ладьях по рекам, а награбленное добро сбавривали еврейским скупщикам. В западноевропейские реки викинги мало заходили, на пути «из варяг в греки» и «из варяг» по Волге и Каспию не было скупщиков, лишенных экологических ниш. История викингов хорошо известна по скандинавским источникам. Награбленное добро они либо привозили домой в Скандинавию, либо тратили его в городах на континенте, где они селились (в Нормандии, в Новгороде). Викинги были не ратники, а прежде всего мореходы. Они могли проделать морской поход от берегов Норвегии до Исландии, от Исландии до Гренландии, и от Гренландии до нынешней Канады, где и создали колонию, просуществовавшую не одно поколение и платившую десятину римскому папе. Походы викингов в Средиземное море тоже хорошо изучены и никаких еврейских скупщиков на их пути там не встречалось *2. Вообще в источниках о походах викингов нет никаких данных о евреях. Упоминается Иерусалим, но лишь в связи с паломничеством туда норвежского короля Сигурда.

Не иначе как совершенно фантастическими можно обозначить отождествление хазаров с иудеями или евреями и постулирование некой «Иудео-Хазарии». Да еще хазары оказываются талмудистами!... Правда заключается в том, что Хазария в X в. стала превращаться в великую державу и далеко не целиком кочевую. У хазар были свои села, нивы и города и достаточно определенное экологическое пространство. Как и всякой державе того времени, Хазарии потребовалась своя догматическая нормативная идеология. Христианство подчинило бы хазаров Византии, ислам – халифу. Поэтому они выбрали иудаизм, причем в его окраинной, неталмудистской форме – хазары не могли импортировать к себе в нужном, большом количестве ученых раввинов-талмудистов. Поэтому хазары были не иудеи, скорее караимы *3. Известная переписка хазарского царя Иосифа II с авторитетным испанско-еврейским деятелем, ученым и теологом Хасдаем ибн Шапрутом относится ко времени на столетие позже и, по-видимому, представляет собой первую и единственную попытку хазарских царей связаться с авторитетными раббанистскими еврейскими кругами...

Сами хазары по языку и, вероятно, по антропологическим свойствам были тюрками, предположительно близкородственными чувашам (сабирам). Царь Иосиф пишет в своем

письме Хасдаю, что хазары происходят от библейского Яфета, сына Ноя. Известно, что в Библии (Кн. Бытия, 10) от Яфета производились киммерийцы, мидяне, греки и другие народы несемитского происхождения, иудеи же и другие семиты производились от другого сына Ноя – Сима, или, в крайнем случае – от Хама, как враждебные иудеям финикияне.

Обратим внимание на судьбу такого, маленького земледельческого народа, живущего на рубеже Дагестана и Азербайджана. Таты – потомки военных поселенцев, посаженных Персией в V в. нашей эры охранять Дербентский проход, отделявший Персидское царство Сасанидов от царства Хазар *4. Оба царства исчезли с лица земли, но недалеко от Дербента таты сохранили себя и свой язык (диалект персидского). Часть татов – мусульмане, часть – христиане армянского вероисповедования, часть – иудеи; все они прекрасно уживаются и даже хоронят своих покойников на общем кладбище. Но таты-иудеи – не талмудисты; как и хазары, они ближе к караимам, чем к евреям, и сам их «иудаизм» пришел к ним по всей вероятности от хазар.

Евреи, маскирующиеся под хазар и предпринимающие «поголовное истребление врагов» (чем впрочем, занимались и русские князья, не говоря уже о татаро-монголах); евреи, для которых дезинформация якобы «предписывается» их религией (самой религией, не какими-либо отдельными говорунами) – религией в целом, той самой, которую исповедовал, унаследовал и претворил Иисус – все это совершенно не основано ни на каких серьезных исторических источниках.

Несколько слов о том, как евреи попали в Россию. Во времена Древней Руси их там практически не было разве что отдельные подданные византийского императора. В XIV веке в Германии, куда из Римской империи переселилась часть депортированных из Палестины евреев, началась массовая резня (конечно, резали евреев – тогдашние немцы стояли на обычном для средневековья уровне нравственности). В то же время в Польшу началась большая немецкая иммиграция; переселенцы забирали в свои руки ремесло и торговлю. За ними стояли могущественные немецкие государства, которые могли воспользоваться успехами своих сородичей во вред Польше. Тогда польский король Казимир III Великий (1333–1370), с целью умерить популизм немецких бюргеров, пригласил евреев (а также армян и некоторых других) в польские города. Они получили здесь нормальные человеческие права, вплоть до самоуправления, но, конечно, потеряли все это за следующие столетия. После соединения Польши с Литвой евреи распространились на всю территорию Польско-Литовского государства; после раздела Польши при Екатерине II восточная часть польско-литовских евреев досталась России; бывшая польско-литовская граница стала той «чертой оседлости», за которую евреям не разрешалось выезжать. Впрочем, не всем: делалось исключение для купцов I и II гильдии, юристов, врачей и... проституток. В последнюю категорию формально записывались интеллигентные еврейские девушки, желавшие получить образование в России. Таким образом, **русское интеллигентное общество знакомилось, главным образом, с интеллигенцией и элитой еврейского общества.** Но тот, кто, как я, еще успел увидеть своими глазами подлинное еврейское местечко до поголовного истребления его жителей Гитлером, может засвидетельствовать, что здесь не было посягновений на капитал и на финансовую власть, а господствовала одна угнетающая, никогда нигде мной более не виданная нищета.

Единственно, что действительно отличало евреев во все времена – это то, что были они «люди книги», по требованию своей религии поголовно грамотными в течение двух с половиной тысяч лет. Это, естественно, давало им известное социальное и жизненное преимущество.

Я уже отметил, что идеи Л. Н. Гумилева, несмотря на многие спорные положения, заслуживают внимательного прочтения. Но, учитывая перечисленные неточности и

тенденциозные толкования, можно заключить, что «Древняя Русь и Великая Степь» – не лучшее произведение Л. Н. Гумилева.

В. А. Мичурин. Возрождение Ирана в свете теории этногенеза

1

В последнее время в мире все больший интерес вызывает феномен «исламского возрождения» в странах Ближнего и Среднего Востока. Действительно, почти во всех странах этого региона созданы исламские неформальные религиозно-политические организации, активно заявившие о себе в общественной жизни. В ряде государств (в 1982 г. в Сирии, в 1992 г. в Алжире) эти организации предприняли попытки захвата власти.

Однако в ранг первостепенных проблем мировой политики феномен «исламского возрождения» поставила антишахская революция 1979 года в Иране. По напряжению общественных сил, накалу страстей, числу жертв она не имеет прецедентов в странах «третьего мира». Кроме того, провозглашенная победившим в результате революции слоем исламская идеология существенно отличается от трактовок ислама, принятых в других странах, прежде всего своим наступательным, непримиримым духом. Эта идеология также никак не может быть сведена ни к одной из распространившихся в 19–20 веках революционных доктрин социалистического толка. Значительно влияние иранской революции на другие страны исламского мира. Все это заставляет исследовать внутренние процессы, превратившие Иран из аморфной полукolonии России и Запада, которой он был более 100 лет, а уникальный центр идейного притяжения и политической активности, которым он стал сейчас. Отметим, что иранская революция не была совершена какой-либо единой организацией, созданной до ее начала. Наоборот, наиболее мощные исламские организации (исламская республиканская партия, Корпус стражей исламской революции и др.) формировались и ширились в ходе самой революции, исходя из принципа «свой-чужой».

Коренным для нас является вопрос: каковы источники пассионарности, преобразовавшие Иран? Задаться этим вопросом нас вынудила бросающаяся в глаза разница степени активности иранского населения в 1979 году и 100, 150, 200 лет назад. Обратимся к историческим фактам.

К началу XIX века Персия была очень слабым государством, налицо были все признаки низкого уровня пассионарности. Инерция пассионарного толчка VI века н. э., поднявшего некогда исламский мир и оплодотворившего пассионарностью Ближний и Средний Восток, иссякла (с его момента прошло уже более 1300 лет). Некоторое количество пассионарного генофонда могло быть привнесено в Персию в период монгольского завоевания, бывшего результатом более позднего пассионарного толчка XI века. Пришедшая из Великой степи пассионарность сказывалась в XVIII веке, когда после падения династии Сефевидов и нашествий афганцев власть в стране захватило тюркское племя каджаров (потомки Каджар-нойона). Оно несколько выделялось своей активностью, удерживая власть. Но в начале XIX века Персия уже стала ареной борьбы России, Англии и Франции, пытавшихся перетянуть, каждая на свою сторону, безынициативного Фетх-Али-хана. Впрочем, Фетх-Али-хан пытался воевать с Россией, но безуспешно. Типичный эпизод этой войны, характеризующий уровень боеспособности персидских войск: 12 октября 1812 года на Араксе генерал Котляревский напал на 10-тысячную персидскую армию наследного принца Аббаса-Мирзы, имея лишь 1500 солдат и 500 казаков. Победа была полной, персидская армия бежала. Затем генерал взял приступом Аркеван и Ленкорань. В целом война завершилась полным поражением Персии.

На примере предпринятой в 1837 году шахом Мухаммедом попытки взять Герат можно

ярко продемонстрировать, что такое война в отсутствии пассионарных личностей. В 1836 году персидская армия просто не смогла дойти до Герата из-за нехватки съестных припасов, но в ноябре 1837 года шах с громадной армией осадил город и простоял под его стенами до сентября 1838 года. При помощи артиллерии, имевшейся у персов, ничего не стоило пробить в городских стенах брешь. Но шах приказал стрелять из пушек так, чтобы ядра перелетали крепость. Он рассчитывал, что жители Герата испугаются звука выстрелов и сдадутся. Персы так и не предприняли штурма.

Осада кончилась тем, что в лагерь шаха прибыл английский полковник Стоддарт и просто потребовал снять ее. В результате шах отступил, а целом война кончилась тем, что Персия приняла все условия англичан, бывших на стороне гератского князя.

Такому «боевому духу» персидской армии вполне соответствовали развал и затхлость всех областей общественной жизни, характерные для фазы обскурации – «сумерков» этногенеза, когда этнос растратил все запасы пассионарности.

Первые люди нового склада появились в Персии в первой половине XIX века, пока еще в очень незначительном числе. Это были последователи («мюриды») Шейха Ахмеда из городка Лехзи, а в дальнейшем – сторонники секты бабидов. Здесь следует сделать принципиальную оговорку: мы говорим не о зарождении новой идеологии, а о появлении пассионариев – людей с новой психической конституцией.

Облик и деятельность Баба – основателя нового вероучения, а также его сторонников – бабидов очень характерны для первых поколений пассионариев, возникших в результате пассионарного толчка. Окружающим обывателям эти люди казались полубезумными фанатиками, экзальтированными мистиками. Уверовавшие в Баба, наоборот, отмечали его необычайное личное обаяние, красоту, особую манеру держать себя. Характерен резкий барьер и взаимная неприязнь между новообращенными и большинством населения, нечувствительным к проповеди. Важны также некоторые элементы проповеди Баба (его имя означает «дверь», посредник между мессией-махди и народом, подготовляющий пришествие махди). Баб учил, что мир надо исправить, установив царство справедливости; существующая власть – это «анти-махди» (что соответствует в христианской теологии понятию «антихрист»), в жизни необходим аскетизм. Среди его последователей были выдающиеся проповедники: так, молодая девушка Тахире в короткое время создала многолюдную общину.

В 1848 году началась бабидская революция, жестко подавленная; в 1849 году был казнен Баб. После устроенной правительством в 1852 году резни бабиды частично были истреблены, частично вынуждены были покинуть Персию, перенеся свою пропаганду на другие страны. Во второй половине XIX века на основе бабизма была создана секта бехаитов, активно действующая и поныне.

Бабиды потерпели очень жестокое поражение, но пассионарный подъем в стране не был остановлен. После некоторой паузы он возобновился. В новых поколениях опять стали появляться люди, ищущие удовлетворения своей жажде деятельности и познания. Хотя загнивание государственной системы страны, превратившейся в полуколонию, продолжалось, конец XIX века отмечен созданием различных политических обществ и волнениями по всей стране. Появляется панисламизм и левое движение. 1 мая 1896 года панисламист Реза Кермани убил Насер-эд-Дин-шаха. К 1905 году антиправительственное движение вылилось в революцию, протекавшую на этот раз преимущественно под левыми лозунгами. В ходе революции по всей стране создавались «энджумены» – первичные консорции (вроде профсоюзов). В середине 1907 года в одном Тегеране было 140 энджуменов, а в июне 1908 – около 200, в том числе исламские энджумены. Были созданы левые политические организации моджахединов и федаинов (воссозданные затем в 60-е годы и сыгравшие немалую роль в

революции 1979 года). В 1908 году первый министр правительства был убит федаином, было также покушение и на жизнь шаха. Для подавления многочисленных восстаний по всей стране привлекались русские войска (с переменным успехом). Но в июле 1909 года Мохаммед-Али-шах все же был свергнут. Революция была подавлена только в 1911 году русскими и англичанами.

Восстания под самыми различными лозунгами (прогерманскими, исламскими, левыми, антианглийскими, национальными) продолжались и во время первой мировой войны, и в 20-е годы, причем почти по всей стране. Это говорит о появлении в Иране большого количества пассионариев, выдвигавших множество разных, противоречащих друг другу программ действий. Однако общей объединяющей доминанты пока не было.

В 1921 году к власти пришел Реза-хан в 1925 году воцарившийся в качестве Пехлеви Реза-шаха. Ему удалось потушить большинство очагов восстаний. Реза-шах взял курс на европеизацию страны, укрепление государственности и армии, национализм и определенное ограничение влияния ислама. После 1941 года, когда Реза-шах отрекся от престола в пользу сына, прогерманская ориентация сменилась на проамериканскую, влияние США и Англии в стране резко возросло. В качестве реакции на это в стране стало нарастать антизападное движение, в основном в связи с вопросом о национализации Англо-Иранской компании. После свержения правительства Мосаддыка, национализировавшего компанию, страна вернулась к прозападному курсу. Однако внутри иранского общества уже вызревали силы, призванные преобразить его. Теперь, когда мы знаем дальнейший ход событий, особое внимание следует уделить образованию в конце 40-х годов группой молодых мулл и толлабов медресе мусульманской экстремистско-террористической организации «Федаяне ислам», связанной с рядом представителей высшего духовенства. На ее счету было убийство шахского премьер-министра Размары, но после покушения на следующего премьера Х. Ала организация была жесточайшим образом разгромлена.

В 1963 году шах Мохаммед Реза Пехлеви (сын Реза-шаха) начал реформы, получившие название «белой революции». «Белая революция» была призвана превратить Иран в современное процветающее государство, своего рода «ближневосточную Японию». Страна действительно развивалась быстрыми темпами. Возможно, мечтам шаха, проводившего реформы с немалой энергией, суждено было бы сбыться, если бы не появление нового поколения пассионариев, объединенных ненавистью к шаху и избранной им модели развития общества. Закономерности этногенеза оказались сильнее, чем планы правившей Ираном верхушки, несмотря на всю мощь США, поддержавших шаха.

2

К концу 70-х годов борьба с шахским режимом приобрела острую массовую форму. Напряжение сил с обеих сторон было значительным. Достаточно сказать, что за два последних года своего правления шахским режимом в ходе подавления восстаний было убито, по разным оценкам, от 15 до 65 тыс. человек и искалечено более 100 тыс. человек. Очевидно, что шахский режим отнюдь не был дряхлым и бессильным. Это отличает иранскую революцию от многих других раздутых пропагандой «революций», сводившихся, по сути, к простой смене не способных к дальнейшему правлению режимов.

В феврале 1979 года, после прибытия в страну очень авторитетного аятоллы Хомейни, шахский режим был окончательно свергнут, несмотря на уступки, которые делал глава правительства Шахпур Бахтияр. Ненависть к режиму была столь велика, что людей уже не интересовало, выполняет правительство требования восставших или нет (шах к тому времени

покинул страну, а Бахтияр подписал указы о роспуске репрессивного аппарата САВАК и привлечении к суду бывших шахских министров). С 9 февраля началось всеобщее вооруженное восстание, к 12 февраля закончившееся победой. Счет погибших и раненых за эти дни шел на тысячи. Только в одном Тегеране в ходе восстания было убито свыше 650 человек.

После победы революции выяснилось, что принимавшие участие в ней многообразные силы почти ничем, кроме ненависти к шаху, не объединены. При этом обнаружилось, что в отличие от событий 1905–1911 годов в революционном движении преобладает исламское крыло, руководимое крайне активным шиитским духовенством, а не левые организации. Роль неформального вождя революции с самого ее начала стал играть аятолла Хомейни, последовательно стоявший на позициях исламского фундаментализма.

Сам Хомейни, возглавивший революцию в 79 лет, представляет собой типичного пассионария высшего, жертвенного типа и может быть поставлен в один ряд с такими историческими фигурами, как Ян Гус, Лютер или протопоп Аввакум. Борьбу за свои идеи он начал еще в 30-е годы, подпольно читая лекции и подготовив сотни последователей для будущей борьбы с режимом. В 1962 году Хомейни, став аятоллой, возглавил забастовку духовенства. В попытках заставить молчать Хомейни дважды арестовывали, но тщетно: в письме на имя премьер-министра он заявлял, что сердце его готово быть пронзенным штыками солдат. Непокорный аятолла был выслан в Турцию, но не прекращал антишахской пропаганды. В Иране за одно только хранение его трудов полагалось 10-летнее тюремное заключение. Жизнь Хомейни и за границей находилась под постоянной угрозой, так как агентура САВАК стремилась уничтожить противников шаха.

Но несмотря на громадный авторитет Хомейни, даже ему было крайне трудно руководить послереволюционным Ираном. Тем более в сложном положении оказался новый премьер-министр страны Мехди Базарган, деятель довольно умеренной ориентации. В стране существовало бесчисленное множество организаций безличного направления, причем каждая готова была отстаивать свои идеалы с оружием в руках. Так, полувоеннизированные левые организации федаинов и моджахединов, захватив соответственно центр допросов и заключения САВАК и здание Фонда Пехлеви, создали там свои штаб-квартиры, превращенные, по существу, в крепости, охрана которых располагала тяжелым оружием и бронетехникой. По всей стране были созданы сотни революционных комитетов (в одном Тегеране – до 400), не поддающихся ничьему контролю. Они проводили аресты и даже казни, их отряды производили нападения на собрания политических противников. Многие революционные деятели (Язди, Готбзаде и др.) обзавелись своими личными вооруженными отрядами. В Тегеране постоянно происходили многотысячные митинги и манифестации, проводимые по инициативе различных организаций. Они часто кончались вооруженными столкновениями. В целом обстановка в стране балансировала на грани гражданской войны. К тому же после революции усилились волнения и восстания в районах проживания национальных меньшинств, особенно курдов.

Вот как описывал положение в послереволюционном Иране премьер-министр М. Базарган: «...забастовочные и революционные комитеты повсюду подменяют правительственные органы, принимая решения, которые не входят в их компетенцию. У каждой мечети есть свой революционный совет. Так что правительство принимает одно решение, а все эти органы – другое... Мы уже не говорим о людях, творящих правосудие с помощью телесных наказаний, о муллах, которые ведут себя в провинциях как проконсулы, о леваках, подстрекающих рабочих и солдат. Либо положение в этой области прояснится до референдума... либо я уйду в отставку». Действительно, править Ираном в тогдашней обстановке было столь же сложно, как управлять разлетающимися осколками взорвавшегося парового котла.

Постепенно в раздираемом политической борьбой иранском обществе все же стала борьбой иранском обществе все же стала проявляться осевая линия развития, этническая доминанта, притягивающая все больше пассионариев. Это был исламский фундаментализм шиитского исповедания. Начали формироваться все новые и новые исламские организации, соперничающие в своей непримиримости и готовности к жертвам во имя исламской революции и имама Хомейни: Исламская республиканская партия, «Организация борцов за святое дело исламской революции», «Хезболла» («Партия аллаха») и другие. Вновь появилась организация «Федаяне эслам». Но наибольшее значение имело создание «Корпуса стражей исламской революции» (КСИР) – уникального формирования, быстро приобретшего черты военно-религиозного ордена. В последующие годы ходе ирано-иракской войны КСИР превратился, по сути, в параллельные вооруженные силы, имеющие сухопутные войска, ВВС, ВМС и собственную военную промышленность. Официально объявленной исламской революции на весь мир, личный состав корпуса отличается особым фанатизмом и воспитывается по специальной системе, сочетающей боевую и религиозно-идеологическую подготовку. КСИР сыграл основную роль в подавлении волнений национальных меньшинств, на фронте формирования КСИР выполняли функцию ударных частей.

Постепенно мусульманское духовенство, опираясь на быстро растущие и укрепляющиеся фундаменталистские организации, перешло в решительное наступление. В августе 1979 года был нанесен удар по левым организациям, многие из которых перешли на полулегальное положение, и перешли на полулегальное положение, и по курдскому движению. Власть все более сосредотачивалась не в Тегеране у правительства, а в Куме, у Хомейни и высшего духовенства. Окончательный удар по духовенству был нанесен после захвата в ноябре 1979 года группой членов Организации мусульманских студентов американского посольства в Тегеране. Все было совершено с ведома Хомейни. Очередной кризис окончился отставкой Базаргана и разгромом либерального и левого движений. Были арестованы и казнены многие известные исламские революционные деятели, обвиненные в связях с ЦРУ (например, Готб-заде). На организации моджахединов и федаинов были обрушены массовые репрессии, на которые они ответили ожесточенной террористической борьбой. Фактически борьба с левыми организациями обернулась гражданской войной, шедшей одновременно с битвами на фронте с Ираком. В 1981–1982 годах моджахедами было убито несколько тысяч высших политических и религиозных деятелей режима, сотрудников госбезопасности, членов командного состава КСИР. С другой стороны, с июня 1981 года по июль 1983 года было казнено примерно 30 тысяч членов и сторонников этой организации.

Постепенно кипящий пассионарностью Иран превращался в невиданное в 20 веке общество теократического типа. Он уже ничем не напоминал не только затхлое общество Персии 19 века, но и тянувшийся к западной цивилизации шахский Иран времен «белой революции».

3

В сентябре 1980 года началась ирано-иракская война. Она стала одним из самых длительных, ожесточенных и кровопролитных вооруженных конфликтов 20 века. Потери сторон, по оценкам военных экспертов, превысили 1 млн. человек.

В начале войны Ирак имел не только стратегическую инициативу, но и неплохие шансы на победу. Они заключались в том, что иранская армия была отчасти дезорганизована в ходе революции, а затем поставки оружия и, что особенно важно, запасных частей к боевой технике из-за границы были затруднены вследствие международной изоляции Ирана. Ирак же закупил

большое количество вооружений и достиг в ходе войны значительного технического перевеса над противником. Однако иракское руководство не учитывало «фактора икс» – пассионарности, которая имела в Иране в избытке. В первые же месяцы войны на фронт направилось огромное количество бойцов КСИР и ополченцев. Многие из них готовы были стать «шахидами» (то есть отдать жизнь за веру). Военные специалисты отмечают, что боевые действия велись иранской стороной за счет ставки на многочисленность и фанатизм личного состава. Ввиду того, что к 1982 году Иран имел армию общей численностью до 235 тысяч человек, а Ирак – 320 тысяч, приходится сделать вывод, что главная ставка делалась именно на фанатизм.

Зачастую первый эшелон атакующих иранцев состоял из добровольцев-ополченцев (возраст 14–15 лет), которые ценой своей жизни разминировали минные поля и обеспечивали таким образом ввод в бой регулярных частей.

Между сентябрем 1981 и летом 1982 годов Иран сумел вернуть себе почти все утраченные позиции. А после отвода иракских войск на линию государственной границы инициатива в ведении боевых действий надолго перешла на сторону Ирана. Он взял курс на длительную вооруженную борьбу и истощение противника. Фактической целью войны было свержение режима Саддама Хусейна и провозглашение в Ираке исламской республики. Не считаясь с людскими потерями, в условиях недостатка тяжелой техники и боеприпасов иранское командование начало «прогрызать» оборону противника на узких участках. Достаточно описать одну наступательную операцию Ирана – «Валь фаджр-8». Она началась в ночь с 8 на 9 февраля 1986 года, когда более 100 тысяч человек на южном участке фронта захватили город Фао и пытались нанести удар по Басре, но, попав под сильный огонь артиллерии Ирака, были остановлены. Иракские войска нанесли 12–14 февраля фронтальные контрудары. За период операции Иран потерял до 50 тыс. человек убитыми и ранеными, захватив небольшие участки территории.

Печальный «рекорд» был поставлен во время попытки Ирана в декабре 1986 года захватить ряд плацдармов на западном берегу реки Шатт-эль-Араб. За два дня боев иранцы потеряли 10 тысяч человек только убитыми. Во время войны применялось химическое оружие, не использовавшееся даже в период 2 мировой войны.

Для характеристики уровня пассионарного напряжения ново-иранского этноса важно, что недостаток оружия, боеприпасов и запасных частей компенсировался иранским командованием за счет фанатизма войск. Так, по данным журнала «Мидл Ист экономик дайджест», летом 1984 года Ирак превосходил Иран по числу боеспособных самолетов в 4–5 раз, бронетранспортеров в 4 раза, танков – в 2,5 раза. Подобные соотношения были характерны и для других периодов войны. И, несмотря на это, в течение почти всей войны Иран удерживал наступательную инициативу (Ирак стал контрнаступать только в 1988 году). Интересен такой факт: из-за разногласий между регулярной армией и КСИР прямо в ходе боевых действий между ними возникали вооруженные столкновения. А чтобы оценить скачок пассионарности в Иране за 150 лет, достаточно вспомнить «достославную» осаду Герата, снятую из-за окрика английского полковника.

4

Подводя итоги, следует отметить типические черты фазы подъема, выявленные ранее на основе изучения всемирной истории, наблюдаемые в Иране 19–20 веков.

1. Появление людей нового склада – пассионариев, во все возрастающем количестве. Причем рост их числа шел волнообразно. Выделяется три пика пассионарности – 40-е годы XIX

века (бабидская революция), начало XX века (революционные события, появление левого и исламских движений) и, наконец, исламская революция и создание нового, теократического Ирана.

1. Повышение активности во всех сферах жизнедеятельности, политической, военной, религиозной, культурной. Политически Иран претендует на роль лидера исламского мира, распространяет свое влияние на другие страны; в военной сфере он выдержал изнурительную войну, создав мощную армию и военную индустрию; об активизации религиозной жизни говорить излишне.

2. Рост числа подсистем этноса. Сформировавшееся в XX веке пассионарное духовенство настолько отлично от своих предшественников XVIII и XIX веков, что его можно расценить как новый субэтнос в составе иранского этноса, причем к настоящему времени правящий. Консорции образовывались сотнями в каждый из пассионарных пиков (энджумены в начале XX века, революционные комитеты в 1979 году). Многие консорции достигли большой численности (партии, военизированные организации).

3. Жесткая регламентация поведения членов новой системы, Неожиданно после столетия усиленной вестернизации в Иране жесточайшим образом внедрены исламские нормы жизни, касающиеся даже бытовых вещей (ношение чадры, запрет употребления свинины и вина и т. д.). Характерно для фазы подъема и насаждение нравственных норм, проводимое сейчас в Иране.

4. Территориальное расширение ареала этноса, наблюдаемое в фазе подъема, было остановлено в 80-е годы XX века только лишь путем огромных поставок современного вооружения в Ирак (не исключено, что Ирак также был преобразован пассионарным толчком).

5. Создание совершенно новой ментальности, нового мироощущения и мировоззрения, охватившего массы людей. Оно несет на себе характерные черты фазы подъема: императив «надо изменить мир, ибо он плох», мессианизм (призывы распространить исламскую революцию на весь мир).

Активность нового Ирана после локального спада, вызванного гибелью большого количества пассионариев во время революции и войны, будет безусловно, возрастет и дальше. То, что мы наблюдаем сейчас в регионе Ближнего и Среднего Востока – лишь прелюдия к грядущим событиям.

А. Л. Янов. Учение Льва Гумилева

Лев Николаевич Гумилев – уважаемое в России имя. Уважают его притом и «западники», которых он, скажем мягко, недолюбливал, и «патриоты», хотя многие из них и относились к нему с опаской. Вот что говорит о нем с восхищением в западной «Литературной газете» (24 июня 1992 года) петербургский писатель Гелиан Прохоров: «Бог дал ему возможность самому публично изложить свою теорию... И она стала теперь общим достоянием и пьянит, побуждая думать теперь уже всю страну». Андрей Писарев из «патриотического» «Нашего современника» был в беседе с мэтром не менее почтителен: «Сегодня вы представляете единственную серьезную историческую школу в России» (1, с. 132). И все-таки мне кажется, что роль, которую предстоит сыграть Гумилеву в общественном сознании России после смерти, неизмеримо более значительна, нежели та, которую играл он при жизни.

Сын знаменитого поэта «Серебряного века» Николая Гумилева, расстрелянного большевиками во время гражданской войны, и великой Анны Ахматовой, человек, прошедший в общей сложности четырнадцать лет в тюрьмах и сталинских лагерях и сумевший после

освобождения защитить две докторские диссертации, по истории (1961) и по географии (1974), опубликовавший девять книг [1], где он бросил вызов мировой науке, оспорил Арнольда Тойнби и предложил собственное объяснение загадок всемирной истории, Лев Гумилев был одним из самых талантливых и, без сомнения, самым эрудированным представителем молчаливого большинства советской интеллигенции.

Как в двух словах сказать о том слое, из которого вышел Гумилев? Эти люди с режимом не воевали. Но и лояльны они были ему только внешне. «Ни мира, ни войны!» – этот девиз стал <...> для них принципиальной жизненной позицией. Вполне уважаемой позицией. По крайней мере, она позволяла им сохранить человеческое достоинство в условиях посттоталитарного режима. Или так им казалось.

Заплатить за нее, однако, пришлось им очень дорого. Погребенные под глыбами вездесущей цензуры, они оказались отрезанными от мировой культуры и вынуждены были создать свой собственный, изолированный и монологичный «мир», где идеи рождались, старились и умирали, так и не успев реализоваться, где гипотезы провозглашались, но навсегда оставались непроверенными. Всю жизнь оберегали они в себе колеблющийся огонек «тайной внутренней свободы», но до такой степени привыкли к эзоповскому языку, что он постепенно стал для них родным. В результате вышли они на свет постсоветского общества со страшными, незаживающими шрамами. Лев Гумилев, конечно, разделил с ними все парадоксы этого «катакомбного» существования – и мышления.

Патриотическая наука

Всю жизнь старался он держаться так далеко от политики, как мог. Он никогда не искал ссор с цензурой и при всяком удобном случае клялся «диалектическим материализмом». Более того, у нас нет ни малейших оснований сомневаться, что свою грандиозную гипотезу, претендующую на окончательное объяснение истории человечества, он искренне полагал марксистской *1. Ему случалось даже упрекать оппонентов в отступлениях от «исторического материализма» [2]. Маркс, говорил он, предвидел в своих ранних работах возникновение принципиально новой науки о мире, синтезирующей все старые учения о природе и человеке. В 1980-е Гумилев был уверен, что человечество – в его лице – «на пороге создания этой новой марксистской науки». В 1992 году он умер в убеждении, что создал такую науку.

И в то же время он парадоксально подчеркивал свою близость с самыми яростными противниками марксизма в русской политической мысли XX века – евразийцами [3]. «Меня называют евразийцем – и я не отказываюсь... С основными историко-методологическими выводами евразийцев я согласен» (1, с. 132), Его не смущала, однако, не только уничтожающая критика марксизма. Не смущала его и безусловная антизападная ориентация евразийцев, которая – после сильного, блестящего и вполне либерального начала в 1920-е годы – привела их в лагерь экстремистского национализма, а затем к вырождению в реакционную эмигрантскую секту.

Ничего особенного в этой эволюции евразийства, разумеется, не было. В конце концов все русские антизападные движения, как бы либерально они ни начинали, всегда проходили аналогичный путь вырождения* 2. Я сам описал в «Русской идее» трагическую судьбу славянофилов [4]. <...> Нам остается сейчас только гадать, как мог не обратить внимания на это вырождение Гумилев. И как увязывалась в его сознании близость к евразийцам с верностью «историческому материализму».

Эта способность без лицемерия и внутреннего раздвоения служить (а Гумилев рассматривал свою работу как общественное служение) под знаменами сразу двух

взаимоисключающих школ мысли вовсе не была, увы, единственным парадоксом, который разделял он с молчаливым большинством советской интеллигенции. Вот еще один пример.

Гумилев настаивал на строгой научности своей теории и пытался обосновать ее со всей доступной ему скрупулезностью. Я ученый – как бы говорит каждая страница его книг, – и политика, будь то официальная или оппозиционная, западническая или «патриотическая», ничего общего с духом и смыслом моего труда не имеет. И в то же время, отражая атаки справа, ему не раз случалось доказывать безукоризненную патриотичность своей науки, далеко превосходящую, по его мнению, «патриотичность» его националистических критиков.

Говоря, например, об общепринятой в российской историографии концепции татаро-монгольского ига над Россией XIII–XV веков, само существование которого Гумилев яростно отвергал, он с порога отбрасывал аргументы либеральных историков: «Что касается „западников“, – то мне не хочется спорить с невежественными интеллигентами, не выучившими ни истории, ни географии» (1, с. 134), несмотря даже на то, что в числе этих «невежественных интеллигентов» оказались практически все ведущие русские историки. Возмущало его лишь «признание этой концепции историками национального направления». Это он находил «поистине странным». И удивлялся: «Никак не пойму, почему люди, патриотично настроенные, так обожают миф об „иге“, выдуманный... немцами и французами... Даже непонятно, как историки смеют утверждать, что их трактовка в данном случае патриотична?» (там же).

Ученому вовсе, оказывается, не резало ухо словосочетание «патриотическая трактовка» научной проблемы. Если это наука, то что же тогда политика?

Вопросы Гумилева

Новое поколение, вступившее в журнальные баталии при свете гласности, начало с того, что дерзко вызвало к барьеру бывшее молчаливое большинство советской интеллигенции. Николай Климонтович пишет в своей беспощадной инвективе: «Нынешнее время требует от них эту взлелеянную во тьме „реакции“ свободу духа – предъявить. И мы утыкаемся в роковой вопрос: была ли „тайная свобода“, есть ли что предъявлять, не превратятся ли эти золотые россыпи при свете дня в прах и золу?» (2, с. 11).

Не знаю, как другие, но Лев Гумилев перчатку, брошенную Климонтовичем, поднял бы несомненно. Ему есть что «предъявить». Его девять книг, его отважный штурм загадок мировой истории – это, если угодно, его храм, возведенный во тьме реакции и продолжающий, как видим, привлекать верующих при свете дня. Загадки, которые он пытался разгадать, поистине грандиозны.

В самом деле, кто и когда объяснил, почему, скажем, дикие и малочисленные кочевники-монголы вдруг ворвались на историческую сцену в XIII веке и ринулись покорять мир, громя по пути богатейшие и культурные цивилизации Китая, Средней Азии, Ближнего Востока и Киевской Руси, – только затем, чтобы несколько столетий спустя тихо сойти с этой сцены, словно их никогда там и не было? А другие кочевники – столь же внезапно возникшие из Аравийской пустыни и на протяжении столетия ставшие владыками полумира, вершителями судеб одной из самых процветающих цивилизаций в истории? Разве не кончилось их фантастическое возвышение таким же, как монгольское, превращением в статистов этой истории? А гунны, появившиеся ниоткуда и рассеявшиеся в никуда? А вечная загадка величия и падения Древнего Рима?

Откуда взлетели и куда закатились все эти исторические метеоры? И почему? Не перечать философов и историков, пытавшихся на протяжении столетий ответить на эти

вопросы. Но ведь общепризнанных ответов на них нет и по сию пору. И вот Гумилев, опираясь на свою устрашающую эрудицию, предлагает совершенно оригинальные ответы. Разве сама уже дерзость, сам грандиозный размах этого предприятия, обнимающего 22 столетия (от VIII века до нашей эры), не заслуживает безусловного уважения?

Гипотеза

Дерзости и оригинальности, однако, для открытия таких масштабов недостаточно. Как хорошо знают все причастные к науке, для того чтобы в открытие поверили, должен существовать способ его проверить. Другими словами, оно должно быть верифицируемо. Есть и еще ряд общепринятых требований к научному открытию. Например, оно должно быть логически непротиворечиво и универсально, то есть объяснять все факты в области, которую оно затрагивает, а не только те, которым отдает предпочтение автор, оно должно действовать всегда, а не только тогда, когда автор считает нужным, и т. д. Присмотримся же к ответам Гумилева с этой точки зрения, начав, как и он, с терминов и самых общих соображений о «географической оболочке планеты Земля, в состав которой наряду с литосферой, гидросферой, атмосферой входит биосфера, частью коей является антропосфера, состоящая из этносов, возникающих и исчезающих в историческом времени» (4, с. 201). Пока что ничего особенного тут нет.

Термин «биосфера» как совокупность деятельности живых организмов был введен в оборот еще в прошлом веке австрийским геологом Эдуардом Зюссом (гипотезу, что биосфера может воздействовать на жизненные процессы как геохимический фактор планетарного масштаба, выдвинул в 1926 году академик Владимир Вернадский). О причинах исчезновения древних цивилизаций философы спорят еще со времен блаженного Августина. Действительная оригинальность гипотезы Гумилева в том, что она связала два этих ряда никак словно бы не связанных между собою явлений – геохимический с цивилизационным, природный с историческим. Это, собственно, и имел он в виду под универсальной марксистской наукой, которую он создал.

Для этого понадобилось ему, правда, одно небольшое, скажем, допущение (недоброжелательный критик назвал бы его передержкой), которое никак проверено быть не может. Под пером Гумилева геохимический фактор Вернадского как-то сам собою превращается в биохимическую энергию. И с введением этого нового фактора невинная биосфера Зюсса вдруг оживает, трансформируясь в гигантский генератор «избыточной биохимической энергии», в некое подобие небесного вулкана, время от времени извергающего на Землю потоки неведомой и невидимой энергетической лавы (которую Гумилев называет «пассионарностью»). Именно эти извержения пассионарности, произвольные и не поддающиеся никакой периодизации, и создают, утверждает он, новые нации (этносы) и цивилизации (суперэтносы). А когда пассионарность постепенно покидает эти новые этносы («процесс энтропии»), они умирают. Вот вам и разгадка возникновения и исчезновения цивилизаций.

Что происходит с этносами между рождением и смертью? То же примерно, что и с людьми. Они становятся на ноги («консолидация системы»), впадают в подростковое буйство («фаза энергетического перегрева»), взрослеют и, естественно, стареют («фаза надлома»), а потом как бы уходят на пенсию («инерционная фаза») и наконец выпускают дух (или вступают в «фазу обскурации»). Все это вместе и называет Гумилев этногенезом.

Вот так оно, по Гумилеву, случается: живет себе народ тихо и мирно в состоянии «гомеостаза», а потом вдруг обрушивается на него «пассионарный толчок», или «взрыв

этногенеза», и он преобразуется в этнос, то есть перестает быть просто социальным коллективом и становится «явлением природы». И с этого момента «моральные оценки так же неприменимы, как ко всем явлениям природы...» (там же), И дальше ничего уже от него не зависит. На ближайшие 1200–1500 лет (ибо именно столько продолжается этногенез, по 300 лет на каждую фазу) он в плену своей собственной пассионарности. Все изменения, которые с ним отныне случаются, могут быть исключительно возрастными. Все в его истории расплано наперед, детерминировано с жесткостью, соперничающей с фаталистическими конструкциями Шпенглера.

Вот, скажем, происходит в Западной Европе в XVI веке Реформация, рождается протестантизм и с ним буржуазия, начинается так называемое Новое время. Почему? Многие ученые пытались объяснить этот феномен земными и историческими причинами. Возобладала точка зрения Макса Вебера, связавшая происхождение буржуазии с протестантизмом. Ничего подобного, говорит Гумилев:

«Реформация была не бунтом идеи, а фазой этногенеза, переломом *характерным* для перехода от фазы надлома к инерционной» (5, с. 338). А что такое инерционная фаза? Упадок, потеря жизненных сил, постепенное умирание. «Картина этого упадка обманчива. Он носит маску благосостояния и процветания, которое представляется современникам вечным... Но это лишь утешительный самообман *что становится очевидно*, как только наступает следующее и на этот раз финальное падение. Последняя фаза этногенеза деструктивна. Члены этноса... предаются грабежам и алчности» (5, с. 355).

Это, как понимает читатель, относится к западноевропейскому суперэтносу. Через 300 лет после вступления в «инерционную фазу» он агонизирует на наших глазах, он живой мертвец. И если мы еще этого не видим, то лишь по причине «утешительного самообмана».

Совсем другое дело – Россия. Она намного (на пять столетий, по подсчетам Гумилева) моложе Запада. Ей в отличие от него предстоит еще долгая жизнь. Но и она, конечно, в плену своего возраста. Именно этим и обусловлено все, что с ней сейчас происходит. Люди ломают себе голову над происхождением перестройки, а на самом деле ровно ничего загадочного в ней нет; «Мы находимся в конце фазы надлома (если хотите – в климаксе), а это возрастная болезнь» (1, с. 141).

Так же, как совершенно несерьезными кажутся Гумилеву попытки Вебера и современных ученых объяснить происхождение западноевропейской Реформации или российской перестройки, нелепыми представляются ему и попытки Арнольда Тойнби предложить в его двенадцатитомной «Науке истории» некие общеисторические причины исчезновения древних цивилизаций. По мнению Гумилева, Тойнби лишь «компрометирует плодотворный научный замысел слабой аргументацией и неудачным его применением» (5, с. 152). Вместо всех этих безнадежно любительских попыток Гумилев предлагает Науку, позволяющую не только объяснить прошлое, но и предсказывать будущее:

«Феномен, который я открыл и описал, может решить проблемы этногенеза и этнической истории» (5, 215).

«Контроверза» Гумилева

Смысл его гипотезы, как видим, заключается в объяснении исторических явлений (рождение новых этносов) природными (предполагаемыми извержениями биосферы). Но откуда узнаем мы о самом существовании этих природных возмущений? Оказывается, из той же истории: «Этногенезы на всех фазах – удел естествознания, но изучение их возможно только путем познания истории...» (4, с. 201). Другими словами, мы ровно ничего о деятельности

биосферы по производству этносов не знаем, кроме того, что она, по мнению Гумилева, их производит. Появился где-нибудь на Земле новый этнос – значит, произошло извержение биосферы.

Откуда, однако, узнаем мы, что на Земле появился новый этнос? Оказывается, из «пассионарного взрыва», то есть из извержения биосферы. Таким образом, объясняя природные явления историческими, мы в то же время объясняем исторические явления природными. Это экзотическое круговое объяснение, смешивающее предмет точных наук с предметом наук гуманитарных, требует, разумеется, от автора удвоенной скрупулезности. По меньшей мере, он должен совершенно недвусмысленно объяснить читателю, что такое новый этнос, что именно делает его новым и на основании какого объективного критерия можем мы определить его принципиальную новизну.

Парадокс гипотезы Гумилева состоит в том, что никакого такого объективного критерия в ней просто нет. Чтобы не быть голословным, я попытаюсь сейчас показать это на примере.

Вот как выглядит под пером Гумилева рождение, например, «великорусского этноса» – в контексте яростной диатрибы против всей русской историографии с ее нелепой, по мнению Гумилева, уверенностью в существовании татаро-монгольского ига.

«В XI веке европейское рыцарство и буржуазия под знаменем римской церкви начали первую колониальную экспансию – крестовые походы» (6, с. 16), И хотя рыцари завоевали на время Иерусалим и Константинополь, главным направлением «колониальной экспансии» оказалась, как думает Гумилев, Русь. Наступление шло из Прибалтики, «она являлась плацдармом для всего европейского рыцарства и богатого Ганзейского союза северонемецких городов. Силы агрессоров были неисчерпаемы» (там же). «Защита самостоятельности государственной, идеологической, бытовой и даже творческой означала войну с агрессией Запада...» (6, с. 17). «Русь совершенно реально могла превратиться в колонию, зависимую территорию Западной Европы... наши предки в Великороссии могли оказаться в положении угнетенной этнической массы без духовных вождей, подобно украинцам и белорусам в Польше. Вполне могли, один шаг оставался» (7, с. 36). Но «тут в положении, казавшемся безнадежным, проявился страстный до жертвенности гений князя Александра Невского. За помощь, оказанную хану Батю, он потребовал и получил татаро-монгольскую помощь против немцев и германфилов... Католическая агрессия захлебнулась» (6, с. 16, 17).

Вот такая история. Татаро-монголы, огнем и мечом покорившие Русь, разорившие ее непомерной и унижительной данью, которую платила она на протяжении многих столетий, оставившие после себя пустыню и продавшие в рабство цвет русской молодежи, вдруг оказываются в пылу гумилевской полемики ангелами-хранителями русской государственности от злодейской Европы. Сведенная в краткую формулу российская история XIII–XIV веков выглядит, по Гумилеву, так: когда «Западная Европа набрала силу и стала рассматривать Русь как очередной объект колонизации... рыцарям и негоциантам помешали монголы» (3, с. 205). Какой же здесь может быть разговор об «иге»?

Что за иго, когда «Великороссия... добровольно объединилась с Ордой благодаря усилиям Александра Невского, ставшего приемным сыном Батю» (3, с. 204). Какое иго, когда на основе этого добровольного объединения возник «этнический симбиоз» Руси с народами Великой степи – от Волги до Тихого океана и из этого «симбиоза» как раз и родился великорусский этнос: «смесь славян, угро-финнов, аланов и тюрков слилась в великорусской национальности» (5, с. 66)?

Конечно, старый, распадающийся, вступивший в «фазу обскурации» славянский этнос сопротивлялся рождению нового: «обывательский эгоизм... был объективным противником Александра Невского и его ближних бояр, то есть боевых товарищей» (6, с. 17). Но в то же

время «сам факт наличия такой контroversы показывает, что наряду с процессами распада появилось новое поколение – героическое, жертвенное, патриотическое... в XIV веке их дети и внуки... были затравкой нового этноса, впоследствии названного „великороссийским“» (там же). «Москва перехватила инициативу объединения Русской земли, потому что именно там скопились страстные, энергичные и неукротимые люди» (там же).

А теперь суммируем главные вехи рождения нового суперэтноса. Сначала возникают «пассионарии», люди, способные жертвовать собой во имя возрождения и величия своего этноса, провозвестники будущего. Затем некий «страстный гений» спланирует вокруг себя опять же «страстных, энергичных, неукротимых людей» и ведет их к победе. Возникает «контroversа», новое борется с «обывательским эгоизмом» старого этноса. Но в конце концов «пассионарность» так широко распространяется посредством «мутаций» *3, что старый этнос сдается на милость победителя. Из его обломков возникает новый.

И это все, что предлагает нам Гумилев в качестве критерия новизны «суперэтноса». Но ведь перед нами лишь универсальный набор признаков любого крупного политического изменения, одинаково применимый ко всем революциям и реформациям в мире. Прделаем маленький, если угодно лабораторный, эксперимент *4: применим гумилевский набор признаков к Западной Европе XVIII–XIX веков.

Эксперимент

Разве, скажем, французские энциклопедисты и другие деятели эпохи Просвещения не отдали все, что имели, делу возрождения и величия Европы, не были провозвестниками будущего? Почему бы нам не назвать Вольтера, и Дидро, и Лессинга «пассионариями»? Разве не возникла у них «контroversа» со старым феодальным этносом? И разве не свидетельствовала она, что «наряду с процессами распада появилось новое поколение – героическое, жертвенное, патриотическое»? Разве не дошло в 1789 году дело до великой революции, в ходе которой вышел на историческую сцену Наполеон, кого сам же Гумилев восхищенно описывает как «страстного гения», поведшего к победе «страстных, энергичных, неукротимых людей»? Разве не сопротивлялся ему отчаянно «обывательский эгоизм» старых монархий? И разве, наконец, не распространилась эта «пассионарность» так широко по Европе, что старому этносу пришлось сдаться на милость победителя?

Как видим, все совпадает один к одному (за исключением разве что татар, без помощи которых европейский «страстный гений» сумел как-то в своей борьбе обойтись). Так что, изверглась в XVIII веке на Европу биосфера, произведя соответствующий пассионарный взрыв? Можно считать 4 июля 1789 года днем рождения нового западноевропейского суперэтноса (провозгласил же Гумилев 8 сентября 1381 года днем рождения великорусского)? Или будем считать этот конкретный взрыв этногенеза недействительным из «патриотических» соображений? Не можем же мы, в самом деле, допустить, что «загнивающий» Запад, вступивший, как мы выяснили на десятках страниц, в «зону обскурации», оказался на пять столетий моложе России.

Как бы то ни было, отсутствие объективного – и верифицируемого – критерия новизны этноса не только делает гипотезу Гумилева несовместимой с требованиями естествознания, но и вообще выводит ее за пределы науки, превращая в легкую добычу «патриотического» волюнтаризма.

Забудем на минуту про Запад: слишком болезненная для Гумилева и его «патриотических» последователей тема. Но что, право, может помешать какому-нибудь, скажем, японскому «патриотическому» историку объявить, приняв за основу гумилевские

рекомендации, 1868-й годом рождения нового японского этноса? Тем более что именно в этом году произошла в Японии знаменитая реставрация Мэйдзи, в результате которой страна одним стремительным броском вырвалась из рамок многовековой изоляции и отсталости, уже через полвека разгромив великую европейскую державу – Россию, а еще полвека спустя бросив вызов великой заокеанской державе – Америке. На каком основании, спрашивается, сможем мы отказать Японии в пассионарном взрыве и, следовательно, в извержении биосферы именно на нее в XIX веке?

Капризы биосферы

И это еще не все. Ведь читателю Гумилева остается совершенно непонятным странное поведение биосферы после XIV века. По какой, собственно, причине прекратила она вдруг свою «пассионарную» деятельность сразу после того, как извержение ее чудесным образом подарило «второе рождение» славянской Руси? *5

Конечно, биосфера непредсказуема. Но все-таки даже из таблицы, составленной для читателей самим Гумилевым, видно, что не было еще в истории случая ее, так сказать, простоя на протяжении шести веков – без единого взрыва этногенеза. Как раз напротив, если вести счет с VIII века до н. э., промежутки между извержениями сокращаются, а не увеличиваются. Если пять веков отделяют первый взрыв (Эллада) от второго (Персия), то лишь два отделяют предпоследний (монголы) от последнего (Россия). Кто же в этом случае поручится, что следующее извержение не подарит «второе рождение» ненавидимому Гумилевым Западу? Или, скажем, Китаю? Говорить ли об Африке, которую биосфера вообще по совершенно непонятным причинам игнорировала? Что станет тогда со статусом самого молодого из «суперэтносов», российского, возраст которого выступает у Гумилева как единственное его преимущество перед всем миром?

У читателя здесь выбор невелик. Либо что-то серьезно забарахлило в биосфере, если она не смогла за шесть столетий произвести ни одного нового «суперэтноса», либо Гумилев искусственно ее заблокировал – из «патриотических» соображений.

<...>

Итак, едва применили мы к гипотезе Гумилева самые элементарные требования, предъявляемые к любому научному открытию, как распалась она у нас под руками, оказавшись невообразимой смесью наукообразия, гигантомании и «патриотического» волюнтаризма. Чертовски жаль замечательно талантливого и эрудированного человека, так и не сумевшего представить свою гипотезу городу и миру, когда было еще время что-то исправить, что-то переделать, что-то передумать. Он стал, по сути, еще одной жертвой советской системы, искалечившей его, изолировав от мира. Политика-таки достала его, как ни старался он от нее уклониться. <...>

Литература

1. *Лев Гумилев.* «Меня называют евразийцем...». Беседу ведет журналист Андрей Писарев. – «Наш современник», 1991, № 1.

1. *Николай Климонтович.* Рентабельность «тайной свободы». – «Столица», 1992, № 25.

1. *Лев Гумилев.* Апокрифический диалог. – «Нева», 1988, № 3.

2. *Лев Гумилев.* Апокрифический диалог. – «Нева», 1988, № 4.

3. *Leo Gumilev.* Ethnogenesis and the Biosphere. М., 1990.

4. *Лев Гумилев.* Эпоха Куликовской битвы. – «Огонек», 1980, № 36.

7. Л. Н. Гумилев. Год рождения 1380.– «Декоративное искусство СССР». 1980, № 12.

Примечания

[1]. «Хунну. Средняя Азия в древние времена» (М., 1960); «Открытие Хазарии» (М., 1966); «Древние тюрки» (М., 1967); «Поиски вымышленного царства. Легенда о „государстве пресвитера Иоанна“» (М., 1970); «Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III–IV вв.» (М., 1974); «Этногенез и биосфера Земли» (Л., 1989); «Древняя Русь и Великая степь» (М., 1989); Лев Гумилев, Александр Панченко. Диалог. «Чтобы свеча не погасла» (Л., 1990); «Тысячелетие вокруг Каспия» (Баку, 1991).

[2]. См. Л. Гумилев. Апокрифический диалог. – «Нева». 1988, № 4, стр. 196. См. также: Leo Gumilev. *Ethnogenesis and the Biosphere*, pp. 9, 277. Все цитаты из этой книги приводятся здесь в обратном переводе с английского.

[3]. Евразийцы были одним из эмигрантских идейных течений, сформировавшимся в начале 1920-х годов.

[4]. А. Янов. Русская идея и 2000 год. Нью-Йорк, 1988.

А. Г. Кузьмин. Хазарские страдания

Студент-первокурсник выступает на семинаре с докладом по проблеме «Русь и Степь». С увлечением и энтузиазмом рассказывает он о том, как Песах покорил Русь и заставил русского князя Игоря в 941 и 943 годах идти походами на Византию, заведомо зная, что добром они не кончатся, а затем и вовсе погибает, собирая для хазар дань с древлян. Хазары, печенег, половцы, блоки и союзы, продиктованные лесной Руси Великой Степью. А на вопрос – откуда все эти данные, из каких летописей и хроник – следует как рефрен ответ: «Из Гумилева». И студент изумляется: как же так? Ведь это не роман, а работа, претендующая на научную достоверность, и оказывается, что никаких источниковых оснований для уверенно изложенного хода событий попросту нет.

Первый семестр для студента-историка – самый важный. И по отечественной, и по всеобщей истории он изучает длительные исторические периоды, начала начал, на которых только и могут закладываться основы методологии, закономерности исторических процессов, возникновения народностей и государств. На семинарах он должен выступить с докладом по той или иной проблеме – обычно весьма спорной, понять, из-за чего идет спор и на каком материале проблема может быть решена. Как правило, если студент не усвоил в первом семестре, что такое «проблема» и как от нее идти к «источнику», он останется любителем, который, может быть, знает много историй, но не вполне осознает, что такое наука история.

Студент явно был расстроен, не сумев представить ни для одного положения документального подтверждения. И лишь одно служило некоторым утешением: не он один подпал под магическое воздействие необычных трактатов «великого евразийца». После публикации в «Нашем современнике» статьи «Меня называют евразийцем» (1991, № 1) блестящий математик, академик и коллега по редколлегии И. Р. Шафаревич справился, что неверно в статье Л. Н. Гумилева, и не мог поверить, что в ней нет ничего верного («Он же ученый!»).

С точки зрения социальной психологии факт сам по себе весьма любопытный. Совсем недавно, кажется, интеллигенция, по крайней мере, патриотическая, вполне осознала разьяснения Владимира Чивилихина, что означает попытка «реабилитации»

татаро-монгольского нашествия и ордынского ига на Руси. Но пробуждение «Памятью» оказалось кратковременным, и вот уже палачи народа стали его чуть ли не лучшими друзьями и заступниками. (Как будто правда о татаро-монгольском иге была выгодна лишь «партийной номенклатуре».)

На втором месте после Монгольской державы в рамках «евразийской» утопии стоит Хазарский каганат. И важно уяснить, что именно привлекает в истории этого государства евразийцев и в каком направлении развивается их фантазия.

Хазарский каганат, несомненно, оказал определенное влияние на Русь. Достаточно сказать, что поляне, северяне, вятичи и даже радимичи какое-то время платили хазарам дань. В романе лучшего нашего исторического писателя-романиста Валентина Иванова «Русь изначальная» Русь формируется в борьбе с «неразумными хазарами», хотя в VI веке славяне вообще еще не вступали с хазарами в какие-либо контакты. Но вопрос о месте и роли этого раннего государственного образования остается весьма спорным в научной литературе, что подогревает публицистическую фантастику.

Публицистическую пикантность хазарской проблеме придает, разумеется, уникальное явление: господство в течение достаточно длительного времени иудаизма на землях, где этнические евреи не составляли сколько-нибудь значительной социальной группы. Отсюда и специфический интерес, и своеобразная актуальность. Публицистическая острота так или иначе коснулась и «чистых» специалистов – М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, А. П. Новосельцева и некоторых других (равно как и их оппонентов). Для «евразийской» же концепции мастерами-евразийцами, естественно, отбирается только «подходящий» материал. Здесь придется напомнить и о том, что именно оставлено вне поля зрения.

В научном плане хазарская проблема сводится к двум большим узлам: роль и место салтово-маяцкой культуры *1 и характер хазарского иудаизма. За счет первого Хазария либо «раздувается», либо свертывается, за счет второго – либо «оправдывается», либо «обвиняется». Первая группа вопросов тесно связана также с русско-хазарскими отношениями, оценка которых также существенно расходится и у специалистов, и у популяризаторов.

Названные аспекты хазарской проблемы заслуживают серьезного обсуждения и в чисто научном плане из-за спорности выдвигаемых положений по существу. В публицистических же сочинениях игнорируется даже и сам факт спорности тех или иных представлений и суждений. Речь идет об «евразийских» интерпретациях Л. Н. Гумилева, опубликованных в книге и повторенных в нескольких номерах «Нашего современника» для широкого читателя, а также о догадках и размышлениях В. Кожина об исключительном значении Хазарии в истории Руси, занявших семь (!) номеров журнала («НС», 1992, № 6–12). Называется эта публикация «История Руси и русского слова», но смысл ее в том, чтобы, отталкиваясь от былин и догадки, что раньше в былинах вместо «татар» могли упоминать «хазар», взглянуть на историю этого государства с точки зрения «евразийского» мировоззрения.

В публикации В. Кожина много лирических отступлений, смысл которых, похоже, не всегда ясен и ему самому, и чуть ли не каждый раздел приходится начинать словами «но вернемся к...». Но одно отступление имеет принципиальное (особенно для литературно-художественного и общественно-политического журнала) значение. Автор предупреждает читателя, что кое-что ему «следует знать», и пишет об этом аж на двух страницах («НС» № 11, с. 164–165). Оказывается, что хазарская тема очень опасная. Капитальная книга М. И. Артамонова «История хазар» (Л., 1962) «испытала очень трудную судьбу». Автор ссылается на книгу А. П. Новосельцева, где сказано, что опубликовать такую книгу можно было только в Ленинграде, да еще в Эрмитаже, где Артамонов был директором. «И едва ли случайно, – добавляет от себя В. Кожин, – М. И. Артамонов через год после ее

выхода был освобожден от должности директора Эрмитажа и в дальнейшем стал заниматься в основном не „опасной“ историей древних скифов». Подобные же трудности испытал и Л. Н. Гумилев, рукопись которого не была напечатана издательством «Молодая гвардия». «Очень чтимый и влиятельный филолог», давший «высокоположительный отзыв», отказался его напечатать в качестве предисловия или послесловия, поскольку его незадолго до этого побили в подъезде собственного дома, а за публикацию такого предисловия могли и вовсе убить.

Такие вот страсти. А кто же все-таки эти враги рода хазарского, готовые пойти на смертоубийство, лишь бы не допустить до народа высокой правды о хазарах? В. Кожинов не разъясняет. Поскольку же книга Новосельцева вышла всего двумя тысячами экземпляров, придется дать расшифровку. А. П. Новосельцев сетует, что американскому исследователю Данлопу «удалось опередить Артамонова в публикации обобщающего труда о Хазарин в значительной мере из-за той ситуации, которая сложилась в нашей, исторической науке в конце 40-х – начале 50-х годов. Речь идет о пресловутой „борьбе с космополитизмом“, которая была очередной кампанией в духе репрессивной политики Сталина и его ставленников» («Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа». М., 1990, с. 54). Помимо Сталина, изучению хазарской истории, по мнению Новосельцева, мешал академик Б. А. Рыбаков. Правда, «к счастью, подобных работ было немного». После же «исторических решений XX съезда КПСС подлинно научный интерес к хазарской истории в нашей стране возобладал и был ознаменован...».

Итак, враг ясен: это предшественники общества «Память», с их оголтелым шовинизмом, национализмом и антисемитизмом. Но кое-что все-таки нуждается в уточнении. Во-первых, М. И. Артамонов, (1898–1972) не просто ученый, а и функционер, во многом определявший направления исследований. В 1938–1943 годах он был директором Института материальной культуры АН, в разгар борьбы с космополитизмом в 1948–1951 годах был проректором ЛГУ, откуда перешел, явно не с понижением, директором Эрмитажа (1951–1964). До конца дней оставался заведующим Кафедрой археологии ЛГУ. Первую книгу о хазарах опубликовал еще в 1936 году, и выясилось, что для решения проблемы не хватает достаточно представительного археологического материала.

Кожинов ошибается, полагая, что скифами Артамонов вынужден был заняться, спасаясь от преследований. Скифы – его главная тема как археолога. В 1941 году он защитил по этой теме докторскую диссертацию, а основанная на ней книга «Сокровища скифских курганов» вышла лишь в 1966 году. Ученый параллельно работал над двумя большими проблемами, а археологические материалы накапливаются десятилетиями. В 1949–1951 годах Артамонов руководил экспедицией, раскапывавшей Саркел – Белую Вежу. Это была одна из крупнейших экспедиций. В 1958–1963 годах под его редакцией были опубликованы три тома «Трудов Волго-Донской археологической Экспедиции» общим объемом свыше 150 печатных листов. Ну а что касается сомнений Б. А. Рыбакова в плодотворном влиянии хазарской цивилизации на Русь, то и Новосельцев их во многом разделяет. Во всяком случае, он не верит, что хазары заслоняли Русь от арабов и кочевников.

Что касается реакции академика-филолога, то удивляться надо – не тому, что он отказался публиковать свой отзыв, а тому, что он его написал. Хотя он и далек, по своим научным интересам от хазарской истории, он не мог не откликнуться на более чем смелый вывод, что потомки хазар – это казаки. (Л. Н. Гумилев «Открытие Хазарии». М., 1966, с. 177–180; его же. Князь Святослав Игоревич. «НС», 1991, № 7, с. 149). А подобные открытия почитай на каждой странице. Рецензент, же отвечает еще и за точность цитаций, то есть фактов как таковых. В связи с татаро-монгольскими увлечениями об этом мне не раз приходилось говорить («МГ», 1982, № 1; «НС», 1982, № 4; «МГ», 1991, № 9; 1992, № 3–4). Но метод изложения и хазарской

«сюиты» тот же самый. До источников же «евразийцы» обычно не доходят, заблудившись в литературе. Как это выглядит на практике, можно судить хотя бы по такому примеру. Говорится о дате крещения Ольги. «Б. А. Рыбаков, – пишет Гумилев, – отвергает версию „Повести временных лет“... чем поддерживает мнение В. Н. Татищева, опиравшегося на утерянную Иоакимовскую летопись, и Г. Г. Литаврина, который, пересмотрев византийские источники, обосновал ранее отвергнутую дату – 957 г. Е. Е. Годубинский, сверх того, полагает, что Ольга приехала в Царьград уже крещеной, со своим духовником Григорием, а крестилась еще в Киеве» («НС», 1991, № 7, с. 144–145).

Ссылка на Голубинского дается по Рыбакову, а упоминание Литаврина сопровождается ссылкой на его статью. Но автор ее явно не смотрел, как не смотрел и Татищева, а Рыбакова прочел крайне невнимательно. В результате все перепутано. Так, у Татищева значится 945 год, дату 957 обосновал не Литаврин, а Голубинский. Литаврин же вернулся к дате 946 год, предполагавшейся еще некоторыми авторами XVIII столетия. Именно эту дату поддерживает и Рыбаков. А ведь речь идет о фактах, так сказать, первого ряда.

Что касается хронологии «Повести временных лет», о запутанности которой упоминает Рыбаков, причина ее достаточно ясна: смешение разных космических эр и стилей летосчисления в результате соединения в летописи источников разного происхождения. Выявить эти эры можно (они употреблялись не только на Руси), а сопоставление с иностранными источниками позволяет определить и дату крещения Ольги – 959 год, и дату похода Святослава на хазар – 968–969 год, и целый ряд других дат, записанных не по константинопольской, а по старой византийской эре.

И все-таки, пожалуй, Кожинов прав: рецензента-филолога удержало не чувство научной ответственности, а страх. Только вряд ли перед боевиками борцов с космополитизмом. Ведь Гумилев в последней своей степной симфонии резко разделил предков казаков, излиха наполненных всеми добродетелями, и евреев, захвативших власть в Хазарском каганате и нещадно угнетавших доверчивых ротозеев. Такой поворот мог вызвать восторг у тех самых борцов с космополитизмом, а в подъезде вместо красно-коричневых можно было встретить желто-голубых.

На последнее обстоятельство уже обратили внимание. В «Неве» (1992, № 4) опубликовано три материала, прямо обращенных к этой теме. Александр Тюрин вспомнил и Сталина, и жидомасонов и порекомендовал «почитать „Современник“ и послушать „теоретиков“ всех фракций „Памяти“ у Казанского собора» (с. 225). Примерно в таком же духе (хотя и с комплиментами и вроде бы принимая гумилевскую теорию этногенеза) высказывается и известный востоковед Игорь Дьяконов. Более обстоятелен отклик Льва Клейна, знакомого Гумилева со времени работы на раскопках Саркела – Белой Вежи в экспедиции Артамонова и коллеги по университету. Клейн твердо свидетельствует, что Лев Николаевич «безусловно не антисемит» (с. 228). Я бы тоже мог это засвидетельствовать, хотя долгий и откровенный разговор на эту тему у нас происходил более двадцати лет назад. Видимо, хорошо знал, об этом и высокочтимый филолог. Возможно, знал он и о другом: зачем было Гумилеву от юдофильства повернуть к юдофобии? *2 Вроде бы никаких видимых причин для этого не было, а из книг Надежды Мандельштам, где главный герой не столько ее супруг Осип, сколько подруга «акуна» А. Ахматова (урожденная Аренс) *3 и ее сын Лев, следует, что вроде бы и не должно быть.

К сожалению, и у Кожинова мы не найдем разъяснения этой загадки. Он, хотя и в несколько смягченной форме, следует концепции Гумилева. А поскольку в концепции нет внутренней логики, то и последователь оказывается вынужденным постоянно противоречить

самому себе. С «делом Артамонова» вроде бы разобрались. Но под статью ему еще и «дело Платонова» *4, к которому автор обращается в одном из лирических отступлений, уверяя, что оно имеет, «быть может, не вполне очевидную, но глубокую связь с той давней эпохой» («НС», 1992, № 11,

с. 168). Так и непонятно, за что судили С. Ф. Платонова: за то, что он возглавил группу монархистов, или за то, что принял на работу зятя А. А. Шахматова еврея Коплана, равно как непонятно, за что подучил пять лет Коплан: за то, что он еврей, или за то, что читал в православной церкви на клиросе. Если же разбираться в процессах 1928–1929 годов по существу, то надо иметь в виду, что это были разные процессы. Одних судили как монархистов, других как кадетов (Л. В. Черепнин в их числе), третьих (в Ленинграде) как масонов или членов организаций масонского типа (похоже, единственный в истории страны подобный процесс).

И все-таки писать «про хазар мемуар» необходимо с салтово-маяцкой культуры. Никто не пускается во взаимные обвинения, пока идет речь о первых двух веках хазарской истории, когда ищут местонахождение какого-то упоминаемого источниками города, включая и пропавшую столицу Итиль. Но как только заходит речь о салтово-маяцкой культуре VIII–X веков в бассейне Дона и Северского Донца, страсти закипают. И дело в том, что это самый развитый и представительный район па всей территории, предположительно входившей в состав Хазарского каганата. Кожинов всякий раз, упоминая эту культуру, в скобках поясняет: «то есть хазарская». С. А. Плетнева, занимавшаяся раскопками в этих районах (наряду с М. И. Артамоновым, И. И. Ляпушкным и многими другими), удостоилась титула «наиболее выдающегося исследователя» за то, что включила их в зону хазаро-славянского пограничья. В отличие от Поволжья здесь достаточно плотно встречаются «величественные развалины белокаменных замков». Могильники сохранили останки воинов, захороненных с оружием и конями. Впечатляющая картина. И вывод, что эта полоса укреплений развертывалась для наступления на славянские племена, поскольку расположена не на левобережье, а на правобережье Дона. На этом выводе и сооружает Кожинов башню хазарского Вавилона.

Самое удивительное то, что вопрос об этнической принадлежности салтовцев, по существу, ни у кого не вызывает сомнений: это аланы. Никто не оспорил археологических аргументов И. И. Ляпушкина, никто не взял под сомнение заключения антропологов (длинноголовый индоевропейский тип). И материальная культура, и внешний облик салтовцев вполне тождественны аланскому населению Северного Кавказа. Все это не вызывало сомнений у М. И. Артамонова, ясно С. А. Плетневой и А. П. Новосельцеву. Откуда же взялась версия о салтовцах как хазарах?

В данном случае перед нами пример зависимости оценки источника от концепции, а концепции от каких-то субъективных настроений. Стремление как-то сблизить хазар и алан изначально просматривалось у М. И. Артамонова, да и у других хазароведов. Дело в том, что хазары почти неуловимы: они кочевники, следы которых затеряны в степи, и облик их неясен, поскольку умерших они сжигали. В 1936 году М. И. Артамонов (не без влияния Н. Я. Марра) склонен был считать, что «и болгары и хазары могут быть возведены к сарматам, но скрещенные с угорскими племенами» («Очерки древнейшей истории хазар», с. 121). Иными словами, предполагалась некая смесь иранских и угорских языков. В результате тюркского завоевания хазары проникаются тюркскими элементами. Позднее ученый этим элементам придавал большее значение, предполагая даже распространение тюркского языка по всей территории, подвластной хазарам.

Что хазары принадлежали к тюркской ветви, засвидетельствовано «царем» Иосифом в середине X века в его знаменитом письме испанскому еврею Хасдаю. Он производит хазар из рода Тогармы, сына Иафета, а Тогармой в древнееврейской литературе именовали тюркские

народы. Не отрицая алано-болгарской принадлежности поселений и могильников Подонья, М. И. Артамонов стал склоняться к мысли, что и эти народы были ассимилированы тюркоязычными хазарами. Эту мысль вроде бы проверил и подтвердил тюрколог А. М. Щербак, прочитав ряд надписей салтово-маяцкой культуры как тюркские, и М. И. Артамонов немедленно принял это прочтение как огромной важности факт (обе статьи опубликованы в сб. «Советская археология», т. XIX, 1954): Заключение М. И. Артамонова приняла и С. А. Плетнева, признав вероятным, что уже к середине VIII века на территории каганата распространился «общий язык», который восприняли «даже ираноязычные аланы» («Хазары». М., 1976, с. 46). Теперь археолог поражается «широко распространенной среди жителей Хазарии грамотности» и заключает, что «общий язык и письменность были еще двумя факторами, которые объединяли обитавших на огромной территории жителей каганата в единое целое».

Между тем серьезнейшее и ответственное концепционное заключение базируется на простом недоразумении. Еще в 1971 году вышла книга Г. Ф. Турчанинова «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы», в которой основательно разобраны все эти надписи. Автор показал, что Щербак не только неверно перевел, но даже неверно воспроизвел все надписи, поскольку в оригинале их даже и не видел. В действительности – одни надписи оказались алано-осетинскими, а другие – черкесскими (с. 66–79, табл. XXX–XXXI, I–III). Тюркоязычными оказались надписи в Саркеле. Но этот город и строился как крепость хазар на крайнем западе, хотя жили там, помимо хазар, также аланы, славяне и выходцы на некоторых других племен и народов.

По заключению Турчанинова, письмо это восходило к арамейскому в так называемом сирийско-несторианском изводе VIII–XIII веков. Именно это письмо было заимствовано и хазарами. Но в указании на него персидского историка XIII века Фахр ад-дина Мубаракшаха сказано, что оно заимствовано из «русского». «У хазар, – говорит историк, – есть такое письмо, которое происходит от русского; ветвь румийцев, которая находится вблизи них, употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Хазары пишут слева направо, и буквы не соединяются между собой. У них 21 буква... Та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом, исповедует иудейство» (Турчанинов, с. 96–97).

О том, что значит здесь этноним «русский», поговорим ниже. Пока отметим, что аланы сохраняли свой язык и после X века, и доказательства этого также приводит Турчанинов. Он напоминает, в частности, что в 1116 году сын Владимира Мономаха Ярополк, посланный против половцев, взял по Северскому Донцу три города и привел себе красавицу жену – дочь ясского князя. (Автор процитировал Ипатьевскую летопись; в другой древнейшей летописи – Лаврентьевской, сказано, что князь также «приведе с собою ясы».) Похоже, этот поход был связан с восстанием покоренных половцами народов, так как из другого района после двухдневного сражения с половцами на Русь пришли торки и печенеги. Сами города, подчиненные половцам, очевидно, не ими были построены и не ими заселены. Интерпретируя летописный рассказ о большом походе на половцев русских князей в 1111 году, известный русский византист, специально писавший о христианстве у алан, Ю. А. Кулаковский и вслед за ним Турчанинов, обращают внимание на то, что население одного из взятых на Донце городов (Шаруканя) было христианским (оно открыло ворота не перед войском, а перед попами, которые пели тропаря и кондаки «и канон в честь святой Богородицы»).

Турчанинов ссылается также на работу венгерского тюрколога Ю. Немета, который показал, что даже и в 1239 году пришедшие в Венгрию вместе с половцами аланы-ясы говорили на своем языке и сохраняли его вплоть до XV столетия (статья, опубликованная в 1958 году в Берлине, перепечатывалась в Орджоникидзе в сокращенном переводе известного

ираниста В. И. Абаева).

В общем, фактов, свидетельствующих о принадлежности салтовских поселений аланам и в период хазарского господства, и позднее, равно как и о сохранении ими своего языка, так много, что можно лишь недоумевать, почему хазароведы их игнорируют. При этом надо иметь в виду, что строителями городов и создателями высокой культуры, включая письменность, были именно аланы, а не хазары.

Другой этнический компонент, представленный брахикранными (круглоголовыми) захоронениями, по Турчанинову, оказался черкесским (касоги русских летописей). В летописи «ясы и касоги» часто идут в паре. Так, они упомянуты и в известии о походе Святослава, приведшем к гибели Хазарского каганата: «Иде Святослав на козары; слышавше же козар и, изидоша противу с князем своим Каганом, и соступишася битися, и бывши брани, одоле Святослав козаром и град их Белу Вежу взя. И ясы победа и касоги».

Событие, записанное в летописи под 6473 годом, произошло в 969-м, а не в 965 году, как обычно переводят дату, исходя из константинопольской эры. Оно отражено в достаточно современных восточных источниках. В данном случае оставим в стороне суждения о маршруте похода Святослава, в частности, вопрос о том, на какую Болгарию ходил перед этим Святослав, на Волжскую или Дунайскую. По летописи, поход на хазар русский князь предпринял, дабы освободить вятичей от хазарской дани и подчинить их Киеву. Белая Вежа (Саркел), ясы и касоги – это все область Подолья, где и произошло решительное столкновение русских с хазарами. Что же касается разгрома собственно хазарских поселений в низовьях Волги, то летопись об этом ничего не знает.

Это не означает, однако, что сообщения Ибн Хаукаля о разрушении русами городов на Волге недостоверно. Надо лишь разобраться, о каких русах идет или может идти речь. И в этой связи мы сталкиваемся еще с одним удивительным явлением: хазароведы игнорируют едва ли не большую часть известий о хазаро-русских отношениях, поскольку они не укладываются в их представления и о хазарах, и о Руси.

Как было отмечено, Турчанинов установил, что «русским» персидский историк XIII века назвал в действительности аланское письмо (хотя отдельные совпадения этого письма с глаголицей и кириллицей Турчанинов тоже отмечает). Но ему это указание представлялось единичным заблуждением. Между тем восточные авторы *систематически* называют аланов Подонья «русами». Сведения эти собрал и проанализировал известный украинский археолог Д. Т. Березовец (статья «Об имени носителей салтовской культуры» в сб. «Археология», т. XXIV, Киев, 1970). Как археолог Березовец более всего и занимался восточной окраиной славянства и салтовской культурой, поэтому непонятно игнорирование этой принципиальной работы хазароведами.

Особенно убедительно «наложение» катакомбных погребений салтовского и сходных с ним могильников с описанием характера погребений русов у Ибн-Русте (конец IX – начало X века). Автор указал, в частности, и на то, что описанный ИбнРусте погребальный обычай до наших дней сохранялся у потомков алан – осетин (с. 70).

Березовец предполагал, что именно от салтовцев имя «Русь» перешло и на приднепровские славянские племена. За этим предположением следовать нет необходимости, поскольку источникам известны многие «Руси» (более десятка) и на севере, и на юге, и на западе, и на востоке (сводку этих известий см. в кн. «Откуда есть пошла Русская земля», 1986, кн. I). Проблема заключается в другом: почему аланов Подонья восточные авторы называли «русами»? И в этой связи встает вопрос о Причерноморской Руси, которую также хазароведы игнорируют.

Литература о Причерноморской Руси обширна, и в числе занимавшихся этой темой

ученых было много блистательных умов (начиная с Г. Эверса и В. Г. Васильевского). В сущности, и спорили лишь потому, что искали и не находили здесь славянскую Русь. А Русь первоначально всюду была неславянской. О том, что она была таковой в VIII–IX веках в Крыму, достаточно убедительно показал Д. Л. Талис (статья «Росы в Крыму» в журнале «Советская археология», 1974, № 3).

Талис поддержал идею Березовца и попытался найти доказательства того, что и в Крыму «росами» называли алан. Но археологическая и антропологическая близость просматривается в могильниках юго-западного Крыма и брахикранных захоронениях Подонья. Обычно предполагается, что и тут, и там оставили след жившие здесь ранее болгары. Но захороненные в могильниках Крыма практически не имели монголоидной примеси (статья Ю. Д. Беневоленской «Антропологические материалы из средневековых могильников юго-западного Крыма» в «Материалах и исследованиях по археологии СССР», вып. 168. Л., 1970). Главное же заключается в том, что Восточный Крым, с которым, собственно, и связывается имя Русь (Россия), имел иное население – именно долихокранное (длинноголовое), но отличающееся от салтовского. Кстати, долихокранами представлено почти исключительно мужское население, тогда как женское практически не отличалось от погребенных в могильниках Западного Крыма. А это значит, что в какое-то время на эту территорию пришла и здесь осталась лишь мужская половина.

Большинство хазароведов норманисты. А. П. Новосельцев считает этот вопрос давно решенным и советует читать летопись так, как она написана. А в летописи есть единственное прямое указание на место расселения «варягов», и оказывается, что жили они на Балтийском побережье между «ляхами» и «англами» – южной частью Ютландского полуострова, а также на восток от Балтики до «предела Симова», каковым летопись представляла Волжскую Болгарию. Надо иметь в виду также, что германоязычие (скандинавское происхождение) варягов доказывается известиями, относящимися к «руси» («русские» названия порогов, «русские» имена, послы народа «рос», «русы» как «нордманы» у Лиутпранда, «русы» в Андалузии). А как в восточных, так и (многочисленных!) западных источниках речь идет о разных «русах» и Русиях. В самой «Повести временных лет» достаточно ясно противостоят две концепции начала Руси: дунайская – полянская (с выходом из Норика – области средневекового Ругиланда – России) и варяжская. Вообще из летописи нельзя выдергивать отдельные строчки. Ведь почти два столетия назад было доказано что летописи – это своды, сборники разновременных и разнохарактерных сказаний и разного рода сведений. В «Повести временных лет» ясно просматривается первый значительный рубеж – конец X века (об этом писали Н. К. Никольский, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Б. А. Рыбаков и ряд других специалистов, включая и автора настоящего отклика), а «застывший» облик она обрела не ранее 20-х годов XII столетия. Совсем не случайно, что в «Повести...» отразились три разных представления о варягах, и относятся они, очевидно, к разным эпохам и разным летописным традициям. Без сознательного отношения к источнику, без учета условий и времени происхождения *каждой* записи, отсылки к летописи в лучшем случае лишь ставят вопрос, но никак его не решают.

Вообще такие темы, как начало Руси, начало христианства на Руси, начальные этапы русского летописания – темы, тесно связанные между собой и требующие глубоко продуманной методологии (как понимания исторического процесса, так и путей добывания информации из источников). Опубликовав около десятка книг и более полусотни статей по этим вопросам, я хорошо сознаю, сколь далека наука пока от «окончательного» решения всех этих вопросов. А потому несколько небрежных строк о русских летописях в книге А. П. Новосельцева – это не выражение мнения, а скорее свидетельство его отсутствия. Наиболее удивительна дисгармония, внесенная под влиянием норманизма автором степной симфонии Л.

Н. Гумилевым. В книге «Древняя Русь и Великая степь» (1989) он неоднократно в соответствии с источниками отождествляет племя «русь» с балтийскими «ругами», говорит о необходимости поразмыслить об этом и даже дает отсылку, что к такому же выводу «одновременно» пришел и Кузьмин (речь идет о книге «Падение Перуна», где кратко пересказаны сделанные в ряде публикаций выводы). Кстати, к тому же выводу на языковом материале пришел видный специалист в области сравнительного языкознания В. И. Кодухов (к сожалению, статья его так и не увидела света). Но, видимо, концепция Гумилева сложилась раньше и «размышление» уже мало что в ней могло изменить. Он вполне резонно полагал, что причерноморские «росы» – это «росомоны» («розоמוны») автора VI века Иордана, но даже и Иордан не учтен в полной мере. Ведь у Иордана упомянуты и «роги» как подданные готской державы Германариха (возможно, те же розомоны), а также говорится об отступлении к Днепру и Черному морю части рогов вместе с гуннами после поражения гуннов от гепидов во второй половине V века. Другие группы рогов-русов, рассеянные по Европе (в том числе Восточной), в его поле зрения не попали. В результате источники (в частности, восточные), говорящие о разных «русах», проецируются у него на одну и ту же Русь (именно росомонов).

Бесспорно и то, что «русь» изначально не славяне. Но они и не германцы, что видно хотя бы из германских источников. Это особая ветвь индоевропейцев, именуемая в современной лингвистике «северными иллирийцами». Они вечные противники готов и в Прибалтике, и в Причерноморье, и на Дунае, и в Северной Италии. В силу исторических причин в большинстве областей они усвоили славянскую речь, считая себя особым аристократическим родом.

Легко убедиться в том, что летописи дают две разные концепции начала Руси (поляно-дунайскую и варяго-русскую). И обе они в основе достоверны: в Киеве сохранялись предания о переселении с Дуная (Норик – область Ругиланда), а новгородцы, и прямо вели себя «от рода варяжска».

Гумилев принимает и обоснованную разными источниками версию о переселении значительных масс балтийских славян с южного берега Балтики на восток. Но и этот важный факт никак на его концепцию не влияет. Считая желательным, чтобы подтвердилась гипотеза о происхождении Рюрика из рода рогов (в средневековых генеалогиях его выводят от славянского племени ободритов), автор ссылается на Г. Ловмянского, но цитирует его по Г. С. Лебедеву. Но Лебедев принимает старую версию о тождестве новгородского Рюрика с Рориком фрисландским, тогда как Ловмянский эту версию отрицал. И ни тот, ни другой не считал Рюрика ругом. Да и сам Гумилев ниже назовет Рюрика «варяжским конунгом», имея в виду норманнов (41–42), а летописцу он предпочитает «не верить». (И через такую чехарду приходится продираться по всей книге). А за пределами летописи автор находит, что в 852 году русы (из Крыма) «взяли славянский город Киев», а тем временем хазарские иудеи с помощью европейских договариваются с норманнами: «два хищника... в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний». Так истолковано сообщение о дани варягам северных племен и хазарам – южных. Вплоть до второй половины X века русские князья – вассалы Хазарии, собирающие со славянских племен тяжелейшую дань для хазарских иудеев.

В. Кожин в целом принимает эту схему, принимая и норманизм без оговорок и даже отрицая сам, факт существования Причерноморской Руси. Автор считает, что данные о ней (приводимые и Гумилевым) отвергнуты современной наукой. Но норманисты их всегда отвергали. Вопрос же заключается в том, были ли это потомки рогов, живших здесь в III–IV веках, потомками рогов, отступавших сюда в V веке из Подунавья (пальчатые фибулы *5 Крыма и Поднепровья VI века имеют дунайское происхождение), или же на Причерноморье название «Русь» пришло с Северского Донца из земли алан.

Размежевать донецких русов-алан и крымско-таманских росов помогают сведения о

Росской митрополии. Она впервые упомянута при императоре Льве VI (886–912) и патриархе Николае Мистике (901–907). Ясно, что имелась в виду не Киевская Русь: договор Олега с греками явно не предполагает наличия в его войске христиан (в отличие от позднейшего договора Игоря). Источникам известен город Росия. Специалисты полагают, что это Боспор (нынешняя Керчь). У автора XII века Идриси этот город обозначен в 27 милях от «Матрахов» (Тмутаракани). По хрисовулли Мануила I 1169 года, генуэзские купцы получали право торговать во всех областях царства «за исключением Росии и Матрахи». Сама связка двух наименований указывает на своего рода замок, закрывающий путь через Керченский пролив («Русийя» у Идриси) к народам Северного Кавказа и Подонья.

В перечне митрополий начала X века Алании еще нет. Позднее она займет место после Росии. Это соответствует факту крещения аланов в 932 году. И хотя митрополию хазарам вскоре удалось упразднить, христианство у алан, как было сказано, сохранялось, а после разгрома Каганата была восстановлена и митрополия (имеется упоминание митрополита аланского в конце X века).

Аланы, готы и русы (руги) взаимодействовали в течение многих веков (и в Подунавье, и в Причерноморье), возвышались то одни, то другие. Очевидно, в какой-то момент в представлении восточных авторов русы заслонили алан. К тому же названия аланских племен аорсов, роксолан усугубляли путаницу у авторов, далеко отстоящих и территориально, и во времени. Византийцы же их различали достаточно четко, поскольку выступали там в роли миссионеров.

Кожин, вслед за М. В. Левченко, видит доказательство существования лишь Поднепровской Руси (в отличие от Левченко считая ее норманской) в известном послании патриарха Фотия (до 867 г.), где росы, напавшие на Византию в 860 году, представлены народом, явившимся откуда-то издалека, отделенного от Византии странами, реками и «лишенными пристанищ морями». Но у Фотия нет указаний на то, когда из-за морей росы пришли, равно как и на то, что они вернулись после похода на исходные места. Кстати, русский князь Бравлин, упоминаемый в Житии Стефана Сурожского в связи с событиями в Крыму в конце VIII века, может быть, именно тогда и появился на берегах «Русского» моря. Дело в том, что его имя явно созвучно названию города Бравалла, близ которого в 786 году фризы были разбиты датчанами, после чего многие из них переселились на восток, рассеявшись по славянским городам и землям южного берега Балтики и обозначив себя в древнейшем слое Ладоги. Фотий мог иметь в виду и переселения II–III веков, когда выходцы с побережья Балтики и Северного моря обрушивались на малоазиатское побережье, переплывая на своих судах море и возвращаясь назад к Кимерийскому Боспору.

Доказательства же тождества причерноморских и поднепровских русов строятся обычно на других источниках, главным из которых является Лев Диакон – современник Святослава, давший обстоятельное описание и похода Святослава на Дунай, и облика русов, и их места обитания. Для него (и не только для него) русы – это тавры или тавроскифы. Он считает это имя подлинным, а название «росы» простонародным (Лиутпранд производит его от внешнего вида росов – «красные», что, кстати, этимологически вполне оправдано: различия в написании этнонима «русь» в разных языках, как правило, связаны с разным написанием и произнесением индоевропейского «красный, рыжий»). Собственно тавров, некогда живших в Крыму, и русов Святослава Лев Диакон не различает.

В отрицании норманской теории Кожин видит «одно из ярких выражений своего рода комплекса *национальной неполноценности*, присущего, увы, достаточно большому количеству русских людей» («НС», № 9, с. 154). Но, принимая ее, так сказать, безоглядно, он сам постоянно сталкивается с фактами с точки зрения норманизма необъяснимыми. Много страниц,

например, уделено у него еще одному евразийскому государству, якобы повлиявшему на Русь: Хорезму. Автор полагает, что евреи из Хорезма занесли в Хазарию иудаизм, а затем, когда власть иудеев в Каганате рухнула, многие из них попали на Русь, принеся туда «очень высокую культуру», в результате чего их воздействие оказалось более значительным, чем норманское. «Характерно, – пишет автор, – что Русь, в частности, не восприняла скандинавских богов, а как раз напротив – варяги стали поклоняться восточнославянским божествам, в том числе и „пришедшим“ из Хорезма» («НС» № 11, с. 172). Речь идет о божествах Хоре и Симаргл. Можно было бы добавить сюда также Сварога и Стрибога. Только надо иметь в виду, что «иранское» не обязательно хорезмское: гораздо ближе к Руси аланы и некоторые другие ираноязычные племена, некогда заселявшие степные просторы Причерноморья и Северного Кавказа. К тому же надо учитывать, что божества эти известны и в Индии (об этом писала Н. Гусева), и восходят скорее не к иранскому, а к индо-арийскому (мощный топонимический пласт его в Причерноморье выявил О. Н. Трубачев). Непонятно и то, каким образом хорезмийские евреи могли принести на Русь языческие божества. Главное же заключается в том, что боги русской дружины – это Перун и Велес, а не Один или Тор – прославленные скандинавскими сагами. И пришли эти боги именно вместе с русами, причем на южном, берегу Балтики даже в конце XVII века четверг у потомков балтийских славян назывался «Перундан» – «день Перуна» (по аналогии с немецким «Доннерстаг» или французским «жоди» – «день Юпитера»).

Как правило, от своих богов народы не отказываются, даже меняя верования. Тот же Перун в Новгородской земле будет жить, по крайней мере, до XVII века. И если в Киеве от него легко отказались («Слово о полку Игореве» его даже не упоминает), то это потому, что он был привнесен сюда с севера теми русами, которые клялись им, заключая договоры с греками. И не случайно, что первые русские христиане (а они, как установлено археологами, пришли во второй, четверти X века из Великой Моравии) посвящают свой соборный храм Илье-пророку, функции которого в народных представлениях буквально воспроизводили Перуна.

Славянское и русское язычество различалось, причем существенно. Эти различия сохранялись веками, доживая даже и до наших дней. Язычество вообще прочнее «книжных» религий, поскольку связано с повседневным бытом. И если ни в славянском, ни в русской язычестве нет скандинавских черт, то это потому, что ни варяги, ни русь скандинавами не были. На это в прошлом столетии указал С. Геденов. И одного этого аргумента достаточно, чтобы искать для русов и варягов иную, не скандинавскую родословную. Стоит напомнить также, что Рюрик со своими варягами строили Новгород, Изборск, Белоозеро (последний вообще не на славянской, территории), а Петр со своими варягами Петербург, Шлиссельбург, Нотебург, Кронштадт (до 1723 года Кроншлот).

Прав С. Геденов и в своем главном заключении: норманское вето парализует возможность изучения русской истории. Ни социального строя, ни культуры, ни политической истории Руси не понять, через призму скандинавских саг, тем более что ни варягов, ни руси они не знают до эпохи Владимира. Теперь к норманскому вето намереваются добавить хазарское. И в этой связи так же, как уже можно было видеть, допускается серьезный перебор.

Совершенно очевидно, что Русь Причерноморская была неким яблоком раздора между Хазарией и Византией, и в рамках этого противостояния пользовалась большей или меньшей свободой и самостоятельностью. Достаточно очевидно и то, что именно причерноморские русы могли совершать довольно многочисленные походы на Каспий в IX–X веках, причем шли они на Каспий через территорию Хазарии, либо договариваясь с хазарскими властями, либо игнорируя их, а путь обычно шел вверх по Дону и затем вниз по Волге и по морю. Хазары обычно подстерегали русов, возвращающихся из похода, подобно тому, как печенеги караулили в порогах Святослава. Все это в определенной степени характеризует и Хазарию как

государство, все это заставляет остановиться и на вопросе о том, что являла собой хазарская дань.

«Дань» – понятие многомерное. Это и устойчивая – веками – выплата своеобразного государственного налога (отсюда «подданные»), и контрибуция с побежденных, и откуп от рэкетиоров эпохи Великого переселения и раннего феодализма. Византии – самому могучему государству Передней Азии – приходилось платить «дань» и русским князьям, и болгарам, и едва ли не всем своим соседям. Каким-то варягам Новгород платил дань вплоть до смерти Ярослава. Б. А. Рыбаков не случайно засомневался в том, что была ли вообще хазарская дань как система или же речь идет о каких-то разовых, выплатах, вроде поборов с проезжающих купцов и возвращающихся из дальних походов дружин. Далеко не ясно также, что представляла собой дань хазарам со славянских племен по летописи.

Следует иметь в виду, что летописи дают разные представления и о сути хазарской дани, и о ее размерах. Обычно цитируют текст из сказания о призвании варягов в трактовке Б. Д. Грекова, принятой Д. С. Лихачевым: «Варяги из заморья взымали дань с чуди и со славян, и с мери, и с всех кривичей, а хазары брали с полян и с северян и с вятичей, – брали по серебряной монете и по белке от дыма». Новосельцев полагает, что в тексте речь идет лишь о хазарской дани, причем и серебром, и мехами (с. 210). Но надо иметь в виду, что это текст, возникший на севере, и предполагает он как раз дань, вносимую варягам. Именно так текст и читается в Новгородской I летописи: северные племена «дань даяху варягам от мужа по белей веверице», то есть по зимней белке. Тот же размер дани и по древнейшей Лаврентьевской летописи. Ипатьевская летопись дает прочтение «по беле и веверице», что может означать по горностаю (беле) и белке. Такую дань можно признать тяжелой. Но нет уверенности в том, что летописец не разделил слова по своему разумению (в ранних текстах делений на слова не было).

Надо иметь в виду и то, что серебряные монеты имели устойчивый меховой эквивалент. «Кунами» называли на Руси западные денарии (от римского «кованый»), и «куница» получила название от монеты, а не наоборот. Арабский дирхем назывался «ногатой». Он был больше денария, и в «Русской правде» 20 ногат приравнены к 25 кунам. 50 кун составляли киевскую гривну (170 г серебра), а 50 ногат – новгородскую (204 г), равную денежной единице Волжской Болгарии. Белка приравнивалась к «резане» – разрезанной монете. «Бела» в «Русскую правду» не попала, а из упоминаний в источниках ясно лишь то, что она ценилась значительно дороже белки.

Летописи знают и разные единицы обложения: «дым», «двор», «плуг», «муж». Обычно в этом тоже просматриваются и разные эпохи, и разные традиции. «Дым» предполагает «большие дома», в которых жила «большая семья», а «малые семьи» группировались каждая около своего очага. Такие семьи известны в Ладоге и Киеве ранней поры. С «мужа», видимо, брали там, где ремеслом, промыслом или торговлей занимались «ватаги». «Плуг» был единицей обложения у западных славян. По летописи, таковую уплачивали вятичи и радимичи.

О дани хазарам полян сообщает именно сказание о призвании варягов: киевляне сообщили об этом пришедшим с варягами Диру и Аскольду. Соправители «нечаста владети Польскою землею». Прибывший сюда в 882 году Олег переводит на себя также дань северян и радимичей (о полянах речи уже нет). Дань с северян названа «легкой». Олег «не дасть им Козаром дани платити, рек: „Аз им противен, а вам нечему“».

В чем заключалась «легкая» дань – не пояснено. Видимо, она была близка тому, что платили вятичи и радимичи, а те платили «по щелягу от рала». Эти два племени летописец выводил «от ляхов» и «щеляг» – это обозначение самой мелкой монеты в Польше. («Плуг» предполагал земельный участок, обрабатываемый плугом с парой лошадей или волов.)

Летописное известие о «западном» происхождении вятичей и радимичей археологически

пока не подтверждено. Непонятно также, почему летописец пользуется польской терминологией. Маловероятно также, чтобы деревня платила дань серебром: не настолько были развиты торговые отношения. Но никаких намеков на тяжесть хазарской дани в летописи не просматривается.

Олег освободил от хазарской дани северян и радимичей. Святослав прошел дальше в землю вятичей. Как и ранее Олег, он справился: «кому дань даете?» Олег обещал «разобраться» с хазарами, Святослав сначала разгромил хазар, а затем пришел за данью к вятичам. Принуждать их к уплате дани пришлось силой, а позднее и Владимир дважды ходил да вятичей, чтобы получить дань «от плуга, яко и отец его имаше».

Предание о хазарской дани – часть повести о полянах – самого древнего слоя летописи. Оно явно легендарно: хазары пришли требовать дани, и поляне дали от дыма меч. Хазарские старцы увидели в этом дурное предзнаменование: хазарская сабля заострена с одной стороны, а меч – обоюдоострый. Следовательно, Русь, в свою очередь, будет брать дань с хазар, что и сбылось. Дань в этом случае рассматривается как откуп от налетчиков.

Таким образом, летопись дает глухие и противоречивые сведения о дани, взимавшейся хазарами, но из этих преданий и воспоминаний никак не следует, чтобы эта дань была тяжелой. Хазары вообще остаются где-то за кадром. Если учесть, что сведения о хазарах в древнейших текстах летописи явно эпического происхождения, основную идею Кожина – о замене в былинах этнонимом «татарин» ранее там значившегося «хазарина» – надо признать необоснованной. Создается впечатление, что это и не идея вовсе, а лишь повод поговорить о хазарах.

Гумилев и Кожин летописи, в общем-то, и не верят. Они отталкиваются от иных источников. Прежде всего от знаменитой «еврейско-хазарской переписки»: писем испанского еврея Хасдая и хазарского царя Иосифа (середина X века). Еще в прошлом столетии стоял вопрос о подлинности документа. И хотя была обнаружена рукопись XI–XII веков, сомнения в подлинности оставались. Специалисты, во всяком случае, склонны считать, что письма эти написаны после жизни Иосифа и имеют литературное происхождение (к этой мысли склонился и издатель П. К. Коковцев, и В. В. Вартольд, и А. П. Новосельцев). Это значит, что в документе соединены разновременные предания о событиях. Естественно также, что и царь подавал себя в обычной для царей и властителей манере: не стеснясь преувеличениями.

Документ, несомненно, весьма интересный, но читать его следует с учетом названных обстоятельств. И прежде всего, конечно, в сюжетах, касающихся обычных притязаний «царей народов». А именно в этом ряду проходит сюжет о хазаро-русских отношениях. Передается, в частности, такая история. Император Роман (920–944) убедил «царя русов» Халевгу (так у Бартольда, у Новосельцева – Хлг) напасть на хазар. Халевгу взял «воровским способом» город Самбарай (в документе Смкрии; Самбарай поправка из самого «письма»). В отместку хазарский наместник Песах захватил и разграбил три города греков (видимо, в Крыму), осадил Шуршун (видимо, Херсонес, Корсунь русских источников) и заставил жителей платить дань. После этого Песах пошел войной на царя русов, победил его и заставил идти войной на Романа. Халевгу воевал четыре месяца против Константинополя, но войско его погибло, так как греки сожгли огнем корабли. Сам Халевгу ушел морем в Персию (Прс), где и погиб вместе с войском. Русы же попали под власть хазар.

Таков рассказ. К письму он непосредственно не относится и источник его неясен. Обычно обращают внимание на имя «царя», соблазняясь отождествить его с именем князя Олега. Норманисты видели в имени доказательство того, что имя Олег восходит к скандинавскому Хельги. Но это имя в более близкой форме известно и тюркскому, и иранскому языкам: «улул» в тюркском «великий», и как заимствование в иранском оно звучит с тем же значением

«Халег». Не исключено поэтому, что имя в данном случае вообще осмысление автора этой части документа. И во всех случаях речь идет, конечно, о Причерноморской Руси, хотя заметны отголоски и похода Игоря 941 года.

Л. Н. Гумилев не сомневался, что Песах победил именно киевских русов. «Каганату удалось не только обложить Киев данью, но и заставить славяно-русов совершать походы на Византию, исконного врага иудео-хазар». Как о само собой разумеющемся говорится о том, что Игорь был убит «за сбором хазарской дани». Подвело Игоря и известное легкомыслие: «После похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а, следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества. Это типично еврейская постановка вопроса, где не учитываются чужие эмоции». И т. д. («НС» № 7, с. 144). «Объевреившегося» Игоря убила обидевшаяся дружина Свенельда (версия «Повести...» полностью отвергается, а источники альтернативной легенды не проясняются).

Между тем не только Киев, но и Русь Причерноморская оставалась вполне независимой от Хазарии. Именно в 943 году русы совершили большой поход к южному побережью Каспия, захватив город Бердаа (конечно, это были не киевские русы, у которых было достаточно забот с Константинополем и с собственными подданными – уличами и древлянами). Царь Иосиф в письме Хасдаю (служившему у мусульманского правителя Кордовы) ставил себе в заслугу то, что он стережет устье Волги и не пускает к морским побережьям русов, защищая таким образом мусульман. «Я веду с ними войну. Если я бы их оставил в покое на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада». Русы, однако, на Каспий проходили, и хазары вместе с мусульманской гвардией, видимо, не в состоянии были этому помешать (хотя не исключаются и договоренности за счет добытого в походах «за зипунами»).

Кожин, вслед за Гумилевым, считает, что Аскольду не удалось освободиться от хазарской дани, «поскольку... Олег снова должен был воевать с хазарами» («НС» № 11, с. 179). Только надо оговорить, что воевал он за северян и радимичей, а не за полян, в отношении которых так вопрос не стоял. Принимает Кожин и версию Гумилева, будто все походы русов на Византию направлялись хазарами, а жестокость русов во время этих походов, в частности, во время похода 941 года, объясняется тему что они «имели опытных и влиятельных инструкторов» из хазар («НС» № 12, с. 168 и далее).

Кожин верно замечает, что все сведения о «жестокостях» взяты из византийских хроник, но почему-то считает, что византийцы, имевшие многовековой опыт членовредительства и самых изуверских расправ, писали сущую правду и взывали к человеколюбию. А стоит открыть любую европейскую, да и русскую хронику, чтобы убедиться в том, что врагов всегда упрекают в зверствах, а своих зверств не замечают. И если рассказы о зверствах норманнов или татаро-монголов не вызывают сомнений, то это потому, что и в самих их сказаниях говорится примерно о том же, да и результаты – разрушенные города – налицо.

Итак, оба публициста «раздувают» Хазарию, возвышая ее над Русью – неважно каким путем: то ли за счет необыкновенного взлета цивилизованности, то ли как страшного паразита, веками грабившего и угнетавшего русский народ. Поскольку ни то, ни другое не соответствует действительности, неизбежно возникает вопрос: а зачем это делается? Ну и, конечно, кому нужна эта ложь? Славянам? Ни в коем разе! Русам? Тоже нет! Хазарам? Хорезму? Пожалуй, ответ можно еще поискать в особо остром сюжете: иудаизме Хазарии.

Иудаизм Хазарии, естественно, давно привлекал внимание и «семитов», и «антисемитов». И в рассматриваемых публикациях эта тема, может быть, кардинальная. У Гумилева в последней работе вопрос раскрывается до прямолинейности четко: паразиты-евреи, погубили добрейших хазар, захватив власть над ними и создав тоталитарную систему. Кожин старается

пройти между Сциллой и Харибдой, предупреждая и возможные обвинения в антисемитизме, и вероятные обвинения в русофобии.

Писать на такие темы трудно: лишь особо уполномоченные имеют право сказать правду. Хотя бы частичную. В свое время опубликовал я небольшую статью о хазарском иудаизме, защищая первого русского историка Татищева от нелепых обвинений в антисемитизме (само это понятие появится лишь во второй половине XIX века). Речь шла об оригинальных сведениях Татищева в связи с восстанием в Киеве в 1113 году и выселением иудеев после восстания 1124 года (статья вышла в «Вестнике МГУ», серия истории, № 5 за 1972 г.). В статье доказывалось, что иудаизм Хазарии не был ортодоксальным, сближаясь с караимством. И хотя талмудисты отозвались парой реплик, развивать критику не стали: обвинение в антисемитизме становилось бессмысленным, поскольку хазары явно семитами не являлись. А несколько лет спустя появилась книга А. Кестлера *6, который доказывал, что древних евреев-семитов давно уже нигде нет, а есть потомки хазар.

В книге Кестлера сильно преувеличены и роль Хазарии, и место в ней иудаизма. Тем не менее, она оказалась очень «неудобной» для сионистов-талмудистов именно потому, что лишала их главного оружия: возможности спекулировать на «антисемитизме». На это обстоятельство обратил внимание известный израильский публицист-антисионист Роберт Давид в статье «Вещий Олег и евреи», опубликованной в «Вестнике еврейской советской культуры» (№ 13 за 1989 г.). Автор призывает евреев не обижаться, когда демонстранты из общества «Память» поют песнь о вещем Олеге, собирающемся «отомстить неразумным хазарам», и отвечать примерно тем же, напоминая, что и хазары выпали русским и являются здесь такими же «коренными». К сожалению, популярный публицист не коснулся некоторых догм иудаизма, которых, видимо, не было в общинах, открытых для всех желающих и которые более всего провоцируют напряженность «обрезанных» и «необрезанных».

Концепция Гумилева, неожиданно для многих, оказалась нарочито заостренной против евреев, как некоем неизменном расовом типе. С Кестлером он полемизирует и прямо, и подспудно. Караимы у него лишь «бастарды» – незаконные потомки евреев и хазарок. Еврейские купцы, подчинившие чуть ли не всех европейских правителей силой денег, захватили власть и в сильнейшем государстве Восточной Европы. И если, по Роберту Давиду, Кестлер построил концепцию равно неудобную сионистам и их крайним оппонентам из антисемитов, то Гумилев как будто постарался удовлетворить и тех, и других. Ту же линию, более осторожно и, как всегда, противоречиво, проводит и Кожин, обкладывая ее ватой оговорок, отступлений, оправданий.

История утверждения иудаизма в Хазарии в основных чертах изложена и Артамоновым, и Плетневой. Единодушны, они и в том, что иудаизм спровоцировал кризис в Каганате, добавив к социальным и этническим противоречиям религиозные. Не оспаривает этого заключения и Новосельцев. По вопросу об «источниках» хазарского иудаизма он ограничился указанием на то, что с торговыми караванами евреи шли и из Багдада, и из Хорасана, и из Византии, а какие-то общины издревле существовали и на месте. Кожин поставил задачу подкрепить соображение С. П. Толстова о преобладающей роли Хорезма, с чем связал и отступление в историю еврейства, и пропаганду «евразийской концепции» («НС» № 11, с. 172).

Нестойким «евразийцам» напоминают о том, что «к VIII веку Хорезм представлял собой государство с исключительно высокой цивилизацией и культурой». Евреи в авангарде этого подъема, и сам Хорезм основан ими. Автора привлекает эпизод начала VIII века, когда родственник шаха Хуразад попытался захватить власть. Соединив мнения узбекского историка Я. Г. Гулямова и Толстова, Кожин увязал в этом движении военнотрудовое сословие со старым дехканством (в пояснении Кожина «феодалов») и еврейскую «интеллигенцию». Те и

другие каким-то образом сошлись на идеях маздакизма, а это движение «было „социалистическое“ или „коммунистическое“ по своей направленности», преследовавшее «цель установления экономического равенства и общности имущества – вплоть до обращения в „коллективную собственность“ женщин» (с. 173).

Борьбой за власть в Хорезме воспользовались арабы. В результате «коммунистам» пришлось бежать в Хазарию. Если бы они по пути заглянули в Горган, то обрели бы еще и Красное знамя (под таким знаменем проходило восстание в VIII веке в Горгане). Но, захватив власть в Хазарии, еврейские «коммунисты» не спешили воплощать провозглашаемые идеалы. «Необходимо отметить, – прозрачно намекает Кожин, – что, встав во главе Каганата, иудеи отнюдь не стремились насаждать маздакитский „коммунизм“, который нужен был лишь тогда, когда задача состояла в сокрушении наличной государственной власти, – как в Иране начала VI века или, позднее, в Хорезме начала VIII века. Так, у хазарского кагана, полностью подвластного царю-каганбеку, был обширный гарем, и на него никто не покушался...» (с. 174). На наши времена это, конечно, очень походит. Но факта отсутствия «коммунистических» идей у хазарских иудеев все-таки маловато для признания их за «коммунистов» Хорезма.

Сюжет, как видим, для тех, кто раздражается при одном упоминании о «пламенных революционерах». Ну а для тех, кто, напротив, испытывает к ним симпатию, можно порекомендовать статью в «Дне». (№ 18 за 1992 г.), где автор не без гордости говорит о своих родственниках из их числа.

Иудейская знать в Хазарии действительно не чуралась гаремов. И это лишний повод для разговора о характере хазарского иудаизма. К тому же Кожин в пространных рассуждениях об антисемитизме не отличает его от антииудаизма. А антисемитизм рожден в рамках расовых теорий и предполагает также арабов (даже прежде всего). Иудеи же есть и черные, и красные, и желтые.

Хазарский иудаизм, безусловно, не был ортодоксальным. Как уже упоминалось, письменность хазары заимствовали у «русов» (в данном случае у алан). Об этом, кстати, было известно как раз хорезмийской «интеллигенции». Писали они слева направо (в иврите справа налево), буквы «алеф» в алфавите не было.

Не гармонирует с ортодоксальным иудаизмом и этническая генеалогия, излагаемая царем Иосифом в письме Хасдаю. Царь прямо производит свой народ от «рода Тогармы, сына Иафета», то есть от тюрков, которым в Библии места не находилось. А означает это, что хазарские иудеи не были закрытой сектой «избранного народа».

Иосиф упоминает и о диспуте между раввином и христианским священником, в результате которого «верхи» предпочли иудаизм. Такой диспут имел смысл, если представлялась возможность выбирать и не надо было приносить справку от «матери-еврейки». В подобном диспуте участвовал в 860 году и Кирилл, причем, по Житию, он кого-то убедил в преимуществах христианства. А «антисемит» Татищев считал на основе имевшихся у него материалов, что хазары – те же славяне, поскольку киевские иудеи говорили на славянском языке.

В хазаро-еврейской переписке сказано и о появлении в Хазарии ортодоксов, наставлявших правителей иудейскому умуразуму. Они наверняка осложняли положение правящего клана, но преодолеть приверженности знати к своей тюркской генеалогии не могли.

Очевидно, в связи с характеристикой хазарского иудаизма выбирать следует между библизмом и караимством. Библизм – течение, не знавшее еще Талмуда, караимство – реакция на Талиуд. Видимо, здесь были те и другие. Нынешние караимы, как известно, тюркского происхождения, и естественно связывать их с Хазарией, хотя подобные общины были и в Волжской Болгарии, и в низовьях Волги у «хвалис». Русский летописец, отвергая версию о

семитском происхождении половцев, отнес к семитским два упомянутых народа («сыны Аммоновы» и «сыны Моавди»). «Обучение истинной вере» привело лишь к тому, что топонимию Ближнего Востока перенесли на Восточную Европу (киевские иудеи называли местное население «ханаанцами»).

Хазарию иудаизм не укрепил и в таком виде. Держался он там за счет союза с мусульманами, составлявшими придворную гвардию, а отношение мусульман к иудеям часто определялось событиями, происходившими в разных мусульманских областях. Ортодоксы и на месте могли взорвать эту зыбкую гармонию. Походу Святослава предшествовали и преследования христиан, и столкновения иудеев с мусульманами едва ли не по всему христианскому миру. Святослав явно пользовался сочувствием части населения Каганата, причем не только славянского. Видимо, причерноморские русы тогда и стали осознавать себя частью славяно-русского мира и здесь появится Тмутараканское княжество, как часть Киевской Руси.

И все-таки, в чем же смысл хазарских страданий двух известных публицистов? «Евразийская» основа исканий тем и другим не скрывается, а «евразийство» предполагает безразмерный Черемушкинский рынок, где Азия продает, а Европа покупает втридорога свою собственную продукцию. Целое столетие вычеркнуто из истории Руси, «потомкам хазар» казакам подброшена идея обособления. И т. д.

Народу надо знать свои достоинства и слабости, дабы правильно оценивать себя и свои возможности. И то, и другое заложено в истории. Именно поэтому отношение к истории должно быть столь же ответственным, как и установление диагноза у тяжелобольного. Хазарские набеги на историю ничего доброго принести не могут, и па их пути пора выставить богатырские заставы.

Я. С. Лурье. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева

Работы Л. Н. Гумилева, одного из наиболее популярных ныне авторов, писавших на исторические темы, далеко не сразу вошли в научный и общественный обиход.

Как известно, судьба автора была нелегкой. Сын Н. Гумилева и А. Ахматовой, он подвергался многолетним репрессиям и поздно получил возможность заниматься наукой. В 1959 г. он участвовал в археологической экспедиции на Нижней Волге и пришел к выводу, что хазарская столица Итиль находилась на месте, оказавшемся впоследствии, в результате изменения ландшафта, затопленным волжской водой. Это наблюдение заставило его, очевидно, задуматься над значением перемен в ландшафте для истории. Второй важной идеей, развитой Гумилевым, была мысль о «превратности», управляющей судьбами народов, о том, что история каждого из них представляет собой колебательное движение – проходит стадии подъема, активности, инерции и спада. Объектом этой эволюции, согласно теории Гумилева, являются «этнотыпы», «коллективы людей», которые противопоставляются «всем другим таким же коллективам». Этнические «стереотипы поведения» поддерживаются «генетической» и «исторической» памятью 1. «Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет» 2, а «до превращения этноса в реликт около 1200 лет» 3, – указывает Л. Н. Гумилев. Он ссылается при этом на «наблюдения этнологов» 4, но не называет их. О том, что «самый долгий срок государственной жизни народов» составляет 1200 лет, писал К. Леонтьев 5; число 1500 называл О. Шпенглер, но как время существования «цивилизации» 6; однако никто из них не был этнологом и не относил этот срок существования к «этнотыпу». Между тем понятию «этнотыпа» Гумилев придает важнейшее значение, резко противопоставляя один этнос другим. Связи между этносами

«нарушают течение этногенезов... Идеологические действия одного этноса на неподготовленных неофитов действуют подобно вирусам инфекции, наркотикам, массовому алкоголизму». С этим же связано осуждение Гумилевым межэтнических браков («экзогамии»), которые ведут «к нарушению этнических традиций, ибо мать учит ребенка одним навыкам..., а отец другим». Подобные браки, «будь то в масштабах государства, родового союза или моногамной семьи, следует квалифицировать как легкомыслие, преступное по отношению к потомкам» 7. Впрочем, не всегда соединение этносов представляется Гумилеву столь губительным: иногда оно порождает сложные жизнеспособные системы – суперэтноты.

Этнические системы создаются, согласно Гумилеву, вследствие «пассионарного толчка», совершаемого особыми людьми – «пассионариями», – своеобразными двигателями истории. Критерием нравственности для «пассионариев» и их последователей служит воля и благо этноса. В связи с этим Гумилев отвергал как «глупость» «бессмысленное философствование графа Л. Н. Толстого», который, признавая ход истории закономерным и неотвратимым, судил людей, мнивших себя вершителями истории, по тем же нравственным законам («не делать другому, чего бы не хотели, чтобы нам делали»), как и всех остальных. «Пассионариев», как носителей воли этноса, Гумилев освобождает от нравственного суда, ибо «убийство противника на войне – не преступление, а подвиг», – так же, как и «казнь преступника палачом» 8.

Далеко не однозначно определенное 9 понятие «этноса» вводилось им в жесткие хронологические рамки, и это побуждало автора вносить неожиданные изменения в установившиеся представления о народах и нациях. История греческого народа явно не укладывалась в 1500 лет, и Гумилеву пришлось разделить греков на два различных этноса – эллинский (античный) VIII в. до н. э. – IV в. н. э. и византийский IV–XV в. н. э.¹⁰ Ту же операцию он проделал и над русскими. С начала нашей эры до XIV в. существовал, согласно Гумилеву, славянский (очевидно, восточно-славянский) этнос, а после падения его «пассионарности» возник уже новый, русский этнос. Указан даже точный момент рождения русского этноса – Куликовская битва. «Год рождения 1380» – так и называлась статья Гумилева о русском этносе, опубликованная к 600-летию Куликовской битвы 11.

До Куликовской битвы между Русью и Золотой Ордой, согласно Гумилеву, не было существенных противоречий; никакого «ордынского ига» на Руси не было. Походы Батые в 1237–1240 гг. были двумя «кампаниями», лишь незначительно уменьшившими «русский военный потенциал» 12; после них образовалось новое «крупное этническое суперобразование» – славяно-монгольский этнос, «симбиоз» Руси и Орды.

Построения Гумилева вызвали резкие возражения. «Самообманом» назвал его теорию Б. А. Рыбаков, решительно отвергнувший старания автора «преуменьшить результаты татаромонгольского вторжения в XIII в.» 13. В. Чивилихин и А. Кузьмин усмотрели в концепции Гумилева «русифобско-спекулятивную сущность». Особенно возмутило критиков ограничение жизни этноса 1200–1500 годами. Хотя разделение русского народа на славянский и русский этнос продлеvalo жизнь последнему до XXI века, но и это не успокаивало его критиков. Они заявили, что цифра 1200 лет восходит к Н. Я. Данилевскому и К. Н. Леонтьеву, которых Кузьмин назвал почему-то «вульгарными материалистами-метафизиками», и что концепция Гумилева свидетельствует о сходстве его взглядов со взглядами еврейского философа XII в. Маймонида 14.

Но за последние годы отношение публицистов так называемого «патриотического» направления к Л. Гумилеву резко изменилось. Этой перемене в значительной степени содействовал он сам. В начале 1991 г. в журнале «Наш современник» Гумилев опубликовал статью «Меня называют евразийцем...». Он писал, что признание концепции татарского ига «западниками» его не смущает, ибо ему «не хочется спорить с невежественными

интеллигентами, не выучившими ни историю, ни географию». Однако признание концепции «кига» «историками национального направления поистинне странно» 15. С того же года в «Нашем современнике» появляется ряд статей, развивающих гумилевские идеи – самого Гумилева, его последователя Д. Балашова, В. Кожина 16.

Но труды Гумилева пользуются влиянием не только в публицистике. Сочинения его издаются и переиздаются, они широко раскупаются, их читают по радио и телевидению. В предисловиях к изданиям Гумилев именуется «выдающимся русским мыслителем», носителем «гуманистического мировоззрения»; авторитетные ученые заявляют, что построение Гумилева «убеждает внутренней логичностью и широтой анализа», что «в нынешнем историософском запасе нет идей, которые могли бы конкурировать» с его теорией этногенеза 17.

Оценка трудов Гумилева затрудняется тем, что в них он выступает в роли представителя самых различных наук – историка, востоковеда, этнографа, географа, биолога. Совместить профессиональное владение этими различными дисциплинами одному исследователю трудно, даже невозможно. Ученые разных специальностей не раз возражали – и довольно резко – Гумилеву, но работы их были разбросаны по различным научным изданиям 18. Автор настоящей статьи тоже не претендует на роль специалиста-универсала по всем наукам, к которым обращался Гумилев. Тема статьи конкретна: предметом ее являются вопросы истории Древней Руси в работах Гумилева и их обоснования на источниках.

1

Все, что мы знаем об истории, мы знаем из источников. Положение это, сообщаемое студентам на первых курсах исторических факультетов, представляется бесспорным; но на практике оно нередко забывается.

Л. Н. Гумилев начисто отвергает всякое источниковедение, объявляя его «мелочеведением», при котором «теряется сам предмет исследования» 19: «Для нашей постановки проблемы, – писал он, – источниковедение – это лучший способ отвлечься настолько, чтобы никогда не вернуться к поставленной задаче – осмыслению исторического процесса». Анализу источников, показания которых он презрительно именуется «словами» и «цитатами», Гумилев противопоставляет «факты». Он предлагает «гимназическую методику», заключающуюся в том, чтобы взять из источников «то, что там бесспорно – голые, немые факты» 20 и наложить их на «канву времени и пространства». Но где основания считать какие-то из показаний источников «бесспорными» и «немыми» фактами? Средневековый автор, если он был недостаточно осведомлен или тенденциозен и прибегал к догадкам, проявлял свою неосведомленность и тенденциозность не в рассуждениях, а чаще всего в изложении фактов. «...Данные летописей, будучи сведены в солидные исторические труды, не вызывали никаких сомнений за последние полтора столетия», – писал Гумилев 21. Так ли это? При всем уважении к своим предшественникам, авторам «солидных исторических трудов», все серьезные историки постоянно вновь и вновь критически проверяли конкретные данные летописей и других источников, на которые опирались эти предшественники. Ряд положений, на которые опирается Гумилев, действительно принадлежат к числу фактов, традиционно воспроизводимых в учебниках и общих курсах, но далеко не бесспорных. «Общепризнано, что в 862 г... варяжский конунг Рюрик появился в Новгороде, сломив сопротивление антиваряжской партии, возглавленной неким Вадимом Храбрым, обложил данью северных славян...» – пишет Гумилев 22. Это действительно традиционный «гимназический факт», но ни дата его, ни самая сущность далеко не бесспорны. Так же основываются на историографической традиции, но, вызывают сомнения утверждения об изгнании Иваном III послов Ахмата и т. д. 23 Но ряд не менее

«общепризнанных» положений Гумилев не затрудняется отрицать. Сам он выступает в своих сочинениях отнюдь не как доверчивый и почтительный последователь авторитетов, а скорее как их ниспровергатель. Он отрицает, например, существование ордынского ига, которое признает большинство историков, значение Петровской реформы и т. д.²⁴ Откуда же такое «гимназическое» почтение к одним фактам и отвержение других? Исключительно от концепции, от того, что сам Гумилев называет «моментами озарения», возникавшими у него «где-то посредине, ближе к началу» работы ²⁵. Там, где предполагаемый «факт» подходит под концепцию, он годится, даже если основывается на источнике, отнюдь не современном событиям. Объясняя, например, смену «этнической психологии» со времен XIV в., Гумилев не затруднился сослаться на лермонтовскую «Песнь про купца Калашникова» как на исторический источник ²⁶. Пример этот хорошо налагался «на канву времени и пространства» и поэтому мог быть предложен как «голый факт».

Именно такой метод использования источников и был положен Гумилевым в основу исследования древней истории Руси.

2

Исследование истории Древней Руси IX–X вв. чрезвычайно трудно потому, что от этих веков до нас не дошло современных русских источников. Древнейшая известная нам летопись, Повесть временных лет (ПВЛ), составлена в начале XII века. В итоге многолетнего труда по сопоставлению ПВЛ с другими, более поздними летописями, А. А. Шахматов в одной из них, Новгородской I летописи (Н1) младшего извода, обнаружил отражение более раннего памятника – Начального свода, который он датировал концом XI в. Вплоть до 60-х годов XI в. своевременных регулярных записей с точными датами (число и месяц) в русском летописании не было; летописцы конца XI – начала XII в. Имели дело с недатированными записями предыдущих лет и вставляли в них даты по догадке, иногда разрывая единые фразы предшествующего текста. Известия IX–X вв. в летописании восходят в основном к устной традиции; этим и объясняются расхождения между Начальным сводом (известным нам по Н1) и ПВЛ. У летописцев XI–XII вв. были и письменные источники о предшествующих годах, но довольно немногочисленные. Уже составитель Начального свода использовал хронографическую компиляцию, основанную на греческой Хронике Амартола, из нее он извлек сведения о походах Руси на Царьград. Составитель ПВЛ (им обычно считают Нестора) привлек Хронику Амартола непосредственно, значительно дополнив ею свой рассказ. Он имел в своем распоряжении и важнейшие документальные памятники – договоры Олега и Игоря с греками; текст их побудил его внести исправления в рассказ Начального свода. Начальный свод считал Игоря князем, наследовавшим своему отцу Рюрику, а Олега его воеводой. ПВЛ переделала, хотя и не совсем последовательно, рассказ Начального свода, изобразив сына Рюрика Игоря младенцем, за которого правил князь-регент Олег. Но в обеих летописях перед нами – не своевременные записи IX–X вв., а посильные попытки систематизировать и истолковать традицию двухвековой давности.

Еще менее достоверны известия о древнейшей истории Руси у летописцев, работавших в последующие столетия. В первой половине XV в. был составлен Новгородско-Софийский летописный свод, легший в основу почти всего последующего летописания. Вступительный рассказ о расселении словен и основании Новгорода, предшествующий основному летописному изложению, здесь был дополнен упоминанием новгородского «старейшины Гостомысла» ²⁷. В первой четверти XVI века составитель Никоновской летописи (далее: Ник.) внес в начальный летописный текст новые дополнения. Правителей киевских, варягов Аскольда и Дира, которых

Начальный свод именовал князьями, а ПВЛ – боярами Рюрика, завладевшими Киевом, Ник. назвала русскими князьями. Только в Ник. появилось отсутствующее во всех других летописях известие о «Вадиме Храбром» которого, вместе с другими новгородскими «советниками его», якобы убил Рюрик 28. Работы Б. М. Клосса и О. В. Творогова, посвященные анализу Ник., проливают свет на ее известия по древнейшей истории Руси. Б. М. Клосс пришел к выводу, что эти известия «носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя» 29.

Параллельно с Ник. была составлена другая летопись XVI в. – Воскресенская, составитель которой, опираясь на публицистический памятник того же времени, «Сказание о князьях Владимирских» (возводившее род Рюриковичей к Августукесарю), связал рассказ о приглашении варягов с Гостомыслом, приписав именно этому воеводе совет пригласить Рюрика, как «суца от рода Римьска царя Августа» 30.

Л. Н. Гумилев совершенно игнорировал исследования летописей как источников. Вопросы о соотношении известий ПВЛ и Начального свода (Н) он не затрагивал; данные поздних летописей (или пересказ их в трудах историков) он привлекал с полным доверием и даже предпочитал их ПВЛ. В книгах его фигурирует и Гостомысл, и «Вадим Храбрый» из Ник., и приглашение Рюрика по совету Гостомысла, восходящие к Воскресенской летописи 31. Он предложил свое объяснение имени Гостомысла, высказав мнение, что это не имя, а нарицательное обозначение целой партии «гостомыслов» IX века – друзей иноземцев, первых «западников» 32. Из Ник. Гумилев, вслед за Рыбаковым, заимствовал и неизвестные ранним источникам известия о войнах Аскольда и Дира 33.

В этом же ряду – построение Гумилева, получившее наиболее широкий резонанс: о хазарах и «хазарском иге» на Руси.

Судьба Хазарии – тюркской державы, расположенной между нижней Волгой и Доном и принявшей в VIII в. иудаизм как господствующую религию, – до последних десятилетий рассматривалась как чисто академическая тема. Положение изменилось, когда в 1951 г. в «Правде» появилась статья никому не известного П. Иванова, где осуждались работы историков, которым свойственно «непонятное любование хазарской культурой» 34. Статью эту прокомментировал Б. А. Рыбаков, заявивший, что Хазария была «паразитарным государством» с «низким уровнем производительных сил» 35. В 1954 г. М. И. Артамонов, специально занимавшийся Хазарией, признал, что «выступление „Правды“ сыграло положительную роль: оно обратило внимание на бесспорную идеализацию хазар в буржуазной науке и на преувеличение их значения в образовании русского государства». Он утверждал, однако, что роль Хазарии в истории была двойственной: до принятия иудаизма она «была прогрессивной», но «принятие иудейской религии было для них роковым шагом» 36.

В книге Гумилева хазарская тема заняла несравненно более важное место: она была увязана с его теорией «этногенеза» и внесла новые элементы в эту теорию. Согласно Гумилеву, соединение этносов может приводить к возникновению суперэтносов, а может порождать и «химерические антисистемы». Такой «химерической антисистемой» была, по мнению автора, иудейская Хазария. Пришлые евреи, по его словам, не смешивались с хазарами, ибо «они любили в этом мире себя, свои дела и свое потомство. Ради торжества своего этноса они применяли тайну, оружие... и ложь, но только по отношению к гоям и акумам» 37. В результате возникло особое «химерическое» государство, враждебное своему основному тюркскому населению и соседним народам. Государство это не просто воевало со славянскими племенами и налагало на них дань, как считали историки, – оно, согласно Гумилеву, почти целый век господствовало над Русью и определяло всю ее политику.

На каких же источниках основывается это построение? Сообщения летописей о хазарах

довольно немногочисленны. В сводной статье 854 г. в Начальном своде повествовалось о том, что хазары потребовали дани от киевских полян; те дали им «от дыма меч»; хазарские старцы поняли, что это «не добра дань» и она предвещает, что впоследствии Русь будет взимать дань с хазар и других народов. «Се сбытся все», – писал летописец XI века и упоминал, что «до нынешнего дни» «князи Рускыи» господствуют над хазарами. Под 965 г. Начальный свод повествовал о походе Святослава на хазар, его победе над ними и завоевании хазарского города Белой Вежи (Саркела). В ПВЛ рассказ о дани мечами приводится без даты; под 859 г. сообщается, что варяги брали дань у чуди, словен, мери, веси и кривичей, а хазары – у полян, северян и вятичей «по белей веверице (беличьей шкурке) от дыма». Под 884 и 885 г. ПВЛ рассказывает о том, как Олег победил северян и родимичей и возложил на них «дань легьку», освободив их от дани хазарам: «аз им противен, а вам нечему» 38. Под 965 г. ПВЛ, как и Начальный свод, повествует о победе Святослава над хазарами. Этим, собственно, и исчерпываются известия летописей о хазарах в IX–X вв.

Что же извлекает из этих источников Гумилев? Очень своеобразно он использует известие о дани мечами. Фольклорный характер этого рассказа, символизирующего будущую победу данников над своими противниками, очевиден 39. Но Гумилев воспринимает это сказание как реальный факт, который он относит, однако, к более позднему времени – 940 г. «русы выдали победителю свое лучшее оружие – мечи», «обезоружив свое войско» 40. Успехи Олега в борьбе с Хазарией в 884–885 гг. он считает крупнейшим несчастьем – «это его и погубило» 41. Все дальнейшее построение истории русско-хазарских отношений строится Гумилевым не на летописи, а в прямом и демонстративном противопоставлении ей. Его собственное построение вполне оригинально: он утверждает, что войны 884–885 гг. окончились не победой, а величайшим поражением варяжских князей Руси и привели к «хазарской гегемонии» над Русью, которая длилась до походов Святослава в 964–965 гг., когда Русь вернула себе независимость 42.

О «хазарской гегемонии» над Русью в летописях нет ни слова. Но это не смутило Гумилева. Доказательством этой гегемонии служило, в его глазах, то обстоятельство, что после 885 г. «в летописи возникает провал в 80 лет! Что, здорово?» – спрашивает автор 43. Значение этого наблюдения, столь эмоционально высказанного Гумилевым, не совсем понятно. Что именно «здорово»? То, что с 885 по 964 г. в летописи нет известий о русско-хазарских отношениях? Но в распоряжении составителей Начального свода и ПВЛ просто могло не быть известий о таких отношениях за данный период. Или автор имеет в виду «пустые года» (даты без известий), которые обнаруживаются в тексте после 888 г.? Но «пустые года» в Начальном своде и ПВЛ встречаются многократно, свидетельствуя о невозможности для сводчиков XI–XII вв. дать сплошной рассказ о событиях двухвековой давности. А вслед за 885 г. вовсе нет восьмидесятилетнего перерыва (лишь года 888–897 – «пустые»): на протяжении соответствующего периода читаются и статьи о славянской грамоте, и о женитьбе Игоря, и о походе Олега в 907 и 912 гг., и о его смерти, и ряд известий о правлении Игоря, и о его походах на греков, и о смерти Игоря и четырех местах Ольги, и об Ольге, и о возмужании Святослава, не говоря уж о более мелких известиях. И Гумилеву это обстоятельство известно, – как бы забыв собственное утверждение о восьмидесятилетнем перерыве, он подробно комментирует приходящиеся на эти годы известия о походах Олега и Игоря на греков. Но походам этим он дает совершенно неожиданное объяснение. Хотя согласно летописи «варяги и хазары были злейшими врагами, а никак не союзниками», Гумилев предпочитает «не верить летописцу» 44. Варяги и подчиненные ими славяне были, согласно Гумилеву, не только союзниками хазар, но их наемниками, ведшими в интересах хазарской «химеры» кровавые и бесполезные войны с Византией. Упоминания об успехах Олега в 907 г. были, по мнению Гумилева, извлечены

Нестором из описания «похода презираемого летописцем Аскольда», перенесенного «на поход любимого Олега». Игорь же, согласно автору, был послушным исполнителем воли хазар, впоследствии даже убитым древлянами «при сборе дани для хазар». Что же касается похода Игоря в 941 г. на Константинополь, то совершенные при этом русскими воинами жестокости указывают на «войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в.» – «видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов» 45.

Экстраординарность этих исторических картин заключалась в том, что они опирались не на какие-либо, хотя бы косвенные, упоминания о «хазарском иге» или «хазарских инструкторах» на Руси X в., но на полное отсутствие таких упоминаний. Несмотря на декларированный им критический подход к «летописцу», Гумилев даже не задумался над тем, откуда были взяты летописцем известия о жестокостях русских во время похода 941 г. Не задумался над происхождением летописного рассказа и В. Кожин, не только заимствовавший рассуждения о «смертоубийствах» во время похода на Константинополь, но дополнивший его смелым утверждением, что и во время похода 860 г. русскими руководили инструктора из Хазарского каганата – хотя Гумилев, приписывавший этот поход Аскольду, заявлял, что «в 860–880 гг. киевское правительство Аскольда и Дира было настолько крепким, что могло не страшиться хазарской агрессии» 46. А между тем рассказ 941 г. в ПВЛ, как и рассказ Начального свода о походе 860 г., имел вполне определенный, доступный нам источник – греческую Хронику Амартола. Тенденциозность рассказов о походах на Царьград выражалась совсем не в умолчании о фантастических «инструкторах». «Мы привыкли представлять себе все походы и завоевания Киевского государства X века как открытое насилие и кровожадную жестокость», – писал по этому поводу М. Д. Приселков. «Об этой жестокости и насилии цветисто говорят все византийские современные источники, но ведь мы хорошо знаем, какая цена обвинений противника в жестокостях на фронте. Наши летописцы переписывали эти византийские обвинения буквально, наивно им доверяя, из той монашеской установки первых дней христианства на Руси, что только после принятия христианства русские перестали быть кровожадными насильниками» 47.

Летописцы могли быть и часто действительно были тенденциозны, но эта тенденция отражалась в первую очередь на описании событий близкого им времени. В изложении событий далекой древности она выражалась лишь в отстаивании исконных династических прав Рюриковичей. Главное, к чему стремились составители ПВЛ и Начального свода, – разобраться в противоречивых и часто легендарных сказаниях о событиях IX–X вв. И по возможности датировать их. Подозревать Нестора и его предшественника конца XI в. (которого уж никак нельзя обвинить в «западничестве») в коварных умыслах при изложении событий давно минувших лет нет оснований.

Не только русские летописи ничего не знают о «хазарском иге» на Руси. О нем не упоминают ни византийские, ни арабские источники. Единственный источник, на который мог опереться Гумилев, – так называемый «кембриджский документ», сочинение византийского еврейского автора XII или XIII в., знакомого с еврейско-хазарской перепиской X в. Переписка возникла в связи с запросом еврейского сановника при дворе испанских мусульманских халифов Хасдая Ибн-Шафрута хазарскому царю Иосифу; в письме Ибн-Шафруту царь Иосиф описывал свое царство и его роль как сдерживающей силы между русами и мусульманами. Ни о каких победах над Русью в X в. в письме не упоминается. Но автор «кембриджского документа» пошел дальше: он описал удачную войну Хазарии с русским «царем Хл-гу» и победу над ним; событие это он отнес ко времени византийского императора Романа (919–944) г. е. к периоду более позднему, чем предполагаемое Гумилевым начало «хазарского ига»; Но самый «кембриджский документ» – источник сугубо недостоверный. Как отмечал П. К.

Коковцов, позднее происхождение этого памятника «не позволяет более видеть в составителе современника хазарского царя Иосифа, за которого он себя выдает», и поэтому «отпадает всякая необходимость, чтобы объяснить необъяснимое и прежде всего ту странность, что сам царь Иосиф в дошедшем до нас тексте своего письма не счел нужным (или позабыл) рассказать Хасдаю Ибн-Шафруту о своей победе над „Х-л-гу, царем Руси“, и о том, что „тогда стали Русы подчинены власти хазар“...» Автор «кембриджского документа» сочинил, по мнению ученого, свое письмо, чтобы «льстить национальному самолюбию еврейского народа в тяжелое время всевозможных преследований и притеснений...» 48.

Построение истории Киевской Руси, предложенное Гумилевым, не может быть обосновано этим единственным свидетельством сомнительного источника. Оно основывалось на ином – на принципиальной отрицании критики источников как «мелочеведения», на выведении мнимых «фактов» из заранее построенной концепции. «Отсутствие сведений в летописи означает признание хазарской гегемонии» – заявил Гумилев в итоговой «хронософии» своей книги 49,– и эта формула лучше всего отражает его источниковедческие принципы.

3

Обращаясь к истории Руси XIII–XV вв., Гумилев, как и при исследовании предшествующей эпохи, чрезвычайно мало считается с источниками.

Основными источниками по истории Руси XIII–XV вв. служат три летописи – Новгородская I, Ипатьевская и Лаврентьевская.

В построении истории русско-татарских отношений после нашествия Батыя Гумилев исходил из своей теории этнических и суперэтнических связей. Как мы уже отмечали, он признал завоевания 1237–1240 гг. незначительными «кампаниями», приведшими, в конечном счете, к созданию славяно-монгольского суперэтнуса. Важнейшую роль в этом «суперобразовании» сыграл носитель нового «пассионарного толчка» Александр Невский, сформулированная которым «новая доминанта поведения – альтруистический патриотизм – на несколько столетий определила неизвестные дотолле принципы устройства Руси» 50. Главная заслуга Александра состояла, по Гумилеву, в том, что он осознал масштабы угрозы со стороны шведов, ливонских рыцарей и Литвы и отсрочил немецкий «Дранг нах Остен», «который был лейтмотивом немецкой политики с 1201 по 1941 год». Что касается восточных завоевателей, то «ни о каком монгольском завоевании Руси не могло быть и речи. Гарнизонов монголы не оставили, своей постоянной власти и не думали устанавливать». Уже два-три десятка лет спустя произошло первое «освобождение России от монголов – величайшая заслуга Александра Невского» 51. Отрицательное отношение к Орде на Руси «появилось не в XIII в., а столетие спустя, когда узурпатор Мамай стал налаживать связи с католиками против православной Москвы» 52.

Все это построение находится в полном противоречии с источниками. Во всех летописях, отражающих события XIII в., поход Батыя описывается как крупнейшее национальное бедствие. Если Лаврентьевская и Ипатьевская отражали летописание земель, подвергшихся непосредственному завоеванию, то составитель Новгородской I, независимый от двух остальных летописей, писал в городе, который не был завоеван; он не имел поэтому оснований преувеличивать масштабы поражения. Но его характеристика завоевания не отличалась от той, которая содержалась во владимирском и южном летописании 53. В Новгороде власть монголов выразилась в сборе налогов; перепись населения для осуществления этого сбора вызвала в 1257 г. восстание в городе. Князем в городе был в то время Василий, старший сын Александра Невского. Александр Невский вмешался в события, выгнал своего сына из Новгородской земли

и жестоко расправился с восставшими – «оному носы урезаша, а иному очи вынимаша, кто Василия на зло навел...» 54. Гумилев упоминает этот эпизод, но дает ему довольно неожиданную трактовку. Восстание 1257 г. он именует «бунтом» и объясняет, что возглавивший его князь Василий был «дурак и пьяница». Откуда именно взял Гумилев эту характеристику Василия Александровича – неизвестно: ни в Новгородской, ни в Лаврентьевской, где кратко упоминается (под 1258 г.) история с татарскими «численниками» в Новгороде, ни слова не говорится о склонности Василия к пьянству и об его умственных способностях; этому князю и вообще посвящено всего несколько строчек в летописях. Но Гумилев настаивает на данной им характеристике: несколькими страницами далее он вновь упоминает, что Александр дал Василию «тихо и спокойно умереть от пьянства». Нашел автор и вполне оригинальное, принадлежащее лично ему и отсутствующее в источниках, объяснение расправы Александра с новгородцами: «им вынимали очи, считая, что глаза человеку все равно не нужны, если он не видит, что вокруг делается. Только такой ценой удалось Александру убедить в правоте своих поступков новгородцев, утерявших вместе с пассионарностью здравый смысл» 55.

В те же 50-е годы XIII в., когда происходило восстание в Новгороде, в остальных русских землях был создан институт баскаков – татарских наместников, опиравшихся на отряды, состоявшие из «бесермен» и «Руси» 56. Они жили в особых слободах. Когда в 1283 г. жители Курска напали на одну из таких слобод, баскак Ахмат перебил местных бояр и черных людей и трупы «тех избъеных повеле по деревью извешати, отъимая у всякого голову да правую руку»; головы и руки казненных были брошены «псам на изъедь». Отпустив паломников, бывших свидетелями расправы, Ахмат сказал им: «...Ходите по землям, тако молвите: кто иметь держати спор с своим баскаком, тако же ему и будеть» 57.

Этот эпизод, как и проблема баскачества, осталась у Гумилева вне идиллической картины русско-ордынского «симбиоза» вплоть до времени «узурпатора Мамай». Игнорировал он и выступления против Орды, происходившие в первой трети XIV в., в частности, крупнейшее тверское восстание против Щелкана (Чол-хана) в 1327 г., жестоко подавленное татарскими войсками, сжегшими Тверь и перебившими или уведшими в плен ее жителей; тверской великий князь Александр Михайлович был казнен в Орде. Гумилев умолчал о восстании против Щелкана, а Ивана Калиту, приведшего ханские войска на Тверь, охарактеризовал как «тихого, богобоязненного и хозяйственного» 58.

Враждебные отношения между Русью и Ордой возникают, согласно Гумилеву, лишь с конца XIV в. Противоречия эти он объясняет тем, что власть в Орде захватил Мамай, который «опирался на союз с Западом, главным образом, с генуэзскими колониями в Крыму», в то время как его противник Тохтамыш придерживался «традиционной политики союза с Русью, проводимой со времен Батые». Утверждение о союзе Мамай с «Западом» основывается, очевидно, на летописном известии о том, что Мамай, отправляясь на «всю землю Русскую», собрал «всю землю Половецкую и Татарскую, и рати понаимовав Фрязы и Черкасы и Ясы...» 59. Гумилев утверждает, что «поволжские татары неохотно служили Мамаю и в его войске их было немного» и поэтому Мамай «привлек ясов, касогов, крымских евреев и караимов». Но прежде всего Мамаю «нужны были деньги, – и немалые», – их он попросил у генуэзцев, владевших колониями в Крыму, – «те обещали помочь, но потребовали взамен получения концессий для добычи мехов и торговли на севере Руси, в районе Великого Устюга». Мамай предложил Дмитрию, что «за предоставление концессий» он дает ему «ярлык на великое княжение». «Если бы Дмитрий согласился на эту сделку, Московская Русь в очень короткое время превратилась бы в торговую колонию генуэзцев», – повествует далее Гумилев; но «преподобный Сергей Радонежский заявил, что с латинянами никаких дел быть не может: на

Святую Русскую землю допускать иноземных купцов нельзя, ибо это грех» 60. Убедившись после первых столкновений в том, что русская рать не уступает татарской, Мамай отправил на Русь войска, состоявшие из «генуэзской пехоты» и из степняков, мобилизованных «на генуэзские деньги». В итоге Куликовской битвы царство Мамаю – «типичная химера», опиравшаяся на «международную торговлю», – было побеждено, а «новая этническая общность – Московская Русь – выступила реальностью всемирно-исторического значения» 61.

Читатель, пожелавший бы определить источники, на которых основываются эти построения, окажется в немалом затруднении. Откуда взял Гумилев известия о переговорах генуэзцев с Мамаем, об их требовании «концессий» в районе Великого Устюга, о сделке, предложенной Мамаем Дмитрию и отклоненной Сергием Радонежским, о «генуэзских деньгах», полученных Мамаем перед Куликовской битвой? Из летописей нам известно о некоем Некомате (по более поздней версии «сурожанине» – купце, торговавшем с Крымом), ведшем враждебные Москве переговоры между Тверью и Ордой, но ни о каком участии в этих переговорах генуэзцев и их требованиях к Мамаю там ничего не сообщалось. Не менее загадочно приведенное Гумилевым заявление Сергия Радонежского о недопустимости дел «с латинянами» и допуска их «на святую Русскую землю». Откуда заимствовал автор эту цитату? В Троицкой и близких к ней летописях, несмотря на их интерес к Сергию, нет вообще никаких сведений об отношении Сергия к иноземцам. Но и в источниках XV века – в Житии Сергия, в Новгородско-Софийском своде – ни слова не говорится о его заявлениях против «латинян». Источники богатого подробностями повествования Гумилева о событиях вокруг Куликовской битвы остаются неизвестными. Через два года после Куликовской битвы победитель Мамаю хан Тохтамыш напал на Москву, сжег и разграбил ее. Почему же этот сторонник «традиционного союза с Русью», никак не связанный с Западом, совершил такое нападение? Виною, согласно Гумилеву, были суздальские князья, сострелявшие донос Тохтамышу на Дмитрия – «сибиряку и в голову не пришло, что его обманывают», а также «характер населения, осевшего в Москве» и ответившего сопротивлением на набег хана. «Посадский люд» хотел «только выпить и погулять»; напившись, москвичи забрались на кремлевские стены «и ругали татар, сопровождая брань соответствующими жестами» – «а татары, особенно сибирские, народ очень обидчивый, и поэтому крайне рассердились». Восставшие не хотели выпускать митрополита из города и ограбили его «до нитки». «...Когда был выпит весь запас спиртного, москвичи решили договориться с татарами» и впустить их послов в город, «но когда открывали ворота, никому из представителей „народных масс“ не пришло в голову выставить надежную охрану», татары ворвались в город и устроили резню 62.

Версия о пьяных москвичах была взята Гумилевым из относительно позднего источника – Новгородско-Софийского свода, сочувствовавшего митрополиту Киприану, не хотевшему оставаться в осаде. В современных событиям летописных сводах упоминания о пьянстве москвичей нет – там говорится лишь о вероломстве татар, их зверствах и грабеже в городе. Но и Новгородско-Софийский свод описывает стойкость осажденных, подвиги их предводителя князя Остея и москвича-суконника Адама. Непонятно, на каком основании Гумилев приписывает инициативу в переговорах с Тохтамышем горожанам, – во всех летописях говорится, что именно хан, не сумев взять город, обманул Остея «лживыми речами и миром лживым», убил его и захватил город 63. Почему же Гумилев именует Тохтамыша «добродушным и доверчивым сибиряком» и объявляет его набег «совсем не страшным»?

Такие вопросы возникают при чтении книг Гумилева постоянно. При изложении истории Киевской Руси автор в основном опирался на пробелы в летописной традиции, позволявшие ему строить произвольные конструкции; описывая историю последующих веков, он систематически умалчивает о том, что повествуется в летописях, сообщая читателю нечто

такое, чего ни в каких источниках найти не удастся. Если в X в. Игорь оказывался наемником хазар, то теперь появляется «дурак и пьяница» Василий Александрович, «тихий» и «богобоязненный» Иван Калита, генуэзские требования «концессий» в Великом Устюге, заявление Сергия о латинянах, «добродушный и доверчивый» Тохтамыш и наглые москвичи, разозлившие его.

Все это было бы вполне терпимо, если бы книги Гумилева предлагались читателю как художественная литература, историческая беллетристика. Гумилев – одаренный повествователь; сочинения его написаны ясным и выразительным языком, он очень любит вводить в них острые сюжетные перипетии и детективные истории (часто также не основанные на источниках – например, предположение об отравлении Александра Невского «немецкими сторонниками», действовавшими «и на Руси, и в Литве», или об убийстве кандидата в митрополиты Митяя его соперником Пименом) 64. Книги Гумилева читаются не хуже, а, пожалуй, даже лучше, чем исторические романы его последователя Д. Балашова. Беллетристический характер творчества Гумилева отметил уже при появлении его книги «Поиски вымышленного царства» один из виднейших исследователей Киевской Руси профессор А. Поппе. Возражая Б. Рыбакову, принявшему «слишком всерьез» и осудившему эту книгу, Поппе охарактеризовал ее как «красивую болтовню (hubsche Plauderei) о странствованиях по вымышленным землям, некий „перфектологический“ роман» 65. По мнению польского историка, этот «перфектологический», т. е. обращенный к прошлому, роман так же фантастичен, как и «футурологические» романы, повествующие о будущем.

Этой характеристикой можно было и ограничиться, если бы не одно обстоятельство. Книги Гумилева издаются, пропагандируются и широко читаются в очень трудное для нашей страны время. Историческая наука за прошедшие десятилетия во многих случаях была дискредитирована; она часто отходила от тех научных норм, которые утвердились в ней с начала XX в., и подчинялась навязанным идеологическим задачам. Отказ от прежнего мировоззрения создал некий идеологический вакуум, который постоянно заполняется самыми различными мифами, легендами и суевериями. Сочинения Гумилева, претендующие на научность, поражающие читателя экскурсами в самые различные области знания и сложной биологической и физико-химической терминологией, ощущаются как новое слово в историографии и философии. Рассуждения его не кажутся столь вульгарными, как писания публицистов из «Дня» и «Нашего современника»; напротив, они представляются серьезными, научно объективными исследованиями, отражающими «гуманистическое мировоззрение» автора. А между тем, «евразийская» концепция Гумилева, осуждение межэтнических браков и прямое смыкание с «историками национального направления», – все это придает его книгам определенный и однозначный публицистический характер.

Критический разбор работ Гумилева в большинстве вышедших за последнее время статей был посвящен именно их идеологии и теоретическим положениям 66. Но построение Гумилева не только теоретически уязвимо, но и фактически неверно. Проверка его на материале источников по истории древней Руси обнаруживает, что перед нами – не попытка обобщить реальный эмпирический материал, а плод предвзятых идей и авторской фантазии.

Литература

1. Гумилев Л. Н. : 1) Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С.46–55; 2) Апокрифический диалог // Нева. 1988. № 3. С. 201; 3) Этногенез и биосфера земли. Л., 1989 (далее: Гумилев. Этногенез...). С. 15, 25, прим. 1, 41; 4) От Руси до России. СПб., 1992 (далее: Гумилев. От Руси...). С. 16.

2. Гумилев. От Руси... С. 20.
3. Гумилев. Этногенез... С. 335.
4. Гумилев Н. «Год рождения 1380» // Декоративное искусство. 1980. № 12. С. 37.
5. Леонтьев К. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1912. С. 120. Данилевский называл иное число – «4–6 веков», но относил его к «периодам цивилизаций» (Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 106–107).
6. Шпенглер О. Закат Европы. М.; Пг., 1923. С. 54–59.
7. Гумилев Л. Н. : 1) О соотношении природы и общества согласно данным исторической географии и этнологии // Вестник ЛГУ. 1970. № 24. С. 47; 2) Этногенез... С. 305.
8. Гумилев. Этногенез... С. 452–453.
9. Ср.: Козлов В. И. Пути околоэтнической пассионарности (О концепции этноса и этногенеза, предложенной Л. Н. Гумилевым) // Советская этнография. 1990. № 4. С. 96–98; Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилева // Нева. 1992. № 4 С. 231–235.
10. Гумилев. Этногенез... С.151–156.
11. Декоративное искусство. 1980. № 12; Ср.: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989 (далее: Гумилев. Древняя Русь...). С. 27–34, 551–577.
12. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства (легенда о «Государстве пресвитера Иоанна»). М., 1970. С. 328–329.
13. Рыбаков Б. А. О преодолении самообмана (по поводу книги Л. Н. Гумилева «Поиски вымышленного царства») // ВИ. 1971. № 3. С. 153–159.
14. Кузьмин А. Г. К какому храму ищем мы дорогу? М., 1989. С. 209–215.
15. «Меня называют евразийцем...» // Наш современник. 1991. № 1. С. 132, 134.
16. Гумилев Л. Н. : 1) Князь Святослав Игоревич // Наш современник. 1991. № 7–8; 2) Ритмы Евразии // Там же. 1992. № 10; Балашов Д. Анатомия антисистемы // Там же. № 4; Кожин В. История Руси и русского слова // Там же. № 6–12.
17. Гумилев. Древняя Русь.... С. 7–10; От Руси... С. 5, 7.
18. Бромлей Ю. В. : 1) По поводу одного «автонеколога» // Знамя. 1988. № 12; 2) Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. 1988. № 7. С. 18; Артамонов М. И. Снова «герои» и «толпа»? // Природа. 1971. № 2. С. 75–77; Козлов В. И.: 1) О биологогеографической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 72–85; 2) Пути околоэтнической пассионарности. Указ. изд. С. 94–110; Дьяконов И. М. «Огненный дьявол» // Нева. 1992. № 4. С. 225–228; Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента...» // Там же. С. 228–246.
19. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 19.
20. Гумилев. Этногенез... С. 160.
21. Гумилев Л. Н. Может ли произведение литературы быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 81.
22. Гумилев. Древняя Русь... С. 172.
23. Гумилев. От Руси... С. 161, 165, 167, 169.
24. Там же. С. 108–109, 246.
25. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 403.
26. Гумилев. Этногенез... С. 345.
27. ПСРЛ. Т. 4., 4.1. Пг., 1915. С. 3; Т. 5 (изд. 2-е). Л., 1925. С. 3.
28. Там же. Т. 9. СПб... 1862 (фототип. изд.: М., 1965). С. 7–15.
29. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 187. Ср.: Клосс Б. М. Никоновская летопись и Максим Грек // ТОДРЛ. Л., 1976. С. 124–131.

- Творогов О. В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 3. С. 54–59.
30. ПСРЛ, Т. 7. СПб., 1856. С. 231, 268.
31. Гумилев. Древняя Русь... С. 174–175; От Руси... С. 32.
32. Гумилев. Древняя Русь... С. 175.
33. Гумилев. Древняя Русь... С. 173, 175, прим. 2. Ср.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 161, 187, 190–191.
34. Иванов П. Об одной ошибочной концепции // Правда. 1951. 25 декабря. С. 3.
35. Рыбаков Б. А. : 1) Русь и Хазария. // Академику Б. Д. Грекову ко дню 75-летия. М., 1952. С. 77, 88; 2) К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Т. XVIII. М., 1953. С. 150.
36. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 457–458.
37. Гумилев. Древняя Русь... С. 151.
38. Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. С. 16–17, 19, 24, 75–76, 366–367.
39. Ср. комментарий Д. С. Лихачева в книге: Повесть временных лет. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 16.
40. Гумилев. Древняя Русь... С. 194, 200; От Руси... С. 40.
41. Гумилев. Древняя Русь... С. 175, 187.
42. Гумилев. Древняя Русь... С. 171–198, 202–213; От Руси... С. 41–45. Гумилев утверждает, что Святослав взял три основных города Хазарии – Итиль, Семендер и Саркел, опираясь, вслед за М. И. Артамоновым, на текст Лаврентьевской летописи: «...И град их и Белу Вежу взя». Но «и» читается только в Лаврентьевском списке ПВЛ; в Радзивилловском и Академическом списке той же редакции, в Ипатьевской летописи и в НИ (Начальном своде) союза «и» нет, и речь идет только о «Белой Веже» (Саркеле).
43. Гумилев. Древняя Русь... С. 176.
44. Там же. С. 171.
45. Там же. С. 178, 195; От Руси... С. 41, 43.
46. Кожин В. История Руси и русского слова // Наш современник. 1992. № 12. С. 168; Ср.: Гумилев. Древняя Русь... С. 173.
47. Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. С. 224.
48. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. XXXIV–XXXV; ср. С. 117–120.
49. Гумилев. Древняя Русь... С. 698.
50. Гумилев. От Руси... С. 122. Ср.: Гумилев. Древняя Русь... С. 547.
51. Гумилев. От Руси... С. 109, 111; ср.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 345.
52. Гумилев Л. Н. Апокрифический диалог... С. 201, 203.
53. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 82.
54. ПЛДР. XII век. М., 1981. С. 134–148, 290–296. Ср.: Новгородская первая летопись... С. 74–77.
55. Гумилев. От Руси... С. 120, 124.
56. Насонов А. Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 16–22.
57. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. – Л., 1950. С. 341, ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Изд. 2-е. Л., 1927. Стб. 481.
58. Гумилев. От Руси... С. 127.
59. Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 419.

60. Гумилев. От Руси... С. 141–143.
61. Гумилев. Древняя Русь... С. 621; От Руси... С. 144–145.
62. Гумилев. От Руси... С. 146–147. Ср.: Гумилев. Древняя Русь... С. 630–633.
63. Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 422–425; ПЛДР. XIV – сер. XV в. М., 1981. С. 190–206.
64. Гумилев. От Руси... С. 121, 143.
65. *Russia Mediaevalis*. Т. 1. Munchen, 1973. s. 220.
66. Ср. уже упомянутые статьи в журнале «Нева», 1992, № 4; Янов А. Веймарская Россия // Нева, 1994, № 5–6. С. 256–268.

М. М. Зильберт. Феномен ашкеназских евреев Исследование по методу Л. Н. Гумилева (в сокращении)

...когда я пытался найти подтверждения материалистической интерпретации истории, прилагая ее к судьбам народов, эта интерпретация оказалась совершенно несостоятельной, встретившись с историей евреев, судьбу которых невозможно объяснить с точки зрения естественного хода истории.

Итак, согласно всем природным законам, этот народ должен был бы исчезнуть уже давно. Его уникальная способность к выживанию выходит за грань человеческого понимания, возможного в рамках материалистической концепции истории.

Николай Бердяев. Смысл истории

<...>

Предыстория

Согласно Л. Н. Гумилеву, в I веке хр. эры произошел пассионарный толчок, зона которого представляла собой полосу от юга Скандинавии до Эфиопии; его результатом стало появление среди прочих общностей готов, славян, даков. Последние подняли в начале II века мощное антиримское восстание, после подавления которого перестали существовать как этнос. В Палестине же этот толчок привел, во-первых, к появлению христианства, а во-вторых – к резкому усилению борьбы живших там иудеев против римского владычества, которая вылилась в грандиозное восстание 67–73 гг., вошедшее в историю под названием Иудейской войны. Пиком восстания явились осада и взятие Иерусалима римлянами. Зелоты (так назывались наиболее бескомпромиссные борцы за независимость Иудеи) считали само существование еврейского народа неразрывно связанным со Святой землей, Иерусалимом и Храмом. Они готовы были погибнуть за идею, что в итоге большинству из них и было суждено (часть из них, правда, была продана в рабство). Пойди все евреи тогда за зелотами, и этот народ постигла бы судьба даков. Однако была в Иудее партия мира с Римом, представители которой ставили выживание «богоизбранного народа» выше сохранения за ним Иерусалима с его святынями; лидером этой партии был раби Иоханан бен Заккай. Нет оснований считать, что р. Иоханан и его сторонники были менее пассионарны, чем зелоты, но их энергия была направлена не на самоуничтожение во имя безнадежной идеи, а на самосохранение ради идеи перспективной и предопределявшей существование евреев на многие века вперед.

Захватив власть в осажденном городе, зелоты запретили жителям покидать его под страхом смерти, и тогда р. Иоханан ради спасения себя и своих соратников сделал следующее:

притворившись мертвым, он при помощи своего родственника, бывшего одним из вождей zelотов, в сопровождении группы учеников был в гробу вывезен из города. После побега р. Иоханан явился к Титу, сыну императора Веспасиана, руководившему осадой, с просьбой разрешить ему «поселиться с учениками и устроить школу в городе Явне» (на побережье Средиземного моря, на полпути между Яффой и Ашдодом) 4. Согласно Талмуду, правда, этот разговор р. Иоханан вел с самим Веспасианом, однако это очевидная ошибка, т. к. во-первых, Веспасиан в осаде Иерусалима в тот момент уже не участвовал, а во-вторых, согласно тому же Талмуду, р. Иоханан предсказал собеседнику, что тот станет императором, а Веспасиан таковым тогда уже был.

С точки зрения римлянина, если иудей не хотел воевать с Римом, а хотел открыть «какую-то там школу», препятствовать ему в этом оснований не было никаких. Тит, а разрешение давал, по-видимому, он, не мог предполагать масштабов последствий этого события, не знал он, что способствовал созданию по сути нового народа, которому предстояло надолго пережить как сам римский этнос, так и многих других своих гонителей.

После падения Иерусалима школа в Явне стала духовным центром не только палестинского еврейства, но и всей диаспоры. Р. Иоханан создал также новый Синедрион, высший законодательный орган иудеев, между тем как раньше считалось, что таковой может заседать лишь в Иерусалимском Храме 5. Из школы в Явне вышли многие выдающиеся законоучители, создавшие в разных местах свои собственные школы. Явенский Синедрион восстановил прервавшиеся вследствие войн связи со всей еврейской диаспорой.

Позже, в 116–117 и в 132–135 гг. произошли два крупных иудейских восстания, после которых борьба за независимость Иудеи закончилась.

За века, последовавшие за завершением Библии (II в. до хр. эры), появилось множество устных комментариев к ней, т. н. «Устная Тора». Во II в. хр. эры выдающийся еврейский законоучитель р. Акиба бен Иосиф, который, кстати, был главным вдохновителем последнего иудейского восстания под предводительством Бар-Кохбы, систематизировал и записал их, положив таким образом начало написанию трактата «Мишна» («Второучение»), завершеного его последователями в начале III в. В Мишне содержатся законы по гражданскому и уголовному праву, о субботе, праздниках и постах, о пище и обрядах и проч. После заключения Мишны следующие поколения иудейских мыслителей составляли «добавления» к ней – «Гемару». Мишна и Гемара вместе получили название «Талмуда» («Учения») 6.

Вследствие постоянных гонений со стороны римских властей из Палестины происходила эмиграция евреев, главным образом в Вавилонию, где их община существовала еще со времен «Вавилонского пленения» в VII в. до хр. э. и где с середины III в. хр. э. царями из династии Сасанидов были созданы относительно благоприятные для их жизни условия; т. о. имел место пассионарный дрейф. Вследствие этого и статус духовного центра еврейства переходил от Палестины к Вавилонии. В течение V в. вавилонскими иудеями была создана своя Гемара, гораздо более обширная и глубокая по содержанию, чем палестинская. Поэтому именно Вавилонский Талмуд получил наибольшее распространение в дальнейшем.

Важнейшим элементом Талмуда является Галаха – Закон, регламентирующий все аспекты жизни евреев: брачные отношения, законы о пище (кашрут), имущественное право, правила отношений с представителями других народов и т. д. Многие законы Галахи направлены на изоляцию евреев от неевреев (на иврите – «гоев»). Талмуд запрещает: вступать в браки с иноверцами, участвовать в совместной с ними трапезе, употреблять вино, к которому кто-либо из них прикасался, или кушанье, ими приготовленное, а также вступать с ними в контакты, когда они отправляют культ или готовятся к этому. «Накануне праздников язычников, – сказано в Мишне, – загодя, еще за 3 дня, запрещается заключать с ними сделки, одалживать им

какие-либо вещи или, наоборот, просить что-нибудь, давать деньги в долг или брать займы, отдавать долг или принимать уплату долга». Клятвы неевреев Талмуд объявлял недействительными, вследствие чего запрещалось становиться их деловыми партнерами 7. Следует отметить, что эти законы создавались в условиях большого скопления еврейского населения, когда они были реально выполнимы.

Поскольку законы Галахи могли входить в противоречие с законами страны, в которой евреи жили, особую важность приобретали принципы решения таких коллизий. Согласно одному из принципиальных положений иудаизма, иудейская правовая система дана свыше, тогда как законы других народов созданы людьми 8 и выполнять их следует в силу необходимости. Вавилонский талмудист р. Шмуэль (III в.) сформулировал правило: «Закон государства обязывает» 9, в котором проявилось стремление к компромиссу во имя права проживания в данной стране.

Одним из важнейших отличий иудаизма от других монотеистических религий является его отношение к прозелитизму. Хотя единого мнения по данному вопросу в Талмуде нет, можно констатировать, что в целом Галаха прозелитизм приветствует. Однако, если христианство или ислам, к примеру, готовы с радостью принять в свое лоно любого, не выясняя его мотивов (нередки были даже случаи насильственного обращения), то большинство талмудических мыслителей требовали, чтобы желание приблизиться к «богоизбранному народу» было обусловлено лишь религиозными соображениями. Претендента сначала отговаривали, разъясняли ему всю тяжесть положения еврейского народа, и лишь если тот и после этого проявлял твердость в вере, его принимали 10. Имели место, правда, высказывания вроде «Прозелиты в тягость Израилю, они как лишай» 11 или «Пусть многие беды постигнут того, кто принимает иноверцев в иудаизм» 12, но они были редки.

С завершением Вавилонской Гемары иудаизм не остановился в своем развитии. Позже создавались комментарии к Талмуду, который сам является сборником комментариев к Ветхому Завету, затем появлялись комментарии к комментариям, затем – комментарии к комментариям к комментариям и так из поколение в поколение, из века в век...

Итак, потеряв связь с Землей Обетованной, сформировался своеобразный народ без родины, или «блуждающий суперэтнос», как назвал его Л. Н. Гумилев. «Ubi bene ibi patria» («Где хорошо, там и отечество» – лат.) – этот космополитический принцип в значительной мере отражает его существование с тех пор. К концу I тысячелетия евреи распространились по всей Западной и Юго-Восточной Европе и Передней Азии.

На Западе Европы

Земли, где протекают реки Рейн и Сена (Юго-Запад Германии и Север Франции), в средневековых еврейских источниках называются Эрец Ашкеназ (Земля Ашкеназская). Известно, что сыны Израиля жили там еще при римлянах (документы III в. Из Кельна свидетельствуют об их наличии в этом городе), однако до XI в. Их историческая роль была незначительной по сравнению с той, что играли их соплеменники из Вавилонии, Персии, Хазарии или Испании; между тем будущее их потомкам предстояло великое.

Как уже упоминалось выше, по версии Л. Н. Гумилева, в конце VIII в. произошел пассионарный толчок, зона которого протянулась от Испании до Юга Скандинавии и который привел к образованию Западно-Европейского суперэтноса. Земля Ашкеназская находилась, таким образом, как раз в его «эпицентре» и, судя по последующим событиям, евреев этот толчок также затронул.

Наиболее известные еврейские общины того времени находились в городах Вормс, Трир,

Шпеер, Майнц, Труа. В XI в. там начала бурно формироваться своя талмудическая школа, что совпало по времени с Ключийским движением в западно-европейском христианстве. Основателем этой школы, получившей название Лотарингской, был р. Гершом бен Иегуда из Майнца, прозванный Меор ха-Гала («светоч диаспоры») (960–1028 гг.), с именем которого еврейская традиция связывает появление новых общинных уставов (в них, среди прочего, запрещалось многоженство).

Наиболее выдающимся представителем Лотарингской школы был р. Соломон Ицхаки (абр. Раши) из Труа (1039–1105 гг.). Составленные им и его последователями «тосафистами» («составителями добавлений») комментарии к Талмуду вошли почти во все дальнейшие издания последнего. Благодаря ему Северная Франция (Шампань), где он жил, стала крупнейшим центром талмудической науки того времени. «Мудрецы Франции тосафисты, – писал впоследствии р. Соломон Лурия, один из крупнейших еврейских религиозных авторитетов в Польше XVI в., – сделали из него (Талмуда) как бы шар и прокатали его с места на место, чтобы он выглядел как однородное тело, без противоречий и изъянов...» 13

На заре средневековья ашкеназские евреи были очень немногочисленны: община в 100–200 человек считалась большой. Очевидно, что в таких условиях невыполнимым было выполнение запретов, касающихся контактов с иноверцами, т. к. материальное положение евреев, бывших в большинстве своем купцами и ростовщиками, почти полностью зависело от них: продукты для пропитания, одежду и проч. они должны были приобретать у христиан; евреям приходилось и торговать предметами культового назначения, и заключать сделки в дни церковных праздников. Раши, к примеру, позволял употреблять изготовленное христианами вино, поясняя, что те не используют его при богослужении, как это было принято у язычников, окружавших евреев в талмудическую эпоху, и, следовательно, оно уже не является предметом «чуждого культа». Также обычно приходилось обходить запрет признавать клятву иноверца, хотя тот же Раши однажды даже отказался от иска к христианину из-за того, что тому пришлось бы присягать в суде 14.

Известно, что в Средние века имели место случаи перехода христиан в иудаизм или «гиюра», тосафисты и их последователи единодушно приветствовали их. Если случаи крещения евреев были обусловлены обычно или принуждением, или нежеланием нести бремя галахических предписаний, то побудительным мотивом к принятию иудаизма могли быть лишь идейные соображения. Р. Иоэль бен Ицхак так писал об одном из прозелитов: «И был послан дух от Господа, и почил он в сердце сего человека... И... приступил он к работе господней: взыскав Бога, стал изучать писание и священный наш язык и долгое время прожил среди нас. Был он муж праведный и непорочный и дни свои проводил в учении...» 15.

Церковь ревниво оберегала целостность рядов своих приверженцев и за обращение христиан в иудаизм карала беспощадно, что заставляло евреев скрывать существование института гиюра. Поэтому о массовости данного явления в Средние века судить сложно.

Условия жизни евреев в тех или иных странах зависели от того, какие соображения у их правителей брали верх: материальные или идеологические. В первом случае власти им покровительствовали, т. к. их торговая и кредитная деятельность способствовала пополнению казны, во втором же их ждали гонения, зачастую крайне жестокие. До конца XI в. положение евреев в Германии было вполне благоприятным для них, зачастую они пользовались поддержкой городских епископов. Император Священной Римской империи Генрих IV (1056–1106 гг.) в 1091 г. пожаловал им грамоту, согласно которой было запрещено принуждать их к принятию христианства, а в судебных процессах с христианами евреи могли присягать по своему религиозному обряду.

Начало эпохи крестовых походов в 1096 г. ознаменовало перелом в жизни европейских

евреев: «спасители гроба Господня» не могли смириться с благополучным проживанием на их землях «распявших Христа». Некий монах утверждал, что на могиле Иисуса была найдена записка, предписывающая христианам крестить всех евреев 16. Последние в результате и стали первыми жертвами крестоносцев, ставивших их перед выбором: крещение или смерть.

Массовый религиозный фанатизм – характернейшее последствие пассионарного толчка – отличал евреев той эпохи не в меньшей степени, нежели христиан. Следуя талмудическому принципу «Киддуш-ха-Шем» («освящение имени божьего»), требующему мученичества за веру, они в большинстве своем предпочитали смерть крещению 17, иные сами убивали себя и свои семьи, дабы не попасть в руки палачей. Некоторые даже поначалу заявляли о своей готовности креститься, но только для того, чтобы во время соответствующей церемонии публично плюнуть на крест, присовокупив к этому какую-нибудь бранную тираду в адрес Иисуса и его матери 18.

Общины Вормса и Майнца погибли почти полностью, община Трира после долгого сопротивления согласилась-таки на крещение, а евреям Шпеера вместе с горожанами-христианами удалось отстоять свой город. Позже, в 1103 г. Генрих IV, несмотря на протесты папы, разрешил насильственно крещеным вернуться в лоно иудаизма. В возникшей среди евреев острой дискуссии о том, как к ним относиться, решающую роль сыграл авторитет Раши, сказавшего: «Да будем далеки, чтобы отделиться от вернувшихся или осрамить их!» 19.

В 1215 г. в Латеранском дворце в Риме под руководством папы Иннокентия III прошел очередной (IV) церковный собор, сыгравший важнейшую роль в истории Западной Европы и наложивший сильнейший отпечаток на положение европейского еврейства в ближайшие 3–5 веков. Собор резко осудил еретиков – альбигойцев, катар, вальденсов, положил начало созданию инквизиции, а касаясь именно евреев наиболее ярким нововведением было предписание им носить на одежде особый знак – круглый или прямоугольный кусок желтой ткани. С тех пор унижения и гонения на евреев в Европе стали постоянными.

Стремление евреев как можно плотнее отгородиться от христианства, только усиливается постоянными их преследованиями, ярко проявилось в деятельности сформировавшейся в начале XIII века группы «Хасидей ашкеназ» («Благочестивых из Ашкеназа»). Основатели этой группы были выходцами из школы тосафистов. В книге «Сефер ха-Хасидим» («Книга благочестивых»), автором которой был р. Иегуда ха-Хасид из Парижа (1166–1224 гг.), талмудические предписания относительно неприятия «чуждых культов» доведены до крайности, граничащей, на взгляд современного человека, не то с мракобесием, не то с чудачеством. Здесь запрещалось не только входить в «дом чуждого служения» 20 или во двор при нем, но даже просто склонять голову, проходя мимо церкви, дабы это не было истолковано как дань уважения христианству, разменивать деньги идущему в церковь иноверцу, чтобы не стать соучастником «их приношений», «обучать (христианского – М. З.) священника еврейской грамоте, а также исполнять для него на музыкальных инструментах какие-нибудь приятные мелодии, чтобы, не дай Бог, не воспроизвел он ту же мелодию, стоя перед своим алтарем». По мнению р. Иегуды, «в синагоге не должно быть окон, выходящих на дом „чуждого служения“». В Книге благочестивых описан эпизод, когда евреи отказались покупать у христиан оставшиеся после строительства церкви стройматериалы для постройки синагоги, сказав: «даже для постройки частного дома не следует брать у них, а тем более для синагоги» 21.

Р. Иегуда и его соратники настаивали на самом ревностном соблюдении принципа «Киддуш-ха-Шем». Книга благочестивых запрещает не только временно креститься ради личного спасения, но даже пришивать к платью или прибывать к дому (в целях конспирации при приближении погромщиков) крест, стричь волосы в кружок подобно христианскому духовенству, а стены домов, залитые кровью мучеников, предписывалось не белить, чтобы

кровь могла «вопить к Богу» 22.

Можно констатировать, что в XI–XIII вв. в Земле Ашкеназ образовался новый иудейский этнос, во многом не похожий на другие. Ашкеназское еврейство отличалось крайней культурной обособленностью, его интеллектуалы, в отличие, например, от их испанских единоверцев, сефардов, были совершенно чужды общей образованности и занятий поэзией и полностью сосредоточились на развитии талмудической науки; сформировался особый тип ашкеназского ученого мудреца, «замыкающегося в 4-х стенах Галахи» 23. Другой важнейшей сферой их творчества стала Каббала – иудейская мистика. И, наконец, к XIII в. сформировался особый язык ашкеназских евреев – «лашон ашкеназ» или «идиш», представлявший собой диалект немецкого с добавлением некоторых слов из иврита, буквы же при письме на нем использовались древнееврейские; в дальнейшем ашкеназские евреи говорили на нем почти во всех странах, где жили (кроме Италии). Иврит перестал быть разговорным языком евреев еще во II веке, в диаспоре они обычно заимствовали языки народов, среди которых жили. Вавилонская Гемара была написана на смешанном языке, состоящем из элементов иврита и арамейского. Этот язык стал именоваться «священным» или «лошн койдеш». В Земле Ашкеназ он был сохранен, но лишь как язык религиозный, который знала только интеллектуальная элита, изучавшая его в иешивах (иудейских вузах). На нем были написаны почти все литературные труды ашкеназских мыслителей, вследствие чего большинству евреев они были недоступны.

Для евреев Юго-Западной Германии и Северной Франции была характерна полная автономия каждой общины с очень большой властью общинных институтов. Они селились в городах в специально отведенных для них кварталах (*Platea Judaecrum*), которые иногда обносились крепостными стенами. Их правовой статус определялся специальными «грамотами о привилегиях» и обычно обозначался термином «*servi camerae*» («рабы казны»), что означало принадлежность евреев королю, который мог их по своему усмотрению переселять, отнимать их имущество, аннулировать причитающиеся им долги 24. С другой стороны, они получали монаршую защиту, за которую, правда, приходилось дорого платить. Выступая в суде, еврей должен был приносить особую еврейскую присягу (*more judaico*), иногда включавшую в себя унижительные формулировки. Носить оружие для самозащиты евреям запрещалось.

Среди обвинений, обычно выдвигавшихся в отношении них, наиболее распространенными были: в ритуальных убийствах христианских детей, в осквернении гостии (утверждалось, что они прокалывают просфору, символ тела господнего, иглами, после чего из нее течет кровь Христова) и в обращении христиан в иудаизм. Последнее, как мы видели, имело под собой основания.

В Англии массовое поселение евреев началось после нормандского завоевания 1066 г.; неучастие английского рыцарства в первых двух крестовых походах благоприятно сказалось на их жизни там. Первый крупный еврейский погром в Лондоне состоялся в день коронации Ричарда I Львиное Сердце (3.09.1189) и с тех пор их положение неуклонно ухудшалось, пока в 1290 г. король Эдуард I не издал указ об их изгнании с «Туманного Альбиона»: Сынов Израиля обвинили в «обрезывании монет». Изгнанники в большинстве своем переселились во Францию, однако уже в 1306 г. королем Филиппом IV Красивым были выселены и оттуда с предварительной конфискацией их весьма немалого имущества. Общее число изгнанных тогда из Франции было около 100 тыс. человек, что свидетельствует о бурном демографическом росте ашкеназских евреев за прошедшие 2 с лишним века 25.

Для евреев Германии самые жестокие времена наступили в 1348–1349 гг., когда Европу охватила эпидемия чумы, сократившая ее население на треть, при том, что евреи, хотя в их гетто плотность населения была гораздо выше, чем в христианских кварталах, страдали от нее

гораздо меньше. Еврейские источники объясняют это соблюдением ими правил гигиены – средневековые христиане, хотя и «привезли» из крестовых походов обычай мыться в бане, чистоплотностью не отличались. Так или иначе, но на евреев пало обвинение в умышленном распространении болезни путем отравления колодцев христиан. Началась резня, остановить которую не могла даже защищавшая евреев булла папы Клементя VI 26.

В середине XV в. на евреев Центральной Европы обрушилось новое бедствие, на сей раз в лице одного человека – монаха Францисканского ордена Иоанна Капистрано (1386–1456). Будучи легатом (представителем) папы Николая V в Германии, этот фанатик, обладавший выдающимся ораторским талантом, разъезжая по городам, везде настраивал против них как знать, так и чернь. Епископ Готфрид из Вюрцбурга, который был также герцогом Франконии, после его проповедей не только отменил данные им ранее евреям выгодные привилегии, но и изгнал их из своих владений, «ибо он не хотел более терпеть их». В Бреславле (Силезия) с подачи Капистрано были сожжены 40 евреев по обвинению в осквернении гостии (под пыткой они сознались во всем) и ритуальном убийстве христианского мальчика. Остальные обвиненные (всего 318 человек) были изгнаны из Бреславля, а их дети до семилетнего возраста у них отняты, крещены и отданы христианам на воспитание. Такова лишь небольшая часть списка «подвигов» человека, прозванного «бичом евреев» 27.

В некоторых европейских странах, в основном к востоку от Германии, стремление правителей привлечь в свои страны евреев для пополнения своей казны брало верх над религиозной нетерпимостью. Для такого привлечения было необходимо обеспечить их личную безопасность и безопасность их имущества, возможность им вести образ жизни, соответствующий канонам иудаизма, а также, чтобы доход от них был максимальным, возможность заниматься их традиционными промыслами: выдачей кредитов и торговлей. В 1244 г. австрийский эрцгерцог Фридрих, несмотря на активное противодействие императора Священной Римской империи Фридриха II (Австрия была тогда составной частью империи), выдал евреям Грамоту, согласно которой, среди прочего, христианин, убивший еврея, наказывался смертью, ранивший – денежным штрафом или лишением руки, похитивший еврейского ребенка для насильственного крещения – штрафом. Аналогичные грамоты позже были выданы евреям Венгрии королем Бела IV (1251 г.), Богемии королем Отокарром (1254 г.), Калиша в Великой Польше князем Болеславом (Польша была раздроблена и грамота касалась лишь данного удела, 1254 г.), Тюрингии и Мейсена (Саксония) князем Генрихом (1265 г.) 28. В результате такого положения вещей вплоть до середины XVII века миграция европейских евреев имела общее направление с запада на восток.

В Польше

Страной, сыгравшей важнейшую роль в истории евреев, стала Польша. Начало процесса интенсивного формирования еврейских общин в этой стране, судя по сохранившимся документам и результатам археологических раскопок (найжены монеты, относящиеся к этому времени, с надписями на иврите и еврейскими именами чеканщиков), относится к концу XII – началу XIII вв., однако началом их процветания там можно считать лишь середину XIV в., эпоху правления короля Казимира III Великого (правил в 1333–1370), создателя централизованного польского государства. В 1367 г. он выдал евреям Грамоту о привилегиях, каковых они не имели больше нигде. Согласно этой грамоте, в частности, получили официальное признание общинные институты, в т. ч. суд еврейских старейшин («... в каждом деле о споре или стычке между евреями да не будет судить никто, кроме старейшин их, за исключением тех случаев, когда они сами не смогут выяснить истину» (§ 10)), а также

законность традиционной еврейской присяги на свитке Торы (§ 1, 5, 12, 13). Грамота предусматривала суровые наказания за нападения на евреев (§ 12, 13, 14), осквернение еврейских кладбищ (§ 21), нанесение ущерба синагоге (§ 22), несанкционированный вход в их жилища (§ 29), похищение еврейских детей (§ 38), неоказание помощи еврею в случае нападения на него (§ 44), отказ торговцев продавать товары евреям (§ 46), запрещалось вызывать евреев в церковный суд (§ 30). Грамота защищала их финансовую деятельность от вмешательства конкурентов (§ 45) и гарантировала возможность вести соответствующий канонам иудаизма образ жизни, включая право на кошерный убой скота и продажу некошерных частей туш христианам (§ 20).

В 1453 г., в год коронации Казимира IV из династии Ягеллонов, оригинал Грамоты сгорел при пожаре в Познани. Вступив на престол, новый король издал ее подтверждение, в преамбуле к которому говорилось: «Мы желаем, чтобы те евреи, которых мы охраняем для нас и королевства нашего как особую ценность, признали наше королевство добрым для них». Содержание грамоты вполне соответствовало этим словам 29.

Положение евреев в средневековой Польше можно без преувеличения охарактеризовать как «*status in statu*» («государство в государстве», лат.), настолько широка была их автономность. Они имели свою законодательную (кагал), судебную и исполнительную власти.

Кагал регулировал все сферы жизни общины: хозяйственную деятельность, отношения с христианами, проблемы семьи, религии, воспитания, отвечал за сбор налогов, за работу синагоги и кладбища, осуществлял надзор за кошерным убоем скота, контролировал работу учителей, организовывал помощь беднякам. Он также имел полномочия выдавать право на жительство тому или иному еврею, причем основным мотивом в решении этого вопроса было благосостояние человека (бедняк становился для общины бременем, т. к. государственные налоги с нее собирались лишь в зависимости от ее численности). Решения кагала приобретали силу закона лишь после того, как их утверждал раввин (главный специалист по галахе) и специально уполномоченный писец заносил их в особую книгу кагала – пинкос. Система выборов в кагал была далека от нынешних представлений о демократии: руководители общин, отработав положенный срок, выдвигали выборщиков, обязательно не состоявших между собой в родстве, которые и избирали новое руководство, обычно около 20-ти человек 29а.

Община несла перед властями коллективную ответственность за каждого члена. Представительские функции кагал осуществлял через своих специальных чиновников – «штадланов».

Еврейский суд обычно возглавлялся раввином, вместе с которым заседали двое судей, назначенных выборщиками, и имел 3 инстанции, различные по серьезности рассматриваемых ими дел. Он занимался лишь имущественными спорами между евреями, другими делами занимался кагал.

Одним из наиболее распространенных наказаний для преступников было содержание под стражей (в тюрьме). Так обычно поступали с неплательщиками налогов или долгов, нарушителями спокойствия и проч. Смертная казнь в общинах не применялась, но бывали телесные наказания: битье палками, отрезание ушей, а также выставление у «позорного столба» – приковывание цепями к стене в коридоре синагоги. Обжалование решений еврейского суда у польского «судьи по делам евреев» законодательством предусматривалось, однако отношение общин к этому было крайне неодобрительным, так как подрывался авторитет руководства.

Неким подобием глав исполнительной власти в общинах были парнасы, или старосты, работавшие, как и другие служащие, бесплатно. Они следили за соблюдением решений кагалов и руководили текущими делами. В каждой общине их было не менее трех и они сменялись каждый месяц. У парнасов было 3–5 заместителей – «лучших».

С конца XVI в. в Польше, Литве и некоторых других странах еврейской диаспоры существовали надобщинные органы управления – Ваады, которые решали проблемы, неразрешимые для местных кагалов.

Польские евреи представляли собой совершенно особое торгово-промышленное сословие со строго определенными государственными функциями, важнейшей из которых было пополнение казны; в то же, что было за пределами этих функций, например, во внешнюю политику, они не вмешивались. Основными направлениями их деятельности были кредиты, торговля, арендаторство, шинкарство, содержание постоялых дворов, ремесла.

В банковском деле евреи проявляли активность с середины XIV в. Особенно прославился в этой области Лейба из Кракова, снабжавший деньгами троих королей: Казимира III, Людвига Венгерского (правил в 1370–1382 гг.) и Владислава Ягайло (правил в 1386–1434 гг.), а также королеву Ядвигу, дочь Людвига и жену Ягайло. Однако в течение XV–XVI вв. роль польских евреев в банковском деле постепенно уменьшалась, а к середине XVII в. они уже больше брали кредитов, чем давали; причины: с одной стороны – неблагоприятная ситуация в международных финансах, с другой – давление землевладельцев и духовенства 30.

Польские евреи были активны во всех областях торговли: розничной, оптовой и посреднической. Они, например, занимались скупкой у крестьян излишков их продукции, которые затем продавали на городских рынках, а также были посредниками в продаже урожая, скота и лесных товаров (древесины, дегтя, смолы и т. п.) из поместий шляхты. Насколько можно судить по книге С.Мичинского «Зерцало короны польской», евреи играли важнейшую роль в экспорте и импорте Польши, во всяком случае в начале XVII в. они в значительной мере потеснили в этой сфере христиан 31.

Широчайшее распространение среди прочих видов деятельности польских евреев получило арендаторство: владелец, к примеру, поместья уступал все его или часть за определенную плату кому-либо, а тот стремился извлечь из арендованного максимальную выгоду; при этом живущие на территории поместья крестьяне оказывались в подчинении арендатора. Своеобразной формой аренды, которой также активно занимались евреи, был откуп: за определенную плату человек получал у государства, например, монопольное право на добычу соли или продажу спиртных напитков («пропинация»), или право на сбор таможенных пошлин или налогов.

Весьма велико было участие польских евреев в винном промысле (шинкарство). Значительное число из них, в отличие от их собратьев на Западе, занимались ремеслами, особенно портняжным делом; были среди них и меховщики, шляпники, ювелиры, дубители кож. Еврей-ремесленники создавали жесткую конкуренцию христианам и в ней зачастую одерживали верх.

По мере миграции ашкеназских евреев на восток Европы туда же перемещалась и талмудическая наука. Важнейшими ее центрами стали Прага, Вена, Будапешт и, в особенности, польские города: Краков, Познань, Люблин, Львов и др., а также общины Литвы, где после заключения в 1375 г. польско-литовской унии в г. Крево началось столь же интенсивное, как в Польше, формирование еврейских общин. Известный хронист XVII в. Н. Ганновер утверждал, что к XVI в. не было «столько Торы», как в Польше, а один венецианский раввин, побывав там в 1638 г., писал: «здесь располагаются иешивы и бейтмидраши (помещения для религиозных дискуссий. – М. З.), где тысячи молодых людей изучают еврейские гражданские и религиозные законы» 32.

Такие явления, как изгнания, изъятия собственности евреев, аннулирования долгов им, столь обычные в Средние века для западно-европейских стран, для Польши были совсем не характерны. Ношение ими оружия для защиты городов, где они жили, властями не только

разрешалось, но даже поощрялось. Редкий отголосок отношения к евреям как к «рабам казны» (этот термин в официальных польских документах никогда не употреблялся) заключался в том, что убийца еврея наказывался за «нанесение ущерба казне». Однако утверждать, что их жизнь в Польше была безоблачной, было бы сильным преувеличением: как писал в XVIII в. еврейский мыслитель Шломо Маймон (Шломо бен-Иехошуа, 1753–1800), «вряд ли есть еще такая страна, как Польша, где свобода (еврейского) вероисповедания и ненависть к нему соседствуют так близко. Евреям разрешается выполнять все мицвот (613 заповедей Торы, включая 10 основных. – М. З.) вполне свободно... и даже есть у них свои суды. Но при этом ненависть к (их) вере так велика, что само слово „еврей“ (по-польски и по-чешски – *jid.* – М. З.) звучит как оскорбление» 33.

Помимо того, что в отношении евреев в Польше были распространены те же обвинения, что и в Западной Европе – в ритуальных убийствах христианских детей, осквернениях гостию, склонении христиан в иудаизм, многих польских политиков раздражали привилегии евреев. Так, кардинал Збигнев Олесницкий, герой Грюнвальдской битвы, спасший жизнь королю Ягелло, писал Казимиру IV в связи с подтверждением последним вышецитированной Грамоты: «... прошу и молю Ваше Величество отменить грамоты эти; докажите, Ваше Величество, что Вы – католический король, запретите то, что оскорбляет имя короля и может привести к еще большему замешательству». Историк Ян Длугош спустя 10 лет писал о том же: «... права, дарованные королем и его советниками евреям, были оскорблением святой веры и в этом короля открыто обвиняли кардинал Збигнев и епископ Краковский, а монах Иоанн Капистрано (см. предыдущую главу. – М. З.) угрожал ему карами небесными; но не захотел король отменить привилегии, и обрушил Бог ярость свою на короля и народ» 34 (имеются в виду временные неудачи Польши в войне с Тевтонским орденом). В большинстве случаев королевская власть заступалась за евреев.

Польские евреи и Реформация

Мартин Лютер в начале своей реформаторской деятельности ожидал, что очищенное от пороков папства христианство привлечет евреев к себе и призывал христиан к терпимости в отношении них. В то же время некоторые «горячие головы» среди евреев, решив, что Реформация означает отказ от христианства вообще (без папской власти оно казалось тогда многим невыносимым), пытались склонить самого Лютера к иудаизму: во время поездки реформатора в Вормс к нему явилась делегация с таким предложением 35. Когда же обе стороны осознали всю тщетность своих стараний, отношения между ними резко ухудшились и под конец жизни Лютер уже выступал с резкими нападками на них.

В 20-е годы XVI века идеи церковных реформаторов проникли и в Польшу, породив там значительное брожение умов, приведшее к появлению антикатолических сект, например, антитринитариев, отрицавших триединство бога; доходило даже до полного отказа от христианства, в чем некоторыми усматривалось влияние иудаизма. Со стороны католической церкви эти процессы встречали самое ожесточенное сопротивление: в 1520-е гг. был издан ряд королевских указов, запрещающих продавать книги Лютера, грозя виновным конфискацией их имущества и изгнанием из страны, а проповедовать идеи реформаторов запрещалось под страхом смерти. Тем не менее пропаганда протестантизма в Польше получила еще больший размах в 1530-е гг.

Одна пожилая краковская мещанка, Екатерина Залешовская, вдова крупного городского чиновника, начав с отрицания таинства евхаристии по католическому обряду, что составляет один из элементов протестантизма, затем отказалась и от основной догмы христианства –

божественности происхождения Христа. «Не имел господь ни жены, ни сына, – заявила она на суде, – да ему и не нужно этого, ибо сыновья нужны только тем, которые умирают, а Господь Бог вечен, и коль он не родился, так и умереть не может...». Не пожелав отречься от своих взглядов, Залешовская в 1539 г. была сожжена на центральной площади Кракова по обвинению в «иудейской ереси».

Одновременно с делом Залешовской разгорелся другой скандал, связанный уже с обвинением евреев в склонении христиан в иудаизм. Как писал польский хронист Бельский, в 1539–1540 гг. «евреи... видя, что люди принялись умствовать и препираться о своей христианской вере, как будто сомневаясь в истинности ея, совратили у нас в жидовскую веру немало христиан, совершив над ними обряд обрезания». Утверждалось, что новых прозелитов переправляют в Литву, где их прячут тамошние евреи (в Литве, между прочим, проживал тогда юный королевич Сигизмунд, поддерживавший протестантизм и отличавшийся веротерпимостью). Король же Сигизмунд I, услышав об этом, в ярости постановил «оное заблуждение обуздать и виновных, осмеливающихся учинить подобное, наказать по всей строгости закона». Два полномочных комиссара, направленные им в Литву для расследования, устроили там беспредельное преследование евреев: по любому поводу кого-либо из них останавливали на дороге или врываются в его дом и чинили «тяжести несносные», допытываясь, не отступник ли он от христианства. Те в результате боялись даже на время покидать семьи. Ярмарки, в том числе крупнейшая из них в Люблине, опустели, разоренные евреи не могли в полной мере платить казенные подати, казна несла непоправимые убытки.

Тогда литовскими евреями была направлена королю депутация с жалобой, что комиссары и представители местной администрации «виновных людей не доискиваются, а невинным делают великие трудности». Депутаты утверждали, что евреи Литвы никогда не прятали у себя прозелитов из Польши и не совращали в иудейство в самой Литве, и заявляли, что если среди них найдется виновный в чем-либо подобном, то они сами настаивают на предании его смертной казни и конфискации его имущества в пользу казны. Жалоба, поддержанная к тому же Литовской радой – государственным советом Великого княжества, была услышана: в своем ответе, датированном 10 июля 1539 г., Сигизмунд I предписывал чиновникам прекратить беспредел, «но если окажется, что какой-нибудь еврей действительно укрывал у себя христиан, которых обрезали по закону жидовскому, разыскать виновных... и заключить под стражу» до дальнейшего рассмотрения дела. После этого беззакония прекратились.

Однако вскоре вокруг литовских евреев разразился новый скандал. Поползли слухи, что некоторые из них, совратив в иудейство многих христиан в Литве, собираются со своими семьями и добром, в том числе чужим, сданным им в заклад, перебраться в Турцию. Утверждалось, что когда Сигизмунд учинил среди евреев описанный выше розыск прозелитов, они обратились к султану Сулейману I (правил в 1520–1566) с просьбой ходатайствовать перед польским королем о предоставлении им свободного выезда из страны, на что Сулейман будто бы ответил: «вскорости я сам туда приду, христиан выгоню... и открою вам свободный путь повсюду». Обвинение основывалось на доносе одного еврея и было подтверждено свидетельством королевского переводчика с турецкого, «армянина, который показал, что видел у Тягини (ныне Бендеры; приблизительно там в то время проходила литовско-турецкая граница. – М. З.) пятнадцать еврейских возов, тяжело погруженных вещами, которые препровождались... в Турцию».

Литовские евреи, обвиненные на сей раз еще и в антигосударственном заговоре, вновь направили королю депутатов, которые «били челом», отвергая все обвинения. В результате проведенного расследования евреи и на сей раз были оправданы Зб.

Из вышеописанного ясно, что при всей благоприятности условий жизни евреев в Польше

– а эпоха правления Сигизмунда I и Сигизмунда II (1506–1572) считается «золотым веком» польского еврейства – совращение христиан в иудаизм преследовалось жестко. Иудейским религиозным авторитетам, дабы не накликать беды на все еврейство, приходилось предписывать общинам игнорировать миссионерские предписания Талмуда. Раби Соломон Лурия (ок. 1510–1573), один из крупнейших иудейских законоучителей того времени, пояснял, что они относятся лишь «к эпохе, когда сыны Израиля жили в собственной стране... Но сейчас мы находимся в чужой стране... – писал он далее, – и если кто-то из евреев захочет принять прозелита, то получается, что он восстает против государства и рискует самой своей жизнью... Посему горе всякому, кто участвует в принятии прозелитов там, где власти категорически против этого, и я предостерегаю, что ему за это полагается смерть... И дай бог, чтобы положение сынов Израиля, живущих среди других народов, укрепилось и оставалось прочным во все дни изгнания нашего...» 37.

Прозелитизм в Польше эпохи Реформации не носил одностороннего характера. Например, в 1537 г. в Познани 14 евреев, сагитированные одним ранее крещеным, были добровольно обращены в католицизм. В торжественной церемонии крещения участвовали епископ, местный воевода, члены магистрата 38.

Обновление духовного климата в Польше оказало влияние и на саму иудейскую мысль: евреи были вовлечены в дискуссию о творчестве самого популярного и самого спорного в Средние века философа – Аристотеля. В этом в первую очередь сказалось влияние располагавшегося рядом с еврейскими кварталами Кракова знаменитого Ягеллонского университета, *alma mater* великого Коперника – в первой половине XVI в. этот вуз был главным очагом свободомыслия в Польше. В то же время группа представителей сефардской общины Италии, поселившаяся тогда в Кракове, распространяла там произведения знаменитого сефардского мыслителя Маймонида (р. Моше бен Маймон, 1135–1205), который еще в начале XIII в. своей идеей соединить аристотелизм с иудаизмом вызвал бурную дискуссию среди испанских евреев. И, наконец, сыновья многих богатых евреев Польши, ездившие учиться в иешивы Италии, главным образом Падуи, также получали там дозу «чуждой мудрости».

«Чуждое влияние» встретило ожесточенное сопротивление консерваторов. Когда р. Моше Иссерлис из Кракова (1525–1572), один из крупнейших иудейских авторитетов того времени, подвергшийся влиянию аристотелизма, в своем письме цитированному выше р. Соломону Лурии, жившему тогда в Бресте, позволил себе аргументировать свою позицию по одному галахическому спору ссылкой на великого грека, то в ответ получил: «...Горе нашей придется облечься в траур... ибо в письме твоём повсюду рассеяна мудрость необрезанного Аристотеля... И сказал я: горе мне оттого, что глаза мои видели... – усладою стали слова нечестивца, и в устах Израиля они как приправа к святой Горе нашей, да помилует нас Бог за грехи наши великие. Клянусь, не хуже тебя знаю я мудрость эту, но стараюсь держаться от нее подальше, ибо нет большей ереси, чем она... А теперь скажу я тебе, что в молитвенниках учеников обнаружил я молитву Аристотеля (по мнению историка С. Дубнова 39, это иносказательное выражение, означавшее тексты общефилософского содержания. – М. З.), и такие мудрецы и вожди, как ты, повинны в этом, ибо смешиваешь ты это со словами Бога живого. Такой премудрости следует посвящать время, проводимое в отхожем месте (!)...».

Хотя дискуссия по вопросу о «чуждой мудрости» продолжалась среди евреев весь XVI в., увлечение ею в ашкеназском мире носило спорадический характер и к дальнейшему духовному сближению с христианским миром не привело.

После Люблинской унии 1569 г. украинские земли, входившие ранее в состав Великого княжества Литовского – Волынь, Подолия, а также Правобережье Днепра отошли к польской короне. Король Сигизмунд II Август (правил в 1548–1572) раздал их немногочисленным магнатам, среди которых особенно выделялись семейства Вишневецких, Конецпольских и Потоцких. Вельможи, не желая самостоятельно управлять поместьями, предпочитали сдавать их в аренду, на что желающие в избытке находились среди евреев. В результате, вынужденные платить арендаторам и за землю, и даже за посещение церквей, крестьяне именно на еврейский народ обрушили свой гнев в первую очередь. Резня, устроенная в 1648–1649 гг. восставшими казаками под предводительством Б. Хмельницкого, стала одной из самых трагических страниц в истории евреев: десятки тысяч из них, отказавшись креститься, погибли. Эти события сменили основное направление еврейской миграции в Европе на противоположное прежнему: теперь они стали перебираться уже больше с востока на запад, где с конца XVI в. начали происходить буржуазные революции, приводившие к коренным переменам в положении евреев (в первую очередь, в Голландии).

Первый вывод

Вот основные факторы естественного отбора, обычно, согласно Л. Н. Гумилеву, приводящие к потере этносом пассионарности: это войны, предпочтение женщинами умеренно-пассионарных мужчин, а также монашеский аскетизм в форме безбрачия. Теперь, обобщив данные о том, как отличался образ жизни ашкеназских евреев от того, что вели окружавшие их народы, можно констатировать: здесь естественный отбор был обусловлен совершенно иными факторами.

Проживая на землях, принадлежавших другим народам, и не стремясь к созданию собственного территориального государства, евреи не имели нужды воевать, так как именно за обладание территориями ведется большинство войн. Пассионарная энергия еврейства расходовалась не на самоуничтожение, а, напротив, на выживание, на сохранение этнической целостности (сложнейшая задача в условиях диаспоры) и на служение богу, заключавшееся в соблюдении обременительнейших предписаний и запретов в надежде приблизить таким образом приход Мессии. Как высокопарно выразился историк Г. Грец, «в то время, пока другие народы вели между собой истребительные войны, племя Якова думало только о том, как поддержать светильник духа» 40.

Имевшие место многочисленные акты геноцида в отношении евреев средней пассионарности этноса не снижали, так как в подобных ситуациях пассионарий спасается даже с большей вероятностью, нежели человек малоэнергичный.

Аскетизм в форме безбрачия иудаизму не свойственен, напротив, Талмуд усматривает в безбрачии противоестественное состояние, здоровый мужчина, согласно ему, должен оставить после себя сына и дочь. По мнению одного из виднейших талмудистов начала II в. р. Элезара, «еврей, у которого нет жены, не может считаться вполне человеком» 41.

Религиозные авторитеты и лидеры общин, являвшиеся, за неимением полководцев, наиболее пассионарными среди евреев, имели обычно преимущество при вступлении в брак. «Кто выдает свою дочь замуж за ученого, – считали талмудисты, – тот как бы соединяется с самим божеством» 42.

Еще одним фактором, который, как отмечалось выше, мог повлиять на этногенез евреев, был прозелитизм. Тяжелые условия жизни евреев в диаспоре, а также зачастую жесткий отбор желающих приобщиться к «богоизбранному народу» приводили в лоно иудаизма лишь готовых пожертвовать благополучием во имя идеи, т. е. пассионариев.

Теперь можно сделать первый вывод относительно предпосылок той роли, которую еврейский народ сыграл в истории последних двух столетий: ему удалось за многие века сохранить свой пассионарный генофонд нерастраченным, саккумулировав, таким образом, громадную энергию .

Гаскала

2-я половина XVIII в., вошедшая в историю Европы как эпоха Просвещения, совершенно изменила облик и образ жизни европейского еврейства: духовная стена, веками отделявшая его от христианского мира, рухнула. Религиозный фанатизм, столкнувшись со свободной мыслью, потерпел сокрушительное поражение. Европейское просвещение вместе с экономическим либерализмом добилось того, что за века не смогли сделать костры инквизиции, а именно – заставить евреев в массе своей отречься от веры предков.

Начало этому процессу было положено в Пруссии, а точнее – в еврейской общине Берлина. Экономические реформы, проводившиеся королем Фридрихом II Великим (правил 1740–1786), его стремление к обогащению страны способствовали успеху евреев в банковском и фабричном делах, причем они быстро стали превосходить здесь христиан. Семилетняя война, хотя и закончившаяся в 1761 г. взятием Берлина русскими войсками, также обогатила еврейских банкиров и фабрикантов за счет военных заказов. Среди берлинских евреев стали появляться первые миллионеры. В годы царствования Фридриха II еврей мог законно проживать в Пруссии, лишь обладая персональной «привилегией покровительствуемого еврея», выдаваемой королем тем, кто, по его мнению, был полезен для государства. Последнее обстоятельство еще больше заставляло евреев стремиться к успеху в делах.

В это же время в Германию стали проникать и приобретать там все большую популярность идеи французских просветителей; живой интерес к ним проявлял сам король. Для Пруссии эпоха Фридриха II была временем расцвета науки, литературы и искусства. Выросшие в тесном гетто дети еврейских банкиров и негоциантов были очарованы блеском христианского мира.

Если сущность Реформации XVI в. состояла в стремлении усовершенствовать христианство, то одной из важнейших черт Просвещения XVIII в. было антихристианство, что способствовало веротерпимости. «Вы, христиане, жалуетесь, что китайский император приказывает в своем государстве жарить христиан на медленном огне, но вы сами еще хуже поступаете с евреями за то, что они не веруют во все то, во что вы веруете» 43,– писал в 1748 г. Ш. Монтескье, будучи под впечатлением от сожжения в Лиссабоне 18-летней марранки за тайное исповедывание иудаизма. Знаменитый немецкий драматург Г. Э. Лессинг (1729–1781) в 1749 г. создал, быть может, первое в Европе художественное произведение, где еврей, главный герой, вызывает симпатию – драму «Die Juden» 44. Однако «просвещенность» не обязательно порождала лояльность в отношении евреев, что наиболее ярко проявилось в высказываниях Вольтера, называвшего их «народом грубым и невежественным» и обвинявшего их в «низком корыстолюбии, суеверии и жесточайшей ненависти...» к другим народам 45. Лишь аргумент «они плохие, потому что распяли Христа» стал уходить в прошлое; теперь критиковавшиеся их личные качества считались следствием их социального положения, идеи изменения которого в направлении эмансипации стали также проявляться (например, в книге Х. В. фон Дома «О гражданском улучшении положения евреев», 1781 г.).

Начало приобщения евреев к европейской культуре в огромной степени связано с именем Моисея Мендельсона (1729–1786). <...>

Узнав величие европейской культуры, Мендельсон задался целью способствовать

приобщению к ней своих соплеменников. Самым значительным его шагом на этом пути был перевод Торы и Псалмов на литературный немецкий язык, изданный в 1782 г. еврейскими буквами с оригинальным комментарием на иврите; этот труд значительно облегчил знакомство евреев с немецкой литературой. Однако к ассимиляции евреев Мендельсон не стремился, и на призывы креститься, исходившие, в частности, от известного пастора Лафатера, всегда отвечал эмоциональной апологией иудаизма; будучи убежден в совместимости общей образованности и политической эмансипации с сохранением иудейской веры, он пытался обосновать это в философском труде под названием «Иерусалим». Однако правы оказались ортодоксы, которые считали, что приобщение еврейской молодежи к европейской культуре отвлечет ее от веры предков, и потому были возмущены мендельсоновым переводом Торы, изданным к тому же без комментариев Раши и цитат из Талмуда 47.

Европейское просвещение (на иврите – «гаскала») быстро распространялось среди евреев Пруссии; флагманами этого процесса, наряду с берлинской, стали общины Кенигсберга и Бреславля (ныне – Вроцлав в Польше). Примечательно, что именно идеи Вольтера, при всем юдофобстве великого просветителя, стали особенно популярны среди них. В самое короткое время сформировалось многочисленное поколение еврейских писателей, писавших на чистом языке, еврейском или немецком, о таких предметах, о каковых недавно даже представления не имели. В 1783 г. группа молодых евреев при помощи Весели, соратника Мендельсона, стала издавать газету «Меасфем» («Собиратель»), в которой критиковалась иудейская ортодоксия; число участников журнала росло с каждым годом. Хотя выдающихся шедевров в нем так и не появилось, свою роль в деле прорыва культурной замкнутости он сыграл.

В силу своей пассионарности евреи сразу же стали проявлять в деле просвещения большую активность, нежели христиане. Дом Мендельсона стал центром научных и литературных разговоров, он посещался многочисленными приезжими знаменитостями, привлеченными славой философа. После смерти основателя Гаскалы функция интеллектуального салона перешла к дому одного из его друзей, Маркуса Герца. Душой салона, который христиане из высшего общества посещали наряду с просвещенными евреями, была супруга хозяина, знаменитая красавица Генриетта, дочь сефарда и ашкеназки (последнее по тем временам было крайней редкостью). Вскоре другая еврейка, дочь Даниила Ицига, одного из крупнейших берлинских банкиров, организовала в Вене аналогичный салон, который стал очагом культурного сближения евреев с христианами в Австрии. Вообще еврейские женщины оттого сильнее стремились к просвещению, что прежний уклад жизни почти полностью отстранял их от интеллектуальной деятельности 48.

Как и предсказывали ортодоксы, сближение евреев с европейской культурой уже в 90-е гг. XVIII в. стало перерастать в ассимиляцию; последователи идей Гаскалы зачастую полностью порывали с еврейскими традициями, к прошлому своего народа относились равнодушно, а иногда и с презрением. Особенно берлинскую, а также бреславльскую и кенигсбергскую общины, захлестнула волна крещений. По утверждению Г. Греца, вероятно, преувеличенному, «в продолжение трех десятилетий перешла в христианство половина берлинской общины» 49.

Вырвавшись из культурной изоляции, евреи вскоре стали играть видную роль во всех областях общественной жизни. В условиях свободного рынка, когда национальность в делах не учитывается, богатства многих из них, занявшихся бизнесом, росли как на дрожжах; особенно прославилось в этой области семейство Ротшильдов, начавшее завоевывать мировой рынок с ростовщической конторы во Франкфурте-на-Майне.

Также многие представители еврейского народа гармонично вписались в европейское искусство. Восхищаясь произведениями композиторов Ф. Мендельсона – Бартольди (внук основателя Гаскалы, 1809–1847), Ж. Бизе (1838–1875), Г. Малера (1860–1911), М. Равеля

(1875–1937), поэт Г. Гейне (1797–1856), редко кто задумывается о национальности авторов. <...>

В науке XIX в. среди евреев прославились физик Г. Герц (1857–1894), впервые экспериментально доказавший электромагнитную теорию Максвелла, экономист К. Маркс, создавший теорию прибавочной стоимости, один из основателей авиации О. Лилиенталь (1848–1896) и др. <...>

* * *

В Германии евреи были полностью уравнены в правах с немцами в эпоху правления Бисмарка (1862–1898). Как писал в 1881 г. корреспондент русско-еврейского журнала «Восход»: «Евреи стали твердой ногой в Германии, они здесь более не пришельцы, терпимые будто бы из милости, а на самом деле полезные граждане, имеющие опору в самом (немецком. – М. З.) народе, который отнюдь не тяготится [ими как]... чуждым и ненавистным ему элементом» 51.

Около 1655 г. с позволения О. Кромвеля евреи после без малого четырехвекового отсутствия стали появляться в Англии. В 1688 г. богатые голландские сефарды активно финансировали восшествие на английский престол Вильгельма III Оранского.

Процесс уравнения евреев в правах с англичанами продолжался в течение двух веков. В 1849 г. избранный депутатом парламента Лионель Ротшильд так и не стал им, так как отказался произнести заключительные слова депутатской присяги: «upon the true faith of a christian» («верую истинного христианина»); к работе в парламенте он смог приступить лишь в 1859 г., добившись разрешения заменить эти слова на «so help me Jehova» («при поддержке Иеговы»). Когда же в 1885 г. его сын Натаниэль указом королевы Виктории был назначен пэром Англии и стал заседать в палате лордов рядом с представителями древнейших английских родов, было уже ясно, что процесс эмансипации евреев в Англии решен полностью и окончательно.

Во Франции вопрос равноправия евреев решили Великая революция и Наполеон. В то же время началось бурное переселение их в Северо-Американские Соединенные Штаты, где отношение к ним с самого образования этого государства было, в целом, толерантным.

В России

После 1505 г., когда в Москве были сожжены представители ереси «жидовомудрствующих», в России отношение к евреям было стабильно враждебным, и до 1772 г. лишь немногочисленные группы их спорадически появлялись на ее территории. Когда польский король Сигизмунд II Август в 1550 г. призывал русского царя Ивана IV разрешить литовским евреям «с товары и куплями в панство свое (на Русь. – М. З.) добровольно ходити и купчити ...», то 20-летний Иван Васильевич отвечал, что

евреи русских «людей от крестьянства (христианства. – М. З.) отводили и отравные зелья в наше государство привозили и пакости многим людям нашим делали... И нам , – заключал он, – в свои государства жидам никак ездити не велети, занже в государствах своих никакого лиха видети не хотим. И ты бы, брат наш, о жидам к нам более писать не изволил » 52. Когда в 1610 г. московские бояре приглашали на русский трон польского королевича Владислава, то одним из выдвинутых ими условий был, опять же, запрет «жидам в российское во все государство с торгом и ни с которыми иными делы » ездить 53.

В 30-е годы XVIII в. некий Борох Лейбов, представитель очень небольшой группы евреев, проживавшей тогда в России в Смоленской губернии, склонил в Москве в иудейскую веру и

подверг обряду обрезания отставного флотского офицера Возницына, который, отрекшись от христианства, стал хулить церковь. В 1738 г. императрица Анна Иоановна утвердила решение обоих *«казнить смертью и сжечь, чтобы другие, смотря на то, невежды и богопротивники от христианского закона отступить не могли и такие прелестники, как оный жид Борох, из христианского закона прельщать и в свои законы превращать не дерзали»* 54.

Следующая русская императрица, Елизавета Петровна (правила в 1741–1761), повелела изгнать из империи даже тех немногих евреев. Когда ей позже принесли на рассмотрение законопроект о разрешении им торговать в приграничных районах России, она наложила резолюцию, ставшую знаменитой: *«От врагов христовых не желаю прибыли интересной»* 55.

Уже при Екатерине II (правила в 1762–1796) в результате присоединения к России большей части территории Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг. Россия стала обладательницей самого большого в мире скопления еврейского населения – около 750 тысяч человек. Началась великая эпопея, кульминация которой наступила в 1917 г. В течение всего XIX и начала XX вв. ситуация вокруг российских евреев неуклонно обострялась, одной из причин чего явился их бурный демографический рост: к 1913 г. их численность в России перевалила за 6 млн. (при 126 млн. общего населения страны).

После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., когда к России отошла первая часть литовской Белоруссии, на стенах всех тамошних синагог были расклеены листовки с текстом императорского манифеста, согласно которому *«...еврейские общества, жительствующие в присоединенных к Империи Российской городах и землях, будут оставлены и сохранены при всех тех свободах, коими они ныне... пользуются... доколе они, со своей стороны, с надлежащим повиновением, яко верноподданные, жить... будут»* 56. Однако реально сохранение за евреями тех прав и свобод, которыми они ранее пользовались в Польше и Литве, т. е. признание их *«status in statu»*, в российское понимание государственного устройства явно не вписывалось.

В целом медленно и мучительно формировавшаяся политика России в отношении евреев, вплоть до кончины в 1825 г. Александра I, определялась стремлением к максимальной интеграции их в русское общество путем постепенного ограничения еврейской автономии при одновременном расширении прав каждой отдельной личности. Хотя кагальная организация сохранялась до 1844 г., права кагалов постепенно уменьшались, зато евреям уже около 1780 г. было разрешено записываться в купеческое или мещанское сословие 57, и им были предоставлены почти равные с христианами права по выборам в местные органы власти 58, чего до Великой французской революции не было, быть может, нигде в Европе; в некоторых городах России евреи даже стали бургомистрами (позже, правда, в 1802 г. избирательные права евреев были значительно урезаны) 59.

Важнейшим правовым актом в отношении евреев России явилось введение уже в 1791 г. *«черты оседлости»*: евреям запрещалось переселяться в те регионы страны, где их раньше не было; исключение было сделано для Новороссийского края (Северного Причерноморья, захваченного А. В. Суворовым у Турции), куда переселение евреев даже поощрялось 60. После присоединения к России в 1815 г. Царства Польского черта оседлости стала включать в себя 25 губерний Украины, Белоруссии, Литвы и Польши.

В 1804 г. было издано первое в России многосторонне разработанное законодательство о евреях. Этот документ, в частности, предписывал каждому еврею отнестись к одному из четырех сословий: земледельцев, фабричных рабочих и ремесленников, купечеству или мещанству. Была сделана попытка осуществить давнюю мечту многих: выселить евреев из деревень, где они занимались преимущественно винным промыслом, арендой постоянных дворов, корчем и кабаков. Однако переселение почти 300 тыс. человек из деревень в города, и

без того перенаселенные, было тогда технически неосуществимо и практически стало претворяться в жизнь лишь в самом конце XIX в.

Согласно новому закону, кагалы должны были утверждаться администрацией, кагал и впредь должен был отвечать за сбор правительственных податей, но вводить свои уже не мог. Раввинам было запрещено прибегать к наказаниям религиозного характера – это было началом конца самостоятельного еврейского судопроизводства; с тех пор все евреи должны были напрямую подчиняться общерусским законам.

Еврейским детям было разрешено поступать во все школы, гимназии и университеты России, причем там их не должны были заставлять делать что-либо, противоречащее их вере (желающих воспользоваться этим правом, тем не менее, нашлось тогда немного). Кроме того, каждый еврей должен был теперь получить фамилию или прозвище.

Император Николай I (1826–1855), одержимый идеей ассимиляции евреев, заставил российскую бюрократическую машину с усердием взяться за ее осуществление. Первым шагом на этом пути явился указ от 1827 г. о введении для евреев рекрутской повинности, причем было очевидно, что преследовавшаяся тогда правительством цель состояла отнюдь не в укреплении армии, а в том, чтобы вырвать из еврейской среды значительную группу людей с последующим отвлечением их от иудаизма. <...>

Потенциальные рекруты-евреи всячески старались уклониться от службы, и кагалы им в этом зачастую содействовали путем сокрытия «ревизских душ»; в то же время в общинах находились специальные ловчие («мосеры»), помогавшие правительству отлавливать рекрутов. <...>

С 1840 г. начался новый этап насильственной ассимиляции евреев – «просветительский». Из правительственных чиновников был создан специальный «Комитет для определения мер коренного преобразования евреев» («Еврейский комитет»), который, в частности, предполагал следующее: «Действовать на нравственное образование нового поколения евреев учреждением еврейских училищ в духе, противном нынешнему талмудическому учению; уничтожить кагалы и подчинить евреев общему управлению; учредить губернских раввинов, которые, получая содержание от казны, влиянием своим могли бы содействовать видам правительства (ни одного подходящего для этого раввина найти так и не удалось. – М. З.); запретить употребление особой еврейской одежды и т. д.

Следует отметить, что идеи Гаскалы М. Мендельсона среди российских евреев были в то время еще крайне непопулярны. Духовная пропасть, отделявшая их от христианского мира, оставалась глубокой, а еврейское общественное мнение сковывало личную волю настолько, что лишь единицы, да и то в крупных городах, могли преодолеть ее. Творчество А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, М. Глинки воспринималось подавляющим большинством евреев как «гойская культура», интересоваться которой «богоизбранному» народу никак не пристало.

Дело школьной реформы у евреев было поручено министру народного просвещения графу С. С. Уварову, мечтавшему, следуя им же впервые сформулированному принципу «Православие, самодержавие, народность», об унификации всех россиян в православии, из чего проистекала его вражда и к исламу, и к католицизму, и к иудаизму. На роль посредника в деле пропаганды общего образования среди евреев Уваровым был избран некий учитель из Риги 26-летний Макс Лилиенталь, выпускник Мюнхенского университета, активный последователь М. Мендельсона, одержимый идеей вывода единоверцев из духовной изоляции и не возражавший даже против насильственных мер во имя этого со стороны правительства. Хотя агитационная поездка Лилиенталю по еврейским общинам и выглядела успешной, хотя ни ортодоксы, ни даже хасиды открытого противодействия не проявляли, отношение к его идеям было крайне презрительным, и в последующие годы школьная реформа у евреев, за

исключением Одессы и Риги, большого успеха не имела, тем более что навязываемое просвещение финансировалось за счет дополнительных поборов с евреев же. Разочарованный Либиенталь уже в 1844 г. покинул Россию 62.

В то же время состоялась и другая правительственная акция, предусмотренная программой «Еврейского комитета» от 1841 г. – запрет на употребление особой еврейской одежды (длиннополого сюртука-лапсердака, ермолки и проч.). В этом деле правительство также нашло союзников среди некоторых просвещенных евреев; литератор М. А. Гинцбург, например, писал, что «только благодаря различию в платье существует стена, отделяющая еврейское население от христианского; только из-за этого оба населения смотрят друг на друга как на людей разных пород». В 1844 г. ношение традиционной еврейской одежды было обложено особыми налогами, а с 1850 г. было запрещено вовсе. В 1852 г. был издан запрет также на ношение мужчинами традиционных пейсов, а женщинам запретили брить головы и носить парики (последнее также соответствовало еврейской традиции).

<...>

Реально попытки запретить ношение традиционной еврейской одежды значительных успехов не дали: большинство евреев продолжало придерживаться обычаев старины.

<...>

В целом можно констатировать, что ассимиляторская политика в отношении евреев в данную эпоху закончилась полным провалом. Единственное из решений «Еврейского комитета» от 1841 г., которое было претворено в жизнь в 1844 г., была ликвидация системы кагалов.

Правление Александра II, годы которого были прозваны «эпохой великих реформ», для российских евреев, как и для страны в целом, явилось резким контрастом предыдущему. Либеральные реформы в экономике, относительные политические свободы, бурное развитие промышленности – все это, как и веком ранее в Пруссии, создало условия для еврейской ассимиляции.

Уже в конце 50-х гг. евреи были уравниены с остальными гражданами в поставке рекрут, т. е. были отменены рекрутские репрессии и институт кантонистов. В 60-е была несколько ослаблена территориальная ограниченность в их проживании: теперь за пределами «черты оседлости» могли селиться евреи с высшим образованием, купцы 1-й и 2-й гильдий, а также аптекари, фельдшеры и акушеры. Среди государственных чиновников стало появляться все больше людей с либеральными взглядами: о генерал-губернаторе Юго-Западного края Васильчикове евреи говорили, что это «не начальник, а отец родной» 65; доброжелательно к ним относился и тогдашний начальник Одесского учебного округа, он же знаменитый хирург Н. И. Пирогов. В результате экономических реформ появились первые евреи миллионеры: Варшавские, Гинцбурги, Поляковы и др., за десятилетие сделавшие огромные состояния практически из ничего.

«На моих глазах, – вспоминал Л. Дейч, – начало коренным образом меняться отношение моих соплеменников к „гойской“ на

уке: прошло всего 10–12 лет со времени воцарения Александра II, как число евреев, поступавших в высшие учебные заведения стало быстро увеличиваться... Встречая со стороны родителей резкий отпор в стремлении к просвещению, еврейская молодежь даже в самых глухих городишках тайком уходила из дома, нередко с небольшим узелком и без всяких средств к существованию, чтобы учиться „гойским наукам“» . Вдруг стало выясняться, что желание учиться у молодых евреев в среднем даже значительно больше, чем у их христианских сверстников: вопросов вроде «Зачем учить географию, ведь извозчики везде довезут?» (Фонвизин «Недоросль») у них обычно не возникало. К 1881 г. в некоторых гимназиях,

например, Одесского учебного округа, евреи составляли уже до 75 % учащихся; быстро росла их составляющая часть и в вузах страны. Появлявшаяся угроза значительного потеснения евреями христиан в учебных заведениях стала вызывать недовольствие в русском обществе: уже в конце 1878 г. минский генерал-губернатор направил царю письмо с предложением ввести процентное ограничение евреев-учащихся, причем одним из выдвигаемых аргументов было подключение многих образованных евреев к революционной деятельности бб. Однако введена процентная норма была лишь в 1887 г. уже правительством Александра III и приблизительно соответствовала доле евреев в населении: 10 % в черте оседлости и 3 % за ее пределами.

Как ранее их германские соплеменники, российские евреи стали играть все большую роль в культурной жизни страны. В 1861 г. крещеный еврей и выдающийся пианист А. Рубинштейн основал в Санкт-Петербурге консерваторию, в которой первым профессором скрипки стал еврей из Польши Г. Венявский, а затем его сменил Л. Ауэр из Будапешта, создавший самую выдающуюся в мире скрипичную школу. Скульптор М. Антокольский (1843–1902) прославился созданием множества шедевров на сюжеты русской истории, его мастерскую в С.-Петербурге посещал сам император Александр II. Творчество художника И. Левитана (1860–1900) также гармонично вписалось в русскую живопись.

Реформы Александра II, при всей их экономической эффективности, характеризовались резким обострением социальных противоречий, в особенности обнищанием крестьянства: «Порвалась цепь великая, порвалась и ударила одним концом по барину, другим – по мужику» (Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо?»). Освобожденный от крепостной зависимости крестьянин оказался один на один со стихией рынка и (в западных губерниях) с евреем-перекупщиком, по-видимому, не всегда милосердно с ним поступавшим. Но и помимо последнего обстоятельства богатевшие евреи на столь безрадостном фоне русской жизни вызвали в русском обществе все возрастающее раздражение. «Масла в огонь» подлил и разразившийся в разгар русско-турецкой войны 1877–1878 гг. громкий скандал вокруг фирмы «Грегор, Горвиц, Коген и Варшавский» (кроме первого, остальные были евреями), получившей от правительства концессию на снабжение русской армии и допустившей при ее выполнении грубые злоупотребления. С резкой критикой евреев выступали Ф. Достоевский, И. Аксаков и другие русские литераторы. Народники, будучи защитниками крестьянства, в те годы также проявляли крайнее юдофобство, которое, правда, по мере массового подключения евреев к революционной деятельности, постепенно «сошло на нет».

Если в годы правления Александра II, когда, в частности, министерство внутренних дел возглавлял веро- и национально-терпимый граф Лорис-Меликов, насильственные действия в отношении евреев еще могли встретить серьезный отпор со стороны государства, то восшествие на престол в 1881 г. Александра III вновь резко изменило обстановку в государстве. Большое влияние на нового императора приобрел обер-прокурор Синода с 1880 г. К. Победоносцев, сторонник жестких методов защиты государственности, считавший евреев ее врагами; люди таких же взглядов, например, новый министр внутренних дел граф Игнатьев, стали сменять либералов и на всех уровнях чиновничества. Маргинальные ненавистники евреев почувствовали безнаказанность и в 1881–1882 гг. по Юго-Западу России прокатилась мощная волна еврейских погромов, вызвавшая, в частности, их массовую эмиграцию в Америку. Русское слово «роггом» вошло с тех пор во все европейские языки.

Приобщение к революционной деятельности

Этническая принадлежность человека является функцией средового влияния, а не генотипа. Этническое самосознание – это ощущение природного единства с соплеменниками,

формируемое обычно с детства в семье и оно практически не может быть изменено культурной средой, в которой человек оказывается позже. Поэтому, вырываясь из культурной изоляции, перенимая образ жизни христианских народов, забывая свой национальный язык и даже принимая крещение, евреи не становились при этом немцами, поляками или русскими. Г. Гейне был недалек от истины, когда называл свидетельство о крещении для еврея «входным билетом в европейскую культуру» 67: принятая человеком лишь из практических соображений, новая вера не приводит к коренным изменениям в его мироощущении. Полной ассимиляция евреев могла быть лишь в результате смешанных браков, да и то лишь через поколения.

Охладев к вере предков, европейские евреи унаследовали у них пассионарность, являющуюся функцией как раз генотипа, в таком количестве, что в своем проявлении она не могла ограничиться лишь искусством, наукой и бизнесом, и зачастую заставляла своих носителей стремиться к деятельности политической, поскольку именно она дает человеку наибольшие возможности для реализации избыточной энергии.

Если в искусстве и науке национальность творца значения не имеет, то на политические взгляды человека она влияние оказывает: сознательно или бессознательно и в большей или меньшей степени он учитывает интересы своего этноса; человек, для которого они имеют приоритетное значение, называется патриотом, или националистом, тот же, для кого они не более важны, чем интересы других народов – космополитом, или интернационалистом. Таким образом, патриотизм – это этническая солидарность, космополитизм – отсутствие оной. Странники обеих позиций есть в каждом этносе, евреи – не исключение.

Евреи-националисты основали в 1895 г. сионистское движение, ставившее своей задачей возрождение еврейского национального государства в Палестине.

Евреи-интернационалисты, которым национально-государственные идеи других народов были так же безразличны, как и еврейская, напротив, стремились к стиранию межэтнических границ. Идея интернационализма, соединившись с идеей социализма (социальной справедливости), которая вследствие острейших социальных противоречий буржуазного строя XIX в. стала тогда весьма популярной, ярко воплотилась в марксизме; последний нашел среди евреев множество приверженцев.

Наиболее выдающуюся роль в формировании революционного движения в Германии XIX в. сыграли евреи К. Маркс (1818–1883) и Ф. Лассаль (1825–1864), позже в нем прославились Э. Бернштейн (1850–1932), К. Цеткин (1857–1933), Р. Люксембург (1871–1919) и многие другие. Революционная деятельность евреев в Германии не оставляет шансов объяснить ее реакцией на их угнетенное положение, поскольку такового там в то время уже не было.

Основателями революционного движения в России были люди исключительно русские – это и декабристы, и М. Бакунин, и П. Кропоткин, и другие. Лишь в 60–70 гг. под влиянием русской демократической мысли некоторые из просвещенных евреев стали только включаться в общественную жизнь России. *«Примкнув... к „гойскому“ просвещению, – вспоминал Л. Дейч, – еврейская молодежь вскоре затем присоединилась также и к наиболее передовому общественному движению, распространившемуся в нашей стране и, с легкой руки Тургенева, получившему название „нигилизм“... Нисколько не будет преувеличением, если я скажу, что в среде еврейской учащейся молодежи нигилизм сыграл еще более благодатную роль, чем в христианской... Принесенные братьями-гимназистами и студентами новые „нигилистические“ взгляды, а также затем соответствующие сочинения выдающихся русских писателей произвели колоссальный и, вместе с тем, чрезвычайно быстрый переворот в строе ветхозаветной еврейской семьи...»*

Вполне понятно, почему нигилизм имел большой успех среди молодых евреев: апеллируя к логике, разуму, доказывая необходимость доискиваться во всем смысла, последовательности,

целесообразности, нигилизм отвечал именно тем запросам, которые толкали способных, а нередко и очень талантливых молодых евреев к изучению древнееврейских писаний, в которых они, однако, не находили удовлетворения своим ненасытным стремлениям к знанию... Нигилизм сыграл в нашей жизни огромную роль тем, что учил нас думать и отдавать себе во всем ясный отчет: этим он подготавливал почву для восприятия других, проникавших к нам с запада новых, еще более прогрессивных взглядов, чем те, которые он проповедывал...

Выступавшие на литературном поприще знаменитые наши критики и публицисты „Современника» и „Русского слова“ – Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Зайцев и др. – знакомили нас с западно-европейскими взглядами и звали нас на деятельность в интересах обездоленных масс...

Зачитываясь статьями упомянутых выдающихся публицистов и критиков, поглощая повести и романы Тургенева, Достоевского, Гончарова, заучивая наизусть стихотворения Пушкина и Лермонтова, Кольцова и, в особенности, Некрасова, мы, евреи, совершенно забыв об исключительном положении нашей нации в России, интересовались только общими, „мировыми“ вопросами и стремлениями, занимавшими самых передовых, прогрессивных людей той эпохи. Подобно наиболее чуткой, отзывчивой молодежи коренного населения страны, мы также мечтали о той отдаленной поре, когда все люди будут равными, братьями, располагающими одинаковым благосостоянием, пользующимися всеми успехами науки, техники и пр. Но мы, евреи, признавали, что путь к этому общему счастью человечества, когда не будет ни эллина, ни иудея, далекий, длинный...» .

К началу 80-х гг. тенденция приобщения просвещенных евреев к революционной деятельности была уже ощутима. В 1880 г. еврей Млодецкий совершил бессмысленное и неудачное покушение на министра внутренних дел графа Лорис-Меликова. По делу об убийстве Александра II проходила лишь одна еврейка, которая не была ни идеологом, ни организатором покушения, а лишь хозяйкой квартиры, где собирались заговорщики.

В дальнейшем участие евреев в русском революционном движении быстро приобретало все большую массовость, к началу XX в. они в нем уже явно доминировали, а с 1905 г. имели влияние во всех организовавшихся тогда политических партиях: к-детов, с-ров, с-деков. В их руках была очень значительная часть прессы; крупнейшее демократическое издание того времени – кадетская газета «Речь» – была основана известным предпринимателем Ю. Б. Баком.

Итак, революционная деятельность евреев , так же как и сионистское движение, явилась работой пассионарной энергии, вырвавшейся из местечек и гетто под воздействием просвещения .

Революция в России, подобно ее аналогам в Западной Европе, была результатом, главным образом, тех процессов, которые имели место внутри самого русского этноса и были связаны с пассионарной деградацией дворянско-монархической элиты.

Считать ее главными виновниками евреев – грубая ошибка, однако на то, какой характер она носила, участие евреев наложило отпечаток действительно ярчайший: своей пассионарностью они преумножили накал революционных страстей, придали событиям еще большую грандиозность, а также усилили непримиримость ее противников, увеличив таким образом обычное для любой революции кровопролитие.

Ашкеназы и сефарды (дополнительный очерк)

Евреи Пиренейского полуострова – сефарды – другой своеобразный иудейский этнос; название его происходит от «Сфарад» – еврейского названия Испании. Согласно

укоренившемся среди них убеждению, их предки поселились в этой стране еще в VII в. до хр. эры, однако точно установлено лишь их пребывание там в первые века хр. эры. С вестготами, захватившими Испанию в середине V в., их отношения поначалу складывались вполне благополучно: те, исповедуя арианство (направление в христианстве, основанное в IV в. священником Арием), отличались веротерпимостью; в начале VI в. евреи вместе с христианами успешно обороняли подступы к Пиренеям от наступающих с севера франков.

Ситуация стала быстро меняться после 586 г. в связи с принятием вестготским королем Рекаредом I католицизма: тогда для испанских евреев наступили времена притеснений, изгнаний и насильственных крещений, вследствие которых в начале VIII в. они активно содействовали завоеванию полуострова арабами. X в. стал веком наивысшего расцвета испанских евреев; после завоевания в 1086 г. Испании мусульманской сектой альморавидов их положение стало ухудшаться, а при альмохадах (1147–1269) стало невыносимым; это привело к переселению многих из них в уже образовавшиеся к тому времени христианские государства на севере Испании – Кастилию, Арагон, Наварру, а также за пределы полуострова. В частности, семья юного Маймонида, жившая до того в Кордове, главном городе мусульманской Испании, переселилась тогда в Северную Африку.

Как отмечалось выше, в Испании между еврейской и соседствовавшими с ней культурами никогда не было столь непроницаемой стены, как в странах проживания ашкеназов. Сефарды активно участвовали в общественной и культурной жизни страны. Как при мусульманах, так и при христианах они зачастую оказывали большое влияние на принятие политических решений и использовались как военная сила теми или иными воюющими сторонами. В X в. при дворе кордовских халифов Абдуррахмана III (правил в 912–961) и его сына Аль-Хакима (правил в 961–976) служил лейб-медиком, руководителем дипломатии и, наконец, просто главным советником еврей Хасдай ибн Шапрут. Крупнейшим поэтом еврейской Испании был ибн Габриель (X в.). С трудами Аристотеля христианская Европа познакомилась, в основном, по латинским переводам с арабского, сделанным испанскими евреями в XIII в.⁶⁹ Евреи Пиренейского полуострова принимали языки народов, среди которых жили: при арабах они говорили на арабском, при христианах – на ладино, по сути еврейском диалекте староиспанского. В христианской Испании нередки были случаи смешанных браков с евреями, даже в среде высшего дворянства.

При часто меняющихся условиях их жизни, как в арабских, так и в христианских государствах Испании, евреи досуществовали там до конца XV в. В конце марта 1492 г., буквально через пару месяцев после разгрома последнего на полуострове исламского государства – Гранадского эмирата, королевской четой Кастилии и Арагона Изабеллой и Фердинандом было принято решение об изгнании всех отказавшихся креститься евреев из своего королевства (это была уже практически вся Испания, кроме Наварры). Те, решив откупиться за 300 тыс. золотых монет, направили в королевский дворец в Толедо соответствующую делегацию во главе с их тогдашним лидером Ицхаком Абрабанелем. Падкая до денег королева уже готова была согласиться, но тут в залу вбежал главный в то время инквизитор Испании Томас Торквемада с распятием в руке. «Иуда продал Христа за 30 сребреников, а вы хотите продать его за 300 тысяч! Вот он: берите его и продавайте», – воскликнул он и, положив распятие на стол, удалился. Этот театральный поступок возымел действие: испанским евреям было дано 4 месяца на сборы и продажу имущества; ко 2 августа ни одного некрещеного еврея в Испании не осталось. Многие из них перебрались поначалу в соседнюю Португалию, но уже в 1496 г. были изгнаны и оттуда 70.

Общее число испано-португальских изгнанников составляло около 300 тыс. человек. Некоторые из них переселились в Нидерланды, Италию, Марокко, но большая часть – в

Османскую Турцию, где во все века существования этой империи в отношении евреев проявлялась терпимость. Уже в течение всего XV в. туда шла активная иммиграция испанских евреев, среди которых было множество искусных ремесленников и оружейников; именно они впервые привезли в Турцию порох и искусство литья пушек. <...> В XVI в. в руках евреев была практически вся дипломатия Османской империи.

После изгнания с Пиренейского полуострова сефарды во многих европейских государствах оказывались бок о бок с ашкеназами, и где бы это ни происходило – в Амстердаме или в Гамбурге, в Лондоне или в Бордо – отношения между ними были крайне натянутыми: две общины жили обособленно друг от друга, смешанные браки между их представителями были крайней редкостью.

Яркой иллюстрацией этому может служить письмо лидера общины португальских евреев Бордо Ицхака Пинто Вольтеру в ответ на антиеврейские высказывания последнего – в нем Пинто защищал только сефардов. *«Иудеянин португальский, живущий в Бордо, и иудеянин германский, живущий в Меце, – писал он, – суть два существа совершенно различные... Если бы г. Вольтер... захотел руководствоваться той справедливостью, которою он хвалился, то, конечно, он сумел бы различить от прочих иудеев иудеев испанских и португальских, которые никогда не смешивались со своими единоплеменниками (из других иудейских этносов. – М. З.) и не были никогда с ними одно и то же... Я полагаю за верное, что г. Вольтеру не может быть не известна особая деликатность иудеев португальских и испанских, которые имеют правило не вступать ни в супружество, ни в какие-либо [другие] связи с иудеями иных обществ и ни под каким видом не смешиваются с оными... Их различие с их братьями столь велико, что если бы иудеянин португальский, живущий в Голландии или в Англии, женился на иудеянке германской, то лишился бы всех преимуществ; его бы отлучили от их синагоги, исключили бы совершенно из их общества; даже после смерти он не мог бы быть похоронен между своими португальскими братьями. Причина такого их разделения с прочими иудеями есть следующая: португальские и испанские иудеи, которые считают себя происходящими от колена Иудова, имеют предание, что во времена пленения Вавилонского главные фамилии сего колена были посланы в Испанию и обитали в оной, вследствие чего иудеи сего общества, как потомки столь важных предков и наследники их древнего обиталища, присваивают себе то преимущество, которое они показывают в своем поведении противу прочих их братьев... Понятие испанских и португальских иудеев о своем происхождении сделалось для них как бы неким священным догматом, за что строжайшая критика могла бы назвать их тщеславными и суетными, однако же не грубыми и не корыстолюбивыми...»*

И поскольку он (Вольтер. – М. З.) был в Голландии, то ему известно, что их (сефардов и ашкеназов. – М. З.) синагоги различны и что, сходствуя в сущности веры, они некоторым образом различаются в своих обрядах. Обычаи иудеев португальских также несходны с обычаями прочих иудеев. Португальские не имеют бороды и своею одеждою не разнятся от народа, в котором живут; некоторые из них совершенно во всем подражают европейцам, выключая религию...

...Некоторые из них в конце пятнадцатого века привезли с собой великия богатства в Голландию и своею деятельностью... очень много послужили развитию там торговли. Их синагоги имели вид собраний сенаторов, и когда путешествовавшие немецкие вельможи посещали оные, то признавали, что германские иудеи нимало на них (сефардов. – М. З.) не похожи...

Все имевшие знакомство с португальскими иудеями во Франции, в Голландии и в Англии, знают по опыту, что они совершенно не способны „питать ненависть, – по словам г. Вольтера, – к народам, дающим им пристанище“; напротив того, они привержены столько к

сим народам, как будто к своим единоплеменникам... Итак, они нисколько не заслуживают тех титулов, коими г. Вольтеру угодно их украшать... » 72.

Потомки евреев Испании и Португалии также дали миру ряд выдающихся личностей, среди которых можно выделить, например, философа Б. Спинозу (1632–1677), одного из основателей политэкономии Д. Рикардо (1772–1823), премьер-министра Великобритании Б. Дизраэли (1804–1881), знаменитого юриста Ч. Ломброзо (1835–1909).

Литература

4. Грец Г. «История евреев...» Одесса, 1907, т. V, стр. 12.
5. Там же, стр. 13–14.
6. Там же.
7. Кац Я. «Евреи в средневековой Европе». Иерусалим, 1994, стр. 47–49.
8. Там же, стр. 98.
9. Там же, стр. 81.
10. «Еврейская энциклопедия». Изд. «Брокгауз и Эфрон», статья «Прозелитизм».
11. Кац Я. Указ. соч., стр. 124.
12. Там же, стр. 128.
13. «Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы». Тель-Авив, 1995, т. I, стр. 174.
14. Кац Я. Указ. соч., стр. 59.
15. Там же, стр. 125.
16. Грец Г. Указ. соч., т. VII, стр. 73.
17. Кац Я. Указ. соч., стр. 133.
18. Там же, стр. 139–140.
19. Грец Г. Указ. соч., т. VII, стр. 82.
20. Кац Я. Указ. соч., стр. 145–146.
21. Там же, стр. 148.
22. Грец Г. Указ. соч., т. VII, стр. 191.
23. «Главы...», т. I, стр. 104.
24. Там же, т. I, стр. 47.
25. Грец Г. Указ. соч. т. VIII, стр. 203.
26. Там же, т. VIII, гл. X.
27. Там же, т. IX, стр. 158–159.
28. Там же, т. VIII, стр. 81, сноска.
29. «Главы...», т. I, стр. 88–89. 29а. «Главы...», т. II, стр. 90–93.
30. Там же, т. II, стр. 19–25.
31. Там же, т. II, стр. 35–39.
32. Там же, т. I, стр. 193–194.
33. Там же, т. I, стр. 58.
34. Там же, т. I, стр. 59–60.
35. Кац Я. Указ. соч., стр. 210.
36. Дубнов С. «Евреи и реформация в Польше в XVI в.». «Восход», С.,Пб., 1895, № № V, VII, VIII.
37. Кац Я. Указ. соч., стр. 220.
38. Дубнов С. «Внутренняя жизнь евреев Польши и Литвы», кн. «Восхода», 1900, № 2.

39. Там же, стр. 25.
40. *Марголин М.* «Основные течения в истории еврейского народа». М., 1917, стр. 33.
41. «Еврейская энциклопедия», статья «Безбрачие».
42. «Краткая еврейская энциклопедия». Иерусалим, 1976, статья «Брак».
43. *Грец Г.* Указ. соч., т. XII, стр. 47.
44. Там же, т. XII, стр. 11.
45. «Иудейские письма к Вольтеру», М., 1809, т. I, стр. 13.
46. *Кант И.* «Письмо Моисею Мендельсону», 1766, «Сочинения», т. II, М., 1964, стр. 365.
47. *Грец Г.* Указ. соч. т. XII, гл. I и II.
48. Там же, т. XII, стр. 135–139.
49. Там же, т. XII, стр. 149.
51. «Восход», 1881, № 3, стр. 76.
52. *Кулишер .* «Польша с евреями и Русь без евреев», «Еврейская ста, рина», 1910, С.,Пб.
53. *Гессен Ю.* «Евреи в Московском государстве в XV,XVII вв.», «Еврейская старина», 1915, вып. II.
54. «Еврейская энциклопедия», статья «Анна Иоанновна».
55. Гессен Ю. «История еврейского народа в России», М., 1993, т. I, стр. 17.
56. Там же, стр. 47.
57. Там же, стр. 56–57.
58. Там же, стр. 59.
59. Там же, стр. 87.
60. «Главы...», т. III, стр. 210.
61. *Дубнов С.* «Из моего архива», «Пережитое», т. I, С.,Пб.
62. *Гессен Ю.* «История еврейского народа в России», т. II, стр. 84–87.
63. «Борьба правительства с еврейской одеждой в империи и цар, стве Польском», «Пережитое», т. I.
64. *Гессен Ю.* «История...», т. II, стр. 100–101.
65. *Дейч Л.Г.* «Роль евреев в русском революционном движении», Ленинград, 1926 г.
66. *Гессен Ю.* «История...», т. II, стр. 229.
67. *Гейне Г.* Соб. соч., т. VI; С.,Пб, 1899, стр. 126.
68. *Дейч Л.Г.* Указ. соч.
69. *Хвольсон Д. А.* «О мнимой замкнутости евреев», С.,Пб, 1880.
70. *Грец Г.* Указ. соч., т. IX.
72. «Иудейские письма к Вольтеру», т. I.

И. Н. Данилевский. Читая Л. Н. Гумилева

Общественные кризисы всегда связаны с разочарованием в прежних системах ценностей. То, что еще совсем недавно было исполнено значениям, имело, казалось бы, непреходящий смысл, вдруг становится пустым и никчемным. При этом, естественно, изменяется не столько окружающая реальность, сколько сами люди, системы их восприятия и представлений. Они сами отнимают смысл у того мира, который существовал прежде и (по большей части) еще долго продолжает существовать в их собственном сознании. Однако если раньше он представлялся нормой, единственной объективной реальностью, то теперь чаще всего вызывает раздражение, стремление уйти от него. Именно поэтому в годы кризисов люди так нуждаются в теориях, которые помогли бы по-новому структурировать реальность, наполнить ее новыми

значениями и смыслами.

Наиболее болезненно подобные идейно-теоретические катаклизмы сказываются на историке-преподавателе. На педагогическом поприще его коллеги-естественники в гораздо меньшей степени зависят от идеологической конъюнктуры, а академические коллеги-гуманитарии (в частности, историки и философы) могут на неопределенный период взять тайм-аут, чтобы спокойно разобраться в существе дела, примерить на конкретный материал новые теоретические подходы. Учитель же истории должен, несмотря на все сложности, недоумения и недоразумения, ежедневно входить в класс и продолжать объяснять юным гражданам страны то, что пока не понятно академикам.

При всех недостатках, теория общественных формаций была (по крайней мере, для школы) чрезвычайно удобна и действенна. По определению замечательного философа М. К. Мамардашвили, она – «чистый кретинизм», «до предела упрощенная концепция» позволяла «запахнуть весь мир в самую маленькую головку, в полуатрофированный мозг человека, не желающего сделать даже усилия, чтобы попытаться думать; а тут пожалуйста: весь мир в вашем распоряжении без малейшего усилия с вашей стороны. И что удивительно весь мир с удовольствием лезет в эту схему» 1.

Отказ хотя бы внешний от марксизма (реально отречься от него гораздо сложнее, если вообще возможно: основы этой теории заложены в каждого из историков не только старшего, но и среднего поколения, с детства почти намертво) заставил срочно искать паллиатив, способный хотя бы в какой-то мере компенсировать эту тяжелейшую методологическую и что особенно важно для школы (прежде всего, средней, хотя эта проблема не обошла и высшую) методическую потерю. Вероятно, именно поэтому такой популярностью сегодня пользуются теоретические и квазитеоретические работы самого различного качества. Среди них труды Л. Н. Гумилева занимают, пожалуй, особое место.

Имя Льва Николаевича Гумилева (1912–1993) всегда было окутано неким романтическим флером. С одной стороны, это было связано с его происхождением из семьи выдающихся русских поэтов, с другой – с теми гонениями, которым при советской власти подвергались все члены этой семьи, включая и самого Льва Николаевича. Интерес к его трудам, не вписывавшимся в «идеологический стандарт», всегда был велик. Однако прежде ознакомиться с ними было не так просто: публикации отдельных книг и статьи в специальных журналах явно не могли удовлетворить все возраставший спрос на экзотические по тем временам теории, развивавшиеся в них. Зато в последние годы на читателей обрушилась просто-таки лавина монографий Л. Н. Гумилева 2. Его работы яркие и необычны, подходы, развиваемые в них, – широки, сторонники – многочисленны. И все-таки, наверное, у любого, кто начинает знакомиться с теоретическим наследием этого незаурядного мыслителя, чтение его исследований не может не вызвать определенной настроенности.

Пожалуй, прежде всего это связано с некоторой недоговоренностью. Теория колебательного развития этносов неразрывно связана с представлением о пассионарности (она определяется автором как *необоримое внутреннее стремление... к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели* 3) и базируется на ряде категорий, которые самим Л. Н. Гумилевым сколько-нибудь точно не определены (*биогеохимическая энергия*, переходящая в *энергию пассионарную*, которая в свою очередь создает «*этническое поле*»; «*признак*» *пассионарности*, передающийся на генетическом уровне; «*пассионарный толчок*», неизвестно чем или кем дающийся и порождающий «*пассионарные мутации*»; *пассионари*, *субпассионарии* и «*гармоничные особи*» и т. п.). Присутствие таких принципиально неформализуемых понятий позволяет охарактеризовать построения Л. Н. Гумилева не столько как строгую *научную теорию*, **объясняющую** исторический (природно-этнический, по

определению самого Л. Н. Гумилева) процесс, сколько как художественный образ, **описывающий** его. Об этом же говорят и выделяемые Л. Н. Гумилевым периоды в развитии этнического цикла: «подъем», «акматическая фаза», «надлом», «фаза инерции» («осень этноса»), «обскурация» («сумерки этноса»), жизнь этноса «после конца». Показательно, что названия этих фаз (начало и конец которых, очевидно, могут выделяться лишь интуитивно, на неформальном уровне восприятия) представляют собой откровенные метафоры, каковыми сами «фазы» по существу своему и являются.

В то же время обилие научных терминов (преимущественно из арсенала дисциплин естественного цикла) в рассуждениях Л. Н. Гумилева может создавать и, по-видимому, создает у большинства читателей впечатление *научности* и самой теории, которой, *следовательно, должны быть присущи* строгость, логичность и непротиворечивость. Однако даже тем, кто, безусловно, признает научность концепции исторического процесса Л. Н. Гумилева (рассматривая ее как «прозрение, базовую интуицию, умозрительное видение», не нуждающиеся в логическом обосновании), приходится признать: «при всей привлекательности и, скажем так, эмоциональной убедительности в пассионарной концепции слабо прояснены многие вопросы, в том числе и фундаментальные» 4.

Вклад Л. Н. Гумилева в развитие отечественного гуманитарного знания не ограничивается концептуальными построениями. Величайшей заслугой ученого является его открытие для широкого круга читателей, и в первую очередь для школьников, огромного мира, простирающегося на восток от Руси. Глубокое изучение народов, живших на краю Ойкумены древнекитайской цивилизации (не говоря уже о цивилизациях европейских), собственно и составило ту почву, на которой выросли теоретические модели Л. Н. Гумилева. Ученому удалось разрушить стереотипы восприятия «дикого» Востока не только обыденным сознанием, но и широкими научными кругами, пробить брешь в сугубо европоцентричном «официальном» взгляде на историю Руси-России. Роль «восточного фактора» в развитии Древнерусского государства, русских княжеств XII – первой трети XIII в., взаимодействие и взаимовлияние русских земель, Великой Монгольской империи и Золотой Орды – вот тот колоссальный комплекс проблем, изучение которого сегодня во многом определяется прямым или косвенным влиянием трудов Л. Н. Гумилева.

Однако в конкретно-исторических реконструкциях Л. Н. Гумилев не всегда достаточно убедителен. Мало того, приводимый им фактический материал сплошь и рядом далеко не безупречен и нуждается в серьезной проверке. Конечно, и в этом можно увидеть благотворное влияние исследований Л. Н. Гумилева: критический анализ их сам по себе предполагает обращение к тому комплексу источников, которые прежде оставались на периферии исследовательских интересов, а следовательно, более глубокое изучение тех сложнейших этнических и культурных процессов, которые были связаны со взаимодействием Руси и Великой степи. Тем не менее, повторю, чтение собственно исторических работ Л. Н. Гумилева должно обязательно сопровождаться тщательной проверкой фактической базы, на которую опирается исследователь. Без этого, к сожалению, невозможно судить о степени обоснованности выводов, к которым подводит читателя Л. Н. Гумилев.

Приведу несколько примеров из работ, посвященных наиболее полно разработанной им теме: Русь и монголы.

Источники, донесшие до нас сведения о том, как складывались и развивались отношения русских княжеств и земель с Великой монгольской империей, довольно хорошо известны. Правда, как совершенно справедливо отмечает Л. Н. Гумилев, используются они обычно довольно тенденциозно: предпочтение явно отдается точке зрения покоренных, а не победителей. Такой подход, несомненно, противоречит принципам «чистой» науки, хотя

понять, почему он превалирует в исследованиях российских и советских историков, думаю, легко. Память народа о двух с половиной столетиях иноземного ига дает себя знать, как ни старайся быть объективным. Она, однако, не должна мешать, по меньшей мере, стремиться разобраться в причинах и конкретных путях развития событий, не сваливая все, как это обычно делается, на «громадный численный перевес», патологическую жестокость и безмерное коварство, присущие якобы завоевателям (в данном случае – монголам).

Привлечение возможно большего круга источников – обязанность историка. И эта обязанность, как будто, выполняется Л. Н. Гумилевым в полной мере. Мало того, он вводит в оборот сведения, не находящие подтверждения ни в одном из известных источников! Так, скажем, не удастся установить достоверность известия о том, что Александр Невский был побратимом сына Батыя, Сартака. Об этом Л. Н. Гумилев сообщает между прочим, как хрестоматийный факт, без всяких ссылок на источник:

«Война [с Орденом] продолжалась, и союзники Александру Невскому были нужны. Поэтому он побратался с сыном Бату, Сартаком, и получил монгольские войска для борьбы с немцами» 5;

«В 1251 г. Александр приехал в орду Батыя, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана и в 1252 г. привел на Русь татарский *1 корпус с опытным нойоном Неврюем» 6.

Тем не менее (может быть, именно поэтому) такое представление теперь широко бытует не только среди дилетантов, но и среди профессиональных историков, не занимавшихся специально этим вопросом.

Или, скажем, приводится совершенно фантастическое сообщение о причинах гибели черниговского князя Михаила:

«Михаил Всеволодович Черниговский...владея очень короткое время Клевом, поставил митрополитом своего человека игумена Петра Акеровича. Даниил Романович сверг его и разогнал его епископов, после чего Ростислав провел неудачную войну с Даниилом и остался жить в Венгрии, а Петр Акерович по повелению своего князя отправился в Лион просить у папы Иннокентия IV помощи против татар.

Михаил жил некоторое время в Венгрии, но, обиженный пренебрежительным отношением к себе, вернулся в Чернигов. Очевидно, он предполагал, что его переговоры с папой останутся татарам неизвестны. Не тут-то было! Батый имел достаточную информацию об изменнической деятельности черниговского князя. Однако он дал ему возможность оправдаться. У татар был своеобразный...детектор лжи: подозреваемый должен был пройти между двумя большими кострами, а колдуны наблюдали за огнем и тем самым устанавливали правдивость показаний.

Насколько этот способ эффективен сказать трудно, но князь Михаил от процедуры отказался и был казнен. Конечно, князя жаль, но какое правительство не наказало бы лицо доверенное, занимающее ответственный пост и уличенное в изменнических связях с врагом!

Это была трагедия не только князя Михаила, но и всего Черниговского княжества, которое с этого времени прекратило самостоятельное существование» 7.

Действительно, как, основываясь на сопоставительном анализе Ипатьевской, Воскресенской, Новгородской первой летописей, польской (Яна Длугоша) и английской хроник, отмечал В. Т. Пашуто, на Лионском соборе 1245 г., созванном папой Иннокентием IV,

«выступил с сообщением о татарах русский игумен Петр Акерович, присланный в Лион черниговским князем Михаилом Всеволодовичем, который искал у курии помощи против татар. Латинские прелаты настойчиво расспрашивали его о военных силах и дипломатических приемах татаро-монголов 8» 9.

Однако к прохождению Михаила между кострами в ставке Батыя это никакого отношения

не имело. Источники, упоминающие этот обряд, в один голос утверждают, что он имел просто очистительный смысл. Поэтому *каждый*, приходивший в ставку хана, а также все, что они приносили с собой, должно было подвергнуться этой процедуре:

«Они [татары] веруют, что огнем все очищается; отсюда, когда к ним приходят послы, или вельможи, или какие бы то ни было лица, то и им самим, и приносимым ими дарам надлежит пройти между двух огней, чтобы подвергнуться очищению, дабы они не устроили какого-нибудь отравления и не принесли яду или какого-нибудь зла» 10.

Это, кстати, точно соответствует сообщению житийной повести, повествующей о кончине князя и написанной вскоре после нее: 11

**«Многи же земли преѣхавшу ему и доѣха Батыя. Повѣдаша Батыеви
“Князь великий русский Михаилъ приехалъ поклонится тебѣ”. Цесарь же
повелѣ призвати волхвы своя. Волхвом же пришедшимъ предъ онь, глагола
нмъ цесарь: “Еже есть по обычаю вашему створите Михаилу князю, по
тому приведѣте его предъ мя”. Онѣм же шедшимъ к Михаилови и гла
лаша ему: “Батый зоветъ тя”. Он же, поемъ Феодора, и идяше с нимъ.
доидоша мѣста, иде же бѣ накладенъ огонь со обѣ странѣ. Мнози же по
ни идяху сквозѣ огонь, и покланяхуся солнцю и идоломъ. Волсви же хотѣ
Михаила вести и Феодора сквозѣ огонь. Михаилъ же и Феодоръ глаголаш
нмъ: “Недостонтъ христьяномъ ходити сквозѣ огонь, ни покланятися е
же ся си кланяють. Тако есть вѣра христьянская, не покланятися тва
но покланятися Отцю и Сыну и Святому Духу”. Михаилъ же глагола Ф
одорови: “Луче намъ есть не покланятися, ему же ся си кланяются”» .**

Что же касается странного превращения хорошо известного и неоднократно описанного обычая в детектор лжи, то оно понадобилось, как мы видели, лишь для того, чтобы поддержать утверждение, будто убийство черниговского князя Михаила в Орде стало следствием его собственного коварства, выразившегося в злоумышлении против Батыя. Благородный хан якобы дал возможность лицемеру оправдаться, но тот побоялся разоблачения.

Кстати, мотивировка убийства Михаила отказом пройти между кострами вполне русская, точнее сказать христианская: 12

**«Обычай же нмаше канъ и Батый: аще ꙗко приѣдетъ кто поклонитс
ему, не повелѣваше первое привести предъ ся, но приказано баше вол
вомъ вести сквозѣ огонь и поклонитися кусту и идолом. А нже с собою чт
приношаху дары цесареви, от всего того взимающе волсви, в мѣтахут
первое во огонь, то же предъ цесаря пущахутъ самѣхъ и дары. Мнози ж
князи с бояры своими идяху сквозѣ огонь и покланяхуся солнцю и кусту
идолом славы ради свѣта сего и прашаху каждо ихъ власти. Они же без
взбранения даяхутъ нмъ, кто которыя власти хотяше, да прелстятся сла
вою свѣта сего» .**

Действительно, прохождение через огонь относится в Библии к числу тяжких грехов:

«Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии: не должен находиться у тебя проводящий сына своего или

дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых; ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сию мерзость Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего» 13;

«И соорудил [царь Иудейский Манассия] жертвенники всему воинству небесному на обоих дворах дома Господня, и провел сына своего чрез огонь, и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников; много сделал неугодного в очах Господа, чтобы прогневать Его» 14;

«Устроили [сыновья Израиля и Иуды] капища Ваалу в долине сыновей Енномовых, чтобы проводить через огонь сыновей своих и дочерей своих в честь Молоху, чего Я не повелевал им, и Мне на ум не приходило, чтобы они делала эту мерзость, вводя во грех Иуду» 15.

За нарушение этого запрета Манассией Иудея, между прочим, была подвергнута наказанию Божию, а сам царь был взят в плен ассирийцами и самым унижительным образом подобно зверю отведен в Вавилон 16.

Кстати, свидетель гибели несчастного князя, Плато Карпини утверждает, что между кострами тот все-таки прошел, но наотрез отказался кланяться изображению Чингисхана, чем и вызвал гнев Батыея 17. Полагаю, в этом случае оснований доверять очевидцу гораздо больше, нежели непонятно на чем основанному мнению современного нам историка, пренебрегающего мелочеведением.

Невероятна и трактовка Л. Н. Гумилевым ханских ярлыков как пактов о дружбе и ненападении, не предполагавших реальной зависимости тех, кто их получал, от выдававших их ханов:

«Ярослав... в 1243 г...явился на поклон к Батыю и получил от хана ярлык на великое княжение. По сути дела это был союзный договор, объявленный по этикету того времени» 18;

«Ярлык это пакт о дружбе и ненападении. Реальной зависимости он не предполагал. Батый посылал ярлыки к правителям Руми, Сирии и других стран, от него независимых» 19.

Даже самому создателю столь своеобразной версии приходится *тут же* писать, что такой «пакт» был вручен Батыем Даниилу Галицкому «на власть и княжение»:

«Внезапно к князю Даниилу пришло от хана Батыя короткое письмо: „Дай Галич“. <...> Победитель венгров, поляков и крамольных бояр пришел в ужас. <...> Выход был один ехать на поклон к хану... Хан принял князя ласково, разрешил ему пить на пиру вместо кумыса вино, что было высшей любезностью, и выдал ему ярлык на власть и княжение» 20;

Оказывается, «пакт о дружбе и ненападении» *разрешил* князю княжить! Это в корне противоречит только что высказанному взгляду, но зато полностью соответствует «устаревшему» толкованию ярлыков как свидетельств полномочий ханских вассалов – нойонов. Получение ярлыка было связано с признанием зависимости от вручившего ярлык «сюзерена», что выражалось в форме челобитья (*morguiku*) 21.

Не менее спорны и трактовки хорошо известных событий, фактическую сторону которых Л. Н. Гумилев не подвергает сомнению. Вспомним, например, как исследователь объясняет причины нашествия монголов на Русь:

«Хотя у Руси не было повода для войны против монголов и, более того, те прислали [накануне битвы на Калке] посольство с мирными предложениями, князья, собравшись...на нем, решили выступить в защиту половцев и убили послов... Это подлое преступление, гостеубийство, предательство доверившегося! И нет никаких оснований считать мирные предложения монголов дипломатическим трюком. Русские земли, покрытые густым лесом, были монголам не нужны, а русские, как оседлый народ, не могли угрожать коренному монгольскому улусу, т. е. были для монголов безопасны. <...>Поэтому монголы искренне хотели мира с русскими, но после предательского убийства и неспровоцированного нападения

мир стал невозможен» 22.

Чтобы понять, насколько основательны оценки историка, попытаемся проанализировать их.

Во-первых, судя по «Сокровенному сказанию», захват Руси, хоть и был для монголов, по мнению Л. Н. Гумилева, бессмысленным, изначально входил в завоевательные планы Чингиса:

«Субеетай-Баатура он [Чингисхан] отправил в поход на север, повелевая дойти до 11 стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, *Оросут* [Русь], Мачжарат, Асут, Сесут, Серкесут, Кешимир, Болар, Разал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением отправил он в поход Субеетай-Баатура» 23.

Во-вторых, мирные переговоры, которые затевали монголы, в подавляющем большинстве случаев оказывались, как мы помним (несмотря на заверения историка), как раз «дипломатическим трюком».

В-третьих, история монгольских походов показывает, что большинство государств, завоеванных ими, подобно Руси, не имели даже общих границ (до определенного времени) с «коренным монгольским улусом». Но монголы на них напали и завоевали.

Безусловно, нашествие монголов на Русь подается Л. Н. Гумилевым крайне тенденциозно, что вызывает вполне справедливые нарекания историков. Так, например, характеризует А. Л. Юрганов эссе Л. Н. Гумилева, опубликованное в 1988 г. в журнале «Нева» (№ 3, 4):

«Гумилев выступает здесь как Автор и беседует с условными Историком России, Научным сотрудником, Палеотопонимистом. Завязывается многослойный диалог, из которого, между прочим, выясняется, что главную опасность для Руси представляли не монголы, а Запад, и потому союз Александра Невского с Ордой был жизненно необходим.

В доказательство того, что русские люди не страдали от ордынского ига, Гумилев приводит летописный текст, в котором хан Джанибек назван „добрым“ царем. Но более всего удивляет утверждение Гумилева, что „немногочисленные (!) воины монголы Батя только прошли (!) через Русь и вернулись в степь“. И, представьте, ни слова – как «прошли». Приводимые автором слова летописи – „сей царь Чянибек Азбякович добр зело к Христианству“ – нужно оценивать в контексте эпохи. Летописец похвалил царя за умеренность: не слишком жесток был. Так, в начале 40-х гг. XIV в. он отпустил на Русь митрополита Феогноста, которого держал „в тесноте“ (т. е. в заключении) за то, что тот не давал в Орду „полетныя (ежегодной. – А. Ю.) дани“. Отпустил Феогноста за 600 руб. Добрый царь: мог ведь за такое и убить митрополита!

Наконец, о том, **как** «прошли» монголы по Руси. По подсчетам археологов, из семидесяти четырех русских городов XII–XIII вв., известных по раскопкам, сорок девять были разорены Батыем. Причем четырнадцать городов вовсе не поднялись из пепла и еще пятнадцать постепенно превратились в села» 24.

Чтобы доказать свои тезисы, Л. Н. Гумилев вынужден прибегать к постоянному нарушению элементарных формальнологических законов. Сравним, например, два высказывания:

«Принято винить за поражение [русских земель в борьбе против ордынцев] феодалов-князей, однако богатые приволжские города, находившиеся в составе Владимирского княжества, Ярославль, Ростов, Углич, Тверь и другие вступили в переговоры с монголами и избежали разгрома.

Согласно монгольским правилам войны, те города, которые подчинились добровольно, получали название „гобалык“ – добрый город; монголы с таких городов взимали умеренную контрибуцию лошадьми для ремонта кавалерии и съестными припасами для ратников. Но и

другие города, не успевшие вовремя сдать, страдали недолго. Так как монголы нигде не оставляли гарнизонов, то „подчинение“ носило чисто символический характер; после ухода монгольского войска жители возвращались домой и все шло по-старому.

Несчастный Торжок пострадал лишь потому, что жители его ждали помощи из Новгорода, из-за чего не успели капитулировать. Но по монгольскому закону, после того как была выпущена первая стрела, переговоры прекращались и город считался обреченным. Видимо, на Руси были толковые и осведомленные люди, успевшие растолковать согражданам „правила игры“ и тем уберегшие их от гибели. Но тогда причиной разгрома Владимира, Чернигова, Киева и других крупных городов была не феодальная раздробленность, а тупость правителей и их советников-бояр, не умевших и не стремившихся организовать оборону... Русь монголами не была ни подчинена, ни покорена» 25.

А всего через десять страниц после приведенного пассажа читаем:

«Сравнительно с Северо-Восточной Русью Юго-Западная (Галицко-Волынское княжество) пострадала от татар гораздо меньше. Ряд городов татары не смогли взять, а захваченные ими города были мало разрушены, и население их успело укрыться. Более того, население юго-восточных земель – из Путивля, Рязани и др., лишенное защиты разгромленных княжеских дружин и страдавшее от анархии, обычной для пограничных регионов, бежало на Волынь, где Даниил Романович после ухода татар установил порядок. Но, увы, галицкое боярство продолжало оппозицию княжеской власти. Это унесло больше крови, чем внешняя война» 26.

У всякого читающего эти строки, на мой взгляд, должен возникнуть вполне закономерный вопрос: так все-таки, какие земли пострадали больше юго-западные, оказавшие монголам достойное сопротивление, или северо-восточные, которые, по словам Л. Н. Гумилева, проявили «мудрость» и «дальновидность» – и «успели капитулировать»? Впрочем, даже в рамках первого из приведенных высказываний непосредственно друг за другом следуют две фразы, противоречащие друг другу. В первой из них утверждается, что на Северо-Востоке дело обстояло лучше (чем на юге), поскольку там нашлись «толковые и осведомленные люди», объяснившие своим землякам «правила игры» (последнее выражение, правда, звучит довольно цинично; но об – этом чуть ниже). Во второй же автор упрекает «тупых» правителей Юго-Запада и «их советников-бояр» за неумение организовать оборону, которую он же сам несколькими строками раньше охарактеризовал как глупость и недалекость!

Кроме всего прочего, в рассуждениях Л. Н. Гумилева меня порой поражает отсутствие нравственных критериев. Поясню, что я имею в виду. Давайте задумаемся в суть следующих высказываний:

«Примечательно, что монгольские войска были распылены на мелкие отряды, которые в случае активного сопротивления были бы легко уничтожены. Батый пошел на столь рискованный шаг, очевидно, зная, что этим отрядам серьезная опасность не грозит. Так оно и оказалось. Да и в самом деле, зачем бы русские люди, не только храбрые, но и сметливые, стали подставлять головы противнику, который и сам уйдет?» 27;

«Европейские страны потерпели куда более сокрушительное поражение, нежели русские князья. Те, обладая солидными военными силами, умело уклонились от решительных боев с монголами, очевидно соображая, что, чем меньше сражений, тем меньше опустошений, а монголы все равно уйдут и все будет идти по-прежнему. Они были благоразумны и правы» 28;

«Но все-таки неясно, почему на юге стало так плохо? Принято считать, что из-за татар. Так ли это?... Банальные версии имеют ту привлекательность, что они позволяют принять без критики решение, над которым трудно и не хочется думать. Так, бесспорно, что Киевская Русь XII в. была страной очень богатой, с великолепным ремеслом и блестящей архитектурой, а в

XIV в. эта страна запустела настолько, что в XV в. стала заселяться заново выходцами с севера, т. е. из Белоруссии. В промежутке между эпохами расцвета и упадка через эти земли прошла армия Батые значит, она во всем и виновата. Это как будто безупречное решение при подробном изучении стало вызывать сомнения. М. Н. Покровский и Б. Д. Греков весьма обоснованно считали, что упадок Киевской Руси начался во второй половине XII в. Или даже в XI в., когда торговый путь „из варяг в греки“ утратил значение вследствие крестовых походов, открывших легкую дорогу к богатствам Востока. А татарское нашествие **только** способствовало запустению края, начавшемуся 200 лет назад» 29.

Признаться, когда я их читаю, меня не покидает мысль: а как бы читатели (и почитатели) Л. Н. Гумилева (а среди них, как известно, значительную часть составляют весьма патриотически настроенные граждане: недаром в конце жизни Л. Н. Гумилев довольно близко сошелся с питерским журналистом А. Невзоровым, известным своими радикально-патриотическими взглядами) отнеслись бы к историческому трактату, в котором с аналогичных позиций оценивались бы события, скажем, Великой Отечественной войны?.. Конечно, над ответом на такой вопрос, пользуясь выражением самого Л. Н. Гумилева, трудно и не хочется думать. Но все-таки?

Перечень подобных примеров, к сожалению, можно продолжить. Дело, однако, не в этом.

Мне вовсе не доставляет удовольствия уличать покойного историка в новых и новых противоречиях и несоответствиях. Речь идет просто о критическом восприятии творческого наследия Л. Н. Гумилева. Видимо, не следует забывать, что всякая теория и всякий метод лишь инструменты познания, имеющие ограниченную сферу применения. При этом, как писал П. Рикр, «представление о ценности того или иного метода не может быть отделено от понимания его границ» 30.

Работы Л. Н. Гумилева уже сыграли свою роль в расшатывании стереотипов, которые мешали свободному развитию исторической науки в нашей стране. Теперь важно, чтобы сами эти труды, вопреки желанию своего автора, не стали новым «прокрустовым ложем», в которое современный профессиональный исследователь или историк-любитель будет втискивать «строптивый» фактический материал, чтобы они не превратились в шаблон, по которому будут выравниваться новые поколения школьников. Для того чтобы этого не случилось, необходимо не так много: надо лишь помнить, что человеку (даже выдающемуся) свойственно ошибаться, а процесс познания – бесконечен.

Литература

1 Мамардашвили М. К. Мысль под запретом: Беседы с А. Эпельбуэн (окончание) // Вопросы философии. 1992. 5. С. 103.

2 Перечислить их все просто невозможно, назову лишь наиболее популярные: Хунны (М., 1960); Открытие Хазарии (М., 1966); Древние тюрки (М., 1967); В поисках вымышленного царства (М., 1970); Хунны в Китае (М., 1974); Этногенез и биосфера Земли (Л., 1989); Древняя Русь и Великая степь (М., 1992); От Руси к России: Очерки этнической истории (М., 1992); Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации (М., 1993); Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи (М., 1994); Сочинения Л. Н. Гумилева в 15 томах (Фонд Мир Гумилева) и др.

3 Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М., 1994. С. 71 (курсив мой. – И. Д.).

4 Гречко П. К. Концептуальные модели истории. М., 1995. С. 48.

5 Гумилев Л. Н. В поисках Вымышленного царства. М., 1992. С. 152.

6 Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 361.

7 Там же. С. 357.

- 8 См.: Пашуто В. Т. Киевская летопись 1238 г. // Исторические записки. М., 1948. 26. С. 298305 (примечание В. Т. Пашуто).
- 9 *Очерки истории СССР: Период феодализма IX–XV вв.: в 2 ч.* М., 1953. Ч. 1: IX–XIII вв. С. 866–867.
- 10 *Плано Карпини Дж. дель.* История монголов. С. 38.
- 11 *Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора* // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981. С. 228.
- 12 Там же. С. 230.
- 13 Втор. 18:9–12.
- 14 4 Цар. 21:5–6.
- 15 Иер. 32:35.
- 16 2 Пар. 33:11.
- 17 *Плано Карпини Дж. дель.* История монголов. С. 36 (соответствующий текст приведен в Лекции 5).
- 18 *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 344.
- 19 Там же. С. 355 (прим. 3).
- 20 Там же. С. 355.
- 21 Подробнее см.: *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 106–107.
- 22 *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 339.
- 23 *Козин С. А.* Сокровенное сказание. С. 188–189 (курсив мой. – *И. Д.*).
- 24 *Юрганов А. Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX в. М., 1991. С. 41–42.
- 25 *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. С. 344.
- 26 Там же. С. 354.
- 27 Там же. С. 344.
- 28 Там же. С. 346.
- 29 Там же. С. 344–345 (выделено мною. – *И. Д.*).
- 30 *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. С. 43.

В. А. Мичурин. Грозит ли нам новое Великое переселение народов? (Пассионарный толчок XVIII в. н. э. и его последствия)

Изучение любых геополитических реалий невозможно без учета силы, движущей историей народов – пассионарности, то есть действенной энергии, толкающей людей и целые народы к активной деятельности.

В статье «Возрождение Ирана в свете теории этногенеза» («Наш современник», 1992, № 8) нами был рассмотрен один (правда, наиболее яркий) пример пассионарного подъема, возникшего в результате толчка XVIII века. Разумеется, описанный нами случай не исключение. Пассионарный толчок XVIII века, как и ранее известные толчки, имеет огромную территориальную протяженность. Мы можем назвать целый ряд регионов от Северной Африки до Японии, где наблюдается процесс активизации и усложнения этнических систем (пассионарный подъем). Более того, просматривается отмеченный для Ирана волнообразный рост пассионарности с промежутком между соседними пиками активности 60–70 лет. Напомним, что для всех описанных ранее пассионарных толчков Л. Н. Гумилев также выявил

волнообразный, «пульсирующий» рост пассионарности.

В рамках региона Ближнего и Среднего Востока иранская революция – только часть мощного процесса роста «исламского фундаментализма». Если вдуматься в сам феномен «фундаментализма», то сущность его составляет равнодушное отношение к положениям и нормам своей религии, в противоположность обывательски-прохладному. Религия перестает быть лишь обыденным ритуалом. «Фундаменталисты» начинают вдумываться в сущность своей религиозной доктрины и стремятся на ее основе изменить свою жизнь и жизнь окружающих, причем в ущерб собственному спокойствию и благосостоянию. Такое поведение типично для пассионариев. Пассионарии – «фундаменталисты», естественно, воспринимают окружающих их непассионарных людей как ленивых, фальшивых мусульман. Те, соответственно, рассматривают «фундаменталистов» как экстремистов, фанатиков, безумцев, мешающих жить нормальным людям. Это типичный пример отношения друг к другу пассионариев и гармоничных (непассионарных) людей. Появление в традиционном, «затхлом» обществе активных проповедников возврата к истокам, создающих свое контробщество, связано с ростом пассионарности. Именно последний случай мы наблюдаем в мусульманском мире.

В подавляющем большинстве мусульманских стран от Марокко до северной Индии созданы неформальные религиозно-политические организации (НРПО), предпринимавшие в ряде случаев попытки прихода к власти (Сирия, Алжир). Обобщенно эти организации называют «братьями – мусульманами». Они образуют контробщество, живущее по своим особым законам и считающее весь окружающий мир (включая правящие режимы своих стран) утонувшим в неверии и грехе. Иран выделился тем, что там контробщество победило, явив изумленному миру картину теократического государства, провозгласившего постулат «ни Западу, ни Востоку, а исламу». Этот лозунг несет в себе чрезвычайно важный для нашей темы смысл: в нем ислам заявлен как идейная доминанта суперэтнуса, противопоставленного другим суперэтнсам («безбожному» капиталистическому западу и коммунистическому на тот момент Востоку, то есть СССР-Евразии). Это огромный шаг вперед по сравнению с исторически недавним состоянием мусульманских стран, когда они были аморфной ареной соперничества держав Запада, России и секуляризованного Турецкого государства. Однако конституирования исламского мира как обновленной суперэтнической целостности еще не произошло. Пока мы видим пеструю мозаику режимов, ни один из которых не обладает необходимым идейным и материальным потенциалом для объединения «мира ислама». Иран был ближе других к этой цели, но его выдвижению на роль центра суперэтнуса помешали две основные причины:

1. Иран – шиитское государство в преимущественно суннитском окружении;

2. Имела место широкомасштабная и скоординированная США политика, направленная на блокирование влияния Ирана в регионе. Интересно, что санкционировав с этой целью перевооружение Ирака, запад потом был вынужден кинуть объединенные силы «мирового сообщества», чтобы погасить одну вылазку Саддама Хусейна. Этот факт тоже характеризует общий рост пассионарности в рассматриваемом регионе, который некогда мог быть усмирен одной английской канонеркой.

С этнологических позиций «мир ислама» может быть поделен на зоны, различающиеся в фазовом отношении:

- а) Иран – пока единственная страна, этническая система которой в корне преобразована пассионарным толчком.

- б) Арабские страны, северная Индия, Афганистан, Таджикистан, Чечня – регионы, где различные консорции и субэтноты, сформировавшиеся в результате толчка XVIII века, борются как со старой, «дотолчковой» традицией, так и между собой.

в) Совершенно отдельно должна рассматриваться Турция. Этнос турок-османов возник в результате пассионарного толчка XIII века и является в силу этого «ровесником» русских. В настоящее время Турция вышла из фазы надлома (связанной с крушением Османской империи и движением младотурок) и перешла в весьма стабильную инерционную фазу. Естественно, туркам чужды идеалы исламских экстремистов, типичные для фазы подъема.

г) Мусульманские районы СНГ. Здесь этногенетическая картина чрезвычайно сложна. Так, мусульманские этносы России (например, поволжские татары) входят в состав Евразийского (Российского) суперэтноса и в фазовом отношении наиболее близки к инерционной фазе, в которую этот суперэтнос должен перейти. Средняя Азия является грандиозной контактной зоной, ориентированной в основном на Евразийский суперэтнос. Она включает в себя части древне-мусульманского (толчок VI века) и степного (толчок XI века) суперэтносов, находящиеся на излете периода своего активного существования. Во многих тюркских регионах сильно тяготение к сближению с Турцией, а с юга уже начался дрейф толчковой пассионарности, выразившийся, в частности, в появлении исламского фундаментализма, противостоящего и традиционному исламу, и светским властям. Особенно это ярко заметно на примере Чечни – кавказского региона, еще в XIX веке ставшего центром роста пассионарности.

д) Глобальная «периферия» исламского мира, в которую входят такие регионы, как мусульманская часть Черной Африки, Юго-Восточной Азии. Эти районы непосредственно не были охвачены пассионарным толчком, но дрейф пассионарности в этом направлении происходит (особенно это заметно в Юго-Восточной Азии).

Подводя итоги краткого рассмотрения картины современного этногенеза в исламском мире, укажем еще раз на этапы роста пассионарности в результате пассионарного толчка XVII века, затронувшего ряд населенных мусульманами регионов:

1) Первичный этап формирования и экспансии консорций пассионариев после окончания инкубационного периода начался в XVIII веке и продолжался до конца XIX века. Бросается в глаза типичная для начала фазы подъема чуждость людей нового склада традиционному укладу жизни и воззрениям большинства населения, а также мистицизм, нетерпимость этих людей. К первому этапу, очевидно, относятся следующие религиозно-политические движения: ваххабизм (своего рода «исламский протестантизм», возникший в Неджде на Аравийском полуострове), валиуллахи в северной Индии (деятельность Сайида Ахмада Барелви в 1820-х гг., войны с сикхами и англичанами), движение бабидов в Иране (бабидская революция 1848 г.), сенуситов (возникло синхронно с бабидами на Аравийском полуострове, распространилось в северной Африке), махдистов в Судане (его начало относится к 1871 г., движение было подавлено англичанами за счет огромного превосходства в стрелковом оружии). Еще раз подчеркнем, что все упомянутые движения роднит не общность идеологии, а жертвенно-экзальтированный, реформаторский настрой.

2) Второй этап начался на рубеже XIX и XX вв. И характеризуется созданием мощных и разветвленных консорций, перерастающих в субэтносы и борющихся за власть и полное переустройство общества на основе своих принципов. Помимо исламского фундаментализма и панисламизма появился также арабский национализм и движения левого, социалистического толка. Не будем подробно останавливаться на истории этих движений, преобразивших поле второй мировой войны весь рассматриваемый суперэтнос. Однако создание в 1828 г. Хасаномаль-Банной в Египте организации «Братьев-мусульман», имеет, на наш взгляд, особое значение. «Братья-мусульмане» и подобные ей весьма многочисленные НРПО составляют к настоящему времени своего рода контробщество, не признающее границ и имеющее особую ментальность и стереотип поведения, ряд неписанных, но достаточно жестких правил,

выполнение которых отличает «своих» от «не своих». В рамках «контробщества», образованного фундаменталистами, происходит размывание не только межгосударственных, но и межэтнических перегородок. Об этом говорят, например, такие факты: на стороне моджахедов в Афганистане воевали фундаменталисты из арабских стран, они же объявляются сейчас в Югославии, Чечне и Дагестане, то есть во всех нестабильных точках на стыках суперэтносов.

3) Третий этап наступил в 1979 г. пока только в Иране и характеризуется созданием совершенно новой этносоциальной системы, полным обрывом старой «дотолчковой» секулярномонархической традиции и серьезной заявкой на образование суперэтнического центра с новой, исламско-фундаменталистской ментальностью.

Как мы уже указывали, процессы пассионарного подъема в современном мире наблюдаются не только в мусульманских странах. Столь же разительную эволюцию от затхлости и застоя к активности и динамике совершил менее чем за 200 лет другой громадный регион – Восточная Азия. Вспомним, как воспринимались европейцами Китай, Корея, Япония в XVIII – первой половине XIX века. Эти представления исчерпывались словами: мандарин, пагода, гейша, опиум, рикша. Японское общество было абсолютно замкнуто и традиционно, оно не как не проявляло себя вовне и не стремилось ничего получать извне. Такое состояние стабильного равновесия со средой называется гомеостазом, но гомеостаз – далеко не самое плачевное состояние этнической системы, бывают и похуже. Правление манчжурских императоров в Китае в указанный период рисует нам типичнейшую картину фазы обскурации – финала этногенеза, когда пассионарность падает ниже нулевой отметки и жизнь государства едва теплится. Обычно такие общества становятся жертвами завоевателей, после чего от некогда могучих народов остается, в лучшем случае, только имя.

Состояние глубокой деградации восточных этносов было закономерно, так как энергия древних пассионарных толчков, породивших эти этносы, растратилась. Действительно, японцы обязаны началом данного витка своего этногенеза пассионарному толчку VI века н. э., с момента которого прошло более 1400 лет. Этногенез манчжуров, правивших Китаем, начался в результате толчка XI в., а собственно китайское население имело еще более древний генезис.

Аналогия с ранее рассмотренным нами Ираном является полной: правление в начале XIX века в Персии Фетх-Али-хана и шаха Мухаммеда знаменовалось такими же «успехами», как и деятельность императоров манчжурской династии в Китае, сходным образом вело себя населения двух стран. Перспектива тоже была одна: превращение в полуколонии или колонии европейцев. В плане этногенеза это сходство объясняется одинаковым возрастом рассматриваемых этносов – этнической старостью (обскурацией).

Пассионарный толчок XVIII века, воздействовавший на Китай и Японию (так же как и на Иран), «запустил» в рассматриваемых регионах новый процесс этногенеза, фазу подъема которого мы наблюдаем сейчас. В Китае она началась с создания многочисленных тайных обществ, первым заметным деянием которых был захват в 1813 году императорского дворца в Пекине (обществом «Белой водяной лилии»). Тайные общества (наиболее известна из них «Триада») ставили своей основной целью ниспровержение правящей маньчжурской династии. Первая половина XIX века в Китае отмечена также ростом стихийных бунтов и восстаний (неофициальная историческая хроника «Дунхуа-лу» отмечает с 1841 по 1849 годы 110 таких бунтов), а также появление такого характерного для «толчковой» зоны явления, как «вольницы» людей, выброшенных из традиционного уклада жизни и ищущих удачи и приключений.

Мощным проявлением роста пассионарности в Китае было, конечно, знаменитое восстание тайпинов, приведшее к созданию на короткий период «Государства небесного

спокойствия» с совершенно новым устройством и порядками. Восстание началось в 1850 г. (то есть синхронно с рядом аналогичных событий на Ближнем Востоке). Тайпины были не просто антиправительственным движением, но и религиозной сектой или орденом, почитающим своего руководителя Хун Сюцюаня (1814–1864) как «небесного князя» и «второго сына Бога после Иисуса Христа». Оригинальное вероучение тайпинов содержало в себе элементы христианства и конфуцианства. Бросаются в глаза чисто «толчковые» черты тайпинов: жесточайшая внутренняя иерархия и дисциплина, религиозная нетерпимость, резко отличающийся от окружения стереотип поведения. Поведенчески тайпины явно относились к описанному нами выше типу «фундаменталистов». В 1853 г. тайпины взяли Нанкин и сделали его своей столицей. Их деятельность приобрела всекитайский размах и стала представлять реальную угрозу для правящей династии.

Как это чаще всего бывает при быстром росте пассионарности, мощь государства тайпинов оказалась подорвана не извне, а в результате распрей и раскола среди вождей, каждый из которых стремился занять лидирующее положение. В 1856 г. борьба среди лидеров тайпинов привела к массовому террору, в ходе которого погибли лучшие. А в 1857 г. один из наиболее популярных вождей Ши Дакай откололся от движения и увел своих сторонников в Гуанси. В результате к 1858 г. территория государства тайпинов сократилась вдвое, хотя их победы над императорскими войсками не прекратились.

В 1862 г. в войну против тайпинов вступили англо-французы, а в 1863 г. в военных действиях наступил перелом в пользу императорских войск. В 1864 г. началось генеральное наступление против тайпинов, их положение стало критическим. 1 июня вождь и основатель движения тайпинов Хун Сюцюань покончил с собой, а в июле Нанкин был взят императорской армией. Сопrotивление отрядов тайпинов и няньцзюней, несмотря на жесточайшие репрессии, продолжалось до 1868 г.

Движение тайпинов синхронно и схоже с первым этапом роста пассионарности в мусульманском мире. Так же, как и там, это движение означало конец инкубационного периода фазы подъема, длившегося с середины XVIII до первой половины XIX века. При взгляде на карту мира заметно, что указанные процессы составляют единую, хотя и прерывистую «волну» роста пассионарности от Магриба до восточного Китая. Но ограничилась ли эта «волна» только указанным регионом? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим тенденции этногенеза Японии XIX века.

Как уже подчеркивалось, к началу XIX века японское общество находилось в состоянии полного паралича. Экономика деградировала, в неурожайные годы в деревнях практиковалось детоубийство, сельские районы были охвачены депопуляцией (в целом население Японии, составлявшее в 1726 г. 26,5 млн. чел., сократилось к 1804 г. до 25,5 млн. чел). Правящая верхушка – сёгунат пошла по единственному, с ее точки зрения, пути: переходу от пассивной самоизоляции, в которой находилась Япония, к торговле и сотрудничеству с державами Запада. Согласно заключенным в 1854–1858 гг. с рядом западных держав так называемым «Ансэйским договорам» Япония становилась полувластным государством.

Но тут в действие вступил тот внесоциальный и внеэкономический фактор, который изучает этнология – вдруг появившаяся в Японии XIX в. пассионарность. Первым по-новому себя повел самурай Осиро Хэйхатино (1794–1837), распродавший свое немалое имущество, раздавший деньги населению и поднявший в г. Осака восстание. Целью восстания было свержение сёгуна и восстановление власти императора. Восстание было подавлено, но Хэйхатино был лишь первой ласточкой в возникавшем движении пассионарных самураев. Они собирались в антиправительственные отряды под лозунгом «возрождения власти и величия императора и очищения страны от варваров» (то есть от иностранцев). В 1862 г. начались

активные выступления под руководством самураев не только против сёгуната, но и против «варваров» (то есть Запада и его представителей), с трудом подавленные к 1864 г.

Проявилась в Японии и другая характерная черта начальной фазы подъема – экзальтированный мистицизм. В 1867 г. в г. Нагоя произошло «чудо» – над синтоистским храмом с неба спустились некие амулеты, истолкованные как знамение больших перемен. В Нагую началось массовое паломничество со всей страны, сопровождающееся стихийными массовыми беспорядками. Волнениями было охвачено 2/3 страны.

В 1866 г. к власти пришел последний сегун династии Токугава – Кэйки, а в 1867 г. умер император Комэй и на трон вступил новый малолетний император Муцухито. Оппозиция воспользовалась этими событиями, чтобы предъявить сёгунату ультиматум: передать власть императору. Сегун для виду согласился, но стал готовиться к войне. После поражений армии сегуна в решающих битвах при Фусими и Тоба (близ Киото) сегун бежал в свою главную резиденцию – замок Эдо. Однако в результате решительных действий оппозиции 3 мая 1868 г. сегун без боя сдал замок Эдо и фактически сошел со сцены как политическая фигура. У победившей стороны (самурайской оппозиции) оказалось много врагов: ей не подчинились многие даймё (владельцы князья), а флот сёгуна во главе с его командующим отплыл на о. Хоккайдо, в южной части которого была провозглашена «дворянская республика». Гражданская война охватила 3/4 территории Японии. Закончилась она в мае 1869 г., когда после ожесточенных боев была разгромлена «республика» на Хоккайдо. «Революция Мэйдзи» свершилась.

Японское общество полностью преобразилось и из некоего символа сонного застоя превратилось в весьма динамичную и даже агрессивную систему. Полностью переменялась внутренняя структура общества. В 1872 г. были учреждены три сословия («высшее дворянство», «дворянство»-самурайство и остальное население). Основу кадров аппарата новой власти составило низшее самурайство юго-западных княжеств. В 1872–1873 гг. проводилась аграрная реформа. Серьезные изменения коснулись армии: была введена всеобщая воинская повинность, многое было перенято у европейцев, но идеологическую основу армия имела чисто самурайскую (бусидо). Резительно переменялась внешняя политика Японии. От постепенного пассивного скатывания к положению колонии Запада Япония перешла к все более энергичной внешней экспансии, первыми проявлениями которой были захват островов Рюкю в 1872 г., экспедиция на Тайвань в 1874 г. и конфликт с Кореей в 1876 г.

Рассматриваемый период породил ещё одну важную тенденцию. В современной литературе о Японии стали общим местом сведения об особенностях построения крупных японских корпораций (патернализм, система пожизненного найма), их мощи и динамизма на внешних рынках. В качестве одной из главных причин успеха этих структур справедливо указывается особая психология (стереотип поведения) японского работника – высокая дисциплинированность, добросовестность, «внутрикорпоративный патриотизм». Эти черты связаны с пассионарностью, успехи японской экономики сопряжены с фазой подъема.

Зарождение тенденций, выразившихся позднее в «Японском экономическом чуде», относится к 80-м годам XIX в. Именно тогда в Японии началось быстрое промышленное развитие, передавались в аренду и продавались так называемые «образцовые предприятия». Среди этих предприятий мы сталкиваемся с ныне всемирно известными именами – Мицубиси, Кавасаки, Мицуи. Отметим, что попытки внедрить специфически японские методы организации труда в США и Европе в последние годы не привели к особым достижениям – стереотип поведения людей там совсем иной.

К 1904 г. оказалась готова к войне с Россией, и она эту войну выиграла. Японцы оказались переняли современнейшие по тем временам способы ведения вооруженной борьбы, а боевой

дух их войск оказался достаточно высок, чтобы сражаться с известным своими высокими качествами русским солдатом.

Все изложенные факты позволяют заключить, что к 1867 г. в Японии закончился скрытый (инкубационный) и начался открытый, и весьма интенсивный, пассионарный подъем. Сравнивая события в Японии с ростом пассионарности в XIX в. в мусульманском мире и Китае, можно отметить, что в Японии фаза подъема проявилась даже быстрее и отчетливее. Если к началу XX века мусульманские страны и Китай пришли во главе со старыми, «дотолчковыми» правящими верхушками, падение которых назревало, то Япония к этому моменту совершенно преобразилась. Вероятно, это объясняется тем, что «дотолчковая» традиция в относительно небольшой и изолированной Японии оказалась столь слабой и деградировавшей, что не выдержала уже первой волны подъема пассионарности, в то время как в Китае и в исламском мире старые режимы при прямой или косвенной поддержке Запада смогли задавить этот первый всплеск. Кроме того, после «революции Мэйдзи» в Японии была создана весьма жесткая и эффективная государственная, экономическая и военная система, позволявшая тратить энергию пассионарности не на внутреннюю борьбу, а на конструктивную работу

Сравнительное исследование движений, потрясших в XIX в. огромные территории от Северной Африки до Тихого океана, позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с первой, еще относительно слабой, волной роста пассионарности после пассионарного толчка, произошедшего предположительно в первой половине (ближе к середине) XVIII в. Усредненный пик этой волны приходится на 50–60 годы XIX века.

Движения XX вызрели в недрах обществ, находящихся в состоянии глубокой этнической старости, в финальных фазах этногенеза, начавшегося в VI–XI веках. Силы этих движений не хватило на преодоление инерции старых этносоциальных систем (за исключением Японии). Но в XX веке рассматриваемые движения сменились не новым этапом застоя, а еще более мощным пассионарным подъемом, покончившим со старыми династиями и режимами. Мало кто усомнится в том, что нынешний Китай имеет мало общих черт с маньчжурской империей Цин начала XIX в., а исламская республика Иран – это не Персия времен Фетх-Али-хана. В обоих случаях произошел обрыв старой традиции и зарождение новой. Если попытаться в наиболее сжатой форме выразить сущность этого перелома традиции, то можно сказать, что восточные общества «толчковых регионов» в их контакте с Западной цивилизацией перешли от пассивного отношения «игнорирование – сдача позиций» к активной стратегии «заимствование и творческое использование нужного – отрицание ненужного». В этом и заключается одна из важнейших сторон типичного для фазы подъема перехода от статики к динамике.

Те страны, где фаза подъема к настоящему времени проявлена в значительной мере (Иран, Китай, Япония, отчасти Вьетнам, Корея, Афганистан, ряд арабских стран) уже не только не являются пассивными объектами западного влияния, но, наоборот, демонстрируют ряд форм экспансии в экономической, миграционно-демографической, идейно-политической, религиозной и даже военной сферах. Эта экспансия столь существенна, что создает принципиально новую геополитическую ситуацию с появлением новых ее субъектов, о сдерживании которых должен заботиться Запад, да и Россия тоже. Насколько трудной (и все усложняющейся по ходу времени) будет эта задача, говорит хотя бы тот факт, что каждой из сверхдержав в период после II мировой войны досталось по военной катастрофе в периферийной зоне пассионарного толчка: США получили Вьетнам, а СССР – Афганистан. В обоих случаях мы видим примеры победы законов этногенеза над техникой.

Начало XIX века – 1900 год – был, по иронии судьбы, ознаменован движением, которое было абсолютным антиподом всему тому, что мы можем обозначить как «дух прогресса XX столетия». Это было движение ихэтуаней в Китае, известное на Западе как «боксерское

восстание». Для нас оно интересно в нескольких аспектах. Во-первых, более полного и радикального отрицания всего западного, включая достижения техники, религию, обычаи и т. д. мы нее можем указать за всю историю западной колониально-культурной экспансии. Во-вторых, это отрицание было не пассивным, консервативным, сдающим свои позиции, а предельно наступательным. Западной «внешней» технике противопоставлялась сущностно иная «внутренняя» психофизическая техника преобразования человеческого тела. И, наконец, в-третьих, вождями восстания были вышедшие из народной толпы пассионарии жертвенного типа, узнаваемые персонажи всех начальных фаз этногенеза, идущие безоружными навстречу залпам из современных скорострельных винтовок.

Движение ихэтуаней впервые сложилось в провинции Шаньдун и быстро втянуло в себя большие массы людей, главным образом молодежи (в 1898 г. в ихэтуаньском восстании в Шаньдуне принимало участие примерно 25 тыс. человек, а в 1899 г. – до 40 тыс.) Получив в Шаньдуне в 1900 г. удар от генерала Юань Шикая, командовавшего по-европейски вооруженной карательной экспедицией, ихэтуани не рассеялись, а перенесли свою деятельность на провинцию Чжили. Там их движение стремительно разрослось (примерно до 100 тыс. человек) и поставило под непосредственную угрозу столицу страны – Пекин, где находился императорский двор и посольства западных держав. Правящий двор императрицы Цыси стал лавировать, занимая двойственную позицию, а Запад, оценив серьезность угрозы своим интересам, стал готовиться к интервенции.

Правительственные войска, несмотря на наличие огнестрельного оружия, которого у ихэтуаней не было, отступали под их давлением. В июне 1900 г. ихэтуани вошли в Пекин и Тяньцзинь, а англичане начали вторжение в Китай, послав отряд адмирала Сеймура, оснащенный артиллерией. Циньский двор вынужден был в ответ на открытую агрессию объявить державам Запада войну, но активных действий не предпринимал.

Врач русского представительства в Пекине В. В. Корсаков вспоминает, что среди ихэтуаней встречались «фанатики», которые в состоянии особого экстаза голыми руками ломали мечи, копья, свертывали толстые железные полосы. Из воспоминаний врача становится ясна структура ихэтуаньского движения: «закваска» из пассионариев жертвенного типа и большая масса, поддававшаяся их влиянию (индукции). Это видно по поведению толпы повстанцев, когда по ней давали залп: основная её часть разбегалась, а десяток-другой «фанатиков», переворачиваясь в воздухе, бросались навстречу пулям, стремясь поразить солдат саблями (иногда это им удавалось).

3 августа 1900 г. армия 8 держав (Англии, Франции, России, Германии, Японии, США, Италии и Австро-Венгрии) начали всесторонне подготовленную интервенцию в Китай. В ожесточенных боях у Бэйцана и Янцуня интервенты потеряли до 1300 человек убитыми и ранеными. Однако непрочный союз малобоепособной, хотя и неплохо вооруженной императорской армии и не считающихся с потерями, но по сути безоружных ихэтуаней оказался неспособным противостоять современной армии.

Маньчжуры как этнос полностью растеряли пассионарность и держались исключительно за счет инерции государственной машины и поддержки Запада, заинтересованного в сохранении слабой, но централизованной власти в Китае, обеспечивающей оптимальные условия для экономической экспансии в его пределах. Крах династии Цин обозначился в 1911 году, когда началось так называемое Учанское восстание, приведшее к образованию революционной армии и переросшее в общекитайскую революцию.

«Синьхайская» революция положила конец маньчжурскому господству в Китае и открыла новую эпоху в его истории. С этого момента окончательно становится очевидно, что Китай вышел из того состояния спячки, в котором он находился много веков. Энергия, позволявшая

Китаю некогда быть гегемоном восточной Азии, а не пассивной жертвой различных захватчиков, вновь пробудилась.

В XX веке Китай полностью преобразился, пройдя через горнило революций и гражданских войн (эта тема заслуживает отдельного подробного рассмотрения). Одно мы можем уверенно констатировать: тенденции, превратившие Китай в мощное и динамичное государство, наблюдаемое нами сейчас, зародились в XIX веке, когда впервые проявились ростки будущего подъема пассионарности в этой стране.

Завершая рассмотрение очагов роста пассионарности в XX в., нельзя не сказать еще об одном таком очаге, находящимся как бы «на отшибе», но проявившимся весьма отчетливо. Речь идет о Южной Африке, точнее – о державе зулусов, созданной знаменитым зулусским вождем Чакой. На яркие «симптомы» фазы подъема у зулусов обращал внимание еще сам Л. Н. Гумилев 1. Мы не будем пересказывать здесь все перипетии создания державы зулусов, адресуя читателя к замечательной книге Э. А. Риттера «Зулус Чака» (М., «Наука», 1989), которая может служить своего рода «пособием» по описанию первоначального периода фазы подъема. Достаточно сказать, что «дотолчковая» территория клана Зулу не превышала в диаметре 25 км, а захваченные в 20–30 годы XIX века в результате походов Чаки, Мзи-ликази и других зулусских вождей территории достигали озера Виктория. По подсчетам Риттера, за время правления Чаки земли, подвластные ему, увеличились со 100 до 200 000 квадратных миль, а его войско возросло с 500 до 50 000 воинов. Это произошло с 1816 г., когда Чака возглавил клан Зулу, до 1828 г., когда он был убит, то есть за 12 лет.

За короткий срок Чаке удалось создать исключительно мощную и дисциплинированную армию, применяющую принципиально новую тактику и вооружение (ассегай – копьё с широким лезвием). Она нанесла сокрушительные поражения всем соседним племенам.

В 1879 г. в земли зулусов вторглись британские войска, оснащенные по последнему слову техники. Вооруженные только щитами и ассегаями зулусы оказали им отпор, поразивший европейцев своей эффективностью. На примере зулусов мы в очередной раз видим действие описанного Л. Н. Гумилевым «фактора Икс» – пассионарности, повышающего боеспособность армии настолько, что тем самым сглаживается разница между почти что первобытным и современным уровнем военной техники.

Гипотезу о пассионарном толчке в Южной Африке подтверждает и тот факт, что именно эта часть континента в настоящее время выделяется своей пассионарностью, там протекают бурные этнополитические процессы (гражданские войны в Анголе и Мозамбике, ожесточенные межэтнические конфликты в ЮАР, проявляющиеся в борьбе между АНК и зулусской организацией ИНКАТА). В свете этого перспективы «нерасовой демократии» и благополучного существования белой общины в ЮАР выглядят в долгосрочной перспективе более чем проблематичными.

* * *

Мы попытались раскрыть перед читателем картину тех движений XIX века, которые, по нашему мнению, явились следствием пассионарного толчка. Эти движения развернулись в различных регионах мира, преобразившихся впоследствии в XX веке до неузнаваемости.

Говоря о глобальных тенденциях развития современного мира, можно дать ответ на поставленный в заголовке статьи вопрос: «грозит ли нам новое Великое переселение народов?»

Рассмотренные нами тенденции указывают на то, что обозначаемые этой метафорой изменения планетарной этнополитической ситуации неизбежны. Более того – они уже начались.

К концу XX века «Западный цивилизованный мир» пришел в зените своей технической и экономической мощи, потребляя природные ресурсы всего мира. При этом наблюдается глубочайший упадок культуры и нравов, крайне низкая пассионарность среднего жителя стран Запада, демографическая депопуляция.

С другой стороны, «третий мир» (то есть мир бывших колоний и полуколоний Запада) находится в активном движении. Некоторые из ранее «отсталых» народов превзошли западных учителей в «святой святых» – технике и экономике (Япония, уже перешедшая в «первый мир», Южная Корея, Тайвань), некоторые создали наступательные антизападные идеологии (Иран и исламские фундаменталисты в целом).

Само понятие «третий мир» придумано людьми с западным менталитетом, аналогичным китайскому эпохи Хань или римскому времен империи. Гумилевское мировоззрение с насмешкой отвергает любой моноцентризм такого рода, просто потому, что цивилизации – претенденты на роль центра вселенной появляются и исчезают в историческом времени. На самом деле «третий мир» состоит из множества суперэтносов, находящихся в разных фазах своего роста (или, наоборот, упадка). Для нашей темы интересны недавно зародившиеся цивилизации, вливающие «новое вино в старые мехи» – зона пассионарного толчка XVIII века. Эту зону можно уподобить извержению раскаленной лавы из грандиозной трещины в поверхности Земли. В большинстве регионов, затронутых пассионарным толчком, лава еще не прорвалась на поверхность, она еще прикрыта толстым слоем грунта, хотя жар уже чувствуется. Но уже есть прорывы, болезненно обжигают другие цивилизации, стремящиеся в силу своего немалого возраста к покою и стабильности.

«Великое переселение народов» было, прежде всего, крахом менталитета моноцентрической античной цивилизации. Дряхлая античность проиграла в силовом противоборстве «варварам», а в идейном – христианам. Новое великое переселение народов будет также отмечено постепенной эрозией и, впоследствии, крахом некогда незыблемых «общечеловеческих» ценностей. Надеемся, что современный мир все же сможет справиться с проблемой международного терроризма. Однако в долгосрочной перспективе сдержать процессы, порожденные пассионарным толчком нельзя.

Говорят, что история ничему не учит. Это верно, если воспринимать её как калейдоскоп фактов, событий и дат. Но если использовать теорию Льва Николаевича Гумилева, увидевшего в истории четкие закономерности подъемов и упадков народов и цивилизаций, то из нее можно извлекать очень полезные уроки, видеть не только поверхностные, но и сущностные аналогии между различными эпохами.

Литература

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989, с. 356.

Д. М. Балашов. Слово об учителе

Сейчас, пожалуй, уже не надобно защищать теорию Гумилева. Интерес к его книгам растет день ото дня, о чем красноречиво свидетельствует их безусловный (в том числе и рыночный!) успех у читателя.

Не стоит и пересказывать то, о чем талантливее всего говорит сам автор.

Я думаю, что и к той мысли, что теория Л. Н. Гумилева выводит наконец европейскую историческую науку из того тупика, в который она загнала сама себя, пытаюсь летопись

страстей и бед, озарений и славы человеческих изъяснить убого безличными экономическими законами или «классовой борьбой», а то и никак не объяснять, погружаясь в дебри позитивизма, – и к этой мысли вдумчивый читатель придет самостоятельно.

Я же здесь хочу еще раз повторить несколько слов, несколько замечаний о Гумилеве-человеке, таком, каким я знал его при жизни, знал и любил настолько, что смерть его 15 июня 1992 года потрясла меня, как глубоко личная трагедия. Хотя то, чего я молча опасался более всего в продолжение последних лет, к великому счастью, миновало «Лэ-Нэ» – так, полушутя, он называл сам себя. А именно: Льву Николаевичу удалось узреть свои работы напечатанными, удалось увидеть и ясно обозначившийся уже – после тяжелых лет травли, «недоумений» и непризнаний – подлинный интерес, творческий интерес, с желанием понять и усвоить, к своим трудам, к своей теории, призванной обессмертить его имя.

И все-таки... Где-то хоть раз в полгода побывать у него, посидеть рядом, пользуясь радушным гостеприимством его верной спутницы, Натальи Викторовны, услышать хоть несколько слов, всегда корневых, главных, иногда ошарашивающих, вроде того, давнего, брошенного вскользь и походя и так полно выявившего всю горькую правду только теперь, утверждения, что демократия – самая дорогая (точнее, даже самая разорительная!) для народа форма правления. Да просто... просто прикоснуться, почувствовать себя вновь бесконечно малым и бесконечно невежественным и в этом умалении найти просветленное успокоение себе, как будто на миг сбросивши с себя тяжкую, непереносимую ношу взрослых лет и обязанностей. Стать вновь учеником, дитятею, почуять над собою «набольшего» и, по словам Марины Цветаевой, «вздрагивая, затихнуть, как в детстве, когда простят». И кто заменит его теперь? И к кому теперь? С недоумениями, с усталостью, с отчаянием, с невыплаканными слезами, чтобы так же вот, иногда ничего не сказав, молча выпив по чарке водки, которая в доме Гумилевых пилась вкуснее всего, совсем не так, как на наших нелепых мужских вечеринках, да и с результатом совершенно иным, и помолчавши рядом, набраться новых сил для того трудного и трудового подвига, имя которому – жизнь.

Да, жизнь прежде всего – обязанности и труд. И даже романтику жизни, чтобы получилась, необходимо «организовывать», ибо неорганизованная романтика встречается только в романах. Причем в плохих. Но, Господи! Сколь тяжело это осознавать порою!

Познакомился я со Львом Николаевичем так, как, пожалуй, не знакомился ни с кем до того, ибо не мастер нарочитых знакомств и без дела, любопытства ради, не могу и поднесь подойти к заинтересовавшему меня человеку.

Началось со статьи в «Природе», очень взволновавшей меня, хоть и был в ней оттенок той, с легкой руки Ницше модной в начале века теории сверхличностей, был, но позже исчез вовсе. А быть может, и то мне показалось только, как кажется обычно при встрече с принципиально новым: что оно-де есть повтор того-то и того-то... Трудно признать принципиальную новизну, трудно при встрече с выдающимся умом признать его оригинальность, непохожесть на все предыдущее. Да ведь про нас, по сути, и произнес Чехов эти горько-язвительные слова: «Человек, с которым я пью чай, не может быть гением». Вспомним и того мужика, что пришел поглядеть на Сергея Радонежского и отказался поверить, что старик в рубище, копавшийся в монастырском огороде, – это и есть прославленный подвижник! Хотелось ему узреть непременно величие: блеск одежд и толпу прислужников у ворот...

Работою своей, впрочем, я был подготовлен к приятию гумилевской теории. Я фольклорист, а в отличие от литературоведов, изучающих «явления» (редко кто из них, как Бахтин, подымается до осознания «процесса»), фольклористу приходится поневоле иметь дело с процессом, со множественностью, и тут как не задуматься, в самом деле, о причинах развития и изменения художественных форм и стилей, да и всей духовной культуры человечества, как не

сделать еще один шаг... Но вот тут-то, для шага этого, и нужна гениальность, проявленная, скажем, Менделеевым и не проявленная тьмою прочих химиков, имевших перед собою ту же сумму явлений, что и он.

Я слышал, и от неглупого человека, – говорилось, впрочем, слегка отводя глаза, и говорилось, когда Лев Николаевич был еще в «крутой» опале, – мол, я сам задумывался о том же, это, по сути, не ново (тут следовал набор ученых имен) и так далее. Бог им судья!

Я же пошел в Публичку (дело было в Питере) и выписал по каталогу все имевшиеся труды Гумилева и все их прочел. И «Хунну», и «Открытие Хазарии», и «Поиски вымышленного царства», и какие-то статьи – словом, все, указанное в каталоге.

Кстати, людям, надумавшим когда-нибудь знакомиться с ученым, писателем ли, рекомендую настоятельно тот же метод. Очень оскорбительно (сам это испытал), когда к тебе лезут с дежурною лестью относительно «ваших замечательных произведений», не читавши из них ни одного.

Прочтя, пошел искать самого Льва. Это не фамильярность. Он и был львом: оппоненты не дерзали являться на открытые диспуты с Гумилевым, подсовывая каких-то недоумков, ибо выглядеть и смешным и глупым, да еще и невежественным, никому из них не хотелось. И тут началось что-то странное. Меня встречали с опаскою, с какими-то многозначительными умолчаниями, цедили: «Да... работал тут некоторое время... А зачем он вам?» Может быть, и не следовало искать его следы в учреждениях, где Гумилева за что-то едва терпели, но эта «лестница» остепененных чиновников очень и очень запомнилась мне.

Не помню уже, где и как я узнал наконец его адрес. И жил Гумилев тогда еще на новостроечной окраине Ленинграда, в «типовом» доме, еще не перебравшись в центр. Но и в центре у него до последних лет жизни была лишь комната в коммуналке, с довольно «сложными» соседями, но хоть старая петербургская комната с высоким потолком, украшенной лепниной, и окнами во двор, а не на шумную улицу.

Встретил меня Лев Николаевич ежом, достаточно ожегшись о провокационные и просто хамские знакомства, «мечь врагов и клевету друзей» и прочие прелести нашего коллективного бытия, особенно трогательные для него после четырнадцати лет лагерей. Кажется, я был в обычной своей косоворотке и сапогах и – Наталья Викторовна призналась мне недавно – был принят ими не то за актера, не то за ряженого. Однако знакомство состоялось. А на подозрительность Льва Николаевича, иногда вскипавшую обвинениями в мой адрес, я раз и навсегда запретил обижаться себе, памятуя разницу возраста, учености и те самые лагерные четырнадцать лет, отсиженные им в три приема – до и после войны.

Каюсь, я тоже тогда частично принадлежал еще к племени тех, для кого пить чай с человеком значило не видеть в нем гения. Казалось странновато порою, что этот мало кому известный ученый говорит о Лихачеве как о равном себе. Смутно уже помню первые доклады Льва Николаевича, на которых довелось побывать, доклады и тогда упоительные, с этою дворянскою картавостью речи, с отступлениями, которые, заводя поначалу Бог знает в какие дали, вдруг волшебным образом выстраивались в стальную цепь доказательной аргументации, с этой его лукавою улыбкою, когда он, напоминая прошлое, произносил: «Когда я был на великих стройках коммунизма», с восхитительными прыжками мысли через две ступени на третью, разом опрокидывавшими башни наукообразных стереотипов... И с тем освобождающим чувством причастности к векам и тысячелетиям человеческой культуры, какое неизменно появлялось всегда после его лекций, в которых воскресали люди, жившие в безмерных даях времен и пространств, а летопись бед и страстей человеческих начинала приобретать смысл и стройность, неведомые доселе.

Не сразу принимались и выучивались новые термины, введенные Гумилевым в науку,

дабы освободиться от принятого тогда и по-советски сурово законсервированного набора определений: народность, народ, нация (и за каждым словом сталинское, не подлежащее пересмотру истолкование). А тут – греческое «этнос», собственно народ, но уже без марксистской социальной периодизации! Кстати, и марксизм Лев Николаевич знал отлично, лучше своих оппонентов. Внове был и термин «пассионарность» (страстность). Мы знали Пассионарию Долорес Ибаррури и знали страсть как любовное влечение полов, но как-то не принято было думать о страстности Амундсена, рвущегося к полюсу, страстности Сент-Экзюпери, страстности Александра Македонского и Ганнибала, викингов и конкистадоров... И совсем уж внове было принимать тезис о том, что именно вот эта самая страстность, стремление к иному, большему или новому, способность совершать сверхусилия, ненадобные в монотонном течении обычной жизни, и есть та двигательная сила, которая создает человеческую историю.

Рискну здесь высказать мысль, быть может и спорную, что замысел теории или хоть толчок к замыслу родился у Льва Николаевича под воздействием стихов горячо и заочно любимого отца, расстрелянного по прямому приказу одного из наших «вождей» еще в те годы, когда мартиролог намеренно уничтожаемых русских талантов только начинался. Стихотворение это, «Родос», хочу привести здесь целиком:

На полях опаленных Родоса
Камни стен и в цвету тополя
Видит зоркое сердце матроса
В тихий вечер с кормы корабля.
Там был рыцарский орден: соборы,
Цитадель, бастионы, мосты,
И на людях простые уборы,
Но на них золотые кресты.
Не стремиться ни к славе, ни к счастью.
Все равны перед взором Отца,
И не дать покорить самовластью
Посвященные небу сердца!
Но в долинах старинных поместий,
Посреди кипарисов и роз,
Говорить о Небесной Невесте,
Охраняющей нежный Родос!
Наше бремя – тяжелое бремя:
Труд зловеший дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас – только наши гроба.
Нам брести в смертоносных равнинах,
Чтоб узнать, где родилась река,
На тяжелых и гулких машинах
Грозовые пронзять облака¹.
В каждом взгляде тоска без просвета,
В каждом вздохе томительный крик,—
Высыхать в глубине кабинета
Перед пыльными грудями книг.
Мы идем сквозь туманные годы,

Смутно чувствуя веянье роз,
У веков, у пространств, у природы
Отвоевывать древний Родос.
Но, быть может, подумают внуки,
Как орлята, тоскуя в гнезде:
«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие – где?»

Может быть, я и не прав, но некий замысел, некое родство с теорией пассионарности как двигательной энергии человека здесь уже намечено.

Сама же теория, по словам Льва Николаевича, родилась у него в пересыльной тюрьме, в «Крестах», когда он сидел в пыльной камере, томясь от обывательской толковни сокамерников и следуя за лучом солнца, проникшим сквозь прутья зарешеченного окна. Ну и, конечно, стояла у колыбели нового истолкования человеческой цивилизации глыбистая фигура Вернадского, другого русского гения, капризно пощаженого Сталиным, с его учением о биосферной и, частично, рукотворной оболочке Земли, о громадных зарядах энергии, заключенных в биомассе живого вещества Вселенной.

Что еще помогло Льву Николаевичу? Пожалуй, избранная им сфера истории. У степняков не было связного летописания, и, чтобы добраться до истории степных народов, надо было сперва изучить историю всех сопредельных стран, а кто же не сопределен великому евразийскому степному пути сквозь весь континент от Тихого до Атлантического океана? Короче, требовалось изучить и понять всю историю человечества, а тут уж сам Бог велел открыть, познать и систематизировать странную картину похожестей – и по форме выявления своего, и по срокам – в событиях истории самых разных народов Земли.

Повторю, я, как фольклорист, интересовавшийся к тому же развитием всех видов художественной культуры, чуял, понимал, что некоторое единство помимо простого перечня в истории духовной культуры, как и в истории человечества, должно быть. Но не буду, даже отводя глаза, бормотать, что и сам бы пришел к разгадке. Не пришел бы, зане не гений есмь. И потому концепция Гумилева прямо и сразу покорила меня возможностью построить наконец на канве пассионарных взрывов и спадов историю культуры, где был не только перечень событий, но и объяснение: почему является то-то и то-то и не является другое и третье. Построить теорию, которая в идеале годилась бы даже и для предсказаний, хотя бы возможностного характера. Поэтому, верно, и знакомство наше не прервалось, а продолжилось, причем Лев Николаевич давал читать мне свои работы, требуя критики. Но какие критические замечания мог я ему дать, воспринимая все написанное им так, как усердный ученик воспринимает произведения любимого профессора! А когда Лев Николаевич взял на себя труд читать мои романы и давать мне советы и консультации бесценного свойства – и не только по истории степных народов, разумеется, но и по философии, богословию, да и просто литературно-критические, заставляя переделывать целые главы, – то и получилось, что я стал постоянным гостем Льва Николаевича, получая от него безмерно больше того, что мог дать ему сам, почему и число себя теперь среди учеников Л. Н. Гумилева.

Шли годы. Настороженность Гумилева ко мне постепенно проходила. Постепенно он все более раскрывался в своем обычном, домашнем облике, с этим своим соленым лагерным юмором, который в его устах приобретал странно аристократический оттенок, со вспышками гнева и яростного веселья, с блеском глаз и потиранием рук, и тогда въяве виделось, что в этой стареющей плоти заключен вечно молодой и потому вечно творческий дух.

Он уже тогда был толст. Худым, со втянутыми щеками, юношей, я видел его только на

редких, в том числе и лагерных, фотографиях. Он уже трудно ходил и, нуждаясь в прогулках, завел собаку золотистой масти, Алтына (алтын по-татарски – золотой), которую очень любил и очень долго и упрямо спасал от естественной собачьей старости, пока пес сам не стал уже проситься умереть. В лице его уже в то время было что-то восточное, татарское. Ликом в старости Лев Николаевич, боготворивший отца, все более походил на мать, Анну Андреевну Ахматову.

Не стану тут вдаваться в непростую сложность семейных отношений великой Анны Ахматовой с ее еще более великим сыном. Порою, как кажется, она ревновала сына к отцу, и сыну доставалась порция обид, предназначенных ушедшему в могилу Николаю Гумилеву. Порою и сын озадачивал мать. Живо представляю царственно откинувшуюся в креслах патрицианскую фигуру Анны Андреевны среди гостей и почитателей, произносящую один из своих афоризмов, к примеру: «Меня занимает претворение французских слов в русской поэтической речи, например „аромат“». И тут Левушка подает свой голос: «Но, мама, ведь это совсем не французский! „Арома“ – персидское слово и означает...» – Как действительно вытерпеть такого сына!

Скажем тут, что тысячелетний долг и назначение женщины – жертвенная самоотдача. Отсюда и культ Богоматери. Женщина-творец тем самым как бы приобретает «мужское» назначение в обществе, разнотствующее с ее древним, исконным долгом полного растворения в супруге и детях, в великом долге продолжения рода человеческого.

Любая женщина, раз взявшаяся за «мужское» дело, рано или поздно испытает на себе это противоречие между жертвенностью и выявлением своего «я». Испытала его и Анна Ахматова.

Ну, и то, о чем тяжело говорить нынче, но о чем тем не менее надобно говорить вновь и вновь: тяжкий, изматывающий страх, лежавший над страной, над каждым из нас, лишаящий сил, заставлявший детей отречься от схваченных «органами» родителей, а родителей – чуждаться своих репрессированных детей, заставивший Анну Андреевну включить в «Реквием» эти страшные слова: «Ты сын и ужас мой». Ну и, – перемолчим, вспомнив сказанное задолго до нас: «Не судите, да не судимы будете». Тем, молодым, кому не пришлось вставать под «бурные и несмолкающие аплодисменты», тем всего этого попросту не объяснить. Да и понять не дано. К счастью!

Все-таки они, мать и сын, ревнуя, ссорясь, упрекая один другого, – все-таки они любили друг друга. Да и не могли не любить. «Реквием» написан о нем, как и о миллионах других, разделивших ту же судьбу. Кстати, многие переводы с восточных языков, изданные под именем Анны Ахматовой, выполнял ее сын, ибо к прочим своим талантам Лев Николаевич присоединял и талант поэтический, лишь несколько уступавший, по его собственной оценке, талантам матери и отца. Но и, – полно об этом! Все это личное, все это прошлое. Все это от суеты жизни, неизбежной, но не долженствующей интересоваться нас, когда мы говорим о великом. Не только внешность, но и многие черты характера были во Льве Николаевиче от матери. А от отца...

Лев Николаевич родился в 1912 году и воспитывался в Бежецке бабушкой. Николая Гумилева расстреляли в Петербурге в 1921-м. Отец остался в образе офицера с синими глазами, осененного фигурой Георгия Победоносца на белом коне на картине, украшавшей стену их комнаты-квартиры-кабинета (все в одном помещении и без перегородок) на углу Владимирского и Московской. Русский Георгий, кудерьки иконописных облаков, офицерский околыш, бездонная синева уже за пределами, неживых глаз и стихи – и тогда, и всю жизнь запрещенные, запретные, неведомые большинству россиян новейших. Кстати, посажен Лев Николаевич был исключительно за то, что он был сыном своего отца, расстрелянного советской властью, а значит, виноватого. Как писал Щедрин, «у нас уж такая примета: где порют, там,

значит, бунт».

Посидел, отсидел. Чуть не убили, чуть не уморили голодом, били головой о стену, приговорили к расстрелу, чем спасли от голодной смерти, ибо повезли из лагеря снова судить. Пока везли, был расстрелян прежний, заочно приговоривший его к смерти прокурор. Новый освободил за отсутствием состава преступления. Гумилев успел повоевать солдатом в армии Жукова, которого очень хвалили именно как талантливого стратега-полководца. Успел кончить университет, аспирантуру, получить ученую степень. И был вновь посажен в 1949 году, и вышел уже по общей амнистии после смерти Сталина. (И то не сразу, а в 1956 году!) Обычный, жутковатый советский социалистический бред, размноженный в миллионах экземпляров. Бред изнасилованной страны.

Он оказался одним из немногих не перемолотых этой системой и сохранил природный свой аристократизм тоже полностью. Помню, однажды должен был прийти некто нахальный и принести какую-то посылку, по-видимому мысля с этою передачей влезть в дом и в душу Гумилева.

– Дайте мне, – спокойно сказал Лев Николаевич. – Я это умею. Только не вмешивайтесь! Когда раздался звонок, он подошел к двери, открыл, не повышая голоса, сказал:

– Это поставьте сюда. – И поглядел, только поглядел «обреченными» офицерскими глазами. И нахал испарился, пробормотав какие-то уже ненужные слова оправдания.

Помню еще эпизод, когда начиналась позорная война в Афганистане, а ко Льву пришел некий писатель, по-видимому близкий к правительственным органам (по делу пришел). Завязалась, естественно, беседа о наших принципиальных просчетах в Афганистане, о почти преступной политике руководства и прочем. Лев Николаевич очень толково объяснял, чего ни в коем случае не следовало совершать и с кем и с чем мы имеем дело в этой стране. Писатель же, еще весь в угаре тогдашнего верноподданнического рвения, стал спорить, полуобвинив Льва Николаевича в недостатке патриотизма.

– Вы как будто забыли, – взорвался Лев Николаевич, – что я принадлежу к семье, которая с четырнадцатого столетия обороняла Россию!

Подозрительность, как и прочие лагерные отметки (посидите сами четырнадцать лет!), не вытеснила из души Льва Николаевича этой вот аристократической гордости русского дворянина, род которого, не запятнавши себя ничем, столетиями стоял на защите родной страны.

Кстати, в пограничном конфликте с Китаем на Амуре, когда китайская сторона запросила часть нашей территории, кто-то умный выложил на стол переговоров книги Л. Н. Гумилева, доказав историческую необоснованность китайских претензий. И те, неволею, сняли свои требования.

Наталья Викторовна явилась ему как подарок судьбы. В неустроенной холостяцкой полуголодной жизни явился свет. «Жалость» – великое русское слово, обнимающее разом понятия любви, заботы, чуткости, обслуги и десятки иных значений, – была на склоне лет подарена Льву Николаевичу. Ему исполнилось уже пятьдесят три, поздно было заводить детей. Да и не решился Лев, отдавший всего себя без остатка теории этногенеза, делу жизни, разменивать себя на неведомое всегда личное. Наталья Викторовна взвалила на себя и заботы по дому, и помощь в творческой работе мужа, забросив личные дела и отказавшись полностью от своей судьбы (она неплохой художник, но прекратила работу, посвятив всю себя заботам о Льве). В квартире появился порядок, чистота, ухоженность, прекрасный стол (Наталья Викторовна – мастерица готовить, мы же, с нашим «матерьялизмом», совсем растеряли эти вполне материальные навыки, хотя культура стола – одна из важнейших составляющих всякой национальной культуры и даже национального характера). Явилась хозяйка, способная принять

любого гостя, не уронив чести семьи. Дворянская кровь сказалась и тут. Глядя на таких женщин, как Наталья Викторовна, я начал понимать, почему это победители, оккупировавшие страну в 1917 году, так упорно старались жениться на дворянках, верно слишком остро чуя свою собственную духовную пустоту – способность уничтожать при полном неумении творить.

Можно с уверенностью сказать, что Наталья Викторовна подарила Льву Николаевичу «лишние» десять – пятнадцать лет жизни, в которые он как раз и сумел подготовить, напечатать и тем спасти от уничтожения свои основные труды. И потому, говоря о гумилевской концепции, о ее явлении на свет, необходимо упомянуть и Наталью Викторовну как участника и своеобразного соавтора работ своего великого мужа.

Жизнь редко укладывается в схемы, кем бы ни были начертаны они. Затянувшуюся упорную блокаду изданий работ Гумилева разорвал человек, недавно еще сидевший в «Матросской тишине», – А. И. Лукьянов. Он, оказывается, читал работы Гумилева, они ему нравились, и где-то там, в верхах, он нажал, надавил, заставил... И этого не надо забывать так же, как не следует забывать, что Николай I, к примеру, помог печататься Пушкину и спас от цензурной опалы гоголевского «Ревизора», что никак не укладывается в прокрустово ложе концепций наших марксистских горе-литературоведов. И – кто знает? Быть может, со временем именно этот поступок Лукьянова окажется самым значительным во всей его жизни! Так Юсупов понял, что одно лишь послание «К вельможе» – «от северных оков освобождая мир», – написанное Пушкиным, создает ему славу большую, чем все иное, содеянное и сотворенное им, хоть и был Юсупов вторым, после царя, человеком в государстве, да еще создателем Эрмитажа! А в VI веке нашей эры в далеком Китае некий полководец спас от расправы поэта Ли Бо – величайшего из китайских поэтов – и тем самым обогатил поэзию своей страны и обессмертил свое имя в истории.

Века проходят, и духовное становится все значительнее, а материальное, служебное, карьерное, даже и слава воинских побед, у малывается, ветшает, уступая место тому, что при жизни своих создателей едва ценилось, как необязательная утеха жизни.

Было трудно видеть, год от году, как стареет эта прекрасная супружеская чета, как теряет силы (не духовные! – физические силы) Лев Николаевич, как у него в глазах является порою тот же обреченно умученный и покорный взгляд, что у его верного Алтына накануне смерти.

Жизнь неизбежно и благотельно изменчива, и, более того, без постоянной смены поколений не было бы и жизни самой. И старость, и болезни, и упадок сил – неизбежные спутники увядания. Но так по-детски, вопреки разуму, чаялось, протестовало в душе: пусть иные, но почему такие люди должны умирать! Ибо с выдающимся человеком, даже выявившим себя вполне в книгах, в научных открытиях, в творчестве, все равно умирает столько невысказанного, драгоценно-своеобразного, что каждая такая смерть воспринимается вопреки уму как невозможная, едва ли не катастрофическая потеря.

А еще и такая мысль приходит, точнее, властно вступает в сознание: что и не столько рукотворные, овеществленные произведения духа живого – картины, книги, статуи, законы, научные открытия, сколько сам человек, для образования, для сотворения коего и копится все то лучшее от человечества, что выразилось в зримых плодах духовной культуры, сам человек, создатель и творец всего этого, и есть венец, и есть итог, искомое и высшее достижение Господне, чему все прочее является лишь подпорою и подножием. Но ежели так... Господи! Но и этот Твой умысел и закон ведом и внятен: без смены невозможно развитие, совершенствование человечества, и... прав Ты, Господи, но нам, временным, как удержаться от горя и слез, от надрыва души, когда умирают наши дорогие и близкие!

Да! В чем-то и я виноват перед Львом Николаевичем! Тонуший в суете ежедневных (и необязательных!) забот, я слишком мало сил и времени уделял вечному. Возможно, надо было

бросить литературный труд, с его эфемерными обольщениями читательским успехом и так называемой славой, и вернуться в науку, как бы тяжело это ни показалось экономически, и заняться построением именно того курса истории культуры, о котором я задумывался когда-то, только знакомясь с теорией этногенеза.

Школа Льва Николаевича воспитывает умение мыслить целыми пластами веков и тысячелетий, умение видеть в истории не только цепь событий, в которой предыдущее как бы автоматически считалось причиной последующего, а органический природно-рукотворный процесс, на фоне которого все прежние объяснения оказались ежели не смешны, то нелепы. (Пример географического детерминизма: Москва стала столицей, ибо стояла на скрещении торговых путей, будто бы «торговые пути» – это что-то вполне внечеловеческое, некая данность, существовавшая до человечества. Да не будь тут густого и деятельного населения, не было бы никаких и путей торговых, которые организуются людьми, а не наоборот. Да и шли тут пути поначалу вполне мимо Москвы, по Волге и по Днепру.)

Гумилевский энергетический (волновой, в нарастающих и затухающих ритмах) принцип рассмотрения исторического процесса 2 прежде всего оживил историю, наполнил смыслом усилия и деятельность людей. Стало понятно, почему они в определенные эпохи действуют так-то и по-иному – в другие. Близкое течение «процессов» вновь обратилось в то, чем и было реально на протяжении веков: в страстную, полнокровную, трагическую и величавую жизнь живых, из плоти и крови, людей, и – оставим в покое теории – история приблизилась, стала зримой, живой, переживаемой. Отчего и сама реальная, «своя» жизнь тоже раздвинулась на века и тем самым невиданно обогатилась. Стало ясно, что ничто не проходит бесследно, что прошлое могущественно участвует в событиях сего дня, что давно умершие, давно погибшие люди, с их страстями и бедами, живы, живы в нас, их потомках, как и мы сами нерасторжимо спаяны с ними, уснувшими в земле.

Лишь после смерти Льва Николаевича я прочел его стихи, из которых понял, сколь остро ощущал и сам Гумилев эту связь времен, до того, что как бы и жил в разных временных периодах, прочувствовав в свой краткий срок многие тысячелетия человеческой культуры и судеб.

История

В чужих словах скрываются пространства
Чужих грехов и подвигов чреда.
Измены и глухое постоянство
Упрямых предков, нами никогда
Невиданное. Маятник столетий,
Как сердце, бьется в сердце у меня.
Чужие жизни и чужие смерти
Живут в чужих словах чужого дня.
Они живут, не возвратясь обратно
Туда, где смерть нашла их и взяла,
Хоть в книгах полустерты и невняты
Их гневные, их страшные дела.
Они живут, туманя древней кровью,
Пролившей и истлевшей давно,
Доверчивых потомков изголовья.
Нас всех прядет судьбы веретено

В один узор; но разговор столетий
Звучит, как сердце, в сердце у меня.
Так я, двухсердый, я не встречу смерти,
Живя в чужих словах чужого дня.

Сейчас, когда мне приходится неоднократно говорить и писать о том, что наша великая страна создана не по капризу удачливых завоеваний, а в результате этногеографического единства определенной евразийской территории, что это древний Великий шелковый путь, лишь сдвинутый к северу и снабженный благодаря творческой энергии русского народа Транссибирскою железнодорожной магистралью, что это, при всем своем многообразии, единый ареал, от Западной Европы отделяемый климатическою границей – отрицательной изотермой января, – когда я объясняю, что без морских выходов на Дальнем Востоке (спор о Курилах), Черном море (вопрос о Крыме!) и Балтийском море (клятый прибалтийский вопрос) страна не может существовать и что очерк этого государства был воссоздан уже древними скифами три тысячи лет тому назад, – я особенно остро понимаю, что без Льва Николаевича, без его школы я не смог бы никогда в жизни додуматься до этой мысли при всей ее кажущейся простоте.

Если бы наши политики хоть в какой-то степени понимали историю! Вот с такую же широтой видели ее как процесс, идущий от прошлого к будущему, отдавали себе отчет в том, что прошлое нельзя ни переделать, ни отменить и что, скажем, придя на Кавказ двести лет тому назад, мы теперь являемся заложниками истории, мы уже не можем сделать вид, будто бы этого не было, не имеем права снять с себя долг высшего арбитра в непростых межнациональных конфликтах этой сокровищницы разнообразных народов, рас и культур, отказаться от миротворческой миссии Русского государства (после того, как в нас поверили!), от всего того, чем так незадумчиво жертвуют наши нынешние политики, ведущие страну к гибели... Если бы понимали! Но недаром сказано: коли хочет Господь наказать, то прежде всего отнимает разум.

А между тем во всякой национальной политике надобно отдавать себе отчет: с чем мы имеем дело? На какой стадии этнического развития находится данный народ? Пассионарного подъема? (Тогда отойди и не мешай!) Перегрева? В акматической фазе? Надломе? «Золотой осени»? Обскурации? Или уже перешел в реликт? Любой из этих ответов требует своего, особого подхода к данному народу, да при этом надо еще учитывать и всю прошлую историю нации, уровень и характер культуры, особенно религии, характер суперэтнических связей данного народа, да мало ли что! И только тогда и возможно не «наломать дров» в этом непростом процессе межнациональных общений.

Искусство расцветает скорее на спаде пассионарной энергии. Именно в эту пору те, кто прежде брался за оружие, дабы совершить подвиг, берут в руки кисть или перо, дабы описывать их. На протяжении кривой этногенеза меняется, приобретая тот или иной вид, этический идеал, а с ним вся духовная и художественная культура нации. У Льва Николаевича об этом только сказано. Надобно было бы проделать огромную работу, дабы выяснить, каково действительно движение культуры в ритмах этногенеза? А поскольку культура (как те же художественные стили, та же готика, например) развивается в рамках суперэтнических структур: западноевропейского католического мира, мира православной Византии с ее славянскою ойкуменой, ближневосточного мира и т. д., то понятно, какую грандиозную работу следовало бы проделать, дабы уложить историю культуры на сетку этногенетической теории пассионарных толчков.

Кстати, представители естественных наук быстрее и с большею симпатией приняли теорию Гумилева, чем гуманитарии-историки, которые вели со Львом Николаевичем

бесконечные споры на марксистском уровне, а то и на уровне самого примитивного непонимания, подчас по принципу: «Я, конечно, не читал, но скажу!»

Уже сейчас странно вспоминать тот ажиотаж, который вызвала хлесткая, но, увы, поверхностная книга Чивилихина «Память», на которую Лев Николаевич был вынужден отвечать. Подобные явления обладают кратким сроком популярности. Труднее, но зато и безмерно прочнее постигается высокое. Только с такой точки зрения, пожалуй, можно говорить о непризнании гения современниками. Непризнание толпою? Да! Толпе тем паче нужны не доказательства, всегда трудные для понимания, а лозунги. Ламы в Монголии носят желтые накидки, похожие на римскую тогу, и буддизм там называется «желтая вера». Понятно для любого арата, не искушенного в сложном тибетском богословии и подчас вместо формулы «Ом, мани падме хум» попросту ударяющего рукою по вертящемуся барабану с начертанными на нем текстами молитв... И, однако, в бой пойдет и будет умирать этот степной пастух, ежели так придет, именно за «желтую веру», как православный за православие, хотя бы и знал только «Отче наш» да «Богородицу». Понимают философские глубины и могут изъяснить сокровенную суть всегда немногие. Аристократия духа. И счастлив народ, в коем понятия наследственной аристократии и аристократии духа хоть как-то совпадают друг с другом. Приведу тут заключительные строфы маленькой поэмы Л. Н. Гумилева «Похищение Бортэ» (супруги Чингисхана):

Старцы помнят, внуки помнят тоже:
Прежде чем сместился звездный путь,
Равный с равной спал на брачном ложе,
Равный с равным бился грудь о грудь.
С кем теперь равняться, с кем делиться
И каким завидовать годам?
Воют волки и летают птицы
По холодным, мертвым городам.

Лев Николаевич совмещал в себе оба значения понятия «аристократизм» так же, как и Наталья Викторовна, которая никогда не подчеркивала своего дворянства и даже не упоминала о нем, которая отлично стряпала, справлялась с любой домашней работой, уборкой и стиркой, и при всем том являлась русской аристократкой, русскою барыней в лучшем смысле этого слова. А вот что это такое – русский аристократизм – даже не объяснить, тем паче что, как фольклорист, могу сказать, что аристократизм имеется и в народе, и в крестьянских традициях (особенно на Русском Севере).

Когда-то мы осуждали и даже осмеивали аристократию, теперь начинаем воспевать. Следует сказать, однако, что те, кого мы застали, кто выжил, выстоял в эти страшные десятилетия советской власти, кто не согнулся и не потерял себя, кто, по словам Анны Ахматовой:

..Здесь, в глухом чаду пожара,
Остаток юности губя,
Мы не единого удара
Не отклонили от себя.
И знаем, что в оценке поздней
Оправдан будет каждый час...
Но в мире нет людей бесслезней,

Надменнее и проще нас,–

это не просто лучшие, это люди, ценою горького опыта приобретшие свойства, которых, быть может, и не имели их прямые предки, ибо остаться аристократом в коммунальной квартире – это совсем не то, что быть аристократом во дворце.

Наталья Викторовна осталась аристократкой после всех советских коммуналочек. Лев Николаевич остался русским аристократом после четырнадцати лет сталинских лагерей.

Всякая стройная теория при первом знакомстве с нею обезоруживает. Помню сомнения, явившиеся в обществе вслед за реабилитацией генетики: ежели, мол, все заключено и запрограммировано в генах, то, выходит, и сделать ничего нельзя? Оказалось, именно тут-то, познав саму суть жизненного процесса, и можно на него повлиять. Относительно гумилевской теории этногенеза говорилось то же самое: ежели, мол, этногенез – это природный процесс, со своими сроками, то можно ли что-то сделать? Можно, милые мои соотечественники! Именно понимая истинную суть происходящего, и можно влиять на события! Никакую болезнь не вылечить, пока не будет поставлен правильный диагноз. Я многократно проверял теорию Льва Николаевича по явлениям литературы, новой и древней, по событиям истории.

Замечу тут, что собственно великолепный русский реализм расцвел как раз в пору начавшегося надлома и тот характер русского человека, который мы привыкли считать нашим национальным характером – с рефлексией, неряшливостью, «порывами» и приступами отчаянья, есть характер русского человека эпохи надлома, но отнюдь не тот, который был в прежние века, когда зазора между замыслом и свершением почти не было, когда русский человек был собран, деятелен и деловит, а главное, в высокой степени коллективен, весь на миру и заодно с миром. Было, было время на Руси, и не так уж давно, когда дети не отрекались от родителей, когда родичи и друзья помогали друг другу, когда тот же деревенский мир и кормил сирот, и поддерживал вдов, и строил «помочью» избы друг другу, а когда надо, так же сообща, хором, брался за оружие, вставая на защиту себя и страны, когда, скажем, боярин выводил за собою на ратное поле толпы послужильцев, родичей, кметей и военных холопов, готовых отдать жизнь за господина своего... Было! И кабы не надлом, не получились бы, не прошли позорные годы пыток, лагерей, доносов и всеобщего жалкого страха...

И ведь что удивительно! Отрицая, борясь с гумилевской теорией, доказывая, что она якобы оставляет человека беззащитным перед ходом исторического процесса, его оппоненты цеплялись за марксизм, который как раз и не оставляет человеку никакого права на активное участие в жизни, ибо, видите ли, все запрограммировано заранее безликими экономическими отношениями. Нет, дорогие! Историю все-таки делают люди! Не все и не всегда можно сделать, и надобно знать, что можно и чего нельзя, чтобы не соваться в тот же Афганистан, не лезть в Африку в пору, когда у каждого на уме дом с садом и огородом и, значит, наступило время устройства жизни, время золотой осени. (Осень не только пора увядания, но и пора сбора урожая, сбора плодов!) Надо знать, что только пассионарный подъем – пора неоглядных подвигов и завоеваний, пора национального творчества и создания самого этноса; что в пору «перегрева» начинается борьба пассионариев друг с другом, и тут необходимо стараться не допустить самоубийственной резни, но сил в нации еще очень и очень много, что в акматической фазе происходит государственное творчество, и все силы надо направить именно сюда, к лучшему устройству власти; что когда наступает надлом, надобно изо всех сил беречь таких людей, как Столыпин, и надо спасать традиции. (Да и вообще постоянная роль и назначение интеллигенции – сохранение национальных традиций, устоев, обычаев старины. Наша же интеллигенция эпохи надлома изо всех сил раскачивала корабль русской государственности, «жгла все, чему поклонялась» и была наказана за свой грех почти полным

уничтожением как раз теми силами, которые выпустила, как джина из бутылки.) Надо знать, наконец, что «золотая осень» – время устроения, но отнюдь не военных амбиций, и роль России в эту пору должна быть духовной, учительной, религиозной и миротворческой, и именно сюда надобно направлять усилия культурной части нации. Даже в обскурации, когда, казалось бы, конец всему, есть место для творческой деятельности, ибо интеллигенция способна спасти национальные святыни, дабы передать их по эстафете иным, молодым этносам, как спасли некогда византийские исихасты традиции освященного православия, передав их молодой Руси, как та же русская духовная интеллигенция XII столетия спасала и передавала культуру гибнущей Киевской Руси – Руси Московской... Но будет ли у нас золотая осень? Заработали ли мы ее? Или, истребивши наших крестьян, приблизили конечную ступень распада – обскурацию?

Как-то узкой компанией собравшихся у него учеников мы пристали ко Льву Николаевичу:

– Лев Николаевич! Вы же все знаете! Что будет теперь с Россией?

– Поймите! – ответил он. – Будущее нельзя предсказать, ибо еще не свершены поступки, которые его определяют! Да, в самые, казалось бы, безнадежные периоды у людей не отнято данное Господом право на совершение поступков, и предсказать можно лишь возможные варианты грядущего. А воплощение этих вариантов или невоплощение целиком лежит в той красной области свободы воли, которой обладаем все мы с начала возраста мужества и до того часа, когда неизбывное, со старением, падение сил отодвигает нас в ряды бессильных зрителей трагической драмы уже не подвластной нам действительности. В самые последние месяцы, под воздействием болезни ли, а скорее, невеселых наблюдений, Гумилеву, как он говорил сам, становилось неинтересно жить. Власти, принимающие, раз за разом, самые бестолковые из предлагаемых решений, воровство, трусость, развал державы, почти сладострастное стремление унижить самих себя, еще раз наплевать на Россию...

– Боюсь, все это очень похоже на обскурацию! – говорил он порою задумчиво и грустно.

Да, было тяжело! И капризное непонимание предложенной им трактовки русско-ордынских отношений тоже больно ударило по Гумилеву, и шараханье от него литературной братии. Куда как безопасно, в самом деле, выливать свой гнев на события шестивековой давности, обвиняя татар в том, в чем хотелось бы обвинить современных власть имущих... Трусость и злоба – нукудышные советчики в чем бы то ни было, а тем более в понимании истории!

А ведь дань собирали сами русские князья и за Орду держались до поры: спасала от Запада, остановив тогдашний напор фряжско-немецкой католической экспансии на Русь, и религиозного натиска не было на Руси со стороны веротерпимых степняков...

И почему никто не задумался о том, что монголы, пусть бессознательно, открыли русским Сибирь и тем способствовали, всего через два столетия после свержения ига, созданию великой, до Тихого океана, страны? Почему не подумали о том, что всеми этими застарелыми и выдуманной западной наукой злобами не достигается ничего, кроме искусственной конфронтации россиян с тюрками, способствующей развалу нашей великой евразийской державы, чего опять же никак нельзя допускать, ежели мы хотим сохранить Россию и сами остаться в живых!

Как мелки вопросы, которые задавали, по часту, и мне: а верующий ли он? Как будто бы человек такого масштаба и значения мог быть неверующим! И сколь мужественна, спокойна и не «на показ» была убежденная религиозность Гумилева! Сколь осознанным и сколь глубоким было у него знание богословских истин, сколь строго научен даже и сам подход к постижению Божества и той отрицательной нулевой силы уничтожения, «активной пустоты», раздробляющей в пыль и уничтожающей материю, которую мы называем дьяволом! У меня в

руках была (и, увы, исчезла!) воистину драгоценная страница машинописной рукописи, представлявшая собою оригинальный, вполне законченный по сути своей богословский трактат. (Его-то я и использовал в богословском споре будущего Сергия Радонежского со своим старшим братом Стефаном.) И все же – восстановить бы те, драгоценные, строки учителя! И почему я ленился записывать, полагаясь на память, многое из того, что говорилось Львом Николаевичем походя, дома, в частных беседах, все эти драгоценные, как видится теперь, афоризмы гения. Но... «Человек, с которым я пью чай, не может быть гением!» – изрек Чехов, навек заклеив эту нашу российскую (и тоже от эпохи надлома, упадка идущую) небрежность в отношениях с великими. Увы! «Мы ленивы и нелюбопытны» и поднесь!

Впрочем, и это все Лев Николаевич великолепно понимал, не единожды примолвив, что для обывателя главным врагом является зачастую его собственный пассионарий, старающийся его спасти или хоть вытянуть из болота обыденщины. Так, поздние византийцы погубили Иоанна Кантакузина, последнего великого деятеля империи, так-таки не позволив ему воссоздать рушащееся здание былого византийского могущества... Когда приходит такое, тогда – конец всему, и нация исчезает в потоке времен.

И еще есть один воистину страшный исторический закон. Великим нациям не прощают их прошлого величия. Ежели мы, наследники Российской империи, потеряем ее, откажемся сохранять и удерживать это великое многонациональное государство, то погибнем. Все. И довольно скоро. Ибо будем виноваты в развале страны перед всеми народами, некогда в нее входившими, и нам этого, как и обманутых нами надежд, не простят. Нас, изменивших себе самим, никто не захочет даже оставить в живых. И, конечно, не произнеся этого вслух, Лев Николаевич нет-нет да и задумывался: неужели кончено? Неужели величаявая история России приходит к своему бесславному концу?

Я в последние его годы, как говорилось выше, другого боялся: собственной гибели Льва Николаевича. Что будет с его наследием, с неопубликованными книгами? Налетят, растащат, испакостят, будут извращать и приписывать себе жалкие охвостья его мыслей... Но вот вышел из печати, – наконец-то! – «Этногенез», вышла «Древняя Русь и Великая степь». Лев Николаевич, как кажется, в период редакторской подготовки рукописей работал по двадцать четыре часа в сутки. То и дело возникали глупые придирки: не влезают, видите ли, в разрешенный объем какие-то таблицы, сноски, схемы... Господи! Как малы могут быть люди, не способные к широкому видению! Как все эти обидные мелочи стали смешны уже сейчас!.. Вышло «Тысячелетие вокруг Каспия»; вышел, наконец, после дополнительных усилий, и цикл лекций... Книга, появившаяся в печати, – это уже истина, не подлежащая уничтожению, или, по крайней мере, трудноуничтожимая. Всегда где-то останется хоть один экземпляр. И начался наконец медленный поворот общественного мнения в его сторону. На лекции Гумилева стали ломиться теперь те, кто еще недавно пренебрежительно пожимал плечами при упоминании его имени. И он продолжал читать, хотя уже уходили силы, хотя каждое выступление давалось ему со все большим и большим трудом. Читал, впрочем, Лев Николаевич по-прежнему блестяще, читал так, что само это чтение, точнее – рассказ, уже становилось художественным произведением. Читал, естественно, без всяких бумажек и справочников, тут же цитируя тибетских, арабских, китайских или персидских поэтов, давая меткие характеристики деятелям древних веков, вскрывая дипломатические тайны тысячелетней давности, завораживая слушателей не только мыслью, но и формой изложения, не только глубиной, но и юмором, подчас достаточно рискованным, но и тут же смягченным лукавою улыбкою, с которой он произносил что-нибудь вроде: «Когда мы туда приехали, а нас было семеро мужчин среди четырехсот женщин, то женились морганатическим браком». – Далеко не все слушатели знали о лагерном прошлом профессора Гумилева.

И все-таки все еще только начиналось. Двое-трое верных, однако не всегда ладивших друг с другом учеников – это еще не научная школа. После него должен был остаться целый институт, а ему и лекции-то на географическом факультете Ленинградского университета разрешали с трудом, то и дело тщась сплавить его на пенсию. С ним как-то не знали, что делать, в лучших традициях не догадываясь даже, что перед ними человек, предложивший теорию, способную лечь в основу спасения страны. Ибо вместо космополитического бреда о слиянии всех наций в одно неразличимое целое доказал, именно научно доказал, что такое слияние – сущая нелепость, что оно невозможно по существу (а было бы возможным, то состоялось бы уже в верхнем палеолите!), что превращение человечества в один этнос равносильно гибели человечества, что причесывать под одну гребенку, под один стандарт жизни, один этнический стереотип – это значит убивать этнос, что формы взаимовлияний разных культур далеко не просты и зачастую ведут ко взаимному уничтожению, аннигиляции, или к созданию химерных, хищных и нетворческих образований, что этносы, наконец, это необходимая форма существования человечества, хотя они и проходят свой, отмеренный срок жизни. Причем срок, указанный Гумилевым, – 1200–1500 лет (замедление вызвано инерцией культуры и размытостью исходного толчка) – странным образом совпал с данными, полученными совершенно независимо и на другом биологическом материале Вавиловым (тысяча лет требуется для полного выхода генетического рецессивного 3 признака за границы ареала). Собственно, именно потому, что гумилевские сроки и характер процессов очень и очень подтверждаются данными естественных наук, ученые этих направлений и восприняли его теорию раньше чистых гуманитариев.

Замечу, что книги Гумилева попросту интересно читать, хотя и огорошивает масса неведомых нам имен и названий. Кто знает, к примеру, географию Китая, Тибета и Средней Азии? Но все равно читаются его научные труды, как захватывающие романы. Да, ученый-гуманитарий должен быть и писателем тоже! И, кстати, это вот – интересное изложение – было в традициях русской науки, истории и этнографии конца прошлого – начала нынешнего столетия и сменилось тяжелым наукообразным, условно говоря, «немецким» неудобь-читаемым типом изложения только в советское время.

– Я умру в 1991 году, – сказал как-то Лев Николаевич года за четыре до смерти. Книги его еще только собирались выходить.

– Не умирайте, Лев Николаевич! – серьезно попросил я его.

– Почему?

– Потому что, пока книги не вышли, вы должны жить, дабы они вышли без изменений, и после того – дабы не было искушения перевернуть, перетолковать, переиначить написанное вами – вы должны жить еще какое-то время.

– Понимаю, вам некому будет читать свои романы! – ворчливо возразил Гумилев.

– И это тоже! – стараюсь, чтобы не звучало очень уж похоронно, подтвердил я.

– Вы, однако, мне, как я ни прошу, критических замечаний не делаете!

– Я учусь у вас, Лев Николаевич! Я читаю ваши работы, как учебник, и критическим оком взглянуть на них попросту не могу, не тот у меня уровень.

Кстати, Льва Николаевича нет-нет да и упрекали в мелких ошибках (в частности!), принимая подчас за ошибки его манеру, необходимую по самой сути обобщающего исследования, – сглаживать подробности несущественного характера, дабы выявить суть вековых процессов. В каждом из подобных случаев, внимательно посидев над материалом, неизбежно приходишь к выводу, что Лев Николаевич в главном не ошибался никогда, и самое подробное, нос к носу, скрупулезное исследование материала только подтверждает его окончательные выводы. Впрочем, в книге «Поиски вымышленного царства» и сам Гумилев

посвятил целую главу изложению своего исследовательского метода.

Работы выходили. Известность росла. С огромным запозданием, лишь нынче, посмертно, Льву Николаевичу впервые была присуждена премия и памятная медаль. Причем Академией наук Азербайджана. Чествования состоялись в Петербурге. Медаль и премию принимала Наталья Викторовна. Жаль, конечно, что эта награда не застала уже его в живых. Но и то отметим с укором, что первую и пока единственную премию Гумилеву присудили турки, а не мы...

Работы выходили. Уходило здоровье. За год до смерти Лев Николаевич перенес тяжелейший инсульт (предсказание о девяносто первом годе едва не сбылось), после которого вновь учился ходить. Они жили на даче в Комарове, и Лев Николаевич гордился тем, что может уже пройти несколько десятков шагов. В лице его все чаще являлся беззащитный, обреченный взгляд из-под приспущенных век. Он жаловался на потерю памяти: «Вы мне читали? Я полностью забыл!» Но голова у него была по-прежнему ясной, и, лукавая, не признаваясь в том, он замыслил уже новую работу – «Ритмы Евразии», начало которой напечатано сейчас в «Нашем современнике».

Я упрашивал его взяться за «сатаногенез», хотя бы продиктовать схему. Он произнес несколько фраз, оборвал: «Знаете, не надо, я уже боюсь».

Мало кого и чего боялся Лев Николаевич! Были и тундра, и тайга, и смерть, почти смерть от голода в лагере, и степи Монголии, и катастрофа на Каспии... Но в результате изучения им вековых колебаний Каспия выяснилась интереснейшая картина подъема и упадка степных и лесостепных цивилизаций, зависящих от увлажнения, меняющегося по столетиям в результате смещения потоков воздушных масс, несущих влагу с Атлантики. Была составлена таблица на две с половиною тысячи лет, были походя опровергнуты прежние утверждения о том, что кочевники двигались в военные набеги, гонимые засухами. На деле все происходило как раз наоборот. Кочевые народы приобретали активность, в том числе и военную, при избыточном увлажнении степных просторов: множились стада, множились люди, являлась возможность завоевательных походов.

Уровень Каспия зависит от направления циклонов, несущих влагу с Атлантического океана. Ежели влага выпадает в центральной России – Каспий подымается, ежели воздушные потоки идут мимо Кавказа – влага уносится в степи и его уровень падает, ежели, что бывало относительно реже, влажные течения смещаются к северу, открывается возможность для северного земледелия, что напрямую влияло на хозяйственный оборот и даже военно-торговую экспансию Господина Великого Новгорода. Все это было установлено Гумилевым с помощью исследований, не только исторических, «книжных», но и живых, непосредственных. В море Лев Николаевич обнаруживал основания башен, построенных в прежние века, при максимуме сухости, и ныне залитые водой. А я, глядя на эту таблицу вековых колебаний, напечатанную в мало кому известном специализированном издании, думал о безумной и расточительной глупости тех, кто вознамерился поворачивать северные реки, губить природу целой страны, дабы «налить Каспий», сооружая Каналы и плотины, но не подумал заглянуть прежде сюда, посоветоваться с тем же Львом Николаевичем, чтобы понять всю тщету своих усилий чайною ложечкой вычерпывать или наливать вновь целое море.

Да, вот и этому научил нас, его последователей, Лев Николаевич Гумилев! Связывать наши практические дела с историей и географическими условиями, с их изменениями во времени, ибо есть то, что можно менять и иначе, но есть и то, к чему надо попросту применяться, как мы применяемся к температуре кипения воды, а не пытаться переделать природу, которую можно лишь погубить, но не исправить, как кажется многим культуртрегерам европейской выучки о сю пору, хотя ясно, что и леса, и болота, и прихотливые

извивы равнинных рек – все это то, что нельзя менять по прихоти своей...

Помню, на одной из лекций какая-то девица подошла ко Льву Николаевичу со священным ужасом в глазах:

– Но как же прогресс, Лев Николаевич! – почти с отчаяньем воскликнула она.

– Прогресса нет, – возразил он громким театральным шепотом, наклоняясь с трибуны, – а есть прогрессивный паралич! Каюсь, я, с глазу на глаз, как-то тоже задал ему этот клятый вопрос о прогрессе. Лев Николаевич стал объяснять мне, что развитие циклично, что оно имеет не поступательный, но скорее колебательный характер, с постепенным затуханием первичного импульса, что весь наш машинный бум чрезвычайно эфемерен, и тут же объяснил почему.

– Единственное, что я могу сказать, – заключил он, – это то, что средства к жизни достаются человечеству все с большим трудом и требуют все БОЛЬШИХ затрат.

Это было верно, и это, конечно, не было «прогрессом» в нашем обывательском представлении, то есть постоянным совершенствованием и улучшением...

В самом деле! С какими мерками подходить? Но наши бетонные ящики по сравнению с соборами средних веков вовсе не архитектура, а умножение населения в той же Англии в двенадцать раз за четыре столетия отнюдь не произвело двенадцати Шекспиров, скорее – наоборот. И даже сам подъем бытового благоустройства, ежели вспомнить, на какой безумной растратной энергетической основе он держится, – сопровождаясь постоянным ухудшением качества питания и отравлением окружающей среды, – покажется поневоле трагически кратким явлением накануне грядущих катаклизмов и бед. Во всяком случае, увеличивающийся разрыв между цивилизацией, техническим оснащением общества и культурой отдельного индивида, опускающегося порою до пещерного уровня, не предвещает в грядущем ничего доброго и для той же бытовой цивилизации.

Обо всем подобном трудно думать, трудно соглашаться с тем, что крестьянин – пахарь прежних веков – был по духовной культуре своей много выше нынешнего тракториста, хотя, взвесив все то, что сохранил нам тот же фольклор, отвергнуть подобную мысль тоже никак не можно. И, в конце концов, у новых поколений лишь одно преимущество перед уходящими – молодость. Преимущество, которое также уйдет от них в свой неотменимый срок, растянуть или задержать который нельзя ни на минуту.

– Лев Николаевич, а когда «наступает история»? Когда можно говорить, что это уже прошлое, а вот то – еще современность?

– Когда умирает последний живой свидетель времени, – ответил он.

Теперь и сам Лев Николаевич умер. И для него началась история. История узкого кружка учеников. История широкого круга последователей и почитателей. И мы во многом по-новому осмысливаем историю русского народа, которому Лев Николаевич дал ориентиры национального действия. Историю великой евразийской державы, которая должна остаться в целостности в своих интересах и в интересах всего человечества, судьба которого в наши дни, как никогда прежде, зависит от судьбы и целостности России, ибо гибель великой России ввергнет планету в кровавый хаос, окончанием коего будет, вероятнее всего, гибель всего живого и полное уничтожение вида *Homo sapiens*.

Умер он в больнице, после неудачной операции, которую, возможно, и не стоило делать. А сказать честно, он попросту уже слишком устал. Устал от неустойчивости, болезней, и не ему, с его неукротимым темпераментом бойца, было спокойно переносить подступившую дряхлость.

Перед смертью Лев Николаевич успел причаститься и собороваться. На похоронах было многолюдно и очень человечно, невзирая на многолюдство. Старые казаки, в своей старинно-красивой форме, встали у гроба с обнаженными шашками. Александро-Невская лавра выделила место для могилы у церкви, священник сказал глубокие и прочувствованные слова.

– Шапки долой, – звучит сдержанная команда. Головы казаков обнажаются, и только молоденький милиционер, которому, видимо, поручено и тут «надзирать и бдеть», глупо стоит в своей оттопыривающей уши форменной фуражке не в силах понять, осознать, что происходит перед ним, чему он является свидетелем и что ему тоже следовало бы, пусть и нарушая все инструкции, сдернуть в этот миг головной убор.

Соотечественники мои! Изю всех наших потерянных за эти десятилетия обрядов, возможно, лишь похороны еще по-прежнему, хоть и на малый час, объединяют наше больное, распадающееся общество. Кто же зажжет свечу? Где и как вновь станет возникать не злоба, не гнев, но новое содружество россиян, ибо без того не дано нам будет Господом воскреснуть и сохраниться в веках!

Обнажим же головы все – соборно! Гении русской земли – часть нации и ее порождение. Но и нация, родившая гения, должна почуять ответственность свою перед ним. К ней направлены глаголы призывающие, и она должна им достойно отвечать. Иначе голос гения замолкнет, как колокол на погосте, никого не разбудив. Проснемся ли?

В статьях и книгах все чаще звучат упоминания великого имени, все чаще встречаются те, кто и прочли, и поняли, и приняли гумилевские глаголы. Быть может, все это знак отнюдь не медленности, но быстроты распространения его идей? Ибо нас много, и мы разные, и земля наша велика зело! Но давайте пойдем, что цепь исторических событий, выходящая из тьмы прошлых веков к будущему, нерасторжима. Давайте пойдем, что в детской суеде марксистских догм мы замахнулись на вечное, начав обрубить собственные корни. Давайте вновь сплотимся воедино, перестанем уничтожать среду своего обитания, как и друг друга, давайте вспомним, что мы, даже и в бедах, великая страна, великий народ и великое содружество народов. Давайте, прочтя Гумилева, научимся понимать, кто наши друзья по суперэтническому содружеству, а кто нет, и перестанем лезть к врагам, предавая друзей, тех, кто хочет быть вместе с нами, как мы предали осетин, абхазцев, жителей Приднестровья, как мы позорно предали сербов, отшатнувшись от них, – да мало ли! Осознаем зияющую перед нами пропасть, откроем наконец глаза! Пока не поздно! Пока не начнут вымирать, обращаясь в руины, города, пока не затянуло ольхою и ивняком наши пажити, не обмелели реки, пока не замерли окончательно детские голоса в наших селах!

Повторим вновь и опять: у нас есть великая история, у нас есть теперь и теория, оправдывающая, более того, делающая необходимым наше особенное бытие, существование нашей великой державы как гаранта равновесия мировых сил, с гибелью которого и весь мир легко может обрушиться в пропасть небытия, есть наука, есть мощная техника, не уступающая зарубежной, а в чем-то и превосходящая мировые образцы, у нас есть все еще не порушенная до конца наша великая держава, где надобно лишь навести порядок, очистив ее от грабителей и ренегатов. И у нас есть народ, который ждет появления преданных отчизне и безобманных вождей.

Есть всё! Дело теперь за нами.

Примечания

1. Это написано задолго до книг Сент-Экзюпери.

2. Кстати, об энергетической природе человеческой деятельности догадывались еще православные монахи XIV столетия, исихасты, считавшие «энергии» орудиями Божества, с помощью коих Господь творит зримый мир, и что именно энергии, пронизывающие материю, являются основой всего сущего. Положение, считавшееся «реакционным» в советской историографии, хотя и блестяще доказанное новейшей физикой, в частности квантовой

теорией.

3. От ш «отступление» – подавленный (в противоположность основному, доминантному признаку), развивающийся со второго поколения.

М. М. Зильберт. Великий учёный или великий фантазёр?

Что такое этнос?

Существование проблем с определением этноса в произведениях ЛН признавалось не только его противниками, такими как, например, В. И. Козлов и Л. С. Клейн, но и таким горячим сторонником, каким был С. Б. Лавров (**Лев Гумилев: Судьба и идеи**, гл. 13 // Айрис-пресс, 2003). Приведём ещё раз цитату из Введения в трактат **«Этногенез и биосфера Земли»**: *«Ну, а если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия „этнос“, то можно сказать так: этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципами второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической хронологией исторических событий. Если этого достаточно, то можно не читать книгу дальше»*. Вероятно, многие, прочитав такое «чёткое определение» этноса, читать дальше, действительно, не захотели, поскольку представляет оно собой, по сути, бессмысленный набор слов.

В 1970 году журнале «Природа» № № 1–2 были опубликованы статьи Л. Н. Гумилева **«Этногенез и этносфера»** и его основного в то время оппонента Ю. В. Бромлея **«К вопросу о сущности этноса»**. Через год в том же журнале вокруг этих статей разгорелась бурная полемика, увенчавшаяся заключительными репликами ЛН и ЮВ. Некоторые из участников этой дискуссии попытались по-своему сформулировать определение этноса. Проследим за мыслью ученых мужей.

«...Этнос, – писал Ю. В. Бромлей, – в узком смысле слова можно определить как совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры и соответствующим психическим складом, а также сознанием своего единства и эндогамией» (здесь, стр. 666). Предложенная дефиниция содержит четыре определяющих признака. Но как быть, если налицо лишь некоторые или только один из них? Можно ли тогда считать изучаемый объект этносом? Например, для этнических диаспор зачастую характерна культурная ассимиляция, но *«сознание своего единства и эндогамия»* у них при этом могут сохраняться. Поэтому тем более не могу согласиться с мнением М. И. Артамонова, изложенном в его ответной статье, что *«вполне достаточно оставить в этом определении только начало, а именно, что этнос, не в узком, а в любом смысле слова „представляет собой совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры“»* и что *«Ничего другого он в себе не заключает ...»* (здесь, **«Снова „герои“ и „толпа“?»**).

Возражение М. И. Артамонова заставило Ю. В. Бромлея сделать важное уточнение: *«В действительности совокупность людей, обладающая общностью культуры, выступает как единый этнос только в том случае, если её члены в той или иной мере осознают эту общность, считая её выражением общности исторических судеб, в том числе, как правило, общности происхождения (фактической или иллюзорной – это уже особый вопрос). Не случайно этнос существует лишь до тех пор, пока у его членов сохраняется сознание общности»* (здесь, **«Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза»**). Т. о. уже выделено свойство, характерное для абсолютно любого этноса:

общность самосознания. Поскольку представители любого сообщества людей, к примеру, члены политической партии, спортивной команды или просто какого-нибудь клуба по интересам, также обладают общностью самосознания, важно уточнить, что в случае этноса речь идёт о сознании **природного** единства, причём сознание «*общности происхождения*», по-видимому, должно присутствовать обязательно, а не «*как правило*».

В 1985 году в «Известиях Всероссийского географического общества» № 3 появилась статья «**Взгляды на этнографию** или есть ли в советской науке два учения об этносе», подписанная К. П. Ивановым, учеником и ближайшим соратником ЛН. Следует отметить, что, судя по воспоминаниям С. Б. Лаврова (здесь, стр. 680–681), реально она бала написана в соавторстве с учителем, и, вероятно, связанные с ней упрёки должны быть адресованы, главным образом, последнему. Оспаривая идею Ю. В. Бромлея, что «*национальное (этническое) самосознание является важнейшей чертой нации (этноса)*» и что «*именно самосознание... должно в первую очередь рассматриваться в качестве отличительной черты этнической общности*», справедливо усмотрев в этой идее основное его разногласие с Л. Н. Гумилевым по вопросу о сущности этноса, автор ответил: «*Являясь объективной реальностью, данной нам в ощущении, этнос определяет этническое самосознание присущее его членам, а не наоборот. В противном случае приходится предположить одно из двух. Либо этническое самосознание ошибочно (а то и ложно), так как не отражает объективной реальности – этноса – и, следовательно, не поддается проверке. Либо этническое самосознание существует независимо от материального мира, формируя и воспроизводя себя само. Очевидно, что оба этих предположения ошибочны*». Как видим, в качестве аргумента приведён стандартный материалистический штамп в духе того времени.

Л. Н. Гумилев (если не брать в расчёт сформулированное им и процитированное выше «биохимическое» определение) со своей стороны предложил в качестве определяющего свойства этноса «*стереотип поведения*», формируемый, по его мнению, сигнальной наследственностью, описанной М. Е. Лобашевым («*Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как структура, противопоставляющая себя другим таким коллективам*» – **Письмо в редакцию «Вопросов философии»**, здесь, стр. 376). В словаре, составленном В. Ю. Ермолаевым (см. «**Этногенез и биосфера Земли**», Ленинград, 1990, стр. 499), стереотип поведения определён как «*изменяющийся по ходу времени комплекс стандартов поведения членов этнической системы, передаваемый путем сигнальной наследственности*», в словаре, составленном В. А. Мичуриным (см. Л. Н. Гумилев «**Этносфера**», М. 1993, стр. 519) – как «*система поведенческих навыков, передаваемых из поколения в поколение путем сигнальной наследственности, специфичная для каждого этнического коллектива...*». Так можно ли определённый «*комплекс стандартов поведения*» или «*систему поведенческих навыков*» считать универсальным признаком конкретного этноса? К примеру, у английского аристократа XVIII в. было явно больше общего в плане «*стандартов поведения*» или «*поведенческих навыков*» с французским аристократом, нежели с лондонским портовым грузчиком. Тем не менее, этническая принадлежность у него общая именно с последним.

«*Стереотип поведения*», – сказано в упомянутой выше статье, подписанной К. П. Ивановым, – «*достоверно определяется не на индивидуальном, а на групповом или популяционном уровне*». Т. о. признавалось, что он не годится для определения этнической принадлежности индивидуума. А вот этническое самосознание, предложенное в качестве важнейшего критерия Ю. В. Бромлеем (если исходить только из вошедших в сборник его статей), для этого годится. Действительно, что имеет в виду человек, отвечая на вопрос о своей национальности (этнической принадлежности)? Что он обладает такими-то «*стандартами*

поведения » или «поведенческими навыками »? Скорее, всётаки, он заявляет о своей принадлежности к некоей группе людей, объединённых общностью происхождения.

Возражая на статью К. П. Иванова, где также сказано, что «*установлено полное или почти полное сходство во взглядах Л. Н. Гумилева и Ю. В. Бромлея по подавляющему большинству положений*», Я. Машбиц и К. Чистов указали на другое принципиальное, с их точки зрения, разногласие: «*Л. Н. Гумилев рассматривает этнос, прежде всего, в качестве биологической единицы... Ю. В. Бромлей, как и подавляющее число советских обществоведов, в том числе и этнографов, считает этнос социальной общностью людей*» (здесь: **Ещё раз к вопросу о двух концепциях «этноса»**, здесь, стр. 332). Та же линия просматривается и в работах самого Ю. В. Бромлея. Но так ли уж важно указанное разногласие? Ведь грань между биологическим и социальным в человеке чисто условна: если считать биологическим в человеке только то, что обусловлено генетически, остальное – социальным, то этнос – явление социальное, поскольку никакого «гена национальности» не существует. Если же считать социальным только то, что обусловлено осознанным расчётом людей, остальное – биологическим («...то, на что влияют природные условия, не социально», – писал ЛН в статье «**Этногенез – природный процесс**» (здесь, стр. 49)), то этнос – феномен биологический, поскольку этносы создаются спонтанно, а не целенаправленно.

Исходя из вышеизложенного, можно определить этнос как **группу людей, объединённых сознанием общности происхождения** (возможно, иллюзорной). Уточним, что речь идет о столь большой группе людей, что практически невозможно восстановить её полное генеалогическое древо – в противном случае объект исследования является семьёй или родом, а не этносом. Внешнее сходство входящих в этнос людей и сходство их характеров, общность их языка или вероисповедания, могут усиливать этническое самосознание, но не определяют этноса, т. е. являются его факультативными признаками.

«...Хотелось бы... поддержать тезис Л. Н. Гумилева о том, что историческому прошлому человечества неизвестны вечные народы» – писал Ю. В. Бромлей в статье «**По поводу одного „автонекролога“**», назвав это «*явление достаточно очевидным для специалистов*». Тогда напрашивается вопрос: откуда же берутся народы и куда они исчезают? На него и попытался ответить своей теорией Л. Н. Гумилев.

Пассионарность в этногенезе

А. Л. Янов в статье «**Учение Льва Гумилева**» (здесь, стр. 446), вкратце пересказав гумилевскую интерпретацию возникновения новых этносов, заявляет: «*Но ведь перед нами лишь универсальный набор признаков любого крупного политического изменения, одинаково применимый ко всем революциям и реформациям в мире*» и в доказательство предлагает проделать «*маленький, если угодно, лабораторный эксперимент: применить гумилевский набор признаков (рождения нового этноса. – М. З.) к Западной Европе XVIII–XIX веков*» (согласно Гумилеву, западноевропейские этносы возникли вследствие толчка VIII века и сейчас они близки к пассионарному оскудению). Проделаем же этот эксперимент вместе с автором.

«*Разве, скажем, французские энциклопедисты и другие деятели эпохи Просвещения, – спрашивает А. Янов, – не отдали все, что имели, делу возрождения и величия Европы, не были провозвестниками будущего?*» Допустим, были.

«*Почему бы нам не назвать Вольтера, и Дидро, и Лессинга „пассионариями“?*» Именно так их и надо назвать.

«*Разве не возникла у них „контроверза“ со старым феодальным этносом?*» Возникла, но только с господствовавшими на тот момент феодальными сословиями: духовенством и

дворянством.

«И разве не свидетельствовала она, что „наряду с процессами распада появилось новое поколение – героическое, жертвенное, патриотическое?“. Разве не дошло в 1789 году дело до великой революции, в ходе которой вышел на историческую сцену Наполеон, кого сам же Гумилев восхищенно описывает как „страстного гения“, поведшего к победе „страстных, энергичных, неукротимых людей“? Разве не сопротивлялся ему отчаянно „обывательский эгоизм“ старых монархий? И разве, наконец, не распространилась эта „пассионарность“ так широко по Европе, что старому этносу пришлось сдаться на милость победителя?.. Так что изверглась в XVIII веке на Европу биосфера, произведя соответствующий пассионарный взрыв? Можно считать 4 июля 1789 года днем рождения нового западноевропейского суперэтноса (провозгласил же Гумилев 8 сентября 1381 года днем рождения великорусского)?».

Здесь следует остановиться подробнее, так как поставленные А.Яновым вопросы закономерны: революции действительно часто напоминают последствия пассионарных толчков, но только на первый взгляд. Природа вышеописанных событий становится ясна, если рассмотреть их в контексте истории Европы всего II тысячелетия. Начало формирования западноевропейских этносов в X–XI вв. было связано, в частности, с мощным движением за очищение церкви от пороков и за повышение ее авторитета (родина движения – аббатство Ключни в Бургундии, отсюда его название – ключнийское). Массовый религиозный фанатизм XI–XIII вв. – Крестовые походы, монашеские и рыцарские ордена – свидетельствует, что это время было пиком западноевропейского этногенеза. Затем неизбежный подрыв пассионарного генофонда привёл к коренному изменению облика Европы – количественные изменения стали переходить в качественные. Менялись устремления большинства людей: религиозных и политических фанатиков сменяли чуждые великих идей прагматики, что, в частности, способствовало экономическому подъему. На смену крестоносцам, готовым во имя идеи фанатично сражаться с любым сколь угодно превосходящим их противником, пришли конкистадоры, грабившие и порабощавшие народы, используя своё подавляющее превосходство в военной технике. Смена стереотипа поведения была великолепно показана Сервантесом в «Дон-Кихоте»: в начале XVII века человек, не понимавший, что времена рыцарских подвигов и романтической любви прошли, был уже смешон. Происходившие изменения требовали новой этики; её дал протестантизм, который, как писал Макс Вебер, «носители экономического подъема – „буржуазные“ средние классы... защищали... с таким героизмом, который до того буржуазные классы как таковые проявляли редко, а впоследствии не обнаруживали больше никогда... Это было „the last of our heroism“ („последней вспышкой нашего героизма“, англ.), по справедливому определению Карлейля» («Протестантская этика и дух капитализма» // Избранные произведения, М.: Прогресс, 1990).

Общее снижение пассионарности в Европе затронуло главным образом высшие сословия, сформированные в Средние века из людей наиболее пассионарных. Все больше предпочитая подвигам светские развлечения, эти элиты теряли способность управлять, лишь сковывая энергию «низов». Терялась моральная основа феодально-монархического строя, что привело во Франции к появлению идеологии Просвещения, основанной на стремлении к правовому равенству и воинствующем антихристианстве.

«Упрощение системы», – писал ЛН в книге **„Конец и вновь начало“**, – *всегда ведет к выбросу свободной энергии»* (Глава седьмая. **Пассионарные надломы. Механизм надлома.** – Москва, 2007, стр. 219). Действительно, если предположить, что сословный («мозаичный») этнос для поддержания себя в равновесии требует большей пассионарности, нежели этнос, лишенный сословности («упрощённый»), можно понять природу дальнейших событий: после упрощения выясняется, что этнос имеет избыток пассионарности, требующий

реализации. При крайней деградации религиозно-дворянско-монархической элиты Франции энергия «низов», подобно вулканической лаве, вырвалась из оков феодализма, сметая на своем пути старые порядки и человеческие жизни. События развивались по сценарию, обычному для всех аналогичных ситуаций (например, позже в России и в Германии): была установлена революционная диктатура и создана мощная армия на обломках разложившейся, революционеры устроили кровавую расправу сначала над представителями поверженных сословий, а затем и друг над другом, после чего диктатура стала единоличной и была совершена военная экспансия в другие страны. В результате избыток пассионарности был устранён и Франция, пережив еще ряд менее серьезных катаклизмов (1830, 1848 и 1870 гг.), через 83 года после создания Конвента стала относительно спокойным буржуазно-демократическим государством (в 1875 году была принята Конституция III республики).

События XVIII века не были, таким образом, следствием пассионарного толчка, а Ж. П. Марату и М. Робеспьеру не было суждено стать создателями нового этноса, ибо их деятельность происходила на фоне общего снижения пассионарности. Так было в Европе... Иное дело – Азия.

«...Что, право, может помешать какому-нибудь, скажем, японскому „патриотическому“ историку, – спрашивает далее А. Янов, – объявить, приняв за основу гумилевские рекомендации, 1868-й годом рождения нового японского этноса? Тем более что именно в этом году произошла в Японии знаменитая реставрация Мэйдзи, в результате которой страна одним стремительным броском вырвалась из рамок многовековой изоляции и отсталости, уже через полвека разгромив великую европейскую державу – Россию, а еще полвека спустя бросив вызов великой заокеанской державе – Америке. На каком основании, спрашивается, сможем мы отказать Японии в пассионарном взрыве и, следовательно, в извержении биосферы именно на нее в XIX веке? ».

Возможно, что и не надо ей в этом отказывать и что А. Янов совершенно правильно разглядел последствия пассионарного толчка. Хотя, по мнению автора этих строк, данные события больше напоминают эффект от упрощения этнической системы, описанного выше на примере революционной Франции и в данном случае также связанного с упразднением сословий.

Действительно, есть версия, что реставрация Мэйдзи явилась следствием пассионарного толчка (например, В. А. Мичурин «Грозит ли нам Великое переселение Народов?», здесь, стр. 181–184). Хотя, по мнению автора этих строк, и эти события представляли собой эффект от упрощения этнической системы, описанного выше на примере революционной Франции и в данном случае также связанного с упразднением сословий.

Предложенный выше подход к пониманию природы революции применим и к революции в России. Подобно описанной выше Великой французской, она явилась реакцией на деградацию дворянско-монархической элиты. Революционная энергия «низов», преумноженная участием многих представителей еврейского этноса (об этом подробнее – Зильберт М. «Феномен ашкеназских евреев. Исследование по методу Л. Н. Гумилева », здесь, стр. 551–555), обеспечила впечатляющую силу произошедшему в 1917 г. взрыву. Избыток пассионарности породил временное возрождение и даже преумножение имперской мощи. Но по мере превращения образовавшегося после революции нового правящего слоя в замкнутую корпорацию, и взаимного истребления её представителей, особенно массового в 30-е годы, создавались условия для достижения власти людьми иного типа, нежели «ленинская гвардия»: одержимых идеей революционеров стали сменять жаждавшие наживы и привилегий бюрократы. Энергия партноменклатуры всё больше расходовалась на защиту корпоративных

интересов, при этом она неуклонно теряла способность решать копившиеся внутри-и внешнеполитические проблемы. Вновь деградация теперь уже коммунистической верхушки привела к кризису 80-х и к падению партократии в августе 1991 г. Однако эти события уже носили несравнимо более спокойный характер, нежели в начале века, поскольку, опять же, по аналогии с послереволюционной Францией, в СССР произошло явное снижение пассионарности этносов, участвовавших в революционных событиях: множество пассионариев «сгорело» в их «огне», и такой разности потенциалов «верхов» и «низов», как в начале XX века, в России уже не было. Развитие большевистской диктатуры, таким образом, очень напоминает «этногенез в миниатюре».

Большая «ложка дёгтя»

И А. Г. Кузьмин, и Я. С. Лурье, и И. М. Дьяконов привели множество примеров пренебрежения Л. Н. Гумилевым данными литературных источников. Вадим Кожин в интервью интернет-изданию «Русский переплёт», признав, что *«Гумилев – это очень крупное явление»*, сказал: *«Я утверждаю, что он слишком часто просто выдумывает, домысливает, вымышляет. Это по-своему интересно. Иногда ему удается что-то такое постичь. Масса историков его просто третирует. Потому что он, действительно, просто выдумывает. Я могу показать десятки таких случаев. Гегель говорил: „Если нет фактов, подтверждающих моего учения, тем хуже для фактов“. А про Гумилева можно сказать так: „Если нет фактов, подтверждающих мою теорию, то я их выдумываю“. Правда, это все делалось в таком творческом порыве. Он сам не отдавал себе отчета, что он все выдумывает»* (<http://kozhinov.voskres.ru/articles/pereplet.htm>). Выдающийся археолог С. А. Плетнёва в телепрограмме А. Гордона «Русские хазары» (НТВ, 06.02.2002), признав затем, что ей *«нравится его теория пассионарного народа»*, сказала: *«С Львом Николаевичем я была знакома, ещё когда Анна Андреевна жива была, то есть, прямо скажем, давно. Дело в том, что мы как раз поссорились из-за Хазарии, и очень основательно. Именно потому что Лев Николаевич отправился в свою экспедицию, совершенно не будучи подготовленным к ней. Он не археолог, он блестящий совершенно популяризатор науки, на мой взгляд... Археология – это трудная и скучная наука и не для таких как он. И поэтому он ездил на лодочке по ерикам Волги, смотрел бугры, находил там погребения, например, (одно из них, во всяком случае, я знаю) с солдатскими пуговицами красноармейскими, а он говорил, что это барсил (барсилы – народ, обитавший ок. VII века в низовьях Волги. – М. З.), и т. д. Тогда он перешёл в Дагестан в том же году и окончательно „потопил“ каганат: он сказал, что всё затоплено, ничего найти невозможно. Нашёл он, собственно, одно только городище около Шелковской, теперь такой популярной станицы, снял с него план, конечно, с грандиозными ошибками, и потом с победой явился в Ленинград и написал книжку „Открытие Хазарии“. Это было просто чудовищно... И я до сих пор не могу ему это простить, хотя он давно „там“. Теперь другие его работы. Если Вы читаете работы Гумилева, то, Вы знаете, Вам будет нравиться. И очень интересно... я вот, например, не очень хорошо знаю гуннов, и я с необыкновенным удовольствием прочла его книгу („История народа Хунну“ – М. З.), она даже лучше, чем у Бернштама, хотя у Бернштама тоже неплохая книжка („Очерк истории гуннов“ – М. З.). Вот видите как: если ты не знаешь, то читаешь его с увлечением, если же знаешь вопрос, то приходишь в такую ярость, как вот сейчас я Вам продемонстрировала. Так, например, я знаю, как учёные Сибири реагируют на книгу „Древние тюрки“, с ними такие получаются конвульсии! Дело в том, что Лев Николаевич не утруждал себя даже тем, чтобы проверить лишний раз сноску на источник, это ему казалось такой мелочевкой, когда так интересно получается. Это он писал*

всё время так. А „Древняя Русь и Великая степь“ – Вы (обращаясь к историку В. Петрухину, также участвовавшему в передаче. – М. З.), вероятно, даже больше приходите в ярость от этого, потому что это тоже – Бог знает что ».

Насколько справедлива данная критика, рассмотрим на одном примере.

«...Поскольку они (викинги. – М. З.), были рассеяны по всей Европе, – рассказывает ЛН, – встреча их с иудео-хазарами была предрешена. А характер ее был определен тем историческим фоном, на котором она произошла. Источников, освещающих эту страницу истории, нет; следовательно, опять нужно окинуть взглядом расстановку сил, чтобы уловить хотя бы общее направление развития событий » («Древняя Русь и Великая степь», VII, 41).

ЛН признаёт, что «Источников, освещающих эту страницу истории, нет». Уточним: нет источников, подтверждающих гумилевское описание этой страницы. В этом совершенно прав был И. М. Дьяконов: «История викингов хорошо известна по скандинавским источникам » и «в источниках о походах викингов нет никаких данных о евреях » (здесь, «Огненный дьявол », стр. 442). Однако отсутствие данных никак не помешало ЛН весьма подробно описать эту страницу, нарисовав страшную картину всеевропейского еврейско-викингского заговора:

«В Испании еврейские купцы в 854–874 гг. торговали андалузскими девушками и для этой цели имели торговый маршрут от Марокко до Египта (сноска : Тюменев А. И. **Евреи в древности и в Средние века** . Пг., 1922 стр. 268–269 и 271–272). В Египте при Ахмаде ибн-Тулуне царило изобилие, и испанок покупали для гаремов. Надо полагать, христиане оказывали сопротивление где могли и умели. Поэтому евреи, не довольствуясь административной поддержкой императоров Каролингов, использовали язычников-норманнов. В начале IX в. к берегам Южной Франции подошла эскадра кораблей, которую прибрежные жители приняли за еврейскую... и стали жертвой норманнских пиратов (сноска : там же, стр. 272). Невозможно допустить, что ошибка была делом случая. Прибрежные жители умеют разбираться в оснастке кораблей. Очевидно, евреи просто ссудили свои корабли норманнам, разумеется за долю в добыче».

Остановимся ненадолго, чтобы проверить указанную ссылку на А. И. Тюменева. В источнике читаем: «Морские суда еврейских купцов, в противоположность последующему времени, представляли ещё настолько обычное явление, что, например,

суда норманнов, впервые появившиеся в одном из портов Южной Франции, приняты были первоначально за суда еврейских купцов ». И это всё по данному эпизоду! Ни о каком нападении норманнов у А. И. Тюменева речи не шло. Кроме того, там ясно сказано, что суда норманнов появились в этом порту впервые, и местные жители, вероятно, никогда их раньше не видевшие, вполне могли ошибиться.

Судя по всему, именно этот же эпизод описан в книге Андерса Стриннгольма «**Походы викингов** » (М.: ООО «Издательство АСТ», 2002, кн. I, гл. I): «Однажды, в каком-то приморском городе Южной Франции, император (Карл Великий. – М. З.) сидел за обедом, когда показались в гавани иноземные корабли. Одни считали их жидовскими, другие – африканскими, некоторые – английскими; все полагали, что это купеческие корабли. Но Карл по способу постройки и быстроте движений угадал их назначение и сказал: „Это суда не с товарами, а с ратными людьми“. Все тотчас схватили оружие и поспешили к гавани встречать этих гостей. Однако ж викинги, заметив, что тут сам Карл, быстро повернули в море и исчезли, как молния ». Тот факт, что «Карл по способу постройки и быстроте движений угадал их назначение » полностью опровергает предположение ЛН, что «евреи просто ссудили свои корабли норманнам, разумеется, за долю в добыче ».

Вернёмся к книге ЛН и прочитаем следующую фразу:

«Первое упоминание о евреях в Англии датируется 833 г. – сразу после успехов викингов (сноска : там же, С. 143)»

Вновь проверим ссылку (только на странице 243, а не 143, даже в этом у ЛН ошибка!):

«Первое собственно фактическое подтверждение присутствия евреев в Англии относится только к 833 году, именно в этом году крэйландское аббатство утверждено было в правах владения на все земли, полученные им в качестве пожертвования, залога или на каком-либо ином основании от князей и прочих верующих, а также от евреев. Приведенное известие представляет, впрочем, кажется, единственное сообщение о евреях на британском острове за все время до норманнского завоевания. Еврейские поселения в Англии, во всяком случае, как в описываемую эпоху, так и в последующую каролингскую, не могли быть ни многочисленны, ни многолюдны». И какая здесь, спрашивается, связь с «успехами викингов»?

Вновь возвращаемся к ЛН и читаем далее:

«В 848 г. норманны разграбили и сожгли Бордо благодаря измене тамошних иудеев (сноска: см.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. V. с. 489), которые от викингов не пострадали. Это могло быть лишь в том случае, если между теми и другими была налажена связь. И текст „Повести временных лет“ поясняет, какова она была. Два хищника – рахдониты („раданидами“ арабские историки называли еврейских купцов. – М. З.) и викинги – в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний, которые предстояло совершить (сноска: „Варяги из заморья“ взимали (или собирались взимать) дань с чуди, мери и кривичей, а хазары – с полян, северян и вятичей (ПВЛ. Ч. 1. С. 18)). Русский каганат тоже должен был стать жертвой этих хищников. И действительно, все последующее столетие Киев был ареной жестокой войны, которую славяно-русы вынуждены были вынести». («Древняя Русь и Великая степь», VII, 41)

Последняя сноска представляет собой цитату из ПВЛ, в которую ЛН как бы незаметно в скобках добавил маленькую «отсебятинку»: «или собирались взимать». «Поясняет» ли данная цитата, что «Два хищника – рахдониты и викинги – в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний, которые предстояло совершить»? Ведь в ней всего говорится лишь о том, что варяги собирали дань с народов, обитавших ближе к Балтийскому морю и (кроме мери) в бассейнах его рек, а хазары промышляли в бассейнах Волги, Дона и Днепра. Существовал ли на этот счёт какой-либо специальный еврейско-варяжский договор, совершенно неизвестно. Однако из всего этого ЛН в следующем абзаце уверенно делает вывод: «рахдониты спокойно использовали викингов, оставляя тех в уверенности, что они не являются игрушкой в руках опытного партнера». И почему, интересно, ЛН решил, что именно рахдониты использовали викингов, почему, к примеру, не наоборот?

Читаем начало следующей главки:

«Итак, следуя версии „Повести временных лет“, мы постоянно натываемся на неразрешимые противоречия, мягко говоря, недоговоренности и неточности, начиная от „призвания варягов“ до рассказа о расправе Ольги над древлянами.

Похоже на то, что летописец дает заведомо ложную схему событий. Судя по его намекам, варяги и хазары были злейшими врагами, а никак не союзниками. Собранные нами факты говорят об обратном (чего стоят все эти „факты“ автор этих строк попытался вкратце показать выше. – М. З.), и я предпочитаю не верить летописцу. Нестор, писавший свой труд в 1100–1113 гг., – сторонник великого князя Святополка II, который был другом немецких и датских феодалов, противником греческой митрополии и ее защитника Владимира Мономаха, врагом истребителя последних хазарских иудеев – черниговского князя Олега Святославича» (там же, VII, 42).

Чем же так сильно не угодил ЛН Нестор-летописец? Ведь собственно о вражде варягов с

хазарами в ПВЛ могут свидетельствовать лишь два не очень значительных эпизода:

«В год 6392 (884). Пошел Олег на северян, и победил северян, и возложил на них легкую дань, и не велел им платить дань хазарам, сказав: „Я враг их, и вам им платить незачем“.

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: „Кому даете дань?“ Они же ответили: „Хазарам“. И дали Олегу по щелягу, как и хазарам давали ».

И какие же есть основания описанию Нестором этих эпизодов не верить? Где здесь «заведомо ложная схема событий»? Скорее ЛН в ПВЛ не понравилось не столько то, что в ней написано, сколько то, чего в ней нет. А нет в ней никакого еврейско-викинговского заговора (об этом подробнее см. в статье Я. С. Лурье «**Древняя Русь в произведениях Л. Н. Гумилева**»).

Проверим ещё парочку гумилевских ссылок на книгу А. И. Тюменева «Евреи в древности и в Средние века» в книге «Древняя Русь и Великая степь» в главе (IV, 23), где речь идёт о взаимоотношениях с евреями византийского императора Ираклия:

«На этом фоне общего отчуждения Ираклий сохранил свои симпатии к евреям и даже очень их выручил (сноска : См. Тюменев А. И. Указ. соч. С. 276). Западные евреи, проникшие на берега Рейна в римскую эпоху, сильно пострадали от вторжений германцев в V в., но на берегах Роны и Гаронны они жили спокойно и богато. Меровинги относились к евреям без симпатии, и в 629 г. король Дагоберт решил изгнать их из своих владений. Но император Ираклий вмешался, и изгнание не состоялось » (сноска : См. там же. С. 241–243).

Проверяем первую ссылку, только, опять же, не на стр. 276 (где совсем про другое), а на стр. 246.:

«Земледелие по-прежнему оставалось главным занятием евреев на их древней родине... Каких размеров достигали здесь хозяйства отдельных лиц можно видеть, например, из того факта, что один из богатых палестинских землевладельцев оказался в состоянии принять и прокормить у себя императора Ираклия со всем его войском ».

Проверяем вторую ссылку:

«Сообщение о преследовании евреев в правление Дагоберта в очень неопределенных выражениях содержится в хронике Псевдофредегара, причем инициатива преследования приписывается византийскому императору Ираклию, обратившемуся будто бы к Дагоберту с предложением крестить живших в его королевстве евреев ».

Больше император Ираклий А. И. Тюменевым в указанной работе не упоминался. Полагаю, комментарии излишни. Исходя из вышеизложенного без комментариев можно оставить и дальнейшие рассуждения ЛН о том, зачем Ираклий «выручил» евреев:

«Чем руководствовался Ираклий – непонятно. Может быть, он обратил внимание на то, что в Аравии уже начались кровавые столкновения между еврейскими общинами и сторонниками нового пророка – Мухаммеда, а может быть, были мотивы, нам не известные. Однако в любом случае сделка проходила за счет христианских народов Ближнего Востока, причем проиграть могли либо греки, либо персы, а евреи только выигрывали ».

Читаем у ЛН в другом месте о взаимоотношениях евреев с мусульманами:

«...к 650 г. те и другие (персы и евреи. – М. З.) попали под арабское иго. Персы перенесли это довольно легко, так как приняли ислам, но евреям вероотступничество было противно. Они нашли другой выход – шиизм как способ раздробления мусульманской общины.

Некий Абдулла ибн-Саба, иудей, перешедший в ислам, выдвинул в 653 г. учение, на первый взгляд правое, что перед концом света пророк Мухаммед вернется в мир, а пока его должен замещать тот, кто при жизни был его помощником, т. е. Али и его потомки. Здесь таилось зерно не только тогдашнего раздора – претензии Али на престол, но и позднейшего шиизма, прививавшегося у персов лучше, чем у арабов. Так была создана идеологическая основа гражданских войн, вызвавших относительно быстрое распадение халифата ». («**Древняя**

Русь и Великая степь», IV, 24).

Версия, что Али бен Абу Талиб, двоюродный брат и зять Мухаммеда, стал претендовать на лидерство в исламском мире (чем и породил шиитское направление в исламе) по наущению некоего Абдуллы ибн Сабы, йеменского иудея, перешедшего в ислам, встречается в работах некоторых историков-суннитов (в первую очередь у Ат-Табари, ок. 839–923); историки-шииты эту версию обычно отрицают. Однако ни в каких источниках он не предстаёт агентом какого-либо еврейского заговора с целью «раздробления мусульманской общины».

И, наконец, вершина – ЛН трактует Евангелие:

«Все евреи считали себя „сыновьями божьими“, подразумевая только своего этнического бога, а не богов иных этносов – те пусть разбираются сами. В ответ на это „Иисус сказал им: Если бы Бог был отец ваш, то вы любили бы меня, потому что Я от Бога исшел и пришел, ибо Я не сам от себя пришел, но Он послал Меня... Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи“ (Иоанн 8, 42–44) (цитата из евангельского текста подчёркнута мной. – М. З.)

Тезис сформулирован предельно точно: Иисус счел иудейского Яхве дьяволом, которого он незадолго перед этим отогнал от себя в пустыне во время поста. Это был тот самый огненный демон, который говорил с Моисеем (Иоанн 9, 29), что утверждали сами книжники и фарисеи. Следовательно, христианин уже не мог выбирать между Ветхим и Новым заветами, между дьяволом и богом. Признавая Яхве богом, он переставал быть христианином, а после принятия формулы Троичности на Никейском соборе и сам вопрос отпадал, ибо Яхве одинок». («Древняя Русь и Великая степь», XI, 67)

«Иисус счел иудейского Яхве дьяволом»??? Разве в приведённом ЛН евангельском отрывке содержится что-то подобное? На самом деле в данной сцене Иисус выступает в Иерусалимском храме (ЛН чуть выше ошибочно перенёс эти события в Галилею) перед толпой иудеев, среди которых были как уверовавшие в него (Иоан. 8, 30), так и не верившие (вероятно, фарисеи). Разумеется, только последним могли быть адресованы слова: «Ваш отец диавол», а Бог, о котором шла речь, мог быть только иудейским Яхве, и ни кем другим.

Весь текст Нового завета пронизан ссылками на Ветхий завет. Иисус представлен в Евангелии как именно тот Мессия, приход которого был предсказан ветхозаветными пророками:

«А все сие произошло, да сбудется реченное Господом через пророка, который говорит: „Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, что значит: с нами Бог“» (Мат. 1, 22–23).

«Ибо он тот, о котором сказал пророк Исаия: „глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему“» (Мат. 3, 3).

А ведь Бог Ветхого завета – это тот самый Яхве, который и говорит там устами пророков.

Иисус говорил: *«Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мат. 5, 17)*. О каком законе здесь может идти речь, кроме закона Моисея?

Иисус в Евангелии ведёт борьбу почти исключительно за умы иудеев, и апостолам он наказывал *«наипаче»* им проповедовать:

«Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мат. 10, 5–6).

«И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его,

приступив, просили Его: отпусти ее, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час » (Мат. 15, 22–28).

Безусловно, богоизбранность иудейского народа для Иисуса не подлежала сомнению: «*Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев »* (Иоанн, 4–22). Лишь позже апостол Павел сформулировал тезис: «*Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех призывающих Его »* (Рим. 10, 12). Так мог ли Иисус считать «*иудейского Яхве дьяволом*» ?

В том же духе ЛН пытался трактовать и Коран:

«Мухаммед был человеком потрясающей интуиции: он распознал в Иблисе (изгнанный из рая ангел в исламе. – М. З.)

огненного демона. Лишь уровень науки VII в. не позволил ему заметить, что огненным демоном был и Яхве » («*Древняя Русь и Великая степь »*, XI, 67). Точно ли «*уровень науки VII в. не позволил*»? Или это, напротив, уровень антинауки XX в. позволил такое придумать? И всерьёз ли ЛН считал, что понимает ислам лучше самого Мухаммеда?

Очевидно, что цель всех вышеприведённых выдумок состояла в том, чтобы противопоставить христиан и мусульман иудеям: «*В X в. оба восточных вероисповедания, православие и ислам, расходясь во многих принципах догматики и обряда, были единодушны в противопоставлении бога дьяволу и своих позитивных вероисповеданий иудаизму. Сформулировать эту разницу просто: христиане и мусульмане молились одному и тому же богу, но по-разному, а иудеи – другому »* (там же).

Физика Л. Н. Гумилева

Продолжая перечень ошибок ЛН, следует отнести к их числу и все его применения законов физики. Например, пытаясь наглядно проиллюстрировать своё понимание хода этногенеза («*сначала наблюдается резкий взлет (около 300 лет), затем чередование подъемов и депрессий (тоже лет 300), потом ослабление жизнедеятельности, ведущее к успокоению... и наконец медленный упадок »*), он писал: «*...На что это явление похоже? На движение шарика, который, получив внезапный толчок, катится, сначала набирая скорость, а потом теряя ее от сопротивления среды... »* (здесь, «*Биография научной теории, или Автонекролог »*, стр. 335–356). И школьник знает, что шар, лежащий на горизонтальной плоскости (например, на бильярдном столе), получив толчок, не может сам набирать скорость, а может её только терять, едва лишившись контакта с толкнувшим его предметом.

Совершенно некорректно и применение ЛН к этногенезу законов термодинамики: ведь эти законы описывают процессы в замкнутых системах, т. е. в тех, где отсутствует энергообмен с окружающей средой. Но этнос – система открытая, поскольку человек постоянно получает энергию из окружающей среды.

Также нельзя принять выдвинутую ЛН гипотезу, что пассионарность определяется «*врожденной способностью организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы »*

(«*Этногенез и биосфера Земли »*, XXVIII, «*Мутации – пассионарные толчки »*), поскольку способность организма абсорбировать энергию, связанная с особенностями его обмена веществ, определяет, главным образом, его массу. Какой-нибудь

умереннопассионарный двухметровый великан абсорбирует из окружающей среды больше энергии, нежели, к примеру, яркий пассионарий А. В. Суворов, который был низкорослым и щуплым, хотя согласно ЛН должно быть наоборот. Избыток биохимической энергии в организме – это отложения жира, а никакая не пассионарность.

Таким образом, рассуждения ЛН о применении законов физики к этногенезу из его теории могут быть изъяты без какого-либо ущерба для неё.

Так что же такое пассионарность?

ЛН определял пассионарность как *«необоримое внутреннее стремление к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного, причем достижение намеченной цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни»* («**Этногенез и биосфера земли**», XXII, «*Вот он, фактор ихс!*»). Такое определение можно было бы считать приемлемым, если бы не существенный недостаток: согласно нему, к примеру, реформаторы и революционеры – пассионарии, а вот консерваторы и контрреволюционеры пассионарностью не обладают, поскольку не стремятся к *«изменению окружения»*, а, напротив, противостоят ему.

И уж никак нельзя согласиться с утверждением создателя теории этногенеза, что *«...описанный импульс (пассионарность. – М. З.) находится в оппозиции к инстинкту самосохранения и, следовательно, имеет обратный знак»* (там же), и далее: *«Если мы примем за эталон импульс врожденного инстинкта самосохранения (I), индивидуального и видимого, то импульс пассионарности (P) будет иметь обратный знак. Величина импульса пассионарности, соответственно, может быть либо больше, либо меньше, либо равна импульсу инстинкта самосохранения. Следовательно, правомочно классифицировать особей: на пассионариев ($P > I$), гармоничных ($P = I$) и субпассионариев ($P < I$)»* (там же, XXIX, Система отсчета). Ведь инстинкт самосохранения – это стремление к выживанию, следовательно, импульс, *«имеющий обратный знак»* – это стремление к смерти. Поэтому, согласно такой логике, пассионарность – это склонность к суициду: если желание умереть сильнее, чем желание жить, то незачем, к примеру, устраивать завоевательный поход, проще выпрыгнуть из окна. Гармоничному же человеку, получается, всё равно, жить или умереть, а каждый, кому жизнь сколько-нибудь дорога, автоматически записывается в субпассионарии.

Интересные размышления о пассионарности автору этих строк довелось встретить в дискуссии на интернет-сайте Гумилевича в январе 2003 года в сообщениях биолога Петра Лапшина (к сожалению, ни в каких печатных изданиях его идеи не излагались):

«Что отличает пассионария –...это стремление к достижению превосходства. Еще конкретнее – к повышению своего авторитета в глазах людей, чье мнение важно для пассионарного индивида (Речь идёт о референтной группе. – М. З.)...Совсем не обязательно оно проявляется в бурной деятельности: буддийские архаты и христианские столпники – это, безусловно, тоже пассионарии. Пассионарий – это человек, для которого честь (как он ее понимает) дороже жизни. Кстати, совсем не обязательно он отстаивает свой авторитет среди живых, реальных людей: благодаря наличию у человека абстрактного мышления он может стремиться превзойти вымышленного или давно умершего кумира, или рассчитывать на восхищение потомков» (31.01.2003 23:20:20).

Наиболее верное, на взгляд автора этих строк, понимание пассионарности ему неожиданно довелось встретить в монографии В. Бугровского и В. Капустяна с соавторами *«Экологические корни культуры»* (изд. 5-е, перераб., М. 2001, стр. 304):

«...даже самый поверхностный взгляд показывает, что людьми движет стремление к

самоутверждению. Самоутверждение – это главный **внутренний стимул** человеческого поведения.

Можно полагать, что и за свойством „пассионарности“, которое Л. Н. Гумилев считал ответственным за весь гигантский процесс этногенеза, стоит именно могучий **инстинкт самоутверждения**».

Самоутверждение – это стремление к ощущению собственной значимости. Оно с таким же правом может считаться инстинктом, как и самосохранение, если под инстинктом подразумевать врождённое стремление. Не будь у человека этого инстинкта, он был бы нечувствителен ни к комплиментам, ни к оскорблениям, не занимался бы спортом, не испытывал бы ни ревности, ни зависти. Человек, так или иначе, самоутверждается в течение всей своей жизни. Именно по способам самоутверждения, главным образом, и различаются человеческие характеры, в зависимости от того, что в ком порождает ощущение своей значимости: один самоутверждается, делая добро, другой – пытаясь унижить кого-либо, третий – доказывая своё превосходство в интеллекте, или в силе, или в богатстве, власти, любви, профессиональном уровне, и т. д. Кому-то для самоутверждения необходимо сознавать себя порядочным человеком, для кого-то это менее существенно; так люди различаются по уровню совести. Неудовлетворённое самоутверждение порождает в человеке сознание собственной ущербности, или стыд; последнее в некоторых случаях может быть сильно до несовместимости с жизнью, т. е. приводить к суициду. Такой подход хорошо сочетается со словами ЛН: «Собственно говоря, пассионарность имеют почти (Почему „почти“? – М. З.) все люди, но в чрезвычайно разных дозах. Она проявляется в различных качествах: властолюбии, гордости, тщеславии, алчности, зависти и т. п., которые с равной легкостью порождают подвиги и преступления, созидание и разрушение, благо и зло, но не оставляют места равнодушию» (здесь, «**Этногенез и этносфера**», стр. 28). По сути пассионарность – это синоним амбициозности.

Исходя из этого, гармоничный (умеренно-пассионарный) человек – это тот, у которого инстинкт самоутверждения находится в рамках некоей нормы, т. е. он обеспечивает ему нормальную адаптацию в социуме, включающую в себя собственное выживание, продолжение рода, достижение материального достатка, успеха в профессии и т. д. «Вырастить дерево, построить дом, воспитать ребёнка» – его типичное credo, но при необходимости он обычно готов и воевать за свою страну. У пассионария этот инстинкт развит особенно сильно, у субпассионария его, напротив, недостаточно даже для нормальной адаптации в социуме. Типичными представителями последней категории является большинство бомжей, питающихся на помойках: их инстинкт самоутверждения удовлетворяется даже при таком образе жизни.

В текстах ЛН неоднократно можно встретить термин «самоутверждение» применительно к проявлениям пассионарности, например: «Если же они (Участники религиозных войн в Европе. – М. З.)..., отдавали жизнь за мессу или библию, то, значит, то и другое оказалось символом их самоутверждения...» («**Этногенез – природный процесс**», здесь, стр. 50). Хотя сформулированного определения пассионарности через склонность к самоутверждению у ЛН не было.

Вопрос, который часто возникает: возможно ли измерить уровень пассионарности индивидуума? Как и все прочие параметры человеческой психики, в абсолютных величинах на данный момент она неизмерима. Измерять её можно лишь в относительных величинах «больше – меньше» в зависимости от уровня конкуренции, в которой человек стремится участвовать.

О возможной природе пассионарных толчков

Какова же природа пассионарных толчков? – вопрос вопросов теории этногенеза. Идея ЛН, что эти явления порождаются массовыми мутациями, вызванными космическими излучениями, подвергается резкой критике большинства биологов. Например, Петр Лапшин на том же форуме писал: *«Я очень сильно сомневаюсь, что повышенная пассионарность имеет генетическую природу в том смысле, как это принято считать, т. е. является результатом мутации одного или нескольких генов. Этому противоречит и наличие у пассионарного толчка инкубационной фазы, и характер кривой этногенеза, имеющей перелом. Если бы повышенная пассионарность была положительным признаком, то она распространилась бы в популяции и так в ней и осталась, если бы она была отрицательным – она бы из нее элиминировалась, если бы это (естественный отбор. – М. З.) не зависело от ее уровня, то пассионарность колебалась бы вокруг оптимального уровня. Если повышенная пассионарность становится отрицательным признаком в силу изменения каких-то (каких?) условий среды, то перелом кривой этногенеза зависел бы от наступления этих условий, тогда как время его наступления в этногенезе относительно стабильно»*. (<http://gumilevica.kulichki.net/discussions/disc0310.html> 13.03.2003 23:59:55).

Позволю себе привести некоторые свои соображения на этот счёт. Рассмотрим несколько исторических эпизодов.

1. В 911 году группа викингов во главе с Ролло, которые опустошали постоянными набегами Европу, ослабленную после развала империи Карла Великого, основали на континентальном берегу Ла-Манша графство (позже – герцогство) Нормандия; данные земли были получены ими от короля Генриха III Простоватого в качестве «отступных» за прекращение набегов. Эти норманны приняли крещение, а Ролло женился на дочери короля. Постепенно они и их потомки стали католиками такими ревностными, каких не знала Европа того времени: были восстановлены монастыри, разрушенные викингами же, и стали как никогда бурно строиться новые, норманнами жертвовались на это огромные средства. В XI веке Нормандия стала, вероятно, крупнейшим в Европе очагом пассионарности: нормандцы завоевали южную Италию и Сицилию, насадив там католицизм и став главной опорой папства, завоевали Англию, затем они сыграли одну из ведущих ролей в Первом крестовом походе.

2. *«Вади Мекка, одно из бесчисленных ущелий, перерезающих горную цепь Хиджаза ...»* *«Предания, зафиксированные мусульманской традицией, свидетельствуют о том, что... в середине V в. племя курайш под предводительством Кусаййа вытеснило отсюда племя хуза'а ...»*. В течение около полутора веков племя курайш стало господствующим в районе Мекки. *«Политические союзы курайшитов дополнялись узами свойства. Многие курайшиты брали жен из соседних племен; в частности, одна из жен Абдманафа (прапрадеда пророка Мухаммеда. – М. З.) была из бану сулайм, а другая – из бану мазин б. са'са'а, в то же время одна из его дочерей была замужем за кинанитом, а другая – за сакифитом. Мать Абдалмутталиба (деда Мухаммеда. – М. З.) была из бану ан-наджжар (Йасриб), а три из его пяти жен – некурайшитки. Впоследствии курайшиты, продолжая брать жен из других племен, стали реже выдавать своих дочерей за иноплеменников, считая их ниже себя*.

Действительно, за сто лет со времени Кусаййа до Абдалмутталиба курайшиты превратились из малозначащего кинанитского племени в самостоятельную экономическую и политическую силу. Если Кусайй, как говорили, положил начало своему богатству, убив и ограбив эфиопского купца, то его потомки соперничали между собой в расходовании средств на угощение паломников, увеличивая этим свой авторитет хранителей святынь Мекки и привлекая к ним более широкий круг почитателей». (О. Г. Большаков. **История Халифата**, ч. 2) Последствия этих событий – возникновение ислама и безудержный взлёт арабского халифата.

1. В 1236–37 годах орда степняков, возглавлявшаяся монголами, совершила опустошительный поход на Русь, явившийся для неё страшным бедствием. Русские князья стали вассалами Золотой орды. Князья Ярослав Всеволодович, а затем и Александр Невский приняли такой расклад, выплачивая монгольским ханам дань и получая за это ярлыки на княжение. У раздробленной и раздираемой междоусобицами Руси появилось некое подобие центральной власти. Именно к Орде русские князья стали апеллировать для решения внутренних конфликтов. В 70-е годы XIII века при поддержке монголов возникло удельное Московское княжество, родоначальником династии стал младший сын Александра Невского Даниил. Более двух веков московские князья не ставили под сомнение сюзеренитет над собой ордынских ханов, называя их царями. «В глазах московских правящих кругов „царь“ (если он реально правил в Орде) являлся легитимным сюзереном великого князя» (А. Горский, «**Москва и Орда**», изд. Наука, 2003, стр. 190). На жёсткую конфронтацию князья обычно шли лишь тогда, когда в Орде правили узурпаторы, такие как Мамай или Едигей. Можно предположить, что Московская Русь ощущала потребность в подобных отношениях с монголами, набирая за счёт них некий потенциал, который бы позволил ей в дальнейшем вырасти в гигантскую империю. В этих условиях Московское княжество постепенно усиливало своё влияние в северо-восточной Руси, после Куликовской битвы это влияние стало безусловным, а к концу XV века княжество полностью избавилось от монгольской зависимости, постоянно расширяясь дальше и поглотив саму Золотую Орду.

2. В середине XIII века в Малой Азии появилось племя кайы, происходившее от тюрков-огузов. Согласно наиболее распространённой версии, они мигрировали с востока в числе других тюркских племён под натиском монголов. Во главе со своим вождём Эртогрулом они поступили на службу к султану сельджуков, правившему в Конье, и за военные победы над никейскими греками получили во владение небольшую область (удж) на равнине Сёгут к западу от Ангоры (Анкары), вероятно, ими же у греков и завоёванную. По мнению Г. А. Гиббонса (Gibbons, Herbert Adams, 1880–1934 «**Foundation of the Ottoman empire; a history of the Osmanlis up to the death of Bayezid I (1300–1403)**», 1916) кайы были язычниками, а земли, где они обосновались, были населены преимущественно греками-христианами, но и мусульманами тоже. Согласно турецким преданиям, сын Эртугрула Осман принял ислам под влиянием одного местного шейха, на дочери которого женился. После смерти Эртогрула в 1281 (или, по другим данным, в 1288) году удж был преобразован в бейлик и Осман, став беем, обратил в ислам местное греческое население и начал военные действия против Византии, захватывая её земли. Этот бейлик стал тем ядром, из которого за 2 века выросла могучая Османская империя.

В каждом из приведённых эпизодах, можно наблюдать следующее: приходят воинственные мигранты, оседают, смешиваются с местным населением, и с этого начинаются взрывы этногенеза, названные Л. Н. Гумилевым пассионарными толчками. Вероятно, в таком ракурсе стоит рассмотреть также

- контакт этрусков с жителями Лациума, с которого началась история древнего Рима,
- возникновение в Китае империи Тан, основанной мигрантами, которых Л. Н. Гумилев называл табгачами;
- создание империи раджпутов в Индии в VII веке, также явившееся результатом завоевания;
- возникновение Киевской Руси, произошедшее по схожей схеме (хотя это событие Л. Н. Гумилев следствием пассионарного толчка не считал).

Следует отметить, что схожая идея присутствует в книге О. И. Пыльцына «Россия и Евразия» («**Россия и Евразия. Эволюция цивилизаций**» // Москва, 2003; с. 61, 232).

Каков биологический механизм таких явлений – создают ли мигранты в популяции некое генетическое разнообразие (гетерогенность), приводящее к такому эффекту, или речь идёт о чём-то, современной биологии неизвестном – об этом судить специалистам. В любом случае, данный подход может позволить очистить теорию Л. Н. Гумилева от таких фантастических идей, как порождение пассионарных толчков космическими излучениями и массовыми мутациями, и, возможно, способен дать этим явлениям более или менее вразумительное объяснение.

Вновь соглашусь с мнением И. М. Дьяконова: *«Явление это (вспышки пассионарности. – М. З.) имеет огромное, часто ключевое историческое значение, хотя до сих пор проходило для историков незамеченным. О причинах его можно и нужно спорить, но изучать его необходимо»* (здесь, «**Огненный дьявол**», стр. 441).

Заключение

Итак, можно констатировать, что на вопросы, поставленные во вступительной статье сборника, теория этногенеза Л. Н. Гумилева предоставляет ответы, в которых не найдено непреодолимых противоречий. Давая ключ к пониманию движущих сил истории, она, в частности, открывает новые возможности в прогнозировании будущего, хотя сам учёный избегал анализировать в своих произведениях современность, опасаясь подвергнуться аберрации близости – невольному преувеличению значимости событий, современных наблюдателю или произошедших в недалёком прошлом.

На ее основании можно, например, предположить, что в наступившем веке Западная Европа, да и США, будут и дальше постепенно терять свое значение на международной арене. Роль западно-европейских этносов в истории поистине уникальна: несколько веков – начиная с эпохи Великих географических открытий – он удерживал (и до сих пор удерживает) гегемонию на планете, задавая тон в экономике, в науке и искусстве. Но законы этногенеза неумолимы: странам Запада больше не предстоит пережить ни кровавых революций, ни войн между собой, а предстоит, возможно, обеспеченная старость, сопровождаемая дальнейшей депопуляцией и заселением мигрантами. Военная и экономическая мощь позволяет сохранить мировую гегемонию лишь временно.

Вероятно, в XXI веке и дальше будет расти международное влияние стран, проявляющих сейчас высокую пассионарность, таких как Япония, Корея, Китай, Индия. Массовый религиозный фанатизм исламских Афганистана, Ирана, Ирака, Пакистана будет всё более успешным в противостоянии Западу.

Прав был А. И. Солженицын, предсказавший в своём выступлении на заседании Государственной думы РФ 28 октября 1994 г., что рост мусульманского мира будет *«великим явлением XXI века»*.

* * *

Так кем же он был, Лев Николаевич Гумилев: великим учёным, лучше всех своих предшественников сумевшим объяснить ход человеческой истории, или великим фантазёром, выдававшим свои выдумки за исторические факты, подгонявшим науку под идеологию и по-дилетантски применявшим к истории законы естественных наук? Поразительно, но в нём причудливо сочетались эти, казалось бы, несовместимые качества. Однако, в отличие от государственного деятеля, учёный своими работами не может оставить после себя негативного следа в истории: если его творчество бесполезно, оно будет просто забыто потомками. В

данном же случае, если отбросить всё, что в произведениях ЛН науке не свойственно, останется теория этногенеза, значение которой трудно переоценить.

Приложение

Механизм зажима публикаций Л. Н. Гумилева

Лев Николаевич Гумилев.

СПРАВКА

Механизм зажима публикаций Л. Н. Гумилева, доктора исторических наук с 1961 г., за период с 1975 по 1985 г.

1. В № 12, 1974 г. журнала «Вопросы истории» появилась статья В. И. Козлова «О биолого-географической концепции этнической истории», в которой концепция Л. Н. Гумилева, изложенная в тридцати статьях, названа «биологизаторская». Она, по мнению автора, «не только не продвигает вперед исследование проблем... но и мешает их подлинно научному решению» (с. 85), «оправдывает жестокие завоевания и кровопролитные межэтнические конфликты» (с. 83). Эти обвинения затем будут стереотипно повторяться во всех последующих критических выпадах.

В начале 1975 г. Л. Н. Гумилев направил письмо в редакцию (0,5 п. л.) «Вопросов истории» с ответом В. И. Козлову с просьбой опубликовать его в очередном номере журнала. Ответа письменного не последовало. На двух заседаниях редколлегии весной и осенью 1975 г. было принято решение опубликовать письмо, однако оно не было выполнено. Главный редактор журнала чл. – корр. АН СССР В. Г. Трухановский устно передал Л. Н. Гумилеву, что не может напечатать ответ из-за давления члена Президиума АН СССР академика Ю. В. Бромлея.

2. В 1977 г. главный редактор «Вопросов истории» В. Г. Трухановский устно предложил дать в журнал статью. Л. Н. Гумилев выслал в журнал работу «Половцы и Русь» (1 п. л.). Однако статья была отвергнута на основании отзыва академика Б. А. Рыбакова, который был показан Л. Н. Гумилеву в редакции журнала.

3. В 1978 г. главный редактор «Вопросов истории» В. Г. Трухановский устно предложил дать в журнал статью «Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников» (1 п. л.). Статья прошла редколлегию журнала, отредактирована редактором Шевеленко и была набрана. Однако была задержана на стадии верстки в 1979 г. Главный редактор устно сообщил только в 1986 г., что статью «заблокировал» академик Б. А. Рыбаков. Л. Н. Гумилев получил за статью половину гонорара.

4. На Географическом факультете ЛГУ 16.04.1975 г. состоялся философский семинар по обсуждению концепции Л. Н. Гумилева с привлечением профессоров и доцентов исторического и философского факультетов ЛГУ. Материалы семинара с положительными отзывами ученых были опубликованы в журнале «Вестник ЛГУ» 1975, № 2, с. 145–151. Однако доклад Л. Н. Гумилева был исключен из текста публикации.

5. 23.05.1974 г. состоялась защита второй докторской диссертации на Географическом факультете ЛГУ Л. Н. Гумилевым «Этногенез и биосфера Земли». Ученый Совет присвоил Л. Н. Гумилеву ученую степень доктора географических наук. В 1976 г. ВАК на основании рецензии «черного оппонента» не утвердил решение Совета. Однако отзыв оппонента (Ю. Г.

Саушкина) не может считаться объективным по трем причинам:

а) Л. Н. Гумилев незадолго перед защитой подверг острой критике работы Ю. Г. Саушкина по «Единой географии» (Вестник ЛГУ, 1967, № 6, с. 120–129 – «По поводу „единой“ географии»).

б) Мнение рецензента очевидно тенденциозно. «Но рецензент ВАК современный ученый, – пишет он в заключении, – который должен признаться, что, по его мнению, диссертация Л. Н. Гумилева ничего не внесла в географическую науку, не обогатила ее новыми научно доказанными положениями. В лучшем случае она показала направления и проблемы, еще ждущие своего научного решения. Не подлежит сомнению то, что работа вполне самостоятельна, написана ученым большой культуры с исключительно большой научной эрудицией, вызывающей всяческое уважение рецензента. В этом отношении (несмотря на серьезные ошибки) она стоит выше многих докторских диссертаций, и если основной критерий – научная эрудиция и общая культура, то Л. Н. Гумилев есть доктор наук. (Впрочем, он и есть доктор исторических наук.) Но, повторяю еще раз, в географическую науку он должного вклада не сделал, даже уводит ее в сторону».

в) В своих открытых публикациях Ю. Г. Саушкин признает не только вклад Л. Н. Гумилева в географию, но и «еще более „географичные“ исследования Л. Н. Гумилева чем „классические труды С. П. Толстова“» по исторической географии (Ю. Г. Саушкин. Введение в экономическую географию. М.: Изд-во МГУ, 1970. С. 28). ВАК ввел Л. Н. Гумилева в специализированный ученый совет по присуждению докторских степеней по экономической и социальной географии.

6. 1976 г. «Вестник ЛГУ» прервал публикацию серии статей Л. Н. Гумилева «Ландшафт и этнос». Статья XV-ая «Факторы этногенеза» (1 п. л.), предназначавшаяся в 24 № журнала 1976 г. до сих пор лежит в редакции. Она содержала разъяснения аспектов концепции Л. Н. Гумилева, вызвавшей полемические нападки В. И. Козлова и В. В. Покшишевского (Этнография и география. «Советская этнография», 1973, № 1), имела положительный отзыв доктора географических наук Н. В. Разумихина, директора НИИ Географии ЛГУ. Главный редактор журнала, профессор Л. Е. Смирнов устно ответил автору, что отклоняет статью потому, что она дискуссионная.

7. 1974 г. Главный редактор редакции восточной литературы издательства «Наука» отклонил работу Л. Н. Гумилева «Феномен этноса в истории» (7 п. л.), предлагавшейся вместо введения к книге Л. Н. Гумилева «Хунны в Китае» (М., 1974) на основании отрицательной рецензии индолога к. и. н. Л. Б. Алаева.

8. 1975 г. Издательство ЛГУ вернуло рукопись монографии «Этногенез и биосфера Земли» (22 п. л.), рекомендованной к печати Ученым Советом Географического факультета, несмотря на положительное заключение научного редактора профессора Л. В. Смирнова (от 31.03.75 г.), к которому издательство направило работу и считавшего, что книга «вполне заслуживает опубликования в существующем виде». Автор уже не помнит причин отказа в публикации.

9. В январе 1978 г. Ленинградское отделение издательства «Наука» вернуло в Географическое общество рукопись монографии Л. Н. Гумилева «Феномен этноса» (7 п. л.), представленную Президиумом Географического общества с положительными рецензиями академика Туркменской ССР М. П. Петова и академика С. В. Калесника и уже отредактированную редактором издательства В. А. Афанасьевым, с оскорбительным письмом главного редактора А. А. Фролова, в котором последний ссылается на рецензию академика Ю. В. Бромлея. Письмо главного редактора содержало необоснованные аморфные намеки на аполитичность монографии и упреки в адрес Президиума ВГО, представившего работу к печати

в 1974 г.

В ответ на оскорбления автора и Президиума, последний направил работу на рецензию в Институт философии АН СССР, откуда она вернулась с положительным отзывом старшего научного сотрудника, доктора философских наук А. В. Гульги (28.01.1978), в котором подчеркивалась уникальность исследования Л. Н. Гумилева, соответствие его основным положениям диалектического материализма и, наоборот, обращалось внимание на очевидные идеалистические заблуждения академика Ю. В. Бромлея в определении этноса. Однако этот отзыв не был принят к рассмотрению главным редактором ЛО «Наука» А. А. Фроловым.

После этого Л. Н. Гумилев сделал письменное заявление в Президиум ГО СССР с просьбой вернуть ему рукопись монографии и истребовать письменное извинение главного редактора А. А. Фролова Президиуму и автору. Такого извинения не последовало.

10. 1977 г. Научный совет по проблемам биосферы представил к печати в издательстве «Наука» монографию Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» (22 п. л.) на основании решения Ученого Совета географического факультета ЛГУ от 18.11.1976, решения расширенного Заседания группы философских вопросов наук о Земле Института философии АН СССР от 10.09.1975 г., девяти отзывов специалистов и заключения доктора биологических наук, зам. председателя биологической секции и международной секции Научного совета по проблемам биосферы АН СССР Н. Н. Смирнова (от 28.10.1977), в котором последний отметил, что «дальнейшее рецензирование едва ли целесообразно, так как задерживает публикацию, и уже имеющиеся девять рецензий (данная десятая) вполне выясняют суть вопроса» и предлагал издать книгу «под грифом Научного совета по проблемам биосферы АН СССР». Однако издательство направило работу в Институт этнографии АН СССР, директору академику Ю. В. Бромлею с просьбой дать гриф этого гуманитарного института. Академик Ю. В. Бромлей отказался предоставить гриф своего института. После чего в 1978 году заведующая отделом палеонтологии Е. В. Тихомирова вернула рукопись автору, сообщив, что издательство не может ее напечатать.

11. В 1978 г. издательство «Наука» (популярная серия) не приняло рукопись монографии Л. Н. Гумилева «История природы и история людей» (10 п. л.), которую по устной договоренности обещало взять.

12. В марте 1979 г. редакция журнала «Звезда» отклонила публикацию трех очерков Л. Н. Гумилева «Возрасты этноса» и др., выполненных по просьбе зав. отделом публицистики Н. К. Неуйминой, и без объяснения вернула рукопись автору.

13. По решению Ученого Совета ЛГУ от 30.10.1978 г. монография Л. Н. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли» (30 п. л.) в трех выпусках была представлена к депонированию в ВИНТИ 1. В процессе работы над рукописью 2-ой и 3-ий выпуски работы были утеряны редактором издательства ЛГХ О. Н. Айсберг, которые она вернула только 18.09.1979 после угрозы привлечения к уголовной ответственности. Это единственная из монографий Л. Н. Гумилева, которая вышла в свет таким несколько непривычным образом. Но ВИНТИ изготавливал копии работы только в течение двух лет. 12.11.1982 г. директор ВИНТИ Михайлов направил письмо исх. № 10211/83/17 директору ЛГУ, проф. В. Б. Алесковскому, в котором отмечал, что работы Л. Н. Гумилева подвергаются в последнее время критике в печати (последнее неточно, критики в печати не было, критика была кулуарной. – Л. Г.), что в ЦИОНТ ВИНТИ изготовлено уже более 2000 экземпляров копий, поэтому он считает целесообразным приостановить дальнейшее изготовление копий. Ректор ЛГУ ответил согласием (исх. № 109.89.8 от 18.11.1982 г.), после чего ВИНТИ прекратил выполнять заказы, ссылаясь на решение «ректората Ленинградского университета им. А. А. Жданова», хотя решение о печатании работы в свое время принял Ученый Совет ЛГУ.

14. 7 апреля 1981 г. (исх. № 14/1510) мл. редактор серии ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия» выслал Л. Н. Гумилеву его очерк «Зигзаг истории» (7 п. л.), заказанный редакцией альманаха «Прометей» этого же издательства в 1978 г. Вернула по требованию суда, который дело о гонораре решил в пользу автора. Дело вело московское отделение ВААП.

15. В № 12 журнала «Наш современник» за 1980 год было опубликовано окончание романа В. Чивилихина «Память», содержащее резкие выпады в адрес Л. Н. Гумилева и необоснованные обвинения в биологизме, «географическом детерминизме», повторяющие в более наглой форме обвинения у В. И. Козлова (Вопросы истории. 1974. № 12). Л. Н. Гумилев послал в редакцию свое возражение (1 п. л.), но ответа не последовало. Редакцией не было напечатано и ни одного письма читателей, которые присылали копии своих писем ученому.

16. 1981 г. Редакция журнала «Вопросы истории» ответила молчанием на письмо-статью Л. Н. Гумилева «Провалы в памяти» (совместно с В. Е. Стариковым и Ю. М. Бородаем) о бесцеремонной выходке В. Чивилихина (1 п. л.).

17. 1981 г. Редакция журнала «Дружба народов» отказала в публикации ответа В. Чивилихину.

Примечание: В. Чивилихина поддержал в журнале «Молодая гвардия» (1982. № 1) А. Г. Кузьмин, обрушившийся на Л. Н. Гумилева с разнузданной бранью. Аргументированный ответ на его статью был передан в редакцию К. П. Ивановым через ЦК ВЛКСМ. Но ни оно, никакое другое письмо читателей опубликованы не были.

18. Декабрь. В 1981 г. журнал «Природа» остановил публикацию статьи Л. Н. Гумилева «Земля незнаема» (0,5 п. л.). Статья была извлечена из номера и готовая верстка возвращена автору без объяснений. Реакция на рецензию Президиума АН СССР от 11.02.81 по поводу статьи Ю. М. Бородея «Этнические контакты и окружающая среда» (Природа. 1981. № 9).

19. 1976 г. Журнал «Проблемы Дальнего Востока» вернул автору статью «Судьбы соседей. Китай за три тысячи лет», представленную туда в 1974 г. сотрудником ЦК КПСС М. Титоренко на том основании, что она «находится в непримиримом противоречии с другими материалами, опубликованными в „Проблемах Дальнего Востока“ (например, статьи Таскина...) и, стало быть, может вызвать ненужную дискуссию», как это явствовало из анонимного отзыва. Тем не менее, эта статья была опубликована в специальном сборнике ЦЭМИ под названием «Северная граница Китая» (2,5 п. л.) в 1978 г.

20. Январь 1982. Изд-во ЛГУ отвергло рукопись курса лекций Л. Н. Гумилева «Феномен этноса» (20 п. л.) на основании анонимной рецензии Госкомиздата РСФСР от 29.12.81 № 05–10986/78, в которой работа Л. Н. Гумилева оценивается «как классово чуждая, научно неприемлемая и социально вредная трактовка самого содержания общественного процесса и его объективных критериев», хотя ее предваряло аргументированное предисловие, в котором подробно было разъяснено, что позиция автора вытекает из развития фундаментального положения К. Маркса о «первичной формации».

21. В 1981 г. Ленинградское радио заключило договор на трансляцию курса лекций «Народоведение» Л. Н. Гумилева (10 п. л.). Курс был отредактирован, но передачи не состоялись. Гонорар был выплачен в размере 50 %.

22. В 1981 г. главный редактор «Восточной литературы» издательства «Наука» О. К. Дрейер взял курс лекций Л. Н. Гумилева «Народоведение», но вернул через два дня, запретив приходить в редакцию до тех пор, пока журнал «Вопросы истории» не напечатает какую-либо работу Л. Н. Гумилева.

23. В 1984 г. в журнал «Вопросы истории» Л. Н. Гумилев направил статью «Есть ли в советской науке два учения об этносе?» (в соавторстве с К. П. Ивановым), (0,5 п. л.), в которой доказывается, что академик Ю. В. Бромлей использует в своих монографиях 29 основных

положений концепции Л. Н. Гумилева об этносе без сносок. Ответа не последовало.

Примечание: Опубликована статья К. П. Иванова «Взгляды на этнографию, или есть ли в советской науке два учения об этносе». – «Известия ВГО», 1985, № 3 с перечнем основных заимствований, сделанных Ю. П. Бромлеем.

24. В 1984 г. журнал «Новый мир» возвращает без объяснений статью Л. Н. Гумилева «Черная легенда», заказанную редактором М. Д. Львовым в 1982 г., заключившим с Л. Н. Гумилевым договор на очерк (8 п. л.). Содержание работы – объяснение ненависти европейцев к русским и татарам, возникшем в XIII в., из-за происков тамплиеров. Выплачено 60 % гонорара.

Итого за период 1975 по 1985 опубликована только 21 статья объемом около 16 п. л. Общий объем отвергнутых работ около 82 п. л. (это в основном монографии).

Вывод: Фундаментальное направление Советской Науки было задержано в своем развитии на 11 лет.

«Публикации моих работ блокируются» (Кто и почему отвергал Л. Н. Гумилева)

Документ № 1

Глубокоуважаемый Анатолий Иванович! [1]

Вынужден сообщить Вам, что я, Гумилев Лев Николаевич, ленинградец, 1912 г. р., доктор исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского Университета, член специализированного Ученого Совета по географии, автор 165 работ по истории и географии, в настоящее время нахожусь в весьма странном положении.

В силу неясных мне обстоятельств, публикации моих работ за последние десять лет *блокируются*. Я могу объяснить это только тем, что отсвет бед, которые по независящим от меня причинам преследовали меня первую половину моей жизни, продолжают незримо фигурировать и сейчас. Обвинения в мой адрес сняты давно, в 1956 г. С 1959 г. по 1975 г. мои работы, хоть и с трудом, печатались, а с 1976 г. вовсе перестали, за редким исключением.

За указанное десятилетие это стало системой. Лучшая моя книга «Этногенез и биосфера Земли», 30 п. л. была депонирована в ВИНТИ в 1979 г. Число заказов на нее превысило 2000 экз., так что она должна была публиковаться в издательстве Ленинградского Университета как книга. Вместо этого было прекращено изготовление копий в ВИНТИ. Это является прямым нарушением установленного порядка.

Продолжение «Этногенеза и биосферы Земли» (ВИНТИ, 1979) являются «Тысячелетие вокруг Каспия», 23 п. л., одобрено Ученым Советом Географического факультета ЛГУ; «Древняя Русь и Великая Степь», 35 п. л. – академиком Д. С. Лихачевым; «География этноса в историческое время», 18 п. л. – Президиумом Географического общества СССР.

Авторитетные ученые к моим работам относятся благожелательно. Но Издательства и Редакции журналов. Заказывая мне согласованные заранее работы, затем, уже принятые и одобренные статьи, выбрасывают даже из верстки и возвращают без объяснения причин; иногда выплачивают часть гонорара.

Именно так поступили: (редакции журналов – прим. ред.) «Природа», «Вопросы истории» (трижды), «Новый мир», «Звезда», «Прометей» (ежегодник издательства «Молодая гвардия») и «Вестник Ленинградского Университета, серия геология и география». Главный редактор «Редакции Восточной литературы» издательства «Наука», где были напечатаны пять моих монографий, вообще запретил мне приходить, пока меня не напечатают «Вопросы истории».

Готовые к печати книги лежат дома. Это тянется с 1976 г.

Актуальность моих работ в политическом и научном аспекте заключается в том, что в них *доказано*, что для народов нашей страны характерны дружба и взаимопомощь, а отдельные столкновения в течение тысячелетия являлись эпизодами на общем фоне симбиоза.

Я думаю о будущем нашего Отечества и знаю, что «мир в Доме – залог его устойчивости». Человек любой нации обижается на неуважение к его истории и культуре, а мне ставят в вину, что я отношусь к народам нашей страны – лояльно. Но не лучше ли быть справедливым, как ради Науки, так и ради блага нашей Родины.

Хотелось бы надеяться, что мои книги увидят свет в издательстве «Наука» еще при моей жизни, а рецензирование их обойдется без предвзятости [2].

Л. Н. Гумилев

10.3.1987.

Примечания

[1] Письмо зарегистрировано в подотделе писем ЦК КПСС 17 марта 1987 г., рег. № 072422 на имя А. Н. Лукьянова.

[2] К письму имеется записка: «Уважаемый Александр Николаевич! Нельзя ли все же определенно и ясно выяснить в издательствах, чем они руководствуются, отказывая в публикации идей сына Гумилева. По нашей линии к нему никаких претензий нет. Если не затруднит, хотел бы знать результаты. А. Лукьянов. 6.IV.87».

Имеется также резолюция: «Тов. Григорьеву В. А., тов. Скляркову Ю. А. Прошу разобраться. 11.4.87. А. Яковлев»

Документ № 2

В ЦК КПСС [3]

№ 14100–1255/190

На № 072422

По договоренности Отделение истории АН СССР направляет в Отдел науки и учебных заведений заключение комиссии Отделения о работах Л. Н. Гумилева по историко-этнической проблематике.

Приложение: по тексту на 4 стр. Академик-секретарь Отделения истории АН СССР академик С. Д. Тихвинский

Заключение

комиссии Отделения истории АН СССР о работах Л. Н. Гумилева по историко-этнической проблематике

Научной общественности, широким читательским кругам широко известны взгляды Л. Н. Гумилева о проблемах этноса, этногенеза, по вопросам ранней истории тюркских племен, степного мира накануне и в момент образования империи Чингизидов и др. Они были изложены в ряде опубликованных статей, монографий, депонированной рукописи «Этногенез и биосфера», неизменно вызывающих широкий отклик и критику.

Суть взглядов Л. Н. Гумилева сводится к следующему:

Этносы (племена, народности и нации) представляются ему не социальными, а биологическими категориями, подразделениями биологического вида *Homo sapiens*, возникшими в результате приспособления групп людей (как популяций животных) к определенным природным условиям. При этом, этносы могут возникать и возникали, якобы,

только в определенных (непонятно чем обусловленных) особых районах мира, и, как всякая биологическая категория, они проходят жизненный цикл от рождения до «естественной» смерти. Главной действующей силой этногенеза и всей этнической истории считается «пассионарность», т. е. особое психическое состояние отдельных выдающихся людей (типа Александра Невского, Мухаммеда, Наполеона и др.), обусловленное генетически (мутациями). Такие «пассионарии», по Л. Н. Гумилеву, становятся ядром этнического объединения обыкновенных людей («субпассионариев») и в своей деятельности отражают биологические тенденции, например, «потребность» этноса к расширению его ареала за счет других этносов. Каждый этнос органически связан с определенным генофондом пассионариев, поэтому этносы рассматриваются как биологически-несовместимые друг с другом. Контакты между ними, по Л. Н. Гумилеву, нежелательны, ибо они, как контакты между физическими полями «разного ритма» ведут к их взаимному угасанию. Этнически смешанные браки дают, якобы, не жизнеспособное в генетическом отношении потомство; государство и другие общественные институты, созданные на базе межэтнических смешений, представляются «недолговечными», «химерными» и т. п.

В работах Л. Н. Гумилева немало бездоказательных, парадоксальных выводов, основанных не на анализе источников, а на «нетрадиционности мышления», стремлении противопоставить свои взгляды «официальным» точкам зрения. Такова идея о неожиданном исчезновении (затоплении) Хазарии, хотя такого бедствия не было, оно не отражено ни в каких материалах, идея об активной агрессивности Руси по отношению к половцам, страдавшим от русских набегов; и в то же время рассуждения о мирных и дружественных отношениях этих двух народов. На самом деле отношения были значительно сложнее. Мягко говоря, странно звучат тезисы Л. Н. Гумилева о «безвредности» ордынского нашествия, об исторической «необходимости» завоевания, о якобы имеющем место преувеличении тех страшных несчастий, которые принесло оно народам Евразии.

Необходимо отметить, что громкое время Л. Н. Гумилева снискало ему известную популярность в среде широкой читательской аудитории, которую он привлекает своей увлеченностью, несомненным талантом беллетриста, и которая обращает мало внимания на противоречивость, неясность, «экспромтный» характер его высказываний.

Методологически неверные построения Л. Н. Гумилева опасны серьезными идеологическими и практически-политическими ошибками. Они органически связаны с уже давно разоблаченными буржуазными теориями географического детерминизма, социального детерминизма и геополитики, с идеалистической теорией «героев и толпы», с национализмом и расизмом. Отрицание социальной природы этноса, игнорирование существующей исторической типологии этнических общностей и ее связи с общественно-экономическими формированиями приводит к игнорированию социально-формационного развития всего общества.

К чему ведет развитие концепций Л. Н. Гумилева не так давно продемонстрировал его последователь Ю. М. Бородай в статье «Этнические контакты и окружающая среда» («Природа», 1981) Здесь вновь говорится о том, что народы мира должны жить изолированно, ибо процессы их этнокультурного взаимодействия, якобы, вредны, приводят к возникновению «химер», оказывающих отрицательное влияние на исторический процесс. Межэтнические браки объявляются несостоятельными, т. к. ведут к появлению психически неуравновешенных детей и т. п. Идеи автора, как и идеи самого Л. Н. Гумилева, на которого он ссылается, объективно смыкаются с идеями тех, кто выступает за политику этнокультурной истории человечества были немыслимы без межэтнических контактов, без взаимодействия и взаимовлияния культур. Особенно нелепы эти взгляды по отношению к СССР, где такие

контакты играют важную роль в процессе сближения советских народов, где уже имеются многие миллионы этнически смешанных семей ит.д.

Необходимо сказать, что статья Ю. М. Бородая, развивающая идеи Л. Н. Гумилева, стала предметом специального рассмотрения на заседании Президиума АН СССР. В Постановлении Президиума от 12.11.1981 № 1369 публикация статьи была признана ошибочной, дающей неправильное освещение этнических процессов, отмечена вредность распространения среди широких кругов читателей методологически непродуманных, необоснованных и несостоятельных идей.

Наука не может развиваться без дискуссий. И дискуссии по этим вопросам уже не раз велись в научной печати, показав теоретическую несостоятельность изложенных выше взглядов Л. Н. Гумилева, практическую вредность их широкого распространения. В этом основная причина отказа публикации работ Л. Н. Гумилева.

Член-корреспондент АН СССР *И. Д. Ковальченко* (председатель)

Член-корреспондент АН СССР *А. П. Новосельцев*

Доктор исторических наук *В. И. Козлов*

Доктор исторических наук *С. А. Плетнева*

Доктор исторических наук *П. И. Пучков*

Примечания

[3] На бланке Отделения истории Академии наук СССР.

Документ № 3

Москва, ЦК КПСС, [4], секретарю ЦК КПСС, т. Яковлеву А.Н.

Уважаемый Александр Николаевич!

Мы обращаемся к Вам с предложением опубликовать труды доктора исторических и географических наук, профессора Льва Николаевича Гумилева, в первую очередь – его капитальное исследование «Этногенез и биосфера Земли», долгие годы существующее только в виде депонированной рукописи.

Л. Н. Гумилев на обширнейшем и глубоко проанализированном материале истории народов Евразии и Африки установил своеобразные закономерности развития наций (этносов) в связи с географической средой их обитания.

Опираясь на общепризнанные ныне и ставшие классическими труды академика В. И. Вернадского, Л. Н. Гумилев показал общие закономерности природного процесса этногенеза в их совокупности с законами экономического, классового и политического развития наций и народностей и тем самым доказал всю несостоятельность различных расистских теорий национального превосходства или национальной неполноценности тех или иных народов.

Нам представляется, что теория Л. Н. Гумилева, помимо ее прямой научной плодотворности и неординарности, могла бы явиться существенным аргументом в идеологической борьбе за мир и дружбу между народами.

Наконец, надо сказать, что оппоненты Л. Н. Гумилева, имея неограниченную возможность научных и популярных публикаций, присваивая или искажая отдельные научные положения Л. Н. Гумилева, не гнушаясь не только обвинениями его в «незнании» или «ошибках», но даже и распространением позорящих слухов и сплетен о нем, добились фактического запрещения его работ. О какой демократии или демократизации науки может идти речь, если маститый ученый лишен даже печатной возможности отвечать своим оппонентам?

Л. Н. Гумилев, ученый, патриот и боевой солдат Великой Отечественной войны, которому

1 октября 1987 года исполняется 75 лет, все свои научные изыскания осуществил в трагичнейших и несправедливейших обстоятельствах судьбы, и, если по отношению к нему восстановлена политическая и житейская справедливость, то пора, наконец, восстановить и справедливость научную [5].

Председатель президиума Советского фонда культуры, Лауреат Государственных и международных премий, Герой Социалистического труда *Д. Лихачев*

Начальник Новгородской археологической экспедиции МГУ, членкорреспондент АН СССР *В. Янин*

Писатель, кандидат филологических наук *Д. Балашов*

Отв. секретарь Новгородской писательской организации *Б. Романов*

Примечания

[4] Письмо зарегистрировано 15 мая 1987 г., рег. № 223453

[5] Имеется резолюция: «Тов. Григорьеву В. А., Тов. Склярову Ю. А. 21.5.87. А. Яковлев».

Документ № 4

ЦК КПСС

к №№ 072422, 223453

В ЦК КПСС обратился с письмом доктор исторических наук, научный сотрудник НИИ географии Ленинградского госуниверситета т. Гумилев Л. Н. Он просит оказать содействие в публикациях его трудов, которые, по его мнению, без достаточных оснований отвергаются издательством «Наука», редакциями ряда журналов, в том числе редакцией журнала «Вопросы истории». Он считает также необоснованным прекращение копирования его рукописи «Этногенез и биосфера Земли», депонированной во Всесоюзном институте научной и технической информации ГКНТ и АН СССР (ВИНИТИ) в 1979 году.

В поддержку публикации работ т. Гумилева высказываются также в письме в ЦК КПСС академик Лихачев Д. С., член-корреспондент АН СССР Янин В. Л. И др.

Тов. Гумилев Л. Н., автор пяти монографий и большого числа статей по истории и этнографии Средней Азии и Китая. В работах, написанных в 1960–1970 годах, в том числе в статьях, опубликованных в «Вестнике ЛГУ» и других журналах, т. Гумилевым развивалась т. н. биолого-географическая концепция происхождения народов. По его мнению, различные этносы (племена, народности и нации) являются продуктом не социального, а биологического развития, связанного с приспособлением групп людей к определенным природным условиям. В основе его концепции лежит так называемая теория «пассионарности», т. е. способности отдельных выдающихся личностей стать ядром этнического объединения. Во взглядах т. Гумилева нашли отражение идеи о биологической несовместимости различных этносов, о вреде смешанных браков, о трудности и бесперспективности объединения различных национальностей в рамках одного государства и т. п. (справка отделения истории АН СССР прилагается) Следует отметить также, что ряд положений т. Гумилева широко используется, например, некоторыми писателями и публицистами Казахстана для всякого рода националистических построений, обоснования превосходства кочевого образа жизни и кочевников по сравнению с другими народами (А. Сейдимбеков «Поющие купола», Алма-Ата, 1986 г.; К. Салгарин «Предки и потомки», Алма-Ата, 1986 г., на казахском языке и др.)

Концепции т. Гумилева неоднократно подвергались серьезной критике академиками Рыбаковым Б. А., Бромлеем Ю. В., членами-корреспондентами АН СССР Григулевичем И. Р.,

Чистовым К. В. И другими видными учеными. Его работы «Феномен этноса» (Предмет и методика исследования) (1977 г.), «Народоведение» (1981 г.), представленные в издательство «Наука» и издательство Ленинградского госуниверситета, получили резко отрицательные отзывы рецензентов-ученых Академии наук СССР и Академии общественных наук при ЦК КПСС. В связи с этим, они были исключены из издательских планов. Статья т. Гумилева «Некоторые малоизученные аспекты истории „кочевников“», направленная им в журнал «Вопросы истории», дважды обсуждалась на редколлегии и не была рекомендована к печати в связи с игнорированием научных данных и безосновательным преувеличением роли кочевников в истории мировой цивилизации. Статья возвращена автору для доработки.

Новые работы т. Гумилева, перечисленные в письме в ЦК КПСС, в издательство «Наука» и издательство Ленинградского госуниверситета им не предлагались. Рукопись т. Гумилева «Тысячелетие вокруг Каспия» принята с согласия автора к депонированию редакционно-издательским отделом Ленинградского госуниверситета.

Что касается прекращения копирования рукописи т. Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», то исполняющему обязанности директора ВИНТИ т. Болошину И. А. рекомендовано возобновить копирование данной работы по мере поступления запросов от учреждений историкогеографического профиля и специалистов.

Директору издательства «Наука» т. Чибиряеву С. А., ректору Ленинградского госуниверситета т. Меркурьеву С. П., главному редактору журнала «Вопросы истории» т. Трухановскому В. Г. поручено внимательно и объективно рассматривать представляемые т. Гумилевым работы.

По поставленным в письме вопросам автору даны соответствующие разъяснения зав. отделом науки и учебных заведений Ленинградского обкома КПСС т. Денисовым Ю. А. Результатами рассмотрения письма т. Гумилев удовлетворен. Тов. Лихачеву Д. С. и др. ответ на их письмо сообщен по телефону [6].

Зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС *В. Григорьев*

Зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС *Ю. Складов*

3 июня 1987 года

ЦХСД. Архив подотдела писем ЦК КПСС. Подлинник.

Литература

[6] Имеется виза А. Н. Яковлева, а также пометка: «Доложено. В архив».

Комментарии

Л. Н. Гумилев

Этногенез и этносфера

Впервые: *Природа*. 1970. № 1–2.

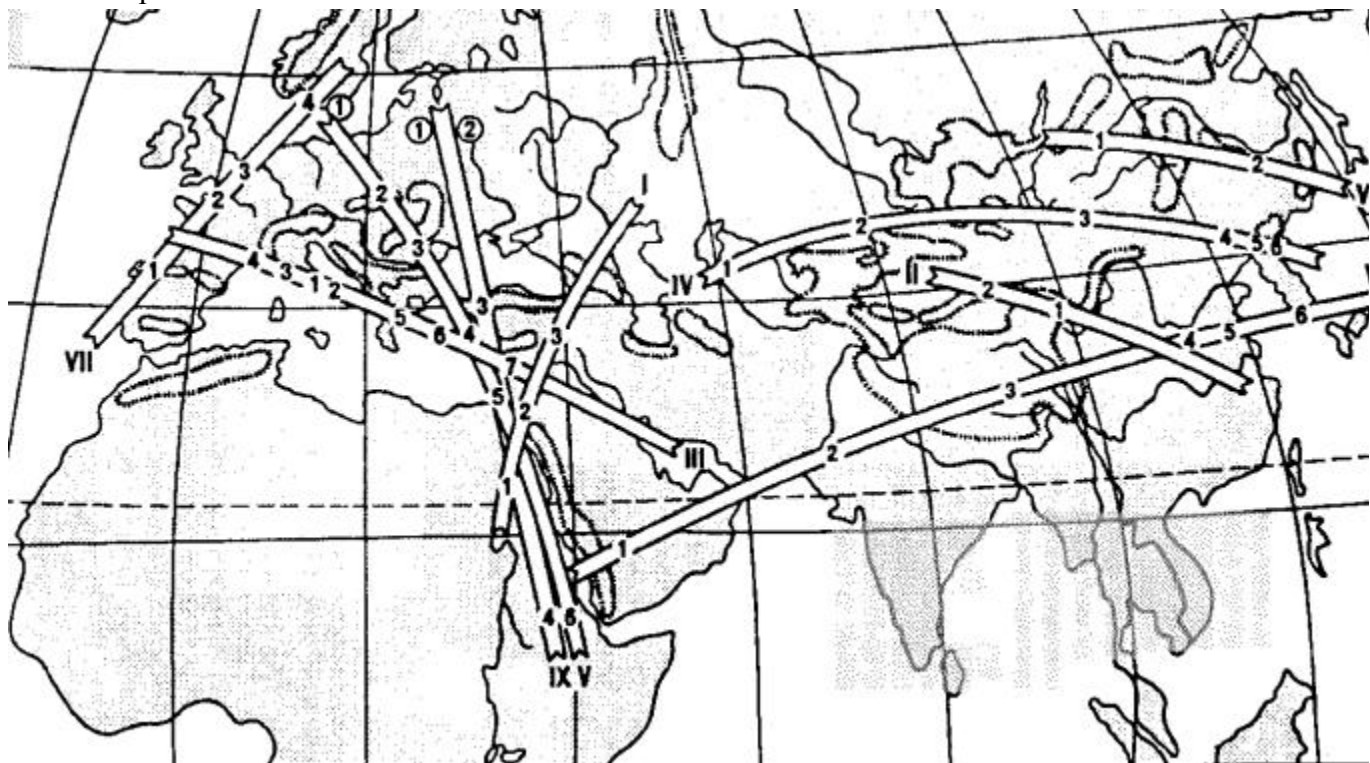
*1. «расы I порядка». Европейская, монголоидная и экваториальная; последнюю зачастую делят на негроидную (африканскую) и австралоидную (океанийскую).

*2. «Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину...» По скромному мнению составителя сборника, взаимоотношения иудеев с римлянами были не столь примитивны.

*3. «...процессы „сигнальной наследственности“, что просто-напросто другое название традиции». См. заключительную статью.

*4. Эта карта была справедливо раскритикована большинством участников дискуссии,

включая Ю. К. Ефремова (см. комментарий к статье Я. Г. Машбица, К. В. Чистова «Ещё раз к вопросу о двух концепциях „этноса“», стр. 682–686). В последующих произведениях ЛН она отсутствует, ей на смену в трактате «Этногенез и биосфера земли» пришла его знаменитая карта пассионарных толчков:

М. И. Артамонов

Снова «герои» и «толпа»?

*1. «...от старого учения о героях и толпе». Имеется в виду учение Н. К. Михайловского (1842–1904), одного из идеологов народничества. В советское время это учение полагалось критиковать как антимарксистское.

*2. Имеется в виду статья Ю. В. Бромлея «К вопросу о сущности этноса». В ней автор писал:

«Население нашей планеты, как известно, распадается на совокупности людей, именуемые в обыденном русском языке „нарами“. В нашей научной литературе для их обозначения всё чаще стали употребляться термины „этнос“ и „этническая общность“. И в этом есть несомненный смысл, поскольку слово народ многозначно.

Но с введением специальных терминов возникли новые трудности примерно такого же порядка, ибо сами эти термины стали употребляться далеко не в одинаковых значениях. Правда, амплитуда семантических расхождений в данном случае значительно меньше, чем при употреблении слова „народ“. И уже одно это оправдывает использование специальной терминологии. Поэтому задача состоит не в том, чтобы заменить рассматриваемые термины иными, а прежде всего в их уточнении, углублении. Следовательно, было бы, очевидно, неверно полностью игнорировать уже сложившиеся представления как о термине „этнос“, так и относительно других терминов, обозначающих различные этнические общности. Но при таком подходе неизбежно встает вопрос: как учесть соответствующие представления?»

Очевидно, простая механическая сводка существующих дефиниций будет здесь мало эффективной, ибо сама по себе она не может дать критериев для предпочтения тех или иных из них. Значительно реальнее и гораздо важнее, на наш взгляд, предварительно выявить некоторые общие и наиболее характерные черты существующих представлений об этносе и

этнических общностях. Это может дать определённые ориентиры для суждения о специфике интересующих нас общностей.

К таким представлениям прежде всего, очевидно, следует отнести уже само употребление термина „этнос“ для обозначения совокупностей людей, именуемых в разговорном русском языке словом „народ“. Но хотя это находит достаточные основания в

семантике древнегреческого

ἔθνος

всё же подобное определение одного термина через другой мало о чём говорит. Гораздо важнее, что отправной точкой для всех представлений о различных видах этнических общностей в конечном счёте является антитеза „мы“ – „они“. И для этого есть определённые основания. Ведь само представление (в том числе обыденное) о существовании такой особой категории человеческих общностей, как этнические (под каким бы названием они не выступали: народ, этнос, народность, нация и т. д.), – в значительной мере результат противопоставлений одних общностей другим. Иногда, правда, можно встретить мнение, что отличие этносов друг от друга – вопрос второстепенный при выяснении сущности и специфики этнических общностей. Однако при этом упускается из виду, что именно противопоставление своей общности другой всегда способствовало фиксации и активному закреплению своих этнических отличий и тем самым – скреплению общности. Этническая общность без отграничения от других таких же общностей – фикция. Но, разумеется, само единство внешних, ограничительных особенностей этноса представляет собой выражение его определенной внутренней целостности.

Согласно существующим представлениям об этносе, характерной его чертой является также сравнительная устойчивость. И такое представление обычно относится не только к этносу в целом, но и к его основным отличительным признакам. Наконец, общепризнанным типичным свойством дифференцирующих признаков этноса служит их наглядность. Это обусловлено тем, что выяснение подобных особенностей путем сопоставления этносов базируется, прежде всего, на данных непосредственных наблюдений, которые осуществляются при личных контактах людей, принадлежащих к различным этническим общностям. Итак, среди множества свойств, присущих различным общностям людей, к этническим обычно относят те отличительные свойства, для которых характерны устойчивость и наглядность.

Но такое общее определение, конечно, отнюдь не избавляет от необходимости конкретизировать те сферы, в которых наиболее отчетливо проявляются эти свойства. Ведь, хотя указанные общие критерии в той или иной мере характерны для всех существующих дефиниций этноса, однако это не помешало появлению значительных расхождений между ними в конкретном определении этнических признаков. Так, одни авторы в качестве главных признаков этого рода называют язык и культуру; другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание; третьи указывают, кроме того, на особенности психического склада; четвертые включают также в число этнических признаков общность происхождения и государственную принадлежность; пятые усматривают сущность этноса в особенностях психических стереотипов.

Чем же вызван этот разнобой? На наш взгляд, в значительной мере тем, что как существенные, так и второстепенные свойства этноса интегрированы в единую целостную систему. Поэтому весьма трудно выявить его сущность – основные, неотъемлемые признаки, отличать их от второстепенных свойств. В естественных науках в таких случаях, как правило, проводят специальные эксперименты, в ходе которых исследуемая система ставится в необычные условия, благодаря чему и удается проникнуть в её сущность. У общественных

наук в целом, как известно, возможности проведения массовых экспериментов весьма ограничены, а отдельные из этих наук, как, например, история, вообще почти лишены таких возможностей. Эксперимент у них заменяет сама общественно-историческая практика человечества. Стало быть, и для решения стоящей перед нами задачи надлежит обратиться к общественно-исторической практике с целью выявления тех ее „экспериментов“, которые влекли за собой отчленение основных свойств этноса от второстепенных. Это происходило тогда, когда этнические системы оказывались в условиях, существенно отклоняющихся от нормы. „Экспериментов“ этого рода, на наш взгляд, человечество на протяжении своего существования поставило множество. Их представляют все виды миграций: как перемещения целых народов (типа миграций эпохи „великого переселения народов“) так и перемещения отдельных этнических групп (и даже отдельных лиц), преобладающие в современных условиях.

В самом деле, ведь общеизвестно, что при переселении группы людей на новое место, не только они сами, но и их потомки в той или иной мере сохраняют прежние отличительные, т. е. этнические свойства. Совокупность этих свойств, обладающих особой устойчивостью, представляет, на наш взгляд, неотъемлемое ядро этнической общности – этнос в узком смысле этого слова. Соответственно, те свойства и элементы этнической общности, которые она утрачивает в результате перемещения, должны быть отнесены к числу необязательных: они представляют как бы внешнюю оболочку этноса-ядра. Стало быть, „снятие“ этой оболочки на основе данных о миграциях служит необходимым предварительным условием выявления этноса-ядра. При этом следует иметь в виду, что наибольшее „расщепляющее“ воздействие на этнос оказывают микромиграции – перемещения сравнительно небольших групп.

Если миграции макрогруппами (массовые единовременные переселения) влекут за собой потерю этнической общностью лишь её географической среды и культурного ландшафта, то микромиграции дают более „глубокое“ членение этнической системы. Они обычно отслаивают также большую часть элементов материальной культуры, влекут за собой полное изменение экономических связей, а нередко и значительные социальные перемены. Таким образом, рассмотрение этнических систем сквозь призму микромиграций в конечном счете позволяет заключить, что к основным этническим признакам следует отнести непосредственные свойства самих людей. Именно поэтому этническая общность или её часть, даже оторвавшись от своей традиционной общественно-исторической и природной среды, может на протяжении многих поколений сохранять свои типичные свойства. Конечно, на этом основании было бы ошибочно заключать, как это подчас делается, будто этнические свойства – нечто извечное, независимое от среды. В действительности, как известно, дело обстоит совсем иначе. Но это особый вопрос, и к нему мы вернемся ниже. Сейчас для нас существен сам факт воспроизводства людьми, оказавшимися в новых условиях существования, определенной части своих традиционных этнических свойств. Он достаточно ярко свидетельствует о сравнительно прочной „привязанности“ такого рода свойств к самим людям. Каковы же эти свойства? Нам уже известно, что они должны быть устойчивыми, наглядными и играть дифференцирующую роль. Всем этим требованиям отвечают внешние отличительные особенности физического типа людей, т. е. расовые признаки: отличия цвета кожи, волос, глаз, черт лица, формы черепа и т. д. Характерно, что в житейской практике эти внешние, весьма наглядные, устойчивые, дифференцирующие признаки нередко являются отправным, начальным показателем при решении вопроса об этнической принадлежности того или иного человека или группы людей. Однако в преобладающем числе случаев расовые признаки не могут служить сколько-нибудь существенным этническим признаком, ибо расовое деление человечества, как правило, не совпадает с этническим. Это выражается как в том,

что практически не существует „чистых“, не смешанных в расовом отношении этносов, так и в отсутствии чётких антропологических границ между смежными этническими общностями, принадлежащими к одной расе.

Среди свойств, присущих людям, этнического объединения и размежевания, несравнимо большее значение, чем физический облик, имеют групповые особенности их деятельности. Деятельность – это основное свойство людей. Чтобы жить, человек должен, прежде всего, действовать практически. Но о деятельности людей, как известно, судят, прежде всего, по её результатам. Совокупность же последних представляет собой культуру в широком смысле слова, т. е. понимаемую как всё то, что создано человечеством в его материальном и духовном развитии. При этом в культуру включается не только овеществлённый труд, но и сама деятельность людей, выраженная в действиях и поступках. Именно в сфере трактуемой таким образом культуры обычно и сосредоточены все основные отличительные особенности этнических единиц. Не случайно в качестве этих особенностей, как правило, указывают не такие устойчивые и притом непосредственно наблюдаемые компоненты культуры, как язык, материальную культуру, народное изобразительное искусство, устное творчество, обычаи и обряды, нравы и т. п. В интересующей нас связи существенно подчеркнуть, что как раз воспроизводство (в той или иной степени) подобного рода компонентов культуры и обеспечивает переселенцам сохранение своего традиционного этнического облика. Однако это воспроизводство само нуждается в объяснении. И здесь неизбежно приходится обратиться к человеческой психике. Ведь...все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову“.

Без учета некоторых свойств человеческой психики невозможно раскрыть механизм, обеспечивающий как устойчивость общих черт деятельности и поведения членов отдельных этнических коллективов, так и передачу ими этих черт из поколения в поколение. Основу данного механизма составляют инвариантные образования человеческой психики – психические стереотипы. Это, с одной стороны, так называемые динамические стереотипы, лежащие в основе автоматизированных элементов поведения людей (привычек), с другой – стереотипы-„значения“, составляющие в форме „понятий“, „знаний“, „умений“, „норм поведения“ содержание общественного сознания. Существенно, однако, сразу же подчеркнуть, что формирование подобных свойств психики у человека имеет свои специфические особенности. Как известно, биологическая наследственность не распространяется на культурные достижения человечества, его общественно-исторический опыт. Поколенная передача этого опыта осуществляется у человека в результате прижизненного усвоения, так называемой социализации личности. При этом у людей осознанный характер передачи стереотипов явно преобладает над интуитивным. Необходимо иметь в виду и то, что в отличие от животных у людей в качестве основного средства передачи опыта выступает такой социальный инструмент, как язык.

Одним словом, устойчивые психические стереотипы отнюдь не являются имманентным свойством человеческого мозга: они сами – продукт определенных внешних условий, прежде всего общественно-исторических. И то, что в изменившихся в результате переселения условиях продолжают функционировать традиционные психические стереотипы, происходит не в силу их полной независимости от этих условий, а всего лишь потому, что они обладают некоторой инерцией.

Рассматривая вопрос о роли психических стереотипов в воспроизводстве устойчивой этнической специфики культуры, следует учитывать, что это воспроизводство связано не только с шаблонами содержательной стороны психики. Оно – результат всех её стабильных особенностей, в том числе эмоционально-волевых. Различные свойства психики не просто

сосуществуют вместе, а, как правило, синтезируются в сложные образования. Совокупность таких образований, характеризуемых обычно как психический склад, в конечном счете, и предопределяет многие наиболее общие черты этнических общностей.

Впрочем, нередко можно встретить сетования на то, что психический склад этнических общностей практически неуловим. Однако при этом явно упускается из виду, что этническая специфика отличается наглядностью, в то время как стоящие за ней особенности психики скрыты от глаз непосредственного наблюдателя; следовательно, судить об этих особенностях можно лишь на основе вторичных показателей.

Необходимо также иметь в виду, что такие показатели неправомерно сводить лишь к фиксированным овеянным формам культуры. Как уже говорилось, к ним относятся также сами действия и поступки; они могут выражать этническую специфику и в тех случаях, когда представляют лишь „промежуточное“ звено на пути созидания культурных ценностей. Одним словом, сферы опосредованного проявления устойчивых этнических особенностей психики весьма широки.

И если существование таковых всё же ставится подчас под сомнение, то помимо всего прочего это – результат своеобразной реакции на склонность обыденного сознания к абсолютизации отдельных черт психического склада этнических общностей, в первую очередь основного его компонента – характера. Между тем для подобной абсолютизации, как правило, нет оснований. Ведь большинство определяющих черт характера, таких как, скажем, трудолюбие, патриотизм, мужество, целеустремленность, являются общечеловеческими. Следовательно, речь может идти не о монопольном обладании какой-либо этнической общностью той или иной из этих черт, а лишь о различии между отдельными народами в степени и формах ее проявления. Например, легко заметить, что в силу специфики социально-экономических, географических и других условий существования такое свойство, как трудолюбие, проявляется у разных народов далеко неодинаково. Однако „замерить“ и точно охарактеризовать все оттенки подобных различий далеко не просто. К тому же – и это весьма существенно – на такого рода характеристики неизбежно оказывает влияние тот факт, что „мы воспринимаем и оцениваем поведение и образ жизни чужого народа сквозь призму культурных традиций и ценностей собственной этнической группы“.

Одним словом, определение отличительных особенностей характера отдельных этнических общностей сопряжено с немалыми трудностями. Но это не может служить основанием для отрицания таких особенностей. Они, как и остальные отличительные черты психического склада каждого народа, отчетливо проявляются во всем неповторимом своеобразии его культуры, в том числе в специфике деятельности и поведения. Необходимо лишь усовершенствовать изучение взаимозависимости между особенностями культуры и типичными чертами психического склада членов отдельных этносов.

Своеобразное, но вместе с тем весьма существенное этническое свойство представляет этническое самосознание – осознание членами этноса своей принадлежности к нему, проявляющееся прежде всего в употреблении ими общего самосознания. Важным компонентом этнического самосознания является представление об общности происхождения, реальную основу которого составляет общность исторических судеб членов этноса и их предков на всём протяжении его существования. О принадлежности самосознания к числу основных свойств этнических общностей свидетельствует, в частности, тот факт, что переселенцы обычно утрачивают его далеко не сразу. Вообще же практически этнос существует до тех пор, пока его члены сохраняют представление о своей принадлежности к нему.

Наконец, одним из важных, хотя и оставшихся до последнего времени вне поля зрения

исследователей, свойств этноса является эндогамия, т. е. преимущественное заключение браков внутри определенной замкнутой в данном отношении группы. Уже давно общепризнанна эндогамность племён – основных этнических ячеек первобытнообщинного строя. Однако оказалось, что подавляющее большинство современных этнических общностей – наций – обладает не меньшей степенью эндогамности: обычно более 90 % их членов заключает гомогенные в этническом отношении браки. Значение эндогамии как своеобразного „стабилизатора“ этноса связано с той особой ролью, которую играет семья в передаче культурной информации.

Сохраняя этническую однородность большинства этих составляющих этнос ячеек, эндогамия тем самым обеспечивает ему в целом преемственность традиционной культуры. Вместе с тем, заключение браков внутри замкнутого эндогамного круга неизбежно ведет к усилению внутри него культурного единообразия.

Границы эндогамии образуют самые различные факторы; это и природные, и социально-политические (язык, политические границы и т. п.) барьеры, и отдельные компоненты общественного сознания (такие, как религия и этническое самосознание). При этом по мере научно-технического прогресса, сопровождающегося усовершенствованием средств связи, значение природных факторов в данном отношении все более отходит на задний план. Границы эндогамии выступают в качестве своеобразного генетического барьера этноса. А это, в свою очередь, придает этносу характер генетической единицы – популяции. Обращая внимание на данное обстоятельство, следует сразу же подчеркнуть неправомерность попыток рассматривать популяцию как сущность и первооснову этноса. Напротив, этнос выполняет функции популяции лишь благодаря своей эндогамности, которая, как мы только что могли убедиться, сама – явление производное от многих факторов и обычно прежде всего социального и идеологического характера. Уже давно обращено внимание на то, что ни один из элементов этноса (например, язык, обычаи, религия и т. п.) не служит неизменным дифференцирующим этническим признаком. Это подчас служит основанием для игнорирования этих элементов как выражения сущности этноса. Между тем в таком случае явно не учитывается, что этнос – не простая сумма „признаков“ и „общностей“, а целостная система, к тому же сознающая эту свою целостность. И если бы, скажем, язык и этнос, языковое и этническое деление всегда совпадали, то, видимо, различие этих понятий потеряло бы смысл.

Итак, очевидно, этнос в узком смысле слова можно определить как совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры и соответствующим психическим складом, а также сознанием своего единства и эндогамией.

Но, образно говоря, в чистом виде этнос-ядро никогда не существует. Он непременно имеет свою „оболочку“ в виде среды, которую составляют как социальные, так и природные факторы. В первом случае в такой роли выступает прежде всего так называемый социальный организм (как племенного, так и государственного характера), во втором – ландшафт. Оба эти фактора являются не только средой существования этноса, но и важнейшим условием его возникновения. По меткому замечанию одного современного французского этнолога, чтобы этносу конституироваться, „требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более велик народ“. О значении же для возникновения и существования этноса географической „оболочки“ наглядно свидетельствуют те прямые и косвенные следы её воздействия, которые можно обнаружить в самых различных этнических компонентах, начиная от материальной культуры и кончая самоназванием. Но, ставя перед собой специальную задачу выявления этого воздействия, разумеется, не следует пренебрегать предупреждением Гегеля, что „...недопустимо указывать на климат Ионии как на причину

творений Гомера или на честолюбие Цезаря как на причину падения республиканского строя Рима“» («Природа», 1971, № 2).

*3. «Из определения этноса, данного Ю. В. Бромлеем...» См. заключительную статью сборника, стр. 620.

Л. Н. Гумилев

Этногенез – природный процесс

*1. Указанная статья В. И. Козлова называвшаяся «Что же такое этнос?» открывала дискуссию в журнале «Природа». В ней автор, в частности, писал: «Изложенная Л. Н. Гумилевым „географо-психологическая“ концепция этноса и этнической истории в основе своей биологическая; этносы (или народы), согласно идее Л. Н. Гумилева, соотносятся с географическим ландшафтом, как соотносится с природной средой обитания любой другой биологический род или вид. Сама этническая история и движущие ее „пассионарные“ силы определяются биохимическими процессами взаимодействия организма и природной среды и сводятся, в конечном итоге, к обычному биологическому циклу: рождение – зрелость – смерть. Географический детерминизм особенно четко проявился в том, что возникновение и развитие этносов, по Л. Н. Гумилеву, приурочивается лишь к определенным географическим районам. Судя по опубликованной карте, к числу таких районов относится, например, вся Западная Европа, но не относится ни Прибалтика, ни Кавказ, ни Средняя Азия, ни Сибирь; относится Индокитай, но не относится большая часть Индии и Передней Азии; относится долина Нила с Эфиопией и небольшая часть Западного Судана, но не относится вся остальная Африка, и т. д. Таким образом, в результате умозрительных построений Л. Н. Гумилева сотни народов мира оказываются как бы на положении незаконнорожденных.

Первая и основная посылка наших рассуждений об этносе и этнических процессах – то, что общности людей, именуемые этносами или народами, относятся не к биологическим, а к социальным категориям. Конечно, человек как высшая ступень развития живых организмов – порождение природы и испытывает влияние природной среды. Однако в отличие от животных человек не только пользуется продуктами природы, но и противостоит ей, активно воздействуя на нее и изменяя ее. Создание и использование орудий труда ознаменовало собой переход к человеческому обществу, которое характеризуется специфическими законами развития, отличными от биологических. В обществе нет никаких биологических связей, которые в то же время не были бы социальными. Показательно, что само человеческое общество сложилось не тогда, когда обезьяночеловек, ударяя камнем о камень, сделал первое рубило, а тогда, когда даже биологические в своей основе брачно-половые и родственные отношения стали социально-регулируемыми.

Среди всего разнообразия социальных форм и отношений выделяется два их жизненно важных вида. Ф. Энгельс писал: „Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни, но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода“. Показательно, что первая исторически возникшая социальная организация – племенная общность людей, считающаяся и первым типом этнической общности, обеспечивала выполнение именно этих основных функций воспроизводства жизни.

Родоплеменная форма социальной организации была универсальным этапом в развитии всех народов мира и возникала повсеместно, где жили первобытные люди, вне зависимости от природных условий. Что же касается „пассионарности“, то на протяжении тысячелетий

первобытной истории она вообще не играла никакой роли. Людям с повышенной эмоциональной активностью, заставлявшей их выступать против традиций и правил, определяющих жизнь соплеменников, не было места в обществе: их либо изгоняли из племени, либо просто убивали.

Как бы ни старался Л. Н. Гумилев показать, что „социальные и этнические процессы различны по своей природе“, в действительности этнические процессы, лежащие в основе возникновения или изменения этносов, – это разновидность социальных процессов. Основным видом этих процессов в первобытную эпоху были процессы этнического разделения, когда разросшиеся в своей численности племена делились на части, переселявшиеся в другие районы и становящиеся самостоятельными племенами. Именно эти процессы лежали в основе расселения людей по земному шару из области (или нескольких областей) формирования *Homo sapiens*; они же привели и к возникновению множества новых этносов со своими языками, культурой и т. п.; только в Австралии перед приходом туда европейцев было около 500 племен со своими языками.

В конце первобытнообщинной эпохи стали развиваться процессы этнического объединения. Вначале они выражались в появлении союзов племен, подобных известной Лиге ирокезов; после разложения родоплеменного строя, с возникновением классов и государств – в формировании народностей и наций. Эти более крупные этносы по сравнению с предшествовавшими им племенами возникали не в каких-то немногих местах земного шара, а в широкой, протянувшейся через все материки зоне, сравнительно благоприятной для жизни человека, будь то равнинная или горная местность, лесной, степной или полупустынный ландшафт. Природная среда, оказывая благоприятное или неблагоприятное влияние на развитие производства и рост численности населения, влияла и на развитие этнических процессов, однако она не определяла ни сущности этих процессов, ни форму социальных образований – этнических общностей. Конечно, природная среда накладывала отпечаток на некоторые характерные черты этноса, в первую очередь на особенности материальной культуры, но это не приводило к какой-то органической связи этноса с ландшафтом. Русские, например, сформировались как этнос в лесных ландшафтах средней полосы Восточно-Европейской равнины, но затем расширили свою этническую территорию и ныне живут на берегах северных морей, в предгорьях Кавказа, в оазисах Средней Азии и в степях Забайкалья.

Вторая посылка наших рассуждений по определению сущности этноса состоит в признании того факта, что социальная жизнь людей не сводится к этнической (национальной) и что этнос является лишь одним из видов социальной общности. Даже на первобытнообщинной стадии, относительно бедной социальными формами, наряду с племенем существовали родовые и семейные группы, фратрии, половозрастные группировки, религиозно-магические союзы и др. Дальнейшее развитие человечества сопровождалось отмиранием части старых и появлением множества новых социальных общностей: государственных, религиозных классовых, профессиональных, сословных и др.

Многие недостатки статьи Л. Гумилева обусловлены тем, что он рассматривает этнос изолированно как единственный исторически сложившийся вид общности людей. Это упущение бросается в глаза даже в том случае, если принять его биологическую концепцию этноса: все, для того чтобы определить сущность какого-то биологического вида, основное внимание следует уделить не внутривидовым, а межвидовым различиям. В действительности этносы – это социальные образования, необходимость сопоставления которых другими общностями усиливается само сопоставление усложняется очень сложным переплетением социальных связей. Один и тот же человек, одна и та же группа людей могут одновременно

входить в различные социальные общности и при определенных условиях будут проявлять себя как часть одной, при других условиях – как часть другой общности.

История показывает, что этнические связи, игравшие жизненно важную роль на первобытнообщинной стадии, в раннеклассовых формациях сильно ослабевают. Замена родовой структуры населения территориальной, а племенной – государственной приводит к тому, что в области организации материального производства этнос уступает свою роль государству. В социально-политической жизни на первое место выдвигаются классы; несомненно, например, что деление на свободных и рабов в Римской империи имело большее значение, чем принадлежность людей к тем или иным этническим группам. Сильно повышается, особенно в области духовной жизни роль религии. Французы-католики рьяно уничтожали французов-протестантов (гугенотов), вынуждая их бежать в Англию; притесняемые протестантами-англичанами, католики англичане искали помощи у католиков Франции. Очень сильным было влияние религии в странах Азии, где религиозная принадлежность в течение многих столетий имела большее значение, чем этническая. Об этом – уже в новейшее время – наглядно свидетельствовало разделение прежде единой Британской Индии на два государства: Индию, с преимущественно индуистским, и Пакистан с преимущественно мусульманским населением. При этом некоторые народы, например бенгальцы и пенджабцы, оказались разобценными.

В отличие от расовой общности индексами социальной принадлежности служат не антропологические особенности, например цвет кожи, черты лица и т. п., а язык и особенности культуры и быта; лишь некоторые расовые общности (например, негры США) приближаются к этническим. Религиозная общность отличается от этнической тем, что связи между входящими в нее людьми не прямые, а косвенные, основанные на вере этих людей в одного и того же бога (или богов) и святость его представителей; весьма важная отличительная черта таких связей – их экстерриториальность. Если же религиозная общность имеет свою территорию и охватывает людей, говорящих на одном языке, то ее бывает трудно отделить от этнической. Так, сикхи, упомянутые Л. Н. Гумилевым в числе двух сложившихся в Индии народов, являются все же по своему происхождению не этнической, а религиозной общностью.

Сложнее всего, пожалуй, обстоит дело с разграничением этноса и государственной общности людей, так как этническая (национальная) общность почти всегда стремится иметь какие-то формы государственной автономии, а существование государства способствует созданию в его границах единого этноса из разнородных в этническом отношении групп населения. Для такого разграничения можно использовать язык, особенности культуры, быта и другие символы этнической принадлежности, не совпадающие с символами государственной принадлежности. Однако в случае однопациональных государств уже такой подход далеко не всегда решает вопрос. Эволюция этносов в классовых формациях в разных странах и различных условиях шла по-разному, но почти всюду – очень сложными путями. В тех случаях, когда у людей, входящих в этносы, имелась общность религии и особенно – свое государство, этническая общность выступает достаточно четко, и не только как объект, но и как субъект исторического процесса. В случае, когда таких совпадений не было, очертания этноса расплывались и терялись. Изменялись этносы, изменялись представления о них и термины, применяемые для их обозначения.

Л. Н. Гумилев отчасти прав, когда пишет, что этапы развития этносов не совпадают с общественно-экономическими формациями. При этом мы имеем в виду действительную эволюцию этносов, а не те биологические этапы от рождения до смерти, о которых говорит Л. Н. Гумилев; сомнительно, чтобы и сам он ответил, на какой стадии подобного развития

находились, например, двести лет назад японский и китайский этносы и на какой стадии они находятся в настоящее время. Вместе с тем, ясно, что раннеклассовые формации в целом характеризуются упадком этнических связей, а капиталистическая эпоха – их возрождением.

Это возрождение роли этнических (теперь уже в виде национальных) общностей с развитием капиталистического производства было связано с двумя существенными признаками этноса – с языковой и территориальной общностью входящих в него людей. Классическое описание этого процесса дано В. И. Лениным.

Материальные предпосылки национальных движений усиливались идеологическими. Для того чтобы лучше использовать этническую (национальную) принадлежность в конкурентной борьбе, буржуазия и обслуживающая буржуазное общество интеллигенция развивают идеологию национализма. Зерна национализма питаются прежде всего психологически естественной симпатией к людям того же языка, культуры, внешнего вида и т. д. и столь же естественной настороженностью по отношению к этнически чуждым людям. В преимущественно однопациональных странах национализм сливался с патриотизмом, с любовью к родной земле и преданностью государству.

Национальное чувство не является врожденным. Дети – безнациональны и теряют это свойство, главным образом, под воздействием воспитания в семье, школьного образования, печати и других средств массовой информации, а также при контактах с людьми другой этнической принадлежности. Но, так или иначе, такие чувства возникают и становятся важной основой национального самосознания и самоопределения.

Несмотря на сильные материальные предпосылки и идеологическую поддержку, отмеченные В. И. Лениным стремления к государственности национальной далеко не всегда претворялись в жизнь. В одних случаях этому препятствовала прочность исторически сложившихся многонациональных государств, в других – существование больших областей со смешанным этническим составом населения и невозможность территориального разграничения по национальному признаку. В результате этого создалась весьма сложная картина различных форм существования этносов, с которой и приходится иметь дело современному исследователю: этносы, имеющие те или иные формы национальной государственности и не имеющие таковых; этносы, компактно заселяющие определенную территорию, и этносы, территориально смешанные в той или иной степени с другими народами.

В статье Ю. В. Бромляя сделана интересная попытка установить сущность этноса путем изучения некоторых специфических форм его существования, главным образом – отдельных частей этноса, отколовшихся от него в результате миграций. Автор показывает, в частности, что люди, входившие в этнос, могут и после отделения от него сохранять и передавать последующему потомству язык, особенности культуры и другие элементы, которые обычно применяются для определения этноса. Однако такой подход решает лишь часть задачи как по охвату проблемы, так и по тому факту, что сохранение и воспроизводство приобретенных ранее свойств не является специфической чертой этноса. Переселенцы-земледельцы, например, почти всегда будут стараться и на новом месте заниматься земледелием, а скотоводы – скотоводством, со всеми обусловленными этими особенностями их жизни чертами культуры и быта; называть же это свойство этническим, повидимому, нет оснований.

От внимания наших этнографов и социологов обычно ускользал тот очевидный факт, что этносы, или народы, способны устойчиво существовать лишь за счет преимущественного заключения браков между людьми, входящими в один и тот же этнос. Ю. В. Бромлей в рассматриваемой нами статье и ряде других работ показал важность этого явления; однако,

включив эндогамию в число важнейших признаков этноса, он, по-видимому, несколько преувеличил и во всяком случае не вполне точно истолковал значение такого явления. Черты эндогамии можно найти повсюду: ведь и москвичи женятся преимущественно на москвичках, а парижане – на парижанках. Что же касается выбора брачных партнеров, то этническая принадлежность играла здесь определяющую роль лишь в первобытнообщинную эпоху, в племенных общностях; впоследствии она явно уступила свое значение религиозной (в том числе кастовой), сословной, а кое-где и расовой принадлежности. Уже поэтому, при всей показанной Ю. В. Бромлеем этнической важности гомогенных (национально однородных) браков, их следует, по-нашему мнению, считать не признаком, а условием существования этноса.

Итак, что же такое этнос?

Этнос (или народ) – это исторически сложившаяся социальная общность людей; так как эта общность способна к устойчивому многовековому существованию за счет самовоспроизводства, ее можно назвать „социальным организмом“. Формирование и самовоспроизводство этнической общности определяется непосредственными контактами входящих в нее людей; это возможно лишь в том случае, если люди живут по соседству, т. е. на одной территории, и говорят на одном языке. Общность территории и языка выступает, таким образом, прежде всего как условие формирования этноса. Природные условия территории влияют на жизнь людей, отражаясь в некоторых особенностях их хозяйственной деятельности, культуры, быта и психики. Однако это влияние не определяющее; хозяйство и культура, быт и психика сильно изменяются в ходе исторического процесса, даже если люди продолжают жить на одной и той же территории; в действительности же, во многих случаях изменяется и сама территория, а этнос остается. Более тесны связи этноса с языком, который является не только условием формирования этноса, но и продуктом этноса, а создание общности языка – результатом этногенеза; последнее особенно заметно в случае формирования этносов из разноязычных групп населения (например, в странах Америки). В результате такой тесной связи язык используется как один из важнейших символов этнической принадлежности. Нередко в качестве таких символов выступают и специфические элементы культуры этноса. Самовоспроизводство этноса обеспечивается преимущественным заключением браков внутри этноса и путем передачи новому поколению языка, традиций и т. п. В случаях, когда этнос формируется из резко различающихся расовых групп, только их брачное смешение, широкая метисация, создает основу для возникновения чувства этнической близости.

„Возрождение“ роли этносов, начинающееся с эпохи раннего капитализма, связано, с одной стороны, с усилившимся значением языка для установления экономических связей, с другой стороны, – с возможностью использования этнической принадлежности в конкурентной и идеологической борьбе. О „возрождении“ этносов свидетельствует укрепление этнического (национального) самосознания, видное место в котором занимает представление об общности происхождения и исторических судеб, входящих в этнос людей. Возникнувшее национальное самосознание оказывается весьма стойким, сохраняющимся длительное время даже при территориальном отрыве отдельных людей и частей этноса от этнического ядра даже при изменении ими языка и культуры. Поэтому именно оно широко используется в качестве индекса этнической принадлежности при определении ее в переписях и других формах статистического учета.

Однако этнический „ренессанс“, продолжающийся до сих пор во многих странах мира, явление исторически преходящее. Уже экономика развитого капитализма ломает национальные рамки, как бы лишая это явление материальной базы, создает основу для

нивелирования этнических различий, для интернационализации культуры и т. п.; социализм, утверждающий национальное равноправие, лишает национализм идеологической базы и открывает пути для предсказанного классиками марксизма-ленинизма слияния наций» («Природа», 1971, № 2).

*2. «...то, на что влияют природные условия, не социально». См. заключительную статью, стр. 622.

*3. Данную дискуссию в журнале «Природа» завершила реплика Ю. В. Бромлея под названием «Несколько замечаний о социальных и природных»:

«Ознакомление с материалами дискуссии невольно оставляет впечатление, что ее участники говорят как бы на разных языках. Основную подоплеку этого следует, очевидно, в первую очередь искать в тех различиях в подходе к дискутируемой проблеме, которые весьма рельефно очерчены в выступлении Ю. К. Ефремова. Наиболее показательны в данном отношении расхождения, связанные с определением этноса. Хотя все участники дискуссии, кажется, склонны видеть основной эквивалент термина „этнос“ в слове „народ“ обыденного русского языка, однако для одних этнос – явление общественное, для других – прежде всего биологическое. Здесь, видимо, нет смысла повторять доводы в пользу первого представления об этносе, приведенные в нашей статье, а тем более в выступлениях В. И. Козлова и М. И. Артамонова, публикуемых в настоящем номере „Природы“. Напомню лишь, что нас объединяет представление об этносе как о языково-культурной общности людей. При этом М. И. Артамонов полагает, что одной ссылки на такого рода общность вполне достаточно для точного определения этноса. Однако с этим трудно согласиться, ибо хорошо известно, что далеко не всякая „пространственная“ культурная общность, в том числе и „археологическая культура“, соответствует определенному этносу.

В действительности совокупность людей, обладающая общностью культуры, выступает как единый этнос только в том случае, если ее члены в той или иной мере осознают эту общность, считая ее выражением общности исторических судеб, в том числе, как правило, общности происхождения (фактической или иллюзорной – это уже особый вопрос). Не случайно этнос существует лишь до тех пор, пока у его членов сохраняется сознание общности. Вместе с тем следует учитывать, что когда под термином „этнос“ понимается „осознанная культурная общность“, речь идет, как нами уже отмечалось, об узком значении данного термина.

Нередко, однако, можно встретить и его более широкое толкование. В этих случаях обычно имеются в виду такие формы существования этноса, как племя, народность, нация. Эти сложные образования, которые мы условно называем „этносоциальными организмами“, обычно обладают не только культурной, но и территориальной, социально-экономической, а подчас и политической общностью. Именно наличие социально-экономических компонентов непосредственно связывает этносоциальные организмы с социально-экономическими формациями. Это обстоятельство нашло, в частности, выражение как в делении наций на буржуазные и социалистические, так и в преимущественном употреблении термина „племя“ применительно к первобытнообщинной формации, а термина „народность“ – к рабовладельческой и феодальной.

В отличие от этносоциального организма этнос в узком значении слова (т. е. то явление, которое в обыденном русском языке мы обозначаем как „национальность“) может существовать при нескольких формациях (и не только при двух и трех, но даже при четырех – например, армяне). Это обстоятельство объясняется, на наш взгляд, тем, что объективная основа этноса, в узком смысле слова – культура, обладает относительной самостоятельностью своего развития. В первую очередь это касается духовной культуры,

многие компоненты которой (такие, как, скажем, философия или искусство) отражают изменения, происходящие в ходе социально-экономического развития лишь опосредованным образом (особенно показателен в этом отношении такой важнейший компонент этноса как язык). Одним словом, причины несовпадения основных этапов этнических и социально-экономических процессов могут быть объяснены и без причисления этноса к биологическим явлениям.

Подчеркивая, что основу этноса составляет такое социальное явление, как культура, т. е. система „внебиологических“ способов деятельности и ее результатов, вместе с тем следует иметь в виду, что функционирование общества обеспечивается не только специфически общественными средствами в чистом виде. Определенную роль в данном отношении играют и „механизмы“, сохраняющие в той или иной степени биологический характер. Это обстоятельство позволяет условно разделить все общественные явления на социально-культурные и социально-биологические. К первым относятся, например, техника, экономика, право, мораль и т. п.; ко вторым – главным образом демографические факторы. Обе эти сферы общественной жизни теснейшим образом переплетены.

Особенно наглядно их взаимодействие проступает в такой общественной ячейке, как семья. И хотя мы привыкли рассматривать ее преимущественно в социальном плане, тем не менее наличие у семьи биологической стороны тоже достаточно очевидно и поэтому не нуждается в особых доказательствах. Значительно менее ясен аналогичный вопрос применительно к этносам. Ведь то, что индивиды, составляющие этнос, обладают определенными биологическими свойствами, само по себе еще не означает, что эти свойства должны считаться характерными именно для этого типа человеческих общностей. Известно, например, что каждый народ принадлежит, как правило, к одной из больших рас, представляющих определенную биологическую (антропологическую) общность. Однако этнические границы многих народов не совпадают с границами больших рас, чем в первую очередь и обусловлено несовпадение таких категорий, как этнос и раса. Из биологических общностей, пожалуй, наиболее тесно сопряжена с этносом та специфическая разновидность популяций, границы которой, как нами уже отмечалось, образуют генетический барьер, создаваемый присущей каждой этнической общности эндогамией. Кстати сказать, В. И. Козлов, ссылаясь на то, что черты „эндогамии“ можно найти во многих общностях людей, высказывает сомнение в правомерности использования эндогамии в качестве признака этноса. Однако если придерживаться такого рода аргументации, то и язык придется исключить из числа этнических признаков, ибо его „можно найти повсюду“.

Судя по всему, существует также определенная корреляция между этносом и демографическими явлениями. Не случайно этнос (народ) часто выступает в качестве одной из демографических категорий. Показательно также, что такой демографический фактор, как рождаемость обычно в немалой мере обусловлен соответствующими традициями, психическими установками, характерными для той или иной этнической общности. Впрочем, демографические процессы, видимо, в большей степени сопряжены не с этносами в узком смысле этого слова, а с этносоциальными организмами, ибо определяющее значение для этих процессов имеют социально-экономические и политические факторы. Короче говоря, вопрос о соотношении между этническими и природными факторами гораздо сложнее, чем он может показаться в случае отнесения этноса к разряду биологических категорий.

Соответственно значительно более сложной предстает перед нами и сама проблема воздействия на этнические процессы природных факторов. Это воздействие протекает не столько по биологическим (в том числе психофизиологическим), сколько по „внебиологическим“ каналам, приводя к изменению культуры. Наибольшее влияние природные

факторы, несомненно, оказывают на этногенез народов, особенно, когда этот процесс протекает на ранних стадиях общественного развития. В этом отношении достаточно показательны характерные для эпохи возникновения классовых обществ массовые миграции (переселения целых групп племен), сыгравшие немалую роль в появлении многих современных этнических общностей. Многие из этих миграций были вызваны относительной перенаселенностью, давлением населения на производительные силы, т. е. явлением, в котором, казалось бы, определяющую роль играют природные факторы (как биологические, так и географические). Однако, в конечном счете, сама эта перенаселенность – результат роста производительных сил.

В дальнейшем социальная детерминированность этнических процессов еще более возрастает. Даже такие стихийные бедствия, как эпидемии, засухи, наводнения и т. п., хотя и ощутимо отражаются на судьбах отдельных этносов, но все же, как правило, не влекут за собой их исчезновения. Намного существеннее, например, в этом отношении роль завоеваний, нередко сопровождающихся полной ассимиляцией этнических групп. Между тем каждое завоевание – явление социально-детерминированное и, следовательно, таков же характер связанной с ним активности людей, в том числе и влекущей за собой этнические перемены. То же самое, очевидно, можно сказать и относительно направленной активности людей, связанной с торговыми, идеологическими, политическими и другими видами межэтнических контактов. Разумеется, это не значит, что на них не накладываются определенного отпечатка особенности, присущие психическому складу каждой из взаимодействующих этнических общностей. Однако выделить чисто биологические компоненты психического склада этноса крайне трудно, а главное, есть достаточно оснований утверждать, что в и проявлении социальные моменты являются определяющими. В частности, как уже нами отмечалось в предыдущем выступлении, решающая роль в преемственности специфических стереотипов поведения, характерных для членов той или иной этнической общности, принадлежит не биологической наследственности, а „внебиологическому“ механизму прижизненного усвоения ими культурных традиций этой общности.

Это доминирование социальных факторов над природными, проявляющееся во всех сферах влияния последних на этнические процессы, должно однако заслонять от нас самого наличия такого влияния. И значение данной дискуссии, на наш взгляд, определяется прежде всего тем, что она привлекла внимание к этой наименее изученной стороне проблемы ». («Природа», 1971, № 2).

Л. Н. Гумилев

Поиски вымышленного царства

Впервые: М.: Наука, 1970.

*1. «...князя Александра Ярославича Невского, друга Батыя, побратима Сартака... » См. ниже комментарий к статье И. Н. Данилевского, стр. 698.

Б. А. Рыбаков

О преодолении самообмана

Впервые: Вопросы истории. 1971. № 3.

*1. Ростислав Борисович Рыбаков, сын Б. А. Рыбакова, вспоминает: «В последний год жизни Б. А. я спросил его, о чём из сделанного им он жалеет. Ответ был абсолютно неожиданным – о статьях против Л. Н. Гумилева. Я был поражён, мне казалось, что, резкие по форме, эти статьи были верными в основе своей. Б. А. пояснил: „Я ни от чего не отказываюсь, но тон должен был быть мягче“ » – Вестник Российской академии наук, том 78,

№ 6, 2008.

Л. Н. Гумилев

Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником?

Впервые: *Русская литература*. 1972. № 1

Л. Н. Гумилев

С точки зрения Клио

Впервые: *Дружба народов*. 1977, № 2.

Л. Н. Гумилев

Год рождения 1380...

Впервые: *Декоративное искусство*. 1980. № 12.

В. А. Чивилихин

Память

Впервые: *Наш современник*. 1980. № 8–12.

*2. «...а к неполноценным, не удостоенным благосклонности природы, относит обширные ареалы и „неполноценные“ народы Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Дальнего Востока, Прибалтики, бенгальцев, тамиллов и многие другие народы Индостана, а также Африки, Америки, Западной Европы... » По мнению составителя сборника, о «неполноценности» каких-либо этносов у Л. Н. Гумилева речи нет. «**Очевидно**», – писал он, – **все этносы прошли фазы подъема, перегрева, надлома и инерции, только каждый этнос осуществил развитие по-своему. Те же этносы, которые европейцы считают „примитивными“ и „отсталыми“, потому что ныне они пребывают в гомеостазе, некогда имели своих героев и гениев, но неумолимый Хронос состарил их. От былых живых культур у них сохранились обрывки преданий и трудовые навыки; это „старички“, а не „дети“** » (здесь, «Биография научной теории...», стр. 367).

*3. «...И не столько объяснить, сколько, как это ни покажется чудовищным, оправдать!» По мнению составителя сборника, объяснять – не значит оправдывать. Оправдания и осуждения находятся за пределами науки.

*4. «Эти ученые делают вид, будто не знают, что понятие и слово „русский“ вошли в обиход за много столетий до Куликовской битвы, известны еще с языческих времен » – этноним *русский*, конечно, существовал и ранее, однако, по мнению составителя сборника, ни это, ни дальнейшие рассуждения автора, вовсе не опровергают тезиса ЛН, что возвышение Москвы и победа на Куликовом поле ознаменовали собой начало нового этногенеза – Московской Руси.

*5. «...замечательные слова В. И. Ленина из статьи „Главная задача наших дней“... » Ссылка на Ленина в данном контексте сейчас может вызвать только улыбку, но в то время она была не только несмешной, но и совершенно необходимой для публикации.

*6. «...начальные строки Гимна Советского Союза ...» Молодёжи напомним эти строки: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь ».

*7. Это было написано за 11 лет до развала СССР!

Л. Н. Гумилев

Некоторые исторические аспекты социальной географии

Из архива С. Б. Лаврова. Публикуется впервые. Текст любезно предоставлен Валентиной

Николаевной Лавровой.

*1 (№ 12, с. 105). См. здесь, стр. 128

*2 (№ 12, с. 106). См. здесь, стр. 129.

*3 (№ 12, с. 106). См. здесь, стр. 129.

*4. «Афганистан, Иран, Азербайджан – таких государств в XIII в. не было». См. здесь, стр. 132.

*5. «Валахия – ее в XIII в. не было». – В книжном варианте романаэссе В. Чивилихиным указанное название было заменено на «Поднестровье». См. здесь, стр. 132.

*6. «...автор эссе считает, что граница улуса Джучиева доходила до Обской губы (№ 12, с. 113)». Вновь ошибка исправлена: Обская губа заменена на «понизовья Оби» См. здесь, стр. 139.

*7. «В. Чивилихин восклицает: „Где, какие монголы объясняли войну против Руси как месть за убийство их послов? Неизвестно!“ (№ 12, с. 107)». См. здесь, стр. 132.

*8. «„Золотая орда не была восточно-европейским государством“ и „русские княжества не входили в состав орды“». (№ 12, с. 113)». См. здесь, стр. 139.

*9. «Не было симбиоза и тесного союза Золотой орды и Руси!» «Была у ордынских ханов обширнейшая средневековая колония... управляемая через посредство русских феодалов и духовных лиц» (№ 12, с. 118). См. здесь, стр. 145.

А. Г. Кузьмин

Священные камни памяти

Впервые: Молодая гвардия. 1982. № 1. С. 252–266.

*1. «В. Чивилихин ничуть не преувеличил, указав на стремление Гумилева не только объяснить, но даже и оправдать любую агрессию космическо-климатической теорией» Здесь автор вновь повторяет прокомментированный выше тезис В. И. Козлова.

*2. «... убийца не виноват в том, что ему нравится убивать, а грабитель в том, что он любит грабить (по Гумилеву, „добрыми или злыми могут быть сознательные решения, а не импульсы“...)» По мнению составителя сборника, действия убийцы или грабителя являются как раз осознанными, и именно поэтому вполне могут быть оценены как «злые».

*3. «...есть еще германцы, индусы, китайцы и многие другие народы, которые никак не уложить в 1200 лет». Этногенезы указанных народов описаны Л. Н. Гумилевым в трактате «Этногенез и биосфера Земли». См., например, пояснения к карте пассионарных толчков (ч. 7, гл. XXIX, «Кривая этногенеза»). Существует версия, что Индия и Китай были, кроме того, затронуты толчком XVIII или XIX вв.

*4. «...поражение фашистской Германии не следствие героических усилий советского народа, а результат перерасхода энергии – утраты пассионарности». По мнению составителя сборника, идея мирового господства Германской нации не была обеспечена ни людскими, ни экономическими ресурсами. Наряду с, безусловно, «героическими усилиями советского народа» этот фактор также нельзя не учитывать для понимания причин поражения нацистской Германии.

*5. «Зачем нам диалектический и исторический материализм, если мы знаем теперь, что от деятельности и воли людей ничего не зависит?» Помня эпоху, в которую это писалось, будем снисходительны к такого рода аргументам. Тем более что Л. Н. Гумилеву, как видно из его письма главному редактору «Коммуниста», приходилось отвечать в том же духе.

*6. «...Именно реакционное содержание концепции делает ее столь притягательной на Западе». На самом деле на Западе теория этногенеза Л. Н. Гумилева до сих пор очень мало

известна.

*7. *Джувейни*, Ала-ад-дин Ата-мелик (1226–1283) – персидский историк. Основное сочинение – «История завоевателя мира».

Л. Н. Гумилев

Главному редактору журнала «Коммунист» Р. И. Косолапову

Публикуется по: *Вспоминая* Л. Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования. СПб., Росток, 2003.

Письмо Л. Н. Гумилева датировано 3.03.1982. К нему имелось специальное «Приложение», подписанное К. П. Ивановым, в котором, по утверждению его составителя, были «перечислены не все, но самые грубые ошибки и подтасовки (всего их обнаружено 158)», допущенные А. Кузьминым в его статье «Священные камни памяти».

К. П. Иванов

Взгляды на этнографию, или Есть ли в советской науке два учения об этносе

Опубликовано: *Известия* Всесоюзного географического общества. Май-июнь 1985. Вып. 3. Т. 117. В редакцию журнала поступила, как в нём указано, 28 декабря 1984 г. Об истории этой статьи см. *Лавров С. Б.* Лев Гумилев: Судьба и идеи, гл. 12.2:

«В 1985 г., когда немного утихли споры вокруг этногенеза и осела „пыль“, появилась статья за подписью Константина Иванова, в которой сравнивались основные позиции Учителя и Ю. В. Бромлея. одинаковыми оказались подходы еще к нескольким вопросам: иерархичность этнических систем; генезис этнических таксонов; особая роль географической среды в этногенезе.

Почему статья пошла за одной подписью, я не мог вспомнить, но у меня в архиве остался ее черновик за двумя подписями – Л. Н. и К. Иванова. Дело в том, что Л. Н-ча, конечно, огорчали многие „совпадения“ с Академиком. Он жаловался, что „имел много неприятностей и обид, но теория этногенеза была... приписана академику Ю. В. Бромлею, цитировавшему положения автора без отсылающих сносок“. За эту свою обиду Л. Н. очень хотел отомстить. Сделал он это своеобразно; в упомянутом черновике статьи говорилось: „Мы употребляем выражение «этнограф», когда речь идет о Ю. В. Бромлее, и «этнолог», когда подразумевается Л. Н. Гумилев“. Страшная месть?!

Л. Н. умел не только разгадывать загадки истории, но и сам творить загадки. Зачем ему нужна была статья, где бы доказывалась чуть ли не идентичность взглядов с „Бармалеем“? Только для установления приоритетов? Но тогда это сделано учеником № 1, мягко выражаясь, не четко.

История этой статьи вообще загадочна и несколько комична. Она поступила в редакцию „Известий ВГО“, как говорилось, только за подписью Константина Иванова. Там ее дали профессору Н. Т. Агафонову, вписавшему такие „исправления“, которые поставили под сомнение само понятие „пассионарность“. Возникла совсем тупиковая ситуация. Статью дали мне, в ту пору вице-президенту ГО СССР, а мне было некогда. Я отдал ее сыну – студенту истфака ЛГУ. Это был не случайный „сброс“. Л. Н. удивительно тепло к нему относился: на свое 70-летие (1982 г.) специально позвал и его – тогда еще школьника. Сейчас пора дать ему слово, он хорошо все запомнил, так как для него это было событием: „Я, при условии сохранения анонимности, почистил самые крутые места из агафоновской правки. Суть дела была такова: если бы статья так и вышла под фамилией Агафонова и Кости, то для Кости это означало бы отречение от учителя. В агафоновском тексте прямо стояло, что пассионарность – ерунда (а у меня было написано, что это интересная гипотеза). Чего я до

сих пор не понимаю, хотя грех так писать о покойнике, – зачем ему нужна была статья, в порядке подготовки к печати изменившая смысл на 180 градусов. После того, как о моем участии стало известно, Гумилев смеялся и называл меня своим соавтором, а Костя был обижен. Я до сих пор помню, как особо подходил к нему на Университетской набережной и извинялся за то, что влез без спросу в его работу. Странно, что сейчас, через какие-то восемь или девять лет – это в такой мере стало историей“. Да, странно не только это, а и начало, и весь смысл заказанной статьи».

*1. «По мнению обоих ученых, принадлежность к этносу может быть выявлена через характер, стереотип поведения ». По мнению составителя сборника, только с большой натяжкой из приведённых далее цитат Ю. В. Бромлея можно сделать такой вывод.

*2. «Иными словами, стереотип поведения достоверно определяется не на индивидуальном, а на групповом или популяционном уровне » – см. заключительную статью, стр. 622.

Я. Г. Машибиц, К. В. Чистов

Ещё раз к вопросу о двух концепциях «этноса»

Впервые: *Известия Всесоюзного Географического общества*. 1986. Т. 118. Вып. I.

*1. «Л. Н. Гумилев рассматривает этнос прежде всего в качестве биологической единицы (популяции)... Ю. В. Бромлей, как и подавляющее число советских обществоведов, в том числе и этнографов, считает этнос социальной общностью людей ». См. заключительную статью.

*2. «Сведя сущность этноса к „физической или биологической реальности“, Л. Н. Гумилев, в конечном счете, отождествил его с популяцией ». Вот что писал Л. Н. Гумилев:

« Ни в коем случае нельзя ставить знак равенства между этносом и популяцией, которая (среди животных) может рассматриваться как аналог этноса. Разница тут гораздо глубже, чем сходство. Популяция – это совокупность особей одного вида, населяющая в течение ряда поколений определенную территорию, внутри которой осуществляется свободное скрещивание и которая в то же время отделена от соседних популяций некоторой степенью изоляции. Этнос же, как мы видели, – не совокупность сходных особей, а система, состоящая не только из особей, разнообразных как генетически, так и функционально, но и из продуктов их деятельности в течение многих поколений: техники, антропогенного ландшафта и культурной традиции... Даже статический этнос может довольно свободно, хотя в известных пределах, менять свой ареал, совершая миграции при изменении географической среды в поисках привычных условий. Скрещивание внутри этноса регламентировано либо сословными взаимоотношениями, либо традиционными запретами кровосмешения, либо нормами права и религии. Когда же эти запреты ослабевают, что иной раз случается, то это всегда симптом приближающегося распада этноса.

И наконец, характер этнической изоляции от соседей не связан с территорией. Если происходит территориальное совмещение двух популяций – они немедленно сливаются в одну, а два или более этносов могут сосуществовать на одной территории веками, образуя либо суперэтнос, либо зону этнического контакта на любом уровне. И наоборот, борьба между этносами – явление частое, хотя и необъяснимое с точки зрения борьбы за существование, ибо эта борьба часто не вызывается перенаселением региона. А борьба между популяциями как дискретными (корпускулярными) системами невозможна, ибо цель особи в популяции – выжить самому и дать потомство ». (Этногенез и биосфера Земли. Ч. 5. Гл. XVIII: Этнос – не популяция.)

*3. «И признание им того, что усвоение этнических черт поведения происходит в значительной части бессознательно, отнюдь не превращает сигнальную наследственность в биологическое явление: ведь при этом имеется в виду внегенетическая передача этнокультурной информации при посредстве социальной коммуникации». См. заключительную статью, стр. 622.

*4. «...нельзя не согласиться с мнением Ю. К. Ефремова, писавшего, что избранные автором критерии ландшафтного разнообразия субъективны, а его концепция в целом неубедительна» – в статье «Важное звено в цепи связей человека с природой», о которой здесь идет речь, Ю. К. Ефремов писал:

«...знаменательно появление серии публикаций, с которыми выступил Л. Н. Гумилев. Он затронул и вскрыл многие прежде недоучитывавшиеся природно-общественные связи глубоко и разносторонне. Гумилев исходит из биосоциального понятия о человечестве, хотя и не применяет этого определения. Антропосфера для него не механическая сумма организмов; она подчинена не одним биофизиологическим, но и биогеографическим законам.

...На биологическую составляющую человечества и человека как вида и особи продолжают действовать и природные законы. Они не отрицают и не подменяют законов общественных – решающая роль в судьбах общества остается за последними. Объективный учет биологических сторон существования человека ни к какому расизму не приведет и никакой классовой борьбы не затушит. Человечество подчиняется не только общественным, но и природным законам; сосуществование, сопроявление этих законов – неизбежная реальность на все времена, пока существует биологический вид *Homo sapiens* и его экологически и биоценотически обусловленные сообщества.

Идея Л. Н. Гумилева о том, что человечеству свойственна дифференциация на такие (или консолидация в такие) группировки, очень плодотворна. Его этносы выступают как прямые эквиваленты биоценотических групп, как своего рода „антропоценозы“, и хотя несут в себе немало социального, но всей историей своего возникновения доказывают отсутствие прямых зависимостей от спонтанных смен общественно-экономических формаций: бывают лишь частные совпадения, обостряющие эффект явления (например, крушение этноса римлян и конец рабовладельческого строя).

В целом ряде случаев (особенно в географических работах), когда объектом исследования оказывается не общество, а биосоциальное человечество, такой подход крайне необходим. Это отнюдь не исключает учета чисто общественных законов. На некоторых этапах исследования вполне допустимо (а нередко и неизбежно) намеренное методологическое абстрагирование от всей реальной сложности явлений, в частности абстрагирование от природных законов, сосуществующих с общественными. Совсем другое – полное игнорирование роли природных законов, чем нередко грешат и географы, и социологи. По Л. Н. Гумилеву же этносфера и этногенез служат фоном для спонтанного общественного развития по спирали.

Большая заслуга Л. Н. Гумилева в том, что он смело говорит о значении природных факторов в судьбах человечества, имея в виду не одну природную среду и ландшафт, но и психофизиологические стороны существования людских группировок. Так, вполне правомочно рассматривать стереотип поведения людей, варьирующий в локальных регионах внутривидовых популяций, как высшую форму их приспособления к условиям среды. С таким же правом Л. Н. Гумилев говорит о значении биоэнергетических толчков и психофизиологических стимулов в проявлении эмоций и их влиянии на исторические судьбы этносов. Автор раскрывает материалистические основы подсознательной пассионарности, связанной с повышенным энергетическим зарядом, который бывает присущ не только отдельным выдающимся личностям („героям“), но и целым коллективам.

Такая пассионарность – далеко не всегда комплимент и отнюдь не позволяет признать пассионарные состояния этносов биологически „высшими“ – речь здесь идет совсем не о расизме. Л. Н. Гумилев пишет не только о творческих, но и хищнических аспектах этногенеза и этнических миграций. Ведь и деспотические, захватнические, разбойные и тому подобные отрицательные проявления пассионарности, наследуемые в стереотипе поведения и влияющие на судьбы этносов, – исторический факт.

Эмоции, по Л. Н. Гумилеву, не в меньшей мере, чем сознание, толкают людей на поступки, которые интегрируются в этногенные и ландшафтогенные процессы. Этносы в динамическом состоянии способны к сверхнапряжениям, а проявлением этих сверхнапряжений бывают то преобразования природы, то миграции (тоже с последующим преобразованием обживаемых мест), то повышенная интеллектуальная, военная, организационно-государственная, торговая и иные виды активной деятельности. Выходит, биологическое вторгается в социальное? Да, но не в порядке механического „перенесения законов“, а как одно из качественно особых слагаемых в социальных судьбах человечества. Энергетическая природа пассионарности преломляется через психические особенности людей, а они-то, в свою очередь, влияют (и не могут не повлиять) на общественные события.

Л. Н. Гумилев противопоставляет пассионариям две группы людей: одну – гармонически уравновешенных, другую – безынициативных, но подвижных „бродяг-солдат“, служащих, как правило, оружием в руках пассионариев. Речь идет вовсе не о коллизии „герой – толпа“. Случаи, когда пассионарий оказывается вождем или пророком, бывают редко (Мухаммед, Наполеон I, Александр Македонский, Аввакум, Ян Гус, Жанна д'Арк и т. п.), и во многом именно пассионарность помогает проявиться силе и авторитету выдающихся личностей. Но Л. Н. Гумилев справедливо показывает, что еще более важно учитывать пассионарность целых коллективов при вождях, подчас сравнительно уравновешенных, а то и попросту пассивных.

Пожалуй, было бы убедительнее, если бы Л. Н. Гумилев показал пассионарность не только как фон, содействующий этногенезу, но и как процесс, проявление которого само зависит от социально-исторического фона. Ведь проявить себя должным образом могли лишь те пассионарии, которые оказывались выразителями тенденций определенных общественных групп и правильно учитывали конкретные экономические, военные и иные возможности своего времени. Ганнон Карфагенянин, Колумб, конквистадоры, русские землепроходцы, Пржевальский, организаторы космических полетов – все они порождение своих эпох, своих социально-экономических условий, вне которых их природная пассионарность и одержимость выразилась бы в совсем иных формах.

Л. Н. Гумилев не преувеличивает роли среды в этногенезе, когда пишет: „Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет“. Добавлю, не только постоянно, но и повсеместно, а сама карта, приведенная в статье, показывает больше белых мест, нежели занятых контурами этногенеза.

Кстати, карта такого типа (см здесь, стр. 14.– М. 3.) малоубедительна: на ней нет фона, хотя бы штрихового или точечного, с показом двух-трех степеней контрастности ландшафта, благоприятствующих этногенезу (по Л. Н. Гумилеву, „одноландшафтные“ территории никогда не были местом возникновения этносов). Объективная карта ландшафтных контрастов показала бы, что Субарктика Евразии, по своей природе не менее разнообразная, чем североамериканская, почему-то оказалась для этногенеза непродуктивной. Не рождались, судя по карте Л. Н. Гумилева, этносы и у великих озер Африки, а ведь тут природа не менее разнообразна, нежели у великих озер Америки. А разве природа североамериканских Кордильер монотоннее, чем южноамериканских? Приводимые автором

критерии ландшафтного разнообразия выглядят субъективными и не всегда убеждают.

Спорным выглядит утверждение, что в Северной Америке „бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза“. Почему же лесостепь на стыке этих лесов и прерий оказалась бесплоднее евразийской лесостепи? Какого разнообразия не хватило Америке? На карте полуостровов Индостан – белое пятно, хотя влажнотропические леса соседствуют здесь с лесами муссонными сухотропическими и саваннами; обширны тут были и редколесья. Словом, разнообразие значительное, не беднее, чем в Восточной Европе. Да и так ли уж медленно формировались этносы на дравидийском юге Индостана – тамилы, телугу, малайяли!?

Л. Н. Гумилев различает внешние и внутриэтнические причины развития и гибели этносов, выделяет четыре фазы их бытия – становление, существование, упадок и реликтовое доживание. Но ведь фазы, продемонстрированные в статье на примерах этносов римлян, византийцев и тюрков, проявились при столь сильной роли социально-политических факторов (войны, религиозные конфликты, экономическая конкуренция) и при столь малой увязке с историей ландшафта, что утверждение о первостепенном этногенном значении природно-биологических факторов теряет убедительность: и здесь хотелось бы видеть более точный учет соотношения социальных и природных факторов.

Возможно ли, что в затухающих реликтовых этносах, как пишет автор, вообще прекращается „саморазвитие общественного бытия“? Выходит, тут перестают действовать общественные законы?

Трудно согласиться, что сглаживание этнических различий привело бы вначале к крайне небольшому числу этносов, а затем „вообще к исчезновению человечества, ибо последнее состоит из этносов, а они смертны“. Этот мрачный вывод постулируется без обоснований и не вытекает из предыдущего. Почему стирание этнической раздробленности, вместе, скажем, с уменьшением зависимости человека от различий среды, должно угрожать самому существованию человечества? Значит, спасение людей в этнической пестроте?

С развитием средств транспорта, с повышением подвижности населения, с возможной неоднократной сменой условий среды в течение жизни одного поколения, с полной возможностью, живя в Субарктике, питаться не только олениной, но и привозными ананасами – будут смягчаться и биоэкологические зависимости этносов, а человечество как таковое от этого не исчезнет. Сегодняшняя этносфера дифференцирована, мозаична, но почему не допустить, что в будущем, пусть далеко, она может стать монолитной и все же останется формой существования человечества, биоэкологически связанного с природой в целом? Этносы смертны, но этносфера может существовать и как единый этнос, и сроки ее гибели не обязательно связывать с утратой мозаичности» («Природа», 1971, № 2).

Насколько объективны указанные слова Я. Г. Машбица и К. В. Чистова, судить читателю. Вот что позже говорил по этому поводу сам Ю. К. Ефремов: «свою статью 1971 г. в журнале „Природа“ с активной поддержкой основных положений Гумилева я сопроводил рядом указаний на... небрежности, и он благодарил за эти замечания печатно. Однако возглавлявший противогумилевскую оппозицию в Академии наук этнограф Бромлей, перечисляя в своем капитальном труде об этносах пороки взглядов Льва Николаевича, не постеснялся привести и мои частные замечания, вырвав их из хвалебного текста и изобразив меня... „врагом Гумилева“. Хорошо, что Лев Николаевич отнесся к этому как к скверному анекдоту и своим противником меня не счел. Увы, позже этот же анекдот ухитрились повторить и два московских географа. Свои страницы для этого им, к сожалению, тогда предоставили наши „Известия ВГО“, хотя сами много лет были трибуной важнейших выступлений Л. Н. Гумилева. Поводом Я. Г. Машбица и К. В. Чистов избрали неразделяемое ими выступление в

защиту ученого, которое опубликовал в этом же журнале К. П. Иванов – ближайший ученик, помощник и продолжатель дела Льва Николаевича. Они тоже сослались на мои же замечания, когда-то выдернутые Бромлеем из статьи, пропагандирующей взгляды Гумилева, то есть расписались в том, что ее не читали, а меня опять изобразили его противником. Увы, и моего ответа им журнал не поместил – даже после того, как я огласил свой протест по этому поводу на ученом совете Географического общества 24 апреля 1990 г.» (Выступление на общем собрании Московского отделения Русского географического общества 16 ноября 1992 г // Известия Русского географического общества. 1994. № 1).

Л. Н. Гумилев

По поводу теории этногенеза

Впервые: *Известия ВГО*. 1987. Т. 119. Вып. 3.

*1. «...приписывают теории Гумилева-Бромлея ...» Для составителя сборника осталось непостижимым, для чего ЛН столь настойчиво пытался приписать своей теории соавторство Ю. В. Бромлея.

Л. Н. Гумилев

Биография научной теории, или Автонекролог

Впервые: *Знамя*. 1988. № 4.

*1. Составителю сборника осталось неясным, кем и когда теория этногенеза была «приписана академику Ю. В. Бромлею». Вот что писал сам ЮВ в своём ответе, опубликованном в том же журнале «Знамя» (№ 12 за 1988 г.) под названием «По поводу одного «автонекролога»:

«Недавно опубликованная в журнале „Знамя“ (№ 4, 1988 г.) статья Л. Н. Гумилева „Биография научной теории, или Автонекролог“ привлекает внимание необычностью взглядов автора. Прежде всего это относится к концепции пассионариев, играющих, по его мнению, особую роль в судьбах народов-этносов. Под пассионарностью при этом понимается генетически унаследованная или приобретенная в результате мутаций повышенная способность поглощать отдельными людьми больше энергии из окружающей среды. В отличие от них субпассионарии – лица, поглощающие „меньше энергии, чем это требуется для уравнивания потребностей инстинкта“ (с. 214). Казалось бы, автор „перебросил мост“ между социальными явлениями и природной средой. Однако вопрос не столь прост. Ведь совершенно очевидна неправомерность отождествлять поглощаемую людьми физическую энергию с их социальной активностью. Можно быть весьма сильным в физическом отношении человеком, но в то же время достаточно пассивным в социальном плане и наоборот. Впрочем, главное не в этом, а в том, что автор отнес к субпассионариям наряду с олигофренами вообще всех лиц пониженного социального статуса: неаполитанских лаццарони, бродяг, описываемых М. Горьким, подонков капиталистических городов и даже вымирающие племена Андаманских островов.

Если судьба олигофренов действительно во многом (хотя далеко не полностью) предопределена генетически, то вопрос о деклассированных элементах гораздо сложнее. Если исходить из того, что они результат генетически унаследованного свойства меньше поглощать энергию, то неизбежно окажется, будто их социальный статус предопределен от рождения. Между тем подобное «натуралистское» обоснование классового неравенства уже давно исчезло из арсенала даже самых рьяных зарубежных поборников этого неравенства.

Но особенно меня как этнографа встревожила трактовка судьбы так называемых

отсталых народов, отнесенных к числу субпассионариев, то есть тех, чей приниженный статус обусловлен якобы генетически. В результате вымирание андаманцев вольно или невольно оказалось предопределенным не социальными, а биологическими факторами. Между тем наша страна да и некоторые другие страны дали немало примеров того, как меняется судьба отсталых в прошлом народов именно в результате социальных преобразований. Не менее наглядно о несостоятельности развиваемой автором точки зрения свидетельствуют и хорошо известные этнографам случаи воспитания с раннего возраста в семьях европейцев детей, родители которых принадлежали к отсталым народам.

В свете всего сказанного становится достаточно очевидным, что идея высокого процента пассионариев у одних народов и низкого у других (так сказать ущербных) – это лишь слегка закамouflированная «учеными словами» давняя концепция «полноценных» и «неполноценных» народов или этносов, концепция, мягко говоря, далеко не самая гуманистическая.

В том же ряду стоит идея Л. Н. Гумилева, согласно которой при взаимодействии несхожих этносов возникают химерные суперэтносы. При этом заключение межэтнических браков (экзогамия) «оказывается реальным деструктивным фактором при контактах на суперэтническом уровне». Сущность этих на первый взгляд весьма нейтральных рассуждений Л. Н. Гумилева раскрыл популяризатор его идей Ю. М. Бородай, утверждавший, что в ряде случаев межэтническое смешение на уровне одной семьи может «какофонически» отразиться на детях, ассимилирующих «несовместимые поведенческие стереотипы». Впрочем, речь идет не о Ю. М. Бородае. Поэтому предоставим слово самому Л. Н. Гумилеву. А он между тем считает, что небрежение к познанию подобных вопросов «будь то в масштабах государства, родового союза или моногамной семьи, следует квалифицировать как легкомыслие, преступное по отношению к потомкам». Между тем истории хорошо известны отдельные случаи (и не только в сравнительно недавние времена, но и даже в наши дни) соответствующего этой установке «государственного подхода» к межэтническому смешению. Но почему-то такая практика вызывает отнюдь не самые положительные ассоциации.

Далеко не разделяя подобные построения, с удивлением узнал из статьи Л. Н. Гумилева, что теория этногенеза, которую он создавал, руководствуясь «натуралистскими принципами», приписывается мне (с. 202). Это удивление тем более велико, что у меня с ним диаметрально противоположные взгляды не только по отдельным вопросам, но и в понимании сути теории этногенеза (иначе говоря, теории этноса). Уже одно это исключает возможность и правомерность приписывания мне взглядов Л. Н. Гумилева по данному вопросу. Об этих расхождении наглядно свидетельствует давняя полемика между нами, начиная с дискуссии в 1970 г. в журнале «Природа».

Для Л. Н. Гумилева этнос – прежде всего не относится к категории социальных явлений. Правда, при этом само определение им сущности этноса не оставалось неизменным. Если первоначально такая сущность сводилась к биологической популяции, то позднее он отказался от данного тезиса, заявив, что «этнос – это элементарное понятие, несводимое ни к социальным, ни к биологическим категориям». Но поскольку такая «промежуточная» позиция неизбежно вызывает недоумение, он в конечном счете оказался вынужденным вернуться к представлению, согласно которому «этнос – это феномен биосферы» (с. 212). Впрочем, в такой трактовке этноса он не оригинален. Еще в 20-е годы ее развивал русский этнограф С. М. Широкогоров.

Автор же этих строк, как и подавляющее большинство отечественных и зарубежных специалистов, отнюдь не исключая взаимодействие этноса с природной средой, считает, что не биологические связи объединяют людей в подобные образования, а такие их свойства, как

общность языка, культуры, наличие общих черт психики, а также единое самосознание, включающее не только самоназвание, но и представление об общности исторических судеб. (Не случайно ныне все дискуссии по национальной, этнической проблематике концентрируются вокруг вопросов национального языка, культурных традиций и истории народов, а не относительно биологических особенностей того или иного этноса).

В рассматриваемой связи особое внимание привлекает утверждение Л. Н. Гумилева, что все попытки истолковать феномен этноса «через социальные законы развития общества приводят к абсурду» (с. 212). В качестве единственного доказательства этого тезиса он ссылается на то, что «национально-освободительные движения несопоставимы однозначно с социальными конфликтами в рамках какой-либо страны». Этот пассаж представляется автору наглядным и бесспорным. Однако достаточно тривиально, что в действительности национально-освободительные движения обусловлены не биологическими, а в конечном счете социальными факторами, и в первую очередь социально-классовыми интересами определенных общественных групп колониальных и зависимых народов-этносов.

Вообще гиперболизация в этносах биологического начала за счет социального не столь безобидна, как это может показаться на первый взгляд (особенно в современных условиях, когда важнейшее значение приобретает задача взвешенного подхода и осмотрительности во всем, что затрагивает национальные чувства). В самом деле, представление об этносе-народе прежде всего как о биологической единице неизбежно выдвигает на передний план межэтнических, межнациональных отношений биологический фактор. И, стало быть, оказывается по меньшей мере малоэффективным всякое социокультурное воздействие на них, в том числе удовлетворение специфических бытовых и языковых потребностей национальных групп. А как быть с усилиями ученых, политиков, общественности во всем мире в их стремлении найти пути взаимопонимания между народами, преодолеть конфликты и вражду, если взаимоотношения народов предопределяются в первую очередь их биологической природой, а она, как известно, трудно поддается подобного рода воздействиям? По словам самого Л. Н. Гумилева, «изменение законов Природы вне людских возможностей» (с. 215).

Но не все благополучно в статье и с точки зрения научной этики. Обвиняя меня по сути дела в цитировании его положений «без отсылочных сносок» (с. 202) и апеллируя в этой связи к статье своего ученика К. П. Иванова, Л. Н. Гумилев «забыл» упомянуть об одном факте, имеющем в данном отношении принципиальное значение. А именно то, что такого рода утверждения были специально рассмотрены и опровергнуты в другой опубликованной в том же журнале статье Я. Г. Машибица и К. В. Чистова. В ней, в частности, подчеркивалось, что некоторое чисто внешнее (главным образом терминологическое) совпадение в работах двух авторов «объясняется тем, что оба они пишут об одном и том же явлении», причем о тех его свойствах и признаках, которые задолго до них отмечались другими учеными. Наглядный пример – употребление ими введенного в научный обиход еще в первой половине XIX в. слова «этнос», а также производных от него терминов.

Есть также отдельные совпадения, обусловленные тем, что речь идет о явлениях достаточно очевидных для специалистов. В этой связи хотелось бы, в частности, поддержать тезис Л. Н. Гумилева о том, что историческому прошлому человечества неизвестны вечные народы. (Иное дело вопрос о сроках их существования.)

Не могу не заметить также, что в статье, хотя и названной некролог, но с приставкой «авто» явным диссонансом звучат такие даваемые автором самому себе характеристики, как ему «посчастливилось добраться до третьей степени совершенства» (с. 202), к автору пришло «открытие» (с. 213, 216), автор решил «алгебраически трудные задачи» (с. 215) и т. п.

В заключение остается выразить сожаление, что читатели столь солидного издания на

время оказались введенными в заблуждение ».

*2. «На что это явление похоже? На движение шарика, который, получив внезапный толчок, катится, сначала набирая скорость, а потом теряя ее от сопротивления среды » – см. заключительную статью, стр. 636.

Л. Н. Гумилев

Письмо в редакцию «Вопросов философии»

Впервые: *Вопросы философии*. 1989. № 5.

*1. Речь идет о докладе Ю. В. Бромлея «Человек в этнической (национальной) системе», в котором, среди прочего, говорилось:

«Существенные недостатки накопились и в нашем исследовательском инструментарии – понятийном аппарате, на который наложила свой отпечаток и общая мажорная направленность подхода к национальной проблематике. Следует иметь в виду и многозначность самого исходного термина „национальный“, который, помимо этнического, имеет и этатическое значение (например, „национальный доход“). В этой связи все чаще признается эвристичным рассматривать „этническое“ в качестве родового понятия по отношению к „национальному“. Иначе говоря, „национальные общности“ выступают одной из разновидностей этнических образований (племен, народностей, этнических групп и т. п.). Такая понятийно-терминологическая исходная позиция в интересующем нас случае весьма существенна, ибо рассмотрение человека сквозь этническую призму открывает возможность более широкого подхода к одному из специфических аспектов этого феномена, нередко выпадающего из поля зрения исследователей человеческого фактора .

Под этническими системами или этническими общностями (этносомами) в узком значении этих терминов в настоящее время в нашей отечественной науке обычно принято понимать исторически сложившиеся совокупности людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (этнонимом), отличая себя от других подобных общностей. При этом человека как носителя этнических свойств предложено именовать этнофором.

Впрочем, существует мнение, что этносы – биологические популяции (Сноска: См: Гумилев Л. Н. „О термине «этнос»“. В кн.: „Доклады отделений и комиссий; Географического общества СССР“, вып. 7. Л., 1967, с. 14–15.) . Однако, как показывает специальный анализ этносовнародов, вопрос о соотношении их с популяциями гораздо сложнее.

Дело в том, что этносы, как правило, эндогамны, поскольку в них преобладает заключение моноэтнических браков. И это относится как к первобытным этносам-племенам, так и к современным этническим общностям-нациям, национальностям. В частности, в нашей стране этнически (национально) смешанные браки составляют не более 15 % всех браков, а стало быть, 85 % браков – эндогамны. В качестве факторов, образующих границы эндогамии, выступают не столько природные, сколько общественные явления (язык, религия, обычаи, стереотипы поведения, этническое самосознание и т. п.). Обусловленная ими замкнутость круга брачных связей является своеобразным „стабилизатором“ этноса, поскольку обеспечивает ему сохранение семей однородного этнического состава.

Но есть и другое важное последствие эндогамии для этноса. Как и брак, эндогамия не только социальное, но и биологическое явление. И в силу этого она выступает в качестве своеобразного генетического барьера этноса. В свою очередь, это обуславливает наличие у каждого этноса сопряженной с ним популяции людей. Иначе говоря, такая популяция представляет явление, производное от тех факторов, которые образуют эндогамию этноса, а это в основном социальные факторы. Таким образом, не популяция – основа этноса, а

социальные факторы, образующие этнос, ведут к появлению сопряженной с ним популяции. Следовательно, перед нами картина, прямо противоположная той, которой придерживаются сторонники представления, что первооснову этноса составляет популяция.

Принципиальное отличие этноса от сопряженной с ним популяции особенно наглядно проявляется в модусах их воспроизводства. В популяции оно осуществляется путем передачи генетической информации по наследству от поколения к поколению через ДНК половых клеток. Механизм же воспроизводства этноса основан на коммуникативных „внебиологических“ связях.

Именно поэтому человек, родившийся в семье, принадлежащей одному этносу, но прошедший социализацию в другом, будет обладать этническими свойствами, характерными для этого последнего этноса. Особенно яркой иллюстрацией этого тезиса могут служить отдельные случаи воспитания с раннего возраста в семьях европейцев детей, родители которых принадлежали к отсталым народам. Один из таких случаев связи с проживающим в Южной Америке крайне отсталым индейским племенем гуайналов. Однажды во время бегства этого племени от „чужаков“ европейцев ими была забыта двухлетняя девочка. Ее удочерил французский этнограф. А через четверть века она стала довольно известным этнографом, блестяще владеющим несколькими европейскими языками.

К сожалению, кардинальное отличие способа наследования людьми этнических свойств от биологических далеко не всегда учитывается на практике определения этнической (национальной) принадлежности людей. Недостаточно принимается во внимание и вариативность проявления этнических свойств у различных представителей одного этноса, да и вообще существование „переходных“ („маргинальных“) в этническом отношении личностей, обладающих одновременно свойствами, присущими нескольким этносам. Все это, в частности, надо иметь в виду при определении национальности молодых людей, выросших в национально смешанных семьях. Согласно существующей у нас практике она определяется в зависимости от национальности их родителей. Между тем, например, в национально-смешанных семьях, живущих за пределами основного расселения обеих соответствующих национальных общностей (например, в эстонско-татарской семье, проживающей в Москве), представители старшего поколения нередко пользуются исключительно языком межнационального общения (преимущественно русским). Поэтому подростки в таких семьях усваивают национальные черты не столько своих родителей, сколько третьего (в данном случае – русского) этноса. И, следовательно, определение в этих случаях национальной принадлежности на основе национальности одного из родителей означает не что иное, как придание решающего значения биологическому фактору.

Кстати сказать, с биологическим подходом к проблеме национально смешанных семей так или иначе связан появившийся несколько лет назад в нашей научной литературе тезис, согласно которому в результате таких браков возникают некие химеры (Сноска: См.: Кедров Б. М., Григулевич И. Р., Крывелев И. А. По поводу статьи Ю. М. Бородая „Этнические контакты и окружающая среда“, – „Природа“ 1982, № 3,

с. 88–91.). К сожалению, в последнее время подчас предпринимаются попытки в прямой или косвенной форме вновь реабилитировать этот чудовищный тезис. Более того, в научный обиход все настойчивее вводится „энергетическая“ концепция неравенства народов – наличия у одних из них высокого, а у других – низкого процента пассионариев, то есть лиц с повышенной способностью абсорбировать энергию из природной среды (Сноска: См.: Гумилев Л. Н. Биография научной теории, или автонекролог. – „Знамя“, 1988, № 4, с. 213–215.). Но все это отнюдь не значит, что вообще следует сбросить со счетов вопрос о сопряженности этноса и соответствующей популяции. Как уже говорилось, такая

сопряженность – реальность. Ведь, хотя сущность человека – „совокупность всех общественных отношений“, однако не приходится забывать, что он живое существо, представляющее собой единство биологического и социального. Этнические аспекты этой проблемы на уровне человека – этнофора (особенно в аспекте „популяция – этнофор“) обычно остаются вне поля зрения исследователей. Впрочем, даже такая, несомненно, более простая проблема, как этнос и его природная среда, то есть этно-экологическая система (этногеоценоз), по существу, начала разрабатываться лишь сравнительно недавно. Что же касается проблемы взаимодействия популяции и этнической общности, то на неразработанности той части проблемы, которая касается воздействия биологического на социальное, видимо, сказались опасения оказаться в объятиях расизма или, в лучшем случае, быть обвиненным в биологизаторстве. Но главное, несомненно, в сложности этой проблемы, обусловленной в значительной мере тем, что воздействие сопряженной с этносом популяции на его черты (в силу включенности биологического в социальное) всегда или, по крайней мере, почти всегда опосредовано социокультурными факторами» («Вопросы философии», № 7, 1988).

*2. «Но Ю. В. Бромлей считает, что этнос – „совокупность людей“ с общими чертами: психикой, культурой, общим языком и самоназванием, т. е. одинаковых » и т. д. – В указанном месте Ю. В. Бромлей писал, что «Под этническими системами или этническими общностями (этносомами) в узком значении этих терминов в настоящее время в нашей отечественной науке обычно принято понимать исторически сложившиеся совокупности людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (этнонимом), отличая себя от других подобных общностей ». Помнению составителя сборника, это не подразумевает «одинаковости ».

*3. «Еще более изумляет отрицание Ю. В. Бромлеем закона сохранения энергии ...» Вряд ли Ю. В. Бромлей, к слову сказать, закончивший два курса физфака МГУ, отрицал какие-либо законы физики, просто он не применял их к этнологии. А вот ЛН их применял, причём вопиюще некорректно (см. заключительную статью, стр. 636).

*4. «В-третьих, этнические химеры часто бывают спасительными для многих людей » По мнению составителя сборника, единственный случай, когда ЛН писал об этнических химерах столь мягко.

*5. «Только популяционный уровень находится в компетенции этнографии » См. заключительную статью, стр. 622.

*6. «Хуже другое – применение термина „отсталый“ » По мнению составителя сборника, Ю. В. Бромлей имел в виду отсталость только в плане приобщённости к научно-техническому прогрессу, и ни в чём другом.

Л. Н. Гумилев

Меня называют евразийцем

Впервые опубликовано: *Наши современники*. 1991. № 1. С. 62–70.

*1. См. следующую статью А. Г. Кузьмина (стр. 429–430), Последнее интервью Л. Н. Гумилева (стр. 438), а также комментарии к нему.

А. Г. Кузьмин

Прореллер пассионарности, или Теория приватизации истории

Впервые: *Молодая гвардия*. 1991. № 9.

*1. См. здесь, стр. 398, а также «Последнее интервью» Л. Н. Гумилева и комментарии к

нему.

Л. Н. Гумилев

Последнее интервью

Опубликовано в ежемесячном дайджесте социального соразымышления: *Социум* . 1992. № 5 – под названием «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава».

*1. Имеется в виду приведённая выше статья А. Г. Кузьмина «Прореллер пассионарности, или теория приватизации истории».

*2. «...при Кондурче, впадающей в Волгу, а не в Каму (как пишет А. Кузьмин) » Как может заметить читатель, А. Г. Кузьмин Кондурчу вовсе не упоминал. Впадает же она, строго говоря, в один из левых притоков Волги, который называется Сок.

*3. В этом А. Г. Кузьмин, действительно, ошибся. Однако и к битве при Кондурче 1391 года Василий Дмитриевич был уже женат на Софье Витовтовне, в этом А. Г. Кузьмин был прав (см здесь, стр. 430), ошибся Л. Н. Гумилев (см. здесь, стр. 398).

И. М. Дьяконов

Огненный дьявол

Данная статья была опубликована в журнале: *Нева* . 1992. № 4–в рубрике «Этика этногенетики» вместе с письмом некоего читателя Тюрина и статьёй Л. С. Клейна «Горькие мысли привередливого рецензента“ об учении Л. Н. Гумилева».

*1. «*Но Каббала исчезла тысячу лет назад, не оставив заметного следа* ». Каббала существует и развивается поныне. Что имел в виду автор статьи, составителю сборника осталось неясным.

*2. «*Походы викингов в Средиземное море тоже хорошо изучены и никаких еврейских скупщиков на их пути там не встречалось* ». См. заключительную статью, стр. 629.

*3. «...*хазары были не иудеи, скорее караимы* ». Караимы – тоже иудеи, только не признающие Талмуд.

*4. «*Таты – потомки военных поселенцев, посаженных Персией в V в. нашей эры охранять Дербентский проход, отделявший Персидское царство Сасанидов от царства Хазар* ». Имеются в виду горские евреи. Татами они себя называли только в Советское время, хотя они и говорят на татском языке, являющимся диалектом фарси. Указанная причина появления их появления на Кавказе – лишь одна из версий, и составитель сборника не уверен, что её можно считать установленным историческим фактом.

В. А. Мичурин

Возрождение Ирана в свете теории этногенеза

Впервые: *Наши Современники*. 1992. № 8.

А. Л. Янов

Учение Льва Гумилева

Впервые: *Свободная мысль*. 1992. № 11. Позже была включена автором в книгу «Веймарская Россия» в качестве одной из глав.

Публикуется в сокращении по согласованию с автором.

*1. «*Более того, у нас нет ни малейших оснований сомневаться, что свою грандиозную гипотезу, претендующую на окончательное объяснение истории человечества, он искренне полагал марксистской* ». По мнению составителя сборника, напротив, есть все основания в

этом сомневаться: с конца 1980-х гг., когда отпала необходимость ссылаться на «классиков марксизма-ленинизма», Л. Н. Гумилев сразу же перестал на них ссылаться.

*2. По мнению составителя сборника, события последних двух десятилетий в России свидетельствуют как раз о вырождении западной идеи.

*3. «...„*пассионарность*“ так широко распространяется посредством „мутаций“ ...» Точнее, пассионарность, согласно Л. Н. Гумилеву, *появляется* в популяциях посредством мутаций, а *распространяется* она посредством половых контактов.

*4. «*Проделаем маленький, если угодно лабораторный, эксперимент...*» См. заключительную статью.

*5. «*По какой, собственно, причине прекратила она вдруг свою „пассионарную“ деятельность сразу после того, как извержение ее чудесным образом подарило „второе рождение“ славянской Руси?*» – Никто не утверждает, что после XIII в. пассионарных толчков не было (см., например, статью В. А. Мичурина «Возрождение Ирана в свете теории этногенеза»). Проблема лишь в том, что факт пассионарного толчка фиксируется с большей определённой, когда порождённые им этногенезы проходят весь цикл или, по крайней мере, большую его часть.

А. Г. Кузьмин

Хазарские страдания

Впервые: *Молодая гвардия*. № 5–6. 1993 в рубрике «Лжепатриоты топчут историческую Русь».

*1. «*Салтово-Маяцкая культура*». Археологическая культура VII–IX вв., открытая в Подонье и Приазовье. Названа по селу Верхнее Салтово Харьковской области и Маяцкому городищу у впадения реки Тихой Сосны в Дон (ныне – Воронежская область).

*2. «...*зачем было Гумилеву от юдофильства повернуть к юдофобии?*» Что автор статьи подразумевал под «юдофильством» Л. Н. Гумилева, составителю сборника осталось неясным.

*3. «...*А. Ахматова (урожденная Аренс)*...» На самом деле настоящая фамилия Анны Ахматовой – Горенко. Анна Аренс была первой женой её последнего мужа, Н. Н. Пунина.

*4. *Дело Платонова*. Речь идёт о деле 1929–1931 гг. в отношении историка Сергея Фёдоровича Платонова (1860–1933) и ряда других видных учёных по обвинению сначала в сокрытии от Советской власти архивных документов, а затем и в контрреволюционном заговоре.

*5. *Фибулы*. Металлические застёжки для одежды, одновременно служившие украшениями. Были распространены с бронзового века до раннего средневековья.

*6. *Книга А. Кестлера*. «Тринадцатое колено».

Я. С. Лурье

Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева

Впервые: *Звезда*. 1994 № 10.

М. М. Зильберт

Феномен ашкеназских евреев

Публикуется без вступления, заключения и приложений. Полная версия была опубликована: СПб.: Омега, 2000 г.

И. Н. Данилевский

Читая Л. Н. Гумилева

Опубликовано: *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001.

*1. Утверждение о побратимстве Александра Невского с Сартаком присутствует в книге А. Гордеева «История казачества», впервые опубликованной в конце 1920-х годов во Франции: «Сартак милостиво принял Александра, побратался с ним и приказал войскам оставить пределы русских земель» (М.: Вече, 2006. С. 31). Ссылки в указанной книге отсутствуют. Позже данное утверждение появилось в романе А. Югова «Ратоборцы».

В. А. Мичурин

Грозит ли нам новое Великое переселение народов?

(Пассионарный толчок XVIII в. н. э. и его последствия)

Опубликовано: *Учение Л. Н. Гумилева и современность.* Материалы Международной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. Т. I. СПб., 2002.

Д. М. Балашов

Слово об учителе

Впервые: *Лев Гумилев: Судьба и идеи.* М., Айрис-Пресс, 2003.

Л. Н. Гумилев

Справка. Механизм зажима публикаций Л. Н. Гумилева, доктора исторических наук с 1961 г., за период с 1975 по 1985 г.

Публикуется по: *Вспоминая Л. Н. Гумилева: Воспоминания. Публикации. Исследования.* СПб.: Росток, 2003.

Л. Н. Гумилев

«Публикации моих работ блокируются» (Кто и почему отвергал Л. Н. Гумилева)

Впервые: *Источник*. 1995. № 5. Рубрика: Подоплека событий. Версии. Почта Кремля.

Об авторах

Артамонов Михаил Илларионович (1898–1972) – выдающийся археолог и историк, основатель советской школы хазароведения, автор десятков статей и монографий, руководитель более 30 археологических экспедиций... С 1935 г. – профессор. В 1941 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Скифы. Очерки по истории Северного Причерноморья». В 1937 г. возглавил сектор дофеодальной Европы в Институте истории материальной культуры при АН СССР. С 1939 г. – директор института. Основал серию сборников «Краткие сообщения ИИМК» и «Материалы и исследования по археологии СССР», редактировал журнал «Советская археология». С февраля 1949 г. заведовал кафедрой археологии ЛГУ. С января по май 1950 г. исполнял обязанности ректора ЛГУ. В 1949–1951 гг. возглавлял Волго-Донскую экспедицию, обследовавшую район, которому предстояло уйти на дно Цимлянского водохранилища. В 1951–1964 гг. – директор Эрмитажа. Создал первый в мире системный обзор истории Хазарского каганата – «История хазар» (издан в 1962 г.). Также в сферу его научных интересов входили скифология и славяно-русские древности. Славянской проблематике была посвящена его предсмертная статья «Первые страницы русской истории в археологическом освещении», опубликованная только в 1990 г.

Балашов Дмитрий Михайлович (1927–2000) – русский писатель. Принимал участие в

фольклорных экспедициях по русскому северу. Свое первое литературное произведение – «Господин Великий Новгород» – создал в 1966 г. (журнал «Молодая гвардия»); в 1968 г. оно вышло отдельной книгой. Второй роман – «Марфа-посадница» (1972). Основной труд – цикл «Государи московские», в который входят романы «Младший сын», «Великий стол», «Бремя власти», «Симеон Гордый», «Ветер времени», «Отречение», «Святая Русь», «Воля и власть», «Юрий» (незаконченный). Лауреат премий: Литературной им. Льва Толстого (за цикл «Государи московские», 1996), Большой литературной (1997), Международной им. Кирилла и Мефодия (1997) и других.

Данилевский Игорь Николаевич (род. 1953) – российский историк, специалист по Древней Руси до конца XVI в. Доктор исторических наук, профессор РГГУ, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (2001–2010), ныне – главный научный сотрудник ИВИ РАН, заведующий кафедрой истории идей и методологии исторической науки факультета истории Высшей школы экономики. Основные публикации:

Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций М., 1998; 2-е изд. М., 2001;

Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): Курс лекций. М., 2001;

Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004;

Ледовое побоище: смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5;

Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М., 2005.

Дьяконов Игорь Михайлович (1915–1999) – выдающийся востоковед. После 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную земельным отношениям в Ассирии, и издал свою первую книгу «Развитие земельных отношений в Ассирии» (Ленинград, 1949). Впоследствии работал в Эрмитаже, в Институте истории, а с 1956 г. и до конца своих дней – в Институте востоковедения Академии Наук. Докторскую диссертацию защитил в 1960 г. Был одновременно историком (многочисленные труды по социально-экономической, политической и культурной истории, проблемам этногенеза и т. п.) и филологом (издания текстов, литературные переводы с древневосточных и новых языков, исследование языков). Состоял в Британской Академии, Американской Академии искусств и наук, был почетным доктором гуманитарных наук Чикагского университета. Важной областью его интересов были история и языки иранских народов. Занимался дешифровкой парфянских документов. Издал капитальную монографию «История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э.» (1956). Книга в 1966 г. была переиздана в Иране на персидском языке. Кроме того издал ряд статей, посвященных проблемам иранистики. Свою библиотеку завещал Группе древневосточной филологии Петербургского филиала Института востоковедения; она стала мемориальной библиотекой его имени.

Иванов Константин Павлович (1953–1992) – ученик Л. Н. Гумилева. Окончил физико-математическую школу и химический факультет ЛГУ. Нач. лаб. НИИ географии ЛГУ. Совместно с Л. Н. Гумилевым вел курс народоведения, возглавлял экспедиционную работу по изучению малочисленных народов Севера и пограничных с Прибалтикой областей. Возглавлял православную общину ЛГУ. В декабре 1992 г. убит неизвестным преступником.

Кузнецов Бронислав Иванович (1931–1985) – филолог, специалист по Тибету. В

1950 г., окончил отделение китайской филологии восточного факультета ЛГУ. В середине 1950-х гг., когда на восточном факультете возобновилось преподавание тибетского языка, преступает к его изучению. Вскоре сам начинает преподавать тибетский язык на восточном факультете, где и возглавлял до конца жизни единственное в стране отделение тибетской филологии. В 1961 г. вышла его монография «Тибетская летопись „Светлое зеркало царских родословных“», по которой он в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию и которую положил в основу своей книги, опубликованной на английском языке в Лейдене. Его научные публикации посвящены проблемам тибетской филологии, истории буддизма, источниковедению, этнографии и истории Тибета. Одним из первых Б. И. Кузнецов начал разрабатывать вопросы происхождения и истории религии древних тибетцев – бон. Исследовал связи Тибета и древнего Ирана, чему посвятил ряд статей, а также труды «Древний Иран и Тибет» и «Тибетцы о древнем Иране».

Кузьмин Аполлон Григорьевич (1928–2004) – историк и публицист. Окончил исторический факультет Рязанского педагогического института. По окончании аспирантуры на кафедре источниковедения МГУ в 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию. Затем работал в Институте истории АН СССР в группе по изданию Полного собрания русских летописей, позднее – заместителем главного редактора журнала «Вопросы истории». В эти же годы преподавал в МГУ на кафедре истории СССР эпохи феодализма. В 1971 г. защитил докторскую диссертацию «Начальные этапы русского летописания». С конца семидесятых годов и до самой кончины преподавал в Московском педагогическом государственном университете, где был профессором кафедры истории России. Его статьи публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия» и других.

Лурье Яков Соломонович (1921–1996) – российский историк и литературовед, доктор филологических наук. Область научных интересов: русское летописание, публицистика, история сюжетного повествования в древнерусской литературе. Основные произведения: «Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в.» (1960), в 1962 г. – докторская диссертация, «Повесть о Дракуле» (1964), «Истоки русской беллетристики» (1970 г.), «Общерусские летописи 14–15 вв.» (1977), «Русские современники Возрождения. Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын» (1988); «Две истории Руси XV века» (1994) и др. Им подготовлен в соавторстве также ряд изданий в серии «Литературные памятники». Участвовал в подготовке изд. Радзивилловской и Новгородской Карамзинской летописей (ПСРЛ. Л., 1989. Т.; СПб., 2002. Т.).

Машбиц Яков Григорьевич (1928–1997) – доктор географических наук, профессор. Член-корреспондент Российской академии образования с 1995 г. Специалист по страноведению и экономической географии, автор ряда книг и учебников.

Мичурин Владимир Аскольдович (1965–2006) – ученик Л. Н. Гумилева, выпускник географического факультета ЛГУ (специальность – экономическая география), аспирант Института Озероведения РАН. Осуществил составление и общую редакцию книги «Черная легенда» (с предисловием Ермолаева В. Ю.), изданной изд. «Прогресс» в 1994 г. В 1999 г. опубликовал несколько статей по актуальным проблемам воссоздания Российской государственности в журнале «Новая Россия». Преподавал в СПбГУ – читал курс народоведения на факультете экономической географии. Являлся действительным членом Русского Географического общества. В 1998 г. В. А. Мичурин окончил Северо-Западную

Академию Государственной службы. Защитил диплом по теме «Некоторые закономерности поведения человека в коллективе в свете теории этногенеза Л. Н. Гумилева».

Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – советский и российский историк, археолог, культуролог. Доктор исторических наук, профессор МГУ с 1943 г., академик АН СССР (РАН) с 1959 г., лауреат Государственных (1949, 1952) и Ленинской (1976) премий, Герой Социалистического Труда (1978). Директор Института археологии АН СССР (РАН) (1956–1988), почетный директор (1988–2001). Основные труды посвящены археологии, истории и культуре славян и Киевской Руси. Автор вузовских учебников по истории Древней Руси. Главные работы: «Язычество древних славян» (1981), «Язычество Древней Руси» (1987).

Чивилихин Владимир Алексеевич (1928–1984), – русский писатель и общественный деятель. В 1954 г. с отличием окончил факультет журналистики МГУ. Десять лет работал в газете «Комсомольская правда». Признание В. Чивилихину принесли повести о молодых современниках, осваивающих Сибирь – «Серебряные рельсы», «Про Клаву Иванову», «Елки-моталки», «Над уровнем моря» и др. В 1966 г. за повести был отмечен премией Ленинского комсомола. В 1977 г. В. Чивилихин становится лауреатом Государственной премии РСФСР им. М. Горького за книгу очерков о взаимоотношениях человека и природы «По городам и весям». Главная книга писателя – исторический роман-эссе «Память», удостоенный в 1982 г. Государственной премии СССР.

Чистов Кирилл Васильевич (1919–2007) – фольклорист, доктор исторических наук с 1967 г. С 1961 по 1990 г. руководил Отделом восточно-славянской этнографии Института этнографии АН СССР. В 1980–1991 годах – главный редактором журнала «Советская этнография». С 1981 г. – член-корреспондент Академии наук СССР (с 1991 г. – Российской академии наук). В 1970–1990 гг. К. В. Чистов избран почетным членом польского, венгерского, австрийского и двух финских научных обществ. С 1974 по 1986 г. был вице-президентом Международного общества исследователей повествовательного фольклора. В 1999 г. избран действительным членом Академии гуманитарных наук. Автор книг: «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX веков» (1967), «Народные традиции и фольклор» (1986), «Ирина Андреевна Федосова» (1988), «Русская народная утопия» (2003), а также многочисленных работ по истории и теории фольклора, этнографии русского Севера. К 2004 г. вышли в свет около 570 его публикаций, в том числе 17 книг. Под редакцией К. В. Чистова было издано несколько десятков книг, в том числе фундаментальные публикации в сериях «Народы мира», «Очерки общей этнографии», «Страны и народы», «Русский Север», «Этнография славян» и др., изданы труды классиков русской этнографии.

Янов Александр Львович (р. 1930) – историк, публицист. Окончил исторический факультет МГУ (1953). В 1974 г. был лишен советского гражданства и выслан из СССР. Преподавал историю и политические науки в Калифорнийском (Berkeley) и Мичиганском (ANN Arbor) университетах. Последняя должность Профессор истории и политических наук в Нью-Йоркском университете (CUNY). Д-р исторических наук. Опубликовал 22 книги, переведенные на многие языки. По русски главные из них: «Русская идея и 2000 год» (1988), «После Ельцина: Веймарская Россия» (1995), «Тень Грозного царя» (1997), «Россия против России» (1999), «Патриотизм и национализм в России» (2002), «Россия и Европа. 1462–1921», трилогия (2007–2010).